ЗАКОН и ВЛАСТЬ

№5
2026

Учредитель: **ООО «Русайнс»**

Свидетельство о регистрации СМИ
ПИ № ФС 77-67801 выдано 28.11.2016
ISSN **2587-831X**
Подписной индекс Роспечати **65001**

Адрес редакции:
117218, Москва, ул. Кедрова, д. 14, корп. 2
E-mail: zakon.i.vlast@mail.ru
Сайт: http://zakonivlast.ru/

Журнал входит в ***Перечень ВАК*** *ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени кандидата и доктора наук*

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Авдийский Владимир Иванович, д-р юрид. наук, проф., декан факультета анализа рисков и экономической безопасности им. проф. В.К. Сенчагова, Финансовый университет при Правительстве РФ

Баранов Николай Алексеевич, д-р полит. наук, проф., проф. кафедры международных отношений, Северо-западный институт управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Буренко Владимир Иванович, д-р полит. наук, проф., проф. кафедры философии, культурологии и политологии, Московский гуманитарный университет

Гончаров Петр Константинович, д-р социол. наук, проф., Юридический институт, Российский университет транспорта (МИИТ)

Гущин Василий Васильевич, д-р юрид. наук, проф., профессор кафедры гражданского и предпринимательского права, Всероссийский государственный университет юстиции

Конышев Валерий Николаевич, д-р полит. наук, проф., кафедра теории и истории международных отношений, Санкт-Петербургский государственный университет

Корконосенко Сергей Григорьевич, д-р полит. наук, проф., завкафедрой теории журналистики и массовых коммуникаций, Санкт-Петербургский государственный университет

Косаренко Николай Николаевич, к.ю.н., доцент, доцент кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин РЭУ им. Г.В. Плеханова

Косов Геннадий Владимирович, д-р полит. наук, проф., завкафедрой «Международные отношения и зарубежное регионоведение», Севастопольский государственный университет

Кошкин Андрей Петрович, д-р полит. наук, проф., завкафедрой политологии и социологии, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова

Нурышев Геннадий Николаевич, д-р полит. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный экономический университет

Малько Александр Васильевич, д-р юрид. наук, проф., Поволжский институт (филиал), Всероссийский государственный университет юстиции

Мартынов Борис Федорович, д-р полит. наук, кафедра международных отношений и внешней политики России, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД РФ

Нисневич Юлий Анатольевич, д-р полит. наук, проф., Департамент политической науки факультета социальных наук, Национальный исследовательский университет "Высшая школа экономики"

Орлов Владислав Николаевич, д-р юрид. наук, доц., проф. кафедры организации исполнения наказаний, Санкт-Петербургский университет ФСИН России

Павликов Сергей Герасимович, д-р юрид. наук, проф. Департамента правового регулирования экономической деятельности, Финансовый университет при Правительстве РФ

Шагиева Розалина Васильевна, д-р юрид. наук, проф., Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Сардарян Генри Тигранович, д-р полит. наук, декан факультета управления и политики, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД РФ

Скитович Виктор Викторович, д-р юрид. наук, проф., проф. кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин, ФГБОУ ВО «Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова»

Смоленский Михаил Борисович, д-р социол. наук, канд. юрид. наук, проф., заведующий кафедрой теории государства и права, Ростовский государственный университет путей сообщения

Чаннов Сергей Евгеньевич, д-р юрид. наук, проф., заведующий кафедрой информационного права и цифровых технологий, Саратовская государственная юридическая академия

Главный редактор:
Авдийский Владимир Иванович, д-р юрид. наук, проф., научный руководитель Департамента экономической безопасности и управления рисками, Финансовый университет при Правительстве РФ

Отпечатано в типографии
ООО «Русайнс», 117218, Москва, ул. Кедрова, д. 14, корп. 2
Подписано в печать: 30.05.2026 *Цена свободная* *Тираж* 300 экз. Формат: А4

Все материалы, публикуемые в журнале, подлежат внутреннему и внешнему рецензированию

Содержание

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ, ПРОЦЕССЫ И ТЕХНОЛОГИИ

Современные стратегии политических манипуляций в интернет-пространстве: от фейков до дипфейков. Зайцев В.Ю. 6

Критика теории картельных партий и её значение для анализа современных партийных систем. Никитин Ф.Д. 10

Рекомендательные технологии как социотехнический инструмент персонализации информационных потоков и деструктивно-манипулятивного воздействия: вызовы правовому обеспечению информационной безопасности. Никишин В.Д. 14

Коммуникация в GR: синергия традиционных форм и лоббистских методов в деятельности корпоративных субъектов. Панчукова Т.А., Иванников Н.С., Шальнова С.А. 20

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА И ИДЕОЛОГИИ

Институт молодежного парламентаризма в XXI веке. Москалев Е.П. 24

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ, ГЛОБАЛЬНОГО И РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Гибридные политические движения и негосударственные акторы в современной политической науке: теоретико-методологический анализ на примере «Хезболлы». Яндиева Д,Ж. 30

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ИСТОРИИ

Проблемы дефиниции понятия легитимности государственной власти. Андреев П.В. 36

Проблемы реализации полномочий органов местного самоуправления и пути их решения. Гаджидадаева М.С.. 40

К вопросу о принципах взаимодействия органов государственной власти и местного самоуправления в процессе формирования муниципальных властных структур. Гаджидадаева М.С. 43

Нелегальная миграция в России: пробелы в миграционной политике и механизмы противодействия. Данилов В.Л., Горбунова К.А. 47

Кибератаки на установки, содержащие опасные силы: телеологическое основание применимости режима статьи 56 дополнительного протокола i. Климов Я.И. 51

Правовая природа квот на выбросы парниковых газов в российском законодательстве. Ларин Д.А. 56

Цифровой профиль иностранного гражданина как правовая категория: к вопросу о законодательном закреплении. Маранди Д.В. 60

Проблемы оценки эффективности деятельности органов местного самоуправления в единой системе публичной власти. Маховых Р.Р. 65

Специфика публично-правового исследования в сфере демографической политики: предмет, метод и разграничение с подходами смежных наук. Смоляров А.С. 68

ПРОБЛЕМЫ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА И ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Некоторые проблемные вопросы использования информационной технологии искусственного интеллекта в образовательной деятельности. Фатьянов А.А., Антопольский А.А., Азаров М.С. 74

Существенное изменение обстоятельств в преддоговорных отношениях купли-продажи акций и долей корпораций. Василевский И.С. 78

Искусственный интеллект в сфере интеллектуальной собственности: новый субъект или новое средство? Гонышев М.А. 81

Юридический интерес как критерий определения надлежащих заявителей по делам об ограничении дееспособности (признании гражданина недееспособным): проблемы и перспективы. Грицких Е.А. 85

Трансграничная телемедицина: коллизионно-правовые вопросы оказания дистанционных медицинских услуг. Зумакулова З.А., Карамурзова И.Б., Мусукова С.М. 91

О внесении изменений в ст. 1256 Гражданского кодекса Российской Федерации. Карандашева С.П. 94

Сравнительно-правовой анализ специальных правовых режимов налогообложения доходов коммерческих организаций. Карпачев Д.В. 99

Доказательство в эпоху генеративного искусственного интеллекта: проблемы достоверности и правового регулирования. Кривицкая Ю.С. 103

Принцип реабилитационного паритета в делах о банкротстве: анализ практики Верховного Суда Российской Федерации. Кривощеков В.С. 108

Об отсутствии правовых оснований для включения в РНП участника закупки, занявшего второе место и реализовавшего свое право не заключать контракт после расторжения заказчиком контракта с победителем торгов. Москвитин О.А., Капитонов И.А., Корниенко А.С. 112

Влияние изменений законодательства на стратегию логистической компании. Мухамеджанова М.Р., Воблая И.Н. 115

Теоретико-правовые проблемы реализации корпоративных прав участников общества с ограниченной ответственностью. Перякин А.В. 118

Влияние на качество жизни населения страны цифровых технологий в государственной службе: отечественный и зарубежный опыт. Санников Д.В. 121

Влияние на должника как признак выгодоприобретателя в банкротной субсидиарной ответственности и фактическая неопровержимость презумпции наличия такого влияния. Сафин Т.И. 125

Корпоративный договор в системе гражданско-правовых договоров: правовая природа и отличительные признаки. Сокович Н.А. 130

Субъективная добросовестность при восстановлении срока на принятие наследства. Суриков М.А. 135

Защита персональных данных пользователей маркетплейсов: правовые и организационные аспекты. Ульянов В.И. 139

Криптовалюта в конкурсной массе должника: проблемы выявления, взыскания и реализации в процедурах банкротства. Хамуков А.А. 142

Досудебный порядок урегулирования экономических споров. Чайко К.В. 145

Особенности применения триггерных положений о моменте наступления страхового случая при страховании ответственности органов управления юридических лиц. Шадров А.С. 150

СУДЕБНАЯ И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Процессуальные полномочия прокурора при производстве по делам об административных правонарушениях по ст. 5.61 КоАП РФ. Литучая С.Е. 156

Экстерриториальная цифровая подсудность в цивилистическом процессе. Хабибуллин М.И. 159
К вопросу о допустимости использования нейросетей и иных программных средств участниками уголовного судопроизводства. Девяткин Г.С. 163

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Нейроправа как новый вектор международного биомедицинского права: вызовы имплементации и универсализации стандартов. Алокова С.Х. 166
Проблемы и ограничения определения вспомогательных средств в международном праве. Хинцагова И.Т. 170

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ. УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

Организованная экономическая преступность в России. Зацепин М.Н., Зацепин А.М. 173
Специфика транснациональной преступности в государствах приоритетного экономического сотрудничества. Атаманчук В.В. 178
Между эффективностью и этикой: современные технологии в расследовании преступлений: правовой и тактический аспекты. Волохова О.В. 182
Непосредственный объект преступления при незаконном обороте порнографических материалов или предметов: сравнительно правовое исследование (Россия, Германия, Франция). Костин Н.А. 186
Дифференциация уголовной ответственности за незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов и прекурсоров в отечественном уголовном праве в исторической ретроспективе. Мозжегорова А.Ю. 191
Цифровое пространство в системе признаков объективной стороны преступления: теоретико-правовое осмысление. Нурматов А.А. 197
Общественная опасность как категория уголовного права: теоретико-правовой анализ. Сорокин А.И. 201
Эволюция коррупционных практик и механизмов государственного противодействия в России IX–XVII вв.: историко-правовой анализ. Пантелеева Е.В., Тарасов А.С. 204
Проблемы разграничения административной и уголовной ответственности частного детектива. Швецов Р.Е. 209
К вопросу о принципах уголовного судопроизводства в машиночитаемом праве. Девяткин Г.С. 214

ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕГИОНАЛИСТИКА. ЭТНОПОЛИТИКА

Эволюция антироссийских санкций в 2014–2026 гг.: этапы, логика и инструменты давления. Еременко О.С. 218
Деятельность Государственного административного совета Мьянмы в контексте взаимодействия военных и гражданских администраций (2021–2024 гг.). Пье Соне Аунг 223

НОВЕЛЛЫ ПРАВА И ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

Процессуальные последствия отсутствия письменного и аудио-протокола в гражданском, арбитражном и административном судопроизводстве. Тангиева А.М. 229
Презумпция добросовестности и правило делового решения (business judgment rule) в российской правоприменительной практике: проблема избирательного применения в спорах из государственных контрактов. Хачетлов И.Х. 233
Проблемы правовой квалификации инцидентов кибербезопасности на объектах ТЭК: разграничение понятий «инцидент» и «кибератака». Михневич А.В., Матвеева С.В. 239
К вопросу о понятии «налоговое планирование». Кузнецов А.А. 245

CONTENTS

POLITICAL INSTITUTIONS, PROCESSES, AND TECHNOLOGIES

Modern Strategies of Political Manipulation in the Internet: From Fakes to Deepfakes. V.Yu. Zaitsev 6
Critique of Cartel Party Theory and Its Significance for the Analysis of Modern Party Systems. F.D. Nikitin 10
Recommender Technologies as a Sociotechnical Tool for Personalizing Information Flows and Destructive-Manipulative Impact: Challenges to Legal Frameworks for Information Security. V.D. Nikishin 14
Communication in GR: Synergy of Traditional Forms and Lobbying Methods in the Activities of Corporate Entities. T.A. Panchukova, N.S. Ivannikov, S.A. Shalnova 20

POLITICAL CULTURE AND IDEOLOGIES

The Institute of Youth Parliamentarism in the 21st Century. E.P. Moskalov 24

POLITICAL PROBLEMS OF INTERNATIONAL RELATIONS, GLOBAL AND REGIONAL DEVELOPMENT

Hybrid Political Movements and Non-State Actors in Contemporary Political Science: A Theoretical and Methodological Analysis Using Hezbollah as an Example. Yandieva D., Zh. ... 30

STATE AND LAW IN THE MODERN WORLD: PROBLEMS OF THEORY AND HISTORICAL RESEARCH

Problems in Defining the Concept of Legitimacy of State Authority. Andreev P.V. 36
Problems in the Implementation of Local Government Powers and Solutions. Gadzhidadaeva M.S. 40
On the Principles of Interaction between State and Local Government Bodies in the Formation of Municipal Authorities. Gadzhidadaeva M.S. 43
Illegal Migration in Russia: Gaps in Migration Policy and Countermeasures. Danilov V.L., Gorbunova K.A. 47
Cyberattacks on Installations Containing Dangerous Forces: A Teleological Basis for the Applicability of Article 56 of Additional Protocol I. Klimov Ya.I. 51
The Legal Nature of Greenhouse Gas Emission Quotas in Russian Legislation. Larin D.A. 56
The Digital Profile of a Foreign Citizen as a Legal Category: Toward Legislative Enshrinement. Marandi D.V. 60
Problems of Assessing the Performance of Local Self-Government Bodies in a Unified System of Public Authority. Makhovykh R.R. 65
Specifics of Public Law Research in the Sphere of Demographic Policy: Subject, Method, and Distinction from Approaches in Related Sciences. Smolyarov A.S. 68

PROBLEMS OF CIVIL LAW AND LEGAL REGULATION OF ECONOMIC ACTIVITIES

Some Problematic Issues of Using Artificial Intelligence Information Technology in Educational Activities. Fatyanov, A.A., Antopolsky, A.A., Azarov, M.S. 74
A Significant Change in Circumstances in Pre-Contractual Relationships for the Purchase and Sale of Shares and Interests in Corporations. Vasilevsky, I.S. 78
Artificial Intelligence in Intellectual Property: A New Subject or a New Tool? Gonyshev, M.A. 81
Legal Interest as a Criterion for Determining Appropriate Applicants in Cases of Limiting Legal Capacity (Recognizing a Citizen as Incompetent): Problems and Prospects. Gritskikh, E.A. 85
Cross-Border Telemedicine: Conflict of Law Issues in the Provision of Remote Medical Services. Zumakulova, Z.A., Karamurzova, I.B., Musukova, S.M. 91
On Amendments to Article 1256 of the Civil Code of the Russian Federation. Karandasheva, S.P. 94
Comparative Legal Analysis of Special Legal Regimes for Taxation of Income of Commercial Organizations. Karpachev, D.V. 99
Evidence in the Era of Generative Artificial Intelligence: Issues of Reliability and Legal Regulation. Krivitskaya, Yu.S. 103
The Principle of Rehabilitation Parity in Bankruptcy Cases: An Analysis of the Practice of the Supreme Court of the Russian Federation. Krivoshekov, V.S. 108
On the Absence of Legal Grounds for Including in the Rehabilitation Parity List a Second-Place Bidder Who Exercised Its Right Not to Conclude a Contract After the Customer Terminates the Contract with the Winning Bidder. Moskvitin, O.A., Kapitonov, I.A., Kornienko, A.S. 112
The Impact of Legislative Changes on the Strategy of a Logistics Company. Mukhamedzhanova, M.R., Voblaya, I.N. 115
Theoretical and Legal Issues of the Exercise of Corporate Rights of Limited Liability Company Participants. Peryakin, A.V. ... 118
The Impact of Digital Technologies in the Civil Service on the Quality of Life of the Country's Population: Domestic and International Experience. Sannikov D.V. 121
Influence on the Debtor as an Indication of a Beneficiary in Bankruptcy Subsidiary Liability and the Factual Irrefutability of the Presumption of Such Influence. Safin T.I. 125
Corporate Agreement in the System of Civil Law Contracts: Legal Nature and Distinguishing Features. Sokovich N.A. 130
Subjective Good Faith in Restoring the Time Limit for Accepting an Inheritance. Surikov M.A. 135
Protection of Personal Data of Marketplace Users: Legal and Organizational Aspects. Ulyanov V.I. 139
Cryptocurrency in the Debtor's Bankruptcy Estate: Issues of Identification, Collection, and Sale in Bankruptcy Proceedings. Khamukov A.A. 142
Pre-trial Procedure for Resolving Economic Disputes. Chaiko K.V. 145
Specifics of the application of trigger provisions regarding the moment of occurrence of an insured event in liability insurance of the governing bodies of legal entities. Shadrov A.S. 150

JUDICIAL AND LAW ENFORCEMENT ACTIVITIES

Procedural Powers of the Prosecutor in Administrative Offense Cases under Article 5.61 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation. Lituchaya S.E. 156
Extraterritorial Digital Jurisdiction in Civil Procedure. Khabibullin M.I. 159
On the Admissibility of Using Neural Networks and Other Software Tools by Participants in Criminal Proceedings. Devyatkin G.S. 163

INTERNATIONAL LEGAL SCIENCES

Neurolaw as a New Vector of International Biomedical Law: Challenges to the Implementation and Universalization of Standards. Alokova S.Kh. 166
Problems and Limitations of Defining Assistive Devices in International Law. Khintsagova I.T. 170

CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGY CRIMINAL LAW

Organized Economic Crime in Russia. Zatsepin M.N., Zatsepin A.M. 173
Specifics of Transnational Crime in Priority Economic Cooperation States. Atamanchuk V.V. 178
Between Efficiency and Ethics: Modern Technologies in Crime Investigation: Legal and Tactical Aspects. Volokhova O.V. 182

The Direct Object of Crime in Illegal Trafficking of Pornographic Materials or Items: A Comparative Legal Study (Russia, Germany, France). Kostin N.A. 186
Differentiation of Criminal Liability for Illegal Trafficking of Narcotic Drugs, Psychotropic Substances, Their Analogues, and Precursors in Domestic Criminal Law in Historical Retrospect. Mozhegorova A.Yu. 191
Digital Space in the System of Attributes of the Objective Side of a Crime: A Theoretical and Legal Analysis. Nurmatov A.A. 197
Public Danger as a Category of Criminal Law: A Theoretical and Legal Analysis. A.I. Sorokin. 201
The Evolution of Corruption Practices and Mechanisms of State Counteraction in Russia in the 9th–17th Centuries: A Historical and Legal Analysis. E.V. Panteleeva, A.S. Tarasov. 204
Problems of Distinguishing Administrative and Criminal Liability of a Private Detective. R.E. Shvetsov. 209
On the Principles of Criminal Procedure in Machine-Readable Law. G.S. Devyatkin. 214

POLITICAL REGIONALISTICS. ETHNOPOLITICS
The Evolution of Anti-Russian Sanctions in 2014–2026: Stages, Logic, and Instruments of Pressure. O.S. Eremenko. 218
The State Administrative Council of Myanmar's Activities in the Context of Interaction between Military and Civil Administrations (2021–2024). Pyae Sone Aung 223

INNOVATIONS IN LAW AND LAW ENFORCEMENT
Procedural Consequences of the Lack of Written and Audio Records in Civil, Arbitration, and Administrative Proceedings. Tangieva, A.M. 229
Presumption of Good Faith and the Business Judgment Rule in Russian Law Enforcement Practice: The Problem of Selective Application in Disputes Over Government Contracts. Khachetlov, I.Kh. 233
Problems of Legal Qualification of Cybersecurity Incidents at Fuel and Energy Complex Facilities: Distinction between the Concepts of "Incident" and "Cyberattack." Mikhnevich, A.V., Matveeva, S.V. 239
On the concept of "tax planning". Kuznetsov A.A. 245

Современные стратегии политических манипуляций в интернет-пространстве: от фейков до дипфейков

Зайцев Виталий Юрьевич
аспирант, Университета мировых цивилизаций имени В.В. Жириновского, vitvolga7226@mail.ru

В статье исследуется манипуляционное влияние интернета на политическое сознание общества. Современные способы передачи информации постоянно развиваются и совершенствуются. Развитие интернет-коммуникаций и появление виртуального политического пространства открыли новые возможности для целенаправленного воздействия на общественное сознание, сделав методы воздействия более эффективными и результативными. Социальные медиа в сравнении с традиционными СМИ дают манипуляторам ряд ключевых преимуществ: они мгновенно, адресно доставляют персонализированные эмоционально окрашенные нарративы, сопровождая их имитацией широкого общественного одобрения и вовлечённости. Это делает манипулирование общественным сознанием в онлайн-пространстве более гибким, масштабным и трудно контролируемым. Именно поэтому изучение особенностей манипулятивного воздействия в интернет-пространстве на политическое сознание населения является важным и актуальным.
Цель статьи – проанализировать развитие стратегий политических манипуляций в интернете от фейковых новостей до современных дипфейковых технологий.
В статье автор рассматривает виды и механизмы политических манипуляций, используемых в интернет-пространстве, даёт определение и представляет сравнительную характеристику понятий «фейк» и «дезинформация», анализирует влияние политических манипуляций в цифровой среде на общественной мнение.
Методологическую основу исследования составили методы контент-анализа, дискурс-анализа, сравнительного анализа, а также принципы политической психологии и социологии массовых коммуникаций.
Результаты исследования демонстрируют, что современные технологии интернет-пространства обладают значительным потенциалом для формирования и трансформации политического сознания общества.
Полученные выводы могут быть использованы в практике политического консультирования, при разработке образовательных программ по медиаграмотности населения, разработке мер по повышению информационной грамотности населения, а также в дальнейших научных исследованиях по политической коммуникации.
Ключевые слова: политическая манипуляция, интернет-пространство, дезинформация, фейк, искусственный интеллект (ИИ), дипфейк.

С появлением интернета и развитием интернет-технологий воздействие информации на общественное сознание постоянно усиливается и приобретает всё более выраженный характер. Многие зарубежные и отечественные учёные посвятили свои работы исследованию манипуляционного потенциала интернета. Среди отечественных исследователей необходимо выделить С.В. Володенкова (изучение технологий манипулирования общественным сознанием в интернет-пространстве как инструмента политического управления), Васильева А.А. (анализ манипуляции общественным мнением через виртуальные сообщества), Виноватых А.В. (исследование информационного противоборства и тренды цифровой реальности), Бутусова А.В. (исследование социальных сетей как инструмента политического противоборства и информационных войн) и др. Из зарубежных учёных заметный вклад в изучение интернет-манипуляций внесли Михал Косински (разработка методов анализа личности по активности в соцсетях и применение таргетированного воздействия для манипуляции), Эли Паризер (создание концепции «пузыря фильтров»), Дэниел Сассер, Беата Весслер, Хелен Нисенбаум (анализ реализации онлайн-манипуляции и выявление её угроз), Клэй Ширки (анализ влияния социальных медиа на общественное мнение, мобилизацию и распространение дезинформации) и др.

Интернет существенно расширяет возможности политической коммуникации, обеспечивая прямую и мгновенную связь между властью и обществом, создаёт условия для диалога в политической сфере, позволяя обществу участвовать в дискуссиях и влиять на принятие решений. Благодаря социальным сетям у людей имеется возможность обсуждать политические темы, делиться своими взглядами. Пользователи социальных сетей могут объединяться в сообщества и общаться с людьми, которые разделяют их взгляды. Это способствует укреплению уже сформировавшегося мнения у пользователей и игнорированию ими других политических взглядов. Любой человек, благодаря цифровым платформам (блоги, соцсети, видеохостинги), может стать автором медиаконтента, формировать собственную аудиторию и даже конкурировать с профессиональными СМИ по оперативности и тематике. Материалы из социальных сетей, блогов и форумов на сегодняшний день становятся самыми обсуждаемыми. Но стоит отметить, что интернет в общественно-политической жизни играет двоякую роль. С одной стороны он способствует различным позитивным изменениям в социуме, а с другой - допускает размещение любой деструктивной информации или манипулятивный контент, которые влияют на формирование взглядов, убеждений целых социальных групп. Современные средства коммуникации все больше становятся источниками непроверенной или основанной на слухах информации [6]. Потребитель контента перестал анализировать информацию, принимает ее на веру, не задумываясь о том, является ли полученная ими информация достоверной. Но ложная, выдуманная информация может быть создана умышленно для введения аудитории в заблуждение с целью манипулирования её сознанием и поведением. Эффективными инструментами реализации манипуляционных стратегий в информационном пространстве, обладающими высоким потенциалом воздействия являются фейк и дезинформация. У понятий «дезинформация» и «фейк» нет единого автора, определения этих терминов формировались в научной среде постепенно, в результате коллективного научного дискурса. В контексте данного исследования под дезинформацией автор предлагает понимать информацию, не соответствующую действительности, распространяемую в цифровой среде с целью манипулирования

общественным сознанием для извлечения политической выгоды. А под фейком - заведомо ложную или искажённую информацию с выраженной эмоциональной окраской, преднамеренно распространяемую в цифровой среде (включая социальные сети, мессенджеры, блоги и новостные порталы), способную провоцировать конкретные поведенческие реакции аудитории (паника, агрессия, массовая поддержка или отрицание идей) с целью манипуляции общественным мнением. Сравнительная характеристика понятий «дезинформации» и «фейка» представлена автором в таблице 1.

Таблица 1
Сравнительная характеристика понятий «дезинформации» и «фейка»

Характеристика	Дезинформация	Фейк
Генезис	Истоками восходит к искусству военной тактики («военной хитрости»), дипломатическая маскировка истинных политических целей и намерений	Слухи, розыгрыши, приколы, блеф с элементами политической сатиры (скетч, анекдот), грязные политические интриги и ложь
Преднамеренность	Может оказаться непреднамеренной ошибкой журналиста, недосмотром редактора	Сознательная фальсификация фактов
Правдоподобность	Обязательное условие: сочетание правды, полуправды, лжи. Дезинформация должна быть очень правдоподобной.	Откровенно ложная информация. Чем она неправдоподобнее, тем более действенно она влияет на массовое сознание.
Подача, эмоциональность	Не отличается остротой подачи, не рассчитана на мгновенный эффект	Сенсационный, шокирующий контекст, рассчитанный на моментальную реакцию
Жанры	Статья, журналистское расследование, интервью, репортаж	Новость с инфоповодом под кричащим, броским заголовком
Живучесть	Может существовать скрыто и работать длительное время	Неожиданно «вбрасывается» в информационное пространство в определенный момент, и так же быстро исчезает из актуальной повестки дня
Сфера распространения	Военная, политико – дипломатическая, медийная	Помимо сфер, в которых распространяется дезинформация, фейки дополнительно используются в околонаучной, новостной сферах, а также в информационных войнах
Механизм распространения	Как правило, готовится для узкого круга специалистов, среди которых и распространяется	Рассчитан на широкий круг получателей. Распространение ботами, «вирусное», рассчитанное на быстрое «эмоциональное заражение» общества

Манипуляции в социальных сетях могут проявляться в разных формах: в переписке, в публикациях (новостях, статьях), в рекламе. Манипуляторы создают ложные или искажённые новости с целью повлиять на общественное мнение и вызвать панику. Так, например, в 2020 году по соцсетям разошлась «новость» о том, что вышки 5G вызывают COVID-19. Хотя наука не подтверждает такую информацию, этот пост собрал миллионы репостов, благодаря многочисленным повторениям, страху перед новыми технологиями, фразе «эксперты предупреждают» [5]. Исследование Массачусетского технологического института показало, что фейковые новости распространяются в сети в 6 раз быстрее, чем правда [12]. В условиях переизбытка информации объекту манипуляции становится сложно отделить правду от лжи. Информация, которая транслируется и внедряется в сознание общества через интернет посредством политического манипулирования, лишает людей способности критического мышления. Это приводит к формированию ложных убеждений и влияет на общественное мнение. Народ превращается в пассивную массу, а политические лидеры прибегают к искусственно созданному «общественному мнению» для того, чтобы достичь задуманных целей, не отвечающих потребностям общества и не имеющих ничего общего с реальными нуждами социума [4, с. 22].

Интернет на сегодняшний день является ведущим каналом формирования и распространения общественного мнения. Число пользователей Интернета неуклонно растёт. По данным сайта DataReportal - Global Digital Insights на 2025 год, количество пользователей интернета в мире достигло 6 миллиардов человек, что составляет 74% мирового населения. Среди стран с наибольшим числом интернет-пользователей в 2025 году выделяются: Китай - свыше 1,3 млрд человек; Индия - более 1 млрд; США - 324 млн; Индонезия - 230 млн человек; Бразилия - 185 млн; Россия - 129,8 млн; Пакистан - 117 млн; Мексика - 110 млн; Нигерия - 109 млн; Япония - 108 млн. [10].

Очевидно, что ресурсы сети Интернет открывают пользователям большие возможности для поиска информации, общения, образования, торговли, способствуют развитию общества, публичности и открытости политических процессов. Но одновременно с этим интернет создает и новые возможности для манипуляций, активно влияет на политическое мнение граждан, поскольку технологии современных коммуникаций позволяют мгновенно и в любое время распространять информацию на миллионы пользователей. Поэтому манипулятивные технологии широко используются в интернете манипуляторами от тех или иных политических сил. Социальные сети, мессенджеры, сообщества блогеров, форумы, веб-сайты, различные платформы для обмена контентом - все эти сетевые Интернет-коммуникации постоянно обновляются, оказывая значительное влияние на политическую жизнь общества и позволяя манипуляторам формировать необходимые установки, убеждения и поведение. Следует отметить, что политические деятели используют в интернете различные методы для продвижения своих идей и формирования общественного мнения. Они применяют пропаганду и контекстную рекламу, используют ботов и различные методы продвижения в социальных сетях.

Политическая пропаганда направлена на воздействие на политический процесс путём распространение различной информации с целью формирования определенных взглядов, представлений, эмоциональных состояний и оказания влияния на социальное поведение людей посредством различных площадок [7, с. 230]. Многие учёные занимаются изучением пропаганды, распространяемой посредством интернета и социальных сетей - «цифровой пропаганды». В цифровой пропаганде используется инструментарий манипулятивных приемов, характерный для любого другого вида пропаганды. Однако прерогативой цифровой пропаганды является метод создания когнитивных схем. Когнитивной схемой можно считать репрезентацию в медиа определенного события или явления, как правило, не имеющую ничего общего с происходящими событиями [2, с.22]. Для создания когнитивных схем политическими течениями используются «классические» методы политической пропаганды, в частности: опора на «эффект привыкания», эмоциональный резонанс, контраст, эффект большинства и т.д. [1, с. 27].

Политические деятели активно используют политический SMM (Social Media Marketing) - продвижение в социальных сетях кандидатов, партий или общественных деятелей, направленное на улучшение репутации и формирование целостного медийного образа. К таким методам относятся: целенаправленное формирование образа (например, имиджа «сильного лидера»); использование личных историй (помогает аудитории эмоционально связаться с политиком, поверить в его искренность); привлечение популярных блогеров и лидеров мнений через упоминания и репосты (позволяет охватить их аудиторию); создание контента по трендовым темам (привлекает дополнительное внимание общественности); использование понятной инфографики для объяснения сложных политических или экономических тем; запуск прямых эфиров и онлайн-общения с подписчиками (эффект открытого диалога, это сближает политика с аудиторией); сегментация аудитории по возрасту, интересам и др. (для наиболее эффективной коммуникации); использование активных ссылок (в этом случае пост с упоми-

нанием деятеля автоматически появляется на его личной странице, и текст видит не только адресат, но и все его подписчики). Также политическими деятелями используется контекстная реклама. Размещение рекламные объявления показываются на первой странице поисковых систем или на сайтах партнёров, это повышает вероятность того, что пользователь увидит рекомендацию и перейдёт на сайт политика.

В последнее время в политическом пространстве становится всё более заметной роль искусственного интеллекта (ИИ). Масштабное внедрение ИИ в сферу политики может также сопровождаться попытками манипуляции общественным мнением и выборными процессами. Алгоритмы могут быть использованы для создания и распространения дезинформационных сообщений, фейковых новостей, для манипуляции общественным мнением через социальные сети. Одним из механизмов для манипулятивного воздействия ИИ на политическое сознание населения является создание «цифровых персон» - искусственно сгенерированных аккаунтов, которые имитируют поведение реальных пользователей. Для этого применяют такие методы, как:

- использование киберсимулякров - виртуальных личностей, которые функционируют в интернет-пространстве и, привлекая внимание к сообщениям, формируя позитивное или негативное отношение к событию, используются для манипуляционного воздействия на реальных интернет-пользователей; Функциональное предназначение киберсимулякров – вброс, распространение, интерпретация общественно значимой политической информации [8, с. 34].
- создание политических ботов - автоматизированных алгоритмов, имитирующих поведение реальных политических агентов в социальных сетях. Боты, обычно замаскированные под страницы обычных людей, распространяют политические сообщения, создавая иллюзию общественной поддержки, распространяют новые идеи, способствуя дискуссии в онлайн-сообществах, или создают «шум» для отравления публичного дискурса, манипулируют публичным обсуждением, совершают атаки на избирателей, распространяя контент, направленный на дискредитацию конкурентов. В интернете возникло такое понятие, как феномен «войн ботов». Примером использования такого феномена в политических манипуляциях может служить Президентская кампания в США в 2016 году. Боты массово генерировали агитационные сообщения, связанные с кандидатами. Например, протрамповский аккаунт @amrightnow («теперь все в порядке») осуществлял массовую рассылку сообщений, направленных против Хиллари Клинтон [11]. Правительства и политические деятели по всему миру используют политических ботов, чтобы заглушать и преследовать оппозицию и продвигать свои собственные идеи [9, с. 516];
- алгоритмическое таргетирование в политике представляет собой такой механизм манипуляции, при котором искусственный интеллект выявляет интересы и предпочтения аудитории, прогнозирует её поведение. Алгоритм превращается в незаметный, но базовый элемент политики, так как с помощью него возможен поиск информации, ее фильтрация, систематизация и сортировка. Использование таргетинга позволяет уточнить целевую аудиторию: возраст, пол, географическое расположение, интересы. Добавление ключевых слов в тексты объявлений позволяет привлечь более заинтересованную аудиторию.

Очень активно искусственный интеллект используется для создания «дипфейков» - фальшивых видео или аудиоматериалов, которые, обладая высокой степенью реалистичности, крайне сложно отличить от реальных. С их помощью можно фабриковать политические скандалы, приписывать политикам несуществующие заявления, инсценировать события, которые никогда не происходили на самом деле. Дипфейки создаются с использованием глубоких нейронных сетей, алгоритм которых после обработки фото, видео и аудиозаписям реального человека. может с высокой точностью воспроизвести внешность, манеры, мимику и голос человека. Технологии генерации изображений и голоса в настоящее время достигли такого уровня, что зачастую отличить подделку от оригинала не всегда способны даже опытные специалисты. Объектами манипуляций сегодня всё чаще становятся политические кампании, избирательные штабы и средства массовой информации.

Очевидно, что интернет обладает огромным манипуляционным потенциалом, имеет массу возможностей для скрытого воздействия на сознание интернет-пользователей с помощью информационных ресурсов, технологий и особенностей интернет-коммуникаций, причём «со стороны как собственных государств, так и внешних интересантов, конкурирующих друг с другом посредством совершенствования самих технологий манипуляции и повышения эффективности их применения в информационно-коммуникационных процессах современного политического управления» [3, с. 67]. Манипуляции в сетевом пространстве, как отмечает С.В. Володенков, становятся одним из основных инструментов информационного противоборства между странами и обеспечивают транзит внешних ценностей, идей, символов и смыслов со стороны субъектов политического управления, разрушая при этом традиционное политическое пространство государств-мишеней [3, с. 67].

Отметим, что политические манипуляции в интернет-пространстве зачастую становятся инструментом информационных войн, цель которых состоит в навязывании определённого восприятия реальности, дестабилизации политических ситуаций, подрыве авторитета противника и т.п. Сегодня информационные войны, в том числе между государствами, ведутся в интернет-пространстве: в электронных средствах массовой информации, социальных сетях. Среди методов ведения информационных войн широко применяются: фейковые новости и дезинформация, боты (компьютерные программы) и агенты влияния (люди), кибератаки (взлом сетей, распространение вредоносного ПО, фишинг), создание образа врага, ограничение доступа к информации (блокировка сайтов, цензура, создание информационного вакуума). Намеренно распространяются ложные сведения, дезинформация; формируется негативное восприятие какой-либо группы, страны или личности; осуществляется массированная информационная обработка аудитории. Всё это может оказать влияние на выборы и политические процессы; привести к дестабилизации политической ситуации в стране; росту ненависти между гражданами разных государств; межнациональным конфликтам; экономическим потерям; дезинтеграции общества и т.п.

Таким образом, у пользователей Интернета имеются большие возможности для поиска информации, общения, образования и торговли. Но в то же время интернет создает новые возможности для манипуляций, активно влияет на политическое мнение граждан, поскольку технологии современных коммуникаций позволяют мгновенно и в любое время распространять информацию на многомиллионную армию пользователей. Социальные сети, различные мессенджеры, сообщества блогеров и прочие сетевые Интернет-коммуникации оказывают значительное влияние на политическую жизнь общества и позволяют манипуляторам формировать необходимые установки и убеждения.

Литература

1. Борщенко В. В. Оценка манипуляционного потенциала интернета в политической сфере // Управленческое консультирование. 2018. №8. – С. 20-31.
2. Володенков С. В. Особенности и возможности применения технологий Интернет – пропаганды в политическом управлении // PolitBook. - 2016. № 4. – С. 15-31.
3. Володенков С.В. Технологии манипулирования общественным сознанием в интернет-пространстве как инструмент политического управления // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2017. Т.13, № 3. - С. 57-69.
4. Демьяненко Н. В. Использование манипулятивных технологий в СМИ, как реальная проблема // Российский академический журнал, 2012. Т. 19. № 1. - С. 20–27.

5. Изгагин А. Как нами манипулируют в соцсетях и СМИ. URL: https://www.b17.ru/article (дата обращения 31.01.2026)

6. Комиссаров М. А. Проблема распространения недостоверной информации в СМИ и социальных медиа // Тезисы к выступлению на 20-й Центрально-Азиатской Конференции СМИ «Будущее журналистики». URL: https://www.osce.org (дата обращения 13.01.2026)

7. Лабуш Н., Пую А. Медиатизация экстремальных форм политического процесса: война, революция, терроризм. СПбГУ, 2019. - 340 с.

8. Мухин В.И., Рекунков И.С., Зайцев М.А. О виртуализации массовых настроений в интернет-пространстве посредством внедрения киберсимулякров в информационно-коммуникационные сети. Вестник, 2015. - С. 34-35 URL: https://vestnik-rosnou.ru/sites/default/files/33-35 (дата обращения 19.01.2026)

9. Урдашев А.Б., Усмонов Ф. Тенденции и методы использования компьютерных технологий для политического манипулирования в современном обществе. Журнал «Oriental Renaissance: Innovative, educational, natural and social sciences» № 4, 2024. - С. 512–527. URL: https://cyberleninka.ru/article/ (дата обращения 23.02.2026)

10. Аналитические отчёты о глобальных цифровых трендах, поведении пользователей в интернете и развитии цифровых технологий платформы DataReportal — Global Digital Insights URL: https://adpass.ru/digital-2026-klyuchevye-trendy-i-statistika-tsifrovogo-marketinga-v-novom-otchete-datareportal (дата обращения 15.03.2026)

11. Американские выборы вызвали «войну ботов». URL: https://www.kommersant.ru (дата обращения 20.02.2026)

12. Ученые рассказали, какие новости распространяются быстрее всего. URL: https://iz.ru/718897/2018-03-12/ (дата обращения 21.02.2026)

Modern strategies of political manipulation in the internet space: from fakes to deepfakes

Zaitsev V.Yu.
University of World Civilizations

The article examines the manipulative influence of the Internet on the political consciousness of society. Modern ways of transmitting information are constantly evolving and improving. The development of Internet communications and the emergence of a virtual political space have opened up new opportunities for targeted influence on public consciousness, making the methods of influence more effective and efficient. Compared to traditional media, social media provides manipulators with a number of key advantages: they instantly and specifically deliver personalized, emotionally colored narratives, accompanied by an imitation of broad public approval and engagement. This makes the manipulation of public consciousness in the online space more flexible, large-scale and difficult to control. That is why the study of the peculiarities of manipulative influence in the Internet space on the political consciousness of the population is important and relevant.

The purpose of the article is to analyze the development of political manipulation strategies on the Internet from fake news to modern deepfake technologies.

In the article, the author examines the types and mechanisms of political manipulation used in the Internet space, defines and provides a comparative description of the concepts of "fake" and "disinformation", analyzes the impact of political manipulation in the digital environment on public opinion.

The methodological basis of the research is based on the methods of content analysis, discourse analysis, comparative analysis, as well as the principles of political psychology and the sociology of mass communications.

The results of the study demonstrate that modern technologies of the Internet space have significant potential for the formation and transformation of the political consciousness of society.

The findings can be used in the practice of political consulting, in the development of educational programs on media literacy of the population, the development of measures to improve information literacy of the population, as well as in further scientific research on political communication.

Keywords: political manipulation, Internet space, disinformation, fake, artificial intelligence (AI), deepfake.

References

1. Borshchenko V. V. Assessment of the manipulative potential of the Internet in the political sphere // Management consulting. 2018. No. 8. pp. 20-31.

2. Volodenkov S. V. Features and possibilities of using Internet propaganda technologies in political management // PolitBook. - 2016. No. 4. pp. 15-31.

3. Volodenkov S.V. Technologies of manipulation of public consciousness in the Internet space as a tool of political management // Political expertise: POLITEX. 2017. Vol. 13, No. 3. - pp. 57-69.

4. Demyanenko N. V. The use of manipulative technologies in the media as a real problem // Russian Academic Journal, 2012, vol. 19, No. 1, pp. 20-27.

5. Izgagin A. How we are manipulated in social networks and the media. URL: https://www.b17.ru/article (accessed 31.01.2026)

6. Komissarov M. A. The problem of spreading false information in the media and social media // Abstracts for a speech at the 20th Central Asian Media Conference "The Future of Journalism". URL: https://www.osce.org (accessed 13.01.2026)

7. Labush N., Puyu A. Mediatization of extreme forms of the political process: war, revolution, terrorism. St. Petersburg State University, 2019. 340 p.

8. Mukhin V.I., Rekunkov I.S., Zaitsev M.A. About the virtualization of mass sentiments in the Internet space through the introduction of cyber simulators in information and communication networks. Bulletin, 2015. - pp. 34-35 URL: https://vestnik-rosnou.ru/sites/default/files/33-35 (accessed 19.01.2026)

9. Urdashev A.B., Usmonov F. Trends and methods of using computer technology for political manipulation in modern society. Oriental Renaissance Journal: Innovative, educational, natural and social sciences, No. 4, 2024, pp. 512-527. URL: https://cyberleninka.ru/article / (accessed 02/23/2026)

10. Analytical reports on global digital trends, user behavior on the Internet and the development of digital technologies of the DataReportal platform — Global Digital Insights URL: https://adpass.ru/digital-2026-klyuchevye-trendy-i-statistika-tsifrovogo-marketinga-v-novom-otchete-datareportal (accessed 03/15/2026)

11. The American elections triggered a "war of bots." URL: https://www.kommersant.ru (accessed 02/20/2026)

12. Scientists have told us which news spreads the fastest. URL: https://iz.ru/718897/2018-03-12 / (accessed 02/21/2026)

Критика теории картельных партий и её значение для анализа современных партийных систем

Никитин Феликс Дмитриевич
магистрант, факультет политологии, Санкт-Петербургский государственный университет, nkitin1978@mail.ru

В статье рассматриваются основные направления критики теории картельных партий Р. Каца и П. Мэйра и анализируется её значение для изучения современных партийных систем. Актуальность обращения к данной теории обусловлена трансформацией партийных систем западных демократий. Цель работы заключается в систематизации концептуальной, теоретической и эмпирической критики картельной модели, а также в выявлении условий её корректного применения. В статье выделяются три основных блока критики. Во-первых, анализируются концептуальные проблемы, связанные с неопределённостью понятия «картель» и трудностями его операционализации. Во-вторых, рассматриваются аргументы Г. Китчельта, ставящие под сомнение правдоподобность теории. В-третьих, исследуются результаты эмпирических проверок теории, демонстрирующие их неоднозначность. Показано, что критика теории картельных партий не опровергает её полностью, но требует её более осторожного и дифференцированного использования. В заключение делается вывод о том, что теория картельных партий сохраняет аналитическую значимость в качестве эвристической рамки для исследования трансформации партийных систем, взаимосвязи партий и государства, а также кризиса политического представительства в современных демократиях.

Ключевые слова: теория картельных партий, политические партии, партийные системы, государственное финансирование партий, политические представительство.

Теория картельных партий Ричарда Каца и Питера Мэйра до сих пор является одновременно одной из наиболее влиятельных и наиболее спорных концепций в исследовании трансформации партийных систем западных демократий. Ключевой тезис теории заключается в том, что в представительных демократиях современные партии всё меньше функционируют как посредники между обществом и государством и всё больше встраиваются в государственную власть, используя публичные ресурсы для поддержания собственного положения и ограничения конкуренции [6].

Хоть теория картельных партий впервые была сформулирована в конце прошлого столетия, в XXI веке актуальность возвращения к ней связана с двумя важными обстоятельствами. Во-первых, современные партийные системы Европы переживают рост фрагментации, электоральной волатильности и усиления новых партий, прежде всего партий популистского типа [3]. Во-вторых, исследования партий всё чаще возвращаются к проблеме взаимоотношения государства и партий, а именно: к проблеме зависимости партий от государственного финансирования, регулирования и доступа к институциональным ресурсам [1]. Поэтому сегодня важно понять, какие элементы теории картельных партий прошли проверку временем и сохраняют объяснительную силу при анализе современных партийных систем.

Цель этой статьи - систематизировать основные направления критики теории картельных партий и продемонстрировать, что споры вокруг теории вызваны смешением трёх разнородных вопросов: придерживаются ли партии картельных стратегий, насколько эти стратегии успешны и каковы их непреднамеренные последствия. Разделение этих вопросов позволяет, с одной стороны, снять наиболее частые возражения оппонентов, и, с другой стороны, превратить теорию в эвристический инструмент анализа.

Концептуальная критика: что именно означает «картель»?

Первый блок критики связан с центральным понятием теории - понятием «картель». Хенрик Энрот указывает, что Кац и Мэйр используют этот термин не вполне последовательно: иногда картель понимается авторами как результат осознанной координации партий, иногда - как сходное поведение партий, возникающее без прямого соглашения [4, p. 46]. В первом случае исследователь партий должен искать признаки координации или сговора (collusion). Во втором — достаточно показать, что партии ведут себя так, как будто они согласованно поддерживают общий институциональный порядок.

Эта двойственность создает методологическую трудность. Если картель предполагает скрытый сговор, то его крайне сложно эмпирически доказать. Если же картельность означает только сходное поведение партий, то возникает риск чрезмерного расширения понятия: почти любую кооперацию правящих партий можно будет интерпретировать как картелизацию. В таком случае становится крайне трудно понять, является ли то или иное поведение партии именно «картелеподобным», или же причина в её действиях заключена в чем-то другом [4, p. 50].

Ещё одна связанная концептуальная проблема возникает вокруг понятия «сговор». В обыденном и самом распространённом значении это понятие предполагает скрытое соглашение ради получения выгоды. Однако у Каца и Мэйра картелеподобное поведение может возникать и без прямого соглашения: партии оказываются заинтересованы в сходных институциональных решениях, поскольку все они получают выгоду от доступа к государственным ресурсам. В результате термин «картель», как пишет Энрот, начинает колебаться между буквальным и ме-

тафорическим значением [4, p. 41]. На это обстоятельство указывал, уже в 1996 г., указывал Р. Кооле [8], когда обозревал впервые представленную теорию картельных партий

Дополнительная сложность связана с «докартельными» примерами межпартийного сотрудничества, на которые указывают авторы концепции [6, p. 133]: большой коалицией в Австрии, швейцарской «волшебной формулой», нидерландскими практиками консенсусной демократии. Эти случаи демонстрируют устойчивую межпартийную кооперацию, но не всегда соответствуют идеальному типу картельной партии, как его описывают Кац и Мэйр. Неочевидность, вызванная тем, как именно нужно понимать «протокартельность», требует при анализе партийных систем четко разделять модели картельного поведения и прочие модели межпартийной кооперации.

Иначе говоря, концептуальная критика теории картельных партий сводится к справедливым замечаниям о том, что сложно доказать наличие или отсутствие сговора между партиями. Тем не менее, несмотря на сложность определения сговора, признаки картелизации, на которые указывают авторы теории, эмпирически наблюдаются во многих странах. Следовательно, необходимо разграничить два аналитических уровня: картель как сознательная координация партий (эмпирически трудноуловимая) и картелизация как институциональная логика, при которой партии объективно сближаются с государством независимо от наличия сговора. Это позволяет пользоваться теорией картельных партий на системном уровне, даже с учетом неопределенности центрального понятия «картель».

Критика Г. Китчельта: чувствительность элит, нестабильность картеля и внешние причины конвергенции

Второе направление критики связано с аргументами Герберта Китчельта. Его возражения важно рассмотреть потому, что они ставят под сомнение не просто концептуализацию теории Каца и Мэйра, но саму правдоподобность картельной модели [7, p. 155].

Первый аргумент Китчельта состоит в том, что рост электоральной волатильности, наблюдаемый в конце XX – в начале XXI веков, должен сделать партийных лидеров более чувствительными к запросам избирателей, а не менее чувствительными, как это утверждается в рамках теории картельных партий. Если избиратели становятся мобильнее и слабее привязаны к партиям, у политиков появляется больше стимулов реагировать на общественный спрос. С этой точки зрения тезис о снижении представительства и автономизации партийной элиты, который заявляется авторами теории, выглядит спорным.

Кац и Мэйр отвечают, что чувствительность элит зависит не только от мобильности избирателей, но и от издержек поражения. Если партия получает государственное финансирование, сохраняет профессиональный аппарат и продолжает участвовать в распределении институциональных ресурсов, поражение на выборах становится менее разрушительным. Следовательно, партийные элиты могут частично уклоняться от представительства, даже сохраняя формальную электоральную конкуренцию [6, p. 6].

Второй аргумент Китчельта касается нестабильности любого картеля. У каждой партии всегда есть стимул нарушить соглашение и получить краткосрочное конкурентное преимущество, переманив избирателей у партнёров по сговору [7, p. 149]. Также важно, что картель не способен полностью блокировать появление новых партий, если сохраняется демократическая система выборов.

Этот аргумент, с одной стороны, указывает на важное условие - теория картельных партий не должна пониматься как теория полного закрытия партийной системы, в которой у новых игроков закрыты все способы попасть в политику. С другой стороны, этот аргумент игнорирует тот факт, что Кац и Мэйр никогда и не утверждали, что картель устранит конкуренцию окончательно. Уже в своей первой работе, где была представлена теория, они указывали, что картель партий неизбежно столкнется с подъемом партий, которые спровоцируют кризис картельной модели [7, p. 24]. В теории картельных партий всегда шла речь о попытке устоявшихся партий повысить барьеры входа, контролировать доступ к ресурсам и ограничивать круг коалиционно приемлемых акторов. Иначе говоря, провал картельных стратегий не обязательно опровергает наличие самих стратегий.

Третий аргумент Китчельта связан с программной конвергенцией партий, которая является следствием картельного сговора. По его мнению, сближение партий можно объяснить не теорией картельных партий, а внешними структурными факторами: глобализацией, окончанием холодной войны, технологическими изменениями, изменением социальной структуры, а также логикой медианного избирателя. В этом смысле партии сближаются не потому, что образуют картель, а потому, что реагируют на сходные внешние ограничения.

В данном случае наблюдается противоречие интерпретаций. Позиция Каца и Мэйра не сводится к отрицанию внешних факторов, однако они считают, что указанные внешние ограничения во многом появились из-за действий самих партий [6, p. 21]. Они сами активно участвовали в создании институтов, которые затем сузили пространство политического выбора: именно партии отвечали за наднациональное регулирование (организацию ЕС, вступление в ВТО и другие международные организации), за введение государственных правил партийного финансирования и партийной конкуренции.

Таким образом, аргументы Китчельта позволяют уточнить границы применимости теории картельных партий. Он показывает, что последствия картелизации часто схожи с последствиями таких процессов как глобализация, евроинтеграция, деиндустрилизация и др., которые протекают параллельно с картелизацией. По этой причине важно понимать, что теория картельных партий, во-первых, позволяет определить, как партии адаптируются к этим процессам, и, во-вторых, она не является единственно верной интерпретационной линзой при анализе изменений партийных систем.

Эмпирическая критика: почему результаты проверок противоречивы?

Наиболее неоднозначный блок критики связан с эмпирическими проверками теории. За три десятилетия накопились исследования, которые как подтверждают картельную модель, так и ставят под сомнение её применимость.

Одни анализируют зависимость партий от государственного финансирования и рост государственной регуляции партийной политики. Другие исследуют, приводит ли публичное финансирование к «замораживанию» конкуренции и ограничению доступа новых партий [12]. Третьи проверяют организационные изменения партий: профессионализацию элит, размывание членства, ослабление партии на местах [2]. Четвёртые обращаются к программной конвергенции и сходству партий в парламенте [4].

Показателен пример государственного финансирования. Теория картельных партий предполагает, что рост публичных субсидий снижает зависимость партий от членских взносов и усиливает их связь с государством. Этот элемент в значительной степени подтверждается сравнительными исследованиями партийного финансирования [14]. Однако более спорным является тезис, что субсидии автоматически создают непреодолимые барьеры для новых партий. Сьюзан Скэрроу показывает, что эффект публичного финансирования на партийную конкуренцию зависит от дизайна правил: порогов доступа, формулы распределения, степени связи субсидий с прошлыми результатами [12, p. 638].

Более того, государственное финансирование может укреплять не только устоявшиеся партии, но и их конкурентов. Если новая партия преодолевает электоральный порог, она тоже получает доступ к ресурсам и может ускоренно институционализироваться [13]. Поэтому публичные субсидии могут одновре-

менно быть механизмом картелизации и ресурсом для партийного вызова. Это не опровергает теорию, но требует отказаться от её слишком механического прочтения.

Другой пример — программная конвергенция. Ряд исследований показывает, что партии действительно становятся более похожими по отдельным вопросам, особенно в сфере экономического управления и европейской интеграции [9]. Но другие работы фиксируют не столько конвергенцию, сколько рост сходства по одним измерениям и поляризацию по другим, прежде всего культурно-ценностным [10]. Это особенно важно в условиях роста популистских и прочих антисистемных (в значении Дж. Сартори [11, 117-118 pp.]) игроков.

Поэтому неверно говорить, что теория картельных партий либо «подтверждена», либо «опровергнута» целиком. Подтверждение одного элемента не означает автоматического подтверждения другого элемента. Точно так же опровержение одного механизма, например, неспособности государственного партийного финансирования заблокировать новых игроков, не отменяет того факта, что партии стали более зависимы от государства.

Таким образом, эмпирическая критика указывает на необходимость разделять три вопроса: придерживаются ли устоявшиеся партии картельных стратегий; насколько эти стратегии успешны; и каковы их непреднамеренные последствия. Смешение этих вопросов приводит к ложному выводу, будто появление новых партий автоматически опровергает теорию картельных партий. На деле оно может быть как признаком провала картельных стратегий, так и следствием тех же процессов отрыва партий от общества, которые описывали Кац и Мэйр. Именно эти три вопроса должны стать методологическим стандартом применения теории картельной партии.

Заключение. Почему спор о картельных партиях важен сегодня?

Критика теории картельных партий показывает, что модель Каца и Мэйра содержит определенные проблемы. Однако эти проблемы не являются основанием для отказа от теории. Проведенный анализ и рассмотрение основных критических замечаний – концептуальных, теоретических и эмпирических – позволяют утверждать, что продуктивное применение теории картельных партий Каца и Мэйра требует трех аналитических различений. Во-первых, разведение понятий «картель» как (неявный) сговор между партиями для ограничения конкуренции и «картелизация» как объективно наблюдаемая институциональная логика сближения партий друг с другом и с государством. Во-вторых, различие между самим фактом наличия картельных стратегий и эффективностью этих стратегий, включая их непреднамеренные последствия. И, в-третьих, необходимо различать картелизацию как тенденцию или процесс и её кризис, который выражается в росте популярности антикартельных партий, а также в осложнении воспроизводства картельной модели.

Такой подход к теории картельных партий перестает быть нефальсифицируемым и превращает теорию в удобный эвристический инструмент, который позволяет ставить такие вопросы, как: почему партии теряют связь с обществом; как государственные ресурсы меняют стимулы партийных элит; почему устоявшиеся партии одновременно зависят от конкуренции и стремятся её ограничить; как популистские партии используют свою антимейнстримную риторику, и почему она эффективна.

Таким образом, ценность теории картельных партий сегодня заключается в первую очередь в том, что она позволяет связать вместе наиболее актуальные исследовательские проблемы в изучении партий и партийных систем. Критика теории картельных партий не делает её устаревшей. Она скорее уточняет её, изменяет условия для применения: не как универсальное объяснение всех изменений партийных систем, а как инструмент анализа взаимосвязи государства и партий, ослабления партийного представительства и трансформации политической конкуренции в современных демократиях. В таком виде теория картельных партий сохраняет актуальность для анализа современных европейских партийных систем, особенно в условиях роста фрагментации и популистского вызова.

Литература

1. Bolleyer N. How to study political parties: from civil society to the state and back. The Peter Mair lecture 2023 // Irish Political Studies. – 2024. – Vol. 39, no. 4. – P. 499–521.
2. Bolleyer N. Inside the Cartel Party: Party Organisation in Government and Opposition // Political Studies. – 2009. – Vol. 57, no. 3. – P. 559–579.
3. Chiaramonte A., Emanuele V. The Deinstitutionalization of Western European Party Systems. – Cham : Palgrave Macmillan, 2022. – 268 p.
4. Enroth H., Hagevi M. (eds.). Cartelisation, Convergence or Increasing Similarities? Lessons from Parties in Parliament. – London : Rowman & Littlefield International ; ECPR Press, 2018. – 256 p.
5. Katz R. S., Mair P. Changing Models of Party Organization and Party Democracy: The Emergence of the Cartel Party // Party Politics. – 1995. – Vol. 1, no. 1. – P. 5–28.
6. Katz R. S., Mair P. Democracy and the Cartelization of Political Parties. – Oxford : Oxford University Press, 2018. – 240 p.
7. Kitschelt H. Citizens, Politicians, and Party Cartellization: Political Representation and State Failure in Post-Industrial Democracies // European Journal of Political Research. – 2000. – Vol. 37, no. 2. – P. 149–179.
8. Koole R. Cadre, Catch-All or Cartel? A Comment on the Notion of the Cartel Party // Party Politics. – 1996. – Vol. 2, no. 4. – P. 507–523.
9. Miller S. L. Collusion or Representation? : The Cartel Party Theory Reexamined. – Lawrence : University of Kansas, 2019. – 160 p.
10. Pizzimenti E., Calossi E., Cicchi L., Masi B. Do Parties Converge? An Empirical Analysis of Party Organizational and Policy Issue Saliency Change in Western Europe (1970–2010) // Journal of Contemporary European Studies. – 2024. – Vol. 32, no. 1. – P. 1–19.
11. Sartori G. Parties and Party Systems: A Framework for Analysis. – Colchester : ECPR Press, 2005. – 368 p.
12. Scarrow S. E. Party Subsidies and the Freezing of Party Competition: Do Cartel Mechanisms Work? // West European Politics. – 2006. – Vol. 29, no. 4. – P. 619–639.
13. van Biezen I., Kopecký P. The Paradox of Party Funding: The Limited Impact of State Subsidies on Party Membership // Organizing Political Parties: Representation, Participation, and Power / eds. S. E. Scarrow, P. D. Webb, T. Poguntke. – Oxford : Oxford University Press, 2017. – P. 84–106.
14. van Biezen I., Kopecký P. The State and the Parties: Public Funding, Public Regulation and Rent-Seeking in Contemporary Democracies // Party Politics. – 2007. – Vol. 13, no. 2. – P. 235–254.

Critique of the cartel party theory and its significance for the analysis of contemporary party systems

Nikitin F.D.
Saint Petersburg State University

The article examines the main strands of criticism of the cartel party theory developed by R. Katz and P. Mair and analyzes its significance for the study of contemporary party systems. The relevance of revisiting this theory is обусловлена the transformation of party systems in Western democracies. The aim of the study is to systematize the conceptual, theoretical, and empirical critiques of the cartel model, as well as to identify the conditions for its appropriate application. The article distinguishes three major blocks of criticism. First, it analyzes conceptual problems related to the ambiguity of the notion of "cartel" and the difficulties of its operationalization. Second, it considers the arguments of H. Kitschelt, which call into question the plausibility of the theory. Third, it examines the results of empirical tests of the theory, demonstrating their inconsistency. The study shows that the critique of the cartel party theory does not completely invalidate it, but rather necessitates a more cautious and differentiated use. The article concludes that the cartel party theory retains analytical significance as an heuristic framework for examining the transformation of party systems, party–state linkages, and the crisis of political representation in contemporary democracies.

Keywords: cartel party theory, political parties, party systems, state funding of parties, political representation.

References

1. Bolleyer N. How to study political parties: from civil society to the state and back. The Peter Mair lecture 2023 // Irish Political Studies. – 2024. – Vol. 39, no. 4. – P. 499–521.
2. Bolleyer N. Inside the Cartel Party: Party Organisation in Government and Opposition // Political Studies. – 2009. – Vol. 57, no. 3. – P. 559–579.
3. Chiaramonte A., Emanuele V. The Deinstitutionalization of Western European Party Systems. – Cham : Palgrave Macmillan, 2022. – 268 p.
4. Enroth H., Hagevi M. (eds.). Cartelisation, Convergence or Increasing Similarities? Lessons from Parties in Parliament. – London : Rowman & Littlefield International ; ECPR Press, 2018. – 256 p.
5. Katz R. S., Mair P. Changing Models of Party Organization and Party Democracy: The Emergence of the Cartel Party // Party Politics. – 1995. – Vol. 1, no. 1. – P. 5–28.
6. Katz R. S., Mair P. Democracy and the Cartelization of Political Parties. – Oxford : Oxford University Press, 2018. – 240 p.
7. Kitschelt H. Citizens, Politicians, and Party Cartellization: Political Representation and State Failure in Post-Industrial Democracies // European Journal of Political Research. – 2000. – Vol. 37, no. 2. – P. 149–179.
8. Koole R. Cadre, Catch-All or Cartel? A Comment on the Notion of the Cartel Party // Party Politics. – 1996. – Vol. 2, no. 4. – P. 507–523.
9. Miller S. L. Collusion or Representation? : The Cartel Party Theory Reexamined. – Lawrence : University of Kansas, 2019. – 160 p.
10. Pizzimenti E., Calossi E., Cicchi L., Masi B. Do Parties Converge? An Empirical Analysis of Party Organizational and Policy Issue Saliency Change in Western Europe (1970–2010) // Journal of Contemporary European Studies. – 2024. – Vol. 32, no. 1. – P. 1–19.
11. Sartori G. Parties and Party Systems: A Framework for Analysis. – Colchester : ECPR Press, 2005. – 368 p.
12. Scarrow S. E. Party Subsidies and the Freezing of Party Competition: Do Cartel Mechanisms Work? // West European Politics. – 2006. – Vol. 29, no. 4. – P. 619–639.
13. van Biezen I., Kopecký P. The Paradox of Party Funding: The Limited Impact of State Subsidies on Party Membership // Organizing Political Parties: Representation, Participation, and Power / eds. S. E. Scarrow, P. D. Webb, T. Poguntke. – Oxford : Oxford University Press, 2017. – P. 84–106.
14. van Biezen I., Kopecký P. The State and the Parties: Public Funding, Public Regulation and Rent-Seeking in Contemporary Democracies // Party Politics. – 2007. – Vol. 13, no. 2. – P. 235–254.

Рекомендательные технологии как социотехнический инструмент персонализации информационных потоков и деструктивно-манипулятивного воздействия: вызовы правовому обеспечению информационной безопасности

Никишин Владимир Дмитриевич
кандидат юридических наук, директор Института информационной и медиабезопасности, доцент кафедры информационного права и цифровых технологий Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), VDNIKISHIN@msal.ru

В российском законодательстве рекомендательные технологии (далее также РТ) получили минимальное нормирование, которое носит во многом декларативный характер, не позволяет обеспечить прозрачность применения РТ и реализацию интернет-пользователями своей свободы воли. В условиях алгоритмически опосредованной коммуникации вред формируется не только и не столько за счет единичных информационных единиц, сколько вследствие системной конфигурации среды. В фокусе анализа находятся конфигурации алгоритмической среды, при которых возникает предсказуемый риск устойчивого вреда, т.е. критерием деструктивности становится не только оценка содержания конкретных публикаций, но и характеристика процедуры как риск-генерирующей. Обосновано, что описанные в работе риски применения РТ противоречат принципу идеологического многообразия и создают предпосылки для нарушения когнитивного иммунитета личности. В работе выделены четыре контура алгоритмического воздействия: спецификация цели; представление данных; оптимизация; архитектура выбора. Синергия этих контуров образует триаду механизмов воздействия: селекция; интенсификация; нормализация. Для аналитики информационной безопасности полезно различать два модуса деструкции: пассивно-кумулятивный и активно-целевой модус. С точки зрения построения модели правового регулирования применения РТ проанализированы аспекты обеспечения процедурной автономии, прозрачности спецификации цели и подотчетности за предсказуемый риск. Особое внимание уделено разграничению посредничества и редакционной ответственности в условиях алгоритмического ранжирования. Типологию вреда, причиняемого РТ, предложено классифицировать по двум критериям: модальности и темпоральности.

Ключевые слова: рекомендательные технологии, рекомендательные системы, ректех, информационная безопасность, семантические капсулы, коллаборативная фильтрация, алгоритмы, ИИ, нейросети, автономия воли, таргетирование, информационное право, цифровое право, средства массовой коммуникации.

Исследование выполнено в рамках программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030».

Рекомендательные технологии можно определить как программный комплекс алгоритмических методов и моделей обработки данных, предназначенный для прогнозирования предпочтений или степени интереса пользователя к определенным элементам (контенту, товарам, услугам и пр.) с их последующей ранжированной выдачей с целью оптимизации взаимодействия пользователя с платформой.

В российском законодательстве рекомендательные технологии (далее также РТ) получили минимальное нормирование после принятия Федерального закона от 31.07.2023 № 408-ФЗ «О внесении изменения в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»», закрепившего обязанности владельцев информационных ресурсов, применяющих рекомендательные технологии, по информированию пользователей и опубликованию правил их применения, а также предусмотревшего надзорные полномочия по требованию прекращения использования рекомендаций при нарушении закона. Дальнейшая подзаконная детализация реализована приказами Роскомнадзора: приказ № 149 от 06.10.2023 г. установил минимальные требования к содержанию и размещению информации о применении рекомендаций (маркировка и ссылка на отдельную страницу с правилами), приказ № 150 от 06.10.2023 г. – порядок взаимодействия надзорного органа с владельцами ресурсов при выявлении нарушений.

Указанные нормативные правовые акты выступают лишь первым шагом в регулировании применения РТ и защите пользователей от их деструктивного воздействия. К сожалению, текущее регулирование носит во многом декларативный характер и не отвечает реальным вызовам информационной безопасности: требование информирования пользователей о применении РТ сводится к обязанности разместить фраза «На информационном ресурсе при применении информационных технологий предоставления информации осуществляется сбор, систематизация и анализ сведений, относящихся к предпочтениям пользователей сети «Интернет», находящихся на территории Российской Федерации»; а требования к содержанию документа, устанавливающего правила применения РТ, не конкретизированы на уровне подзаконного регулирования и фактически «отданы на откуп» самим операторам РТ.

Такая регуляторика не позволяет обеспечить прозрачность применения РТ и реализацию интернет-пользователем своей свободы воли ввиду динамичной природы рекомендательных технологий как социотехнического инструмента персонализации информационных потоков и деструктивно-манипулятивного воздействия, основные аспекты которого раскрыты далее в настоящей статье.

Деструктивное воздействие рекомендательных технологий ошибочно рассматривать исключительно в аспекте содержания отдельных сообщений и наличия «вредного» контента как такового. В условиях алгоритмически опосредованной коммуникации вред формируется не только и не столько за счет единичных информационных единиц, сколько вследствие системной конфигурации среды: способов отбора, ранжирования, усиления и повторяемости контента, а также особенностей архитектуры выбора. Тем самым деструктивность приобретает процедурный и кумулятивный характер, что требует теоретического анализа механизмов, а не только эмпирической фиксации негативных эффектов.

При таком подходе центральным объектом анализа становится не «вредность» конкретного информационного материала, а контур алгоритмического усиления, который задает вероятность встречи пользователя с тем или иным материалом, частоту повторных экспозиций и направление «следующего шага» в цепочке рекомендаций. Именно этот контур делает воздействие системным: он превращает отдельные информационные единицы в последовательность, обладающую собственной динамикой и внутренними закономерностями. Поэтому для целей информационной безопасности важно различать два уровня: уровень содержания (что именно сообщается) и уровень процедуры (как, в каком порядке и с какой интенсивностью это предъявляется). Во многих ситуациях юридически и социально значимым оказывается именно второй уровень, поскольку он формирует предсказуемые траектории внимания и поведения.

Важным следствием является и то, что в цифровой медиасреде «нейтральность» показа не может предполагаться по умолчанию. Любая система ранжирования неизбежно выражает набор «предпочтений», заложенных в целевую функцию и в правила отбора сигналов. Даже если эти «предпочтения» не связаны с идеологическими установками, они, как минимум, отражают приоритеты оптимизации: удержание внимания, рост взаимодействий, повышение конверсии. В результате различие между «простым доступом к информации» и «организованным распределением внимания» становится принципиальным: второе фактически формирует медийную реальность пользователя, а значит, нуждается в теоретическом описании и в нормативной оценке.

Под деструктивным воздействием рекомендательных технологий понимается их негативное влияние на психическое состояние, поведение и убеждения людей, приводящее к ущербу для личности или общества. Такое воздействие может выражаться в причинении психологического вреда (например, рост тревожности или депрессии от постоянного потребления токсичного контента), нарушении прав и свобод личности (манипуляция мнением, нарушение приватности частной жизни), подрыве социальных связей и институтов (поляризация социальных групп, дезинформация и дискредитация). Критериями установления деструктивного влияния служат: а) вред личности – психологический (стресс, зависимость, искажение самооценки), а иногда и физический (побуждение к опасным действиям); б) вред обществу – разжигание вражды, разрушение доверия, угроза общественной безопасности; в) вред институциональным процессам – манипуляция электоральным поведением, угрозы национальной безопасности. Проще говоря, деструктивным считается воздействие рекомендательных технологий, которое подрывает информационную и медиабезопасность, нарушает нормальное функционирование личности или социума.

Деструктивность в контексте РТ не тождественна ни «неприятности» информации, ни ее политической спорности, ни субъективному несогласию с позицией автора. В фокусе находятся такие конфигурации алгоритмической среды, при которых возникает предсказуемый риск устойчивого вреда – вследствие повторяемости показов, усиления аффективно нагруженных стимулов, безальтернативности маршрутов потребления и специфической уязвимости аудитории. Иначе говоря, критерием становится не оценка содержания как «плохого», а характеристика процедуры как риск-генерирующей.

Отсюда вытекают два дополнительных признака, позволяющих более строго идентифицировать алгоритмически обусловленную деструкцию. Во-первых, признак воспроизводимости: эффект должен проявляться не как единичная случайность, а как повторяемый паттерн, выявляемый на массиве пользователей или в типичных сценариях потребления. Во-вторых, признак управляемости: если риск связан с параметрами выдачи (силой персонализации, автозапуском, глубиной «цепочек», скрытыми настройками), он принципиально поддается снижению посредством процедурных мер. Эти признаки важны и для права: они позволяют переводить обсуждение в плоскость обязанностей по разумным мерам профилактики, а не в плоскость спорных моральных оценок.

Дальнейшая типология деструктивных эффектов требует систематизации через наиболее характерные классы контента и практик, однако следует подчеркнуть: речь идет не о закрытом перечне «запрещенных» тем, а о тех областях, где алгоритмическое усиление чаще всего проявляет себя как самостоятельный фактор риска. Общей для них является одна и та же логика: система ранжирования повышает видимость материала, ориентируясь на сигналы вовлечения, затем закрепляет результат повторением и формирует «коридор» дальнейших рекомендаций, постепенно сужающий выбор. Поэтому ниже перечисляются не просто социально нежелательные явления, а те зоны, в которых связь между механизмом рекомендаций и вредом оказывается наиболее наглядной и теоретически описываемой.

Рекомендательные алгоритмы способны усиливать распространение различных типов деструктивного контента.

Экстремизм и радикализация

Контент террористического или экстремистского характера, пропаганда идеологий ненависти и насилия. Алгоритмы могут рекомендовать все более радикальные материалы пользователям с интересом к подобным темам, «вовлекая» их в экстремистские сообщества.

Дезинформация и фейки

Ложные новости, конспирологические теории, пропаганда, вводящая в заблуждение – все это быстро распространяется благодаря рекомендательным технологиям, ценящим привлекательность контента выше достоверности. Вирусные фейки алгоритмам продвигать легче, чем сложные проверенные новости.

Пропаганда девиантного поведения

Алгоритмы могут рекомендовать уязвимым пользователям контент, провоцирующий саморазрушительные или противоправные действия. Например, распространены случаи, когда подросткам, ищущим безобидные советы по диете, сервисы начинали рекомендовать сообщества анорексии и самоистязания. Исследования показали, что Instagram «затягивал» молодых девушек в поток материалов о нездоровой худобе («skinny binge») и этим ухудшал их восприятие собственного тела.

Формирование зависимостей

Рекомендательные технологии нередко создают эффект затягивания, побуждая пользователей все дольше оставаться онлайн. Это может приводить к цифровой зависимости, особенно у подростков. Персонализированная подача контента повышает риск, что человек втянется в такую зависимость. Так, например, «пузырь фильтров» концептуализируется как следствие гиперперсонализации контента, где алгоритмы, минимизируя когнитивный диссонанс, формируют информационный поток, который больше всего удовлетворяет пользователя платформы.

Манипуляция

Использование скрытых психологических приемов для влияния на мнения и решения людей – еще одна грань деструктивного воздействия на личность пользователя. РТ могут эксплуатировать когнитивные искажения пользователя, подкрепляя существующие убеждения и «слепые зоны». Опасна и целевая манипуляция уязвимых групп: с помощью микротаргетинга алгоритмы позволяют определять пользователей, находящихся в определенном эмоциональном состоянии или социальном положении и направлять на них специально таргетированную пропаганду. Например, утечка документов Facebook показала, что платформа имела техническую возможность выявлять подростков, чувствующих себя «неуверенными» или «ничтожными», и рекламодатели теоретически могли таргетировать на них соответствующие сообщения.

В правовой плоскости это противоречит принципу идеологического многообразия и создает предпосылки для нарушения когнитивного иммунитета личности. Эмпирические исследования при этом подтверждают корреляцию между алгоритмической сегрегацией контента и снижением толерантности к альтернативным точкам зрения.

Переходя к психологическим механизмам, целесообразно оговорить границы интерпретации. В гуманитарно-правовом анализе недостаточно ссылаться на отдельные нейрофизиологические корреляции как на «доказательство» причинности; существенно важнее показать устойчивую психологическую закономерность: эмоционально интенсивные стимулы чаще захватывают внимание и легче закрепляются повторением, тогда как критическая оценка источников и контекста требует ресурсов когнитивного контроля и времени. Рекомендательные системы, оптимизированные под удержание и частоту взаимодействий, структурно смещают выдачу в сторону тех стимулов, которые быстрее вызывают реакцию и сильнее «подкрепляют» поведение. Следовательно, речь идет не о медицинской модели воздействия, а о социально и юридически значимой асимметрии: условия потребления информации проектируются так, что эмоциональная реакция оказывается функционально выгоднее рациональной проверки.

Алгоритмическое усиление, лежащее в основе современных рекомендательных технологий, представляет собой не просто технологический инструмент для персонализации контента в цифровой среде, но и мощный механизм формирования поведения, основанный на принципах, нетождественных принципам информационной безопасности общества. В этой парадигме пользовательская вовлеченность становится ключевой метрикой и «валютой», что закономерно приводит к доминированию контента с высокой эмоциональной валентностью – прежде всего, вызывающего гнев, возмущение, страх или негодование. Нейрофизиологические исследования подтверждают, что подобный контент инициирует мгновенную активацию миндалевидного тела (амигдалы) и других структур лимбической системы, ответственной за эмоциональные реакции, при этом подавляя активность префронтальной коры головного мозга, которая обеспечивает сложные когнитивные процессы, включая критическое осмысление, рациональную оценку и принятие взвешенных решений. С теоретической точки зрения данная технология эксплуатации биологически обусловленных уязвимостей человека интерпретируется как форма скрытой и масштабированной манипуляции, что находится в системном противоречии с задачами обеспечения информационной безопасности личности. Пользователь, лишенный подлинной автономии воли и понимания алгоритмических механизмов, воздействующих на его подсознание, не может считаться свободно и полноценно давшим согласие на обработку своих данных в таких условиях, что ставит под сомнение легитимность всей полученной таким образом поведенческой биографии.

Эксплуатация когнитивных искажений в архитектуре цифровых платформ является прямой операционализацией теории «подталкивания» (nudge theory), разработанной Р. Талером и К.Санстейном. Если в их классической концепции архитектура выбора мягко направляет индивида к социально-полезному поведению (например, к выбору здорового питания или согласию на донорство органов по умолчанию), то в коммерчески ориентированных РТ она трансформируется в инструмент скрытого давления, нацеленного на максимизацию времени пребывания в сервисе и объемов собираемых данных. Это реализуется через целый арсенал интерфейсных решений: бесконечная лента, автовоспроизведение следующего видеоролика, навязчивые уведомления, – которые создают эффект «потерянного времени» и ослабляют пользовательский самоконтроль, целенаправленно эксплуатируя склонность к немедленному вознаграждению дофаминовой системы.

Правовой вызов здесь заключается в отсутствии адекватного нормативного регулирования этих систем, которые по своей сути являются манипулятивными, но не подпадают под традиционные запреты.

Для корректной постановки правовой задачи необходимо уточнить объект регулирования. В случае рекомендательных технологий объектом выступает не только обработка персональных данных и не только содержание распространяемой информации, но прежде всего процедуры алгоритмического воздействия: цели оптимизации, параметры ранжирования, правила усиления и повторяемости, интерфейсные решения, управляющие «трением» выбора, а также режимы работы с уязвимыми группами. Иначе говоря, регулирование должно быть обращено к тому, что можно проверить и воспроизвести: к документируемым решениям и практикам владельца РТ, а не к гипотетическим намерениям или моральным оценкам.

В этой логике наиболее продуктивной становится модель процедурных стандартов: прозрачность ключевых принципов рекомендаций, реальная управляемость персонализации, минимальные требования к работе с жалобами и к снижению предсказуемых рисков, а также подотчетность за повторяемость вредных сценариев. Такой подход позволяет избежать крайностей – либо нормативной «слепоты», когда право фиксирует общие цели без механизма их достижения, либо чрезмерно жестких мер, которые неизбежно вступают в конфликт со свободой доступа к информации и свободой выражения мнений. Процедурные стандарты, напротив, нацелены не на запрет идей, а на изменение условий их распределения и усиления – то есть на саму архитектуру медиапространства.

Наиболее социально опасным проявлением деструктивного воздействия РТ является таргетирование уязвимых групп, которое находит свое теоретическое осмысление в концепции «алгоритмической дискриминации». Как убедительно демонстрируют С. Барокас и А. Зельбст, системы, обученные на ретроспективных данных, не только отражают существующие в обществе предрассудки и структурные неравенства, но и закрепляют, а также масштабируют их. Это происходит двумя основными путями. Во-первых, через использование искаженных датасетов, где субъективная предвзятость «окаменевает» в алгоритме и начинает воспроизводиться в будущем. Во-вторых, через моделирование (анализ прошлых и текущих взаимодействий), а также активную эксплуатацию поведенческих уязвимостей определенных групп: подростков с неустойчивой психикой, лиц, склонных к аддикциям, людей в состоянии финансовой или личностной неустроенности. Алгоритмы выявляют таких пользователей по их поведенческой истории и целенаправленно предлагают им чувствительный контент: пропаганду расстройств пищевого поведения, экстремистские материалы, азартные игры или финансовые схемы «быстрого обогащения». Ярким примером является скандал вокруг социальной сети Facebook, где рекламные платформы позволяли таргетировать объявления на пользователей с интересом к «антисемитским конспирологическим теориям» или с самооценкой «неуверенный».

Следует отметить, что деструктивный потенциал рекомендательных технологий проявляется на множестве уровней: от масштабирования индивидуальных психологических проблем (тревожность, депрессия, цифровая зависимость) до генерации массовых когнитивных искажений, искажений общественного мнения, эрозии социального доверия и подрыва политических институтов через распространение дезинформации и усиление политической поляризации. Механизмом этого воздействия является не просто пассивное отражение предпочтений пользователя, а активное формирование и усиление этих предпочтений через создание «фильтрующего пузыря» и применение инструментов увеличения вовлеченности. Алгоритмы не просто показывают то, что пользователь хочет увидеть; они постепенно и системно смещают его предпочтения в сторону более чувствительного, эмоционально заряженного и, как следствие, более вовлекающего контента, создавая петлю обратной связи, из которой практически невозможно вырваться самостоятельно.

Этот феномен «радикализации через рекомендации» был замечен на примере платформы YouTube, где путь от относительно нейтральных видео к конспирологическим и экстремистским часто прокладывается именно последовательностью рекомендаций алгоритма.

Для противодействия этим системным угрозам требуется комплексный межотраслевой подход, выходящий за рамки традиционного правового регулирования защиты персональных данных. Необходима разработка и имплементация специализированного законодательства, прямо нацеленного на обеспечение прозрачности, подотчетности и безопасности рекомендательных технологий.

Представляется, что ключевым элементом будущего регулирования должно стать внедрение принципа «предустановленного выбора», когда платформы обязаны предлагать пользователям не манипулятивный, а просвещающий и развивающий интерфейс, включая алгоритмические рекомендации, основанные на достоверности информации и ее разнообразии, а не исключительно на метриках вовлеченности. Полагаем, подобные правила целесообразно закрепить и на законодательном уровне.

При этом, следует отметить, что информационная безопасность в контексте рекомендательных технологий выступает как свойство информационной среды сохранять когнитивную и эмоциональную устойчивость индивида и институциональную устойчивость социума при сохранении свободы доступа к информации. В этой рамке «деструктивность», как уже отмечалось, не тождественна неприятности или спорности контента: релевантным является не «ценностный ярлык», а механизм причинения вреда и его рисковый профиль. Последний определяется (1) интенсивностью воздействия (частотой и длительностью экспозиции), (2) персистентностью (устойчивостью эффекта во времени), (3) безальтернативностью (отсутствием реалистичных опций выхода) и (4) уязвимостью аудитории (возраст, психическое состояние, кризисные жизненные обстоятельства и т.п.). Эти четыре параметра позволяют отличать просто «неудобную» информацию от такого воздействия, которое подрывает информационную безопасность.

С теоретической точки зрения деструктивное влияние РТ следует объяснять не свойствами «опасных» сообщений самих по себе, а совокупностью четырех контуров алгоритмического воздействия:

1. Спецификация цели. Большинство промышленных РТ оптимизируют метрики (время удержания, клики, глубина сессии и т.п.), которые коррелируют с экономическими целями, но не являются показателями благополучия пользователя. Неполнота и асимметрия целевой функции порождают систематическую предвзятость: модели «научаются» предпочитать контент с высокой аффективной валентностью и низкой проверяемостью, поскольку такой контент усиливает вовлечение.

2. Представление данных. Обучение на прошлых взаимодействиях с платформой содержит структурные искажения: эффект самоселекции (отвержение невписывающееся в картину мира информации), обратная связь популярности (популярное становится еще популярнее), дискриминация меньшинств за счет редких появлений данных о них. Эти феномены переводят социальные предубеждения и случайные всплески внимания в устойчивые параметры модели.

3. Оптимизация. В реальном времени РТ решают задачу компромисса «исследование–эксплуатация», усиливая краткосрочно выгодные маршруты внимания. Возникают замкнутые петли обратной связи: предпочтение → показ → вовлечение → обновление модели → усиленный показ. При наличии аффективно насыщенного контента такая петля смещает «базовую линию» восприятия и формирует тренд к эскалации, чтобы поддерживать прежний уровень возбуждения, системе приходится предлагать более острый материал.

4. Архитектура выбора. Интерфейсные решения (автовоспроизведение, бесконечная прокрутка, подталкивающие уведомления, скрытие опций отказа) уменьшают «трение» для поведения, выгодного целевой функции, и увеличивают «трение» для поведения, поддерживающего автономию (поиск альтернатив, выключение персонализации). В результате внешняя легитимация выбора сохраняется, тогда как фактическая свобода уменьшается.

Синергия этих контуров образует триаду механизмов воздействия: (а) селекция – системное завышение вероятности появления в ленте аффективно нагруженной и поляризующей информации; (б) интенсификация – наращивание частоты и плотности однотипных нарративов, приводящее к сдвигу ориентиров пользователя и формированию устойчивых паттернов; (в) нормализация – закладывание новых критериев «обычного» через повторяемость и кажущуюся общепринятость, что снижает пороги критического восприятия. Именно триада «селекция–интенсификация–нормализация», а не абстрактная «вредность» отдельных сообщений, объясняет переход от индивидуальной уязвимости к масштабным социальным эффектам.

Для аналитики информационной безопасности полезно различать два модуса деструкции. *Пассивно-кумулятивный модус* возникает, когда агрегирующее воздействие множества «безобидных» на первый взгляд единиц контента вызывает перегрузку, выученную беспомощность, ухудшение настроения, навязчивые паттерны потребления. *Активно-целевой модус* реализуется там, где система, идентифицируя маркеры уязвимости, систематически подбирает специфические стимулы (например, усиленно подает материалы, катализирующие самоповреждающее поведение). Оба модуса опираются на одну и ту же инфраструктуру предсказаний, но различаются по интенсивности и направленности «оптимизации» контента.

С позиций когнитивной психологии ядром деструктивности является конфликт между аффективной активацией и когнитивным контролем. Аффективно заряженный контент усиливает немедленные реакции ориентировочной и лимбической систем, тогда как ресурсы префронтальной регуляции – ограничены и истощаются под длительной нагрузкой. РТ, максимизируя краткосрочное вовлечение, «прикрепляют» выбор к аффективному контуру, создавая поведенческую инерцию и снижая вероятность обращения к критической оценке источников и аргументов. Это не тождественно «запрету эмоций» в публичной сфере; речь идет о системной асимметрии, когда РТ поддерживаются именно те эмоциональные траектории, которые оптимальны для удержания, но субоптимальны для способности пользователя выдерживать сложные, противоречивые сведения.

Правовая перспектива требует перевести описанные механизмы в язык критериев и обязательств. Во-первых, процедурная автономия. Согласие пользователя на обработку данных и применение персонализации не может считаться осознанным, если архитектура выбора скрывает реальные альтернативы, а описание воздействия ограничено общими формулами. Минимальным стандартом является явность и доступность отказа, информирование о ключевых факторах влияния и о последствиях выбора режимов ленты. Во-вторых, прозрачная спецификация цели. Оператор РТ обязан документировать, какие метрики оптимизируются и каким образом предотвращается их конфликт с охраняемыми ценностями (психическое здоровье, защита детей, недискриминация). В-третьих, подотчетность за предсказуемый риск. При наличии данных о том, что определенные контуры рекомендаций ведут к устойчивому вреду у уязвимых групп, бремя доказательства адекватности мер снижения риска не может перекладываться на пользователя.

Доктрина эпистемической безопасности служит мостом между психологией и правом. Ее операционализация в рамках РТ предполагает, как минимум, три измерения: (1) диверсификация источников, (2) контекстуализация достоверности (пометки о статусе источника, наличии проверки, уровне неопределенности), (3) контакт с несогласными точками зрения (контролируемое включение корректных контраргументов, особенно в чувствительных темах). Важно подчеркнуть: эти меры

не конкурируют со свободой выражения; они меняют процедуру доставки и весовых коэффициентов внутри алгоритма, не навешивая содержательных цензурных запретов на сами идеи.

Для целей надзора и внутреннего комплаенса целесообразно ввести критерии «пороговой деструктивности». Такая конструкция отделяет неизбежный «коммуникационный риск» от предсказуемо усиленного алгоритмом риска, подлежащего управлению.

Особого внимания заслуживает разграничение посредничества и редакционной ответственности в условиях алгоритмического ранжирования. В классической модели нейтрального посредника платформа не влияет на вероятность встречи пользователя с определенной информацией за пределами простых форматов индексации. В модели РТ платформа формирует индивидуализированный порядок и интенсивность показа, опираясь на скрытую оценочную функцию. С правовой точки зрения это означает, что нейтральность ограничена: по мере увеличения роли оптимизации растет и объем ожидаемой должной осмотрительности в отношении предсказуемых вредных эффектов для уязвимых групп. Речь не о всеобщем переносе ответственности за речь третьих лиц на оператора, а о специфической ответственности за конфигурацию и эксплуатацию механизма усиления.

Обеспечение информационной безопасности также требует учета контекста применения. Один и тот же алгоритмический контур может быть допустим в развлекательном сервисе для совершеннолетних и недопустим в образовательной среде или детских сервисах. Следовательно, *принцип пропорциональности* в этой сфере должен применяться как тест из четырех шагов: легитимность цели (охраняемая ценность), пригодность меры (способна ли мера снижать конкретный риск), необходимость (есть ли менее ограничительные альтернативы для сопоставимого эффекта), соразмерность в узком смысле (баланс выгод и потерь для затронутых прав). Перевод этого теста в технологическую процедуру (описание альтернативных конфигураций, их прогнозной оценки и причин отказа от более мягких) обеспечивает проверяемость решений оператора РТ.

Наконец, отметим ограничения эпистемологии в оценке деструктивности. Корреляционные наблюдения в социальных сетях часто искажены неучтенной гетерогенностью пользователей и событийными шоками. Отсюда – риск гипердиагностики (объявление негативной тенденцией любых непонравившихся паттернов) и риск гиподиагностики (игнорирование кумулятивного слабого сигнала). Методологическая добросовестность предполагает явное разграничение уровней уверенности: гипотеза риска (обоснованное предположение), сигнал риска (стабильный статистический паттерн), подтвержденный риск (реплицируемый эффект). Только на последнем уровне оправданы строгие организационные вмешательства, тогда как на первых двух – превентивные и мягкие корректировки (увеличение разнообразия, добавление пояснений, ослабление автоплей-контуров).

Дальнейшее теоретико-правовое уточнение требует развести собственно «опасный контент» и «опасную конфигурацию среды», в которой даже формально не противоправные данные при определенной частоте, длительности и отсутствии альтернативных маршрутов восприятия приобретают вредоносный профиль. В этой связи деструктивность предстает как свойство не единичного сообщения, а институционально заданной процедуры его доставки и усиления, что переводит анализ с уровня содержания на уровень архитектуры медиапространства. Именно поэтому информационную безопасность следует понимать как публичное благо: отдельный пользователь не способен самостоятельно модифицировать условия, в которых формируется его информационный «рацион», а потому нуждается в институциональных гарантиях предсказуемости и плюрализма, минимизирующих кумулятивный вред.

Соответственно, ключевым гуманитарно-правовым ориентиром выступает когнитивный иммунитет личности – способность сохранять автономию суждения в среде, где выбор опосредован алгоритмическими фильтрами. В отличие от приватности, охраняющей «периметр данных», когнитивный иммунитет охраняет условия формирования воли и убеждений. Юридически он конкретизируется через требования к процедурной автономии пользователя: информированность о характере персонализации, реальная альтернативность режимов потребления, обратимость профилирования. Эти требования не навязывают «правильного» содержания контента, но задают пределы допустимого воздействия: там, где алгоритмическое усиление предсказуемо снижает способность к самостоятельному выбору и критической оценке, возникает зона, в которой вмешательство оправдано тестом необходимости и соразмерности.

Для аналитики и последующего правоприменения важно развернуть типологию вреда, причиняемого РТ, по двум осям: модальности и темпоральности. По *модальности* различим *прямой вред* (индуцирование противоправного или саморазрушительного поведения), *косвенный вред* (ухудшение психического благополучия, выученная беспомощность, цинизм и т.п.), *диффузный социальный вред* (эрозия доверия, поляризация, нормализация стигматизации и т.п.) и *институциональный вред* (подрыв процедур публичной коммуникации, снижение качества эпистемических практик и т.п.). По *темпоральности* отличим *острые эпизоды* (скачкообразные всплески агрессии или паники) и *хронические эффекты* (формирование привычек потребления, устойчивые когнитивные смещения), причем именно хронические эффекты чаще связаны с конфигурацией алгоритмической среды, а не с единичными сообщениями. Такая рамка позволяет корректно ставить вопрос о причинной релевантности: объектом юридической оценки становится не «пост», а «контур доставки» контента, воспроизводящийся во времени.

Сказанное позволяет сделать методологически важный вывод: в оценке рекомендательных технологий для обеспечения информационной безопасности первичны не моральные ярлыки и не спорность, потенциальная противоправность отдельных сообщений, а параметры риск-профиля алгоритмической процедуры. В дальнейшем это позволяет перевести теоретический анализ в конструктивную плоскость: какие именно элементы системы подлежат раскрытию, какие настройки должны быть доступны пользователю, какие меры профилактики являются разумными, а какие – формальными, и какие артефакты (документы, регламенты, журналы изменений, статистика жалоб) должны обеспечивать проверяемость утверждений владельца РТ. Тем самым теория деструктивного воздействия становится не самостоятельным описанием «опасностей цифровой среды», а основанием для проектирования нормативного и институционального контура медиабезопасности.

Таким образом, теоретические основы деструктивного воздействия РТ в логике информационной безопасности сводятся к следующему. Во-первых, вред возникает не из «плохого контента» как такового, а из несоответствия цели оптимизации охраняемым ценностям и из институционально закрепленной асимметрии между аффективной активацией и когнитивным контролем. Во-вторых, решающую роль играют замкнутые петли обратной связи, которые переводят случайные всплески вовлечения в долговременные сдвиги предпочтений и норм. В-третьих, юридическая релевантность придается тем ситуациям, где риск предсказуем, уязвимость идентифицируема, а альтернативы для пользователя практически отсутствуют. В-четвертых, корректный ответ требует не цензуры содержания, а переопределения процедур: ясного выбора режимов, прозрачной спецификации цели, подотчетности за изменение моделей и верифицируемых методов оценки риска. Такая постановка вопроса позволяет удержать баланс между свободой коммуникации и охраной когнитивного суверенитета, переводя дискуссию из сферы абстрактных опасений в сферу проверяемых инженерно-правовых решений.

Литература

1. Ricci F., Rokach L., Shapira B. Recommender Systems Handbook. Springer, 2015. 1020 p.
2. Bhardwaj A., Bharany S., Kim S Fake social media news and distorted campaign detection framework using sentiment analysis & machine learning // Heliyon. 2024. Vol. 10. Iss. 16. No. e36049.
3. Sunstein C.R. Republic: Divided Democracy in the Age of Social Media. Princeton: Princeton University Press, 2017. 328 p.
4. Heller A.S., Lapate R.C., Mayer K.E., Davidson R.J The face of negative affect: trial-by-trial corrugator responses to negative pictures are positively associated with amygdala and negatively associated with ventromedial prefrontal cortex activity // Journal of cognitive neuroscience. 2014. Vol. 26. No. 9. Pp. 2102–2110.
5. Zuboff S. The Age of Surveillance Capitalism. New York: PublicAffairs, 2019. Pp. 132-140.
6. Thaler R.H., Sunstein C.R. Nudge: improving decisions about health, wealth, and happiness. Yale University Press, 2008. 312 p.
7. Barocas S., Selbst A.D. Big Data's Disparate Impact // California Law Review. 2016. Vol. 104. Pp. 671-732.

Recommendation technologies as a sociotechnical tool for personalizing information flows and for destructive and manipulative influence: challenges to legal support for information security

Nikishin V.D.

Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

In Russian legislation, recommendation technologies (hereinafter referred to as RT) have received minimal regulation, which is largely declarative in nature and does not ensure transparency in the use of RT or the exercise of freedom of choice by internet users. In the context of algorithmically mediated communication, harm is not only and not so much caused by individual information units, but rather by the systemic configuration of the environment. The focus of analysis is on the configurations of the algorithmic environment that pose a predictable risk of sustained harm, where the criterion of destructiveness is not only the assessment of the content of specific publications, but also the characterization of the procedure as risk-generating. It is substantiated that the risks of using RT described in the work contradict the principle of ideological diversity and create prerequisites for violating an individual's cognitive immunity. The paper identifies four algorithmic impact loops: target specification, data representation, optimization, and selection architecture. The synergy of these loops forms a triad of impact mechanisms: selection, intensification, and normalization. For information security analytics, it is useful to distinguish between two modes of destruction: passive-cumulative and active-targeted. From the perspective of building a legal framework for the use of RT, the paper analyzes the aspects of ensuring procedural autonomy, transparency in target specification, and accountability for predictable risks. Special attention is paid to the delineation of mediation and editorial responsibility in the context of algorithmic ranking. The typology of harm caused by RT is proposed to be classified according to two criteria: modality and temporality.

Keywords: recommendation technologies, recommendation systems, rektech, information security, semantic capsules, collaborative filtering, algorithms, AI, neural networks, autonomy of will, targeting, information law, digital law, and mass media.

Affilations. The study was carried out as part of the Priority-2030 strategic academic leadership program.

References

1. Ricci F., Rokach L., Shapira B. Recommender Systems Handbook. Springer, 2015. 1020 p.
2. Bhardwaj A., Bharany S., Kim S Fake social media news and distorted campaign detection framework using sentiment analysis & machine learning // Heliyon. 2024. Vol. 10. Iss. 16. No. e36049.
3. Sunstein C.R. Republic: Divided Democracy in the Age of Social Media. Princeton: Princeton University Press, 2017. 328 p.
4. Heller A.S., Lapate R.C., Mayer K.E., Davidson R.J The face of negative affect: trial-by-trial corrugator responses to negative pictures are positively associated with amygdala and negatively associated with ventromedial prefrontal cortex activity // Journal of cognitive neuroscience. 2014. Vol. 26. No. 9. Pp. 2102–2110.
5. Zuboff S. The Age of Surveillance Capitalism. New York: PublicAffairs, 2019. Pp. 132-140.
6. Thaler R.H., Sunstein C.R. Nudge: improving decisions about health, wealth, and happiness. Yale University Press, 2008. 312 p.
7. Barocas S., Selbst A.D. Big Data's Disparate Impact // California Law Review. 2016. Vol. 104. Pp. 671-732.

Коммуникация в GR: синергия традиционных форм и лоббистских методов в деятельности корпоративных субъектов

Панчукова Татьяна Андреевна
магистрант кафедры сравнительной политологии, Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, panchukowa.tatyana@yandex.ru,

Иванников Никита Сергеевич
магистрант кафедры сравнительной политологии, Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, 1032240403@rudn.ru,

Шальнова София Александровна
магистрант кафедры сравнительной политологии, Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, 1132249382@rudn.ru

Статья посвящена анализу и систематизации форм и методов GR-коммуникаций и лоббистской деятельности корпоративных субъектов. Актуальность исследования обусловлена многообразием проявлений лоббизма, выходящих за рамки узконормативных определений, и необходимостью разработки многомерной классификации для их эффективного изучения. Целью работы является создание комплексной матричной системы, интегрирующей традиционные формы и современные лоббистские методы взаимодействия бизнеса и власти. На основе анализа существующих теоретических подходов, включая типологии Э. Ноунса и А.С. Автономова, авторы систематизируют формы GR-взаимодействия по критериям институциональной принадлежности объектов воздействия (законодательная, исполнительная и «низовая»), степени контроля над коммуникационным пространством («гостевые», «хозяйские», «нейтральные») и уровню публичности (официальные и неофициальные каналы). В работе дифференцируются методы прямого и косвенного лоббирования, раскрывается специфика внутреннего (Inside) и внешнего (Outside) лоббизма. Ключевым результатом исследования является разработанная комплексная матричная таблица, которая соотносит организационные формы и инструментальные методы GR-менеджмента, а также определяет необходимых участников/партнеров.

Ключевые слова: GR-коммуникации, лоббизм, корпоративные субъекты, формы лоббистской деятельности, методы лоббистской деятельности, взаимодействие бизнеса и власти, матричная классификация.

Введение

В 2003 году в Государственную Думу был внесен законопроект № 396138-3 «О лоббистской деятельности в федеральных органах государственной власти», в котором были закреплены следующие формы лоббистской деятельности:

1) направление в федеральные органы государственной власти информации, проектов решений с обоснованием целесообразности их принятия;

2) встречи и переговоры с должностными лицами по вопросам, соответствующим целям лоббистской деятельности;

3) участие в рабочих совещаниях, заседаниях комиссий, коллегий, комитетов и иных структур.

Одну из наиболее фундаментальных типологий форм GR-менеджмента предложил Э. Ноунс в работе «Тотальное лоббирование» [1]. Автор систематизирует формы взаимодействия бизнеса и власти, исходя из институциональной принадлежности объектов воздействия, и выделяет три ключевых вектора реализации лоббистской деятельности:

1. Законодательная (парламентская) форма. Данное направление ориентировано на взаимодействие с субъектами законодательной ветви власти, которая в большинстве современных государств выступает первичным источником регуляторной политики. Институциональными площадками здесь выступают рабочие группы по подготовке законопроектов, парламентские слушания, заседания профильных комиссий, экспертные советы и официальные приемные депутатов.

2. Исполнительная (административная) форма. Данная форма характеризуется высокой степенью эффективности, так как исполнительная власть не только обладает правом законодательной инициативы, но и наделена широкими полномочиями по реализации и интерпретации принятых норм. Ключевыми инструментами взаимодействия здесь выступают заседания межведомственных комиссий, проектные офисы, экспертные советы при министерствах и ведомствах, а также участие в разработке административных регламентов и программ целевого финансирования.

3. «Низовая» форма, предполагающая опосредованное влияние на государственных стейкхолдеров через формирование определенного общественного или профессионального дискурса. Инструментарий «низового» лоббизма включает в себя организацию деловых форумов и профессиональных конференций, работу с научно-экспертными сообществами, взаимодействие со СМИ, а также использование площадок общественных и религиозных объединений для легитимизации корпоративных интересов в глазах общественности [6].

В соответствии с распределением субъектно-объектных ролей выделяются следующие формы:

1. «Гостевые» формы. В данной модели субъект лоббирования (представитель бизнеса или ассоциации) интегрируется в уже существующее институциональное пространство, полностью контролируемое государственным органом. Характеризуются высокой степенью регламентации и необходимостью адаптации лоббиста к официальному протоколу, где он выступает в роли приглашенного эксперта. К примерам подобной формы лоббистской деятельности можно отнести официальные приемы в ведомствах, участие в парламентских слушаниях, присутствие на заседаниях профильных комитетов Государственной Думы или подача обращений в приемные органов исполнительной власти [1].

2. «Хозяйские» формы. Данный формат предполагает инверсию ролей: лоббист сам выступает архитектором коммуникационного пространства, становясь инициатором и организатором мероприятия. Это позволяет субъекту лоббирования перехватить стратегическую инициативу, сформировать благоприятную атмосферу и самостоятельно

определить состав участников, повестку мероприятия и круг обсуждаемых вопросов. Корпоративные стратегические сессии с участием представителей власти, выездные презентации производственных мощностей для чиновников, закрытые отраслевые приемы, организованные крупным бизнесом – мероприятия, которые вписываются в «хозяйскую» форму GR-менеджмента.

3. «Нейтральные» формы. Взаимодействие осуществляется на независимых территориях, где организатором выступает третья сторона, не имеющая прямой заинтересованности в исходе конкретного лоббистского кейса. Примерами служат крупные экономические форумы (ПМЭФ, ВЭФ и др.), дискуссионные панели аналитических центров, научно-практические конференции, заседания независимых клубов (например, Валдайский клуб) и экспертные площадки на базе ведущих университетов[7].

Таким образом, создается матричная структура лоббистских коммуникаций, которая включает в себя следующие сочетания:

1. публично-гостевые формы: участие представителей бизнеса в официально регламентированных мероприятиях на территории органов власти (например, открытые слушания в парламенте);

2. публично-хозяйские формы: организация субъектом лоббирования открытых для прессы и широкой общественности форумов или презентаций с приглашением высокопоставленных государственных лиц;

3. публично-нейтральные формы: ведение открытых дискуссий на независимых экспертных или медийных площадках, доступных для внешнего наблюдения [6];

4. непублично-нейтральные формы: закрытые консультации в рамках неформальных клубов или на базе экспертных центров, где третья сторона обеспечивает конфиденциальность диалога между бизнесом и властью.

Методы

Для обеспечения системного анализа взаимодействия бизнеса и власти необходимо дифференцировать инструментальный базис лоббистской деятельности, соотнеся методы лоббистской деятельности с ранее определенными формами коммуникации.

Метод лоббистской деятельности – политико-управленческий инструмент двустороннего субъект-объектного воздействия, в контексте стратегии поведения отдельного политического актора (коалиции акторов), который связан с осуществлением соответствующих видов операциональных действий (акций) лоббирующих стейкхолдеров в отношении таргетируемых групп (индивидов), проводящихся в институциональных рамках определенной организационной и сетевой политической структуры [2].

В отечественной политической науке фундаментальное значение имеет классификация, предложенная А. С. Автономовым [2], который в рамках выделяет две агрегированные группы методов – прямые и косвенные. Данная дихотомия позволяет разграничить технологии непосредственного воздействия на субъектов власти и стратегии опосредованного давления через формирование внешней социально-политической среды [3].

В основе методов прямого лоббирования (Direct Lobbying) лежит установление прямого непосредственного контакта между субъектом лоббирования и лицом, принимающим решения. Прямое лоббирование включает как официальные институциональные каналы, так и кулуарные практики.

К ним относятся:

1) экспертно-аналитическое сопровождение: подготовка альтернативных законопроектов или поправок, проведение оценки регулирующего воздействия по инициативе бизнеса.

2) личное представительство: участие в заседаниях профильных комитетов и рабочих групп, где лоббист напрямую аргументирует позицию компании.

3) коммуникативный консалтинг: личные встречи и консультации в неформальной обстановке, позволяющие донести позицию до ЛПР без жесткого протокольного регламента.

Методы косвенного воздействия (Indirect Lobbying). Данный инструментарий ориентирован на опосредованное влияние через изменение внешнего контекста, в котором функционирует политический актор. Цель косвенного лоббирования – создать такое общественное или профессиональное давление, при котором игнорирование интересов субъекта станет для власти политически невыгодным.

Косвенные методы часто называют стратегией окружения ЛПР. Основными инструментами здесь выступают управление повесткой дня через масс-медиа (Agenda setting), организация информационных кампаний в СМИ и социальных медиа для привлечения внимания к проблеме [3]. Примером может стать серия публикаций в федеральных изданиях о кризисном состоянии отрасли с целью ускорить принятие программы государственного субсидирования [4].

По результатам проведённого анализа предложена многоуровневая схема систематизации форм лоббистской деятельности. На базовом уровне все формы подразделяются на публичные (официальные) и непубличные (неофициальные). Публичные формы характеризуются формализованными организационными рамками в системе органов государственной власти, наличием регламента и нормативных процедур; непубличные – опираются преимущественно на неформальные практики, устойчивые привычки и неписаные правила поведения. На следующем уровне внутри каждой из этих двух категорий проводится более детальная дифференциация форм.

Результаты

Таким образом, нами была составлена комплексная матричная таблица с организационными формами и инструментальными методами GR-менеджмента (таб.1).

Таблица 1

Комплексная матричная система форм и методов лоббистской деятельности

Организационные формы		**Инструментальные методы**		**Необходимые участники/партнеры**
		Прямые	**Косвенные**	
Публичные админ. гостевые	-заседания рабочей группы; -заседания межведомст-венных комиссий; -работа круглых столов; -приемная Права; -заседания экспертных советов; -процедура ОРВ.	-очная коммуникация с ЛПР; -продвижение НПА; -подготовка аналитического доклада; -консультация стейкхолдеров ФОИВах .	-мониторинг НПА; -публикация результатов ОРВ; -публикация на сайте результатов независимой экспертизы НПА.	-депутаты; -профильные независимые эксперты; -секретариаты комитетов; -юридическая поддержка; -отраслевые ассоциации; -представители ФОИВ; -НКО; -PR/коммуникации; - IT-поддержка.
Публичные законодатель-ные гостевые	-заседания профильных парламентских комитетов и комиссий; -процедура общественного обсуждения НПА на regulation.gov.ru; -публичные слушания; -деятельность рабочей группы по подготовке норма-тивно-правового акта; -заседания экспертных советов; -приемная депутатов ГД.	-личные встречи; -телефонные перегово-ры; -подготовка аналитическо-го доклада; -выступление в рамках экспертного совета; -продвижение ЗКП; -консультация законодательного ЛПР.	-обращение отраслевой ассоциации по вопросу ЗКП в профильное ведомство; - размещение на официальных сайтах результатов независимой экспертизы НПА.	
Публичные негосударствен-ные нейтральные	- научные, общественные и профессиональные конференции; -отраслевые форумы;	-публикации материалов по теме НПА в СМИ; -выдвижение представителей	- использование PR-инструментария; -осуществление медиа-компаний;	

	-съезды парламентских партий.	бизнеса на руководящие позиции в политических партиях; -массовые обращения (от лица отрасли, ассоциации) к ОГВ.	-финансирование избирательных кампаний лояльных политиков.	
Публичные негосударствен-ные хозяйские	- участие в съездах отраслевых ассоциаций; -участие в деловых форумах; -организация мероприятий в рамках КСО.	-координация платформы, направленной на формирование коалиции поддержки; -привлечение ЛПР к участию в организуемых мероприятиях.	- публикация петиций от общественных объединений; - отправка в ОГВ писем, разработанных в рамках бизнес-сообщества.	
Непубличные нейтральные	-членство в бизнес-клубах; - мероприятия в рамках деловых форумов; - привлечение СМИ; -уголовно наказуемые форматы	-налаживание «дружеских» отношений с ЛПР; -использование семейных связей с ЛПР; - использование психологического давления, манипуляций и угроз.	- организация митингов, протестов; - использование компрометирую-щей информации для достижения желаемой цели.	

Источник: составлена на основе аналитических разработок А.А. Дегтярёва

Обсуждение

Разработанная матричная модель позволяет связать формы коммуникации с методами влияния и показать, что выбор инструментов GR-деятельности зависит не только от краткосрочных целей бизнеса, но и от уровня социально-политической приемлемости, правовой легитимности и степени публичности применяемых каналов. Это делает GR-коммуникацию не набором разрозненных практик, а связанной системой.

Особое значение имеет различение внутреннего (Inside) и внешнего (Outside) лоббизма, поскольку оно уточняет, каким образом корпоративные акторы используют институциональные и внеинституциональные ресурсы для продвижения интересов. Внутренние каналы обеспечивают более прямое взаимодействие с центрами принятия решений, тогда как внешние позволяют формировать давление через общественную среду, экспертные сети и медиа-повестку.

С точки зрения прикладного анализа предложенная схема полезна тем, что позволяет соотносить конкретные формы GR-активности с допустимыми методами воздействия и партнёрскими конфигурациями. Тем самым исследование показывает, что выбор стратегии зависит не только от задач корпоративного субъекта, но и от степени институциональной открытости площадки, статуса участников и характера публичности.

Заключение

В ходе работы было установлено, что многообразие форм лоббистской деятельности выходит за рамки узконормативных определений и требует многомерной классификации. Авторами систематизированы подходы к дифференциации GR-взаимодействия по критериям институциональной принадлежности объектов (законодательная, исполнительная и «низовая» формы), степени контроля над коммуникационным пространством («гостевые», «хозяйские» и «нейтральные» форматы), а также уровню публичности (официальные и неофициальные каналы).

Особое внимание в главе уделено инструментальному базису GR-деятельности. Раскрыта дихотомия прямых и косвенных методов, а также специфика внутреннего (Inside) и внешнего (Outside) лоббизма. Доказано, что выбор между «жесткими» и «мягкими» методами влияния, равно как и между проактивными, протекционистскими или адаптивными стратегиями, детерминирован не только краткосрочными целями бизнеса, но и уровнем социально-политической приемлемости и правовой легитимности используемых инструментов.

Литература

1. Автономов А. С. Азбука лоббирования. – Права человека, 2004. – с. 55.

2. Дегтярёв А.А. Основные формы современной GR-работы по регулированию взаимодействий бизнес-корпораций с государственными органами // Россия в глобальном мире: институты и стратегии политического взаимодействия / Отв. ред. О.В. Гаман-Голутвина, Л.В. Сморгунов. М., РАПН, 2012. С. 148-149.

3. Дегтярев, А. А. «Свой среди чужих»: GR-менеджмент как политическое управление в арсенале «неполитических» агентов / А. А. Дегтярев. – Текст : электронный // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/svoy-sredi-chuzhih-gr-menedzhment-kak-politicheskoe-upravlenie-v-arsenale-nepoliticheskih-agentov (дата обращения: 20.12.2025).

4. Дегтярёв, А. А. О комбинаторике форм организации корпоративной GR-работы: От «in-house» до «out-source» / Материалы Всероссийской конференции РАПН с международным участием «Россия и мир в первой четверти XXI века: Политические итоги и перспективы», Москва, 28-29 ноября 2025 г. С. 217.

5. Подшибякин А. С. Лоббистская деятельность некоммерческих организаций в период ограничительных мер со стороны государства: приемы и методы // Транслингва: вопросы современной науки и технологий сквозь призму языкового сознания : сборник по материалам международной научно-практической конференции, Москва, 12 декабря 2024 года. – Москва: ЗАО «Университетская книга», 2025. – С. 85-89.

6. Тетерюк, А. С. Особенности GR-стратегий транснациональных и российских субъектов бизнеса: итоги междисциплинарного анализа / Траектории политического развития России: институты, проекты, акторы : материалы всероссийской научной конференции РАПН с международным участием, Москва, 06–07 декабря 2019 года / Московский педагогический государственный университет. – 2019. – С. 400-401.

7. Nownes A. J. «Total lobbying: What lobbyists want (and how they try to get it)». – Cambridge University Press, 2006

Communication in GR: synergy of traditional forms and lobbying methods in the activities of corporate actors

Panchukova T.A., Ivannikov N.S., Shalnova S.A.
Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)

This article is devoted to the analysis and systematization of forms and methods of GR-communications and lobbying activities of corporate actors. The relevance of the study is determined by the diversity of lobbying manifestations that go beyond narrow normative definitions, and the need to develop a multidimensional classification for their effective study. The purpose of this paper is to create a comprehensive matrix system that integrates traditional forms and modern lobbying methods of business-government interaction. Based on the analysis of existing theoretical approaches, including the typologies of A. Nownes and A.S. Avtonomov, the authors systematize the forms of GR-interaction according to the criteria of institutional affiliation of influence objects (legislative, executive, and 'grassroots'), the degree of control over the communication space ('guest,' 'host,' 'neutral'), and the level of publicity (official and unofficial channels). The paper differentiates direct and indirect lobbying methods and reveals the specifics of internal (Inside) and external (Outside) lobbying. A key result of the study is the developed comprehensive matrix table, which correlates organizational forms and instrumental methods of GR-management, and identifies necessary participants/partners.

Keywords**:** GR-communications, lobbying, corporate actors, forms of lobbying activity, methods of lobbying activity, business-government interaction, matrix classification.

References

1. Avtonomov, A. S. (2004). Azbuka lobbirovaniya [The ABCs of Lobbying]. Prava Cheloveka. p. 55.
2. Degtyarev, A. A. (2012). Osnovnye formy sovremennoi GR-raboty po regulirovaniyu vzaimodeistvii biznes-korporatsii s gosudarstvennymi organami [Main Forms of Modern GR-Work in Regulating Interactions between Business Corporations and Government Bodies]. In O.V. Gaman-Golutvina & L.V. Smorgunov (Eds.), Rossiya v global'nom mire: instituty i strategii politicheskogo vzaimodeistviya [Russia in the Global World: Institutions and Strategies of Political Interaction] (pp. 148-149). RAPS.
3. Degtyarev, A. A. (n.d.). "Svoi sredi chuzhikh": GR-menedzhment kak politicheskoe upravlenie v arsenale "nepoliticheskikh" agentov ["One's Own Among Strangers": GR-Management as Political Governance in the Arsenal of "Non-Political" Agents]. Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Politologiya [Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Political Science]. Retrieved from https://cyberleninka.ru/article/n/svoy-sredi-chuzhih-gr-menedzhment-kak-politicheskoe-upravlenie-v-arsenale-nepoliticheskih-agentov (Accessed: 20.12.2025).
4. Degtyarev, A. A. (2025). O kombinatorike form organizatsii korporativnoi GR-raboty: Ot "in-house" do "out-source" [On the Combinatorics of Forms of Corporate GR-Work Organization: From "in-house" to "out-source"]. In Materialy Vserossiiskoi konferentsii RAPN s mezhdunarodnym uchastiem "Rossiya i mir v pervoi chetverti XXI veka: Politicheskie itogi i perspektivy" [Proceedings of the All-Russian Conference of RAPS with International Participation "Russia and the World in the First Quarter of the XXI Century: Political Outcomes and Prospects"] (p. 217). Moscow.
5. Podshibyakin, A. S. (2025). Lobbistskaya deyatel'nost' nekommercheskikh organizatsii v period ogranichitel'nykh mer so storony gosudarstva: priemy i metody [Lobbying Activities of Non-Commercial Organizations during State Restrictive Measures: Techniques and Methods]. In Translingva: voprosy sovremennoi nauki i tekhnologii skvoz' prizmu yazykovogo soznaniya: sbornik po materialam mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii [Translingua: Issues of Modern Science and Technology through the Prism of Linguistic Consciousness: Collection of Materials from the International Scientific and Practical Conference] (pp. 85-89). ZAO "Universitetskaya kniga".
6. Teteryuk, A. S. (2019). Osobennosti GR-strategii transnatsional'nykh i rossiiskikh sub'ektov biznesa: itogi mezhdistsiplinarnogo analiza [Features of GR-Strategies of Transnational and Russian Business Actors: Results of Interdisciplinary Analysis]. In Traektorii politicheskogo razvitiya Rossii: instituty, proekty, aktory: materialy vserossiiskoi nauchnoi konferentsii RAPN s mezhdunarodnym uchastiem [Trajectories of Russia's Political Development: Institutions, Projects, Actors: Proceedings of the All-Russian Scientific Conference of RAPS with International Participation] (pp. 400-401). Moscow Pedagogical State University.
7. Nownes, A. J. (2006). Total lobbying: What lobbyists want (and how they try to get it). Cambridge University Press.

Институт молодежного парламентаризма в XXI веке

Москалев Егор Петрович
соискатель, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, moskalevegor04@mail.ru

Исследование посвящено изучению становления и развития молодежного парламентаризма в современной истории России как института гражданского общества. Цель работы заключается в выявлении проблем, с которыми сталкивается институт молодежного парламентаризма, а также в поиске решений, направленных на выстраивание эффективной модели взаимодействия молодежи и органов публичной власти. В работе анализируются итоги деятельности института молодежного представительства за более чем 25-летний период его существования на примере молодежных советов и парламентов при законодательных органах и представительных органах местного самоуправления субъектов Российской Федерации Приволжского федерального округа. Методологической основой исследования стали теоретические и эмпирические методы: анализ, синтез, методы сравнительного анализа и обобщения, а также анкетирование. Результаты свидетельствуют о расхождении декларируемых целей молодежных представительных органов и достигаемых ими результатов деятельности, что связано с внутриорганизационными проблемами их функционирования или внешними воздействиями. Научная значимость исследования заключается в систематизации знаний о зарекомендовавших себя и апробированных практиках взаимодействия органов государственной власти и гражданского общества. Практическая значимость заключается в прикладном характере предлагаемых рекомендаций по совершенствованию механизмов включения молодежи в непосредственное участие в управлении делами государства.

Ключевые слова: Государственная молодежная политика, молодежный парламентаризм, молодежное самоуправление, гражданское общество, политическое участие.

Введение

Молодежная политика в России развивалась и трансформировалась вместе со страной, претерпевая кризисы, институциональные преобразования и реформы. В формировании и развитии современной государственной молодежной политики особую роль сыграли молодежные и детские общественные объединения, становление которых пришлось на начало 1990-х годов – период кардинальной политической и социально-экономической трансформации нашей страны. Кризис 1990-х годов, период становления рыночной экономики не позволяли государству на достаточном уровне заниматься молодежью, поэтому распространение общественных объединений получило массовый характер. Каждый разбивался на группы интересов и развивался внутри своей организации – школы, вуза, кружка, где неравнодушные педагоги и специалисты по работе с молодежью вели воспитательный процесс [1].

В этот период на государственном уровне сформировался тренд на создание молодежных представительных органов при органах публичной власти – молодежных парламентов, советов, правительств и иных. Такой вид молодежных объединений был призван ответить на несколько запросов власти: наладить взаимодействие с различными активными молодежными объединениями по вопросам решения общих социально острых проблем; заполнить пространство, которое ранее занимал Всесоюзный Ленинский коммунистический союз молодежи как активный проводник политики государства в молодежной среде и как кузница кадров; интегрировать общественно-политически активную молодежь в новую политическую систему [2].

Актуальность настоящего исследования обусловлена тем, что институт молодежного парламентаризма, несмотря на более чем 25-летнюю историю существования, по-прежнему находится в стадии поиска эффективных моделей работы. Принятие Федерального закона от 30 декабря 2020 г. № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации», утверждение Стратегии реализации молодежной политики в Российской Федерации на период до 2030 года, а также запуск национального проекта «Молодежь и дети» создали новую нормативно-правовую основу для функционирования молодежных представительных органов, однако практическая реализация этих документов сталкивается с системными трудностями.

Новизна исследования заключается в проведении социологического опроса среди руководителей молодежных представительных органов Приволжского федерального округа – как регионального, так и муниципального уровня – что позволило впервые эмпирически верифицировать гипотезу о расхождении между декларируемыми целями и реальными результатами деятельности данных структур.

Цель исследования – выявление проблем, с которыми сталкивается институт молодежного парламентаризма в России, а также формулирование рекомендаций, направленных на выстраивание эффективной модели взаимодействия молодежи и органов публичной власти.

Методологической основой исследования стали общенаучные и специальные методы: анализ и синтез теоретических источников, сравнительный анализ, обобщение, а также эмпирический метод анкетирования. Эмпирическую базу составили результаты авторского социологического опроса, проведенного среди председателей молодежных представительных органов при законодательных органах субъектов РФ и представительных органах административных столиц регионов Приволжского федерального округа в период с января по март 2026 года.

История развития молодежного парламентаризма в России

Становление молодежного парламентаризма в России неразрывно связано с процессами демократизации общественно-политической жизни страны в постсоветский период. После распада СССР и ликвидации комсомольской организации молодежь оказалась в институциональном вакууме: прежние механизмы политической социализации были разрушены, а новые только формировались. В контексте становления демократических институтов и развития гражданского общества возникла потребность в создании новых каналов для выражения интересов молодого поколения [3].

Открытая дискуссия по вопросам молодежного парламентаризма началась в России в марте 1999 года, когда в Институте молодежи (ныне – Московский гуманитарный университет) был проведен круглый стол «Молодежный парламент – механизм реализации молодежной политики, интересов молодежи через участие в выборах всех уровней». Однако первые молодежные парламентские структуры на региональном уровне возникли еще раньше: в ряде субъектов инициативные группы при содействии региональных законодательных органов создавали совещательные молодежные структуры уже в середине 1990-х годов [4].

Процесс институционализации молодежного парламентаризма можно условно разделить на пять этапов. Первый этап (1993-2002) – период стихийного зарождения молодежных парламентских инициатив в отдельных субъектах Российской Федерации. Нормативной базой выступили Основные направления государственной молодежной политики, утвержденные Постановлением Верховного Совета РФ от 3 июня 1993 года, а также европейские стандарты участия молодежи в общественной жизни. На данном этапе молодежные парламенты создавались хаотично, без единой методологии и нормативного регулирования.

Второй этап (2002-2006) ознаменовался институциональным оформлением молодежного парламентаризма на федеральном уровне. В 2002 году при Государственной Думе была создана Общественная молодежная палата, в 2004 году – Молодежная парламентская Ассамблея при Совете Федерации (впоследствии преобразованная в Палату молодых законодателей). В январе 2003 года в Рязани прошел I Всероссийский семинар-совещание «Развитие молодежного парламентаризма в Российской Федерации», по итогам которого были разработаны Рекомендации, ставшие основой для создания молодежных парламентских структур в большинстве субъектов.

Третий этап (2006-2014) характеризуется массовым распространением молодежных парламентских структур во всех субъектах страны. Проведение Всероссийских форумов молодых парламентариев, разработка Концепции по участию молодежи в развитии российских территорий, формирование ассоциаций молодежных парламентов по федеральным округам – все это способствовало системному развитию института [5].

Четвертый этап (2014-2020) – период стабилизации и усиления нормативного регулирования. Были утверждены Основы государственной молодежной политики на период до 2025 года (распоряжение Правительства РФ от 29 ноября 2014 г. № 2403-р), внесены поправки в Конституцию РФ, закрепившие понятие «молодежная политика» (2020 г.), принят базовый Федеральный закон № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации» (2020 г.).

Пятый этап (2020 – настоящее время) связан со стратегическим переосмыслением молодежной политики. Создание Всероссийского движения детей и молодежи «Движение Первых» (2022 г.), проведение заседания Государственного Совета по молодежной политике (22 декабря 2022 г.), утверждение Стратегии реализации молодежной политики до 2030 года (распоряжение Правительства РФ от 17 августа 2024 г. № 2233-р) и запуск национального проекта «Молодежь и дети» – все это задает новую рамку для развития молодежного самоуправления и парламентаризма [6,7].

Действующая система молодежного парламентаризма в России

Современная система молодежного парламентаризма в Российской Федерации представляет собой многоуровневую конструкцию, функционирующую на федеральном, региональном и муниципальном уровнях [8]. Стратегия реализации молодежной политики до 2030 года определяет молодежный парламентаризм как систему представительства прав и законных интересов молодежи как особой социальной группы, основанную на создании и функционировании при Федеральном Собрании, законодательных органах субъектов РФ палат (советов) молодых законодателей (депутатов) и (или) молодежных парламентов, а также молодежных советов при представительных органах муниципальных образований.

На федеральном уровне действуют два ключевых органа. Палата молодых законодателей при Совете Федерации – постоянно действующий совещательный орган, формируемый из молодых депутатов законодательных органов субъектов РФ и представительных органов муниципальных образований (по два представителя от каждого субъекта). Палата осуществляет мониторинг реализации законодательства, вырабатывает рекомендации по законодательному обеспечению прав молодежи, организует обмен опытом между молодыми депутатами [9]. По итогам 2025 года число законодательных инициатив, предложенных Палатой, удвоилось по сравнению с предыдущим годом и составило 40 инициатив. Молодежный парламент при Государственной Думе Федерального Собрания РФ выполняет аналогичные функции, дополняя их разработкой стандартов деятельности молодежных парламентов.

На региональном уровне по состоянию на 1 января 2024 года молодежные парламентские структуры действуют при законодательных органах 82 из 89 субъектов Российской Федерации. При этом 21 молодежная парламентская структура обладает правом законодательной инициативы по вопросам молодежной политики, 61 – не обладает таким правом. В семи субъектах (преимущественно новых регионах) молодежные парламентские структуры при законодательных органах не созданы. Помимо молодежных парламентов при законодательных органах, во многих регионах функционируют молодежные правительства при высших исполнительных органах государственной власти.

На муниципальном уровне молодежные советы и парламенты создаются при представительных органах местного самоуправления. Однако если на региональном уровне система молодежного представительства носит относительно унифицированный характер, то на муниципальном уровне наблюдается значительное разнообразие организационных форм, полномочий и степени эффективности данных структур.

Нормативно-правовую основу функционирования молодежных представительных органов составляют: Конституция РФ (ст. 72, п. «е» ч. 1 – закрепление молодежной политики как предмета совместного ведения); Федеральный закон от 30 декабря 2020 г. № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации»; Стратегия реализации молодежной политики в Российской Федерации на период до 2030 года и план мероприятий по ее реализации; региональные и муниципальные нормативные акты (положения о молодежных парламентах, регламенты). Ключевым нормативным пробелом остается отсутствие на федеральном уровне единого закона или подзаконного акта, определяющего правовой статус, полномочия и механизмы формирования молодежных представительных органов, что приводит к существенной вариативности в их работе [10].

Проблемы и точки роста института молодежного парламентаризма

Несмотря на значительный путь развития, институт молодежного парламентаризма в России сталкивается с рядом системных проблем, которые существенно снижают его эффективность. Обобщение теоретических источников, анализ нор-

мативно-правовой базы и результаты проведенного автором эмпирического исследования позволяют выделить несколько ключевых групп проблем.

Во-первых, наблюдается разрыв между декларируемыми целями и реальной деятельностью молодежных представительных органов. Большинство положений о молодежных парламентах определяют их основную цель как представительство и защиту интересов молодежи, содействие законотворческой деятельности. Однако в реальности основная доля усилий направляется на организацию событийной деятельности – проведение форумов, акций, образовательных мероприятий, что, безусловно, важно, но не является ключевой функцией представительного органа.

Во-вторых, крайне низким остается уровень законотворческой активности. Несмотря на то, что 21 молодежная парламентская структура регионального уровня обладает правом законодательной инициативы, количество инициированных нормативных правовых актов остается незначительным, а доля принятых из них – еще меньше. Причинами являются низкий уровень подготовки инициируемых документов, отсутствие опыта нормотворческой деятельности и слабые связи с депутатским корпусом для продвижения инициатив.

В-третьих, молодежное представительство не стало в достаточной мере кадровым лифтом для молодых людей в органы государственной и муниципальной власти. Доля бывших участников молодежных парламентов, ставших впоследствии государственными или муниципальными служащими, депутатами представительных органов, остается небольшой. Отсутствуют выстроенные механизмы карьерного сопровождения – от входа в молодежный представительный орган до трудоустройства на государственную службу или участия в выборах.

В-четвертых, сохраняется невысокий уровень активности членов молодежных представительных органов, что свидетельствует о неэффективности существующих систем отбора участников и механизмов поддержания их мотивации. Многие молодежные парламенты испытывают трудности с вовлечением членов в регулярную работу, особенно во второй половине созыва.

В-пятых, слабо развито горизонтальное и вертикальное взаимодействие: региональные молодежные парламенты недостаточно взаимодействуют с муниципальными молодежными советами, ассоциации молодежных представительных органов субъектов практически отсутствуют, координация между уровнями носит фрагментарный характер.

Опыт работы молодежных представительных органов в Приволжском федеральном округе Российской Федерации

Для эмпирической верификации обозначенных проблем нами был проведен экспертный опрос среди председателей молодежных представительных органов Приволжского федерального округа – как регионального уровня (при законодательных органах субъектов), так и муниципального (при представительных органах административных столиц регионов). В опросе приняли участие 6 председателей региональных молодежных парламентов (Пензенская, Ульяновская, Самарская области, Республики Башкортостан и Марий Эл, Пермский край) и 10 председателей муниципальных молодежных представительных органов (Пенза, Казань, Пермь, Нижний Новгород, Ульяновск, Ижевск, Киров, Йошкар-Ола, Оренбург, Саранск). Экспертный прос включал более 60 вопросов, охватывающих организационную структуру, кадровый состав, активность участников, законотворческую деятельность, взаимодействие с органами власти и проблемы функционирования.

Как видно из таблицы 1, большинство молодежных представительных органов на обоих уровнях декларируют в качестве основной цели представительство и защиту интересов молодежи или соучастие в принятии решений. Вместе с тем анализ реальной деятельности показывает, что основные ресурсы направляются на событийную работу.

Таблица 1
Основная цель деятельности молодежных представительных органов ПФО

Основная цель	Региональный уровень	Муниципальный уровень
Представительство и защита интересов молодежи	3 из 6 (50%)	6 из 10 (60%)
Соучастие в принятии решений органами власти	3 из 6 (50%)	2 из 10 (20%)
Проведение мероприятий	-	1 из 10 (10%)
Кадровое обеспечение органов власти	-	1 из 10 (10%)
Иное	-	-

Таблица 2
Соотношение событийной и законотворческой деятельности молодежных парламентов регионального уровня ПФО

Субъект	Собственные мероприятия (за 2025)	Охват участников (за 2025)	НПА иниц. (всего)	НПА принято (всего)	Доля принятых от иниц.
Пензенская обл.	50	1 000	10	10	100%
Респ. Марий Эл	3	150	3	3	100%
Респ. Башкортостан	24	350	200	20	10%
Ульяновская обл.	120	1 500	2	0	0%
Пермский край	30	2 000	6	5	83,33%
Самарская обл.	16	800	0	0	-

Данные таблицы 2 демонстрируют существенный разрыв между событийной активностью молодежных парламентов и их законотворческой деятельностью. Ульяновская область, проведя рекордные 120 мероприятий с охватом 1500 человек, инициировала лишь 2 нормативных акта за год, ни один из которых не был принят. Самарская область не инициировала ни одного нормативного акта. Исключением является Республика Башкортостан с 43 инициированными актами, однако лишь 10% из них были приняты (20 из 200 за все время), что свидетельствует о низком качестве подготовки инициатив. В целом доля принятых нормативных актов относительно инициированных крайне невелика, что подтверждает тезис о неэффективности законотворческой функции молодежных парламентов.

Таблица 3
Активность членов молодежных представительных органов ПФО

Показатель	Региональный уровень	Муниципальный уровень
Средняя оценка активности (шкала 1-10)	7,6	6,5
Средний % постоянно активных участников	61%	56%
Наличие системы ротации	3 из 6 (50%)	8 из 10 (80%)

Данные таблицы 3 свидетельствуют о том, что в среднем лишь около 60% членов молодежных представительных органов регулярно принимают участие в деятельности объединения. Особенно показательна ситуация на муниципальном уровне: в Оренбурге активными являются лишь 20% членов, в Удмуртии и Марий Эл – 40%. Это указывает на несовершенство систем отбора участников и недостаточность механизмов мотивации. Среди наиболее распространенных проблем, названных

председателями, – утеря заинтересованности в работе, нехватка времени из-за основной занятости, выгорание, отсутствие понимания целей работы парламента.

Таблица 4
Юридическая помощь молодежи и кадровый лифт

Показатель	Региональный уровень	Муниципальный уровень
Оказывают юридическую помощь молодежи	3 из 6 (50%)	3 из 10 (30%)
Не оказывают юридическую помощь	3 из 6 (50%)	7 из 10 (70%)
Участники стали помощниками депутатов (всего)	60 чел.	90 чел.
Трудоустроились на гос./мун. службу (всего)	338 чел.	31 чел.
Стали депутатами (всего)	137 чел.	14 чел.

Анализ данных таблицы 4 позволяет сделать несколько выводов. Во-первых, большинство молодежных представительных органов не оказывают юридическую помощь молодежи – на муниципальном уровне это 70% опрошенных. Это свидетельствует о низком уровне доверия молодежи к институту, об отсутствии профессиональных компетенций у участников и о закрытости сообщества. Во-вторых, показатели кадрового лифта выглядят неравномерно: региональные парламенты ПФО суммарно обеспечили трудоустройство около 338 человек на государственную или муниципальную службу, однако львиная доля этого показателя приходится на Пермский край (250 человек из уникальной системы кадрового резерва из 3000 человек). Без учета Пермского края средний показатель трудоустройства на госслужбу составляет лишь 17,6 человека на один молодежный парламент за все время существования.

Таблица 5
Взаимодействие региональных и муниципальных молодежных парламентов ПФО

Показатель	Значение
Наличие ассоциации муниципальных МП в субъекте	1 из 6 (только Башкортостан)
Характер взаимоотношений город–регион: дружеские	5 из 10 (50%)
Нейтральные взаимоотношения	2 из 10 (20%)
Конкурентные взаимоотношения	1 из 10 (10%)
Взаимодействие не происходит	2 из 10 (20%)

Данные таблицы 5 подтверждают крайне низкий уровень институционализированного взаимодействия между региональными и муниципальными молодежными парламентами. Лишь в одном из шести обследованных субъектов (Республика Башкортостан) существует ассоциация муниципальных молодежных представительных органов. В остальных случаях взаимодействие носит неформальный, фрагментарный характер – совместное участие в мероприятиях является «лучшим вариантом» сотрудничества. Показательно, что 20% муниципальных молодежных парламентов указали на полное отсутствие взаимодействия с региональным уровнем, а 10% – на конкурентный характер отношений.

Вносят ли молодежные парламенты предложения по бюджету в сфере молодежной политики? На региональном уровне ни один из опрошенных молодежных парламентов не вносил бюджетных предложений. На муниципальном уровне лишь один из десяти (Пенза) предпринял такую попытку, однако предложения не были приняты. Это свидетельствует о том, что молодежные представительные органы практически не участвуют в бюджетном процессе, хотя именно финансирование является ключевым фактором эффективности молодежной политики.

Таким образом, результаты экспертного опроса подтверждают гипотезу о значительном расхождении между декларируемыми целями и реальной эффективностью молодежных представительных органов. Молодежными парламентами проводится значительный объем событийной работы, однако их ключевые функции – законотворческая деятельность, представительство интересов молодежи, кадровое обеспечение органов власти – реализуются недостаточно эффективно.

Рекомендации по совершенствованию механизмов и инструментов деятельности молодежных представительных органов

На основании проведенного исследования представляется возможным сформулировать следующие рекомендации по повышению эффективности функционирования института молодежного парламентаризма в России.

Совершенствование системы отбора участников

Действующие механизмы формирования молодежных парламентов нуждаются в существенной модернизации. Целесообразен переход к многоуровневой системе отбора, включающей несколько этапов: подачу заявки с мотивационным эссе, решение кейса из области молодежной политики, собеседование с комиссией из действующих депутатов и экспертов, а также прохождение обучающего модуля. Параллельно необходимо формирование института кадрового резерва – открытого сообщества молодых людей, заинтересованных в деятельности молодежного парламента, но не вошедших в основной состав. Вход в кадровый резерв должен быть упрощен, а участие в нем – предоставлять возможности для развития компетенций, участия в мероприятиях, формирования лояльного сообщества будущих членов организации. Опыт Пермского края, где кадровый резерв насчитывает 3000 человек, а каждый депутат Законодательного Собрания направляет представителя из своего резерва, заслуживает тиражирования.

Создание системы сопровождения участника

Необходимо выстроить целостную систему работы с членами молодежных представительных органов – от момента входа до выхода. На этапе входа – командообразующие мероприятия, тренинги на знакомство, распределение по рабочим группам в соответствии с интересами и компетенциями. В процессе работы – регулярное обучение законотворческому процессу на уровне региона и муниципалитета, привлечение наставников из числа действующих депутатов и государственных служащих, проведение командных тимбилдингов. На этапе выхода – содействие в трудоустройстве на государственную или муниципальную службу, поддержка в участии в избирательных кампаниях, включение в кадровый резерв органов власти.

Внедрение системы стажировок

Эффективным механизмом повышения профессиональных компетенций членов молодежных парламентов и одновременно кадрового обеспечения органов власти могла бы стать система стажировок. Члены молодежных представительных органов должны получать возможность прохождения стажировок в профильных комитетах законодательных органов, в аппаратах органов исполнительной власти, в структурных подразделениях администраций муниципальных образований. Для государства это означает приток молодых кадров, для молодых людей – реальный опыт работы в системе государственного управления, для молодежного парламента – повышение уровня компетенций своих членов и укрепление связей с органами власти.

Разработка методических рекомендаций

Принятие Молодежным парламентом при Государственной Думе стандарта деятельности молодежного парламента стало важным шагом к унификации работы данных структур. Однако стандарт нуждается в детализации – необходимы методические

рекомендации, описывающие конкретные алгоритмы действий: как инициировать нормативный правовой акт на региональном и муниципальном уровне, как выстраивать взаимодействие с депутатским корпусом, как организовать работу рабочих групп и комиссий, как проводить общественный мониторинг реализации молодежной политики. Подобные рекомендации могут быть разработаны совместно Палатой молодых законодателей при Совете Федерации и Молодежным парламентом при Государственной Думе с привлечением экспертного сообщества.

Создание ассоциаций молодежных представительных органов в субъектах

Проведенное исследование показало, что лишь в одном из шести обследованных субъектов существует ассоциация молодежных представительных органов муниципальных образований. Между тем в каждом субъекте функционирует ассоциация муниципальных образований (совет муниципальных образований), которая могла бы стать институциональной базой для создания аналогичного объединения молодежных парламентов и советов. Подобные ассоциации обеспечили бы обмен опытом, идеями и практиками между муниципальными молодежными парламентами, проведение совместных командообразующих и образовательных мероприятий, выработку единых подходов к решению общих проблем.

Повышение роли в бюджетном процессе

Как показало исследование, молодежные парламенты практически не участвуют в бюджетном процессе. Целесообразно закрепить за молодежными представительными органами функцию подготовки ежегодных рекомендаций по финансированию молодежной политики – как на региональном, так и на муниципальном уровне. Молодежные парламенты могли бы выступать экспертными органами при формировании соответствующих разделов бюджета, готовить аналитические доклады о состоянии молодежной политики на территории.

Развитие юридического консультирования

Молодежные представительные органы должны стать площадкой, на которой молодые люди могут получить квалифицированную юридическую помощь по вопросам реализации своих прав. Для этого целесообразно привлечение студентов юридических факультетов и молодых юристов к работе молодежных парламентов, создание юридических приемных или «горячих линий» на базе молодежных представительных органов. Это повысит доверие молодежи к институту и расширит охват его деятельности.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие основные выводы. Институт молодежного парламентаризма в России за более чем 25 лет своего существования прошел путь от разрозненных инициатив отдельных регионов до многоуровневой системы, охватывающей все субъекты Российской Федерации. Создана нормативно-правовая база, включающая Федеральный закон о молодежной политике, Стратегию реализации молодежной политики до 2030 года, стандарт деятельности молодежного парламента. На федеральном уровне функционируют Палата молодых законодателей при Совете Федерации и Молодежный парламент при Государственной Думе Российской Федерации.

Вместе с тем эмпирическое исследование деятельности молодежных представительных органов Приволжского федерального округа выявило существенный разрыв между декларируемыми целями и реальными результатами работы. Несмотряна то, что большинство молодежных парламентов определяют в качестве основной цели представительство интересов молодежи, их деятельность преимущественно сосредоточена на проведении мероприятий событийного характера. Количество инициированных нормативных правовых актов остается крайне незначительным, а доля принятых – еще меньше. Молодежные парламенты не стали в полной мере кадровым лифтом: показатели трудоустройства бывших участников на государственную службу и избрания депутатами невелики. Уровень активности членов молодежных представительных органов в среднем составляет около 60%, что свидетельствует о несовершенстве систем отбора и мотивации. Горизонтальное взаимодействие между региональными и муниципальными молодежными парламентами институционализировано слабо.

Для повышения эффективности института молодежного парламентаризма необходимы системные меры: совершенствование механизмов отбора участников и работы с кадровым резервом, создание системы сопровождения участника на всех этапах, внедрение стажировок в органах государственной и муниципальной власти, разработка детальных методических рекомендаций по законотворческой деятельности, создание ассоциаций молодежных представительных органов на базе советов муниципальных образований, усиление роли молодежных парламентов в бюджетном процессе.

Дальнейшие исследования могут быть направлены на расширение географии социологических опросов на все федеральные округа Российской Федерации, проведение сравнительного анализа с зарубежными моделями молодежного парламентаризма, а также на оценку эффективности внедрения предложенных рекомендаций в пилотных регионах. Исследование подчеркивает необходимость системной и последовательной работы с молодежью посредством механизмов ее представительства в органах государственной и муниципальной власти, которые выступают важным фактором формирования благоприятной социальной среды и устойчивой лояльности к государственной власти.

Литература

1. Гукова И.Н. Роль молодежного парламентаризма в развитии общественно-политической активности современной российской молодежи // Научные ведомости. Серия История. Политология. Экономика. Информатика. 2014. № 1 (172). Вып. 29. С. 169–176.
2. Пастухова Л.С. Молодежный парламентаризм как фактор развития гражданского общества. М.: Изд-во МГУ, 2013. 182 с.
3. Тумуров Ж.Т. Молодежный парламентаризм как политическое явление // Вестник Забайкальского государственного университета. 2013. № 1 (92). С. 90–96.
4. Юсов С.В. Организационно-правовые основы создания и деятельности молодежных парламентов в Российской Федерации. М.: РЦОИТ: Крона, 2009. 146 с.
5. Купорез К.Д. Молодежные парламенты в современной России: региональный опыт // Документ. Архив. История. Современность: сборник научных трудов. 2020. Вып. 20. С. 20–40.
6. Чирун С.Н. Институциональные модели и актуальные формы современного молодежного парламентаризма на примере России // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 2 (62). Т. 2. С. 70–74
7. Москалев Е.П. Региональные молодежные организации: проблемы и перспективы развития // Современные технологии управленческого образования (к 100-летию Саратовского Комвуза). 2023. С. 204 – 213.
8. Малькевич А.А., Лепехин Д.Н. Молодёжный парламентаризм в Вологодской области: генезис, становление и современные вызовы // Право и политика. 2021. № 9. С. 85–100. DOI: 10.7256/2454-0706.2021.9.36431.
9. Бабинцев В.П., Морозова Т.И., Сапрыка В.А., Бояринова И.В., Шмигирилова Л.Н. Государственная молодежная политика в России: учебное пособие. Белгород: ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2011. 216 с.
10. Сулейманова С.Р. Правовой статус молодежных консультативно-совещательных органов как формы объединения и деятельности молодежи Российской Федерации и стран Содружества независимых государств // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 7. С. 48–55.

Institute of youth parliamentarism in the 21st century

Moskalev E.P.
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

The study is devoted to examining the formation and development of youth parliamentarism in the modern history of Russia as an institution of civil society. The aim of the research is to identify the challenges faced by the institution of youth parliamentarism, as well as to explore solutions aimed at building an effective model of interaction between youth and public authorities. The paper analyzes the outcomes of the youth representation institution over a period of more than 25 years, using the example of youth councils and parliaments operating under legislative bodies and representative bodies of local self-government in the constituent entities of the Russian Federation within the Volga Federal District. The methodological framework of the study is based on both theoretical and empirical methods, including analysis, synthesis, comparative analysis, generalization, and survey research. The findings indicate a discrepancy between the declared goals of youth representative bodies and the actual results of their activities, which is associated with internal organizational issues in their functioning as well as external influences. The scientific significance of the study lies in the systematization of knowledge about established and tested practices of interaction between public authorities and civil society institutions. The practical significance is determined by the applied nature of the proposed recommendations aimed at improving mechanisms for engaging youth in direct participation in public governance.

Keywords: State youth policy, youth parliamentarism, youth self-governance, civil society, political participation.

References

1. Gukova I.N. (2014) The role of youth parliamentarism in the development of socio-political activity of modern Russian youth // Nauchnye vedomosti. Series: History. Political Science. Economics. Informatics. No. 1 (172). Issue 29. Pp. 169–176.
2. Pastukhova L.S. (2013) Youth parliamentarism as a factor in the development of civil society. Moscow: MSU Publishing House. 182 p.
3. Tumurov Zh.T. (2013) Youth parliamentarism as a political phenomenon // Bulletin of Transbaikal State University. No. 1 (92). Pp. 90–96.
4. Yusov S.V. (2009) Organizational and legal foundations for the creation and activity of youth parliaments in the Russian Federation. Moscow: RCOIT: Krona. 146 p.
5. Kuporez K.D. (2020) Youth parliaments in modern Russia: regional experience // Document. Archive. History. Modernity: collection of scientific papers. Issue 20. Pp. 20–40.
6. Chirun S.N. (2015) Institutional models and current forms of modern youth parliamentarism on the example of Russia // Bulletin of Kemerovo State University. No. 2 (62). Vol. 2. Pp. 70–74.
7. Moskalyev E.P. (2023) Regional youth organizations: problems and development prospects // Modern technologies of management education (for the 100th anniversary of the Saratov Communist University). P. 204 – 213.
8. Malkevich A.A., Lepekhin D.N. (2021) Youth parliamentarism in the Vologda region: genesis, formation and modern challenges // Law and Politics. No. 9. Pp. 85–100. DOI: 10.7256/2454-0706.2021.9.36431.
9. Babintsev V.P., Morozova T.I., Saprыka V.A., Boyarinova I.V., Shmigirilova L.N. (2011) State youth policy in Russia: учебное пособие (textbook). Belgorod: Publishing House “Belgorod”, Belgorod State National Research University. 216 p.
10. Suleimanova S.R. (2015) Legal status of youth advisory bodies as a form of association and activity of youth in the Russian Federation and CIS countries // Actual Problems of Russian Law. No. 7. Pp. 48–55.

Гибридные политические движения и негосударственные акторы в современной политической науке: теоретико-методологический анализ на примере «Хезболлы»

Яндиева Дана Жамалеловна
аспирант, кафедра политологии и политического управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, yandieva-dz@ranepa.ru

В статье рассматриваются теоретические подходы к исследованию «Хезболлы» как гибридного политико-военного актора. Показано, что традиционные категории — политическая партия, милиция, террористическая организация, вооруженный негосударственный актор, прокси-структура или «государство в государстве» — позволяют раскрыть лишь отдельные аспекты данного феномена, но не объясняют его системную природу. Особое внимание уделяется сочетанию парламентского участия, автономного вооруженного аппарата, социальной инфраструктуры, религиозно-идеологической мобилизации, дискурса сопротивления и транснациональной связи с Ираном. Обосновывается, что наиболее продуктивной аналитической рамкой для изучения «Хезболлы» является категория гибридного актора, действующего одновременно внутри государства, рядом с государством и вне государства. Такой подход позволяет рассматривать «Хезболлу» не как исключение из ливанской политической системы, а как специфическую форму политической организации, возникшую в условиях слабого, конфессионально фрагментированного государства и региональной нестабильности.

Ключевые слова: Хезболла, Ближний Восток, негосударственные акторы, гибридный актор, вооруженные негосударственные акторы, движение сопротивления, Ливан, шиитская община, Иран, политическое насилие, конфессиональная система.

Слово «акторы» в политической науке означает всякую власть, аппарат, группу или даже лицо - внутреннее, региональное или внешнее, - которое способно играть определённую роль на мировой арене в соответствии со своими возможностями или пределами своего участия. Такая роль может требовать принятия определённого решения или совершения определённого действия.

В терминологическом смысле негосударственные акторы определяются как образования, которые оспаривают монополию государства на политическое действие и обладают следующими признаками: организованное образование, имеющее руководящую структуру, самостоятельность по отношению к государству, к которому оно географически принадлежит, выражение или представительство определённой этнической, конфессиональной или идеологической группы, наличие конкретных политических целей, обладание различными элементами силы, позволяющими добиваться этих целей. В этом смысле они являются фактором, влияющим на политику государства.

К определениям негосударственных акторов относятся также те, которые включают в эту категорию гражданские объединения, многонациональные компании и неправительственные организации, вышедшие за рамки суверенитета материнского государства, пересёкшие национальные географические границы и вышедшие за пределы национальной рамки благодаря разнообразным ресурсам силы, включая информационные технологии. Существует множество авторов, определяющих этот эпистемологический термин по-своему, в гуманитарных науках каждый автор имеет собственный стиль и подход, и два определения редко полностью совпадают.

В этом же контексте известный автор Джозеф Най определял транснациональных акторов как частные группы или даже отдельных лиц, чья политическая деятельность требует материальных ресурсов внутри государства, но не нуждается в правительстве для осуществления международных отношений, поскольку их поведение направлено непосредственно либо на других транснациональных акторов, либо на иностранные правительства [1, с. 304].

Бертран Бади и Мари-Клод Смутс определяли негосударственных акторов как транснациональные потоки или транснациональные отношения, то есть отношения, возникающие в мировом пространстве по сознательной воле и ради преднамеренной цели вне рамок национального государства и реализующиеся, по меньшей мере частично, вне контроля государств или вне их посреднического влияния [2].

Что касается насильственных негосударственных акторов (Violent Non-State Actors), то речь идёт о тех, кто прибегает к материальному или психологическому насилию для достижения определённых целей, не будучи использованным государством как его инструмент.

Негосударственные акторы обладают самостоятельной организационной структурой и определённым руководством, находящимся вне национальной власти государства. Они располагают материальными возможностями, которые обеспечивают им значительную самостоятельность благодаря собственному финансированию, необходимому для реализации их определённой повестки. Их не ограничивают границы их государства: они имеют международные и глобальные связи. Они осуществляют деятельность, интенсивность которой возрастает в конкретных контекстах, с целью влияния на политическую ситуацию локально, регионально или международно, согласно рассчитанному и целенаправленному плану. Их коммуникации широки благодаря сетям связи между ними и правительственными и неправительственными организациями.

Негосударственных акторов, использующих насилие как средство достижения целей, часто называют террористическими группами. Отмечается, что террористические группы в последнее время выделяются широтой своей деятельности и растущей ролью, которую они играют, особенно в слабых и хрупких государствах. Специалисты и исследователи расходятся в выработке всеобъемлющего определения терроризма из-за различия средств, которыми пользуются соответствующие лица, и различия целей, на которые они ссылаются. Пол Уилкинсон определял терроризм как продукт экстремального насилия, совершаемого вопреки всем человеческим и моральным убеждениям[3]. Торнтон определял его как использование ужаса в качестве символического действия, целью которого является влияние на политическое поведение посредством необычных средств, предполагающих угрозу и насилие [4].

Насилие не является порождением современности, однако оно приняло форму, усиленную результатами технологической и информационной революции. Эти изменения придали таким организациям больше силы, сложности и организованности. Поэтому насильственные акторы способны обходить безопасность государств и их разведывательные службы, переходить из одного убежища в другое, а также использовать виртуальные интернет-пространства, что обеспечивает членам безопасность и непрерывность деятельности. При этом необходимо различать террористические группы и народы, стремящиеся к свободе и освобождению от оккупанта.

Международные отношения сегодня включают широкий спектр взаимодействий - от дипломатических переговоров и культурных обменов до транснациональных экономических связей и информационного противоборства. В этих условиях негосударственные акторы становятся самостоятельными участниками мировой политики, способными влиять на принятие решений, формирование общественного мнения и развитие международных конфликтов. Их деятельность всё чаще выходит за рамки внутренних политических процессов отдельных государств, приобретая региональное и глобальное измерение. Стефани Лоусон определяет их как взаимодействия между теми, кто представляет свои государства через государственные границы, а также между ними, при наличии разнообразия акторов и неправительственных организаций [5].

Всем известно, что международная политика является результатом взаимодействия внешних политик государств, более того, она включает и другие виды деятельности и взаимодействия - экономические, военные, культурные, политические и прочие, которые в совокупности образуют международные отношения. Международные отношения являются названием для ряда понятий и терминов, которые входят в их состав и вместе формируют международные отношения, ни один из этих терминов не может полностью заменить их. Имеются в виду международная политика и внешняя политика, краткое объяснение которых будет приведено далее.

Внешняя политика определяется как правительственная деятельность по установлению отношений с другими правительствами или по решению проблем за пределами границ, в отличие от внутренней политики, занимающейся проблемами внутри границ. Таково содержание внешней политики у Марселя Мерля [6]. Джеффри Стерн определяет её как деятельность правительства, направляемую и осуществляемую в среде за пределами государства, которым это правительство управляет [7].

Национальные интересы, основанные на принципах и целях, определяемых лицами, принимающими решения и формирующими политику, реализуются в разнообразных внутренних и внешних условиях. Они используют свои сильные стороны, задействуют имеющиеся возможности, избегают слабых сторон или устраняют их, чтобы достичь того, к чему стремятся их государства. Они направляют материальные и человеческие ресурсы для осуществления внешней политики, которая имеет длительные контексты и формируется различными сторонами, как официальными, так и неофициальными. На первом месте среди них находятся законодательная и исполнительная власти. Различия здесь зависят от характера политических режимов, однако в целом исполнительная власть играет главную роль в формировании внешней политики, а степень её свободы определяется формой политической системы. В демократических системах исполнительная власть ограничивается тем, что законодательная власть также играет роль в этой сфере.

Сущность внешней политики государств обычно заключается в целях, которых эти государства стремятся достичь. Это можно наблюдать в системе безопасности, в способе её построения, в обеспечении благосостояния и сохранении ценностей. Такая цель является центральной, жизненной, динамичной и характеризуется непрерывностью и постоянством. Внешнюю политику можно также определить как деятельность государства, направляемую его правительством - официальными и неофициальными субъектами - ради достижения целей и интересов государства с учётом ограничений внешней среды, включая географические, экономические, ценностные условия, традиции, военное положение и все элементы силы данного государства.

Английский специалист по политическим наукам Джозеф Франкель определяет международную политику как включающую внешние политики во взаимном взаимодействии, а также взаимодействия международной системы в целом и с другими человеческими группами, не являющимися государствами [8]. Известно, что государства имеют внешнюю политику за пределами своих границ, и она неизбежно взаимодействует и переплетается с внешними политиками других единиц международной системы - соседних, региональных или иных государств с общими интересами. Каждое из них стремится реализовать свои цели и ценности. Это взаимное переплетение и взаимодействие называется международной политикой.

Взаимодействия государств как основных единиц международной системы составляют основу международной политики в международных отношениях. Эти взаимодействия, какими бы они ни были по своему типу и масштабу, управляются, обрабатываются и контролируются непосредственно правительствами или их уполномоченными и признанными представителями. Грэм Эванс и Джеффри Ньюнэм считают, что международная политика является разновидностью или категорией международных отношений, поскольку государства выступают главными единицами международной арены, тогда как способность других негосударственных сторон действовать самостоятельно вызывает сомнение - либо из-за недостатка необходимых элементов силы, либо из-за их приверженности стороне, не представляющей их государства [9, с. 271-272].

Международная политика является более широкой сферой, охватывающей внешнюю политику, состоящую из индивидов, институтов и партий, тогда как элементами международной политики являются государства, международные организации и активные группы. Следовательно, внешняя политика является частью международной политики.

Развитие технологий, скорость коммуникаций и рост глобализации вызвали дисбаланс вследствие неспособности государств выполнять свои функции, а также новые возникшие функции, с которыми они не смогли справиться. Это потребовало появления новых партнёров, обладающих элементами силы, свободы, скорости и международных связей. Таким образом, государство стало одним из акторов наряду с другими акторами, которые совместно участвуют в управлении делами локально и глобально, на всех уровнях - политическом, экономическом и социальном. В результате роль государства сократилась, а вместе с ней уменьшилось значение границ и контроля, которые долгое время считались сутью традиционного суверенитета и безопасности. Негосударственные акторы получили важную роль в международных отношениях.

Во-первых, влияние многонациональных компаний на международные отношения. Многонациональные компании обладают большой экономической силой, во многих случаях превосходящей силу многих государств. Их экономическая дея-

тельность превращается в политическую, целью которой становится вмешательство во внутренние дела других государств, большинство из которых относятся к развивающимся странам Азии и Африки. Эти компании играют роль от имени великих держав, которые часто не желают раскрывать эту реальность и прикрывают её вводящими в заблуждение выражениями вроде «сила рынка», «власть рынка», «приоритеты рынка труда», «спрос и предложение». Интенсивная деятельность многонациональных компаний, направленная на увеличение прибыли, создала сложную и переплетённую международную деловую среду. В результате изменились понятия международных отношений, и появились такие термины, как «внешняя политика компаний» или «деловая дипломатия», обозначающие новый тип деятельности, отличающийся от традиционной дипломатии.

Во-вторых, внешние вмешательства и войны по доверенности и их влияние на международные отношения. Подобно тому как великие державы имеют многочисленные цели и задачи при вмешательстве в дела малых, бедных и развивающихся государств - оккупируя их, присваивая их богатства и превращая их в рынки для своей продукции, - они располагают и средствами для этого. Великие державы стоят за разжиганием и поддержанием конфликтов в различных районах Азии и Африки посредством войн по доверенности, которые являются одним из их инструментов. Такие войны определяются как ситуация, при которой каждая сторона играет роль по доверенности от имени иной внешней великой силы, служа этой силе в зоне войны.

Особое значение в современных международных процессах приобретают насильственные негосударственные акторы, к которым относятся вооружённые организации, повстанческие движения, террористические структуры, частные военные формирования и различные военизированные группы. Их деятельность оказывает серьёзное воздействие как на внутреннюю безопасность отдельных государств, так и на международную систему в целом. Используя слабость государственных институтов, подобные структуры способны формировать пространства нестабильности, подрывать экономическое развитие, провоцировать гуманитарные кризисы, вовлекать внешние силы в локальные конфликты и оказывать влияние на изменение регионального баланса сил.

Опасность подобных акторов существенно усиливается благодаря современным технологиям, развитию коммуникационных сетей, доступу к финансовым ресурсам, информационным платформам и транснациональным каналам распространения идеологии. Это позволяет им действовать значительно эффективнее, чем аналогичным движениям предшествующих десятилетий, а также адаптироваться к быстро меняющимся политическим условиям.

«Хезболлу» недостаточно называть просто партией, милицией, негосударственным актором или террористической организацией потому, что каждая из этих категорий фиксирует только один слой явления, но теряет его системную природу. В строгом смысле «Хезболла» является не отклонением от нормальной партийности, а особым типом политической организации, возникшим в условиях слабого, конфессионально фрагментированного государства, внешней интервенции, гражданской войны, израильской оккупации юга Ливана и иранской региональной стратегии. Поэтому её корректнее анализировать как гибридный политико-военный актор, сочетающий признаки партии, вооружённого движения, общинной социальной сети, религиозно-идеологического движения, негосударственного вооружённого актора и участника региональной «оси сопротивления».

Классическая категория «политическая партия» применима к «Хезболле», но только частично. Партия в обычном смысле участвует в выборах, мобилизует избирателей, выдвигает кандидатов, входит в парламентские блоки, участвует в коалициях и претендует на влияние через государственные институты. «Хезболла» всё это делает. Кузнецов показывает, что движение постепенно интегрировалось в правовое поле Ливана, перешло к парламентской деятельности и смягчало свои программные установки в рамках многоконфессиональной ливанской политической системы. Он же подчёркивает, что в 1990-е годы «Хезболла» перешла от курса на исламизацию ливанского общества к прагматичной интеграции в ливанскую политику, легальной конкуренции и союзам с другими партиями [10, с. 321-337].

Но если остановиться на слове «партия», мы получим искажённую картину. Обычная партия не обладает автономным вооружённым аппаратом, не ведёт самостоятельную войну, не принимает решения о трансграничном военном вмешатеvльстве, не строит собственную систему безопасности, не имеет отдельной военной доктрины и не ведёт региональную стратегию рядом с государством. «Хезболла» участвует в выборах, но её власть не сводится к электоральному представительству. Её политический вес обеспечен не только голосами, депутатскими местами и коалициями, но и вооружённой автономией, дисциплинированной организационной структурой, сетью социальных институтов, религиозной легитимацией и устойчивой внешней поддержкой со стороны Ирана. Поэтому «партия» - это верная, но недостаточная категория.

Категория «милиция» тоже применима, но также неполна. «Хезболла» действительно возникала как вооружённая сила, национально-освободительное движение и вела борьбу против Израиля, сохранила военную структуру после гражданской войны и не была разоружена в рамках послевоенного восстановления Ливана. Однако слово «милиция» обычно указывает на вооружённый аппарат, но не объясняет политическую институционализацию, электоральное участие, социальные службы, идеологическую работу, медиа-инфраструктуру и способность артикулировать национальный проект. В случае «Хезболлы» оружие не существует отдельно от партии, оно встроено в более широкую систему сопротивления, где военное, социальное, религиозное, медийное и парламентское измерения взаимно усиливают друг друга. Валид Эль-Хури прямо указывает, что анализ «Хезболлы» как ливанского политического актора часто ошибочно отделяет её политико-социальную деятельность от военной, хотя в её случае практически невозможно отделить военное от политического и наоборот [11].

Именно поэтому «милиция» звучит слишком узко. Милиция может контролировать территорию и применять силу, но не обязательно производит полноценную политическую идентичность. «Хезболла» же не просто вооружённая группа шиитов. Она создала устойчивый символический язык: «сопротивление», «мученичество», «освобождение», «защита Ливана», «достоинство угнетённых», «народ-армия-сопротивление». Через этот язык она превратила военную функцию в политическую легитимность. Это принципиально отличает её от обычной послевоенной милиции.

Категория «террористическая организация» ещё более ограничена аналитически. Она может иметь юридическое или политическое значение в рамках политики отдельных государств, но как научная категория она мало что объясняет. Она фокусируется на методах насилия, но почти не объясняет социальную базу, институциональное развитие, парламентское участие, религиозную легитимацию, отношения с ливанским государством, роль в шиитской общине и способность к управлению. Валид Эль-Хури специально критикует редукцию «Хезболлы» к терроризму: такая рамка мешает понимать её как сложное политическое, социальное и культурное движение, обладающее глубокой ролью в ливанской и арабской политике [12, с. 85-88].

Это не значит, что вопрос насилия надо игнорировать. Наоборот, насилие и вооружённая структура являются центральными для понимания «Хезболлы». Но термин «террористическая организация» подменяет объяснение оценкой. Он заранее помещает объект в морально-правовую категорию и закрывает вопросы, которые как раз важны для данного исследования: почему значительная часть шиитской общины воспринимает «Хезболлу» как представителя? Почему она смогла войти в парламент? Почему её оружие легитимировалось в дис-

курсе сопротивления? Почему она сохраняет социальную лояльность даже тогда, когда её действия вызывают внутренние и внешние конфликты? Для политологического анализа «терроризм» может быть одним из аспектов дискуссии о методах насилия, но не основной категорией исследования.

Более продуктивная категория - armed non-state actor, то есть вооружённый негосударственный актор. Она позволяет зафиксировать, что «Хезболла» не является государством, но обладает организованной военной силой, политическим руководством, идеологией, социальной базой и способностью действовать независимо от формальных государственных институтов. Эта категория полезна, потому что выводит анализ за пределы партийной теории и позволяет говорить о монополии на насилие, автономии вооружённой силы, отношениях с государством и внешней поддержке.

Но и «вооружённый негосударственный актор» недостаточен, потому что «Хезболла» не просто находится вне государства. Она одновременно находится внутри государства. Она имеет депутатов, министров, союзников в парламенте, участие в коалициях, влияние на государственную повестку и способность блокировать или направлять политические решения. Именно поэтому «non-state» в её случае надо понимать осторожно. Она негосударственная в том смысле, что её военная структура не подчинена полностью государственному командованию. Но она не внешняя по отношению к государству: она встроена в ливанскую институциональную систему и умеет использовать её для защиты своей автономии.

Наиболее точная теоретическая категория - «hybrid actor», гибридный актор. В докладе The Century Foundation о гибридных акторах в Ближнем Востоке прямо говорится, что такие группы иногда действуют совместно с государством, иногда конкурируют с ним, зависят от государственной поддержки, но одновременно пользуются гибкостью негосударственного положения. Авторы подчёркивают, что «Хезболла» является классическим примером такого гибридного актора: она ведёт войну, участвует в политике, занимается пропагандой, создаёт социальную базу, предоставляет услуги и идеологическое руководство, но при этом не является обычным государственным институтом [13].

Гибридность «Хезболлы» проявляется в том, что она действует сразу в трёх режимах: через государство, рядом с государством и вне государства. Через государство - когда участвует в выборах, парламенте, правительственных коалициях и муниципальной политике. Рядом с государством - когда предоставляет социальные услуги, строит инфраструктуру, мобилизует общину и фактически замещает государство там, где оно слабо. Вне государства - когда сохраняет собственную вооружённую структуру, принимает участие в региональных конфликтах и поддерживает стратегическую связь с Ираном и Сирией.

Формула «state within a state» тоже применима, но её также надо использовать осторожно. Она хорошо передаёт наличие у «Хезболлы» параллельной инфраструктуры: вооружённых формирований, социальных служб, медиа, благотворительных организаций, образовательных и медицинских структур, механизмов мобилизации и дисциплины.

В.В. Наумкин и В.А. Кузнецов прямо пишут о негосударственных акторах Ближнего Востока, которые становятся своего рода «государствами в государстве», создают армии, проводят социальную работу и ведут самостоятельный внутриполитический, а иногда и внешнеполитический курс [14, с. 104-113].

Но «государство в государстве» - скорее метафора, чем строгая категория. «Хезболла» не является полноценным государством: она не имеет международно признанного суверенитета, не представляет весь Ливан, не контролирует все государственные институты, не обладает универсальной юрисдикцией над населением страны. Она не заменяет ливанское государство полностью. Скорее, она захватывает и контролирует отдельные сферы государственной функции: безопасность в своей зоне влияния, социальную защиту своей общины, часть внешнеполитической повестки и право на вооружённое сопротивление. Поэтому точнее говорить не о полном «государстве в государстве», а о частичной параллельной государственности или о гибридной форме власти.

Категория «insurgent organization» применима исторически и частично концептуально. «Хезболла» формировалась как революционное шиитское национально-освободительное движение, связанное с иранской революционной идеологией, сопротивлением израильской оккупации и отрицанием старого ливанского политического порядка. Массааб аль-Алуси показывает, что в 1985 году организация строила свою идеологию вокруг абсолютной вражды к Израилю, идеи устранения ливанской политической системы и создания исламской теократии, но затем её идеология постепенно менялась в зависимости от контекста [15].

Однако сегодня «insurgent organization» также неполно описывает «Хезболлу». Повстанческая организация обычно мыслится как сила, борющаяся против государства или стремящаяся заменить существующий режим. «Хезболла» в ранней фазе действительно имела антисистемный характер, но затем вошла в ливанскую систему и научилась действовать внутри неё. Она не пытается немедленно разрушить ливанское государство, наоборот, она заинтересована в сохранении такой конфигурации государства, которая позволяет ей сохранять оружие, общинное представительство и политическое влияние. Поэтому она уже не просто insurgency (мятежная) в отношении государства, а гибридный актор внутри слабого государства.

Категория «resistance movement» является необходимой, потому что без неё невозможно понять собственную легитимацию «Хезболлы». Организация сама определяет себя через «сопротивление» - прежде всего Израилю, но также шире: западной гегемонии, сионизму, угнетению, внешнему диктату. Валид Эль-Хури показывает, что «сопротивление» у «Хезболлы» - это не только военная практика, но и дискурсивный проект, через который движение артикулирует «народ сопротивления» и производит политическую идентичность [12, с.189-204].

Но «resistance movement» - тоже не нейтральная и не исчерпывающая категория. Она отражает самопонимание «Хезболлы» и восприятие её сторонников, но не объясняет всех аспектов её власти. Сопротивление может быть национально-освободительным дискурсом, но в случае «Хезболлы» оно одновременно является механизмом партийной мобилизации, оправданием сохранения оружия, способом доминирования внутри шиитской общины и ресурсом переговорной силы в ливанской политике. После освобождения Южного Ливана в 2000 году, как показывает В. Эль-Хури, «сопротивление» перестало быть только задачей освобождения земли и стало более широким образом национальной идентичности - «Ливаном сопротивления».

Категория «прокси», то есть прокси-актор Ирана, также применима, но только если не превращать её в единственное объяснение. Иран сыграл важную роль в формировании «Хезболлы», её идеологической ориентации, военной подготовке, финансировании и стратегической интеграции в региональную «ось сопротивления». Связь с велаят аль-факих и признание религиозного авторитета иранского верховного лидера являются важной частью идентичности движения.

Но если назвать «Хезболлу» просто иранским прокси, мы снова непростительно упростим анализ. Прокси обычно предполагает инструментальность: группа действует как продолжение воли патрона. В случае «Хезболлы» это слишком грубо. У неё есть собственная ливанская социальная база, собственные интересы внутри шиитской общины, собственная история борьбы с Израилем, собственная партийная стратегия и собственная роль в ливанской конфессиональной системе. М. аль-Алуси как раз показывает сложность этой связи: «Хезболла» осознаёт, что связь с Ираном делегитимирует её в глазах противников, и поэтому подчёркивает национальную ливанскую

миссию, при этом отношение к велаят аль-факих не всегда равнозначно простому подчинению иранскому государству.

Именно здесь важно различать «поддерживаемый Ираном актор» и «механическая марионетка Ирана». Первое - верно. Второе - аналитически слабее, дискретидирует волю ливанского народа, их способность на сопротивление. Доклад The Century Foundation специально различает классических прокси и гибридных акторов: гибридные акторы почти всегда имеют внешнего патрона, но не сводятся к нему, потому что обладают местной социальной базой, политической автономией и способностью принимать собственные решения [16].

Следовательно, наиболее точная исследовательская формула должна быть многослойной. «Хезболла» - политическая партия, потому что участвует в выборах, парламенте, коалициях и правительстве. Она - вооружённое движение, потому что сохраняет автономный военный аппарат и доктрину сопротивления. Она - вооруженные негосударственный актор, потому что её военная сила не растворена в государстве. Она - гибридный актор, потому что действует одновременно через государство, рядом с ним и вне его. Она - национально-освободительное движение сопротивления, потому что её легитимация строится на дискурсе сопротивления Израилю и внешней гегемонии. Она - proxy или, точнее, стратегический партнёр, потому что её военная и идеологическая архитектура тесно связана с Ираном. Она - «государство в государстве» в метафорическом смысле, потому что обладает параллельными функциями безопасности, социальной защиты и мобилизации, но не является полноценным государством.

«Хезболла» представляет собой гибридное политическое движение партийно-военного типа, которое сочетает парламентское участие, вооружённую автономию, социально-религиозную инфраструктуру, дискурс национального сопротивления и транснациональную связь с Ираном. Поэтому её нельзя адекватно объяснить в рамках классической партийной теории, поскольку она не просто конкурирует за власть внутри государства, а одновременно участвует в государстве, замещает отдельные функции государства и ограничивает монополию государства на легитимное насилие.

Главная теоретическая ошибка - пытаться выбрать только одну категорию. Если назвать «Хезболлу» партией, исчезает оружие. Если назвать милицией, исчезают выборы, социальная база и идеология. Если назвать террористической организацией, исчезает внутренняя ливанская легитимность и институциональная роль. Если назвать прокси, исчезает автономная ливанская социальная база. Если назвать «государством в государстве», исчезает её зависимость от ливанской конфессиональной системы и внешних патронов. Поэтому научно продуктивнее не искать одну «чистую» категорию, сам феномен «Хезболлы» состоит в совмещении несовместимого: партии и армии, религии и национализма, ливанской институциональности и транснациональной шиитской стратегии, социальной защиты и вооружённого принуждения, участия в государстве и автономии от него.

Таким образом, главная теоретическая проблема заключается не в том, чтобы выбрать одну окончательную категорию для описания «Хезболлы», а в том, чтобы признать ее гибридную природу как основу самого феномена. Ее политическая устойчивость обеспечивается именно способностью соединять несовместимые на первый взгляд функции: партии и армии, социальной сети и идеологического движения, национального актора и элемента региональной стратегии, участника государства и силы, ограничивающей его монополию на насилие. Поэтому исследование «Хезболлы» имеет значение не только для понимания ливанской политики, но и для более широкого анализа современных негосударственных акторов, которые все чаще становятся самостоятельными участниками международных и внутригосударственных политических процессов.

Литература

1. Keohane, R. O., Nye, J. S. Power and Interdependence: World Politics in Transition. Boston: Little, Brown, 1977. 304 p.
2. Badie, B., Smouts, M.-C. The Burden of Power: Foreign Policy in a New World Order. New York: Columbia University Press, 1995. 278 p.
3. Wilkinson P. The Strategic Implications of Terrorism // Terrorism & Political Violence: A Sourcebook / ed. by M. L. Sondhi. New Delhi: Har-Anand Publications, 2000. P. 1.
4. Thornton T. P. Terror as a Weapon of Political Agitation // Internal War: Problems and Approaches / ed. by H. Eckstein. New York: The Free Press of Glencoe, 1964. P. 73.
5. Lawson S. International Relations. 4th ed. Cambridge: Polity Press, 2023. P. 3.
6. Merle M. La Politique étrangère. Paris: Presses Universitaires de France, 1984. P. 7.
7. Stern G. The Structure of International Society: An Introduction to the Study of International Relations. 2nd ed. London; New York: Continuum, 2000. P. 123.
8. Frankel J. International Politics: Conflict and Harmony. London: Allen Lane, 1969. P. 15.
9. Evans G., Newnham J. The Penguin Dictionary of International Relations. London; New York: Penguin Books, 1998. P. 271-272.
10. Hamzeh A. N. Lebanon's Hizbullah: From Islamic Revolution to Parliamentary Accommodation // Third World Quarterly. 1993. Vol. 14, № 2. P. 321–337.
11. Walid el Houri «The Meaning of Resistance: Hezbollah's Media Strategies and the Articulation of a People», 2012.
12. El Houri W. The Meaning of Resistance: Hezbollah's Media Strategies and the Articulation of a People. Amsterdam: Rozenberg Publishers, 2012. P. 85-88
13. Cambanis T., Esfandiary D., Ghaddar S., Hanna M. W., Lund A., Mansour R. Hybrid Actors: Armed Groups and State Fragmentation in the Middle East [Электронный ресурс]. New York: The Century Foundation, 2019. Executive Summary. URL: https://tcf.org/content/report/hybrid-actors/ (дата обращения: 10.04.2026).
14. Наумкин В. В., Кузнецов В. А. К вопросу о типологизации негосударственных акторов на Ближнем Востоке // Мировая экономика и международные отношения. 2020. Т. 64, № 6. С. 104–113.
15. Massaab Al-Aloosy «Hezbollah in Syria: An Insurgent's Ideology, Interest, and Survival», Middle East Policy, 2022.
16. Al-Aloosy M. Insurgency, Proxy, and Dependence: How Hezbollah's Ideology Prevails Over its Interest in its Relationship with Iran // International Journal. 2023. Vol. 78, № 1–2. P. 24–40.

Hybrid Political Movements and Non-State Actors in Contemporary Political Science: A Theoretical and Methodological Analysis Based on the Case of Hezbollah

Yandieva D.J.

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

The article examines theoretical approaches to the study of Hezbollah as a hybrid politico-military actor. It demonstrates that traditional categories — political party, militia, terrorist organization, armed non-state actor, proxy structure, or "state within a state" — reveal only certain aspects of this phenomenon but do not explain its systemic nature. Particular attention is paid to the combination of parliamentary participation, an autonomous armed apparatus, social infrastructure, religious and ideological mobilization, the discourse of resistance, and transnational ties with Iran. The article argues that the most productive analytical framework for studying Hezbollah is the category of a hybrid actor operating simultaneously within the state, alongside the state, and outside the state. This approach makes it possible to understand Hezbollah not as an exception to the Lebanese political system, but as a specific form of political organization that emerged under the conditions of a weak, confessionally fragmented state and regional instability.

Keywords: Hezbollah, the Middle East, non-state actors, hybrid actor, armed non-state actors, resistance movement, Lebanon, Shiite community, Iran, political violence, confessional system.

References

1. Keohane, R. O., Nye, J. S. Power and Interdependence: World Politics in Transition. Boston: Little, Brown, 1977. 304 p.
2. Badie, B., Smouts, M.-C. The Burden of Power: Foreign Policy in a New World Order. New York: Columbia University Press, 1995. 278 p.

3. Wilkinson P. The Strategic Implications of Terrorism // Terrorism & Political Violence: A Sourcebook / ed. by M. L. Sondhi. New Delhi: Har-Anand Publications, 2000. P. 1.
4. Thornton T. P. Terror as a Weapon of Political Agitation // Internal War: Problems and Approaches / ed. by H. Eckstein. New York: The Free Press of Glencoe, 1964. P. 73.
5. Lawson S. International Relations. 4th ed. Cambridge: Polity Press, 2023. P. 3.
6. Merle M. La Politique étrangère. Paris: Presses Universitaires de France, 1984. P. 7.
7. Stern G. The Structure of International Society: An Introduction to the Study of International Relations. 2nd ed. London; New York: Continuum, 2000. P. 123.
8. Frankel J. International Politics: Conflict and Harmony. London: Allen Lane, 1969. P. 15.
9. Evans G., Newnham J. The Penguin Dictionary of International Relations. London; New York: Penguin Books, 1998. pp. 271-272.
10. Hamzeh A. N. Lebanon's Hizbullah: From Islamic Revolution to Par-liamentary Accommodation // Third World Quarterly. 1993. Vol. 14, No. 2. P. 321–337.
11. Walid el Houri "The Meaning of Resistance: Hezbollah's Media Strategies and the Articulation of a People", 2012.
12. El Houri W. The Meaning of Resistance: Hezbollah's Media Strategies and the Articulation of a People. Amsterdam: Rozenberg Publishers, 2012. P. 85-88
13. Cambanis T., Esfandiary D., Ghaddar S., Hanna M. W., Lund A., Mansour R. Hybrid Actors: Armed Groups and State Fragmentation in the Middle East [Electronic resource]. New York: The Century Foundation, 2019. Executive Summary. Available at: https://tcf.org/content/report/hybrid-actors/ (Accessed: 10.04.2026).
14. Naumkin, V. V., Kuznetsov, V. A. "On the Typology of Non-State Actors in the Middle East" // World Economy and International Relations. 2020. Vol. 64, No. 6. pp. 104–113.
15. Massaab Al-Aloosy, "Hezbollah in Syria: An Insurgent's Ideology, Interest, and Survival," Middle East Policy, 2022.
16. Al-Aloosy, M. "Insurgency, Proxy, and Dependence: How Hezbollah's Ideology Prevails Over its Interest in its Relationship with Iran" // International Journal. 2023. Vol. 78, no. 1–2. P. 24–40.

Проблемы дефиниции понятия легитимности государственной власти

Андреев Петр Владимирович
Тюменский государственный университет

В статье исследуются проблемы и особенности, возникающие в процессе поиска дефиниции понятия легитимности государственной власти. Рассматриваются существующие взгляды различных исследователей в области права, изложенные в научных трудах, посвященных тематике статьи. В связи с этим затрагивается важная проблема, содержащая в себе отсутствие унификации мнений относительно того, как правильно стоит изложить понятие легитимности государственной власти. Плюрализм мнений, существующий в актуальной науке, создает две основные ветви понимания этого термина. Одна из них базируется на обязательном включении в рассмотрение понятия легальности, как неотъемлемой характеристики легитимности. Другая основывается на более социальном аспекте — доверии народа. На основании уже имеющихся концепций предлагается к рассмотрению закрепление в науке уникального авторского термина. Особое внимание также уделяется проблеме трактования источника рассматриваемого понятия. Унитарность в данном вопросе также отсутствует, поэтому предлагается к введению в научный оборот авторского термина, представленного в данной статье. Аналогичный путь решения проблемы определения предмета легитимности государственной власти также был указан. Решение всех вышеперечисленных проблем отражены в результатах настоящего исследования.

Ключевые слова: легитимность, власть, государство, легальность, народ, демократия, конституционное право.

Введение

Особое значение для любого государства, которое в ходе своего историко-правового развития выбрало демократию, как политический режим, конструирующий социум, имеет наличие в рамках его существования понятия легитимности. Поддержка и признание народом органов государственного управления — это основной признак данного понятия. В правовой науке нет единого мнения относительно того, как его стоит верно определить в теоретической плоскости.

Ученый И.Л. Честнов выводит понятие легитимности на один уровень с условием выживания социума [1, с. 32]. Однако рассматривая данное условие, как необходимость, Честнов также отмечает, что без него невозможна «жизнь» норм законов, которые поддерживают существование правовой системы любого общества. Данный подход стоит рассматривать с точки зрения генезиса такого понятия, как правовая система общества, однако, если оно построено на легитимности власти в государстве, то необходимо сузить круг лишь до демократических государственных единиц.

Смежное мнение, подчеркивающее значимость легитимности можно найти в научных трудах исследователя К.Ф. Завершинского. По его мнению, данное правовое явление — это комплексное понятие, которое необходимо рассматривать и изучать только при совокупности всех его составных частей. К ним относятся: лояльность к нормам, которые издаются органами власти, получившими доверие от народа, правовая подотчетность власти перед доверителями, исполнение взятых на себя обязательств [2, с. 130].

Стоит отметить, что без легитимности, а равно без основательного доверия народа к институтам представительной власти, невозможно функционирование всего государства, если оно демократическое. В таком случае пропадает целесообразность, например, всей отрасли избирательного права, которое гарантирует сменяемость власти, а равно ее легитимность.

В настоящей статье нами задействована научная методология, в которую включены: сравнительно-правовой, формально-юридический, системный и аналитический подходы. Также нами использовались такие методы, как эмпирический и логический анализ.

1. Дефиниция легитимности государственной власти в существующей науке

Словно утроба, легитимность зарождает в себе объективно верную модель для построения легальных норм, регулирующих социальные отношения, которые, как верно исходит из самого понятия, издаются органами государственной власти, получившим доверие со стороны народа. Также стоит упомянуть, что само понятие «народ» не может трактоваться многогранно, а должно быть выделено в отдельную категорию с четким и доступным для понимания описанием.

Д.А. Авдеев. в своих работах глубоко и тщательно проработал идею квалификации данного понятия. Ученый считает, что нельзя приравнивать «народ» к «населению», так как это, в первую очередь, противоречит, например, Конституции Российской Федерации. Взять данную ситуацию, как пример, — это, по нашему мнению, отличная идея, так как всех людей, проживающих на территории одного государства(в данном случае — России), нельзя назвать цельным народом, а лишь тех, кто именуется избирателями, то есть источником власти [3, с. 25]. Частью источника власти, а равно тем, кто имеет право передать свои полномочия государственным органам для ее реализации, может именоваться только тот гражданин, который актуален в своих избирательных правах(не лишен и не ограни-

чен в них решением суда). Именно народ, как основа легитимности в государстве, является почвой для ее беспрепятственного существования.

Осознание народом политической и социальной сил, а также правомерности действующей власти в государстве, устойчиво считается легитимностью. Будучи полностью дееспособным, что подтверждает целенаправленность и объективную разумную уверенность в своем выборе, гражданин доверяет управление делами государства органами власти, дальнейшая деятельность которых полностью зиждется на легитимной основе, выстраивая диалог с большинством(народом) на ней же.

А.И. Калинченко в своих работах упоминает о необходимости присутствия условия, при котором власть легитимна, а именно — когда большинство признает ее справедливой и законной [4, с. 38]. Добровольное согласие действующего электората с фактом монополии органов власти на принятие общеобязательных решений для всего населения страны — это именно тот показатель, которого добивается понятие легитимности власти при своей реализации. Однако нельзя не упомянуть про обратную сторону данного явления, а именно — злоупотребление массового форсирования к принуждению граждан. Иными словами: если власть применяет методы силового принуждения в отношении народа(и даже населения, как общности проживающих людей в государстве) довольно часто, то уровень ее легитимности будет со временем падать, а вследствие этого явления может и вовсе переквалифицируется в «нелегитимный». Адекватно-правовыми данные отношения могут быть только в случае использования модели, основывающейся на обстоятельствах, которые позволяют власти вызывать доверие у народа не путем силового принуждения или введения в массовое заблуждение через пропаганду, а благодаря оценке последними действий первых сквозь анализ различных сфер жизнедеятельности государства и самостоятельном выведении ее в положительный результат.

Роль легитимности в обществе напрямую проистекает из ее концептуальных положений, включающих в себя идею о необходимости соответствия правовых норм ценностным ориентирам общества. Однако существуют и вызовы, которые в современном правовом поле усложняют содержание понятия легитимности и ее роли в обществе. К таковым напрямую относится плюрализм мнений, созданный многообразием социальных групп, требующих учета их интересов во всех сферах жизни. Именно современный плюрализм «заставляет» государство и общество находиться в постоянном диалоге для поддержания и укрепления легитимности, как основы любого демократического политического режима. А из этого в свою очередь и выводится верное определение одной из ее ролей. Подобно профессиональному актеру драматического театра, легитимность успевает примерять «маски» в правовом поле, создавая себе определенное количество ролей. Однако одна из них — это возможность призвать к диалогу органы государственной власти и народ, обеспечивая им законную возможность для обмена мнениями. Если такое событие не происходит, то наступает кризис легитимности. Данное явление можно обозначить как понижение доверительного свойства народа относительно институтов органов государственной власти.

Ю. Хабермас создал термин «кризис легитимности» в 20 веке для концептуального закрепления неспособности власти вызвать доверие у народа, тем самым порождая уничтожение структурированной системы, обеспечивающей достижение государством своих целей в разделах внутренней и внешней политик [5, с. 183]. Как решение существующей проблемы предлагается возможность проведения процедуры общественного дискурса, который лишь укрепляет демократические устои государства и должен гарантировать легитимность правовых норм, создаваемых общественными избранниками. Российская правовая теория включает в себя возможность реализации такой возможности, при которой граждане могут непосредственно влиять на формирование норм, основывающих общественный строй.

Легитимность власти напрямую влияет, исполняя особую роль в обществе, на эффективность правоприменения. Большей стабильностью и политической устойчивостью обладают те политические режимы, которые воспринимаются обществом как справедливые и «народные». Однако стоит также отметить, что хоть и их количество не может похвастать своим разнообразием, то их подвиды — точно могут.

Отрицание того, что демократия может изменяться от стране к стране в своем содержании — напрасный процесс. Например, существует русская демократия. Ученая Д. Григорова в своих работах отмечает, что это особый вид данного политического режима, при котором, ввиду исторических и социально-культурных особенностей, формируются уникальные отношения в обществе, касающиеся легитимации власти [6, с. 19]. В русском социуме инициатором реформ всегда была власть, как авторитетный источник, который их «производит». Интересен также тот факт, что такой вид демократии всегда устраивал русский народ, прочно закрепившись в сознании и интегрировавшись в жизнь. Однако вопрос о концептуальных изменениях понятия легитимности в разделе разных подходов к рассмотрению понятия демократии ставится не так остро.

Д. Битхэм в своих научных трудах рассматривает возможность определения роли легитимности в контексте коррелирования народа и органов власти [7, с. 161]. Однако ученый выставляет для этого рамки, в пределах которых легитимность приобретает обязательный признак. Его необходимо обозначить как «ощущение социумом закономерности и справедливости в действиях власти и, как следствие, выражение к ней высшей степени доверия». Данное определение способствует избеганию общественных кризисов в государстве, а также уменьшает количество тех же общественных конфликтов.

Таким образом, можно резюмировать, что понятие легитимности в юридической науке — вопрос открытый для дискуссий. Един в этом направлении лишь аспект данного понятия о «доверии народа к существующей и избранной им же власти». Однако компиляция понятия легитимности в термин на основании лишь этого признака будет не совсем полностью отражать ее роль, как основную составляющую данного правового явления. Роль легитимности — это вопрос, который, на наш взгляд, имеет более ясную для понимания даже обывателем, который далек от юридической науки, «конструкцию». Она заключается в том, что легитимность являет собой «мост» между народом и государственной властью, позволяя выйти на диалог, который в дальнейшем предупреждает общественные кризисы и конфликты. Эта роль может быть отягощена плюрализмом мнений и идеологических течений в современных демократических государствах, так как здесь имеет место жизненно-понятийный принцип «всем невозможно угодить». Юридическая наука понимает это, предлагая легитимности роль «переговорщика», которую мы упоминали выше, способную усреднить требования народа при открытом диалоге с органами государственной власти и выборными должностными лицами. Именно такие полномочия легитимности позволяют существовать демократии и сейчас, спустя все то время, с момента ее появления в государствах(как принято считать — в Древней Греции).

2. Проблемы дефиниции легитимности государственной власти

Ранее нами было установлено, что единого подхода к изложению понятия легитимности в термин юридическая наука еще не нашла. Также не наблюдается его закрепления нормативно-правовых актах Российской Федерации. Из этого следует, что дефиниция понятия претерпевает постоянные изменения в новых исследованиях, а равно находится в постоянном стремлении к теоретическому консенсусу своего определения.

Одной из проблем предлагается выделить теоретическую неопределенность данной политико-правовой категории.

Например, ученый Л.В. Карнаушенко отмечает, что легитимность до сих пор находится в той стадии развития, которая предполагает постоянное исследование ее правовой природы, отчего многими учеными не может быть обнаружен консолидирующий фактор, способствующий унификации ее понимания [8, с. 118].

Дискуссионный момент в изучении дефиниции понятия легитимности заставляет одних исследователей полагать, что она может выйти за рамки законности, фокусируя внимание на более социально-бытовых аспектов понимания народом государственной власти. И.Л. Честнов и С.Ю. Кочевинов полагают, что и легитимность государственной власти, и ее действий должны иметь возможность находиться в менталитете населения [9, с. 16]. Если подобное происходит в действительности государства, а равно большинство граждан вовлечены в мыслительный процесс относительно оценки легитимности действующей власти, то это может свидетельствовать также о высоком уровне правовой культуры.

В эту же аргументационную очередь входит и тезис о необходимости разделения легитимности и легальности, так как они составляют разные стороны понимания действий государственной власти народом. А.А. Лалаев и А.В. Санзыров представляют наиболее простую точку зрения для понимания необходимости разграничения вышеупомянутых понятий, заключающуюся в том, что легитимность — это вопрос доверия, а легальность — это строгое соответствие букве закона, при этом не всякая легальная власть может быть легитимной, так как восприятие ее населением может иметь отрицательный правовой оттенок [10, с. 154]

Однако другие исследователи выдвигают мнение о строгом соответствии понятия его правовой природе, тем самым более прочно связывая понятия легитимности и легальности. А.А. Савенков, например, выдвигает на рассмотрение тезис о невозможности воспринимать легитимность как цельное и самостоятельное понятие, если она находится вне правового поля, а равно предполагает более социально-бытовое понимание своей сущности [11, с. 5].

Второй проблемой предлагается обозначить ту, которая проистекает из первой, а именно: неверное определение предмета самой легитимности. На наш взгляд, данный тезис необходимо закрепить в отдельное понятие в рамках теории права, что в дальнейшем способствует верной трактовке и самой легитимности. Предлагается следующий вариант: «Предмет легитимности государственной власти — это совокупность действий, обусловленных полномочиями органов, составляющих ветви государственной власти, по результатам оценки которых обществом выражается массовое доверие к ним».

Именно в контексте изучения народом результатов работы как отдельных должностных лиц, так и всей системы государственных органов, складываются доверительных отношения между ними. К такому же выводу приходит и К.А. Орлов, объясняя, что результаты работы государственных органов власти, а равно и их репутация, как производная от данного понятия, повышает уровень легитимности в государстве и способствует более лояльному восприятию народом [12, с. 36].

Третьей проблемой выступают трудности с определением источника легитимности. В традиционном обществе, которое предполагало наличие правителя государства в лице, например, монарха, такой проблемы не возникало. Средняя незыблемость и легальный авторитет правителя — это и есть источник для легитимности, которую должен проявить народ в доверии. Современные демократические государства имеют более сложную политико-правовую структуру, где власть не может концентрироваться в руках одного человека, тем самым заставляя социум когнитивно выбирать тех, кому они могут доверять, а кому нет.

Исследователь О.А. Игнатьева считает, что легитимность может опираться в своем источнике и на отдельных должностных лиц, и на целые органы государственной власти, и даже на целую политическую систему, как нечто всеобъемлющее [13, с. 80]. Данных подход довольно широко охватывает суть вынесенного нами на рассмотрение вопроса, однако является наиболее точным и верным в отношении современного демократического понятия легитимности. Социум, а равно каждый входящий в него отдельный человек, имеют склонность к индуктивному методу рассуждения в этой области. А равно отрицательно влияющие на репутацию публичные действия, например, одного члена политической партии, могут негативно сказаться на ее народном имидже в целом.

Именно поэтому предлагается считать такой подход к определению источника легитимности более верным для правовой теории, которая должна развивать эту область на основании предложенных умозаключений.

Таким образом, дефиниция легитимности государственной власти — это более сложносоставной процесс, чем обыкновенное закрепление термина в науке. Проблемами, отмеченные нами ранее, находятся в трех областях этого понятия. Первая сосредоточена в теоретической неопределенности политико-правовой категории. Не существует общепринятого понятия легитимности, которое способны принять все современные правовые исследователи. Вторая является производной первой: невозможность унифицировать предмет легитимности, что вызывает дискуссии и, как следствие, неверное его определение. Третья проблема заключается в отсутствии единого мнения, которое касается источника легитимности. Если само доверие оказывается народом, то источником его должна являться вся политическая система, которая равномерно и правильно функционирует в сторону отражения в своей деятельности нужд, испытываемых обществом в государстве.

Результаты и выводы исследования

Стоит отметить, что в проведенном исследовании были рассмотрены разные точки зрения теоретиков, которые касаются того, как стоит трактовать понятие легитимности в уже существующей науке. Единства мнений по данному вопросу не наблюдается, так как каждый автор имеет свой уникальный взгляд на концепцию доверия народа к государственной власти, состоящей из представительных органов, либо опирается на уже существующий плюрализм мнений в этой области.

Некоторые из исследователей даже прибегают к ассоциативному, но наглядному методу сравнения того, от чего зависит уровень доверия. Например, Р.А. Шарифуллин и Л.В. Юн считают, что процессуальные нормы формирования отдельных властных органов, а равно соблюдение принципа законности при этом, напрямую влияют на легитимность [14, с. 204]. В этом контексте будет верно полагать о том, что вопрос легальности ставится на одну ступень с легитимностью, образуя паритет при изучении данного понятия.

Другие ученые склонны полагать, что легитимность апеллирует к своему социальному аспекту — доверию. Так, В.В. Денисенко указывает на крайне высокую важность этого аспекта при рассмотрении легитимности, потому что общество — это и социальный, и политический, и правовой организм, внутри которого постоянно происходят взаимодействия между его субъектами [15, с. 344]. Без легитимности, заключающей в себе доверие, невозможно планомерное и устойчивое развитие социума в целом.

Нами предлагается к введению в научный оборот унифицированное понятие легитимности, которое отражает наиболее верные, с нашей точки зрения, ее характеристики: «Легитимность государственной власти — это перманентно динамичный процесс, содержащий в себе принятие и согласие общества с властными решениями государственных органов, основанными на нормах права, а также отражающие в себе актуальные нужды общества».

Не менее важно также обозначить позицию относительно источника легитимности государственной власти. Им предлагается считать не отдельных должностных лиц или органов, а всей политической системы в стране, так как данный подход наиболее точно отражает само понятие источника, используя

при этом индуктивный метод познания, а затем и рассуждения с умозаключением.

Предмет легитимности государственной власти — это проблема, вокруг которой, как было упомянуто ранее, также ведутся дискуссии. Нами предлагается закрепить его в научной области в следующем виде: «Предмет легитимности государственной власти — это совокупность действий, обусловленных полномочиями органов, составляющих ветви государственной власти, по результатам оценки которых обществом выражается массовое доверие к ним».

Заключение

Подытоживая вышеизложенное, можно сделать вывод, что легитимность государственной власти — это процесс, который не может находиться в фиксации и быть статичным, поэтому всегда будет изменяться вследствие влияния на него актуальных общественных ценностей, технологических достижений и глобального прогресса как общего понятия. Именно поэтому до сих пор не существует единого мнения по поводу того, какую дефиницию стоит применять относительно данного понятия. Отметим, что наш взгляд на легитимность позволяет рассмотреть ее именно в стезе эволюционирующего явления, что будет являться более правильным подходом к пониманию того, как она работает и зачем нужна в государстве.

Литература

1. Честнов И.Л. Легитимность как признак права // Теоретическая и прикладная юриспруденция. – 2019. – № 1. – С. 32-38.
2. Завершинский К.Ф. Легитимность: генезис, становление и развитие концепта // Полис. – 2001. – № 2. – С. 113-131.
3. Авдеев Д.А. Конституционное измерение современного российского народовластия // Российское право: образование, практика, наука. – 2017. – № 6. – С. 20-28.
4. Калинченко А.И. Легитимность и делегитимация власти // Закон и Право. – 2019. – № 1. – С. 38-40.
5. Хабермас Ю. Проблема легитимации позднего капитализма / Пер. с нем. Л. Воропай. М.: Праксис, 2010. – 264 с.
6. Григорова Д. Демократия по-русски, или демократия новой России // Обозреватель — Observer. – 2012. – № 3. – С. 15-21.
7. Битхэм Д. Легитимация власти. Басингстоук: Пэлгрэйв Макмиллан, 1991. – 267 с.
8. Карнаушенко Л.В. Легитимность права: объективные и субъективные аспекты // Общество и право. – 2022. – № 4. – С. 115-118.
9. Честнов И.Л., Кочевинов С.Ю. Легитимность как необходимое условие существования позитивного права // Искусство правоведения. The art of law. – 2023. – № 2. – С. 13-18.
10. Лалаев А.А., Санзыров А.В. Понятие и особенности государственной власти // Вестник науки. – 2022. – № 1. – С. 152-158.
11. Савенков А.А. Диалектика законности-легальности и законности-легитимности в юридической науке: историографические аспекты // Право и политика. – 2025. – № 9. – С. 1-15.
12. Орлов К.А. Формы легитимации государственной власти // Наука. Общество. Государство. – 2023. – № 1. – С. 30-39.
13. Игнатьева О.А. Системные основания легитимности политической власти // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2025. – № 2. – С. 76-84.
14. Шарифуллин Р.А., Юн Л.В. Легитимность сквозь призму формирования судейского корпуса в международных судах // Образование и право. – 2026. – № 3. – С. 203-207.
15. Денисенко В.В. Доверие как основа легитимности: сравнительно-правовой анализ // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: право. – 2024. – № 2. – С. 342-347.

Problems of definition of the concept of legitimacy of state power

Andreev P.V.

Tyumen State University

This article explores the challenges and problems that arise in defining the concept of the legitimacy of state power. It examines the current views of various legal scholars, as expressed in relevant works. This raises an important issue: the lack of unified opinions regarding how to properly define the concept of the legitimacy of state power. The pluralism of opinions that exists in contemporary scholarship creates two main approaches to understanding this term. One is based on the mandatory inclusion of the concept of legality as an integral characteristic of legitimacy. The other is based on a more social aspect—public trust. Building on existing concepts, it is proposed to establish a unique, original term for this topic in scholarship. Particular attention is also given to the interpretation of the source of this concept. Unitarity in this matter is also absent, so it is proposed to introduce the original term presented in this article into scholarly circulation. A similar approach to defining the subject of the legitimacy of state power has also been suggested. The solutions to all the above problems are concluded in the results of this study.

Keywords: legitimacy, power, state, legality, people, democracy, constitutional law

References

1. Chestnov I.L. Legitimacy as a Sign of Law // Theoretical and Applied Jurisprudence. - 2019. - No. 1. - pp. 32-38.
2. Zavershinsky K.F. Legitimacy: Genesis, Formation, and Development of the Concept // Polis. - 2001. - No. 2. - pp. 113-131.
3. Avdeev D.A. Constitutional Dimension of Modern Russian Democracy // Russian Law: Education, Practice, Science. - 2017. - No. 6. - pp. 20-28.
4. Kalinchenko A.I. Legitimacy and Delegitimization of Power // Law and Right. - 2019. - No. 1. - pp. 38-40.
5. Habermas J. The Problem of Legitimization of Late Capitalism / Translated from German by L. Voropay. Moscow: Praxis, 2010. – 264 p.
6. Grigorova D. Democracy in Russian, or Democracy of the New Russia // Observer. – 2012. – No. 3. – Pp. 15-21.
7. Beetham D. Legitimization of Power. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 1991. – 267 p.
8. Karnaushenko L.V. Legitimacy of Law: Objective and Subjective Aspects // Society and Law. – 2022. – No. 4. – Pp. 115-118.
9. Chestnov I.L., Kochevinov S.Yu. Legitimacy as a Necessary Condition for the Existence of Positive Law // The Art of Jurisprudence. The Art of Law. – 2023. – No. 2. – Pp. 13-18.
10. Lalaev A. A., Sanzyrov A. V. Concept and Features of State Power // Science Bulletin. – 2022. – No. 1. – Pp. 152-158.
11. Savenkov A. A. Dialectics of Legality-Legality and Legality-Legitimacy in Legal Science: Historiographic Aspects // Law and Politics. – 2025. – No. 9. – Pp. 1-15.
12. Orlov K. A. Forms of Legitimation of State Power // Science. Society. State. – 2023. – No. 1. – Pp. 30-39.
13. Ignatyeva O.A. Systemic Foundations of the Legitimacy of Political Power // Caspian Region: Politics, Economics, Culture. - 2025. - No. 2. - P. 76-84.
14. Sharifullin R.A., Yun L.V. Legitimacy through the Prism of the Formation of the Judicial Corps in International Courts // Education and Law. - 2026. - No. 3. - P. 203-207.
15. Denisenko V.V. Trust as the Basis of Legitimacy: A Comparative Legal Analysis // Bulletin of the Voronezh State University. Series: Law. - 2024. - No. 2. - P. 342-347.

Проблемы реализации полномочий органов местного самоуправления и пути их решения

Гаджидадаева Мадина Саадулаевна
аспирант, кафедра Конституционного и муниципального права, Юридический институт, Дагестанский государственный университет, ispagieva2016@yandex.ru

Реализация полномочий органов местного самоуправления обусловлена рядом серьезных проблем, которые связаны с правовыми, финансовыми, кадровыми и территориальными аспектами. Выявленные в настоящей статье проблемы затрудняют эффективное решение вопросов местного значения и требуют комплексного подхода. В частности, подчеркивается существование проблемы несоответствия полномочий и финансовых ресурсов муниципальных образований. Проведенный анализ демонстрирует, что многие полномочия муниципальных органов власти не обеспечены достаточными материальными и финансовыми средствами. Местные бюджеты часто не покрывают расходы на реализацию полномочий, что ведет к зависимости от вышестоящих бюджетов и снижению ответственности за решение местных задач. Кроме того, законодательство о местном самоуправлении содержит противоречия, дублирует нормы о разграничении полномочий между уровнями власти. Подобная ситуация создаёт продородную почву для злоупотреблений на муниципальном уровне власти. В частности, до сих пор продолжает существовать конкуренция между правовыми нормами, определяющими применение мер конституционно-правовой ответственности органов и должностных лиц местного самоуправления. В статье уточняется, что в настоящее время во многих муниципальных образованиях наблюдается дефицит высококвалифицированных кадров, отмечается недостаточный уровень профессионализма и компетентности муниципальных служащих. Дополнительно ситуация усугубляется территориальными проблемами. Речь идет о сложностях, связанных с определением границ муниципальных образований, отсутствием чёткого регулирования территориальной организации. Несмотря на самостоятельность органов местного самоуправления, в статье отмечается их явная зависимость от органов власти субъектов Федерации. Установлено, что субъекты РФ нередко активно вмешиваются в регулирование местного самоуправления, что может снижать его самостоятельность. Решения о перераспределении полномочий часто принимаются без достаточного учёта мнения муниципального сообщества.

Ключевые слова: местное самоуправление, муниципальное образование, конституционно-правовой статус, публичная власть, единая система публичной власти, территориальная организация, преобразование муниципальных образований, учет мнения населения, местный референдум, муниципальная автономия, муниципальная собственность, местный бюджет.

Наделение органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями – это один из способов взаимодействия разных уровней власти. В этом процессе участвуют органы государственной власти, органы местного самоуправления и органы государственной власти субъектов РФ. Законодательство в этой сфере разрабатывают органы государственной власти на федеральном уровне или на уровне регионов.

Можно назвать эту форму взаимодействия наиболее приоритетной, поскольку именно муниципалитеты находятся ближе всего к населению. Именно органы местного самоуправления являются исполнителями, через которых можно приблизить государственную власть к определенной части населения путем наделения их полномочиями [1, с. 4].

Конституция РФ определяет, что местное самоуправление должно обеспечивать самостоятельное решение гражданами проблем на местах. Вопросы местного значения относятся к отдельной категории компетенций, которые отделены от государственных. Это значит, что государственные органы не должны вмешиваться в процессы принятия решений органами местного самоуправления по вопросам местного значения [6, с. 294]. Вместо этого органы местного самоуправления должны иметь возможность самостоятельно и непосредственно осуществлять свои полномочия, делегирование которых государственным органам запрещено.

В соответствии со ст. 2 Закона № 131-ФЗ, городские округа и муниципальные районы могут получать некоторые государственные полномочия для выполнения. При этом органы местного самоуправления городских и сельских поселений не могут быть наделены такими полномочиями. Переданные полномочия выходят за рамки основных задач местного самоуправления и представляют собой дополнительные функции, которые по своей сути не относятся к сфере ответственности местного самоуправления [7, с. 71]. Соответственно, передача государственных полномочий должна быть организована так, чтобы избежать замены государственной власти местным самоуправлением и искажения самой сути местного самоуправления.

Такая передача власти должна быть строго регламентирована, как по объему делегируемых полномочий, так и по их виду. Самое главное в данном направлении – определить, какие государственные полномочия могут быть переданы местным органам власти, а какие полностью запрещены к передаче.

В действующем российском законодательстве прямо не установлены нормы, определяющие по какому принципу допускается передача местной власти отдельных государственных полномочий. Вместе с тем, отдельные исследователи, например, М.Ю. Дитятковский и А.Б. Зеленцов, отмечают, что недопустимо передавать органам местного самоуправления такие полномочия, как, например, федеральная законодательная деятельность, управление специализированными службами скорой медицинской помощи (санитарными авиациями) [9, с. 103; 10, с. 41].

Вопросы вызывает и передача таких труднореализуемых местной властью полномочий, как обеспечение разных видов межмуниципального транспортного сообщения, например, воздушного, железнодорожного и прочего. Кроме того, передача полномочий не должна нарушать действующее законодательство, начиная с Конституции РФ и заканчивая региональными и муниципальными нормативно-правовыми актами.

Глава 4 Закона № 131-ФЗ посвящена процедуре наделения органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями. В статье 19 этого закона указано, что отдельными государственными полномочиями считаются полномочия органов местного самоуправления, закрепленные за ними федеральными и (или) региональными законами, по вопросам, которые не отнесены к вопросам местного значения. То

есть передача определенных государственных полномочий происходит с помощью федеральных и региональных законов, а передача определенных государственных полномочий субъектов РФ осуществляется только региональными законами [10, с. 41].

Закон № 131-ФЗ предусматривает возможность передачи некоторых государственных полномочий органам местного самоуправления в сфере предметов совместного ведения государства и регионов, если это не нарушает федеральное законодательство. Сроки передачи полномочий могут быть неограниченными или устанавливаться на определенный срок. Основное условие – обеспечение надлежащего финансирования со стороны государства передаваемых им полномочий [3, с. 150]. Финансирование такой деятельности органов местного самоуправления осуществляется через предоставление субвенций из различных источников. При этом муниципалитеты, руководствуясь своими уставами, имеют право использовать собственные материальные и финансовые средства для осуществления переданных им государственных полномочий.

Одними из основных государственных полномочий, которые передаются местному самоуправлению по всей территории России, являются полномочия по обеспечению жилыми помещениями отдельных категорий граждан, компенсации части родительской оплаты за содержание детей в учебных учреждениях, созданию административных комиссий, работе с архивными документами, выполнению функций опеки и попечительства, поддержке сельскохозяйственного производства и так далее.

При этом одним из негативных результатов такого взаимодействия государственной власти и местного самоуправления является то, что при осуществлении своей деятельности местные органы могут стать зависимыми от государственных органов, так как такие государственные функции выполняются под строгим административным надзором [8, с. 13]. Можно предположить, что это нарушает принцип самостоятельности местного самоуправления, установленный Конституцией РФ. Однако это не совсем так. Более подробно данный спорный вопрос будет рассмотрен в следующих параграфах исследования.

Комитет Государственной Думы по федеративному устройству и местному самоуправлению дал разъяснение по вопросу о том, должны ли органы местного самоуправления выполнять все иные полномочия, которыми они наделяются федеральными законами. Комитет считает, что органы местного самоуправления должны выполнять дополнительные полномочия в любом случае, даже если их передача не была осуществлена в соответствии с установленной процедурой. Органы местного самоуправления имеют право на возмещение расходов, связанных с исполнением этих полномочий, если эти расходы не обеспечены субвенциями. Они также могут оспаривать в суде федеральные законы, закрепляющие государственные полномочия, которые не были переданы должным образом [5, с. 21].

Хотя эти разъяснения не являются нормативными актами, ими все равно необходимо руководствоваться, поскольку они подготовлены непосредственно законодательным органом. Еще одна практическая проблема в изучаемой сфере заключается в том, что значительная передача государственных полномочий органам местного самоуправления может привести к перегрузке этих органов и неспособности эффективно выполнять не только делегированные государственные обязанности, но и свои собственные функции по решению местных вопросов. И, соответственно, повлечь за собой негативные последствия для всех заинтересованных сторон.

При этом нельзя забывать о том, что местное самоуправление наделено большим комплексом вопросов местного значения. Так, с момента принятия в 2003 году Закона № 131-ФЗ до настоящего момента перечень вопросов местного значения постоянно корректировался и постепенно увеличился с 18 полномочий до 41. Государственные полномочия, исполняемые органами местного самоуправления, исходя из содержания Федерального закона № 414-ФЗ, можно разделить на три группы:

1. Полномочия РФ, напрямую делегированные местному самоуправлению.

2. Полномочия, делегированные федеральным правительством региональным органам власти с возможностью их дальнейшего делегирования местному самоуправлению (субделегирование).

3. Полномочия региональных органов власти по вопросам, находящимся в совместном ведении федерального центра и регионов, либо по вопросам, полностью относящимся к ведению регионов, и делегированные местному самоуправлению.

При этом полномочия первой группы местному самоуправления передаются в достаточно малом количестве, например, осуществление первичного воинского учета, ведение списков присяжных заседателей судов различных уровней и ряд других. Другая ситуация обстоит с объемом передаваемых полномочий второй и третьей группы, который в ряде российских регионов является весьма значительным [2, с. 116].

Так, делегирование полномочий на муниципальный уровень – повсеместная практика. Количество передаваемых полномочий остается существенным. Передача больших сумм финансов от вышестоящих бюджетов нижестоящим указывает на проблемы с эффективным разделением полномочий между уровнями государственной власти. Это создает трудности для муниципальных образований, ограничивая их право на самостоятельное выполнение финансовых задач из-за осуществления делегированных им полномочий. В результате эти образования часто вынуждены брать на себя функции, которые им не свойственны, что может создавать дополнительную нагрузку.

Передача полномочий путем субвенций не помогает усилить налоговый потенциал регионов и муниципалитетов [4, с. 16]. Это не стимулирует нижестоящие органы власти работать эффективно, они не хотят брать на себя обязательства, которые не являются их собственными, без своего согласия и часто без достаточного финансового или материального обеспечения. В результате происходит передача полномочий не через четкое разграничение, а через административное делегирование «сверху вниз».

В связи с этим, можно предложить:

Во-первых, разработать критерии для определения полномочий, которые можно передавать, а также установить ограничения на передачу всех или большинства полномочий в конкретной сфере

Во-вторых, провести оптимизацию разграничения полномочий и финансов между уровнями публичной власти. При этом важно учитывать, что каждое полномочие должно быть передано органам власти того уровня, который сможет наиболее эффективно его реализовать.

Еще одним важным моментом при передаче местным органам определенных государственных полномочий является необходимость гарантировать им наличие финансовых и материальных средств, необходимых для выполнения этих обязательств. Финансирование таких полномочий осуществляется из федерального или регионального бюджета, в зависимости от уровня государственного органа, передающего полномочия.

Средства предоставляются местному бюджету в виде субсидий. Однако, несмотря на наличие в законодательстве нормы о финансировании переданных полномочий, местные органы иногда сталкиваются с недостаточным и несвоевременным финансированием, а значит, вынуждены использовать свои финансовые и материальные ресурсы для выполнения государственных задач.

На практике местные органы имеют право в рамках закона добиться пересмотра объема субвенций или обеспечения их своевременной передачи. Решение данной проблемы возможно путем установления отдельных норм законодательства, которые будут четко определять порядок обеспечения субвенциями переданных государственных полномочий.

Однако необходимо согласиться с мнением Р.Ш. Абдурахимова, который считает, что объем местных бюджетов не может

быть безграничным, и если границы полномочий не определены, то принцип соответствия финансовых ресурсов не может соблюдаться в принципе.

Подводя итог изучению особенностей передачи отдельных государственных полномочий органам местного самоуправления, можно сделать вывод, что за время своего существования данный институт показал как положительные, так и отрицательные стороны.

С одной стороны, правильно организованное взаимодействие между органами разных уровней власти, тщательная проработка деталей и согласованность процедур передачи государственных полномочий местной власти приводят к положительным результатам.

С другой стороны, не всегда удается наладить отношения между органами власти так, чтобы достичь максимального эффекта от взаимодействия в рамках передачи государственных полномочий. В некоторых случаях могут возникать как практические, так и финансовые сложности, которые снижают эффективность работы всей системы. Для устранения возникающих в данном направлении проблем, в целом, предлагаются следующие решения:

1. Разработать систему оценки возможностей передачи полномочий, а также определить лимиты на передачу всех или части полномочий в определенной области.

2. Установить оптимальное распределение полномочий и финансовых ресурсов между различными уровнями государственной власти и местного самоуправления с учетом уровня их наиболее эффективной реализации.

3. Разработать регламент для проведения процедуры передачи полномочий, в котором установить предмет, сроки, основания передачи полномочий и их финансового обеспечения, а также обязанность законодательных органов государственной власти субъектов РФ согласовывать с представительными органами муниципальных образований, которым планируется передача определенных полномочий, соответствующие законопроекты.

Литература

1. Абдурахимов Р.Ш. Делегирование отдельных государственных полномочий органам местного самоуправления // Юридическая наука. 2022. № 1. С. 4-10.
2. Авдеев Д.А. Принципы организации публичной власти в России // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2021. № 3(31). С. 115-121.
3. Белоусова Е.В. Представительные органы местного самоуправления: механизм формирования и деятельности: монография. М.: Изд-во Московского гуманитарного ун-та, 2020. 330 с.
4. Быков А.В. Развитие местного самоуправления в России в конце XVII - первой четверти XVIII в // Сибирское юридическое обозрение. 2018. № 1. С. 14-21.
5. Бялкина Т.М. Компетенция местного самоуправления: новое в содержании и правовом регулировании // Вестник Воронежского государственного университета. 2022. № 1(48). С. 18-23.
6. Вишнякова Л.В. Формы взаимодействия органов государственной власти и местного самоуправления // Синергия Наук. 2021. № 62. С. 293-296.
7. Гамалей А.А. Предметы ведения органов местного самоуправления: история и современность // Право и управление. 2022. № 1. С. 69-78.
8. Ганина О.Ю. Институт ответственности органов местного самоуправления: генезис и развитие // Труды Оренбургского института (филиала) Московской государственной юридической академии. 2022. № 2(52). С. 12-16.
9. Дитятковский М.Ю. Реализация факультативных полномочий органов местного самоуправления в городах // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2021. Т. 12, № 1. С. 102-106.
10. Зеленцов А.Б. Административная власть как правовая категория // Административное право и процесс. 2021. № 2. С. 36-44.
11. Зубарев С.М. О некоторых спорных моментах проекта Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации публичной власти» // Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права: Сб-к статей по материалам межд. науч.-практ. конф. СПб., 2020. С. 24-30.

Constitutional and legal status of a municipality

Gadzhidadaeva M.S.

Dagestan state universaty

The implementation of the powers of local governments is caused by a number of serious problems related to legal, financial, personnel and territorial aspects. The problems identified in this article make it difficult to effectively address local issues and require an integrated approach. In particular, the existence of the problem of the discrepancy between the powers and financial resources of municipalities is emphasized. The analysis demonstrates that many powers of municipal authorities are not provided with sufficient material and financial resources. Local budgets often do not cover the costs of exercising their powers, which leads to dependence on higher budgets and reduced responsibility for solving local problems. In addition, the legislation on local self-government contains contradictions and duplicates the norms on the division of powers between levels of government. This situation creates fertile ground for abuses at the municipal level of government. In particular, there is still competition between the legal norms governing the application of measures of constitutional and legal responsibility of local government bodies and officials. The article clarifies that currently in many municipalities there is a shortage of highly qualified personnel, there is an insufficient level of professionalism and competence of municipal employees. Additionally, the situation is aggravated by territorial problems. We are talking about the difficulties associated with defining the boundaries of municipalities, the lack of clear regulation of the territorial organization. Despite the independence of local self-government bodies, the article notes their obvious dependence on the authorities of the constituent entities of the Federation. It has been established that the subjects of the Russian Federation often actively interfere in the regulation of local self-government, which may reduce its independence. Decisions on the redistribution of powers are often made without sufficient consideration of the opinion of the municipal community.

Keywords: local self-government, municipal formation, constitutional and legal status, public authority, unified system of public authority, territorial organization, transformation of municipal formations, consideration of public opinion, local referendum, municipal autonomy, municipal property, local budget.

References

1. Abdurahimov R.Sh. Delegirovanie otdel'nyh gosudarstvennyh polnomochij organam mestnogo samoupravleniya // Yuridicheskaya nauka. 2022. № 1. S. 4-10.
2. Avdeev D.A. Principy organizacii publichnoj vlasti v Rossii // Vestnik Ural'skogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2021. № 3(31). S. 115-121.
3. Belousova E.V. Predstavitel'nye organy mestnogo samoupravleniya: mekhanizm formirovaniya i deyatel'nosti: monografiya. M.: Izd-vo Moskovskogo gumanitarnogo un-ta, 2020. 330 s.
4. Bykov A.V. Razvitie mestnogo samoupravleniya v Rossii v konce XVII - pervoj chetverti XVIII v // Sibirskoe yuridicheskoe obozrenie. 2018. № 1. S. 14-21.
5. Byalkina T.M. Kompetenciya mestnogo samoupravleniya: novoe v soderzhanii i pravovom regulirovanii // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. 2022. № 1(48). S. 18-23.
6. Vishnyakova L.V. Formy vzaimodejstviya organov gosudarstvennoj vlasti i mestnogo samoupravleniya // Sinergiya Nauk. 2021. № 62. S. 293-296.
7. Gamalej A.A. Predmety vedeniya organov mestnogo samoupravleniya: istoriya i sovremennost' // Pravo i upravlenie. 2022. № 1. S. 69-78.
8. Ganina O.Yu. Institut otvetstvennosti organov mestnogo samoupravleniya: genezis i razvitie // Trudy Orenburgskogo instituta (filiala) Moskovskoj gosudarstvennoj yuridicheskoj akademii. 2022. № 2(52). S. 12-16.
9. Dityatkovskij M.Yu. Realizaciya fakul'tativnyh polnomochij organov mestnogo samoupravleniya v gorodah // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. 2021. T. 12, № 1. S. 102-106.
10. Zelencov A.B. Administrativnaya vlast' kak pravovaya kategoriya // Administrativnoe pravo i process. 2021. № 2. S. 36-44.
11. Zubarev S.M. O nekotoryh spornyh momentah proekta Zakona Rossijskoj Federacii o popravke k Konstitucii Rossijskoj Federacii «O sovershenstvovanii regulirovaniya otdel'nyh voprosov organizacii publichnoj vlasti» // Aktual'nye problemy administrativnogo i administrativno-processual'nogo prava: Sb-k statej po materialam mezhd. nauch.-prakt. konf. SPb., 2020. S. 24-30.

К вопросу о принципах взаимодействия органов государственной власти и местного самоуправления в процессе формирования муниципальных властных структур

Гаджидадаева Мадина Саадулаевна
аспирант, кафедра Конституционного и муниципального права, Юридический институт, Дагестанский государственный университет, ispagieva2016@yandex.ru

Взаимодействие органов государственной власти и местного самоуправления в процессе формирования муниципальных властных структур базируется на ряде конституционных и законодательных принципов, которые определяют баланс между самостоятельностью местного самоуправления и участием государства в его регулировании. Тем не менее, в статье находит подтверждение мысль о том, что ряд принципиальных аспектов взаимодействия органов публичной власти до сих пор не получили законодательного закрепления. Выявлено, что на практике возникают сложности, связанные с размытостью разграничения полномочий, недостаточным финансированием местных бюджетов, попытками регионального руководства ограничить автономию муниципалитетов. Также существует проблема отсутствия чётких механизмов контроля и координации при передаче государственных полномочий.
Ключевые слова: местное самоуправление, муниципальное образование, конституционно-правовой статус, публичная власть, единая система публичной власти, территориальная организация, преобразование муниципальных образований, учет мнения населения, местный референдум, муниципальная автономия, муниципальная собственность, местный бюджет.

С момента принятия Конституции РФ, которая установила новую модель отношений между государственной властью и местным самоуправлением, вопрос взаимодействия между данными властями стал объектом многочисленных исследований. Однако в динамично меняющихся социальных условиях, которые воздействуют на властные институты, поиск новых подходов к улучшению взаимодействия государственных органов и органов местного самоуправления сохраняет свою значимость. Согласно ст. 6 Федерального закона от 21.12.2021 № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации», участие органов, входящих в единую систему публичной власти в субъекте Российской Федерации, в решении задач местного самоуправления определяется Конституцией Российской Федерации, настоящим Федеральным законом, федеральным законом, устанавливающим общие принципы организации местного самоуправления, другими федеральными законами и принимаемыми в соответствии с ними законами субъектов Российской Федерации. Органы, входящие в единую систему публичной власти в субъекте Российской Федерации, содействуют развитию местного самоуправления на территории соответствующего субъекта Российской Федерации [16, с. 122].

Изучение истории местного самоуправления и его взаимодействия с государственной властью показало, что в определенные промежутки времени местное самоуправление подчинялось государственной власти и находилось под ее строгим контролем. Однако на сегодняшний день усиление такого контроля над местным самоуправлением может привести только к негативным последствиям, поскольку это противоречит положения Конституции РФ о самостоятельности данного уровня публичной власти.

При этом местное самоуправление не может существовать полностью самостоятельно и без поддержки государства. Для оптимального взаимодействия этих двух институтов необходима дуалистическая система, при которой государство и местное самоуправление должны работать в тесной связке и взаимодействии [5, с. 211]. Такое взаимодействие требует тщательной проработки правовых норм и их закрепления в законодательстве, в целях формирования таких взаимоотношений, при которых органы местного самоуправления не останутся один на один со своими проблемами и задачами [1, с. 95]. Взаимодействие государственной власти и местного самоуправления является ключевым аспектом реализации государственной политики. Благополучие населения и развитие институтов власти зависят от эффективности этого взаимодействия. В общем понимании взаимодействие представляет собой связь между различными явлениями и процессами, а также зависимость одних событий от других.

Социальные науки изучают такое взаимодействие через исследование разных социальных общественных структур. В.А. Морозов, автор соответствующей теории, выделяет пять главных принципов, которые описывают взаимодействие в этих социальных структурах [3, с. 679]:

– целесообразность подразумевает соответствие действий участников взаимодействия определенным целям и задачам;

– взаимная эффективность и разумность подчеркивает необходимость обоюдной пользы и рациональности в принятии решений и действиях;

– следование общим ценностям указывает на важность наличия общих моральных и этических стандартов у участников взаимодействия для успешного сотрудничества;

– принцип дифференциации учитывает разнообразие участников взаимодействия и необходимость учета их индивидуальных особенностей;

– принцип равновесия системы заключается в стремлении поддерживать гармоничное и сбалансированное состояние системы социального взаимодействия, что позволяет избегать конфликтов и разногласий, обеспечивая стабильность и устойчивость системы.

Важно отметить, что каждый случай должен рассматриваться индивидуально, и не существует универсального подхода к применению этих принципов. Так, принцип целесообразности взаимодействия органов государственной власти и местного самоуправления заключается в следовании единой цели – наиболее эффективному решению задач для удовлетворения потребностей населения, проживающего на соответствующей территории, соответствии с ч. 3 ст. 132 Конституции РФ [7, с. 5]. Принцип взаимной эффективности и разумности в контексте рассматриваемой темы предполагает, что работа государственных органов и местного самоуправления должна приносить максимальную пользу гражданам и не допускать всевозможных правовых злоупотреблений. Такие рамки определяются законодательством, в том числе через запрет в определенных сферах на передачу полномочий органам местного самоуправления.

Принцип следования общим ценностям подразумевает следование принципам демократии, что отражено в статье 2 Конституции РФ. Человек, его права и свободы определены как высшая ценность, которую должны учитывать органы государственной власти и местного самоуправления [6, с. 191]. Соблюдение принципа необходимо для улучшения уровня и качества жизни граждан по всей стране. Для этого нужно развивать муниципальные образования, повышать уровень жизни, улучшать инфраструктуру, обеспечивать доступ к образованию, медицине и другим социальным услугам.

Принцип дифференциации во взаимоотношениях между государственными органами и местным самоуправлением предполагает распределение властных полномочий с учетом их эффективности, разумности и целей исполнения. Это позволяет избегать конфликтов и обеспечивать наиболее эффективное управление на всех уровнях [4, с. 159].

Принцип равновесия и стабильности предполагает постоянное и непрерывное взаимодействие между государственными органами и местным самоуправлением. Это сотрудничество должно характеризоваться сбалансированностью, а также формированием взаимных, устойчивых связей. Каждое решение государства, которое влияет на права и свободы людей, в конечном итоге воздействует на местное самоуправление, так как оно является публично-властной структурой, имеющей самую тесную связь с гражданами.

А.Н. Пилипенко также придерживается мнения, что принцип справедливого распределения властных полномочий между государственной властью и местным самоуправлением также следует отнести к числу вышеуказанных принципов. Этот принцип предполагает участие местной власти в решении вопросов государственного значения, что подчеркивает важность самоуправления как неотъемлемой части публичной власти [8, с. 92]. Это способствует поиску оптимального баланса между государственными и местными интересами в решении общих проблем. Взаимодействие государственной власти и местного самоуправления должно основываться на этом оптимальном балансе государственных и местных интересов. В юридической науке принципы подразделяются на две основные группы: конституционные и специальные [10, с. 29]. Конституционные принципы являются общими для всех правовых явлений, тогда как специальные принципы применимы только к конкретному изучаемому явлению.

Исследователи выделяются разные совокупности таких принципов при взаимодействии государственной и местной власти. Правоведы, обсуждая конституционные принципы взаимодействия органов местного самоуправления и государства, особо выделяют закрепленный в статье 12 Конституции РФ принцип самостоятельности местного самоуправления в пределах своих полномочий, а также принцип организационной обособленности [13, с. 5]. Вместе с тем, указанные авторы также выделяют ряд иных принципов взаимодействия государственной власти и местного самоуправления. Во-первых, это законность. Во-вторых, согласование интересов населения региона и конкретного муниципального образования с учетом исторических и местных традиций. Важными также являются принцип взаимного согласия при принятии совместных решений, обеспеченность ресурсами для реализации совместных проектов, принцип добровольности, а также обеспечения взаимной ответственности и гласности.

Необходимо понимать разницу между принципами работы органов государственной власти и местного самоуправления и принципами, на которых строятся их взаимоотношения [14, с. 163]. Принципы взаимоотношений зависят от первых принципов и имеют собственное содержание, поскольку проявляются непосредственно при взаимодействии. Их задача – обеспечить взаимодействие органов публичной власти для улучшения управления и эффективности. Исходя из этого, авторами предлагается выделить следующие принципы:

– принцип законности, который является основным во взаимоотношениях органов государственного и муниципального управления, поскольку только при его строгом соблюдении возможно эффективное правовое управление и детальное правовое регулирование общественных отношений;

– принцип целесообразности, который является вторым важным принципом, поскольку все взаимодействия между государственной властью и местным самоуправлением должны быть направлены на достижение государственных целей. Он включает в себя принцип защиты государственных интересов. Нарушение этого принципа, например, передача местным органам власти необоснованно государственных полномочий, не должна оставаться без внимания;

– принцип самостоятельности органов государственной власти и местного самоуправления в рамках своей компетенции;

– принцип равноправия органов государственной власти и местного самоуправления, который утверждает, что все эти органы имеют равные права и обязанности. Они взаимодействуют как равные субъекты, и нет никаких различий в объеме полномочий разных муниципальных образований. Это помогает обеспечить равный правовой, организационный и финансовый статус каждого муниципального образования;

– принцип недопустимости ущемления интересов иных муниципальных образований, заключающийся в том, что ни одно такое образование не может каким-либо образом нарушать права и интересы другого. Цель этого принципа – обеспечить каждому муниципальному образованию свои определенные полномочия, исключив возможность произвольного вмешательства в дела других. Применение этого принципа способствует определению степени свободы и защищенности для каждого муниципального образования;

– принцип согласования интересов, выражающийся во взаимном учете интересов субъекта и входящего в его состав муниципального образования в сфере их компетенций. Обе стороны должны учитывать взаимные права и интересы, действовать в интересах эффективной деятельности как органов государственной власти, так и местных органов. Указанный принцип больше чем другие принципы допускает правовую регуляцию и позволяет создавать на его основе механизм взаимодействия между участниками отношений, основанного на добровольном согласии: согласование планов и действий, взаимное информирование и контроль;

– принцип обеспеченности ресурсами, который призван гарантировать, что органы местного самоуправления имеют доступ к необходимым ресурсам для выполнения своих обязанностей. Эти ресурсы могут включать финансовые, материальные, человеческие и другие виды. Этот принцип обычно указывается

в законах субъектов РФ, передающих определенные государственные полномочия органам местного самоуправления;

– принцип взаимной ответственности, выражающийся в обоюдной ответственности, которой наделяются государственные и местные органы власти в процессе их взаимоотношений;

– принцип гласности, который используется, в том числе, при заключении договоров и соглашений, так как он обеспечивает защиту прав муниципального образования. Это достигается благодаря тому, что при наличии полной информации невозможно в одностороннем порядке изменять права, обязанности и ответственность, установленные в договоре.

В некоторых российских регионах также созданы специальные регламенты, которые определяют особенности и принципы сотрудничества между региональными органами исполнительной власти и органами местного самоуправления [15, с. 20]. В результате стоит отметить, что определение как общих, так и специальных принципов взаимодействия государственной власти и местного самоуправления является важным и актуальным для их совместной работы.

Для успешного выполнения государственных и муниципальных задач необходимо, чтобы каждый участник такого взаимодействия придерживался соответствующих принципов. Однако в действующем законодательстве РФ, например, в Законе № 131-ФЗ, региональном и местном законодательстве и других правовых актах, данные принципы чаще всего официально не закреплены, а только определяются из норм существующих правовых актов, что следует признать существенным правовым пробелом, который необходимо устранить. Решение данной проблемы необходимо начать с изменения федерального законодательства, а именно путем включения в Закон № 131-ФЗ отдельной статьи, определяющей основные принципы взаимодействия государственной власти и местного самоуправления.

На основании всего вышеизложенного, отметим, что в действующем законодательстве принципы взаимодействия органов государственной власти и местного самоуправления не закреплены, а только могут быть определены путем анализа существующих норм. При этом опираясь на существующие в научной литературе мнения, необходимо сделать вывод, что все принципы взаимодействия государственной власти и местного самоуправления необходимо разделить на общие (конституционные), происходящие из норм Конституции РФ, и специальные, происходящие из иных норм российского законодательства, регулирующего деятельность местного самоуправления. Несмотря на то, что перечень принципов каждой категории достаточно объемный, их конкретное закрепление в российском законодательстве позволит гарантировать успешное выполнение соответствующими органами государственных и муниципальных задач, а также осуществлять необходимый контроль. В этой связи предлагается Закон № 131-ФЗ дополнить статьей 6.1 следующего содержания:

«Статья 6.1. Основные принципы взаимодействия государственной власти и местного самоуправления.

1. Взаимодействие государственной власти и местного самоуправления осуществляется на основе принципов, установленных Конституцией Российской Федерации и законодательством Российской Федерации.

2. К числу конституционных принципов относятся:

– принцип признания, соблюдения и защиты прав и свобод человека и гражданина;

– принцип признания многонационального народа РФ как носителя суверенитета и единственного источника власти;

– принцип законности и верховенства Конституции РФ на всей территории государства;

– принцип признания и защиты частной, государственной, муниципальной и иных форм собственности;

– принцип единства системы органов государственной власти на федеральном и региональном уровнях с четким разграничением предметов ведения и полномочий;

– принцип признания и гарантирования местного самоуправления, имеющего самостоятельность в рамках своих полномочий и не являющегося частью системы органов государственной власти;

– принцип установления общих принципов организации и работы системы государственной власти и местного самоуправления;

– принцип признания права населения самостоятельно решать вопросы местного значения путем референдума, выборов и других способов прямого выражения воли граждан, а также через избираемые органы местного самоуправления;

– принцип осуществления местного самоуправления в четких границах конкретных территорий;

– принцип самостоятельного установления населением определенной территории структуры органов местного самоуправления;

– принцип корректировки границ территории осуществления местного самоуправления только через согласование с населением, проживающим на данной территории;

– принцип самостоятельного управления органами местного самоуправления муниципальной собственностью, формированием, утверждением и исполнением местного бюджета, а также закреплением местных налогов и сборов;

– принцип наделения органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями;

– принцип гарантирования местному самоуправлению права на судебную защиту.

3. К числу специальных принципов относятся:

– принцип первоочередности интересов населения с учетом его исторических и местных традиций;

– принцип предоставления субвенций местным бюджетам для выполнения органами местного самоуправления определенных государственных полномочий;

– принцип предоставления дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности муниципальных образований для сбалансированного развития территорий и улучшения качества жизни населения;

– принцип предоставления органам местного самоуправления субсидий из федерального бюджета для совместного финансирования расходных обязательств;

– принцип несения органами и должностными лицами местного самоуправления ответственности перед населением, государством, физическими и юридическими лицами, прозрачности и открытости их деятельности;

– принцип создания в каждом субъекте Российской Федерации совета муниципальных образований, представляющего интересы местного самоуправления и обеспечивающего взаимодействие между муниципальными образованиями и государственными органами;

– принцип содействия органов государственной власти субъекта Российской Федерации в развитии местного самоуправления путем совместной работы и координации действий региональных и местных органов власти для улучшения качества жизни населения и обеспечения устойчивого развития территории;

– принцип определения региональными органами государственной власти в рамках своих полномочий порядка выборов в органы местного самоуправления;

– принцип перераспределения полномочий между органами местного самоуправления и региональными органами государственной власти для улучшения управления и обеспечения более эффективного решения вопросов на местах».

Литература

1. Мирзаев М.А. Формы, методы и направления, взаимосвязи местной власти и органов государственной власти субъекта Российской Федерации в современной России // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2019. № 6-2. С. 93-96.

2. Миташова А.А. Разграничение предметов ведения и полномочий органов государственной власти и органов местного самоуправления // Эпомен. 2021. № 52. С. 214-220.

3. Морозов В.А. Типы и формы взаимодействия социально-экономических систем // Креативная экономика. 2016. Т. 10, № 6. С. 677-684.

4. Муниципальное право России: учебник / А.Н. Кокотов, В.Ш. Шайхатдинов, И.В. Захаров и др. 6-е изд., пер. и доп. М.: ЮРАЙТ, 2019. 733 с.

5. Нехай А.Ю. «Городовое положение» 1785 года как прообраз устава муниципального образования в современной России // Общество и право. 2016. № 4 (58). С. 208-215.

6. Петров Э.Ю. Конституционный нормоконтроль в современном российском законодательстве: проблемы и пути решения // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 2. С. 188-195.

7. Петухов О.А. Местное самоуправление в системе публичной власти в России: автореф. дисс. … канд. полит. наук. М., 2005. 59 с.

8. Пилипенко А.Н. Публичный контроль во Франции: монография. М.: ИД «Инфра-М», 2019. 225 с.

9. Плахова Д.А. Принципы наделения органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями // Права и свободы человека и гражданина: актуальные проблемы науки и практики: Сб-к научных статей и докладов. X Межд. научн.-практ. конф. Орел, 2018. С. 218-220.

10. Проблематика организации публичной власти в России: учебное пособие / Д.А. Авдеев, А.С. Николаев, А.В. Саленко и др. Тюмень: ТюмГУ-Press, 2023. 290 с.

11. Раздел III. Практика применения законодательства о местном самоуправлении в разъяснениях Комитета Государственной Думы по федеративному устройству и вопросам местного самоуправления // Местное право. 2019. № 2. С. 126-133.

12. Резенова Д.А. Контроль и надзор за деятельностью органов местного самоуправления // Актуальные проблемы правотворчества и правоприменения: Сб-к научных статей по результатам научно-исследовательского семинара. Ижевск, 2021. С. 140-144.

13. Реутов К.О. История становления местного самоуправления в Российской Федерации // Юридический факт. 2021. № 155. С. 4-9.

14. Соломка Н.И. Взаимоотношения органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления: дисс. … канд. юрид. наук. Екатеринбург, 1999. 230 с.

15. Тарханов М.В., Шленева Е.В. Разграничение предметов ведения и полномочий органов государственной власти и органов местного самоуправления в Российской Федерации // Проблемы экономики и юридической практики. 2011. № 4. С. 16-22.

16. Теплякова О.А., Костюков А.А. О статусе совещательных и координационных органов в Российской Федерации // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2021. Т. 7, № 2. С. 122-126.

On the question of the principles of interaction between state authorities and local governments in the process of forming municipal government structures

Gadzhidadaeva M.S.
Dagestan state universaty

The interaction of state authorities and local governments in the process of forming municipal government structures is based on a number of constitutional and legislative principles that determine the balance between the independence of local government and the participation of the state in its regulation. Nevertheless, the article confirms the idea that a number of fundamental aspects of the interaction of public authorities have not yet been legislated. It is revealed that in practice there are difficulties associated with the blurred division of powers, insufficient financing of local budgets, and attempts by the regional leadership to limit the autonomy of municipalities. There is also a problem of the lack of clear control and coordination mechanisms for the transfer of State powers.

Keywords: local self-government, municipal formation, constitutional and legal status, public authority, unified system of public authority, territorial organization, transformation of municipal formations, consideration of public opinion, local referendum, municipal autonomy, municipal property, local budget.

References

1. Mirzaev M.A. Formy, metody i napravleniya, vzaimosvyazi mestnoj vlasti i organov gosudarstvennoj vlasti sub"ekta Rossijskoj Federacii v sovremennoj Rossii // Mezhdunarodnyj zhurnal gumanitarnyh i estestvennyh nauk. 2019. № 6-2. S. 93-96.

2. Mitashova A.A. Razgranichenie predmetov vedeniya i polnomochij organov gosudarstvennoj vlasti i organov mestnogo samoupravleniya // Epomen. 2021. № 52. S. 214-220.

3. Morozov V.A. Tipy i formy vzaimodejstviya social'no-ekonomicheskih sistem // Kreativnaya ekonomika. 2016. T. 10, № 6. S. 677-684.

4. Municipal'noe pravo Rossii: uchebnik / A.N. Kokotov, V.Sh. Shajhatdinov, I.V. Zaharov i dr. 6-e izd., per. i dop. M.: YuRAJT, 2019. 733 s.

5. Nekhaj A.Yu. «Gorodovoe polozhenie» 1785 goda kak proobraz ustava municipal'nogo obrazovaniya v sovremennoj Rossii // Obshchestvo i pravo. 2016. № 4 (58). S. 208-215.

6. Petrov E.Yu. Konstitucionnyj normokontrol' v sovremennom rossijskom zakonodatel'stve: problemy i puti resheniya // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2022. № 2. S. 188-195.

7. Petuhov O.A. Mestnoe samoupravlenie v sisteme publichnoj vlasti v Rossii: avtoref. diss. … kand. polit. nauk. M., 2005. 59 s.

8. Pilipenko A.N. Publichnyj kontrol' vo Francii: monografiya. M.: ID «Infra-M», 2019. 225 s.

9. Plahova D.A. Principy nadeleniya organov mestnogo samoupravleniya otdel'nymi gosudarstvennymi polnomochiyami // Prava i svobody cheloveka i grazhdanina: aktual'nye problemy nauki i praktiki: Sb-k nauchnyh statej i dokladov. H Mezhd. nauchn.-prakt. konf. Orel, 2018. S. 218-220.

10. Problematika organizacii publichnoj vlasti v Rossii: uchebnoe posobie / D.A. Avdeev, A.S. Nikolaev, A.V. Salenko i dr. Tyumen': TyumGU-Press, 2023. 290 s.

11. Razdel III. Praktika primeneniya zakonodatel'stva o mestnom samoupravlenii v raz"yasneniyah Komiteta Gosudarstvennoj Dumy po federativnomu ustrojstvu i voprosam mestnogo samoupravleniya // Mestnoe pravo. 2019. № 2. S. 126-133.

12. Rezenova D.A. Kontrol' i nadzor za deyatel'nost'yu organov mestnogo samoupravleniya // Aktual'nye problemy pravotvorchestva i pravoprimeneniya: Sb-k nauchnyh statej po rezul'tatam nauchno-issledovatel'skogo seminara. Izhevsk, 2021. S. 140-144.

13. Reutov K.O. Istoriya stanovleniya mestnogo samoupravleniya v Rossijskoj Federacii // Yuridicheskij fakt. 2021. № 155. S. 4-9.

14. Solomka N.I. Vzaimootnosheniya organov gosudarstvennoj vlasti sub"ektov Rossijskoj Federacii i organov mestnogo samoupravleniya: diss. … kand. yurid. nauk. Ekaterinburg, 1999. 230 s.

15. Tarhanov M.V., Shleneva E.V. Razgranichenie predmetov vedeniya i polnomochij organov gosudarstvennoj vlasti i organov mestnogo samoupravleniya v Rossijskoj Federacii // Problemy ekonomiki i yuridicheskoj praktiki. 2011. № 4. S. 16-22.

16. Teplyakova O.A., Kostyukov A.A. O statuse soveshchatel'nyh i koordinacionnyh organov v Rossijskoj Federacii // Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Social'no-ekonomicheskie i pravovye issledovaniya. 2021. T. 7, № 2. S. 122-126.

Нелегальная миграция в России: пробелы в миграционной политике и механизмы противодействия

Данилов Вячеслав Леонидович
кандидат исторических наук, доцент кафедры теологии, философии и культурологии, факультет истории, теологии и международных отношений, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, dv76@mail.ru,

Горбунова Кристина Александровна
преподаватель кафедры теологии, философии и культурологии, факультет истории, теологии и международных отношений, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского

Глобальность миграционных потоков и их усиливающееся влияние на внутриполитическую и социально-экономическую стабильность принимающих государств определяют необходимость постоянного усовершенствования регуляторных механизмов. В статье исследуется проблема нелегальной миграции в России не просто как следствие криминальных практик, а как результат системных сбоев в институциональной «архитектуре» самой государственной политики. Актуальность работы аргументируется активизацией теневых посреднических сетей, что потребовало от законодателя перехода к жесткому режиму фильтрации и высылки. Цель исследования состоит в том, чтобы выявить структурные противоречия российской миграционной модели и обосновать комплексные меры превентивного, а не исключительно карательного характера. В ходе анализа вскрывается основное противоречие текущего управления: между растущей экономической потребностью в иностранных работниках и сохраняющейся бюрократической сложностью их легализации. Это объективно стимулирует спрос на теневые услуги. Отмечено, что накопленные пробелы (отсутствие сквозного цифрового учета, рассинхронизация миграционного и трудового законодательства, дефицит обязательных адаптационных программ) делают административное давление запаздывающим. Резюмировано, что устойчивое сокращение нелегального сегмента достижимо лишь при одновременном снижении коммерческой ренты от незаконных сервисов и упрощении прозрачных процедур трудоустройства. Авторский вклад выражен в разработке вариантов раннего предупреждения миграционных правонарушений. В частности, обоснована целесообразность внедрения единого цифрового профиля мигранта с возложением солидарной ответственности на работодателя, а также необходимость институционализации межгосударственной предвыездной верификации документов. Изложенные материалы полезны специалистам в области конституционного и административного права, социологии миграции; сотрудникам профильных ведомств, которые принимают участие в корректировке Концепции государственной миграционной политики.

Ключевые слова: государственное управление, единый цифровой профиль, институциональные дисфункции, легализация статуса, миграционная политика, нелегальная миграция, рынок труда, теневые посредники.

Введение

Проблематика нелегальной миграции в современной России занимает особое место в структуре вопросов национальной безопасности, регулирования рынка труда, обеспечения общественной стабильности. Она затрагивает одновременно демографические, экономические, правовые, управленческие аспекты государственного развития. При этом сама нелегальная миграция должна рассматриваться не узко (как факт незаконного пересечения границы), а существенно шире – в качестве совокупности состояний и практик, которые включают пребывание без надлежащих правовых оснований, фиктивную регистрацию, использование поддельных документов, обход процедур допуска к трудовой деятельности, функционирование теневых посреднических сетей. Именно обозначенная расширенная трактовка дает возможность увидеть, что речь идет не только о нарушении миграционных правил, но и о сбоях в согласовании интересов государства, работодателей, региональных рынков труда, самих мигрантов.

Между целями концептуального регулирования и фактическим состоянием миграционной сферы сохраняется ощутимый разрыв, а ряд положений носит скорее рамочный, чем инструментально исполнимый характер. Отсюда вытекает исследовательская задача: выявить ключевые пробелы в рассматриваемой области, способствующие воспроизводству нелегальной миграции, и обосновать механизмы противодействия, в которых сочетаются правовые, организационные, цифровые, международно-кооперационные меры. Как представляется, эффективность противодействия зависит как от ужесточения санкций, так и от способности государства перевести управление из режима реактивного выявления нарушений в режим раннего предупреждения, прозрачной легализации, адресного контроля. Иначе говоря, устойчивое снижение нелегального сегмента достижимо лишь тогда, когда формальная законность становится для мигранта и работодателя экономически и административно более доступной, чем теневая схема.

Материалы и методы

Выбор изученных при подготовке статьи источников обоснован необходимостью разностороннего анализа проблемы, которым охватываются ее институционально-правовые, социально-экономические, исторические, геополитические аспекты.

Так, Т.В. Излученко, Д.Н. Гергилев, Д.Н. Нестеренко [5] применяют социально-конструктивистский подход, концептуализируя миграцию сквозь призму угроз национальной безопасности. Нормативно-правовой и управленческий аспекты превалируют в трудах Г.Ф. Ахметовой [1], В.Ю. Зорина, М.А. Аствацатуровой, М.А. Бурды [4], А.А. Кухаренко [7], В.А. Мастюгиной [9]. Эти авторы сфокусированы на эволюции законодательства (от либерализации к селективному контролю). Историко-ретроспективный ракурс рассмотрения задействован М.Ш. Тяминовым [10] для характеристики генезиса миграционного права. Прагматичный социально-экономический и геополитический анализы представлены в статьях М.А. Лысенковой [8], А.С. Крамаренко [6], А. Шустова [11]. Эмпирическую базу эффективно дополняют официальные материалы и новостные сводки [2, 3], в которых отражен масштаб реальной правоприменительной практики.

Несмотря на репрезентативность, в массиве источников наблюдаются существенные пробелы. В частности, недостаточно изучены механизмы теневой экономики и коррупционной составляющей, непосредственно способствующие легализации незаконных мигрантов. Ощущается дефицит независи-

мых полевых социологических исследований диаспор. Недостаточно проработаны региональные практики межведомственного взаимодействия при депортации.

В методологическую основу написания данной статьи легли методы системного, сравнительно-правового, критического контент-анализа, а также синтеза и обобщения.

Результаты и обсуждение

В российской правовой системе нелегальная миграция давно рассматривается как фактор, создающий нагрузку на систему безопасности, бюджетные механизмы, налоговое администрирование, локальные рынки труда. В конце января 2026 г. МВД РФ отчиталось о сокращении численности находящихся в стране мигрантов. Главной причиной этого стало падение их притока из стран Средней Азии в условиях заметного ужесточения миграционной политики России [11] (рис. 1).

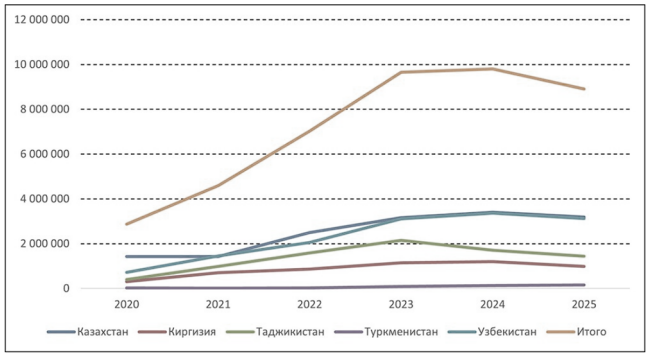

Рис. 1. Количество фактов въезда граждан стран Средней Азии в Россию (по данным Пограничной службы ФСБ) [11]

Как следует из аналитической справки миграционных подразделений МВД РФ, более 850 тыс. нелегальных мигрантов включены в реестр контролируемых лиц в 2025 г. При этом количество уведомлений о заключении трудового или гражданско-правового договора с легальными мигрантами, осуществляющими трудовую деятельность на основании патента либо разрешения на работу, возросло на 25,9% (2 475 732) и 44,5% (145 784) соответственно [2].

На заседании Совета Безопасности еще в 2012 году подчеркивалось, что отсутствие эффективного контроля за миграционными потоками и стремление работодателей к дешевой рабочей силе ведут к росту числа иностранцев с неопределенным правовым статусом, которые, как правило, не платят налоги и «выпадают» из правового поля. Позднейшие исследования и публикации фактически подтвердили эту логику, связывая нелегальную миграцию не только с криминальными рисками, но и с несовершенством самого законодательства, практик его применения [1, 7, 10].

Содержательно Концепция 2019-2025 гг. зафиксировала переход к более прагматичному пониманию миграции как ресурса социально-экономического развития, однако именно в части противодействия нелегальным практикам документ долго оставался недостаточно операционализированным. Поправки 2023 года усилили блок, который связан с мониторингом потребности рынка труда, развитием единой системы учета, расширением адаптационных задач, включая языковую и культурно-правовую интеграцию мигрантов и их детей. Тем не менее, сам факт внесения этих изменений косвенно указывает на то, что первоначальная редакция концепции не в полной мере учитывала изменившуюся структуру миграционных потоков и недостаточно подробно описывала механизмы адаптации, контроля, межведомственного взаимодействия [1].

Ей на смену пришла Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на 2026-2030 гг. Она была утверждена Указом Президента РФ от 15 октября 2025 года №738. Направлена на баланс между потребностями экономики в иностранных работниках, защитой национальной безопасности, социальной стабильностью.

Примечательно, что ужесточение законодательства в 2024-2025 гг. уже свидетельствует о стремлении государства устранить наиболее очевидные уязвимости системы. Но в сопоставлении с динамикой нелегального сегмента видно и другое: проблема имеет как карательное, так и институциональное измерение. Поэтому простое увеличение санкций без исправления административной «архитектуры» дает ограниченный эффект.

Так, первый системный пробел сопряжен с неполнотой и запаздыванием учета миграционных потоков. В научной литературе и официальных выступлениях неоднократно отмечалось отсутствие достаточно действенной системы контроля за въездом, выездом, пребыванием мигрантов, что провоцирует появление лиц с неопределенным правовым статусом, снижает предсказуемость государственного реагирования [4-6, 9]. По сути, если государство не обладает своевременными и синхронизированными данными о месте пребывания, основании нахождения, прохождении дактилоскопии, допуске к труду, фактическом работодателе, оно неизбежно вынуждено действовать постфактум (уже после формирования теневой схемы).

Второй изъян касается недостаточной разработанности механизмов адаптации и интеграции. В действующей миграционной политике не учтено в нужной мере изменение этнического состава прибывающих работников и одновременно не предложено специальных мер по их адаптации и интеграции. Из-за этого образуется зона социального и правового отчуждения. Между тем, отсутствие адаптационных программ означает не только культурные трудности. Оно увеличивает зависимость мигранта от теневых посредников, фиктивных арендодателей, неформальных работодателей, криминализированных сервисов легализации.

Суть третьего пробела проявляется в несогласованности миграционной и трудовой политики. Государство заинтересовано в привлечении рабочей силы на фоне демографических ограничений и дефицита кадров в ряде отраслей. Однако правовые и административные процедуры нередко остаются сложными, фрагментированными, дорогостоящими для добросовестного работодателя и самого иностранного работника. В результате часть рынка выбирает неформальную занятость как более быструю, дешевую альтернативу. А нелегальный статус начинает воспроизводиться не вопреки экономике, а внутри ее текущих практик.

Четвертый пробел сопряжен с посреднической инфраструктурой. Само по себе появление специального запрета для частных посредников участвовать в приеме экзаменов у мигрантов, а также введение внесудебной блокировки сайтов, где предлагаются незаконные услуги и поддельные документы, показывает, что значительная часть проблемы была встроена в параллельный рынок сервисов легализации. Иначе говоря, нелегальная миграция в России поддерживается как отдельными нарушителями, так и устойчивыми коммерческими цепочками, которые извлекают выгоду из бюрократических разрывов и дефицита прозрачных процедур.

Ниже в таблице 1 представлена систематизация обозначенных уязвимых зон.

Таблица 1

Основные пробелы в реализации миграционной политики в РФ и их последствия (составлено на основе [4, 6, 8, 9])

Аспект	Проявление	Негативный эффект	Требуемый ответ
Неполный контроль за въездом, выездом, пребыванием	Лица с неопределенным правовым статусом, позднее выявление нарушений	Рост числа нелегально пребывающих; выпадение из налогового и административного поля	Единая цифровая система учета и межведомственная синхронизация данных
Слабая адаптация и интеграция	Недостаток языковых, правовых, социальных программ	Зависимость от теневых посредников. Усиление изоляции, конфликтности	Обязательные региональные программы адаптации, которые привязываются к работодателю и муниципалитету

Несогласованность миграционной и трудовой политик	Сложность легального трудоустройства и оформления документов	Расширение теневой занятости и экономическая заинтересованность в неформальных схемах	Упрощение легальных процедур при одновременном усилении ответственности работодателей
Теневой рынок посредников и документов	Фиктивная регистрация, поддельные сертификаты, незаконные онлайн-услуги	Организованный характер нелегализации. Коррупционные, криминальные риски	Блокировка цифровых каналов, лицензирование сервисов, контроль экзаменационных процедур
Недостаточная международная координация	Слабая превенция нарушений еще до въезда; ограниченный обмен данными	Воспроизводство повторных нарушений. Низкая эффективность возвратных процедур	Соглашения об обмене данными, предвыездная проверка, совместные реадмиссионные механизмы

Что касается механизмов противодействия и авторских рекомендаций, то первое направление – переход к модели сквозного цифрового сопровождения миграционного статуса. Новизна состоит в том, что контроль должен быть организован не вокруг разрозненных разрешительных действий, а в увязке с единым цифровым профилем иностранного гражданина, в котором в реальном времени связываются элементы, представленные на рисунке 2.

Рис. 2. Структура единого цифрового профиля иностранного гражданина
(составлено автором)

Назначение описываемой меры очевидно: снижается пространство для фиктивной регистрации, ускоряется выявление просроченных оснований пребывания. Также делается невыгодным существование посредников, которые продают «бумажную легальность».

Второе направление – перераспределение ответственности в сторону работодателя как ключевого бенефициара миграционного труда. По-видимому, именно слабая встроенность этих субъектов в систему правовых обязательств на протяжении длительного времени позволяла сохранять спрос на дешевую и частично нелегализованную рабочую силу. В связи с этим разумно предложить механизм обязательного электронного подтверждения занятости, при котором отсутствие у работодателя актуальной цифровой записи о правовом статусе работника автоматически образует состав административного правонарушения с повышенным штрафом и ограничением доступа к государственным закупкам для повторных нарушителей.

Третий вектор связан с институционализацией адаптации как элемента безопасности, а не только гуманитарной меры. Если адаптация остается факультативной и не имеет четкой организационной формы, она не влияет на нелегализацию. А обязательные краткосрочные курсы по русскому языку, правовым обязанностям, трудовым стандартам, digital-сервисам государства способны уменьшить зависимость мигранта от неформальных посредников уже на раннем этапе пребывания. Практическая ценность вносимого предложения проявляется в том, что оно работает на профилактику нарушений до контакта мигранта с «серым» рынком услуг.

Четвертое направление сопряжено с развитием межгосударственной координации со странами основного миграционного притока. Еще на уровне Совета Безопасности давно подчеркивалась необходимость более активной международной составляющей [3], а специализированные материалы по проблемам СНГ указывают на потребность во всеобъемлющем межгосударственном подходе, который включает обмен информацией и координацию мер предупреждения незаконной миграции [4, 5, 10]. Отсюда следует авторское предложение о создании системы предвыездной верификации документов и биометрических сведений в странах отправления. Это поможет отсеивать часть нарушений до пересечения границы и уменьшить нагрузку на российскую систему последующего контроля.

Пятый вектор – точечное подавление инфраструктуры нелегализации, а не только репрессия по отношению к конечному нарушителю. Уже принятые решения об ужесточении ответственности за организацию незаконной миграции, фиктивную регистрацию, оборот поддельных документов, незаконные онлайн-услуги создают необходимый правовой каркас. Однако его целесообразно дополнить специальным мониторингом рынков аренды, аутсорсинговых трудовых сервисов, посредников в сфере экзаменации, оформления документов. Назначение характеризуемой меры состоит в разрушении экономической модели нелегальной миграции, когда незаконность поддерживается не стихийно, а через стабильную коммерческую ренту.

Заключение

Нелегальная миграция в России представляет собой не изолированное отклонение от правопорядка, а результат накопления нескольких взаимосвязанных институциональных дисфункций:

- неполного учета миграционных потоков;
- несогласованности трудового и миграционного регулирования;
- слабой адаптационной инфраструктуры;
- высокой роли теневых посредников;
- недостаточной координации с государствами исхода.

Именно поэтому колебания официальных показателей (будь то рост числа иностранцев без законных оснований для пребывания, увеличение фактов организации незаконной миграции, расширение практики ограничений на въезд) следует интерпретировать не только как статистический сигнал, но и как индикатор пределов прежней модели управления.

В последние годы российский законодатель и правоприменитель явно перешли к более жесткой фазе реагирования: были ужесточены уголовно-правовые санкции, ограничены функции посредников, введены механизмы внесудебной блокировки незаконных цифровых сервисов, запущен режим высылки нелегально находящихся иностранцев. Вместе с тем, по существу, указанные меры эффективны лишь постольку, поскольку они встраиваются в более широкую стратегию профилактики и управляемой легализации.

Практический вывод заключается в следующем: снижение масштабов нелегальной миграции достижимо тогда, когда государство одновременно делает две вещи – сокращает выгоды от нарушения и повышает доступность законной модели поведения. Если легализация пребывания и труда оказывается чрезмерно сложной, а теневая схема – быстрой и дешевой, репрессивный контур неизбежно будет работать с опозданием. Если же цифровой учет становится сквозным, адаптация – обязательной, работодатель – реально ответственным, а посреднический рынок – уязвимым для контроля и блокировки, тогда сама экономическая база нелегальной миграции начинает сужаться.

Литература

1. Ахметова Г.Ф. Вопросы регулирования внутренней миграции в концепции миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года / Г.Ф. Ахметова // Вестник НГУЭУ. – 2025. – № 4. – С. 79-90.

2. Более 850 тыс. нелегальных мигрантов включены в реестр контролируемых лиц в РФ в 2025 г. // URL: https://www.interfax.ru/russia/1078583 (дата обращения: 25.05.2026).

3. Заседание Совета Безопасности, посвящённое вопросам миграционной политики // URL: http://kremlin.ru/events/president/news/15164 (дата обращения: 25.05.2026).

4. Зорин В.Ю. Миграционные процессы в современной России: актуальные реакции политики и управления / В.Ю. Зорин, М.А. Аствацатурова, М.А. Бурда // Российский социально-гуманитарный журнал. – 2025. – №. 4. – С. 110-130.

5. Излученко Т.В. Миграция как угроза безопасности: социально-конструктивистский подход / Т.В. Излученко, Д.Н. Гергилев, Д.Н. Нестеренко // Общество: философия, история, культура. – 2025. – №. 9. – С. 21-27.

6. Крамаренко А.С. Миграция как инструмент внешней политики России в Центральной Азии / А.С. Крамаренко // Постсоветский материк. – 2025. – Т. 4. – С. 15-28.

7. Кухаренко А.А. Совершенствование механизмов регулирования миграции в России / А.А. Кухаренко // Ученые записки Российской академии предпринимательства. – 2026. – Т. 25. – №. 1. – С. 50-55.

8. Лысенкова М.А. Анализ социально-экономических последствий внешней трудовой миграции в условиях изменений российского рынка труда / М.А. Лысенкова // Региональные проблемы преобразования экономики. – 2025. – № 11 (181). – С. 372-382.

9. Мастюгина В.А. Трансформация миграционной политики России в контексте глобальных тенденций: от либерализации к селективному контролю / В.А. Мастюгина // Флагман науки. – 2026. – № 1 (36). – С. 647-650.

10. Тяминов М.Ш. История становления и развития правового регулирования миграционных процессов в России / М.Ш. Тяминов // Мировая наука. – 2024. – №. 5 (86). – С. 146-151.

11. Шустов А. Почему сократилась иммиграция в Россию / А. Шустов // URL: https://www.ritmeurasia.ru/news--2026-02-14--pochemu-sokratilas-immigracija-v-rossiju-85847 (дата обращения: 25.05.2026).

Illegal Migration in Russia: Gaps in Migration Policy and Mechanisms of Counteraction

Danilov Vy.L., Gorbunova K.A.

Dostoevsky Omsk State University

The global nature of migration flows and their growing impact on the domestic political and socio-economic stability of host countries determine the need for continuous improvement of regulatory mechanisms. The article examines the problem of illegal migration in Russia not merely as a consequence of criminal practices, but as a result of systemic failures in the institutional "architecture" of state policy itself. The relevance of the work is justified by the growing activity of shadow intermediary networks, which has required the legislator to transition to a strict regime of screening and deportation. The aim of the research is to identify structural contradictions in the Russian migration model and to justify comprehensive measures of a preventive, rather than exclusively punitive, nature. The analysis reveals the key contradiction of current management: between the growing economic need for foreign workers and the persistent bureaucratic complexity of their legalization. This objectively stimulates the demand for shadow services. It is noted that accumulated gaps (the absence of end-to-end digital records, a misalignment between migration and labor legislation, a shortage of mandatory integration programs) make administrative pressure belated. The article concludes that a sustainable reduction of the illegal segment is achievable only by simultaneously reducing the commercial rent from illegal services and simplifying transparent employment procedures. The author's contribution is expressed in the development of options for early warning of migration offenses. In particular, the feasibility of introducing a unified digital migrant profile with the imposition of joint responsibility on the employer is substantiated, as well as the necessity of institutionalizing interstate pre-departure document verification. The materials presented are useful for specialists in constitutional and administrative law, the sociology of migration; as well as for employees of relevant agencies involved in revising the Concept of State Migration Policy.

Keywords: public administration, unified digital profile, institutional dysfunctions, status legalization, migration policy, illegal migration, labor market, shadow intermediaries.

References

1. Akhmetova, G.F. Issues of regulating internal migration in the concept of migration policy of the Russian Federation for the period up to 2025 / G.F. Akhmetova // Bulletin of NSUEM. – 2025. – No. 4. – Pp. 79-90.

2. More than 850 thousand illegal migrants included in the register of controlled persons in the Russian Federation in 2025 // URL: https://www.interfax.ru/russia/1078583 (accessed: 25.05.2026).

3. Meeting of the Security Council devoted to migration policy issues // URL: http://kremlin.ru/events/president/news/15164 (accessed: 25.05.2026).

4. Zorin, V.Yu. Migration processes in modern Russia: current policy and management responses / V.Yu. Zorin, M.A. Astvatsaturova, M.A. Burda // Russian Social and Humanitarian Journal. – 2025. – No. 4. – Pp. 110-130.

5. Izluchenko, T.V. Migration as a security threat: a social constructivist approach / T.V. Izluchenko, D.N. Gergilev, D.N. Nesterenko // Society: Philosophy, History, Culture. – 2025. – No. 9. – Pp. 21-27.

6. Kramarenko, A.S. Migration as an instrument of Russian foreign policy in Central Asia / A.S. Kramarenko // Post-Soviet Continent. – 2025. – Vol. 4. – Pp. 15-28.

7. Kukharenko, A.A. Improving migration regulation mechanisms in Russia / A.A. Kukharenko // Scientific Notes of the Russian Academy of Entrepreneurship. – 2026. – Vol. 25. – No. 1. – Pp. 50-55.

8. Lysenkova, M.A. Analysis of socio-economic consequences of external labor migration in the context of changes in the Russian labor market / M.A. Lysenkova // Regional Problems of Economic Transformation. – 2025. – No. 11 (181). – Pp. 372-382.

9. Mastyugina, V.A. Transformation of Russia's migration policy in the context of global trends: from liberalization to selective control / V.A. Mastyugina // Flagship of Science. – 2026. – No. 1 (36). – Pp. 647-650.

10. Tyaminov, M.Sh. History of formation and development of legal regulation of migration processes in Russia / M.Sh. Tyaminov // World Science. – 2024. – No. 5 (86). – Pp. 146-151.

11. Shustov, A. Why immigration to Russia has decreased / A. Shustov // URL: https://www.ritmeurasia.ru/news--2026-02-14--pochemu-sokratilas-immigracija-v-rossiju-85847 (accessed: 25.05.2026).

Кибератаки на установки, содержащие опасные силы: телеологическое основание применимости режима статьи 56 дополнительного протокола i

Климов Ярослав Игоревич
ассистент кафедры гуманитарных наук, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации; соискатель кафедры международного и интеграционного права, юридический факультет, Института права и национальной безопасности им. М. М. Сперанского, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, kyai@mail.ru

Статья посвящена нормативному обоснованию применимости специального запрета нападений на установки, содержащие опасные силы (статья 56 Дополнительного протокола I к Женевским конвенциям 1977 г., ДП I), к кибератакам на системы управления охраняемых объектов. Посредством телеологического толкования нормы по правилу статьи 31(1) Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г. установлено: запрет статьи 56(1) ДП I ориентирован на последствие (высвобождение опасных сил), а не на инструмент воздействия, и потому охватывает кибератаки без создания нового договорного инструмента. Функциональный подход МККК (доклад 32IC/15/11, 2015 г.) и Правило 82 Таллиннского руководства 2.0 подтверждают этот вывод. Сравнительный анализ позиций шести государств выявил структурную асимметрию: государства с наибольшим кибернаступательным потенциалом располагают наименее определёнными договорными обязательствами по статье 56 ДП I. Выделены три структурных пробела режима: текстуальный (разрешимый телеологическим толкованием делеге-лата), операциональный (требующий вторичных инструментов) и атрибуционный (не устранимый средствами толкования). Де-леге-ференда предложены три взаимодополняющие меры с оценкой их политической реализуемости.

Ключевые слова: международное гуманитарное право, кибератаки, телеологическое толкование, установки с опасными силами, Таллиннское руководство 2.0, атрибуция, *de lege ferenda*, МККК, *opinio juris*, Stuxnet.

Введение

В сентябре 2015 г. МККК квалифицировал кибератаки против ядерных электростанций и гидрологических объектов как «колоссальную угрозу» и подтвердил применимость ограничений международного гуманитарного права к таким операциям [1]. Пятью годами позднее Генеральный секретарь ООН зафиксировал нарастание угрозы кибератак против объектов электро- и водоснабжения в условиях вооружённых конфликтов [2]. Оба документа указывают на один нерешённый правовой вопрос: охватывает ли специальный режим статьи 56 ДП I атаки против охраняемых установок, осуществлённые посредством кибероружия, если они способны произвести тот же результат, что и прямой кинетический удар?

Норма принималась в 1977 г., когда цифровые промышленные системы управления (SCADA, ICS, DCS) не существовали как технологический класс; программируемые логические контроллеры появились в атомной энергетике лишь в 1980-х гг. Статья 56(1) ДП I запрещает «нападения» на дамбы, плотины и атомные электростанции, не конкретизируя метод воздействия [4]. При ограничительном прочтении «нападения» как исключительно кинетического удара кибератака на систему управления реактором выводится за пределы специального режима и оказывается под действием общего запрета по статье 52(2) ДП I, где порог квалификации объекта в качестве военной цели существенно ниже. Именно эта правовая неопределённость составляет предмет настоящего исследования.

Статья исходит из тезиса, что правильным методом разрешения указанной неопределённости является телеологическое толкование по правилу статьи 31(1) Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г. [5] Аналогия в строгом юридическом смысле предполагает пробел в праве, восполняемый по сходству с близкородственной нормой. Телеологическое толкование пробела не признаёт: запрет статьи 56(1) ориентирован на последствие, а не на инструмент, и потому уже охватывает кибератаки. Разграничение принципиально: оно определяет, требует ли применение нормы нового договорного инструмента или действующего обязательства достаточно.

Научная новизна статьи складывается из трёх позиций. Впервые в отечественной доктрине проведён совокупный анализ договорного обязательства Российской Федерации по статье 56 ДП I, функционального подхода МККК и Правила 82 Таллиннского руководства 2.0 применительно к кибератакам, с методологическим разграничением телеологического толкования и аналогии. Сравнительный анализ шести государственных позиций выявил асимметрию, остававшуюся практически без внимания в доктрине. Атрибуционный пробел квалифицирован как самостоятельная правовая проблема, принципиально отличная от вопроса о применимости нормы.

1. Конструкция нормы: запрет через последствие

Статья 56(1) ДП I запрещает нападения на дамбы, плотины и атомные электростанции, если они «могут вызвать высвобождение опасных сил» и причинить «тяжёлые потери» среди гражданского населения [4]. Перечень охраняемых объектов исчерпывающий. Специальная защита снимается лишь при одновременном выполнении тройного критерия статьи 56(2): регулярная, существенная и непосредственная военная поддержка, оказываемая объектом противнику, при условии невозможности достичь того же результата иными средствами. В. А. Батырь констатирует, что отсутствие хотя бы одного из трёх элементов сохраняет специальный иммунитет в полном объёме [7, с. 50]. Комментарий МККК 1987 г. уточняет: обеспечение армии электроэнергией от атомной электростанции само по

себе «непосредственной» поддержки в смысле тройного критерия не образует [6].

Понятие «нападения» по статье 49(1) ДП I охватывает «акты насилия против противника» без ограничения способом осуществления [4]. Запрет строится через последствие, а не через описание применяемого оружия. Руководство HPCR 2013 г. воспроизводит ту же логику в Правиле 36: особая осторожность при нападениях на охраняемые объекты требуется вне зависимости от применяемого вооружения или метода воздействия [9]. Кибератака на SCADA-систему реактора, влекущая разрушение системы охлаждения или неконтролируемый выброс радиоактивных материалов, соответствует условиям запрета статьи 56(1) ДП I.

G. Biggio обосновал в 2025 г. применение концепции «Loss of Functionality» к принципам различения и соразмерности ДП I: некинетические последствия кибератак учитываются при оценке сопутствующего ущерба по тем же стандартам, что и физические повреждения [10, с. 251–255]. Для объектов статьи 56 этот вывод особенно весом: авария на ядерном объекте или прорыв плотины по последствиям необратимы, и расчёт соразмерности применительно к ним структурно не работает. Именно поэтому статья 56 конструирует иммунитет как абсолютный.

Вопрос о методологических пределах телеологического толкования требует специального рассмотрения. Й. Динштейн настаивает на строгом конструктивизме при расширении понятия «нападение» за пределы кинетического насилия: в его прочтении статья 49(1) ДП I содержит имплицитное указание на физическое принуждение, а нефизическое воздействие требует прямого указания в тексте нормы [13, с. 209–212]. Позиция корректна для большинства норм МГП, где буквальное толкование устойчиво. Применительно к статье 56 она порождает практический парадокс: если кибератака на систему охлаждения реактора с технической вероятностью влечёт именно то последствие, против которого норма направлена, строгое конструктивистское прочтение фактически выводит её из-под нормы по формальному признаку. Комментарий МККК 1987 г. прямо указывает, что смысл нормы состоит в предотвращении «катастрофических и необратимых последствий» для гражданского населения [6]. Кибератака, влекущая именно такие последствия, охватывается нормой по функции.

2. Позиция МККК и функциональный подход

В докладе 32IC/15/11 (2015 г.) МККК указал, что ограничения МГП применяются к кибератакам против ядерных объектов и дамб «по аналогии» [1]. Как разграничено выше, в данном контексте термин «аналогия» обозначает телеологическое распространение той же *ratio legis* на новую форму воздействия, а не восполнение пробела. Функциональный подход исходит из того, что норма охватывает любой акт, способный произвести запрещённый результат.

Руководящие принципы МККК 2020 г. по охране природной среды в вооружённых конфликтах закрепили двойной стандарт в Правиле 11 [11]. Государства – участники ДП I связаны договорным запретом нападений, способных высвободить опасные силы (Правило 11.B); для остальных государств действует обычно-правовое требование особой осторожности по Правилу 42 Исследования МККК 2005 г. [8, с. 141]. Оба стандарта строятся через последствие. Документ МККК 2025 г. о вовлечённости гражданских лиц в кибероперации подтверждает последовательность этой позиции: принципы МГП применяются к кибератакам системно [12].

3. Таллиннское руководство 2.0: Правило 82 и opinio juris

Таллиннское руководство 2.0, изданное под редакцией М. Шмитта, содержит наиболее систематизированный доктринальный свод по применению международного права к кибероперациям. Правило 82 устанавливает прямой запрет: кибератаки против плотин, дамб и атомных электростанций недопустимы, если они «ожидаемо высвободят опасные силы» [3, с. 469]. Структура Правила воспроизводит статью 56(1) ДП I, заменяя «нападение» на «кибератаку».

Среди разработчиков Руководства были специалисты из государств с наибольшим кибернаступательным потенциалом: США, Великобритании, Германии, Франции и Нидерландов. Ни один из них не предложил правового обоснования допустимости кибератак на объекты статьи 56. Для оценки *opinio juris* по критерию статьи 38(1)(b) Статута Международного суда ООН это существенно: отсутствие публичных возражений при очевидной осведомлённости о проблеме образует релевантный элемент *opinio juris*. О. Помсон в 2023 г. показал: при установлении применимости норм обычного международного права к кибероперациям необходимо выявлять, распространялось ли *opinio juris* государств именно на данную форму поведения [14, с. 1034]. Группа правительственных экспертов ООН в докладе A/76/135 (2021 г.) подтвердила консенсусом государств, что МГП применяется к кибероперациям в период вооружённого конфликта [15, с. 10].

4. Государственные позиции: структурная асимметрия

Сравнение государственных позиций выявляет закономерность, практически не отмеченную в доктрине. Государства с наибольшим кибернаступательным потенциалом располагают наименее определёнными правовыми ограничениями по статье 56 ДП I; государства с наиболее прочным договорным основанием запрета декларируют сдержанность в сфере наступательных кибероопераций. Ни одно из шести рассмотренных государств публично не заявило о правомерности кибератак на дамбы, плотины и атомные электростанции.

Российская Федерация ратифицировала ДП I 29 сентября 1989 г. без оговорок к статье 56. Наставление по МГП для Вооружённых Сил Российской Федерации 2001 г. обязывает военнослужащих на этапе планирования операций наносить на карты атомные электростанции, дамбы и плотины. В. А. Батырь оценивает это требование как действующее вне зависимости от дискуссий об обычно-правовом статусе соответствующих положений [23, с. 18]. А. В. Кудашкин и Н. Н. Мельник характеризуют принцип соразмерности как «центральный регулятор при принятии решений» о применении военной силы [24, с. 4]; для объектов статьи 56 этот принцип структурно исключает любой положительный расчёт, поскольку последствия аварии на ядерном объекте несоразмерны любому достижимому тактическому преимуществу.

США к ДП I не присоединились. Сборник Военно-морского колледжа 2012 г. прямо фиксирует, что претензии на обычно-правовой статус положений Дополнительных протоколов «вызывают обеспокоенность» американской стороны [26, с. 9–10]. Американская правовая доктрина по кибератакам развивалась преимущественно через призму *jus ad bellum* (статья 51 Устава ООН), а не специальных режимов *jus in bello*. Государство с наибольшим кибернаступательным потенциалом в мире максимально сохраняет правовую свободу действий применительно к объектам, нападение на которые статья 56 запрещает.

Франция в доктринальном документе 2019 г. прямо распространила принципы различения и соразмерности на кибератаки [16, с. 7–8]; решение об атрибуции квалифицируется там как политическое и принимается в каждом конкретном случае. Великобритания в позиции, представленной в ГПЭ ООН в 2021 г., подтвердила применимость МГП к кибероперациям и констатировала отсутствие нормы, обязывающей публично раскрывать технические основания атрибуции [17, с. 6].

КНР ратифицировала ДП I 14 декабря 1983 г. и формально связана запретом статьи 56. Хуан Чжэньюй и Ин Ин показывают, что китайский подход акцентирует *jus ad bellum*-измерение кибербезопасности при сдержанном позиционировании в части *jus in bello* применительно к конкретным нормам ДП I [18, с. 206–210]. К. К. Лазарь фиксирует, что Россия и КНР, продви-

гая концепцию киберсуверенитета, концентрируются на недопустимости внешнего вмешательства, тогда как детализация специальных режимов МГП в национальных доктринах обеих стран остаётся менее проработанной [19, с. 185]. Израиль в 2020 г. занял «осторожную» позицию по применению МГП к кибероперациям в вооружённом конфликте [20]; публичной позиции по статье 56 применительно к кибератакам от Израиля не поступало.

Выявленная асимметрия имеет самостоятельное доктринальное значение. Эффективность режима статьи 56 ДП I применительно к кибератакам зависит в первую очередь от добровольного соблюдения нормы теми государствами, которые юридически к ней наименее обязаны. Такой разрыв между договорными обязательствами и кибернаступательными возможностями существенно осложняет переговорный процесс о новых договорных инструментах и требует учёта при оценке политической реализуемости предложений *de lege ferenda*.

5. Stuxnet и Industroyer: правовая оценка инцидентов

Два задокументированных инцидента позволяют оценить применимость статьи 56 ДП I к близким к реальным сценариям. Stuxnet (2010) был направлен против центрифуг по обогащению урана в Натанзе. К. Зеттер детально реконструировала технический механизм: код воздействовал на контроллеры Siemens STEP 7 и вызывал механическое разрушение центрифуг при внешне нормальных показаниях мониторинговых систем [21, с. 34–89]. Объект в Натанзе является объектом ядерного цикла, а не атомной электростанцией в смысле статьи 56(1) ДП I. Тем не менее Stuxnet подтвердил три принципиальные вещи: физические разрушения через SCADA-атаки на ядерную инфраструктуру технически реализуемы; кибератака способна производить результаты, физически эквивалентные кинетическому воздействию; атрибуция в реальном времени недостижима.

Если бы атака типа Stuxnet была направлена против систем управления охлаждением реактора на действующей атомной электростанции, правовая квалификация была бы принципиально иной. Манипуляция программным обеспечением охлаждения активной зоны с технической вероятностью влечёт аварийный перегрев и выброс радиоактивных материалов: именно это последствие, которое статья 56(1) характеризует как «высвобождение опасных сил». Запрет применился бы независимо от того, каким является применяемый инструмент.

Industroyer/CrashOverride (2016) поставил под угрозу электроснабжение части Киева, воздействуя на подстанцию Ukrenergo. Объект атаки является электросетью, а не установкой с опасными силами по статье 56. ESET идентифицировала группу Sandworm спустя год; американские обвинительные заключения были предъявлены в 2020 г. В период самой атаки атрибуция оставалась технически недостижимой. М. Рошини обосновал: кибератака, производящая физически эквивалентный кинетическому удару эффект, оценивается по тем же критериям МГП [22, с. 152–157]. Оба инцидента документируют атрибуционный барьер как ключевое практическое ограничение режима ответственности.

6. Три структурных пробела режима

Пробелы режима статьи 56 применительно к кибератакам принципиально различны по природе. Их смешение влечёт предложение неверных решений.

Первый пробел, текстуальный, разрешается *de lege lata* через телеологическое толкование: государства, ратифицировавшие ДП I без оговорок к статье 56, связаны запретом без нового договорного инструмента. Второй пробел операциональный: кибератака на управляющую систему не разрушает объект напрямую, физические последствия развиваются через цепочку отказов. Статья 56(1) оперирует критерием угрозы («способные вызвать»). Комментарий МККК 1987 г. подтверждает, что запрет вступает в действие на стадии создания реального риска [6]; применить этот критерий к каскадному воздействию без операциональной конкретизации действующий текст ДП I не позволяет. Пробел устраним через вторичные инструменты без пересмотра договорного текста.

Третий пробел, атрибуционный, принципиально отличается от первых двух. Он не затрагивает содержание запрета: запрет функционирует *de lege lata*. Он затрагивает режим ответственности. Кибератаки атрибутируются через многоэтапный технический анализ, нередко занимающий годы; результаты систематически оспариваются. Т. Вестнер в 2025 г. указал на смежный риск: алгоритмизация планирования операций, не включающая специальный иммунитет статьи 56 применительно к кибератакам, генерирует неверный правовой результат уже на предоперационном этапе [25, с. 215–219]. Атрибуционный пробел не закрывается средствами толкования.

7. De lege ferenda: три меры

Первое предложение: факультативный протокол к ДП I с метод-нейтральным стандартом. Документ должен закрепить, что запрет нападений на объекты статьи 56(1) распространяется на любой акт, независимо от применяемого инструмента, если он ожидаемо способен вызвать высвобождение опасных сил. МККК обозначил это направление в 2015 г. [1]; Правило 82 Таллиннского руководства показало, что метод-нейтральный стандарт может быть корректно сформулирован [3, с. 469–473]. Политически эта мера нереалистична в краткосрочной перспективе: государства с наибольшим кибернаступательным потенциалом не заинтересованы в жёстких запретительных нормах, прямо упоминающих кибератаки.

Второй вариант: верификационный механизм для кибератак на ядерные и гидрологические объекты под эгидой МАГАТЭ или ООН, активируемый при появлении достоверной информации о кибератаке без предварительного консенсуса по атрибуции. Прецедент существует: Инспекционная и вспомогательная миссия МАГАТЭ действует на Запорожской АЭС с сентября 2022 г. в условиях отсутствия консенсуса об ответственности; её задача состоит в верификации безопасности, а не в атрибуции. Эта мера политически более достижима, поскольку опирается на существующую институциональную практику.

Третья мера реализуема без международного переговорного процесса: закрепление обязательной правовой классификации кибератак против объектов статьи 56 в документах юридической службы вооружённых сил государств – участников ДП I. Соотношение статьи 56 ДП I с Таллиннским руководством 2.0 в российских учебных программах по праву вооружённых конфликтов отсутствует; включение в предоперационные процедуры обязательной правовой оценки кибератак против охраняемых объектов реализуется приказом Министра обороны. Три предложения взаимодополняют: первое формирует договорную основу, второе создаёт институциональный механизм верификации, третье встраивает запрет в операциональную практику вооружённых сил.

Заключение

De lege lata режим статьи 56 ДП I охватывает кибератаки через телеологическое толкование нормы. Запрет статьи 49(1) ДП I не ограничен способом осуществления нападения; статья 56(1) строится через последствие. Государства, ратифицировавшие ДП I без оговорок к статье 56, включая Российскую Федерацию, связаны этим запретом. Позиция МККК (доклад 32IC/15/11, 2015 г.) и Правило 82 Таллиннского руководства 2.0 подтверждают этот вывод; ни одно государство не выдвинуло правового обоснования допустимости кибератак на охраняемые объекты.

Сравнительный анализ выявил структурную асимметрию: государства с наибольшим кибернаступательным потенциалом располагают наименее определёнными договорными обязательствами по статье 56 ДП I. Россия, ратифицировавшая ДП I безоговорочно, располагает наиболее прочным нормативным основанием запрета среди крупных военных держав. Stuxnet и Industroyer документируют техническую реализуемость охватываемых запретом сценариев и подтверждают атрибуционный

барьер как ключевое практическое ограничение режима ответственности.

Три выявленных структурных пробела принципиально различны. Текстуальный разрешён *de lege lata*. Операциональный требует уточнения вторичными инструментами. Атрибуционный является наиболее критическим: запрет функционирует, тогда как режим ответственности нереализуем без специального верификационного механизма. Предложенные три меры *de lege ferenda* адресуют эти пробелы последовательно и независимо друг от друга. Строгий запрет *de lege lata* существует. Проблема состоит в его практическом обеспечении.

В отличие от предшествующих работ, рассматривавших позицию МККК, Таллиннское руководство и российское обязательство по статье 56 раздельно, настоящая статья устанавливает их системную связь применительно к кибератакам и разграничивает три структурных пробела по природе. Новизна состоит также в выявлении асимметрии между договорными обязательствами и кибернаступательными возможностями государств как самостоятельной правовой проблемы, определяющей реальную реализуемость запрета.

Литература

1. International humanitarian law and the challenges of contemporary armed conflicts: Report 32IC/15/11. – Geneva : ICRC, 2015. – 58 p.

2. Защита гражданских лиц в вооружённом конфликте : доклад Генерального секретаря ООН (S/2020/366). – Нью-Йорк : ООН, 2020. – 21 с.

3. Schmitt M. N. (ed.) Tallinn Manual 2.0 on the International Law Applicable to Cyber Operations. 2nd ed. – Cambridge : Cambridge University Press, 2017. – 598 p. DOI: 10.1017/9781316822524.

4. Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающийся защиты жертв международных вооружённых конфликтов (Протокол I). Женева, 08.06.1977 // UN Treaty Series. Vol. 1125. No. 17512.

5. Венская конвенция о праве международных договоров. Вена, 23.05.1969 // UN Treaty Series. Vol. 1155. No. 18232.

6. Sandoz Y., Swinarski C., Zimmermann B. (eds.) Commentary on the Additional Protocols of 8 June 1977 to the Geneva Conventions of 12 August 1949. – Geneva : ICRC ; Martinus Nijhoff, 1987. – 1625 p.

7. Батырь В. А. Международно-правовая охрана отдельных территориальных объектов в период вооружённых конфликтов // Право в Вооружённых Силах. – 2023. – № 8. – С. 44–55. EDN: YXRUJX.

8. Henckaerts J.-M., Doswald-Beck L. (eds.) Customary International Humanitarian Law. Vol. I : Rules. – Cambridge : Cambridge University Press ; ICRC, 2005. – 621 p. DOI: 10.1017/CBO9780511804700.

9. HPCR Manual on International Law Applicable to Air and Missile Warfare. – Cambridge : Cambridge University Press, 2013. – 441 p. DOI: 10.1017/CBO9781139525275.

10. Biggio G. Regulating non-kinetic effects of cyber operations: the 'Loss of Functionality' approach and the military necessity-humanity balance under International Humanitarian Law // Journal of Conflict and Security Law. – 2025. – Vol. 30, no. 2. – P. 241–263. DOI: 10.1093/jcsl/kraf008.

11. Guidelines on the Protection of the Natural Environment in Armed Conflict. – Geneva : ICRC, 2020. – 128 p.

12. IHL and the Growing Involvement of Civilians in Cyber Operations. – Geneva : ICRC, 2025.

13. Dinstein Y. The Conduct of Hostilities under the Law of International Armed Conflict. 3rd ed. – Cambridge : Cambridge University Press, 2016. – 354 p.

14. Pomson O. Methodology of identifying customary international law applicable to cyber activities // Leiden Journal of International Law. – 2023. – Vol. 36. – P. 1023–1047. DOI: 10.1017/S0922156523000390.

15. Report of the Group of Governmental Experts on Advancing Responsible State Behaviour in Cyberspace in the Context of International Security (A/76/135). – New York : United Nations, 2021. – 55 p.

16. Droit international appliqué aux opérations dans le cyberespace. – Paris : Ministère des Armées, 2019. – 18 p.

17. Application of International Law to States' Conduct in Cyberspace : United Kingdom Statement. – New York : United Kingdom Mission to the United Nations, 2021. – 18 p.

18. Huang Z., Ying Y. The Chinese approach to jus ad bellum in international law and cyberwarfare // The Cambridge Handbook of China and International Law / eds. I. Rasilla, C. Cai. – Cambridge : Cambridge University Press, 2024. – P. 203–218.

19. Лазарь К. К. Квалификация кибератак как «применения силы» или «акта агрессии» в международном праве: анализ статьи 51 Устава ООН и перспективы самообороны в киберпространстве // Правосудие/Justice. – 2025. – Т. 7, № 3. – С. 179–192. DOI: 10.37399/2686-9241.2025.3.179-192.

20. Schmitt M. N. Israel's Cautious Perspective on International Law in Cyberspace : Part I // EJIL:Talk! – 17 December 2020. – URL: https://www.ejiltalk.org/israels-cautious-perspective-on-international-law-in-cyberspace-part-i-methodology-and-general-international-law/ (дата обращения: 20.05.2026).

21. Zetter K. Countdown to Zero Day : Stuxnet and the launch of the world's first digital weapon. – New York : Crown, 2015. – 448 p.

22. Roscini M. Cyber operations and the use of force in international law. – Oxford : Oxford University Press, 2014. – 301 p.

23. Батырь В. А. Ведение боевых действий в городах: правовые аспекты // Право в Вооружённых Силах. – 2022. – № 4 (297). – С. 12–27. EDN: WAMTOD.

24. Кудашкин А. В., Мельник Н. Н. Правовой режим специальных военных операций: сравнительно-правовой анализ // Право в Вооружённых Силах. – 2022. – № 4 (297). – С. 2–11. EDN: UKNPVJ.

25. Vestner T. The Law of Targeting's Mechanisation and Objectivisation through the Use of Artificial Intelligence // International Law and Technological Change : Testing the Adaptability of International Law / eds. I. Couzigou, E. Fromageau. – Cheltenham : Edward Elgar Publishing, 2025. – P. 211–234.

26. Non-International Armed Conflict in the Twenty-first Century / ed. by K. Watkin, A. J. Norris. – Newport : U.S. Naval War College, 2012. – 490 p. (International Law Studies ; Vol. 88).

Cyberattacks on Installations Containing Dangerous Forces: The Teleological Basis for the Applicability of the Article 56 Additional Protocol I Regime

Klimov Ya.I.

Financial University under the Government of the Russian Federation, M. M. Speransky Institute of Law and National Security, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

The article examines the normative basis for applying the special prohibition on attacks against installations containing dangerous forces (Article 56, Additional Protocol I to the Geneva Conventions of 1977, AP I) to cyberattacks on control systems of protected objects. Through teleological interpretation under Article 31(1) of the Vienna Convention on the Law of Treaties 1969, it is established that the prohibition in Article 56(1) AP I targets the consequence (release of dangerous forces) rather than the instrument, and therefore covers cyberattacks without any new treaty instrument. The ICRC functional approach (Report 32IC/15/11, 2015) and Rule 82 of the Tallinn Manual 2.0 confirm this conclusion. A comparative analysis of six states' positions reveals a structural asymmetry: states with the greatest cyber offensive capabilities have the least defined treaty obligations under Article 56 AP I. Three structural gaps are identified: textual (resolvable by teleological interpretation de lege lata), operational (requiring secondary instruments), and attribution (not amenable to interpretive resolution). Three complementary de lege ferenda measures are proposed with an assessment of their political feasibility.

Keywords: international humanitarian law, cyberattacks, teleological interpretation, installations containing dangerous forces, Tallinn Manual 2.0, attribution, *de lege ferenda*, ICRC, *opinio juris*, Stuxnet.

References

1. International humanitarian law and the challenges of contemporary armed conflicts: Report 32IC/15/11. Geneva: ICRC; 2015. 58 p.
2. Protection of civilians in armed conflict: Report of the Secretary-General (S/2020/366). New York: UN; 2020. 21 p.
3. Schmitt MN, editor. Tallinn Manual 2.0 on the International Law Applicable to Cyber Operations. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press; 2017. 598 p. DOI: 10.1017/9781316822524.

4. Protocol Additional to the Geneva Conventions of 12 August 1949, and relating to the Protection of Victims of International Armed Conflicts (Protocol I). Geneva, 08.06.1977. UN Treaty Series. Vol. 1125. No. 17512.
5. Vienna Convention on the Law of Treaties. Vienna, 23.05.1969. UN Treaty Series. Vol. 1155. No. 18232.
6. Sandoz Y, Swinarski C, Zimmermann B, editors. Commentary on the Additional Protocols of 8 June 1977 to the Geneva Conventions of 12 August 1949. Geneva: ICRC; Martinus Nijhoff; 1987. 1625 p.
7. Batyr VA. International legal protection of certain territorial objects during armed conflicts. Pravo v Vooruzhennykh Silakh. 2023;(8):44–55. (In Russ.). EDN: YXRUJX.
8. Henckaerts J-M, Doswald-Beck L, editors. Customary International Humanitarian Law. Vol. I: Rules. Cambridge: Cambridge University Press; ICRC; 2005. 621 p. DOI: 10.1017/CBO9780511804700.
9. HPCR Manual on International Law Applicable to Air and Missile Warfare. Cambridge: Cambridge University Press; 2013. 441 p. DOI: 10.1017/CBO9781139525275.
10. Biggio G. Regulating non-kinetic effects of cyber operations: the 'Loss of Functionality' approach and the military necessity-humanity balance under International Humanitarian Law. Journal of Conflict and Security Law. 2025;30(2):241–263. DOI: 10.1093/jcsl/kraf008.
11. Guidelines on the Protection of the Natural Environment in Armed Conflict. Geneva: ICRC; 2020. 128 p.
12. IHL and the Growing Involvement of Civilians in Cyber Operations. Geneva: ICRC; 2025.
13. Dinstein Y. The Conduct of Hostilities under the Law of International Armed Conflict. 3rd ed. Cambridge: Cambridge University Press; 2016. 354 p.
14. Pomson O. Methodology of identifying customary international law applicable to cyber activities. Leiden Journal of International Law. 2023;36:1023–1047. DOI: 10.1017/S0922156523000390.
15. Report of the Group of Governmental Experts on Advancing Responsible State Behaviour in Cyberspace in the Context of International Security (A/76/135). New York: United Nations; 2021. 55 p.
16. Droit international appliqué aux opérations dans le cyberespace. Paris: Ministère des Armées; 2019. 18 p.
17. Application of International Law to States' Conduct in Cyberspace: United Kingdom Statement. New York: United Kingdom Mission to the United Nations; 2021. 18 p.
18. Huang Z, Ying Y. The Chinese approach to jus ad bellum in international law and cyberwarfare. In: Rasilla I, Cai C, editors. The Cambridge Handbook of China and International Law. Cambridge: Cambridge University Press; 2024. P. 203–218.
19. Lazar KK. Qualification of cyberattacks as 'use of force' or 'act of aggression' in international law: an analysis of Article 51 of the UN Charter and prospects for self-defense in cyberspace. Pravosudie/Justice. 2025;7(3):179–192. (In Russ.). DOI: 10.37399/2686-9241.2025.3.179-192.
20. Schmitt MN. Israel's Cautious Perspective on International Law in Cyberspace: Part I. EJIL:Talk! 17 December 2020. Available at: https://www.ejiltalk.org/israels-cautious-perspective-on-international-law-in-cyberspace-part-i-methodology-and-general-international-law/ (accessed 20.05.2026).
21. Zetter K. Countdown to Zero Day: Stuxnet and the launch of the world's first digital weapon. New York: Crown; 2015. 448 p.
22. Roscini M. Cyber operations and the use of force in international law. Oxford: Oxford University Press; 2014. 301 p.
23. Batyr VA. Urban combat operations: legal aspects. Pravo v Vooruzhennykh Silakh. 2022;(4(297)):12–27. (In Russ.). EDN: WAMTOD.
24. Kudashkin AV, Melnik NN. The legal regime of special military operations: a comparative legal analysis. Pravo v Vooruzhennykh Silakh. 2022;(4(297)):2–11. (In Russ.). EDN: UKNPVJ.
25. Vestner T. The Law of Targeting's Mechanisation and Objectivisation through the Use of Artificial Intelligence. In: Couzigou I, Fromageau E, editors. International Law and Technological Change: Testing the Adaptability of International Law. Cheltenham: Edward Elgar Publishing; 2025. P. 211–234.
26. Watkin K, Norris AJ, editors. Non-International Armed Conflict in the Twenty-first Century. Newport: U.S. Naval War College; 2012. 490 p. (International Law Studies; Vol. 88).

Правовая природа квот на выбросы парниковых газов в российском законодательстве

Ларин Дмитрий Алексеевич
аспирант, кафедра «Государственно-правовые и финансово-правовые дисциплины», МФЮА, argschool01@gmail.com

В статье исследуется правовая природа квот на выбросы парниковых газов в российском законодательстве. Рассмотрены теоретико-правовые подходы к определению понятия «квота», а также особенности ее применения в сфере экологического и климатического регулирования. Проанализирована история становления правового регулирования выбросов парниковых газов в Российской Федерации, включая развитие нормативной базы и формирование механизмов регулирования. Особое внимание уделено экспериментальным проектам по квотированию выбросов, в том числе Сахалинскому климатическому эксперименту, направленному на достижение углеродной нейтральности. Выявлены основные проблемы правового статуса углеродных единиц и квот, а также перспективы совершенствования законодательства в условиях развития национальной системы углеродного регулирования и интеграции России в международную климатическую повестку.

Ключевые слова: квота, квотирование, парниковые газы, климатическая повестка, правовое регулирование, сахалинский эксперимент, окружающая среда.

С правовой точки зрения квота, указывает Е. В. Нефедова, представляет «феномен, объективно свидетельствующий о потребности гибкого правового регулирования, необходимости адаптации правовой материи к сложным общественным отношениям» [4, с. 668]. Квотирование в контексте экологической безопасности государства и цивилизации в целом обусловлено объективными обстоятельствами: тяжелые климатические условия, детерминирующие внедрение энергозатратных решений в быту, на производстве, в сельском хозяйстве, обширные географические границы, обуславливающие потребность выравнивания возможностей субъектов по пользованию благами. Эти и другие факторы, отмечает Е. В. Нефедова, постепенно привели к формированию представлений о квотировании с точки зрения юридической теории, законотворчества и правоприменительной практики [4, с. 668]. В отношении дефиниции, правовой природы и функций квоты в современной юридической литературе и периодике единства мнений пока не наблюдается. Квота является особой формой, результатом предоставления «правовых преимуществ для отдельных участников общественных отношений, предусматривая гарантированное выделение благ и их последующее использование» [4, с. 668].

Ж. А. Хакимова и А. А. Васильева, обращаясь к зарубежному опыту квотирования, говорят, что в целом в системе континентального права и западноевропейской правовой доктрине квота чаще всего рассматривается как объект гражданского права, хотя в большинстве случаев ее правовая сущность не раскрыта. В качестве характеристики квоты исследователи называют неотчуждаемый характер квоты, но, при этом, в реальной практике имеется немало случаев, когда квота может быть законным образом отчуждена: квоты на производство молока могут быть отчуждены на основании гражданско-правового договора, публично-правовые квоты могу быть переданы при концессиях на такси. Эти и многие другие примеры отчуждаемости квот позволяют авторам Ж. А. Хакимова и А. А. Васильева сравнивать квоты со своеобразной формой валюты. В пользу данного тезиса можно сказать: эмиссия квот является публичной, а требования устанавливаются в соответствии с административными нормами, отношения по обращению квот складываются между субъектами гражданских правоотношений [8, с. 128].

Квота, безусловно, является более мягкой и гибкой формой/инструментом правового регулирования, а введение квот можно считать свидетельством потребности текущей правовой доктрины в адаптации к динамично изменчивым общественным отношениям.

В иной статье квоту Е. В. Нефедова рассматривает уже в качестве специального средства правового регулирования, которое сочетает в себе возможность «сдерживать развитие нежелательных для общества и государства отношений и стимулировать правовую активность граждан» [3, с. 47]. Бюджетная квота, к примеру, позволяет устанавливать лимиты набора абитуриентов, поступающих на престижные направления подготовки специалистов, и одновременно с этим – стимулировать студентов к высокому уровню академической успеваемости, что предполагает получение повышенной стипендии [3, с. 47].

Как показывает анализ научной литературы, можно выделить две основные функции квот: (1) стимулирующая функция, по мнению Е. В. Нефедовой, выражается в мотивационном воздействии для достижения интересов субъектов; (2) сдерживающая функция – в таком случае квота может быть представлена в форме ограничения или недопущения реализации отдельных прав субъектов. Для иллюстрации вышеприведённых примеров автор указывает: в 1993 г. для стимулирования российского экспорта Министерству экономики РФ предлагалось упразднить

экспортные квоты по всем товарам; сегодня же, в рамках реализации Стратегии развития электронной промышленности Российской Федерации на период до 2030 года необходимо стимулировать спрос на продукцию отрасли посредством введения квот на закупку изделий электронных компонентов отечественного производства.

Все чаще термины «квота» и «квотирование» начинают применяться в дискуссиях об экологии, природопользовании и углеродном регулировании. Следует обозначить тот факт, что т.н. углеродный сегмент правового регулирования в России является относительно новым, в связи с чем только начинает свое формирование.

Правовые институты, формирующиеся в рамках углеродного регулирования, механизмы их нормативной фиксации и практического применения, а также сопряжённые с ними иные элементы правового регулирования характеризуются высокой степенью новизны. Указанное обстоятельство обусловливает возникновение значительного количества вопросов, включая проблемы теоретико-правового, правоприменительного и институционального характера. В целях комплексного осмысления специфики национальной модели углеродного регулирования представляется необходимым осуществить анализ предпосылок её формирования, исследовать предшествующие этапы развития соответствующего регулирования, оценить достигнутые результаты, а также выявить системные особенности российского подхода к регулированию квотирования.

В качестве ключевых предпосылок формирования российской системы углеродного регулирования и выделения квот на парниковые газы, в частности, следует рассматривать комплекс международно-правовых, научных и политико-экологических процессов, обусловивших постепенное становление глобальной климатической повестки. Указанные предпосылки оказали существенное влияние на формирование национальных моделей углеродного регулирования, включая российскую.

К числу наиболее значимых событий, предопределивших возникновение современных механизмов климатического и углеродного регулирования, относится подготовленный для Римский клуб в 1972 г. доклад «Пределы роста», в котором впервые на системном уровне была обозначена проблема ограниченности природных ресурсов и невозможности дальнейшего экономического роста в условиях возрастающего антропогенного воздействия на окружающую среду. Существенное значение имела также состоявшаяся в том же году Конференция ООН по окружающей среде, ставшая первым крупным международным форумом, закрепившим необходимость координации усилий государств.

Дальнейшее развитие основ экологического и климатического регулирования было связано с опубликованием в 1987 г. доклада «Наше общее будущее», подготовленного Международной комиссией по окружающей среде и развитию. В указанном документе была сформулирована концепция т.н. устойчивого развития, в соответствии с которой развитие человечества должно осуществляться таким образом, чтобы удовлетворение потребностей настоящего поколения не лишало возможности будущих поколений удовлетворять собственные потребности.

Особое значение в данном контексте имеет деятельность Межправительственная группа экспертов по изменению климата, учреждённой в 1988 г с целью подготовки комплексных научных оценок состояния климатической системы, причин климатических изменений, их потенциальных последствий, а также возможных стратегий адаптации и противодействия климатическим рискам. Согласно последним докладам указанной организации, природные экосистемы уже демонстрируют ограниченную способность адаптации к происходящим климатическим изменениям, а негативные последствия глобального потепления оказывают масштабное воздействие на флору, фауну и природные комплексы в целом. При этом современные исследования свидетельствуют о том, что темпы климатических изменений существенно превышают прогнозы, составленные ранее, а реальные последствия изменения климата оказываются значительно более тяжёлыми.

В современных научных и экспертных исследованиях в области климатической политики и экологического регулирования особое внимание уделяется необходимости комплексного применения всех доступных механизмов декарбонизации экономики. Под декарбонизацией в данном контексте понимается совокупность правовых, экономических, технологических и организационных мер, направленных на снижение углеродоёмкости хозяйственной деятельности посредством сокращения выбросов парниковых газов и увеличения способности природных и антропогенных систем к их поглощению.

К числу основных направлений мер по декарбонизации можно отнести методы, непосредственно ориентированные на сокращение объёмов выбросов парниковых газов в атмосферу, включая модернизацию производственных процессов, повышение энергетической эффективности, переход к низкоуглеродным и возобновляемым источникам энергии, а также внедрение технологий улавливания углерода. Наряду с этим существенное значение приобретают механизмы увеличения поглощающей способности экосистем (сохранение и восстановление лесных массивов, болотных экосистем и иных природных объектов, выполняющих функцию естественных поглотителей углерода) [6, с. 2, 7].

Д. А. Гершинкова, анализируя хронологию развития рассматриваемой обрасти правового регулирования, говорит о том, что в истории становления углеродного регулирования в Российской Федерации представляется обоснованным выделение двух этапов: этапа неспецифического регулирования и этапа специфического регулирования. Первый этап характеризуется отсутствием специализированных правовых механизмов, непосредственно ориентированных на регулирование выбросов парниковых газов. В указанный период сокращение таких выбросов выступало не самостоятельной целью государственного регулирования, а сопутствующим результатом реализации мер в сфере охраны атмосферного воздуха, повышения энергетической эффективности, модернизации промышленности и рационального природопользования. Хронологически данный этап охватывает 1980-е – 2020-е гг.

Второй этап связан с формированием системы специфического углеродного регулирования, предполагающего установление для эмитентов парниковых газов специальных обязанностей либо закрепление нормативного механизма определения и реализации таких обязанностей. Выделение данного этапа обусловлено принятием ряда важных законодательных актов – Федерального закона № 296-ФЗ «Об ограничении выбросов парниковых газов» и Федерального закона № 34-ФЗ, заложивших основы современного российского механизма углеродного регулирования, включая систему учёта выбросов, климатические проекты и оборот углеродных единиц [1, с. 31].

Современная система углеродного регулирования в Российской Федерации основывается на сочетании двух базовых моделей — административной и рыночной, отражающих различные подходы государства к регулированию выбросов парниковых газов. При этом обе модели функционируют параллельно, что обусловливает необходимость их комплексного анализа.

Административная модель представляет собой исторически сложившуюся систему регулирования, во многом унаследованную от советского экологического законодательства. К её основным элементам относятся установление перечня регулируемых загрязняющих веществ, нормативов выбросов, экологических платежей, а также обязанностей хозяйствующих субъектов по предоставлению экологической отчётности. Вместе с тем данная модель сохраняет ряд системных недостатков, обусловленных её формированием в условиях административно-командной экономики.

Одной из ключевых проблем является несоответствие российского перечня загрязняющих веществ международным под-

ходам к регулированию парниковых газов. В частности, диоксид углерода (CO_2), являющийся базовым показателем в международных системах углеродного учёта, не относится в российском праве к числу регулируемых загрязняющих веществ. В то же время метан (CH_4) фактически подпадает под двойное регулирование — одновременно как парниковый газ и как загрязняющее вещество.

Рыночная модель углеродного регулирования начала формироваться в России сравнительно недавно и связана с развитием механизмов климатических проектов, углеродных единиц и системы учёта выбросов парниковых газов. Несмотря на сохраняющиеся недостатки нормативного регулирования и правоприменительной практики, современный этап характеризуется стремлением российского законодателя адаптировать национальную систему углеродного регулирования к актуальным международным подходам и требованиям глобальной климатической политики [2, с. 122].

Существенным этапом развития российского углеродного регулирования стало введение механизмов квотирования выбросов парниковых газов в рамках так называемого «Сахалинского эксперимента». Эксперимент был официально запущен с вступлением в силу Федерального закона № 34-ФЗ 1 сентября 2022 г. и предусматривает проведение на территории отдельных субъектов Российской Федерации пилотной модели регулирования выбросов парниковых газов. Первым регионом реализации эксперимента стала Сахалинская область, где он проводится в период с 2022 по 2028 год.

Основной целью эксперимента является достижение углеродной нейтральности региона, при этом для Сахалинской области соответствующий показатель планировалось обеспечить к концу 2025 г.. В рамках эксперимента был сформирован перечень регулируемых организаций, включающий крупнейших эмитентов парниковых газов региона.

Ключевым элементом модели выступает система региональных квот выбросов парниковых газов, устанавливающих допустимый объём эмиссии для регулируемых организаций. В случае превышения установленной квоты хозяйствующий субъект обязан уплатить компенсационный платеж. Одновременно организациям предоставляется возможность использовать углеродные единицы и единицы выполнения квоты, зарегистрированные в национальном реестре углеродных единиц.

Фактически Сахалинский эксперимент представляет собой пилотную апробацию рыночной модели углеродного регулирования по принципу cap-and-trade («ограничение и торговля»), предполагающей сочетание обязательных лимитов выбросов с механизмом оборота углеродных единиц. Данный подход ориентирован на формирование экономических стимулов к сокращению выбросов парниковых газов и рассматривается в качестве потенциальной основы для дальнейшего развития национального углеродного рынка [5, с. 69].

Несмотря на сохраняющийся экспериментальный характер регулирования и необходимость дальнейшего совершенствования нормативной и институциональной инфраструктуры, реализация проекта свидетельствует о постепенном переходе российского углеродного регулирования от преимущественно административной модели к более комплексной системе, включающей рыночные механизмы климатического регулирования [6, с. 14].

Заключение

Подводя итог исследованию, можно констатировать, что квота на выбросы парниковых газов в российском законодательстве представляет собой многогранный правовой инструмент, сочетающий функции административного сдерживания и экономического стимулирования. Её правовая природа остаётся дискуссионной и находится в процессе динамичного формирования, что объясняется относительной новизной национального углеродного регулирования. Проведённый анализ демонстрирует, что современная российская модель опирается на параллельное развитие административных ограничений и рыночных механизмов, ключевым полигоном для которых выступает Сахалинский климатический эксперимент. Вместе с тем выявлены системные проблемы: отсутствие однозначной правовой квалификации квот и углеродных единиц в гражданском законодательстве, дублирование регулирования отдельных веществ и необходимость гармонизации национальных подходов с международными стандартами. В условиях макроэкономических вызовов и санкционного давления дальнейшее совершенствование нормативной базы должно быть направлено на чёткое определение оборотоспособности квот, создание прозрачных правил учёта выбросов и развитие инфраструктуры углеродного рынка. Особую актуальность приобретает закрепление квот в качестве самостоятельного объекта гражданских прав. Только комплексная модернизация правовой природы квотирования позволит России эффективно реализовать стратегию низкоуглеродного развития, достичь климатических целей и укрепить позиции в глобальной экологической повестке.

Литература

1. Гершинкова, Д. А. К вопросу о становлении административно-правового регулирования выбросов парниковых газов в России / Д. А. Гершинкова // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2023. – № 4 (107). – С. 28–43.
2. Котова, Е. В. Совершенствование правового регулирования в области снижения выбросов парниковых газов в Российской Федерации / Е. В. Котова // Теоретическая и прикладная юриспруденция. – 2024. – № 3 (21). – С. 122–132.
3. Нефедова, Е. В. Квота в системе средств правового регулирования: теоретико-правовой аспект / Е. В. Нефедова // Вестник СГЮА. – 2024. – № 1 (156). – С. 46–52.
4. Нефедова, Е. В. Квотирование в российском праве: интеллектуально-аналитический аспект определения потребности и пределов / Е. В. Нефедова // Юридическая техника. – 2024. – № 18. – С. 658–680.
5. Пахтусов, В. В. Сахалинский эксперимент по снижению парниковых выбросов / В. В. Пахтусов // Digital. – 2022. – № 2. – С. 68–72.
6. Ситников, С. Л. Углеродное регулирование в России: истоки и особенности / С. Л. Ситников // Вестник евразийской науки. – 2022. – № 6. – 19 с.
7. Ушаровский, К. С. Углеродные единицы как объекты гражданских прав. Неопределенность их классификации и потребность совершенствования Гражданского кодекса Российской Федерации / К. С. Ушаровский // Сфера науки. – 2026. – № 2. – С. 27–32.
8. Хакимова, Ж. А. К вопросу о правовом регулировании рынка углеродных единиц: сравнительно-правовой аспект / Ж. А. Хакимова, А. А. Васильева // Право и практика. – 2023. – № 2. – С. 127–131.

Legal nature of greenhouse gas emission quotas in Russian legislation

Larin D.A.
MFUA

This article explores the legal nature of greenhouse gas emission quotas in Russian legislation. It examines theoretical and legal approaches to defining the concept of a quota, as well as the specifics of its application in environmental and climate regulation. It analyzes the history of the legal regulation of greenhouse gas emissions in the Russian Federation, including the development of the regulatory framework and the formation of regulatory mechanisms. Particular attention is paid to experimental projects on emission quotas, including the Sakhalin Climate Experiment, aimed at achieving carbon neutrality. The key issues related to the legal status of carbon units and quotas are identified, as well as prospects for improving legislation in the context of the development of a national carbon regulation system and Russia's integration into the international climate agenda.

Keywords: quota, greenhouse gases, climate agenda, legal regulation, sakhalin experiment, environment.

References

1. Gershinkova, D. A. On the Formation of Administrative-Legal Regulation of Greenhouse Gas Emissions in Russia / D. A. Gershinkova // Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. - 2023. - No. 4 (107). - P. 28-43.
2. Kotova, E. V. Improving Legal Regulation in the Field of Reducing Greenhouse Gas Emissions in the Russian Federation / E. V. Kotova // Theoretical and Applied Jurisprudence. - 2024. - No. 3 (21). - P. 122-132.

3. Nefedova, E. V. Quota in the System of Legal Regulation: Theoretical and Legal Aspect / E. V. Nefedova // Bulletin of the SSLA. - 2024. - No. 1 (156). - P. 46-52.
4. Nefedova, E. V. Quotas in Russian Law: Intellectual and Analytical Aspect of Determining Needs and Limits / E. V. Nefedova // Legal Technique. - 2024. - No. 18. - Pp. 658-680.
5. Pakhtusov, V. V. Sakhalin Experiment to Reduce Greenhouse Emissions / V. V. Pakhtusov // Digital. - 2022. - No. 2. - Pp. 68-72.
6. Sitnikov, S. L. Carbon Regulation in Russia: Origins and Features / S. L. Sitnikov // Bulletin of Eurasian Science. - 2022. - No. 6. - 19 p.
7. Usharovsky, K. S. Carbon Units as Objects of Civil Rights. Uncertainty of their classification and the need to improve the Civil Code of the Russian Federation / K. S. Usharovsky // Sphere of Science. - 2026. - No. 2. - P. 27-32.
8. Khakimova, Zh. A. On the issue of legal regulation of the carbon units market: a comparative legal aspect / Zh. A. Khakimova, A. A. Vasilyeva // Law and Practice. - 2023. - No. 2. - P. 127-131.

Цифровой профиль иностранного гражданина как правовая категория: к вопросу о законодательном закреплении

Маранди Дарья Вячеславовна
аспирант кафедры административного, информационного и финансового права, Юридический факультет имени М.М. Сперанского, Институт права и национальной безопасности, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, marandidarya@mail.ru

Предметом исследования выступает правовая природа и нормативное содержание категории «цифровой профиль иностранного гражданина» в системе российского миграционного и информационного законодательства в контексте введённого в 2024–2026 годах экспериментального и постоянного регулирования данного института. Анализируется нормативный переход от ситуации полного правового вакуума к закреплению государственного информационного ресурса посредством Указа Президента РФ от 09.07.2025 № 467 О государственном информационном ресурсе «Цифровой профиль иностранного гражданина». В работе проведён сравнительно-правовой анализ качества нового нормативно-правового регулирования государственного информационного ресурса с точки зрения соответствия стандартам правового государства в части гарантий прав субъектов данных, прозрачности алгоритмических решений и защиты от дискриминации. В работе применяется комплекс методов: формально-юридический, сравнительно-правовой, системный, эмпирический. Настоящая статья представляет комплексный научный анализ нормативно-правового закрепления государственного цифрового информационного ресурса «Цифровой профиль иностранного гражданина» в российском праве. Обосновывается, что принятые в 2024–2026 годах нормативные акты, решив проблему организационной основы профиля, оставили без ответа ключевые вопросы правового статуса иностранного гражданина как субъекта данных: право на получение объяснений об административных решениях, принятых на основе данных отраженных в профиле, право на оспаривание автоматизированных выводов и гарантии защиты от дискриминации. Предложены конкретные меры по восполнению выявленных пробелов и совершенствованию законодательства в миграционной сфере.

Ключевые слова: цифровой профиль иностранного гражданина, государственный информационный ресурс, миграционное законодательство, персональные данные, алгоритмическое профилирование, автоматизированные административные решения, право на объяснение, субъект данных, цифровизация государственного управления, миграционный контроль.

Введение

Правовое регулирование цифровых сведений об иностранных гражданах в России вступило в качественно новый этап. Если ещё в 2022–2023 годах исследователи констатировали фрагментарность информационных систем в миграционной сфере при отсутствии единой правовой рамки [1], то уже Постановление Правительства РФ от 07.11.2024 № 1510 «О проведении эксперимента по апробации правил и условий въезда в РФ и выезда из РФ иностранных граждан и лиц без гражданства» обозначило начало экспериментального внедрения цифрового профиля мигранта, а Указ Президента РФ от 09.07.2025 № 467 «О государственном информационном ресурсе "Цифровой профиль иностранного гражданина"» придал этому инструменту устойчивый нормативный статус.

Новая Концепция государственной миграционной политики РФ на 2026–2030 годы, утверждённая Указом Президента РФ от 15.10.2025 № 738, прямо закрепила формирование цифрового профиля иностранного гражданина в числе приоритетных инструментов. Перед юридической наукой встаёт задача не обосновывать необходимость законодательного закрепления данного института, а оценить полноту уже принятого регулирования [2].

1. Нормативная история: от правового вакуума к институционализации

Нормативная история цифрового профиля иностранного гражданина в России имеет чёткую периодизацию. Первый период (2021–2023) характеризовался полным правовым вакуумом при технологической готовности: информационные системы МВД России, ФНС, Роструда уже агрегировали данные об иностранных гражданах через систему межведомственного электронного взаимодействия (СМЭВ), однако правового понятия совокупного профиля не существовало.

Второй период, начиная с конца 2024 года, ознаменовался переходом к экспериментальному регулированию. Постановление Правительства РФ от 07.11.2024 № 1510 "О проведении эксперимента по апробации правил и условий въезда в РФ и выезда из РФ иностранных граждан и лиц без гражданства" запустило эксперимент, согласно которому в период с 00 часов 00 минут 1 декабря 2024 г. по местному времени до 23 часов 59 минут 30 июня 2026 г. по местному времени все въезжающие иностранные граждане стали проходить обязательную фотосъёмку и дактилоскопию, а данные аккумулировались в государственной информационной системе миграционного учёта (ГИС МУ). Эксперимент обнажил концептуальную неполноту: технологический механизм создавался без одновременного закрепления правового положения субъекта данных [3, с. 181].

Третий период начался 09 июля 2025 года: Указом Президента РФ № 467 «О государственном информационном ресурсе «Цифровой профиль иностранного гражданина», где данный ресурс был законодательно учреждён. Ресурс формируется в составе ГИС МУ на базе инфраструктуры МВД России, где МВД является его непосредственным оператором. Состав сведений условно можно разделить на пять блоков: 1) идентификационные и биометрические данные; 2) сведения о въездах, выездах и документах; 3) данные о трудовой деятельности и налоговых отчислениях; 4) административно-юрисдикционные сведения; 5) медицинские данные. Концепция на 2026–2030 годы институционализирует цифровой профиль как постоянный инструмент миграционного управления, ориентированного на биометрическую идентификацию и широкое внедрение информационных технологий [4].

Следует отметить, что именно в 2023 году отечественные исследователи указывали на необходимость риск-ориентированного подхода к управлению миграцией, предполагающего

комплексный анализ данных об иностранных гражданах из множества источников [5, с. 7–9]. Принятое регулирование отчасти реализует этот подход на институциональном уровне, однако без надлежащих правозащитных механизмов. Принятое регулирование обладает рядом достоинств. Впервые в российском праве определён оператор ресурса, установлены источники агрегируемых сведений, предусмотрен доступ иностранного гражданина к своему профилю через Единый портал государственных услуг. Вместе с тем принятые акты воспроизводят типичный изъян инфраструктурного нормотворчества: право создаёт инструмент контроля, но не формирует симметричной системы защиты субъекта [6, с. 26–28]. Анализ Указа № 467 позволяет выделить четыре остаточных пробела.

Первый — отсутствие гарантий объяснимости. Указ не закрепляет права иностранного гражданина на получение объяснений об основаниях административных решений, принятых с использованием профиля. Ни ФЗ от 25.07.2002 № 115-ФЗ о правовом положении иностранных граждан, ни ФЗ от 27.07.2006 № 152-ФЗ о персональных данных такого специального права не предусматривают. Это разительно контрастирует со ст. 22 GDPR, требующей объяснить логику автоматизированного решения, и с аналогичными нормами Акта ЕС об искусственном интеллекте 2024 года [7, с. 8–10].

Второй пробел — отсутствие механизма оспаривания данных. Наличие в профиле ошибочных или устаревших сведений способно повлечь неправомерный отказ в разрешительных документах или ограничение въезда. Однако ни Указ № 467, ни ФЗ от 18.07.2006 № 109-ФЗ о миграционном учёте не устанавливают специализированной процедуры оспаривания содержания межведомственного агрегированного ресурса [8, с. 100–102]. Понятие цифрового профилирования и его правовые последствия в российском публичном праве по-прежнему остаются неопределёнными.

Третий пробел — допустимость полностью автоматизированных решений. Действующее законодательство не содержит требования об участии уполномоченного должностного лица в принятии административных решений, основанных на профиле. Это создаёт риск делегирования юрисдикционной функции алгоритму. Исследования в области алгоритмического управления свидетельствуют, что именно отсутствие механизма участия человека в процессе принятия решений является наиболее частым источником нарушений прав субъектов [9; 10].

Четвёртый пробел — режим трансграничной передачи данных. Декабрьский 2025 года проект постановления МВД о составе сведений цифрового профиля не содержит положений о порядке передачи данных иностранным государствам в рамках соглашений о реадмиссии. Между тем обновлённая редакция статьи 18 Федерального закона № 152-ФЗ, вступившая в силу 01.07.2025, установила режим запрета первичного сбора персональных данных в иностранных хранилищах, что порождает коллизию с практикой трансграничного информационного обмена в миграционной сфере [5].

2. Сравнительно-правовой анализ

2.1. Европейский союз

Наиболее разработанным ориентиром в данной сфере служит право Европейского союза. Статья 22 Регламента (ЕС) 2016/679 (GDPR) закрепляет право субъекта данных не подвергаться решению, основанному исключительно на автоматизированной обработке, включая профилирование, если такое решение влечёт юридически значимые последствия [11]. Руководящие указания Рабочей группы по статье 29 детализируют критерии автоматизированного профилирования, обязанности оператора по обеспечению объяснимости и механизм оспаривания [12].

Необходимо, однако, сделать существенную оговорку: Российская Федерация не является участником Конвенции Совета Европы № 108 о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных [13], а GDPR — акт ЕС, в котором Россия не состоит. Следовательно, прямых международно-правовых обязательств, вытекающих из указанных инструментов, у неё не возникает. Ссылка на европейские стандарты в настоящей работе носит доктринальный, а не нормативный характер: они используются как эталон надлежащей практики.

2.2. Государства — члены ЕАЭС

Более практически значимым является сравнение с правовыми системами государств — членов Евразийского экономического союза, поскольку именно с ними Российская Федерация имеет действующие обязательства в сфере защиты персональных данных. Соглашение о защите персональных данных физических лиц государств — членов ЕАЭС от 25 января 2017 года закрепляет обязательства сторон по обеспечению надлежащего уровня защиты при трансграничной передаче персональных данных.

Ни Казахстан (Закон РК «О персональных данных и их защите» 2013 г. в ред. 2020 г.), ни Беларусь (Закон РБ «О защите персональных данных» 2021 г.) не закрепили специальных норм об автоматизированном профилировании мигрантов. Это свидетельствует о том, что выявленный нормативный пробел является общей чертой постсоветского правового пространства и не составляет специфического изъяна российского регулирования. Тем не менее именно Российская Федерация, располагая наиболее масштабной миграционной системой в ЕАЭС, несёт повышенную ответственность за выработку стандартов, применимых к гражданам государств-партнёров.

Таким образом, нормативный разрыв между Указом № 467 и лучшими мировыми стандартами защиты субъектов данных реален, однако он не обусловлен нарушением каких-либо обязательных международно-правовых норм. Его значение — доктринальное и имплементационное: принятое регулирование не достигает уровня правовой защиты, признанного оптимальным в сравнительном праве, и не выполняет в полной мере обязательств, предусмотренных соглашением ЕАЭС 2017 года применительно к трансграничной передаче данных.

2.3. Китайская Народная Республика и государства ШОС

Расширение сравнительно-правового горизонта за пределы ЕС и ЕАЭС позволяет обратиться к опыту Китайской Народной Республики. Базовым актом в данной сфере является Закон КНР об управлении въездом в страну и выездом из страны от 30 июня 2012 года (вступил в силу 01.07.2013), регулирующий въезд, пребывание и проживание иностранцев на территории КНР. Статья 7 Закона уполномочивает Министерство общественной безопасности и Министерство иностранных дел устанавливать правила сбора биометрических идентификаторов — отпечатков пальцев и иных данных — у въезжающих иностранных граждан, без каких-либо изъятий. Это создаёт нормативную основу для сплошной биометрической регистрации, существенно более широкой по охвату, чем аналогичные механизмы, предусмотренные российским Постановлением № 1510.

Система управления иностранными гражданами в КНР дополняется интеграцией данных с Системой социального кредита. В соответствии с действующим регулированием иностранные юридические лица, имеющие представительства в КНР, включены в данную систему наравне с отечественными субъектами; физические лица-иностранцы также могут быть затронуты её действием при допущении нарушений [14; 15]. Принципиальным отличием китайской модели является её откровенно инструментальный характер: ст. 1 Закона 2012 года прямо называет первоочерёдной целью «охрану суверенитета, безопасности и общественного порядка» при лишь номинальной защите прав иностранцев (ст. 3). Механизмы оспаривания алгоритмических выводов нормативно не предусмотрены; данный пробел воспроизводится как в самом Законе, так и в подзаконных актах о биометрической идентификации, принятых во исполнение ст. 7 [15].

Данный компаративный срез важен для российского правоведения не как образец для подражания, а как пример регуляторной крайности: создание масштабной технологической инфраструктуры профилирования мигрантов без правозащитной надстройки порождает систему, в которой любая ошибка алгоритма практически необорима для субъекта [14]. Принятый Указ № 467 тяготеет к той же логике, поскольку сосредоточен на инфраструктурной стороне при умолчании о гарантиях. Задача российской правовой науки — предложить модель, сочетающую технологическую эффективность с конституционными стандартами защиты личности.

Таким образом, нормативный разрыв между Указом № 467 и оптимальными стандартами защиты субъектов данных реален. Его значение — доктринальное и имплементационное: принятое регулирование не достигает уровня правовой защиты, признанного оптимальным в сравнительном праве, и не выполняет в полной мере обязательств, предусмотренных Соглашением ЕАЭС 2017 года.

3. Доктринальный анализ

В доктрине сложилось несколько подходов к смежной проблематике, заслуживающих критического рассмотрения.

Э.В. Талапина разграничивает инструментальную цифровизацию — замену бумажных процессов электронными — и конституирующую, при которой алгоритм формирует само содержание административного решения [16, с. 25–30]. Применительно к цифровому профилю иностранного гражданина Указ № 467 осуществил именно конституирующую цифровизацию: профиль не просто фиксирует ранее принятые решения, но сам становится основанием для новых. Данное разграничение концептуально точно и продуктивно. Вместе с тем оно оставляет без ответа вопрос о том, каков конкретный нормативный инструментарий, необходимый при конституирующей цифровизации публично-правовых отношений. Говоря иначе, Талапина диагностирует новое качество правового явления, но не предлагает системы гарантий, соразмерной этому новому качеству. Именно восполнение данного пробела составляет одну из задач настоящей работы.

Т.Я. Хабриева и Н.Н. Черногор обосновывают тезис о том, что цифровизация трансформирует правовые понятия, порождая асинхронность между технологическими и правовыми системами [17, с. 88–91]. Настоящий случай — яркое подтверждение: технологический инструмент существовал де-факто с 2021 года, тогда как его правовое оформление завершается лишь в 2025–2026 годах. Концепция Хабриевой–Черногора носит преимущественно диагностический характер: авторы фиксируют проблему асинхронности, но предлагаемые ими механизмы опережающего правового регулирования носят общий характер и не специфицированы применительно к правоотношениям, в которых одной из сторон выступает иностранный гражданин с изначально усечённым объёмом процессуальных гарантий. Настоящее исследование нацелено на преодоление этого ограничения через выработку конкретных законодательных предложений.

Попова С. М., Храмова М. Н., Чжан Ч., анализируя миграционную политику в условиях цифровой экономики, акцентирует внимание на технологической адаптивности как условии эффективного управления миграционными процессами [4]. Принятые в 2025 году акты реализуют данный тезис на организационном уровне. Однако вопрос о правовых последствиях для иностранного гражданина как субъекта данных в этих работах остаётся непроработанным.

А.Р. Атабеков, исследуя области применения искусственного интеллекта в государственном управлении в России, указывает, что ИИ-инструменты активно внедряются в публичные функции прежде, чем для них создаётся надлежащая правовая база [18, с. 183–184]. Данный тезис точно описывает ситуацию с цифровым профилем: технологическое развёртывание системы опередило формирование правозащитного регулирования. Однако решение этой проблемы требует не только констатации, но и разработки конкретного правового инструментария — что автор лишь намечает, не предлагая готовых законодательных решений.

В зарубежной науке особого внимания заслуживает концепция алгоритмического оспаривания, исследованная применительно к миграционному управлению [19]. Авторы показывают, что даже при наличии формальных механизмов оспаривания непрозрачность алгоритмических систем лишает их содержательного смысла. Применительно к российским реалиям одного лишь права на ознакомление с профилем, предусмотренного Указом № 467, недостаточно — необходим полноценный механизм контроля над логикой алгоритма [9].

М. Хильдебрандт, разработавшая концепцию цифрового двойника, указывает, что алгоритмически конструируемое цифровое представление индивида порождает юридически значимые последствия вне зависимости от воли и осведомлённости самого человека [20, с. 14–16]. Российский цифровой профиль обнаруживает именно эту черту: формируясь автоматически при пересечении границы, он способен ограничить будущую мобильность лица без его осведомлённости о характере содержащейся информации. Концептуальный вклад Хильдебрандт состоит в демонстрации того, что «цифровой двойник» функционирует как самостоятельный правовой субъект-заместитель в информационных системах. Вместе с тем её подход, разработанный применительно к западным правовым системам с устоявшимися механизмами защиты данных, не учитывает специфику публично-правовых отношений с иностранным гражданином в условиях, когда оба компонента — и правозащитный инструментарий, и цифровая инфраструктура — находятся в стадии первичного формирования.

Ф. Паскуале, анализируя феномен «чёрного ящика» в алгоритмических системах, указывал, что право на контроль над алгоритмом является не технической привилегией, а фундаментальным правовым требованием [21]. В отличие от позиций, рассматривающих прозрачность алгоритмов как вопрос технической политики, Паскуале настаивает на её правозащитном измерении. Применительно к ситуациям, когда алгоритмические решения непосредственно затрагивают свободу передвижения личности, эта позиция представляется более убедительной.

Таким образом, доктринальный консенсус сводится к следующему: технологическая инфраструктура цифрового профиля в целом сформирована, тогда как правозащитная — нет. Принятые нормативные акты лишь частично закрывают этот разрыв.

4. Правозащитные пробелы действующего регулирования

Анализ Указа № 467 позволяет выявить четыре системных пробела:

Первый пробел — отсутствие права на объяснение. Ни ФЗ от 25.07.2002 № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в РФ», ни ФЗ от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» не закрепляют права субъекта на получение в доступной форме объяснения логики алгоритмического вывода, влекущего ограничения его правового статуса. Рабочая группа по статье 29 ещё в 2018 году констатировала, что «объяснимость» является ключевым компонентом правомерного автоматизированного профилирования. В отсутствие такого права иностранный гражданин лишён возможности содержательно оспорить административное решение, поскольку не может установить его фактическое основание.

Второй пробел — отсутствие механизма оспаривания данных. Наличие в профиле ошибочных или устаревших сведений способно повлечь неправомерный отказ в разрешительных документах или ограничение въезда. Однако ни Указ № 467, ни ФЗ от 18.07.2006 № 109-ФЗ «О миграционном учёте иностранных граждан и лиц без гражданства» не устанавливают специализированной процедуры оспаривания содержания межведом-

ственного агрегированного ресурса. Общий порядок, предусмотренный ФЗ-152, не учитывает специфику публично-правовых данных, формируемых несколькими федеральными органами исполнительной власти одновременно. Поэтому даже при наличии формальных механизмов оспаривания непрозрачность алгоритмических систем зачастую лишает их содержательного смысла, поскольку субъект данных не может установить, какой именно вывод алгоритма подлежит оспариванию

Третий пробел — допустимость полностью автоматизированных решений. Действующее законодательство не содержит требования об участии уполномоченного должностного лица в принятии административных решений, основанных на данных профиля. Это создаёт риск делегирования юрисдикционной функции алгоритму — явления, которое Ф. Паскуале охарактеризовал как «управление чёрного ящика».

Четвёртый пробел — режим трансграничной передачи данных. Проект постановления МВД России о составе сведений цифрового профиля, опубликованный в декабре 2025 года, не содержит положений о порядке передачи данных иностранным государствам в рамках соглашений о реадмиссии.

5. Выводы и предложения

Проведённый анализ позволяет сформулировать следующие выводы.

Во-первых, Указ Президента РФ от 09.07.2025 № 467 и сопутствующие акты 2024–2025 годов создали нормативную основу государственного информационного ресурса, решив организационно-правовую задачу институционализации цифрового профиля иностранного гражданина. Впервые в отечественном праве введена правовая категория, описывающая агрегированное цифровое представление мигранта как самостоятельный юридически значимый объект.

Во-вторых, принятое регулирование сосредоточено на инфраструктурной стороне — операторе, составе сведений, доступе государственных органов — в ущерб правозащитной. Четыре системных пробела остаются незаполненными: отсутствие права на объяснение алгоритмического решения, неурегулированность механизма оспаривания данных профиля, допустимость полностью автоматизированных административных решений, неопределённость режима трансграничной передачи сведений.

В-третьих, сравнительный анализ показывает, что оптимальные стандарты в данной сфере сформулированы в праве ЕС (ст. 22 GDPR) и рекомендательных актах Рабочей группы по статье 29. РФ не ратифицировала Конвенцию СЕ № 108, что исключает их прямое действие, однако не снимает ни доктринальных аргументов, ни обязательств, вытекающих из Соглашения ЕАЭС о защите персональных данных 2017 года. Опыт КНР и государств ШОС демонстрирует, что технологически развитые системы профилирования мигрантов без правозащитной надстройки порождают необоримые алгоритмические риски.

На основании изложенного предлагается:

1) Дополнить ФЗ от 25.07.2002 № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в РФ» новой статьёй, закрепляющей право иностранного гражданина на получение в письменной доступной форме объяснения логики алгоритмических выводов, на основании которых приняты ограничивающие его правовой статус административные решения, с обязанностью оператора ресурса предоставить такое объяснение в течение 30 дней.

2) Закрепить в Указе № 467 или в специальном административном регламенте процедуру оспаривания иностранным гражданином достоверности сведений, включённых в профиль, с установлением пятидневного срока рассмотрения обращений, обязанностью уведомить субъекта данных об итогах проверки, а также правом на получение мотивированного отказа в случае невнесения изменений.

3) Внести в ФЗ от 25.07.2002 № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в РФ» специальную норму, запрещающую принятие юридически значимых решений в отношении иностранного гражданина в сфере въезда, выезда и выдачи разрешительных документов исключительно на основании автоматизированной обработки данных профиля без участия уполномоченного должностного лица, которое несёт персональную ответственность за принятое решение.

4) Включить в постановление Правительства РФ о составе сведений цифрового профиля раздел, регламентирующий трансграничную передачу данных в рамках соглашений о реадмиссии: определить закрытый перечень государств-реципиентов, объём и основания передачи сведений, порядок уведомления субъекта данных, с учётом требований Соглашения ЕАЭС о защите персональных данных физических лиц от 25 января 2017 года.

5) Предусмотреть механизм оценки эффективности предложенных мер посредством введения обязательной ежегодной публикации оператором ресурса (МВД России) агрегированных статистических сведений о количестве обращений субъектов данных, сроках их рассмотрения, доле удовлетворённых запросов на исправление данных и количестве оспоренных в судебном порядке автоматизированных решений. Такой мониторинг позволит своевременно выявлять системные сбои в алгоритмической обработке данных профиля и оценивать практическую работу правозащитных механизмов.

Реализация предложенных мер позволит обеспечить баланс между легитимными целями миграционного контроля и конституционными гарантиями прав личности. Концепция государственной миграционной политики на 2026–2030 годы создаёт для этого нормативный горизонт; задача правовой науки — обеспечить его содержательное наполнение.

Литература

1. Попова С.М. Цифровизация миграционной сферы в России: состояние и перспективы // Право и политика. 2021. № 9. С. 118-132. DOI: 10.7256/2454-0706.2021.9.36488 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=36488
2. Максименко Е.И., Журкина О.В., Ерохина Е.В. Правовые аспекты информационно-цифрового регулирования миграционных процессов // Вопросы российского и международного права. 2021. Т. 11. № 10А. С. 243-249. DOI: 10.34670/AR.2021.91.51.031. EDN: XOEEDE.
3. Полякова Т.А., Бойченко И.С. Цифровой оборот данных – проблемы взаимодействия субъектов и оператора обработки персональных данных // Право и государство: теория и практика. 2021. № 11. С. 181-184.
4. Попова С. М., Храмова М. Н., Чжан Ч. Адаптивная миграционная политика в условиях цифровой экономики (по материалам российско-китайского круглого стола) // ДЕМИС. Демографические исследования. 2023. Т. 3. № 2. С. 182-190. DOI: https://doi.org/10.19181/demis.2023.3.2.15. EDN: WYSPGF.
5. Волох В.А., Дмитриева Т.Н. Риск-ориентированный подход в государственном управлении внешней миграцией // Управление. 2024. Т. 12. № 1. С. 5-15. DOI: 10.26425/2309-3633-2024-12-1-5-15. EDN: DJTOOP.
6. Зубарев С.М. Правовые риски цифровизации государственного управления // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15. № 6. С. 23-32. DOI: 10.17803/1994-1471.2020.115.6.023-032. EDN: XISKCR.
7. Талапина Э.В. Прозрачность алгоритмов искусственного интеллекта // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2025. № 3. С. 4-27. DOI: 10.17323/2072-8166.2025.3.4.27. EDN: RGQHJV.
8. Цирин А. М. Цифровое профилирование на государственной службе: понятие и перспективы правового регулирования // Журнал российского права. 2022. Т. 26. № 10. С. 97-109. DOI: 10.12737/jrl.2022.108. EDN: QGGQKG.
9. Hillo T. Algorithmic Governance: Experimental Evidence on Citizens and Public Administrators Legitimacy Perceptions of

Automated Decision-Making // Public Administration. 2025. DOI: 10.1111/padm.70028. (на англ. яз.). EDN: IMQTKS.

10. Roehl U. Automated Decision-Making and Good Administration: Views from Inside the Government Machinery // Government Information Quarterly. 2023. Vol. 40. DOI: 10.1016/j.giq.2023.101864. (на англ. яз.). EDN: EKKQHJ.

11. Regulation (EU) 2016/679 of the European Parliament and of the Council of 27 April 2016 on the protection of natural persons with regard to the processing of personal data (GDPR) // Official Journal of the European Union. 2016. L 119. P. 1-88. (на англ. яз.).

12. Article 29 Data Protection Working Party. Guidelines on Automated individual decision-making and Profiling for the purposes of Regulation 2016/679. WP251rev.01. Brussels: European Commission, 2018. 28 p. (на англ. яз.).

13. Convention for the Protection of Individuals with regard to Automatic Processing of Personal Data (ETS No. 108). Strasbourg: Council of Europe, 1981. (на англ. яз.).

14. Рувинский Р.З., Тарасов А.А. «Система социального кредита»: исторические предпосылки и доктринальные основания феномена // Национальная безопасность / nota bene. 2020. № 3. С. 72-88. DOI: 10.7256/2454-0668.2020.3.33021 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=33021

15. Ohlberg M., Ahmed S., Lang B. China's Social Credit System in 2021: From Fragmentation towards Integration. Berlin: Merics, 2021. 43 p. (на англ. яз.).

16. Талапина Э.В. Алгоритмы и искусственный интеллект сквозь призму прав человека // Журнал российского права. 2020. № 10. С. 25-39. DOI: 10.12737/jrl.2020.118. EDN: DLFNEL.

17. Хабриева Т.Я., Черногор Н.Н. Право в условиях цифровой реальности // Журнал российского права. 2018. № 1. С. 85-102. DOI: 10.12737/art_2018_1_7. EDN: YKWEZL.

18. Atabekov A.R. Areas for Public Functions Implementation by Artificial Intelligence in Russia and the World // Actual Problems of Russian Law. 2023. Vol. 18. No. 5. P. 181-185. DOI: 10.17803/1994-1471.2023.150.5.181-185. (на англ. яз.). EDN: BLTHYA.

19. Andreeva-Eneva S., Mora-Gamez F. Civil Society and the (Im)possibilities of Algorithmic Contestation in Migration Governance // Frontiers in Sociology. 2025. Vol. 10. DOI: 10.3389/fsoc.2025.1641898. (на англ. яз.). EDN: DEWNYM.

20. Hildebrandt M. Smart Technologies and the End(s) of Law: Novel Entanglements of Law and Technology. Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 2015. 280 p. (на англ. яз.).

21. Pasquale F. The Black Box Society: The Secret Algorithms That Control Money and Information. Cambridge (MA): Harvard University Press, 2015. 311 p. (на англ. яз.).

Digital Profile of a Foreign National as a Legal Category: Towards the Question of Legislative Consolidation

Marandi D.Vy.

Institute of Law and National Security, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA)

The subject of this study is the legal nature and normative content of the category "digital profile of a foreign national" within the Russian migration and information legislation, in the context of the experimental and permanent regulatory framework introduced in 2024–2026. The article analyses the normative transition from a state of complete legal vacuum to the establishment of a state information resource through Presidential Decree No. 467 of 09 July 2025 "On the State Information Resource 'Digital Profile of a Foreign National'". A comparative legal analysis is conducted to assess the quality of the new regulatory framework governing the state information resource in terms of its compliance with the rule-of-law standards regarding data subject rights, transparency of algorithmic decisions, and protection against discrimination. The study employs a combination of methods: formal-legal, comparative-legal, systemic, and empirical. This article presents a comprehensive scholarly analysis of the legislative consolidation of the state digital information resource "Digital Profile of a Foreign National" in Russian law. It is argued that the regulatory acts adopted in 2024–2026, while resolving the issue of the organisational foundation of the profile, left unanswered the key questions concerning the legal status of the foreign national as a data subject: the right to receive explanations regarding administrative decisions made on the basis of data reflected in the profile, the right to contest automated inferences, and guarantees of protection against discrimination. Specific measures are proposed to address the identified gaps and to improve legislation in the field of migration.

Keywords: digital profile of a foreign national, state information resource, migration legislation, personal data, algorithmic profiling, automated administrative decisions, right to explanation, data subject, digitalization of public administration, migration control.

References

1. Popova S.M. Digitalization of the Migration Sphere in Russia: State and Prospects. Law and Politics. 2021. No. 9. Pp. 118–132. DOI: 10.7256/2454-0706.2021.9.36488.
2. Maksimenko E.I., Zhurkina O.V., Erokhina E.V. Legal Aspects of Information-Digital Regulation of Migration Processes. Issues of Russian and International Law. 2021. Vol. 11. No. 10A. Pp. 243–249. DOI: 10.34670/AR.2021.91.51.031.
3. Polyakova T.A., Boychenko I.S. Digital Data Circulation — Problems of Interaction between Subjects and the Personal Data Processing Operator. Law and State: Theory and Practice. 2021. No. 11. Pp. 181–184.
4. Popova S.M., Khramova M.N., Zhang Ch. Adaptive Migration Policy in the Context of the Digital Economy (Based on Materials from a Russian-Chinese Round Table). DEMIS. Demographic Research. 2023. Vol. 3. No. 2. Pp. 182–190. DOI: 10.19181/demis.2023.3.2.15.
5. Volokh V.A., Dmitrieva T.N. Risk-Based Approach in Public Administration of External Migration. Management. 2024. Vol. 12. No. 1. Pp. 5–15. DOI: 10.26425/2309-3633-2024-12-1-5-15.
6. Zubarev S.M. Legal Risks of Digitalization of Public Administration. Actual Problems of Russian Law. 2020. Vol. 15. No. 6. Pp. 23–32. DOI: 10.17803/1994-1471.2020.115.6.023-032.
7. Talapina E.V. Transparency of Artificial Intelligence Algorithms. Law. Journal of the Higher School of Economics. 2025. No. 3. Pp. 4–27. DOI: 10.17323/2072-8166.2025.3.4.27.
8. Tsirin A.M. Digital Profiling in Public Service: Concept and Prospects for Legal Regulation. Journal of Russian Law. 2022. Vol. 26. No. 10. Pp. 97–109. DOI: 10.12737/jrl.2022.108.
9. Hillo T. Algorithmic Governance: Experimental Evidence on Citizens and Public Administrators Legitimacy Perceptions of Automated Decision-Making. Public Administration. 2025. DOI: 10.1111/padm.70028.
10. Roehl U. Automated Decision-Making and Good Administration: Views from Inside the Government Machinery. Government Information Quarterly. 2023. Vol. 40. DOI: 10.1016/j.giq.2023.101864.
11. Regulation (EU) 2016/679 of the European Parliament and of the Council of 27 April 2016 on the Protection of Natural Persons with Regard to the Processing of Personal Data (GDPR). Official Journal of the European Union. 2016. L 119. Pp. 1–88.
12. Article 29 Data Protection Working Party. Guidelines on Automated Individual Decision-Making and Profiling for the Purposes of Regulation 2016/679. WP251rev.01. Brussels: European Commission, 2018. 28 p.
13. Convention for the Protection of Individuals with Regard to Automatic Processing of Personal Data (ETS No. 108). Strasbourg: Council of Europe, 1981.
14. Ruvinsky R.Z., Tarasov A.A. The "Social Credit System": Historical Prerequisites and Doctrinal Foundations of the Phenomenon. National Security / Nota Bene. 2020. No. 3. Pp. 72–88. DOI: 10.7256/2454-0668.2020.3.33021.
15. Ohlberg M., Ahmed S., Lang B. China's Social Credit System in 2021: From Fragmentation towards Integration. Berlin: Merics, 2021. 43 p.
16. Talapina E.V. Algorithms and Artificial Intelligence through the Lens of Human Rights. Journal of Russian Law. 2020. No. 10. Pp. 25–39. DOI: 10.12737/jrl.2020.118.
17. Khabrieva T.Ya., Chernogor N.N. Law in the Context of Digital Reality. Journal of Russian Law. 2018. No. 1. Pp. 85–102. DOI: 10.12737/art_2018_1_7.
18. Atabekov A.R. Areas for Public Functions Implementation by Artificial Intelligence in Russia and the World. Actual Problems of Russian Law. 2023. Vol. 18. No. 5. Pp. 181–185. DOI: 10.17803/1994-1471.2023.150.5.181-185.
19. Andreeva-Eneva S., Mora-Gamez F. Civil Society and the (Im)possibilities of Algorithmic Contestation in Migration Governance. Frontiers in Sociology. 2025. Vol. 10. DOI: 10.3389/fsoc.2025.1641898.
20. Hildebrandt M. Smart Technologies and the End(s) of Law: Novel Entanglements of Law and Technology. Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 2015. 280 p.
21. Pasquale F. The Black Box Society: The Secret Algorithms That Control Money and Information. Cambridge (MA): Harvard University Press, 2015. 311 p.

Проблемы оценки эффективности деятельности органов местного самоуправления в единой системе публичной власти

Маховых Родион Русланович
аспирант, кафедра Конституционного, административного и уголовного права, Среднерусский институт управления - филиал Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

Статья посвящена анализу методологических проблем оценки эффективности деятельности органов местного самоуправления в контексте интеграции местного самоуправления в единую систему публичной власти. На основе сравнительного анализа практики различных муниципальных образований Российской Федерации выявлены ключевые противоречия между унификацией критериев оценки и объективным разнообразием условий функционирования муниципалитетов. Автор обосновывает необходимость дифференцированного подхода к оценке эффективности, учитывающего экономические, социальные, управленческие и политические аспекты деятельности местной власти. Особое внимание уделяется анализу недостатков существующих систем оценки и перспективам развития методологии, включающей субъективные оценки населения и инструменты цифровизации.
Ключевые слова: местное самоуправление, оценка эффективности, единая система публичной власти, муниципальное управление, методология оценки, качество жизни населения, муниципальные образования.

Конституционная реформа 2020 года закрепила местное самоуправление в качестве элемента единой системы публичной власти, что существенно переформатировало подходы к оценке его эффективности [1]. Указ Президента РФ от 28 апреля 2008 г. № 607 «Об оценке эффективности деятельности органов местного самоуправления в Российской Федерации» установил параметры оценки, охватывающие образование, здравоохранение, жилищно-коммунальное хозяйство, транспортную инфраструктуру и развитие малого бизнеса. Вместе с тем, разработанная в 2007 году система опирается на стандартизированный набор показателей и не соотносится с особенностями развития отдельных территорий, что требует постоянного обновления и модернизации [2].

Действующая система оценки эффективности ОМСУ не учитывает специфику муниципальных образований, что приводит к методологическим трудностям при сравнительном анализе [3]. Попытки адаптировать единые критерии к многообразию муниципальных образований неизбежно приводят либо к чрезмерному упрощению, игнорирующему специфику, либо к усложнению, затрудняющему практическое применение [4].

Существующие подходы к оценке эффективности ОМСУ классифицируются по нескольким направлениям. Формально-юридический подход концентрируется на соответствии деятельности муниципалитетов законодательным требованиям и полноте исполнения государственных полномочий. Экономический подход фокусируется на финансовых показателях, бюджетной обеспеченности, объеме привлеченных инвестиций. Социологический подход оценивает удовлетворенность населения качеством услуг и уровень доверия к местной власти [5]. В то же время задачей комплексного подхода является объединение различных критериев оценки эффективности в единую систему.

Анализируя практику муниципальных образований следует отметить противоречие между декларируемой самостоятельностью местного самоуправления и фактическим жестким контролем со стороны органов государственной власти субъектов Российской Федерации. Нормативное отнесение органов местного самоуправления к единой системе публичной власти не должно исключать самостоятельности в пределах своих полномочий, однако проведенный анализ указывает на усиление вертикали власти на всех уровнях.

Одной из ключевых проблем действующих систем оценки эффективности является преобладание количественных показателей над качественными. Так, используя «легкие» критерии оценки в виде объема бюджетных средств, реализованные проекты, благоустроенные территории, остаются без должного внимания действительно важные критерии, такие как взаимодействие с населением, уровень доверия, что приводит к искажению действительной картины и порождает лишь имитацию эффективности.

Обязанность по предоставлению ежегодных докладов с отражением показателей для оценки эффективности порождает глав муниципальных образований реализовывать проекты с быстрым эффектом, при этом жертвуя решением сложных задач, которые требуют большого финансирования с длительным сроком их реализации.

Отсутствие дифференциации оценки между муниципальными образованиями также порождает проблему оценки их эффективности. Применение единых критериев к крупным городским округам с населением более миллиона человек и муниципальным образованиям с населением в несколько сотен человек методологически некорректно [6]. На сегодняшний день, с уче-

том многообразия типов и характеристик многочисленных муниципальных образований, создание дифференцированные системы оценки не достигнуто.

Разрыв между формальными показателями и реальным качеством жизни населения остается наиболее острой проблемой. Муниципальное образование в попытках демонстрации высоких показателей по формальным критериям, упускают важный показатель – удовлетворенность населения деятельностью органов местного самоуправления. Такие случаи особенно характерны для образований, где имеется сильная вертикаль власти и оценка эффективности ориентирована прежде всего на мнение вышестоящих органов, а не населения.

Включение мнения населения в оценку эффективности представляется перспективным направлением развития методологии. В ряде регионов внедряются системы, включающие статистические показатели и результаты социологических опросов жителей. Использование данного подхода побуждает органы местного самоуправления обращать внимание на качество общения с жителями, своевременной реакции на обращения и открытости при принятии решений. Но возникает следующий вопрос: как учитывать различия в ожиданиях разных социальных групп, как исключить возможность манупилировать общественным мнение, но в то же время обеспечить наглядность таких результатов.

Продолжающийся этап цифровизация в Российской Федерации открывает новые возможности для оценки эффективности органов местного самоуправления. Так, развитие электронного взаимодействия между властью и населением предоставляет больше данных о качестве оказываемых муниципальных услугах, скорости решения проблем населения и уровне их удовлетворенности. Но не стоит забывать о разных возможностях населения: оценка качества услуг в формате электронной оценки не будет отражать мнение всего населения, а только его части - активной и технически образованной, что особенного заметно в отдаленных городах и сельских поселениях.

Большое значение для обеспечения эффективности органов местного самоуправления имеет кадровый состав. От профессионализма сотрудников и их адаптации к новым реалиям зависит качество муниципального управления. В малых городах муниципальный служащий в условиях низкой заработной платы и отсутствия карьерного роста, делает трудоустройство в органы местного самоуправления отталкивающим. Постоянный отток молодых и перспективных людей из малых городов и сельских поселений в более крупные города приводит к старению кадров, снижению интереса к новым подходам и применению неактуальных методов управления.

Взаимодействие органов местного самоуправления с региональными и федеральными органами власти также влияет на эффективность муниципального управления. В регионах с развитой системой поддержки муниципальных образований — методической помощью, обучением кадров, софинансированием проектов — местное самоуправление функционирует более эффективно. Напротив, в регионах, где преобладает административное давление без предоставления необходимых ресурсов и полномочий, эффективность ОМСУ остается низкой. Такой подход стимулирует формализм, приписки, имитацию деятельности вместо реального решения проблем.

Участие граждан в оценке эффективности ОМСУ остается недостаточно развитым механизмом. Несмотря на законодательное закрепление права граждан на осуществление контроля за деятельностью органов местного самоуправления, реальные механизмы такого контроля работают слабо. Публичные слушания часто носят формальный характер, общественные советы не обладают реальным влиянием, инициативы граждан игнорируются.

Экологические показатели постепенно становятся важным критерием оценки эффективности ОМСУ, особенно в крупных городах. Качество воздуха, состояние водных объектов, обращение с отходами, сохранение зеленых зон все больше влияют на привлекательность территории для жителей и инвесторов. Муниципалитеты, уделяющие внимание экологическим вопросам, демонстрируют более высокие показатели качества жизни и удовлетворенности населения.

Инновационная активность органов местного самоуправления является важным критерием эффективности. Способность муниципального образования внедрять новые методы управления, пробовать различные формы предоставления услуг во многом определяет его долгосрочную конкурентоспособность. Вместе с тем муниципальные образования с населением до ста тысяч человек или сельские поселения не имеют такой активности, поскольку ограничены ресурсами на их реализацию как финансовыми, так и кадровыми.

Устойчивость муниципального развития относится к числу критериев, которые недостаточно учитываются в системе оценки эффективности. Муниципальное образование может предоставлять высокие результаты своей деятельности в краткосрочный период за счет привлечения заемных средств и интенсивного использования имеющихся ресурсов, что, безусловно, создает риск для дальнейшего развития территории такого муниципального образования в долгосрочной перспективе.

Подводя итог вышесказанного следует выделить несколько типов эффективности органов местного самоуправления. Экономическая эффективность определяется такими показателями, как бюджетная обеспеченность, инвестиционная привлекательность и состояние экономики. Социальная эффективность отражает качество социальных услуг, уровень жизни населения. Управленческая эффективность характеризует качество принимаемых решений, профессионализм кадров. Политическая эффективность выражается в уровне доверия населения к власти, развитости институтов гражданского участия. На практике мы наблюдаем различные комбинации этих типов.

Перспективным направлением решения выявленных проблем представляется разработка типологии муниципальных образований с выделением групп территорий со схожими характеристиками и создание дифференцированных систем оценки для каждой группы. Предложенная типология обязана отражать не только юридический статус муниципального образования, но и его экономические возможности, географическое положение, степень развития инфраструктуры. Эффективность органов местного самоуправления невозможно объективно оценить только по формальным показателям исполнения бюджета или выполнения плановых показателей. Для оценки эффективности органов местного самоуправления нужен комплексный подход, который учитывает экономические, социальные, управленческие и политические критерии.

Отнесение органов местного самоуправления к единой системе публичной власти открывает возможности для успешной реализации деятельности различных уровней власти и одновременно создает риск усиления централизации и фактической утраты самостоятельности органов местного самоуправления. На данный момент баланс между единством системы публичной власти и самостоятельностью органов местного самоуправления не достигнут и требует дальнейшей теоретического анализа и внедрения новых моделей.

Литература

1. Основы местного самоуправления. — РАНХиГС. — 2022. — URL: https://lib.ranepa.ru/images/docs/vshgubooks/01_osnovy_msu.pdf (дата обращения: 23.04.2026).

2. Портал местного самоуправления в России. — URL: https://xn--l1adki.xn--p1ai (дата обращения: 23.04.2026).

3. Местное самоуправление или местные органы государственной власти? // Бюджет.ру. — 2023. — URL: https://bujet.ru/article/400104.php (дата обращения: 23.04.2026)

4. Бредихин А. Л. Местное самоуправление в современной российской системе власти // Экономика. Социология. Право. 2021. №2 (22). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/mestnoe-

samoupravlenie-v-sovremennoy-rossiyskoy-sisteme-vlasti (дата обращения: 23.04.2026).

5. Петряев, П. Н. Органы государственного управления и специализированные муниципалитеты: некоторые аспекты взаимодействия // Государственная власть и местное самоуправление. — 2020. — № 7. — С. 44-46

6. Конституционные основы местного самоуправления / А.А. Широков // Хоккайдо университет. — URL: https://src-h.slav.hokudai.ac.jp/publictn/No.73/shirokov/shir-c1.html (дата обращения: 23.04.2026).

Problems of Assessing the Effectiveness of Local Government Bodies in the Unified System of Public Authority

Makhovykh R.R.

Central Russian Institute of Management - branch of the federal state budgetary educational institution of higher education Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

The article addresses methodological problems in assessing the effectiveness of local government bodies within the context of integrating local self-government into the unified system of public authority. Based on a comparative analysis of practices across various municipal formations in the Russian Federation, the author identifies key contradictions between the unification of evaluation criteria and the objective diversity of conditions under which municipalities operate. The author substantiates the necessity of a differentiated approach to effectiveness assessment that takes into account economic, social, managerial, and political aspects of local government activities. Special attention is given to analyzing shortcomings in existing evaluation systems and prospects for developing methodology that incorporates subjective population assessments and digitalization tools.

Keywords: local self-government, effectiveness assessment, unified system of public authority, municipal management, evaluation methodology, quality of life, municipal formations.

References

1. Osnovy` mestnogo samoupravleniya [Fundamentals of Local Self-Government]. RANKhiGS — RANEPA. 2022. URL: https://lib.ranepa.ru/images/docs/vsh-gubooks/01_osnovy_msu.pdf (data obrashcheniya: 23.04.2026).
2. Portal mestnogo samoupravleniya v Rossii [Portal of Local Self-Government in Russia]. URL: https://xn--l1adke.xn--p1ai (data obrashcheniya: 23.04.2026).
3. Mestnoe samoupravlenie ili mestnye organy gosudarstvennoy vlasti? [Local Self-Government or Local State Authorities?] // Byudzhet.ru — Budget.ru. 2023. URL: https://bujet.ru/article/400104.php (data obrashcheniya: 23.04.2026).
4. Bredihin A.L. Mestnoe samoupravlenie v sovremennoy rossiyskoy sisteme vlasti [Local Self-Government in the Modern Russian System of Power] / A.L. Bredihin // Ekonomika. Sotsiologiya. Pravo — Economy. Sociology. Law. 2021. № 2 (22). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/mestnoe-samoupravlenie-v-sovremennoy-rossiyskoy-sisteme-vlasti (data obrashcheniya: 23.04.2026).
5. Petryaev P.N. Organygosudarstvennogo upravleniya i spetsializirovannye munitsipalitety: nekotorye aspektyvzaimodeystviya [State Governance Bodies and Specialized Municipalities: Some Aspects of Interaction] / P.N. Petryaev // Gosudarstvennaya vlast i mestnoe samoupravlenie — State Power and Local Self-Government. 2020. № 7. S. 44–46.
6. Konstitutsionnye osnovy mestnogo samoupravleniya [Constitutional Foundations of Local Self-Government] / A.A. Shirokov // Hokkaido universitet — Hokkaido University. URL: https://src-h.slav.hokudai.ac.jp/publictn/No.73/shirokov/shir-c1.html (data obrashcheniya: 23.04.2026).

Специфика публично-правового исследования в сфере демографической политики: предмет, метод и разграничение с подходами смежных наук

Смоляров Артём Сергеевич
студент, Дальневосточный институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России), smolyarov.03@mail.ru

Статья посвящена определению специфики правового исследования демографической политики и его отграничению от подходов смежных наук. Актуальность темы обусловлена отсутствием в юридической доктрине чёткого понимания того, что составляет предмет и метод юридической науки применительно к демографической сфере, тогда как демографические процессы традиционно выступают объектом изучения демографии, социологии, экономики и политологии. Цель исследования – обосновать наличие у юриспруденции собственного предмета и метода в данной области. На основе междисциплинарного анализа автором последовательно разграничены подходы смежных и юридической наук, разрешён терминологический вопрос о соотношении категорий «правовое регулирование демографической политики» и «правовое регулирование демографических отношений», раскрыты предмет и метод правового исследования. Особое внимание уделено методу правового моделирования, который позволяет не только анализировать существующее правовое регулирование, но и вырабатывать научно обоснованные проекты нормативных правовых актов. Сделан вывод о самостоятельном характере юридического исследования демографической политики, определены перспективы дальнейшей доктринальной разработки, важнейшей из которых является решение вопроса об отраслевой принадлежности правового регулирования в данной сфере.

Ключевые слова: демографическая политика, правовое регулирование, предмет юридического исследования, метод правового моделирования, междисциплинарный анализ, публично-правовые науки, демографические отношения.

Введение

В Российской Федерации на протяжении многих лет сохраняется устойчивая убыль населения, и демографическая ситуация продолжает оставаться кризисной, что свидетельствует о недостаточной эффективности существующих правовых механизмов.

По данным Федеральной службы государственной статистики (далее – Росстат) население России с 2020 по 2025 г. сократилось со 147,9 млн до 146,028 млн человек. Суммарный коэффициент рождаемости демонстрирует устойчивую негативную динамику: с 1,7 в 2014 г. он снизился до 1,4 в 2024 г., что существенно ниже уровня простого воспроизводства населения (2,1). Абсолютное число родившихся сократилось с 1 895 822 человек в 2013 г. до 1 222 408 человек в 2024 г., падение составило более 35% за десятилетие [1].

Вместе с тем правовое регулирование демографической политики фактически «рассредоточено» по разным отраслям права, оно закреплено в разных федеральных законах, подзаконных актах и нормах различных отраслей права.

Конституция Российской Федерации (далее – Конституция РФ) определяет фундаментальные принципы и правовые ориентиры в данной сфере. Так, в статье 2 закреплено, что права и свободы человека являются высшей ценностью государства, а в статье 20 подчеркивается право каждого на жизнь. В этом контексте право на жизнь выступает не просто декларацией, а одной из конституционных основ демографической политики. В статье 7 Конституции РФ закреплен принцип социального государства, политика которого нацелена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека, в ч. 4 ст. 67.1. указано, что дети являются важнейшим приоритетом государственной политики [2].

Реализация этих конституционных положений осуществляется через разветвлённую систему законодательных и подзаконных актов, например через Федеральный закон «О государственных пособиях гражданам, имеющим детей» [3], Закон Российской Федерации «О государственных гарантиях и компенсациях для лиц, работающих и проживающих в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях» [4], через Стратегию действий по реализации семейной и демографической политики, поддержке многодетности в Российской Федерации до 2036 года, утверждённой Распоряжением Правительства РФ от 15 марта 2025 г. № 615-р [5] и др.

Таким образом, демографическая политика как объект правового регулирования фактически рассредоточена по нормам различных отраслей права. Однако прежде, чем рассматривать вопрос об отраслевой принадлежности правового регулирования демографической политики, необходимо понять, а в чём состоит специфика собственно юридического исследования данной сферы? Демографические процессы выступают объектом изучения целого ряда наук – демографии, социологии, экономики, политологии и др., каждая из которых раскрывает демографические процессы через собственные предмет и метод.

При этом предмет и метод правового исследования демографической политики до настоящего времени не получили доктринального определения, а их отграничение от подходов смежных наук остаётся непроработанным. Указанная проблема имеет как теоретическое, так и практическое значение, поскольку без ясного понимания предмета и метода затруднительно определить границы юридического исследования данной сферы, а без этого, в свою очередь, сложно обеспечить надлежащую юридическую технику при разработке нормативных правовых актов.

Дополнительную сложность создаёт отсутствие терминологической определённости в самой юридической науке. В доктрине параллельно используются категории «правовое регулирование демографической политики» и «правовое регулирование демографических отношений», причём их содержание и соотношение не получили чёткого разграничения. Данная терминологическая неопределённость затрудняет как проведение научных исследований, так и формирование единообразного понятийного аппарата законодательства в этой сфере.

Предметом настоящего исследования выступает специфика правового подхода к изучению демографической политики: его предмет, метод, понятие и критерии отграничения от демографии, социологии, экономики и политологии.

Целью исследования является формирование теоретических основ правового подхода к изучению демографической политики: определение его понятия, предмета и метода, а также обоснование его отличия от подходов смежных наук.

Для достижения указанной цели необходимо решить следующие задачи:

1) рассмотреть предмет и специфику междисциплинарного научного исследования демографических процессов.

2) разграничить подходы смежных наук и юридической науки.

3) провести анализ соотношения понятий «правовое регулирование демографической политики» и «правовое регулирование демографических отношений», обосновать их содержание и сферу применения, определить наиболее корректное понятие для целей публично-правового исследования.

4) обосновать специфику правового исследования демографической политики, доказать наличие у юридической науки собственного предмета и метода исследования в данной сфере, не сводимого к подходам смежных наук.

Основная часть

Демографические процессы выступают объектом изучения целого ряда наук, каждая из которых предлагает собственный способ научного познания и осмысления таких процессов. Прежде чем определить специфику юридического исследования демографической политики, необходимо провести разграничение предметов и методов смежных отраслей науки.

Начнём с рассмотрения науки демографии. Согласно учебному пособию под редакцией доктора экономических наук Московского государственного университета им. Ломоносова И.Е. Калабихиной, демография – это наука, объектом изучения которой является народонаселение, то есть массовые демографические процессы населения, а предметом выступают закономерности воспроизводства населения – рождаемость, смертность, брачность, миграция населения. Методом науки выступают статистические, математические, экономические и социологические методы, а также собственные методы исследования – продольного и поперечного анализа и демографических моделей и др. [6].

Таким образом, демография рассматривает население как статистическую совокупность, выявляя количественные закономерности его воспроизводства. Её методология направлена на измерение параметров рождаемости, смертности и миграции, однако нормативные правовые акты, правовые механизмы воздействия на эти процессы, остаются за пределами ее предмета.

Также изучение народонаселения является объектом исследования науки социологии. Согласно выводам Галиевой Э. Р. в отличии от демографии, предметом социологического исследования выступают тенденции интенсивности деторождения, среднего числа рождений в семье. С особым вниманием анализируется влияние социальных институтов, непосредственно института семьи на репродуктивное поведение. Ключевой метод исследования – анализ вторичных данных ведущих центров изучения общественного мнения в России, через который раскрываются социальные аспекты репродуктивных установок и практик [7, с. 24].

Таким образом, в отличие от демографии, нацеленной на количественное измерение параметров воспроизводства населения, социология изучает мотивы и установки людей в сфере рождения детей. Правовые нормы, механизмы и инструменты в рамках данного подхода рассматриваются лишь как один из внешних факторов, способных повлиять на поведение, но не как самостоятельный предмет исследования.

Помимо этого, народонаселение является объектом исследования науки экономики. Согласно выводам Ткаченко А.А. предметом исследования экономики народонаселения является изучение методологических принципов взаимосвязи и развития народонаселения и общества, которые сложились под влиянием специфики развития производственных отношений. Методом исследования выступает анализ макроэкономических и микроэкономических последствий демографических процессов, анализ взаимосвязи демографических и экономических процессов с помощью теоретических моделей и эмпирических данных, использование аналитических методов экономики и демографии для изучения экономических последствий демографических изменений и др. [8, с. 96-98].

В связи с этим, экономическая наука изучает демографические процессы через оценку материальных стимулов и издержек, влияющих на решения людей о рождении детей. Меры демографической политики интересуют экономиста как финансовые инструменты, меняющие поведение населения. Правовая форма этих мер, их содержание и механизмы юридической реализации остаются за рамками экономического анализа.

Вопросы массовых демографических процессов населения рассматриваются и в политологических исследованиях. Согласно данным из учебника «Политика и демография», предмет политологического исследования демографии – изучение влияния демографических процессов на политическую сферу, а именно социально-политические последствия в стране и мире, влияние на стабильность политического режима, направления социальной политики, геополитический потенциал государства и др. [9, с.10-12]

В связи с этим политология рассматривает демографические процессы сквозь призму их воздействия на политическую стабильность, государственные институты и геополитическое положение страны. Меры демографической политики здесь выступают инструментом достижения политических целей и снижения рисков, тогда как их правовое содержание и нормативная форма самостоятельному анализу не подвергаются.

Проведённый анализ показывает, что демография, социология, экономика и политология изучают демографические процессы в соответствии со своим отраслевым предметом, однако ни одна из этих наук не исследует закономерности возникновения, развития и функционирования государственно-правовых явлений и процессов в этой сфере.

Демография исследует количественные закономерности демографических процессов, социология – мотивы и установки, экономика – материальные стимулы и издержки, политология – влияние на политическую стабильность. Правовые же нормы, их содержание, механизмы реализации и место в системе законодательства остаются за рамками предмета перечисленных наук. Данное обстоятельство обусловливает необходимость самостоятельного юридического анализа демографической политики.

В первую очередь необходимо затронуть терминологический аспект: как корректнее именовать правовое регулирование в этой сфере: «правовое регулирование демографической политики» или «правовое регулирование демографических отношений»? В юридической литературе используются оба словосочетания, однако их содержание не совпадает, а смешение способно привести к методологической путанице.

Правовое регулирование демографических отношений – это категория теоретико-правовая. Она указывает на непосредственный предмет воздействия: общественные отношения, складывающиеся по поводу рождаемости, смертности, брачности и миграции. Именно этот термин использует Ю.М. Лукин,

определяя демографические отношения как «общественные отношения, связанные с участием человека в процессе воспроизводства населения» [10]. Следует отметить, что категория «демографические отношения» остаётся дискуссионной и не получила широкого распространения в современной юридической литературе.

Данный подход удобен при анализе механизма правового воздействия на поведение граждан, однако он не охватывает воздействие права на деятельность органов государственной власти в сфере демографической политики, осуществляемую посредством организационных, экономических и иных мер. Это подтверждает и сам Ю.М. Лукин, обосновывая в своей работе другое понятие – «демографическая правовая политика» как научно обоснованной, системной деятельности органов публичной власти по созданию механизма правового регулирования [10].

Наряду с рассмотренными выше понятиями в доктрине используется и иная терминология. В частности, К.С. Нежинская оперирует понятием «конституционно-правовая политика в демографической сфере», определяя её через деятельность органов публичной власти [11]. Однако, мы полагаем, что это понятие применимо к исследованию демографической политики в рамках отрасли конституционного права и нельзя считать универсальным для юридической науки.

Правовое регулирование демографической политики – понятие более широкое, публично-правовое. Оно охватывает не только воздействие на поведение граждан, но и юридическое оформление самих целей, задач, институтов и инструментов государственной политики: компетенцию органов власти, стратегическое планирование, установление льгот и пособий, особых налоговых режимов и т.д. Т.М. Бугрова в этом контексте определяет право, как «средство демографической политики», подчёркивая, что оно оформляет не только поведение граждан, но и саму деятельность государства по постановке целей, выбору приоритетов и созданию институтов, обеспечивающих демографическое развитие. [12].

Это подтверждается в статье 72 Конституции Российской Федерации, где указано, что защита семьи, материнства, отцовства и детства, создания условий для достойного воспитания детей в семье находится в совместном ведении Российской Федерации и её субъектов [2]. А в разделе IV Стратегии действий по реализации демографической политики до 2036 года подчеркивается, что она реализуется органами публичной власти всех уровней в пределах установленной компетенции с помощью нормативно-правового регулирования [5].

Также это подтверждает исследование М.Н. Стифанько, в котором указано, что правовая демографическая политика России есть «юридическая форма демографической политики государства», а ее осуществление происходит посредством применения правовых методов (правовых инструментов) [13, с. 50]. Другими словами, если демографическая политика определяет цели, приоритеты, направления деятельности в сфере народонаселения, то правовое регулирование демографической политики устанавливает нормативные правовые акты, создает правовые механизмы, определяет компетенцию органов публичной власти.

Таким образом, демографическая политика определяет направления, средства правового регулирования, полномочия и компетенцию органов публичной власти, тогда как демографические отношения образуют ту конкретную сферу общественных связей, которая подвергается нормативному упорядочению. В рамках настоящего исследования мы используем оба понятия, однако в контексте отраслевой идентификации и места в системе юридических наук предпочтение отдаётся категории «правовое регулирование в сфере демографической политики» – как наиболее точно отражающей публично-правовую природу исследуемого явления.

Решение терминологического вопроса создаёт необходимую основу для перехода к содержательному анализу, в чём состоит специфика юридического подхода к его исследованию правового регулирования в сфере демографической политики. Если смежные науки изучают демографические процессы как социальный факт – описывают, измеряют, выявляют причины и следствия, то юридическая наука исследует эти же отношения через категории прав и обязанностей, нормативных предписаний и правовых механизмов, переводя социальный факт в факт юридический: события, действия и состояния. При этом анализируются не только содержания правовых норм, но и способы их реализации, характер правовых связей между субъектами, а также эффективность правового воздействия.

Как обоснованно отмечает Т.М. Бугрова, право является не просто одним из внешних факторов, сопутствующих демографическим процессам, а основным средством реализации демографической политики государства. Именно в правовой форме определяются её цели, задачи, направления и конкретные инструменты воздействия на воспроизводство и миграцию населения [12]. Следовательно, анализ этой правовой формы, её внутреннего устройства, механизмов действия и эффективности составляет самостоятельную научную задачу, которая не может быть решена средствами демографии, социологии или экономики.

Ю.М. Лукин, развивая данный подход, прямо вводит в научный оборот категорию «демографические отношения» и определяет их как общественные отношения, связанные с участием человека в процессе воспроизводства населения. Сама постановка вопроса о демографических отношениях как особой разновидности общественных отношений, подлежащих правовому регулированию, свидетельствует о наличии у юридической науки собственного предмета в данной сфере. Кроме того, Лукин обосновывает понятие «демографическая правовая политика» как научно обоснованной, системной деятельности органов публичной власти по созданию механизма правового регулирования, что дополнительно подтверждает: демографическая политика имеет собственное юридическое содержание, не сводимое к её социальным, экономическим или политическим аспектам [10].

Показательно, что в тех работах, которые непосредственно посвящены конституционно-правовым аспектам демографической политики, фактическим предметом анализа выступают именно правовые нормы и институты, а не демографические процессы сами по себе. Например, К.С. Нежинская, исследуя демографическую политику через призму национальной безопасности, анализирует не рождаемость или смертность как таковые, а нормативные правовые акты, компетенцию органов власти, пробелы и коллизии в законодательстве [11]. Это свидетельствует о том, что юридическое исследование демографической политики ведётся в рамках собственного предмета.

Таким образом, предметом юридического исследования демографической политики выступают не сами по себе демографические процессы (рождаемость, смертность, миграция), а правовые нормы, институты и механизмы, посредством которых государство целенаправленно воздействует на эти процессы. Юридическая наука изучает, как формируются и функционируют правовые нормы и институты, обеспечивающие реализацию демографической политики, какова их отраслевая принадлежность, насколько они результативны и как соотносятся с иными элементами правовой системы. Именно это обстоятельство отличает юридическое исследование от подходов других наук и придаёт ему самостоятельный предмет научного исследования.

Вместе с тем правовое исследование в сфере демографических процессов обладает собственным методом, который отличается от смежных наук. Если демография опирается на статистический анализ и демографические модели, социология на опросные методы и анализ вторичных данных центров изучения общественного мнения, экономика на аналитические методы изучения последствия демографических изменений, то юридическая наука использует специально-юридические методы. Это подтверждается юридическими исследованиями. Так, например, в диссертациях Лукина Ю.М., Бугровой Т.М. и

Нежинской К.С. используются такие методы как формально-юридический, сравнительно-правовой, историко-юридический, метод правового моделирования, рассмотрим каждый из них подробнее.

Формально-юридический метод в исследованиях демографической политики используется для анализа содержания правовых норм, регулирующих отношения в сфере рождаемости, смертности и миграции. С его помощью выявляются пробелы и коллизии в действующем законодательстве, определяется точное значение юридических терминов, устанавливаются системные связи между нормами различных отраслей права. Именно с его помощью Ю.М. Лукин приходит к выводу о межотраслевом характере правового регулирования демографических отношений [10], Т.М. Бугрова формулирует определение демографического законодательства как системы взаимодействующих правовых норм [12], а К.С. Нежинская выявляет существенные недостатки в механизме реализации демографической политики [11].

Сравнительно-правовой метод даёт возможность сопоставить российскую модель правового регулирования демографической политики с моделями, сложившимися в зарубежных государствах. К.С. Нежинская на его основе сопоставляет российское законодательство с нормативными актами зарубежных стран, выявляя модели, которые можно применить в России [11]. Ю.М. Лукин, в свою очередь, разрабатывает типологию правового регулирования демографических отношений, построенную на сравнительном анализе законодательства различных государств [10].

Историко-юридический метод применяется для изучения истории правового регулирования демографических процессов в России. Его использование позволяет проследить, как менялись подходы государства к воздействию на рождаемость, смертность и миграцию в различные исторические периоды, и помогает выявить те правовые модели прошлого, которые могут быть адаптированы к современным условиям. Так, например, в научной работе А.В. Ильиных и А.С. Смолярова анализируются меры правового регулирования, направленные на увеличение населения в Хабаровском крае в Советский период в 1950-1980-гг., на основе данного анализа авторами выявлены не только эффективные правовые решения прошлого, но и допущенные ошибки, что позволило сформулировать предложения по совершенствованию современного демографического законодательства на территории Хабаровского края [14].

Также метод правового моделирования играет важнейшую роль в исследовании демографической политики, поскольку позволяет не только описать текущее состояние правового регулирования, но и спрогнозировать последствия принимаемых правовых решений.

Убедительным подтверждением этому служат научные работы, в которых метод правового моделирования позволил сконструировать целостный механизм правового регулирования демографических процессов, а его результаты были закреплены в форме проектов нормативных правовых актов. Так, например, Нежинская К.С. в своей диссертации предложила проект рамочного Федерального закона «О демографической политике Российской Федерации» [11]. В свою очередь, А.С. Смоляровым была разработана правовая модель повышения экономической доступности продовольственных товаров для семей с детьми, итогом исследования стал проект Федерального закона «О проведении эксперимента государственной программы по обеспечению граждан доступными продовольственными товарами через сеть "Социальный магазин" в Хабаровском крае» [15].

В рассмотренных исследованиях проекты нормативных правовых актов выступают не самоцелью, а формой закрепления предварительно смоделированной и научно обоснованной системы правовых норм.

Таким образом, юридическая наука располагает собственным методом исследования демографической политики и демографических отношений. Его специфика определяется использованием специально-юридических методов, таких как формально-юридический, сравнительно-правовой, историко-юридический методы. Также используется метод правового моделирования, который позволяет вырабатывать научно обоснованные проекты нормативных правовых актов.

Заключение

Подводя итог, следует сказать, что демографические процессы выступают объектом изучения целого ряда наук – демографии, социологии, экономики и политологии, каждая из которых раскрывает их через собственные предмет и метод. Правовые же нормы, их содержание, механизмы реализации и место в системе законодательства остаются за рамками предмета перечисленных наук. Данное обстоятельство обусловливает необходимость самостоятельного юридического анализа демографической политики.

Вместе с тем в юридической науке отсутствует терминологическая определённость, параллельно используются понятия «правовое регулирование демографической политики» и «правовое регулирование демографических отношений», а также иные понятия, например, «конституционно-правовая политика в демографической сфере».

Проведённый анализ показывает, что демографическая политика определяет направления, средства правового регулирования, полномочия и компетенцию органов публичной власти, тогда как демографические отношения образуют ту конкретную сферу общественных связей, которая подвергается нормативному упорядочению. Для целей публично-правового исследования наиболее корректной представляется категория «правовое регулирование в сфере демографической политики».

Специфика юридического исследования демографической политики состоит в том, что оно изучает не сами по себе демографические процессы (рождаемость, смертность, миграция), а правовые нормы, институты и механизмы, посредством которых государство целенаправленно воздействует на эти процессы. Если смежные науки исследуют демографические явления как социальный факт – описывают, измеряют, выявляют причины и прогнозируют последствия, то юридическая наука рассматривает демографические процессы через призму юридических фактов, правовых норм и правоотношений, анализируя их через категории прав и обязанностей, нормативных предписаний и правовых механизмов.

Вместе с тем, юридическая наука располагает собственным методом в исследовании демографической политики. Его специфика определяется использованием специально-юридических методов, таких как формально-юридический, сравнительно-правовой, историко-юридический методы. Также используется метод правового моделирования, который позволяет вырабатывать научно обоснованные проекты нормативных правовых актов.

Особенность в методах исследования отличает юриспруденцию от подходов демографии, социологии, экономики и политологии, поскольку направлена не только на изучение правовой действительности, но и на её преобразование, на совершенствование правового регулирования в целях преодоления демографического кризиса и обеспечения национальной безопасности.

Таким образом, правовое исследование в сфере демографической политики обладает собственным предметом и методом, не сводимыми к подходам демографии, социологии, экономики и политологии. Выработанные в настоящей работе критерии разграничения предмета и метода юридической науки от смежных дисциплин могут служить ориентиром при подготовке новых исследований по данной тематике, позволяя авторам осознанно выстраивать свое исследование в строгих рамках юридического познания, избегая смешения с методологией иных наук.

Полученные результаты открывают перспективы для дальнейших исследований в данной области, важнейшим из которых, по нашему мнению, является решение вопроса об отраслевой принадлежности правового регулирования в сфере демографической политики. Проведённый в настоящей работе анализ, определение собственного предмета и метода юридического исследования, их отграничение от подходов смежных наук, создаёт необходимую теоретическую основу для постановки и решения этой задачи.

Научная новизна исследования заключается в том, что автором проведено разграничение предмета и метода юридического исследования демографической политики и подходов смежных наук, обосновано использование понятия «правовое регулирование в сфере демографической политики» в качестве наиболее корректной для публично-правовых исследований, а также раскрыта роль метода правового моделирования как самостоятельного инструмента юридического исследования данной сферы.

Литература

1. Официальная статистика // Федеральная служба государственной статистики : официальный сайт. – URL: https://www.rosstat.gov.ru/folder/10705 (дата обращения: 19.04.2026).
2. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г., и с изменениями, внесёнными Законами РФ о поправке к Конституции РФ от 04.10.2022 № 5-ФКЗ, 6-ФКЗ, 7-ФКЗ, 8-ФКЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://publication.pravo.gov.ru (дата обращения: 19.04.2026).
3. О государственных пособиях гражданам, имеющим детей : Федеральный закон от 19.05.1995 № 81-ФЗ (ред. от 28.11.2025, с изм. и доп., вступ. в силу с 28.11.2025) // Собрание законодательства РФ. – 1995. – № 21. – Ст. 1929 ; Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 19.04.2026).
4. О государственных гарантиях и компенсациях для лиц, работающих и проживающих в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях : Закон РФ от 19.02.1993 № 4520-1 (ред. от 25.12.2023, с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2024) // Ведомости СНД и ВС РФ. – 1993. – № 16. – Ст. 551 ; Собрание законодательства РФ. – 2024. – № 1 (ч. I). – Ст. 2.
5. О Стратегии действий по реализации семейной и демографической политики, поддержке многодетности в Российской Федерации до 2036 года : Распоряжение Правительства РФ от 15.03.2025 № 615-р // Собрание законодательства РФ. – 2025. – № 13. – Ст. 1505.
6. Демография : учебник / под ред. И. Е. Калабихиной. – М. : Экономический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова, 2022. – 560 с. – ISBN 978-5-907909-03-8. – URL: https://books.econ.msu.ru/Demography/ (дата обращения: 31.05.2026). – Текст : электронный.
7. Галиева Эвелина Равилевна Репродуктивное поведение: теоретические подходы и современные сценарии // Казанский социально-гуманитарный вестник. 2022. №2 (53). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/reproduktivnoe-povedenie-teoreticheskie-podhody-i-sovremennye-stsenarii (дата обращения: 06.05.2026).
8. Ткаченко А. А. Экономика народонаселения versus экономическая демография // Статистика и экономика. 2017. №5. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ekonomika-narodonaseleniya-versus-ekonomicheskaya-demografiya (дата обращения: 06.05.2026).
9. Сакаев В. Т. Политика и демография: проблемы взаимодействия и взаимозависимости. – Казань : Издательство Казанского университета, 2016. – 244 с. – ISBN 978-5-00019-747-9.
10. Лукин Ю. М. Правовое регулирование демографических отношений : диссертация ... кандидата юридических наук : 12.00.01. – Казань, 2022. – 174 с.
11. Нежинская К. С. Конституционно-правовые основы национальной безопасности Российской Федерации в сфере демографической политики: на примере Дальневосточного федерального округа : диссертация ... кандидата юридических наук : 12.00.02. – Хабаровск, 2014. – 194 с. – URL: https://www.dissercat.com/content/konstitutsionno-pravovye-osnovy-natsionalnoi-bezopasnosti-rossiiskoi-federatsii-v-sfere-demo (дата обращения: 31.05.2026).
12. Бугрова Т. М. Право как средство демографической политики Российского государства: теоретический аспект : диссертация ... кандидата юридических наук : 12.00.01. – Саратов, 2008. – 198 с.
13. Стифанько М.Н. Проблемы понятия метода реализации правовой демографической политики Российской Федерации // Общество и право. — 2015. — № 4 (54). — С. 53.
14. Ильиных, А. В. Правовое регулирование демографической политики в Хабаровском крае в советский период: правовые меры, направленные на переселение граждан в 1950-1980 гг / А. В. Ильиных, А. С. Смоляров // Вестник юридических исследований. – 2025. – Т. 4, № 6. – С. 80-87. – EDN MCFFES
15. Смоляров, А. С. Правовое регулирование повышения экономической доступности продуктов питания для семей с детьми (на примере Хабаровского края) / А. С. Смоляров // Закон и власть. – 2026. – № 4. – С. 72-77

The specifics of public law research in the sphere of demographic policy: subject, method, and delimitation from the approaches of related sciences

Smolyarov A.S.

Far Eastern Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia)

The article is devoted to determining the specifics of the legal research of demographic policy and its delimitation from the approaches of related sciences. The relevance of the topic is conditioned by the absence in legal doctrine of a clear understanding of what constitutes the subject and method of legal science in relation to the demographic sphere, whereas demographic processes traditionally serve as the object of study for demography, sociology, economics, and political science. The purpose of the research is to substantiate the existence of legal science's own subject and method in this field. Based on an interdisciplinary analysis, the author consistently delineates the approaches of related and legal sciences, resolves the terminological issue of the correlation between the categories of "legal regulation of demographic policy" and "legal regulation of demographic relations," and reveals the subject and method of legal research. Special attention is paid to the method of legal modeling, which allows not only to analyze existing legal regulation but also to develop scientifically grounded draft normative legal acts. A conclusion is made on the independent character of the legal research of demographic policy, and prospects for further doctrinal development are identified, the most important of which is resolving the issue of the branch affiliation of legal regulation in this sphere.

Keywords: demographic policy, legal regulation, subject of legal research, method of legal modeling, interdisciplinary analysis, public law sciences, demographic relations.

References

1. Official Statistics // Federal State Statistics Service : official website. – URL: https://www.rosstat.gov.ru/folder/10705 (date of access: 19.04.2026).
2. The Constitution of the Russian Federation : adopted by popular vote on December 12, 1993, with amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020, and with amendments introduced by the Laws of the Russian Federation on the Amendment to the Constitution of the Russian Federation of 04.10.2022 No. 5-FKZ, 6-FKZ, 7-FKZ, 8-FKZ // Official Internet Portal of Legal Information. – URL: http://publication.pravo.gov.ru (date of access: 19.04.2026).
3. On State Benefits for Citizens with Children : Federal Law of 19.05.1995 No. 81-FZ (as amended on 28.11.2025, with amendments and additions, entered into force on 28.11.2025) // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 1995. – No. 21. – Art. 1929 ; Official Internet Portal of Legal Information. – URL: http://pravo.gov.ru (date of access: 19.04.2026).
4. On State Guarantees and Compensations for Persons Working and Living in the Far North and Equivalent Localities : Law of the Russian Federation of 19.02.1993 No. 4520-1 (as amended on 25.12.2023, with amendments and additions, entered into force on 01.01.2024) // Bulletin of the Congress of People's Deputies and the Supreme Soviet of the Russian Federation. – 1993. – No. 16. – Art. 551 ; Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2024. – No. 1 (Part I). – Art. 2.
5. On the Strategy of Actions for the Implementation of Family and Demographic Policy, Support for Large Families in the Russian Federation until 2036 : Decree of the Government of the Russian Federation of 15.03.2025 No. 615-r // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2025. – No. 13. – Art. 1505.
6. Demography : textbook / edited by I. E. Kalabikhina. – Moscow : Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, 2022. – 560 p. – ISBN 978-5-907909-03-8. – URL: https://books.econ.msu.ru/Demography/ (date of access: 31.05.2026). – Text : electronic.
7. Galieva Evelina Ravilevna Reproductive Behavior: Theoretical Approaches and Modern Scenarios // Kazan Social and Humanitarian Bulletin. 2022. No. 2 (53). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/reproduktivnoe-povedenie-teoreticheskie-podhody-i-sovremennye-stsenarii (date of access: 06.05.2026).

8. Tkachenko A. A. Population Economics versus Economic Demography // Statistics and Economics. 2017. No. 5. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ekonomika-narodonaseleniya-versus-ekonomicheskaya-demografiya (date of access: 06.05.2026).
9. Sakaev V. T. Politics and Demography: Problems of Interaction and Interdependence. – Kazan : Kazan University Press, 2016. – 244 p. – ISBN 978-5-00019-747-9.
10. Lukin Yu. M. Legal Regulation of Demographic Relations : dissertation ... Candidate of Legal Sciences : 12.00.01. – Kazan, 2022. – 174 p.
11. Nezhinskaya K. S. Constitutional and Legal Foundations of the National Security of the Russian Federation in the Sphere of Demographic Policy: on the Example of the Far Eastern Federal District : dissertation ... Candidate of Legal Sciences : 12.00.02. – Khabarovsk, 2014. – 194 p. – URL: https://www.dissercat.com/content/konstitutsionno-pravovye-osnovy-natsionalnoi-bezopasnosti-rossiiskoi-federatsii-v-sfere-demo (date of access: 31.05.2026).
12. Bugrova T. M. Law as a Means of Demographic Policy of the Russian State: Theoretical Aspect : dissertation ... Candidate of Legal Sciences : 12.00.01. – Saratov, 2008. – 198 p.
13. Stifanko M. N. Problems of the Concept of the Method of Implementing the Legal Demographic Policy of the Russian Federation // Society and Law. — 2015. — No. 4 (54). — P. 53.
14. Ilyinykh, A. V. Legal Regulation of Demographic Policy in Khabarovsk Krai in the Soviet Period: Legal Measures Aimed at the Resettlement of Citizens in 1950-1980 / A. V. Ilyinykh, A. S. Smolyarov // Bulletin of Legal Research. – 2025. – Vol. 4, No. 6. – P. 80-87. – EDN MCFFES
15. Smolyarov, A. S. Legal Regulation of Increasing the Economic Accessibility of Food Products for Families with Children (on the Example of Khabarovsk Krai) / A. S. Smolyarov // Law and Power. – 2026. – No. 4. – P. 72-77

Некоторые проблемные вопросы использования информационной технологии искусственного интеллекта в образовательной деятельности

Фатьянов Алексей Александрович
доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, академик РАЕН, fatyanov.aa@rea.ru,

Антопольский Антон Александрович
кандидат юридических наук, доцент кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, antopolskiy.aa@rea.ru,

Азаров Михаил Сергеевич
кандидат юридических наук, доцент кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, bk_01@mail.ru

В данной работе рассматриваются ключевые проблемные вопросы использования нейросетей (искусственного интеллекта) в образовательной деятельности. Авторами отмечается, что безответственное использование студентами технологий искусственного интеллекта может не позволить воспитать их в качестве профессионалов со сформированным критическим мышлением.
Выполненное авторами статьи исследование, посвященное разбору ответов восьми распространенных нейросетей, выявило, что далеко не все из них и далеко не во всех случаях проявляют признаки искусственного интеллекта. В целом, ответы искусственного интеллекта были проанализированы авторами статьи по критериям точности, адекватности, беспристрастности и полноты, причем вопросы касались самых разнообразных областей знаний. В ответах проанализированных нейросетей были выявлены значительные недочёты.
В статье делается вывод о том, что в настоящее время отсутствуют весомые предпосылки к тому, чтобы активно внедрять искусственный интеллект (нейросети) в российское юридическое образование в качестве базового элемента профессиональной подготовки. Вместе с тем отмечается, что воспрепятствовать прогрессу невозможно, поэтому единственный разумный сценарий – планомерное освоение новой технологии и методов ее эффективного безопасного использования в учебном процессе.
Ключевые слова: искусственный интеллект, нейросети, сеть Интернет, ответы нейросетей, юридическое образование, фразеологизмы, преподаватели, высшая школа, студенты.

Настоящий период времени характеризуется бурным обсуждением относительно нового явления в жизни мирового сообщества – активного внедрения в различные сферы деятельности технологий искусственного интеллекта. При этом спектр суждений по данному поводу весьма и весьма различен: от полного восхваления данной совокупности технологий до весьма скептических суждений относительно реальных экономических дивидендов, которые они могут принести. Как представляется авторам настоящего небольшого исследования, истина, как всегда, находится где-то посредине.

В последние годы научно-педагогическое сообщество серьезно волнует вопрос относительно того, что посредством чатов, открывающих доступ к различным нейросетям, школьники и студенты активно готовят домашние задания, контрольные, курсовые и даже дипломные работы, что наносит реальный и ощутимый ущерб их знаниям, навыкам и умениям. Бездумная опора при подготовке любого ответа на информационные возможности сети Интернет делает человека прежде всего зависимым от этих технологий, не позволяет развиваться способностям самостоятельно что-либо запоминать, анализировать, короче говоря – создает препятствия для формирования самостоятельного мышления.

В реальной действительности мы наблюдаем огромное число людей совершенно разного возраста, которые в транспорте, в магазинах, на улице, в коридорах и аудиториях школ и университетов увлеченно «ковыряются» в своих смартфонах, иногда даже переставая четко реагировать на окружающую среду. К сожалению, это становится очевидной психической зависимостью, иногда граничащей с болезненными проявлениями.

Очевидно, что технический и технологический прогресс остановить невозможно, но при этом крайне необходимо дать трезвую оценку тем негативным последствиям, которые некоторые его аспекты влекут за собой и попытаться их как-то купировать.

Авторы далеки от мысли, что они смогут выработать универсальный рецепт от данной болезни, но какие-то выводы от проведенной ими работы могут быть полезными для дальнейших научных исследований в данном направлении.

Итак, вопрос первый и основной: а что, собственно, понимается под искусственным интеллектом?

Сделаем опору на определения, которые содержатся в известных авторам нормативных правовых актах.

Одним из первых легальных определений данного феномена в Российской Федерации стало представленное в «Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 года», утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 10.10.2019 г. № 490 [1]. В первой редакции данного акта искусственный интеллект определялся как «комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека». Позже самообучение исключили, но к сопоставимости с результатами интеллектуальной деятельности человека добавили весомую характеристику – «или превосходящие их».

Принятые впоследствии акты, в частности, Федеральный закон от 24.04.2020 г. № 123-ФЗ [2], которым был легитимирован экспериментальный правовой режим по внедрению искусственного интеллекта, а также официально опубликованный законопроект «Об основах государственного регулирования сфер

применения технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации» [3] используют то же определение.

Итак, в данном определении ключевыми моментами являются понятия «когнитивные функции человека», а также реальная возможность технологии быть сопоставимой с результатами интеллектуальной деятельности человека или превосходить их. Отсюда логически следует, что технологии, которые не соответствуют данным декларированным параметрам, к искусственному интеллекту отнести нельзя. Данный вывод нам будет полезен для ряда дальнейших рассуждений.

Имеет смысл также дать краткий анализ другим легальным определениям данной научной категории.

Так, в частности, Регламент ЕС об искусственном интеллекте [4] не содержит прямого определения данного понятия, ограничиваясь категорией «система искусственного интеллекта», под которой в статье 3 данного акта предложено понимать «машинную систему, которая разработана для работы с различными уровнями автономности и которая может демонстрировать адаптивность после развертывания, и которая для достижения явных или неявных целей делает вывод на основе получаемых ею входных данных о том, как генерировать выходные данные, такие как прогнозы, контент, рекомендации или решения, которые могут влиять на физическую или виртуальную среду». В данном случае ключевыми понятиями является адаптивность (т.е. возможность подстраивания под конкретные задачи), а также результат обработки некоторых исходных данных различного вида. Говоря иначе, компьютерная система обрабатывает предложенные данные и выдает результат в виде прогноза или модели решения. Никакого сравнения с человеческими возможностями в данном случае не наблюдается.

Закон Республики Казахстан «Об искусственном интеллекте» [5] содержит сходную с российскими определениями дефиницию, согласно которой искусственный интеллект определяется как «функциональная способность к имитации когнитивных функции, характерных для человека, обеспечивающая результаты, сопоставимые с результатами интеллектуальной деятельности человека или превосходящие их». Правда, в этом определении не указано, чья именно эта способность, но, видимо, подразумевается, что она присуща какой-то компьютерной системе.

Если исходить из акцента на имитацию когнитивных функций человека, а также на сопоставление интеллектуальных человеческих способностей со способностями системы искусственного интеллекта то ни один из чатов, обнаруженных авторами в сети Интернет, декларируемый как система искусственного интеллекта, такими характеристиками не обладает.

В процессе исследования авторами была составлена развернутая анкета с целым рядом различного рода вопросов, общая направленность которых заключалась в попытке выяснить, на какой системе знаний могут базироваться выводы той или иной системы. Посредством этой анкеты были опрошены восемь чатов Claude, DeepSeek, Gemini, GigaChat, GPT, Grok, Llama и YandexGPT.

На большинство общих познавательных вопросов, например, на такой как «что собой представляет идеология или пропаганда», «дайте определение персональным данным» и так далее, большинство чатов дали сходные ответы, причем сходство напоминало не рассуждение, а цитирование практически одного исходного источника, в том числе и цитирование нормативных правовых актов. Иногда рассуждения системы были предельно тривиальными. Например, на вопрос «если юридическое образование так фундаментально, почему рынок требует дообучения выпускников?» чат GPT ответил, что «юридическое образование часто фокусируется на теории, а не на практических навыках. Выпускники могут не иметь необходимых знаний о специфических инструментах и процессах, используемых в практике, что требует дополнительного обучения». Скажем так, суждение не обладает какой-либо новизной, оно известно многие десятилетия и может быть применимо не только к специфике изучения юриспруденции, но к подавляющему большинству программ обучения в высшей школе как в России, так и в других странах.

Для чего используется ИИ в образовательной деятельности?

Очевидно, что ИИ в настоящее время активно используется как студентами, так и преподавателями (студентами чаще) как добросовестным, так и недобросовестным образом.

К добросовестным способам использования, на наш взгляд, следует отнести:

- поиск и подбор материала;
- анализ данных;
- редактирование и оформление материалов;
- получение обратной связи с целью корректировки материала.

К недобросовестным способам отнесем:

- прямое списывание;
- подготовка творческих работ (докладов, эссе, рефератов, курсовых и дипломных работ) целиком или в существенной части за счет ИИ.

Следует оговориться, что эти списки носят приблизительный характер, и вопрос о добросовестности следует решать исходя из конкретных обстоятельств. В ряде случаев авторы сами затрудняются оценить, насколько этичным является, например, подготовка с помощью ИИ обзора литературы (законодательства, судебной практики и др.).

Оформление работ, в частности презентаций, по нашему мнению, надо рассматривать как этичное. Этичным мы назовем и приведение работ в соответствии с формальными требованиями, например, оформление (переоформление библиографического перечня). В настоящее время существуют десятки библиографических стандартов, и часто приходится перерабатывать этот перечень в соответствии с требованиями конкретного издательства. Последнее представляет крайне трудоемкую, нетворческую, чтобы не сказать бессмысленную работу.

С другой стороны, ошибки оформления очень часто являются маркером халтуры и плагиата.

Можно ли доверять результатам нейросети?

Авторами настоящей статьи были проанализированы разнообразные нейросети (ИИ) на предмет оценки данных этими системами ответов по критериям точности, адекватности, беспристрастности и полноты. Заданные вопросы касались самых разнообразных областей знаний: обществознание (включая вопросы идеологии); качество ответов нейросетей; фразеологизмы; вопросы права; история России; юридическое образование; трудоустройство по юридической специальности; права человека в России; искусство; литература; латинские изречения; и некоторые другие.

Проведенный анализ показал, что **нейросетью ChatGPT** были презентованы неверные ответы на вопросы, связанные с распознаванием контекста и использованием одних и тех же слов в разных контекстах в рамках одного предложения; распознаванием сути фразеологизма; распознаванием смысла уголовного сленга (жаргонизмов).

Также нейросетью ChatGPT были презентованы ответы на вопросы, содержащие ссылки на неактуальные документы (нормативные правовые и нормативные технические акты) или ссылающиеся на документы в прежней, уже недействующей редакции.

Кроме того, нейросетью ChatGPT были презентованы ответы на вопросы, однозначность которых (ответов) вызывает вопросы или которые не являются в полной мере идеологически нейтральными.

Аналогичные выводы применимы и к ответам **нейросети Grok** и **нейросети YandexGPT**.

В свою очередь заметим, что безапелляционный ответ искусственного интеллекта, полученный лицом (например, студентом), не стремящимся к критическому разбору входящей

информации и работе со множеством источников информации (найденных и проанализированных самостоятельно), способен оказать деструктивное воздействие на формирование гражданского и профессионального сознания лица, получающего высшее образование – завтрашнего молодого специалиста-юриста.

Анализ ответов **нейросети Llama** не обнаружил ответов, могущих быть интересными для их подробного разбора в настоящем исследовании.

Нейросеть YandexGPT не смогла дать правильные ответы на некоторые поставленные вопросы по дисциплинам гуманитарного цикла (например, история) либо «не знала» ответа на поставленный вопрос (биология).

Юридический вопрос спровоцировал довольно быстрый, но, к сожалению, неверный ответ нейросети YandexGPT. В частности, на вопрос «Может ли информация быть объектом права собственности?» (намеренно сформулированный «с подвохом»), ею был «выдан» следующий неверный ответ: «*Да, информация может быть объектом права собственности. Несмотря на то, что информация не является материальным объектом, а представляет собой знание или отражение действительности в сознании человека, она может выступать элементом состава имущества юридических и физических лиц. Это положение закреплено в законодательстве РФ, в частности, в ст. 128 ГК РФ, которая относит информацию к объектам гражданских прав*».

В действительности, информация была исключена из числа объектов гражданских прав, согласно ст. 128 ГК РФ, практически 20 лет назад.

Другие системы справились с этим вопросом более успешно. Так, например, ответ **нейросети DeepSeek** был следующим: «*Информация сама по себе как нематериальный объект не является вещью и не может быть объектом права собственности в классическом смысле (ст. 128 ГК РФ). Однако документированная информация (материальный носитель) может быть объектом собственности — собственник носителя имеет права владения, пользования и распоряжения им. Что касается содержания (сведений), то на него возникают исключительные права (интеллектуальная собственность), а также права доступа, распространения, защиты. Таким образом, «собственность на информацию» — условный термин; закон говорит о режиме охраноспособной информации через институты тайн, авторского права и обязательств*».

Следует сделать еще ряд важных замечаний, не позволяющих на взгляд авторов настоящего исследования, рассматривать нейросети (ИИ) в качестве верного и надежного помощника студентов и преподавателей в деле воспитания (формирования) подрастающего поколения специалистов-юристов.

Использование студентами нейросетей (ИИ), зачастую, сводится к заимствованию ими ответов на вопросы или задачи (задания), предложенные им (студентам) преподавателями или обусловленные необходимостью усвоения образовательной программы. Подобная ситуация грозит превращением учебного процесса в профанацию и, очевидно, что при таком подходе говорить о приобретении студентом каких-либо навыков, компетенций, в конечном итоге, получении профессии не приходится. Декан экономического факультета МГУ А.А. Аузан оценивает ситуацию следующим образом: «Если ничего не делать, то в перспективе уже не 20 лет, а 3-5 лет, мы окажемся в ситуации, когда нейросеть под ником «студент» сдает экзамен нейросети под ником «профессор» [6].

Бездумное использование студентами нейросетей (ИИ) при выполнении ими домашних заданий, контрольных работ, написании курсовых и выпускных квалификационных работ может привести к тому (и уже приводит), что у студента не сформируются навыки критического мышления (если не просто – мышления), так необходимого специалисту с высшим образованием. Готовый ответ нейросети (ИИ) не предоставляет студенту (с несформированным критическим и сколько-нибудь «взрослым» мышлением) возможности выбирать из чего-либо, следовательно, сопоставлять, и, следовательно, формировать собственную точку зрения на основе пройденного. Можно даже сказать, что бездумное использование студентами нейросетей (ИИ) в учебном процессе неуклонно, плавно и незаметно для них лишает их свободы мысли, гарантированной ч. 1 ст. 29 Конституции Российской Федерации [7]. В этой связи, не лишенной смысла, видится «разработка по аналогии со сферой медицины общефедерального Кодекса этики применения искусственного интеллекта в сфере высшего образования и науки [8]».

Опрос студентов (будущих юристов и не только) показывает, что часть из них ценят нейросети (ИИ) в силу того, что ИИ способен «адаптировать сложные юридические концепции под уровень понимания студента, предлагая понятные аналогии или дополнительные примеры». Со своей стороны заметим, что студент часто принимает результат такой «адаптации» на веру, а кроме того, и вовсе неизвестно, является ли он верным. Стремление ряда студентов уйти от сложности, их движение в процессе усвоения образовательных программ к упрощенчеству может серьезным образом помешать им состояться в качестве специалистов. На наш взгляд, поначалу адаптировать сложные юридические концепции под уровень понимания студента должен именно преподаватель, который наделен соответствующей квалификацией, опытом, ученой степенью. Или напротив, на первом этапе студент может обратиться с вопросом к ИИ, а уже затем – к преподавателю за дополнительными разъяснениями.

В ряде случаев, ответы нейросетей (ИИ) на поставленные вопросы включают в себя информацию, не соответствующую действительности (например, неактуальную информацию). Что еще хуже – иногда нейросеть (ИИ) «додумывает» самостоятельно то, что, по ее «мнению», автор запроса хотел бы получить. Чем все это грозит для юриста? На кону может оказаться, если не жизнь, то свобода, здоровье, честь и деньги его клиента, а кроме того – интересы собственной страны. Квалифицированный юрист обязан опираться на актуальные, действующие по состоянию на сегодня правовые нормы, учитывать при разрешении спора релевантную судебную практику, обладать навыками интерпретации (толкования) действующих норм, соответствующими выработанным правовым традициям в рамках конкретной правовой семьи.

Помимо всего сказанного выше, ответы нейросетей (ИИ) базируются на конкретных массивах данных, источник которых в ряде случаев невозможно доподлинно установить. Можно ли в этом случае хоть сколько-нибудь доверять результирующему контенту нейросети (например, ее ответу на поставленный вопрос правового характера) в особенности применительно к учебному процессу, когда речь идет о получении студентом вполне конкретных и точных знаний? В лучшем случае, системы ИИ, как правило, обеспечивают не столько истинный, сколько усредненный ответ на поставленный вопрос.

Некоторые предварительные выводы

В целом следует сказать о том, что в настоящее время отсутствуют весомые предпосылки к тому, чтобы активно (именно – *активно*) внедрять искусственный интеллект (нейросети) в российское юридическое образование в качестве базового элемента профессиональной подготовки.

Эффективность использования нейросетей (ИИ) зависит как от владения материалом, так и от навыков использования собственно технологии ИИ, умения четко сформулировать запрос (промпт) и формат ответа. И здесь возникает парадокс, в котором, как нам кажется, кроется главная проблема использования нейросетей (ИИ) в образовании: чтобы оценить результат работы нейросети (ИИ) нужно уметь решать задачу лучше ИИ (то есть на экспертном уровне), но, чтобы стать экспертом, надо сначала научиться, то есть тренироваться на решении аналогичных задач, причем с опорой на собственные сформированные навыки критического мышления и полученные фундаментальные знания.

Сейчас только сверхмотивированный студент будет заучивать то, что можно «загуглить» (найти ответ в сети Интернет)

или отрабатывать вручную навыки, которые эффективнее решаются с помощью технологии. И это – большая проблема.

С другой стороны, рьяное препятствование администрации ВУЗов (включая юридические) и преподавателей проникновению нейросетей (ИИ) в учебный процесс, также не приведет к позитивным результатам. И вот почему.

Теоретически можно пытаться препятствовать этому с помощью организационно-правовых, воспитательных, технических мер. Можно попытаться запретить использовать на занятиях мобильные телефоны и иные гаджеты. Отключить сеть Интернет на территории кампуса. Проводить если не занятия, то экзамены в клетке Фарадея. Однако, как представляется, эти решения, во-первых, весьма затратны. Во-вторых, исполнимость таких решений вызывает большие сомнения, скорее всего ученики окажутся хитрее учителей. В-третьих, в противовес предыдущему пункту, если вдруг такое решение и удастся осуществить, в конечном итоге оно принесет больше вреда, чем пользы. В условиях повсеместного использования информационных технологий (гаджетов) человек, не владеющий ими более или менее свободно, гарантированно проиграет (несколько десятилетий назад это произошло с компьютерами).

К тому же, внедрение нейросетей (ИИ) в сферу образования уже произошло, по данным прошлого года более 80% студентов регулярно используют ИИ в процессе учебы [9].

Вопрос о том, как нейросети (ИИ) повлияют на рынок труда, активно обсуждается последние несколько лет. Как отмечается в многочисленных публикациях, больше всего нейросети (ИИ) угрожают так называемым «джунам» (молодым специалистам). Выдаваемые новичкам задания, в массе своей, особенного творчества не предполагают. И квалифицированному специалисту будет более или менее без разницы, писать подробную инструкцию для новичка или развернутый промпт – для LLM. С самой же задачей нейросеть (ИИ) справится несопоставимо быстрее и дешевле. Когда работа над данной статьей уже завершалась, было опубликовано интервью директора Центра технологического и исследовательского сопровождения Института дистанционного образования Томского государственного университета А.В. Фещенко, в котором он сформулировал сходные выводы *«большие языковые модели уже умеют решать огромное количество таких задач – без специального обучения под конкретную компанию. Они делают это быстрее, а часто и качественнее, чем выпускник, который только выходит на рынок труда»* [10].

настоящая статья уже готовилась к печати, было

Однако если уже сейчас проще поручить задание бездушной нейросети (ИИ), нежели новичку – встает ключевой вопрос: откуда в следующем поколении возьмутся «мидлы» (середняки) и «сеньоры» (топовые специалисты)? Данная проблема чаще звучит в отношении IT-профессий, включая программирование, но как нам представляется, она актуальна и для юриспруденции.

В качестве общего вывода авторы настоящей работы хотели бы отметить следующее: воспрепятствовать прогрессу невозможно, поэтому единственный разумный сценарий – освоение новой технологии и методов ее эффективного безопасного использования. Вероятно, уже сейчас требуется фундаментальный пересмотр методики обучения – если не отказ от письменных работ, то существенное сокращение их количества. И одновременно важнейшей задачей становится обучение преподавателей высшей школы навыкам работы с технологиями ИИ.

Литература

1. СЗ РФ. 2019. № 41. Ст. 5700
2. СЗ РФ. 2020. № 17. Ст. 2701
3. https://regulation.gov.ru/projects/166424/
4. Regulation (EU) 2024/1689 of the European Parliament and of the Council of 13 June 2024 laying down harmonised rules on artificial intelligence and amending Regulations (EC) No 300/2008, (EU) No 167/2013, (EU) No 168/2013, (EU) 2018/858, (EU) 2018/1139 and (EU) 2019/2144 and Directives 2014/90/EU, (EU) 2016/797 and (EU) 2020/1828 (Artificial Intelligence Act) // OJ L, 2024/1689, 12.7.2024
5. Закон Республики Казахстан от 17 ноября 2025 года №230-VIII ЗРК "Об искусственном интеллекте" // "Казахстанская правда" от 18 ноября 2025 года №222 (30600)
6. Декан МГУ: ИИ ведет образование к катастрофе // www.nakanune.ru [Электронный ресурс]. URL: https://www.nakanune.ru/news/2026/02/23/22860033/
7. Официальный текст Конституции РФ с внесенными поправками от 14.03.2020 опубликован на Официальном интернет-портале правовой информации http://www.pravo.gov.ru, 04.07.2020
8. Солдатов, Я. В. Этико-правовые основы использования технологий искусственного интеллекта в высшем юридическом образовании / Я. В. Солдатов, А. В. Солдатова // Право и государство: теория и практика. – 2025. – № 9. – С. 58
9. https://www.hse.ru/news/edu/1038459152.html
10. «Университет больше не может делать вид, что ничего не происходит» // Новости Томского государственного университета. 18.05.2026 [Электронный ресурс] URL: https://news.tsu.ru/news/universitet-bolshe-ne-mozhet-delat-vid-chto-nichego-ne-proiskhodit/

Some problematic issues in the use of artificial intelligence information technology in educational activities

Fatyanov A.A., Antopolsky A.A., Azarov M.S.

Plekhanov Russian University of Economics

This paper discusses key issues related to the use of neural networks (artificial intelligence) in educational activities. The authors note that the irresponsible use of artificial intelligence technologies by students may prevent them from developing into professionals with critical thinking skills. The study conducted by the authors, which analyzed the responses of eight common neural networks, revealed that not all of them exhibit the characteristics of artificial intelligence in all cases. In general, the answers of artificial intelligence were analyzed by the authors of the article according to the criteria of accuracy, adequacy, impartiality, and completeness, and the questions concerned a wide variety of fields of knowledge. Significant shortcomings were identified in the responses of the analyzed neural networks.

The article concludes that there are currently no significant prerequisites for actively introducing artificial intelligence (neural networks) into Russian legal education as a basic element of professional training. However, it is noted that progress cannot be prevented, so the only reasonable scenario is to systematically develop new technologies and methods for their effective and safe use in the educational process.

Keywords: artificial intelligence, neural networks, Internet, neural network responses, legal education, phraseological units, teachers, higher school, students.

References

1. SZ RF. 2019. No. 41. Art. 5700
2. SZ RF. 2020. No. 17. Art. 2701
3. https://regulation.gov.ru/projects/166424/
4. Regulation (EU) 2024/1689 of the European Parliament and of the Council of 13 June 2024 laying down harmonised rules on artificial intelligence and amending Regulations (EC) No 300/2008, (EU) No 167/2013, (EU) No 168/2013, (EU) 2018/858, (EU) 2018/1139 and (EU) 2019/2144 and Directives 2014/90/EU, (EU) 2016/797 and (EU) 2020/1828 (Artificial Intelligence Act) // OJ L, 2024/1689, 12.7.2024
5. Law of the Republic of Kazakhstan dated November 17, 2025, No. 230-VIII ZRK "On Artificial Intelligence" // "Kazakhstanskaya Pravda" dated November 18, 2025, No. 222 (30600)
6. Dean of Moscow State University: AI is leading education to disaster // www.nakanune.ru [Electronic resource]. URL: https://www.nakanune.ru/news/2026/02/23/22860033/
7. The official text of the Constitution of the Russian Federation with the amendments made on March 14, 2020, was published on the Official Internet Portal of Legal Information http://www.pravo.gov.ru, on July 4, 2020.
8. Soldatov, Ya. V. Ethical and Legal Foundations of the Use of Artificial Intelligence Technologies in Higher Legal Education / Ya. V. Soldatov, A. V. Soldatova // Law and State: Theory and Practice. – 2025. – No. 9. – P. 58
9. https://www.hse.ru/news/edu/1038459152.html
10. The university can no longer pretend that nothing is happening // News Tomsk State University 18.05.2026 [Electronic Resource] URL: https://news.tsu.ru/news/universitet-bolshe-ne-mozhet-delat-vid-chto-nichego-ne-proiskhodit/

Существенное изменение обстоятельств в преддоговорных отношениях купли-продажи акций и долей корпораций

Василевский Иван Станиславович
аспирант, кафедра предпринимательского и корпоративного права, Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина, vasilevsky.i.s.msal@gmail.com

Данная работа, посвящена вопросу применения института существенного изменения обстоятельств в преддоговорных отношениях купли-продажи акций и долей корпораций. Актуальность указанного вопроса не вызывает сомнений в виду большого количества совершаемых сделок по купле-продаже хозяйственных обществ, неотъемлемой частью коих являются преддоговорные отношения, в которых происходит структурирование будущей сделки, а также выявление и управление рисками, как правового характера, так и экономического, налогового и иного. В настоящее время институт существенного изменения обстоятельств применим к договорным отношениям, что является в известной степени ограничителем распределения ответственности участников иных форм отношений и сохранения их отношений, в частности рассматриваемых, что в условиях повышенной динамичности внешнеполитической конъюнктуры, экономической изменчивости, потенциально может приводит к необоснованному отягчению мобильности перестройки бизнеса в соответствии с изменяющимися обстоятельствами. Целью данной работы являлось рассмотрение возможности применения института существенного изменения обстоятельств в преддоговорных отношениях купли-продажи акций и долей корпораций, направленной на возможное изменение или прекращение сложившихся отношений в отсутствие применения мер преддоговорной ответственности. В результате работы доказана указанная возможность при условии использования механизмов аналогии. В исследовании использовались такие методы, как анализ, индукция, дедукция, синтез, правовое моделирование, аналогия, формально юридический, анализ законодательства и судебной практики.
Ключевые слова: корпоративное право, преддоговорные отношения, купля-продажа акций и долей корпораций.

Введение

О значимости корпоративного структурирования организаций, занимающихся предпринимательской деятельностью, свидетельствуют множество факторов, не только эмпирических, в частности, в виде большого количества сделок, направленных на его реализацию, законодательных изменений, но и доктринальных – исследования, рассматривающие различные виды сделок, их стадии и т.п.

По верному замечанию О.О. Фалилеева, стороны в момент заключения соглашения не в состоянии объективно спрогнозировать всех потенциально возникающих событий и обстоятельств, особенно в условиях стремительно меняющихся политических и экономических реалий [9, с. 246].

Материалы и методы

В качестве материалов данного исследования выступали действующие законодательные акты, правоприменительная практика Российской Федерации, а также научные исследования, посвященные данной и смежным темам.

Методами исследования выступали анализ, индукция, дедукция, синтез, правовое моделирование, аналогия, формально юридический метод, анализ законодательства и судебной практики.

Литературный обзор

Проблематику института существенного изменения обстоятельств рассматривали такие авторы, как: М.М. Агарков, О.А. Красавчиков, Т.Г. Очхаев, Д.С. Петрова, С.В. Сарбаш, Е.А. Суханов, О.О. Фалилеев, С.Ю. Филиппова и другие.

Вопросы преддоговорных отношений были предметами анализа таких исследователей, как: В.В. Богданов, Д.А. Боярский, К.В. Гницевич, А.Н. Кучер, Т.Б. Семенуха, С.К. Соломин, Н.Г. Соломина, А.М. Степанищева, О.В. Шполтаков и других.

Категория аналогии в праве рассматривалась такими учеными, как: В.И. Акимов, В.А. Микрюков, Д.И. Романенко, Э.Р. Семенова, Ф.Р. Уранский, Л.А. Фимин, В.В. Фидаров и другие.

Необходимо обратить внимание на то, что вопросы возможности применения института существенного изменения обстоятельств не освещены должным образом в отечественной научной и практической литературе.

С точки зрения научной значимости, данная работа вносит определенность в вопросы возможности применения института существенного изменения обстоятельств в преддоговорных отношениях купли-продажи акций и долей хозяйственных обществ, что напрямую оказывает положительное влияние не только на развитие указанных частных институтов, но и на отечественную правовую доктрину в целом.

Результаты

В результате данной работы доказана возможность применения института существенного изменения обстоятельств в преддоговорных отношениях купли-продажи акций и долей корпораций с применением механизмов аналогии.

Обсуждение

Преддоговорные отношения купли-продажи акций и долей корпораций имеют определенную специфику, отличающую их от иных видов отношений и правоотношений, что сказывается на особенностях применения в них тех или иных правовых механизмов и принципов. Так, основная статья, регламентирующая данные отношения, с общегражданской точки зрения – 434.1 Гражданского кодекса РФ – содержит положения, направленные на «защиту особого состояния» доверия сторон на благополучное завершение переговорного процесса [6], принцип –

salus in contrahendo, благополучного завершения преддоговорного процесса.

Анализирую положения указанной нормы, можно констатировать, что стороны несут преддоговорную ответственность за недобросовестные действия, выражающиеся в: (1) умышленном вступлении в переговоры (их продолжение), без намерения достичь соглашения, т.е. заключить главный договор – итоговый, принципиально закрепляющий консолидированную волю сторон, организационный характер которого не является детерминирующим при его характеристике; (2) усилении информационной асимметрии; (3) внезапное и неоправданное прекращение переговорного процесса, в обстоятельствах, в которых другая сторона не могла разумно этого ожидать.

Применимость последнего условия преддоговорной ответственности законодатель формирует в определенных обстоятельствах – обстоятельства разумной невозможности ожидания прекращения переговорного процесса. Тем самым, имеется основание смоделировать вывод, который будет звучать следующим образом: пострадавшая сторона вправе требовать применение мер преддоговорной ответственности к другой стороны в силу того, что наличествовали условия, скрывающие порочность переговорного процесса для первой. Но данный тезис с трудом выдержит эмпирическую реальность и начальную научную критику ввиду того, что он не затрагивает обстоятельств, изменение которых трудно-прогнозируемо для всех сторон преддоговорных отношений и переговорного процесса, в частности.

Можно опять-таки исключить применение мер ответственности, в случае доказанности добросовестного поведения стороны, определив, что ее действия не повлекли негативного воздействия на «масштабы добросовестного поведения», по замечанию С.К. Соломина и Н.Г. Соломиной [8, с. 43]. При этом, сделки по купле-продаже корпораций отличаются повышенной сложностью в виду наличия множества факторов, влияющих на их преддоговорные отношения. К примеру, меняющаяся политическая конъюнктура, в определенной мере сказывается на содержании грани между добросовестным и недобросовестным поведением, при этом, для одной из сторон такие колебания будут более выражены и, следовательно, ранее ожидаемы, чем для другой. И в данному случае возникает ситуация, в которой сторона, действуя добросовестно, прекращает переговорный процесс, при этом для другой стороны это является внезапным и неоправданным.

На указанный случай, законодательно предусмотрено ст. 451 Гражданского кодекса РФ – «Изменение и расторжение договора в связи с существенным изменением обстоятельств». Безусловно, уже само название нормы говорит о маловероятной ее применимости к преддоговорным отношениям, детерминината которых является, практически, в противоположном, но, как будет продемонстрировано далее, возможность ее применения присутствует.

Необходимо разделять условия существенного изменения обстоятельств и следующие за этим правовыми последствиями со схожими и в определенной мере смежными институтами обязательственного права, такими как обстоятельства непреодолимой силы и невозможности исполнения обязательств. Как отмечает Т.Г. Очхаев, данные институты отличаются по функциям, механизму применения и степени учета субъективных элементов [4, с. 10].

Так, указанный автор резюмирует, что институт существенного изменения обстоятельств необходим в большей мере для поддержания «баланса интересов сторон и обеспечения экономической приемлемости исполнения договора», в отличии от института невозможности исполнения обязательств, в котором ключевым является возможность их прекращения в связи с наступление определенного качества обстоятельств, и института обстоятельств непреодолимой силы, определяющего условия освобождения от ответственности и ее пределы [4, с. 10].

Как отмечает Д.С. Петрова [5, с. 100], существенным изменением обстоятельств является такое изменение, которое в случае возможности его разумного прогнозирования стало бы основанием незаключенности соглашения либо существенного изменения его условий. Данный исследователь определяет специфичную черту такого явления как «некое неординарное для гражданского оборота явление», влекущее дисбаланс договорных интересов сторон.

Необходимо обратить внимание – механизм статьи 451 ГК РФ применяется к договорным отношениям. При этом, как отмечает А.Н. Кучер, преддоговорные отношения сторон не относятся ни к договорным отношениям, ни к деликтным, а занимают особое положение, с чертами от обеих классификаций в зависимости от конкретно взятых обстоятельств их трансцендентальности [2, с. 10].

Соответственно, в условиях преддоговорных отношений купли-продажи акций и долей хозяйственных обществ, применимость к ним института существенного изменения обстоятельств представляется оправданным, в связи с тем, что указанные отношения обладают дуалистическим характером, а также, на данном этапе стороны находятся в состоянии структурирования будущих договорных отношений, основанных на соблюдении баланса интересов и прогнозном экономическом, производственном и корпоративно-организационном результате.

Ключевым фактором необходимости применения указанного института к таким отношениям является возможность необходимого структурирования сложившихся отношений, позитивно влияющее на их динамику и способствующее достижению главное цели – заключению договора купли-продажи акций или долей корпораций, в ином случае прекращению в отсутствие применения мер преддоговорной ответственности.

Остается неосвещенным вопрос основания применения института существенного изменения обстоятельств в преддоговорных отношениях купли-продажи акций и долей корпораций, существенность которого оправдана определяющим характером отношений, к которым он применим – договорным.

«Единство этого трансцендентального «всеобщего» в противоположность множественности содержательных понятий верховных родов … было понято как единство аналогии», по определению М. Хайдеггера, видится потенциальной возможностью определения необходимого способа разрешения указанного вопроса [10, с. 3].

Аналогия может представляться в качестве аналогии предметов и аналогии отношений, по определению Э.Р. Семеновой [7, с. 370]. Первая аналогия представляет собой уподобление двух единичных предметов, явлений или событий, с переносимыми признаками в виде свойств таких предметов [7, с. 370]. Аналогия отношений, в свою очередь, представляет собой схожий механизм, адресованный непосредственно отношениям [7, с. 10].

В силу того, что правоотношение является разновидностью общественного отношения, согласно Ю.И. Гревцову [1, с. 1 - 179], которые выстраиваются из частно-взятых отношений, с логической точки зрения, аналогия имеет возможность использования в рассматриваемых особых преддоговорных отношениях купли-продажи акций и долей корпораций.

Традуктивность основания применения института существенного изменения обстоятельств к институту преддоговорных отношений купли-продажи акций и долей корпораций также выражается в дуализме характера таких отношений, как было упомянуто ранее, – отнесение их к особу виду отношений, с чертами от договорных и деликтных отношений.

Реализация института существенного изменения обстоятельств в указанных отношениях по аналогии, также видится обоснованной в виду ее востребованности «во всех основных элементах системы регулирования частноправовых отношений», основанной на традуктивном умозаключении и направленной на преодоление «недостатка регуляторной определенности и дефицита правового материла», по верному определению В.А. Микрюкова [3, с. 11].

Заключение

Таким образом, институт существенного изменения обстоятельств возможно применять к преддоговорным отношениями купли-продажи акций и долей корпораций с использованием механизма аналогии, в виду того, что такие отношения являются особым видом отношений, с определенными элементами договорных отношений, а также данные отношения является основанием структурирования будущего конечного договорного отношения по купле-продаже акций или долей хозяйственного общества, что отвечает особенностям указанного института по Т.Г. Очхаеву.

Литература

1. Гревцов Ю.И. Правоотношение – разновидность общественного отношения. Дисс. Канд. юр. наук. Ленинград. 1975. С. 1-179.
2. Кучер А.Н. Теория и практика преддоговорного этапа: юридический аспект. – М.: Статут, 2005. С. 10.
3. Микрюков В.А. Категория аналогии в системе регулирования частноправовых отношений. дисс. докт. юр. наук: М. 2024. С. 11.
4. Очхаев Т.Г. Изменение и расторжение договора в связи с существенным изменением обстоятельств: автореф. дис. канд. юр. наук: М. 2015. С. 10.
5. Петрова Д.С. Отпадение цеди договора в российском праве. Сравнительно-правовое исследование. - М.: Логос, 2023. С. 100.
6. Решение АС МО от 04.04.2017 по делу № А41-90214/16 // kad.arbitr.ru URL: https://kad.arbitr.ru/Card/5f2fefe4-8078-4cfa-b7af-fe5c96c6ee5d (дата обращения: 13.03.2026).
7. Семенова Э.Р. Аналогия как метода научного познания. // Наука молодых – будущее России сборник научных статей 5-й Международной научной конференции перспективных разработок молодых ученых: в 4. Т. Т.1. Курск. 2020. С. 370
8. Соломин С.К., Соломина Н.Г. Переговоры о заключении договора. // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2023. Т. 20. № 3. С. 43.
9. Фалилеев О.О. Проблема изменения и расторжения договора в связи с существенным изменением обстоятельств в российском гражданском праве // Вестник экономической безопасности. 2022. № 3. С. 246.
10. Хайдеггер М. Бытие и время.-М.: AD Marginem.1997. С. 3.

Significant change in circumstances in the pre-contractual relations of purchase and sale of shares of corporations

Vasilevskyi I.S.

Kutafin Moscow State Law University

This paper examines the application of the concept of a material change of circumstances in pre-contractual transactions involving the purchase and sale of shares and stakes in corporations. The relevance of this issue is clear given the large number of transactions involving the purchase and sale of business entities, an integral part of which are pre-contractual relationships, which structure the future transaction and identify and manage risks of both legal, economic, tax, and other nature. Currently, the concept of a material change of circumstances applies to contractual relationships, which, to a certain extent, limits the distribution of liability between participants in other forms of relationships and the preservation of their relationships, particularly those under consideration. Given the increased dynamism of foreign policy and economic volatility, this could potentially unjustifiably hinder the flexibility of business restructuring in accordance with changing circumstances. The purpose of this study was to examine the feasibility of applying the concept of a material change of circumstances in pre-contractual purchase and sale relationships involving shares and interests of corporations, aimed at potentially modifying or terminating existing relationships in the absence of pre-contractual liability measures. This study demonstrated this feasibility, provided that analogy mechanisms are used. The study utilized methods such as analysis, induction, deduction, synthesis, legal modeling, analogy, formal legal analysis, and analysis of legislation and judicial practice.

Keywords: corporate law, pre-contractual relationships, purchase and sale of shares and interests of corporations.

References

1. Grevtsov Yu.I. Legal relationship – a type of social relationship. Diss. Cand. of Law. Leningrad. 1975. Pp. 1-179.
2. Kucher A.N. Theory and practice of the pre-contractual stage: legal aspect. – M.: Statute, 2005. P. 10.
3. Mikryukov V.A. The category of analogy in the system of regulation of private law relations. diss. Doctor of Law: Moscow, 2024. P. 11.
4. Ochkhaev T.G. Amendment and termination of a contract due to a significant change in circumstances: author's abstract. dis. candidate of legal sciences: M. 2015. P. 10.
5. Petrova D.S. The Failure of the Purpose of a Contract in Russian Law. A Comparative Legal Study. Moscow: Logos, 2023, p. 100.
6. Decision of the Moscow Arbitration Court dated 04.04.2017 in case No. A41-90214/16 // kad.arbitr.ru URL: https://kad.arbitr.ru/Card/5f2fefe4-8078-4cfa-b7af-fe5c96c6ee5d (date of access: 13.03.2026).
7. Semenova E.R. Analogy as a method of scientific knowledge. // Science of the young - the future of Russia, a collection of scientific articles from the 5th International Scientific Conference of Promising Developments of Young Scientists: in 4. Vol. Vol. 1. Kursk. 2020. P. 370.
8. Solomin S.K., Solomina N.G. Negotiations on concluding an agreement. // Bulletin of Omsk University. Series "Law". 2023. Vol. 20. No. 3. P. 43.
9. Falileev O.O. The problem of modification and termination of an agreement due to a significant change in circumstances in Russian civil law // Bulletin of Economic Security. 2022. No. 3. P. 246.
10. Heidegger M. Being and Time. - M.: AD Marginem. 1997. P. 3.

Искусственный интеллект в сфере интеллектуальной собственности: новый субъект или новое средство?

Гонышев Максим Алексеевич
аспирант, кафедра гражданского права и процесса, юридический факультет, Оренбургский государственный университет, max-imu13@mail.ru

В статье анализируется проблема использования технологий искусственного интеллекта (ИИ) и нейросетей в сфере интеллектуальной собственности. Рассматривается вопрос: может ли ИИ выступать в качестве субъекта права или он является лишь средством и инструментом, используемым в процессе человеческой деятельности. Изучаются нормы гражданского законодательства Российской Федерации, а также подходы к этому вопросу в ЕС, США, Китае и ряде других стран. Особое внимание уделено научным мнениям отечественных и зарубежных правоведов о правосубъектности ИИ, вопросам авторского и патентного права, а также перспективам нормативного регулирования. Сделан вывод о текущем статусе ИИ как инструмента в праве интеллектуальной собственности и предложены направления совершенствования законодательства.

Ключевые слова: искусственный интеллект, интеллектуальная собственность, авторское право, патентное право, правосубъектность, правовое регулирование, цифровые технологии.

Стремительное развитие технологий искусственного интеллекта (ИИ) и нейросетей приводит к возникновению множества правовых вопросов. Ключевой среди них – вопрос интеллектуальной собственности: может ли искусственный интеллект выступать в качестве самостоятельного субъекта права либо он остаётся лишь инструментом в руках человека и сможет ли когда-либо обрести статус субъекта. Быстрый прогресс генеративного ИИ уже привёл к появлению большого числа произведений, созданных с минимальным участием человека, что ставит под сомнение традиционные представления о субъектах интеллектуальных прав. Законодательство большинства стран, включая Россию, признаёт автором или изобретателем только человека. Так, ст. 1257 ГК РФ устанавливает, что автором произведения может быть лишь гражданин, творческим трудом которого оно создано; аналогичные положения содержатся в ст. 1228 ГК РФ и ст. 1347 ГК РФ (в патентном праве). Иными словами, охраняемый результат интеллектуальной деятельности может быть создан только человеком. Искусственный интеллект не обладает ни гражданством, ни правосубъектностью, что по действующему праву исключает возможность признания его автором или изобретателем[1]. Если же в создании произведения вовсе не участвовал человек, то такой результат не получает охраны авторским правом и фактически считается «ничейным». Международное право придерживается того же принципа: Бернская конвенция об охране литературных и художественных произведений подразумевает под автором физическое лицо, требуя творческого вклада человека для охраны произведения[2]. Таким образом, в настоящее время ни международные, ни национальные системы интеллектуальных прав не признают ИИ самостоятельным субъектом, автором или изобретателем может считаться только человек.

Тем не менее, в мире обсуждаются различные подходы к охране результатов творчества, созданных с помощью ИИ. В частности, Всемирная организация интеллектуальной собственности (ВОИС) и ряд экспертов предлагают лишать авторско-правовой защиты произведения, полностью созданные машиной без участия человека, а при наличии человеческого труда закреплять права за пользователем ИИ либо разработчиком программы[6]. В обзоре ВОИС подчёркивается, что оригинальность произведения традиционно связана с деятельностью человека, а ИИ рассматривается лишь как инструмент, подобно перу или камере[5]. Позиция США сходна: Бюро авторских прав США отказывает в регистрации работ, созданных без участия человека. В 2023 г. федеральный суд подтвердил этот подход, указав, что произведение, полностью сгенерированное ИИ без творческого вклада человека, не охраняется авторским правом. Таким образом, американская практика исключает из-под защиты результаты, созданные не людьми. Вместе с тем при совместном создании (человек + ИИ) возможна частичная охрана: например, в случае с комиксом «Zarya of the Dawn» офис зарегистрировал текст и компоновку, но отказал в охране изображений, сгенерированных нейросетью Midjourney. Американские специалисты отмечают, что использование ИИ как инструмента (подобно Photoshop) не лишает человека статуса автора, вопрос лишь в границах между применением инструмента и полной автономией машины.

В Европейском союзе пока отсутствуют специальные нормы, непосредственно регулирующие авторство произведений, созданных ИИ без участия человека, однако судебная практика выработала общий критерий оригинальности: результат должен отражать интеллектуальное творчество автора. Это означает, что при отсутствии творческих решений со стороны человека произведение не признаётся оригинальным и охраноспособным. Суд ЕС неоднократно подчёркивал данный прин-

цип, фактически исключая из-под охраны контент, сгенерированный исключительно машиной. Более того, в Стратегии по ИИ 2023 г., представленной Судом ЕС, прямо указано, что контент, созданный без участия человека, не должен получать авторско-правовой защиты. В ЕС обсуждаются возможные нововведения для таких случаев: предлагается ввести обязательную маркировку ИИ-сгенерированного контента и требование доказывать наличие достаточного творческого вклада человека. Принятый Регламент (ЕС) 2024/1689 («Акт об ИИ») предусматривает меры по обеспечению прозрачности использования ИИ: разработчики обязаны раскрывать факт генерации контента ИИ и предоставлять сведения о данных, на которых обучены модели. Эти шаги направлены на то, чтобы потребители и правоприменители могли отличать произведения, созданные человеком, от контента, полученного с помощью алгоритмов[4].

Отдельно примечателен опыт Великобритании, где ещё в 1988 г. законодательно предпринята попытка решить проблему авторства при минимальном участии человека. Согласно § 9(3) Закона «Об авторском праве, промышленных образцах и патентах» 1988 г. (CDPA 1988), автором компьютерно-сгенерированного произведения считается лицо, которое осуществило необходимые для его создания приготовления[3]. Иными словами, автором признаётся тот, кто создал условия для работы программы (например, разработчик или оператор, запустивший её). Данная норма стала одним из первых законодательных решений проблемы «авторства ИИ» и, по мнению ряда исследователей, фактически приравняла творческий вклад разработчика алгоритма к результатам работы алгоритма. Эта норма породила дискуссию о том, кто фактически совершает «необходимые приготовления» – создатель алгоритма или пользователь. Британская судебная практика по аналогии с ИИ обращается к схожим ситуациям: так, в деле *Nova Productions v. Mazooma Games* суд указал, что автором генерируемых игрой динамических изображений является разработчик программы, а не игрок, поскольку именно разработчик заложил все существенные элементы их создания. Это даёт основания полагать, что при споре о праве авторства между разработчиком алгоритма и пользователем суд может склониться в пользу разработчика. Тем не менее вопрос остаётся открытым и требует законодательной ясности.

В Китае принят аналогичный подход. В руководящих разъяснениях по экспертизе изобретений в сфере ИИ прямо указано, что авторами и изобретателями могут быть только физические лица – ИИ не может указываться в этих качествах. Обоснование: лишь субъекты права способны обладать соответствующими правами, тогда как ИИ правосубъектностью не обладает. Кроме того, с сентября 2025 г. вступили в силу специальные Правила маркировки, обязывающие сопровождать ИИ-сгенерированный контент явными или скрытыми метками (включая отметки в метаданных). В 2023 г. китайский суд впервые признал гражданина – владельца и оператора нейросети автором произведения, созданного этой нейросетью, что стало прецедентом юридического закрепления авторства за пользователем ИИ и подтвердило, что нейросеть выступает лишь инструментом в руках человека.

Исходя из изложенного, ИИ повсеместно рассматривается не как самостоятельный автор, а как средство. При создании контента с помощью ИИ права обычно признаются за разработчиком алгоритма либо за непосредственным пользователем (в зависимости от норм конкретной страны и обстоятельств). Эксперты подчёркивают: «нейросеть – это средство, а не полноправный участник создания продукта»[7]. Другими словами, с точки зрения права результат творчества, полученный с участием ИИ, принадлежит человеку – тому, кто либо создал сам ИИ, либо настроил и использовал его для достижения результата. Стоит заметить, что компании-разработчики ИИ нередко официально отказываются от прав на продукты, созданные с помощью их алгоритмов, передавая их пользователям. Такой шаг продиктован и коммерческими соображениями: обладание правами влечёт за собой и ответственность за содержание результатов. Делясь правами с пользователями, разработчики стремятся избежать потенциальной ответственности за незаконный или вредоносный контент, который может быть сгенерирован их системой.

Однако остаётся дискуссионным вопрос: кого считать автором произведения, созданного с использованием ИИ – разработчика алгоритма или пользователя? Существуют разные точки зрения. Некоторые исследователи считают, что разработчик ИИ не вправе претендовать на интеллектуальную собственность, созданную на основе промпта пользователя, так как он непосредственно не создавал конечный продукт, а лишь предоставил инструмент. Другие указывают, что без оригинального алгоритма пользователя не было бы результата, поэтому роль создателя алгоритма нельзя игнорировать.

В российской доктрине выделено по меньшей мере пять подходов к определению субъекта прав на произведения, сгенерированные ИИ[8]. Первый – консервативный полностью отрицает охрану таких произведений: результаты, созданные исключительно машиной, не признаются объектами авторского права. С этой точки зрения произведения ИИ остаются в публичном достоянии (такого мнения, например, придерживается М. В. Белкина[10]). Второй подход предлагает присваивать авторство первоначальному правообладателю результата – тому, кому принадлежали бы права, если бы результат охранялся (например, работодателю или заказчику). Однако это противоречит принципу единоличного человеческого авторства[9]. Третья точка зрения – признавать авторами произведений, созданных ИИ, разработчиков самого ИИ, ведь человек определяет поведение алгоритма, задаёт ему задачи и ограничения. Но пользоваться ИИ могут и лица, не являющиеся его создателями, поэтому разработчик может не иметь отношения к конкретному творческому акту. Четвёртая позиция (близкая к консервативной) гласит, что все произведения, созданные с помощью ИИ, должны считаться достоянием общества без охраны и исключительных прав. Критики отмечают, что отказ в охране демотивирует разработчиков и инвесторов: зная, что продукт ИИ не будет защищён, они могут отказаться от использования таких технологий, что тормозит инновации. Наконец, пятый и наиболее перспективный, по мнению многих учёных, подход предлагает признавать автором пользователя ИИ как лицо, преследующее творческую цель и инициировавшее создание произведения. В этом подходе ИИ выступает исключительно как техническое средство, помогающее автору. Художник может создать картину, разбрызгивая краску, не прикасаясь к холсту, однако он остаётся автором, даже не контролируя случайный узор. Подобно этому, пользователь, задавший промпт или иным образом направивший генерацию, обладает творческим замыслом, поэтому логично именно ему предоставить исключительные права на произведение, созданное с помощью ИИ. Эта позиция соответствует требованию о человеческом авторстве (хотя для её реализации потребуются изменения в ГК РФ). Высказывается предложение прямо закрепить в законе, что ИИ – техническое средство автора, а автором произведения, созданного с помощью ИИ, считается пользователь системы, такую идею поддерживают многие практикующие юристы[8].

Помимо авторского права, аналогичные проблемы возникают в патентном праве. Главный вопрос об изобретениях, созданных с использованием ИИ, и о том, может ли ИИ быть признан изобретателем. Как отмечалось, патентные ведомства разных стран (Европейское патентное ведомство, ВПТЗ США, Роспатент и др.) единообразно отказали в выдаче патентов по заявкам, где в качестве изобретателя указан ИИ (случай с алгоритмом DABUS). В этих решениях проводится тот же фундаментальный принцип: изобретателем может быть только физическое лицо, поскольку лишь человек способен осуществлять творческую деятельность, результаты которой признаются изобретениями по смыслу патентного закона. Например, в США суд в 2021 г. (дело *Thaler v. Hirshfeld*) указал, что термин

«индивидуум» в патентном законодательстве означает физическое лицо, и попытка распространить его на ИИ противоречит замыслу закона. В Великобритании Высший суд в 2021 г. по делу DABUS также подтвердил, что нельзя выдать патент, если в заявке в качестве «изобретателя» указано несуществующее в правовом смысле лицо (машина). Китайские руководства CNIPA 2024 г. закрепили этот подход нормативно. Таким образом, и в сфере изобретений ситуация аналогична авторскому праву: ИИ не признаётся субъектом права на изобретение, и патенты выдаются только при условии указания изобретателем человека.

Отдельно обсуждается вопрос о так называемой электронной правосубъектности ИИ, предоставлении ограниченного статуса «электронного лица». В 2017 г. в ЕС рассматривалась идея присвоить продвинутым роботам статус электронной личности, но она не получила развития из-за жёсткой критики. Российские учёные также изучают эту проблему, однако преобладает мнение, что на современном этапе это преждевременно[11]: технологии ИИ ещё недостаточно самостоятельны, чтобы наделять их собственными юридическими обязанностями или правами. Более того, внедрение такого «несущего права субъекта» осложнило бы механизм ответственности (вред всё равно возмещал бы владелец или разработчик). Поэтому сейчас идея «электронного лица» для ИИ остаётся футуристической гипотезой, а законодательство и практика сосредоточены на привлечении к ответственности конкретных лиц.

Обобщая изложенное, можно выделить несколько ключевых юридических проблем в сфере ИИ и интеллектуальной собственности. Во-первых, отсутствие охраны результатов так называемого «машинного творчества»: по нынешнему праву произведения, полностью созданные ИИ без вмешательства человека, не подлежат охране. Отсюда практическая трудность определить достаточный «творческий вклад» человека для признания его автором в условиях минимального участия (например, когда человек вводит лишь короткий текстовый запрос). Закон пока не даёт ответа, какой объём человеческого участия превращает сгенерированный ИИ контент в охраняемый объект. Во-вторых, проблема определения степени творческой переработки: если человек дорабатывает или редактирует результат, выданный нейросетью, где проходит граница, когда полученный материал можно считать созданным человеком? Эти вопросы требуют детального анализа, поэтому необходимо установить чёткие критерии достаточности творческого вклада человека при использовании ИИ чтобы определить, когда результат можно охранять как произведение, а когда нет. Кроме того, следует законодательно ввести требования прозрачности применения ИИ: например, обязательную маркировку сгенерированного материала (при отсутствии творческого участия человека) и, возможно, обязательную регистрацию отдельных ИИ-систем и их разработчиков. Такая прозрачность позволит отличать контент, созданный людьми, от материала, сгенерированного машинами, и предотвратить неправомерное присвоение прав на автоматически созданные произведения.

Не менее важен вопрос ответственности за контент, сгенерированный ИИ. С одной стороны, разработчик алгоритма способен предотвратить генерацию запрещённого или нежелательного материала, многие современные системы (крупные генераторы изображений и текста) оснащены фильтрами, отказывающимися выполнять запросы, нарушающие правила. Это показывает стремление создателей алгоритмов делать свои продукты законопослушными и этичными. С другой стороны, пользователи научились обходить ограничения, более того, появились открытые алгоритмы без каких-либо фильтров, способные генерировать любой контент. В результате при широком распространении неограниченных ИИ возрастает риск появления контрафактных, клеветнических, экстремистских и иных противоправных материалов, созданных машиной. Правовая система должна быстро реагировать на эти вызовы. Пока во всех известных случаях ответственность несёт человек или компания, использующие ИИ, всегда конкретное физическое или юридическое лицо, а не «алгоритм». Такой подход соответствует базовому принципу: инструмент не несёт ответственности, отвечает тот, кто им пользуется. В дальнейшем предстоит уточнить многие детали: возможно, установить особые режимы ответственности разработчиков при доказанной грубой небрежности (например, отсутствие необходимых фильтров) или ввести обязательное страхование рисков, связанных с ИИ.

Проведённый анализ показывает, что правовые системы России и большинства других стран в настоящее время рассматривают искусственный интеллект как инструмент, а не как самостоятельный субъект интеллектуальных прав. Лицо, создающее охраняемый результат, по закону должно быть человеком, и только человек признаётся обладателем авторских и патентных прав. Сам ИИ не получает никаких прав на созданные им результаты, ни на произведения, ни на изобретения. Между тем роль ИИ в творчестве и изобретательстве стремительно растёт, ставя перед правом новые вызовы. Необходимо выработать чёткие критерии и нормы, определяющие правовой статус произведений, созданных с участием (или без участия) ИИ, а также распределение прав и ответственности в таких ситуациях. Российское законодательство пока отстаёт: в ГК РФ прямо не урегулированы вопросы, связанные с ИИ. Однако предпринимаются шаги к реформам. По мере развития технологий необходимые изменения в законодательство, вероятно, будут внесены с учётом специфики деятельности ИИ и возникающих рисков. На данном этапе можно заключить, что ИИ – мощный инструмент в руках человека, но не новый субъект права. Задача науки и законодателя адаптировать существующие правовые принципы к реалиям эпохи ИИ, сохраняя баланс между стимулированием инноваций и защитой прав создателя. Сегодня приоритетны прагматичные решения: обеспечение охраны результатов совместного творчества человека и машины, недопущение правовых лазеек для злоупотреблений с ИИ и возложение ответственности на тех, кто использует ИИ во вред. Только сбалансированный и гибкий подход позволит правовой системе адекватно встретить вызовы нового технологического уклада.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая): Федеральный закон от 18.12.2006 г. № 230-ФЗ (в ред. от 28.04.2023) // Собрание законодательства РФ. – 2006. – № 52 (ч. I). – Ст. 5496.
2. Бернская конвенция об охране литературных и художественных произведений (Берн, 09.09.1886 г., рев. в Париже 24.07.1971).
3. Copyright, Designs and Patents Act 1988, Section 9(3) (UK) // Закон об авторском праве, промышленных образцах и патентах 1988 г. – (в ред. на 11.01.2026).
4. Регламент (ЕС) 2024/1689 Европейского парламента и Совета от 20.06.2024 г. «Об искусственном интеллекте (Акт об ИИ)» // OJ EU. – 2024. – L 277.
5. ВОИС. Artificial intelligence and copyright / Andres Guadamuz // WIPO Magazine. – October 2017.
6. Кому принадлежат права на произведения, созданные с помощью искусственного интеллекта? // Рос. газета, 15.06.2023.
7. Ракуль Е. Эксперт рассказал об авторском праве на созданные ИИ произведения // Рос. газета, 11.11.2025.
8. Калятин В.О. Определение субъекта прав на результаты интеллектуальной деятельности, созданные с использованием искусственного интеллекта // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2022. – Т. 15, № 4. – С. 24–50.
9. Давтян М.А. Проблемы признания искусственного интеллекта одним из объектов авторского права // Вестник науки. – 2022. – № 2(47).
10. Белкина М.В. Авторские права на объекты, созданные искусственным интеллектом: проблемы законодательства и пути их устранения // Власть закона. – 2021. – № 2(46). – С. 152–166.

11. Абрамова Е.Н., Старикова Е.В. Искусственный интеллект как субъект авторского права // Гипотеза: молодёж. науч. альманах. – 2020. – № 1(10). – С. 32–38.

Artificial intelligence in the field of intellectual property: a new subject or a new tool?

Gonyshev M.A.
Orenburg State University

The article analyzes the problem of using artificial intelligence (AI) technologies and neural networks in the field of intellectual property. The question is being considered: can AI act as a subject of law or is it just a means and a tool used in the process of human activity. The norms of the civil legislation of the Russian Federation are being studied, as well as approaches to this issue in the EU, the USA, China and a number of other countries. Special attention is paid to the scientific opinions of domestic and foreign jurists on the legal personality of AI, issues of copyright and patent law, as well as the prospects for regulatory regulation. A conclusion is drawn about the current status of AI as a tool in intellectual property law and proposed directions for improving legislation.

Keywords: artificial intelligence, intellectual property, copyright, patent law, legal personality, legal regulation, digital technologies.

References

1. Civil Code of the Russian Federation (Part Four): Federal Law of 18.12.2006 No. 230-FZ (as amended on 28.04.2023) // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2006. – No. 52 (Part I). – Article 5496.
2. Berne Convention for the Protection of Literary and Artistic Works (Berne, 09.09.1886, rev. in Paris on 24.07.1971).
3. Copyright, Designs and Patents Act 1988, Section 9(3) (UK) // Copyright, Designs and Patents Act 1988 – (as amended on 11.01.2026).
4. Regulation (EU) 2024/1689 of the European Parliament and of the Council of 20 June 2024 on Artificial Intelligence (AI Act) // OJ EU. – 2024. – L 277.
5. WIPO. Artificial intelligence and copyright / Andres Guadamuz // WIPO Magazine. – October 2017.
6. Who owns the rights to works created using artificial intelligence? // Rossiyskaya Gazeta, 15 June 2023.
7. Rakul E. An expert spoke about copyright on works created by AI // Rossiyskaya Gazeta, 11 November 2025.
8. Kalyatin V.O. Determination of the subject of rights to the results of intellectual activity created using artificial intelligence // Law. Journal of the Higher School of Economics. – 2022. – Vol. 15, No. 4. – P. 24–50.
9. Davtyan M.A. Problems of recognizing artificial intelligence as one of the objects of copyright // Vestnik nauki. – 2022. – No. 2(47).
10. Belkina M.V. Copyright on objects created by artificial intelligence: problems of legislation and ways to eliminate them // Vlast' law. – 2021. – No. 2(46). – P. 152–166.
11. Abramova E.N., Starikova E.V. Artificial intelligence as a subject of copyright // Hypothesis: youth. scientific almanac. – 2020. – No. 1(10). – P. 32–38.

Юридический интерес как критерий определения надлежащих заявителей по делам об ограничении дееспособности (признании гражданина недееспособным): проблемы и перспективы

Грицких Елена Александровна
кандидат юридических наук, судья в отставке, доцент кафедры гражданского и административного права, Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева, gritskih77@mail.ru

В статье анализируются проблемы определения круга надлежащих заявителей по делам об ограничении дееспособности и признании гражданина недееспособным. На основе доктринальных подходов и судебной практики обосновывается, что формальный перечень родственников в ст. 281 ГПК РФ подменяет критерий юридического интереса критерием родства. Это ведет к необоснованным отказам в судебной защите. Автор предлагает ориентировать суды на оценку фактических семейных отношений и ведения общего хозяйства, закрепить за прокурором право на обращение в исключительных случаях (при бездействии иных лиц), а также предоставить самому гражданину возможность самостоятельно инициировать признание его недееспособным.
Ключевые слова: юридический интерес, ограничение дееспособности, признание недееспособным, надлежащий заявитель, члены семьи, ст. 281 ГПК РФ.

Порядок рассмотрения дел об ограничении дееспособности гражданина и признании гражданина недееспособным закреплен в главе 31 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации. Данный правовой институт призван создать необходимые условия для защиты как самих лиц, в отношении которых ставится вопрос об их дееспособности, так и иных заинтересованных лиц – членов их семей, близких родственников и общества в целом. Вместе с тем эффективность такой защиты во многом зависит от определенности правового регулирования, в частности от четкости процессуальных норм, определяющих порядок возбуждения гражданских дел об ограничении дееспособности гражданина и признании гражданина недееспособным.

В действующем законодательстве, а именно в ст. 281 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее – ГПК РФ), указан закрытый перечень лиц, управомоченных на подачу таких заявлений. Формально законодатель попытался учесть при определении указанного круга лиц юридический интерес заявителя. При этом в науке гражданского процессуального права юридический интерес (заинтересованность в исходе дела) традиционно рассматривается как одна из важнейших категорий [1-5]. Р.Е. Гукасян под процессуальным юридическим интересом (заинтересованностью) понимал основанную «на юридических нормах объективно существующую социальную потребность в гражданском процессе, выражающуюся в таком отношении граждан и юридических лиц, прокурора, органов государственного управления и других социалистических организаций к гражданскому делу, при котором защита права или охраняемого законом интереса, осуществление служебных функций и удовлетворение общественного интереса находятся в зависимости от судебного решения в данном процессе» [2, с. 472].

Применительно к рассматриваемым категориям дел для заявителя (членов семьи, близких родственников) процессуальный интерес будет состоять в получении судебного решения, которое является единственным законным основанием для установления опеки (попечительства) в отношении лица, признаваемого недееспособным (ограниченно дееспособным), например, в целях последующего управления его имуществом, получения за него пенсионных выплат и т.д.

Между тем при анализе действующего законодательства обнаруживаются существенные пробелы в определении круга лиц, имеющих право на обращение в суд с соответствующими заявлениями. Отсутствие ясного перечня таких лиц, а также неоднозначность в вопросе о праве прокурора и самого гражданина выступать в качестве заявителя порождают сложности в правоприменительной деятельности и требуют научного анализа.

Согласно части 2 статьи 281 ГПК РФ, дело о признании гражданина недееспособным вследствие психического расстройства может быть возбуждено в суде на основании заявления членов его семьи, близких родственников (родителей, детей, братьев, сестер) независимо от совместного с ним проживания, органа опеки и попечительства, медицинской организации, оказывающей психиатрическую помощь, или стационарной организации социального обслуживания, предназначенной для лиц, страдающих психическими расстройствами [6].

Р.Е. Гукасян полагал, что «процессуальный интерес может быть материально-правовым (личным) и служебным (общественным)» [2, с. 472]. В рамках рассматриваемой категории дел о признании гражданина недееспособным члены семьи и

близкие родственники выступают носителями личного интереса, тогда как орган опеки и попечительства – носителем служебного интереса, что объясняет их включение в перечень заявителей. При этом можно отметить, что законодатель сформулировал расширенный подход к определению круга заявителей по делам о признании гражданина недееспособным, предусмотрев, что члены семьи и близкие родственники вправе обращаться в суд независимо от совместного проживания с гражданином, в отношении которого подается заявление.

Такой подход представляется обоснованным, поскольку психическое расстройство может служить причиной раздельного проживания близких родственников либо, напротив, гражданин может постоянно находиться в стационарной организации социального обслуживания, что не должно ограничивать право его родственников на обращение за судебной защитой.

Иная ситуация складывается при рассмотрении дел об ограничении дееспособности гражданина. В соответствии с частью 1 статьи 281 ГПК РФ, дело об ограничении гражданина в дееспособности вследствие злоупотребления спиртными напитками или наркотическими средствами может быть возбуждено на основании заявления членов его семьи, органа опеки и попечительства, медицинской организации, оказывающей психиатрическую помощь [6].

Примечательно, что в данной норме отсутствует указание на возможность обращения заявителя в суд «независимо от совместного проживания» с гражданином, которое содержится в части 2 той же статьи. Вместе с тем из совокупного анализа частей 1 и 2 статьи 281 ГПК РФ следует, что при подаче заявления об ограничении дееспособности требование о совместном проживании заявителя с гражданином предполагается.

Данный вывод подтверждается и существом регулируемых правоотношений. Основанием для ограничения дееспособности согласно части 1 статьи 30 Гражданского кодекса Российской Федерации является такое поведение гражданина, которое ставит его семью в тяжелое материальное положение вследствие пристрастия к азартным играм, злоупотребления спиртными напитками или наркотическими средствами [7]. М.А. Викут, под юридической заинтересованностью понимала ожидание правового положительного результата, который может наступить для стороны в результате разрешения судом дела [1, с. 14-15]. Следовательно, если гражданин не проживает совместно с членами семьи, его действия с меньшей вероятностью могут быть признаны ставящими семью в тяжелое материальное положение, а значит, и ожидание положительного результата (удовлетворения заявления) у раздельно проживающих родственников отсутствует.

Указанную неопределенность, предполагающую необходимость восполнения пробела в части совместного проживания членов семьи, имеющих право обращения в суд с заявлением об ограничении дееспособности гражданина, дополнительно осложняет тот факт, что само понятие «члены семьи» в российском законодательстве не является однозначным и в различных отраслях права состав таких лиц определяется по-разному в зависимости от целей правового регулирования.

Так, в соответствии со статьей 2 Семейного кодекса Российской Федерации (далее – СК РФ) к членам семьи традиционно относят супругов, родителей и детей (усыновителей и усыновленных). Однако СК РФ также упоминает и иных лиц, которые могут рассматриваться в качестве членов семьи в определенных правоотношениях: братьев и сестер (статья 93), дедушек, бабушек и внуков (статьи 94, 95), лиц, осуществлявших фактическое воспитание и содержание несовершеннолетних детей (статья 96), отчима и мачеху, пасынков и падчериц (статья 97) [8]. При этом перечень не является исчерпывающим.

В свою очередь, Жилищный кодекс Российской Федерации (далее – ЖК РФ) в статье 31 к членам семьи собственника жилого помещения относит проживающих совместно с ним супруга, детей и родителей, а также других родственников, нетрудоспособных иждивенцев и иных граждан, если они вселены собственником в качестве членов своей семьи [9]. Аналогично к членам семьи нанимателя жилого помещения часть 1 статьи 69 ЖК РФ относит проживающих совместно с ним его супруга, а также детей и родителей данного нанимателя [9]. Другие родственники, нетрудоспособные иждивенцы признаются членами семьи нанимателя жилого помещения по договору социального найма, если они вселены нанимателем в качестве членов его семьи и ведут с ним общее хозяйство. При этом Верховный Суд РФ в п. 25 Постановления Пленума от 02.07.2009 № 14 (ред. от 09.12.2025) «О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при применении Жилищного кодекса Российской Федерации» разъяснил, что к другим родственникам при этом могут быть отнесены любые родственники как самого нанимателя, так и членов его семьи независимо от степени родства как по восходящей, так и нисходящей линии [10].

Нормы п. 2 ст. 5 Федерального закона от 27.05.1998 № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих», например, к членам семьи военнослужащих относят супруга, несовершеннолетних детей, детей-инвалидов старше 18 лет, детей до 23 лет, обучающихся по очной форме, а также лиц, находящихся на их иждивении [11].

Таким образом, одно и то же лицо (например, внук или двоюродный брат) в одних правоотношениях может признаваться членом семьи, а в других – нет. Такая межотраслевая несогласованность порождает правовую неопределенность применительно к процессуальному порядку ограничения дееспособности гражданина, признания его недееспособным, поскольку законодатель в частях 1, 2 статьи 281 ГПК РФ, употребив термин «члены семьи», не указал судам ориентиров для его толкования.

При этом возникает закономерный вопрос: может ли внук обратиться в суд с заявлением об ограничении дееспособности дедушки, злоупотребляющего спиртными напитками, если они проживают совместно с ним и дедушка своим поведением ставит семью в тяжелое материальное положение? С одной стороны, внук не назван в числе членов семьи в ст. 2 Семейного кодекса РФ. С другой – Жилищный кодекс РФ и разъяснения Верховного Суда РФ допускают признание внука членом семьи собственника или нанимателя при его вселении в жилое помещение в качестве члена семьи. Однако дело об ограничении дееспособности регулируется не жилищным, а гражданским процессуальным законодательством, которое прямого ответа на этот вопрос не содержит.

Представляется, что в данном случае судам следует исходить из смысла и цели правового регулирования. Если внук совместно проживает с дедушкой, ведет с ним общее хозяйство, а девиантное поведение дедушки ставит всю семью, включая внука, в тяжелое материальное положение, то внук, безусловно, обладает юридическим интересом в исходе дела.

Аналогичный вопрос возникает и в практике рассмотрения дел о признании гражданина недееспособным вследствие психического расстройства. Формально часть 2 статьи 281 ГПК РФ относит к числу заявителей членов семьи и близких родственников (родителей, детей, братьев, сестер), причем независимо от совместного проживания. Внучка в этом перечне прямо не указана.

Однако возможна ситуация, когда внучка совместно проживает с бабушкой, страдающей психическим расстройством, ведет с ней общее хозяйство, осуществляет уход и фактически является единственным близким человеком, обеспечивающим ее повседневные потребности. При этом родители внучки (дети бабушки) могут отсутствовать (умерли, лишены родительских прав, проживают в другом регионе и не поддерживают связь) либо уклоняться от выполнения обязанностей по защите прав своей матери. В такой ситуации формальное отсутствие внучки в перечне лиц, управомоченных на обращение в суд, создает серьезную правовую проблему: гражданин, который реально заинтересован в защите прав бабушки и объективно не может быть заменен иным заявителем, оказывается лишен возможности подать заявление о признании ее недееспособной.

При этом как уже указывалось, по мнению Р.Е. Гукасяна, юридический интерес представляет собой «объективно существующую социальную потребность в гражданском процессе» [2, с. 472], и наличие такой потребности не должно ставиться в зависимость от формального родства, когда сложились фактические семейные отношения.

Представляется, что в данном случае судам следовало бы исходить из приоритета цели правового регулирования – защиты прав и законных интересов лица, страдающего психическим расстройством, – а не из формального толкования перечня заявителей. Если внучка является фактическим лицом, осуществляющим уход, и при этом отсутствуют иные лица, управомоченные на обращение в суд, ее юридический интерес в исходе дела не вызывает сомнений.

Однако судебная практика зачастую демонстрирует противоположный подход, отказывая в признании иных родственников (внуков, племянников, двоюродных братьев и сестер) надлежащими заявителями.

Так, из апелляционного определения Санкт-Петербургского городского суда от 07.08.2025 по делу № 33-15615/2025 следует, что гражданин М.А. обратился в Калининский районный суд Санкт-Петербурга с заявлением о признании недееспособной проживающей с ним совместно бабушки М.Н., указывая, что является членом её семьи и проживает с ней совместно. Суд первой инстанции отказал в принятии заявления, мотивировав это тем, что заявитель не относится к лицам, управомоченным на подачу такого заявления в силу ч. 2 ст. 281 ГПК РФ.

Санкт-Петербургский городской суд, оставляя частную жалобу без удовлетворения, дал важное системное толкование: «Действующее законодательство не раскрывает понятия «члены семьи» применительно к делам рассматриваемой категории. В то же время анализ действующего законодательства позволяет сформулировать основные составляющие этого понятия: во-первых, к таковым относятся супруг, родители, дети (в том числе усыновители и усыновленные) (ст. 2 СК РФ) и в исключительных случаях – другие родственники, нетрудоспособные иждивенцы и иные граждане (ч. 1 ст. 31 ЖК РФ); а во-вторых, в большинстве случаев при определении членов семьи фигурирует необходимость совместного проживания с лицом».

При этом суд апелляционной инстанции сделал вывод: «Из системного анализа ст. 281 ГПК РФ следует, что членами семьи являются лишь супруги, дети, родители, сестры и братья; иные родственники, которые вправе признаваться членами семьи в силу положений иных кодексов, не фигурируют в данной статье и не могут признаваться заявителями по данной категории дела. Таким образом, круг близких родственников и членов семьи ограничен названной нормой, перечень возможных заявителей является исчерпывающим».

Показательно, что суд дополнительно проверил характер вселения М.А. в жилое помещение и установил: он был вселен «не в качестве члена семьи, а в качестве пользователя, что также исключает признание его членом семьи М.Н.». Данный пример наглядно иллюстрирует, что даже совместное проживание (подтверждённое справкой по форме 9) и фактический уход за недееспособным лицом не являются достаточными основаниями для наделения иных родственников правом на обращение в суд, если только они не подпадают под узкое формальное определение «члена семьи» в понимании суда. При этом суд фактически использовал жилищное законодательство не для расширения круга заявителей, а для его дополнительного ограничения (через квалификацию цели вселения) [12].

Таким образом, действующая редакция ст. 281 ГПК РФ, ориентируясь на формальный перечень родственников, подменяет критерий юридического интереса критерием родства, что приводит к правовой неопределённости и необоснованным отказам в судебной защите. Представляется верным, чтобы суды при разрешении данной категории дел оценивали доказательства для установления фактических семейных отношений и ведения общего хозяйства, то есть юридической заинтересованности, а не ограничивались установлением формального родства.

До сих пор юридический интерес заявителя рассматривался нами преимущественно как интерес в защите прав самого недееспособного (ограниченно дееспособного) лица. Однако заявление о признании гражданина недееспособным может быть продиктовано и материально-правовым интересом, связанным, например, с возможностью в дальнейшем распоряжаться имуществом такого лица, получать за него пенсионные выплаты или иные социальные блага. Законодатель в ч. 3 ст. 1078 Гражданского кодекса РФ предусмотрел возложение обязанности по возмещению вреда, причинённого недееспособным, на совместно проживающих с ним трудоспособных родственников, что также создаёт у последних объективную материальную заинтересованность в своевременном обращении в суд.

Вместе с тем указанный материальный интерес не всегда является добросовестным. На практике нередки случаи, когда обращение в суд с заявлением о признании гражданина недееспособным преследует цель не защиты прав самого лица, страдающего психическим расстройством, а установления контроля над его имуществом, недвижимостью или иными активами. Именно для предотвращения подобных злоупотреблений в гражданском процессуальном законодательстве закреплён механизм ответственности недобросовестного заявителя. Так, согласно ч. 2 ст. 284 ГПК РФ, если суд установит, что лицо, подавшее заявление о признании гражданина недееспособным, действовало недобросовестно (например, с целью заведомо необоснованного ограничения или лишения дееспособности гражданина), судебные издержки могут быть возложены на такого заявителя [6]. Данная норма служит важным инструментом обеспечения баланса между доступностью судебной защиты и предотвращением процессуальных злоупотреблений.

Как верно отмечает О.Н. Шеменева, «наличие юридического интереса сегодня является основным критерием, на основании которого обладающие им лица наделяются статусом лиц, участвующих в деле» [5]. Изложенное позволяет сделать вывод, что при определении круга лиц, управомоченных на обращение в суд с заявлением о признании гражданина недееспособным или об ограничении его дееспособности, формальное родство не должно иметь решающего значения. Задача суда – установить наличие у обратившегося лица подлинного юридического интереса, оценить его добросовестность и реальную заинтересованность в защите прав и законных интересов гражданина, в отношении которого ставится вопрос о дееспособности. Именно такой подход, основанный на критериях юридического интереса, а не на формальном перечне родственных связей, позволит наиболее полно реализовать цели правового регулирования, закреплённые в главе 31 ГПК РФ.

Одним из наиболее дискуссионных вопросов в науке гражданского процессуального права и судебной практике является вопрос о праве прокурора на обращение в суд с заявлением о признании гражданина недееспособным или об ограничении его дееспособности. Как справедливо отмечает М.М. Закаряева, действующее законодательство допускает двойственное толкование в этой части, а правоприменительная практика, несмотря на формальную определенность, демонстрирует отдельные случаи принятия судами заявлений прокурора [13].

В соответствии с частью 1 статьи 45 ГПК РФ прокурор вправе обратиться в суд с заявлением в защиту прав, свобод и законных интересов граждан, неопределенного круга лиц или интересов Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, муниципальных образований [6]. Однако, как отмечала М.С. Шакарян, «органы государственного управления, как и все другие лица, участвующие в деле, имеют самостоятельный юридический интерес в решении суда, однако, в отличие от сторон и третьих лиц, их интерес является не личным (материально-правовым), а государственным, общественным (процессуальным)» [4, с. 769]. Это принципиальное разграничение

имеет ключевое значение для определения процессуальных полномочий прокурора по делам о дееспособности.

Верховный Суд РФ в Обзоре судебной практики за второй квартал 2004 года сформулировал однозначную позицию: содержащаяся в части 2 статьи 281 ГПК РФ норма «является специальной, регулирующей порядок возбуждения гражданского дела о признании гражданина недееспособным, поэтому общая норма о возбуждении гражданского дела на основании заявления прокурора, установленная частью 1 статьи 45 ГПК РФ, в данном случае не применяется» [14]. Следовательно, гражданское дело о признании гражданина недееспособным вследствие психического расстройства не может быть возбуждено по заявлению прокурора. Аналогичный подход, как обоснованно полагает Верховный Суд РФ, должен применяться и к делам об ограничении дееспособности.

В науке, однако, высказываются и иные мнения. Так, О.А. Рыбалова приходит к выводу, что прокурор в порядке ч. 1 ст. 45 ГПК РФ вправе обратиться в суд с заявлением о признании лица недееспособным, ограниченно дееспособным в интересах граждан, указанных в ст. 281 ГПК РФ, которым законом предоставлено право на инициирование подобных заявлений [15]. М.М. Закаряева также поддерживает необходимость наделения прокурора правом на обращение, аргументируя это тем, что граждане в ситуации семейного неблагополучия зачастую обращаются в первую очередь именно в прокуратуру, воспринимая её как доступный и авторитетный орган защиты, и подтверждает свою позицию ссылками на статистические данные о рассмотрении судами соответствующей категории дел [13].

На первый взгляд, позиция сторонников расширения полномочий прокурора выглядит привлекательной. Действительно, обращение гражданина в прокуратуру – это уже состоявшийся акт поиска правовой защиты. Отказ прокурора от обращения в суд и перенаправление заявителя в органы опеки создает для гражданина дополнительный барьер, подрывает веру в эффективность государственных институтов. Кроме того, в исключительных случаях – при отсутствии у гражданина членов семьи или близких родственников, а также при бездействии органов опеки и попечительства – прокурор может оказаться единственным субъектом, способным инициировать процедуру ограничения дееспособности.

Тем не менее, представляется, что предоставление прокурору права на обращение с заявлением о признании гражданина недееспособным или об ограничении его дееспособности не соответствует природе его процессуального положения и той роли, которую он призван играть в данной категории дел. Обоснуем эту позицию. Во-первых, как справедливо подчеркивала М.С. Шакарян, прокурор не обладает материально-правовым интересом в исходе дела. Его интерес – государственный, общественный (процессуальный) [4, с 769], и в рассматриваемом случае он заключается в обеспечении законности и защите прав социально уязвимых социальных групп населения. Но этот процессуальный интерес наиболее эффективно реализуется именно через участие в деле в качестве лица, дающего заключение. Вступая в уже начавшийся процесс, прокурор сохраняет объективность и независимость; он не связан позицией заявителя и может дать суду взвешенное правовое мнение, основанное на анализе всех обстоятельств дела. Если же прокурор сам выступает в роли заявителя, он неизбежно утрачивает эту объективность, превращаясь в сторону процесса.

Во-вторых, дела о признании гражданина недееспособным или об ограничении дееспособности требуют детального исследования семейных, бытовых и медицинских обстоятельств. Сбор доказательств по таким делам – это прерогатива заявителя, который, как правило, проживает совместно с гражданином и располагает необходимой информацией. Прокурор, в отличие от члена семьи или органа опеки, не обладает ни такими сведениями, ни возможностью их оперативного получения без проведения сложных и длительных проверок. Возложение на прокуратуру функции по сбору доказательств по каждому такому делу привело бы к неоправданной нагрузке на надзорный орган и снижению качества его работы.

В-третьих, действующая редакция статьи 281 ГПК РФ содержит достаточный перечень субъектов, управомоченных на обращение в суд. Члены семьи (в широком смысле, включая супруга, родителей, детей, братьев, сестер), орган опеки и попечительства, медицинские организации – этот круг охватывает практически все ситуации, когда возникает необходимость в ограничении дееспособности. Если член семьи бездействует, это его личный выбор, который не должен подменяться активностью прокурора. Более того, расширение круга заявителей за счет прокурора создает риск использования надзорного органа для сведения личных счетов или необоснованного ограничения прав граждан под видом защиты их интересов.

Учитывая изложенное, следует согласиться с позицией Верховного Суда РФ: прокурор не вправе возбуждать дела о признании гражданина недееспособным или об ограничении его дееспособности. Его участие в данной категории дел ограничивается вступлением в процесс для дачи заключения (статья 284 ГПК РФ). При этом, как справедливо отмечает М.М. Закаряева, в случае если прокурор все же обратился в суд с заявлением (например, по аналогии с делами о признании безвестно отсутствующим, где такая практика сложилась), он должен быть освобожден от обязанности давать заключение по делу, чтобы не совмещать две различные процессуальные роли [13].

Вместе с тем, представляется обоснованным предложение о закреплении за прокурором права на таких дел в исключительных случаях – при отсутствии у гражданина членов семьи или близких родственников, а также при невозможности или бездействии органов опеки и попечительства. Органы прокуратуры призваны защищать права граждан в случаях, когда они не могут сделать это самостоятельно. Такое исключение из общего правила не нарушит системности процесса, но позволит восполнить пробелы в правовой защите наиболее уязвимых лиц.

Таким образом, действующее правовое регулирование, ограничивающее роль прокурора дачей заключения, в целом является сбалансированным. Оно не должно быть изменено в сторону расширения полномочий прокурора, но нуждается в дополнении в части возможности его исключительного обращения в суд при отсутствии иных заявителей.

Особого внимания заслуживает вопрос о праве самого гражданина, в отношении которого может быть поставлен вопрос о недееспособности, выступать в роли заявителя.

На первый взгляд, такая ситуация выглядит парадоксальной: гражданин сам инициирует процедуру признания его недееспособным. Однако закон допускает такую возможность, например, при рассмотрении дел о признании гражданина дееспособным (часть 3 статьи 286 ГПК РФ), где заявителем может выступать гражданин, признанный недееспособным, или выбранные им представители.

Конституционный Суд РФ в своих постановлениях неоднократно подчеркивал, что гражданин, в отношении которого рассматривается дело о признании его недееспособным, должен иметь возможность изложить свою позицию по делу лично либо через выбранных им самим представителей [16]. Гражданин также вправе обжаловать вступившее в законную силу решение о признании его недееспособным, если ему не была предоставлена возможность выразить свою позицию.

Однако право гражданина на самостоятельное инициирование производства о признании его недееспособным действующим законодательством прямо не предусмотрено. «Как справедливо отмечают А.В. Юдин и М.С. Шейфер, закон не устанавливает обязанности обращаться в суд с заявлением о признании родственника недееспособным [17], что вступает в определенное противоречие с санкцией, предусмотренной частью 3 статьи 1078 ГК РФ[6]. В этой связи отсутствие у самого гражданина права на обращение выглядит пробелом, поскольку возможны ситуации, когда гражданин осознает наличие у него

психического расстройства, понимает, что не может полноценно руководить своими действиями, и желает установления над собой опеки для собственной же защиты.

В такой ситуации, как справедливо отмечает Т.В. Сахнова, процессуальное воплощение интереса и заинтересованности остается неактуализированным [3, с. 84]. В данном случае законодатель мог бы исходить из того, что фактический интерес гражданина (субъективно осознаваемая потребность в установлении опеки) совпадает с его юридическим интересом (объективной потребностью в судебной защите), что давало бы основания для предоставления ему права на обращение в суд.

Проведённый анализ позволяет сделать вывод о необходимости совершенствования правового регулирования круга лиц, имеющих право на обращение в суд с заявлением о признании гражданина недееспособным или об ограничении его дееспособности. При этом применительно к делам главы 31 ГПК РФ именно юридический интерес, а не формальный перечень родственников должен служить ориентиром судам для определения надлежащих заявителей. Это позволит устранить правовую неопределённость и необоснованные отказы в судебной защите.

Литература

1. Викут М.А. Стороны – основные лица искового производства // Викут – 60 лет научно-педагогической деятельности. Саратов: Изд-во ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», 2007. – 156 с.
2. Гукасян Р.Е. Проблема интереса в советском гражданском процессуальном праве // Научное наследие кафедры гражданского и административного судопроизводства (гражданского процесса): Сборник научных трудов. М., 2017. С. 437-589.
3. Сахнова Т.В. Интерес и заинтересованность в цивилистическом процессе // Развитие процессуального законодательства: к пятилетию действия АПК РФ, ГПК РФ и Федерального закона РФ «О третейских судах в Российской Федерации»: Материалы междунар. науч.-практ. конф. (Воронеж, 15-16 февраля 2008 г.) / Под ред. Е.И. Носыревой. Воронеж: Изд-во ВГУ, 2008. С. 84-92.
4. Шакарян М.С. Избранные труды. Учение о сторонах в советском гражданском процессе // М.С. Шакарян. Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс, 2014. 880 с.
5. Шеменева О.Н. Юридический интерес в гражданском судопроизводстве: развитие взглядов и современное значение // Вестник гражданского процесса, 2016, № 2. СПС «КонсультантПлюс».
6. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 15.12.2025, с изм. от 22.12.2025 с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2026). // Российская газета. № 220. 20.11.2002.
7. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025, с изм. от 25.03.2026) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.08.2025) // СПС «КонсультантПлюс».
8. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 23.03.2026, с изм. от 15.05.2026) // Российская газета, № 17, 27.01.1996.
9. Жилищный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 188-ФЗ (ред. от 02.05.2026) // Российская газета, № 1, 12.01.2005.
10. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 02.07.2009 № 14 (ред. от 09.12.2025) «О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при применении Жилищного кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
11. Федеральный закон от 27.05.1998 № 76-ФЗ (ред. от 15.12.2025) «О статусе военнослужащих» (с изм. и доп., вступ. в силу с 26.12.2025) // СПС «КонсультантПлюс».
12. Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 07.08.2025 № 33-15615/2025 (УИД 78RS0005-01-2025-005673-21) // СПС «КонсультантПлюс».
13. Закаряева М.М. Проблемные вопросы участия прокурора при рассмотрении отдельных категорий дел особого производства // Законы России: опыт, анализ, практика, 2018, № 6. СПС «КонсультантПлюс».
14. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за второй квартал 2004 года (утв. Постановлением Президиума Верховного Суда РФ от 6 октября 2004 г.) // Обзоры судебной практики Верховного Суда: http://xn--b1azaj.xn--p1ai/2004/obzor-sudebnoy-praktiki-vs-rf/2004.10.06.html (дата обращения: 19.05.2026).
15. Рыбалова О.А. Участие прокурора в рассмотрении судами заявления об ограничении дееспособности гражданина, о признании гражданина недееспособным // Законность. 2015. № 6. СПС «КонсультантПлюс».
16. Постановление Конституционного Суда РФ от 27.02.2009 N 4-П «По делу о проверке конституционности ряда положений статей 37, 52, 135, 222, 284, 286 и 379.1 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и части четвертой статьи 28 Закона Российской Федерации «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании" в связи с жалобами граждан Ю.К. Гудковой, П.В. Штукатурова и М.А. Яшиной» // СПС «КонсультантПлюс».
17. Юдин А.В., Шейфер М.С. Проблемы юридической ответственности членов семьи лица, не способного в момент причинения вреда понимать значение своих действий и руководить ими. // Юрист, 2007, № 9. СПС КонсультантПлюс».

Legal interest as a criterion for determining appropriate applicants in cases of limitation of legal capacity (recognition of a citizen as incompetent): problems and prospects

Gritskikh E.A.

V.M. Lebedev Russian State University of Justice

The article analyzes the problems of determining the circle of proper applicants in cases of restriction of legal capacity and recognition of a citizen as incapacitated. Based on doctrinal approaches and judicial practice, it is substantiated that the formal list of relatives in Article 281 of the Civil Procedure Code of the Russian Federation replaces the criterion of legal interest with the criterion of kinship. This leads to unjustified refusals of judicial protection. The author suggests that courts should focus on assessing actual family relationships and household management, grant the prosecutor the right to appeal in exceptional cases (when other individuals are inactive), and allow the citizen to initiate their own recognition as incapacitated.

Keywords: legal interest, restriction of legal capacity, recognition of legal incapacity, proper applicant, family members, Article 281 of the Civil Procedure Code of the Russian Federation.

References

1. Vikut M.A. Parties – the main persons of the claim proceedings // Vikut – 60 years of scientific and pedagogical activity. Saratov: Publishing House of the State Academy of Law, 2007. – 156 p.
2. Gukasyan R.E. The problem of interest in the Soviet civil procedural law // Scientific heritage of the Department of civil and administrative proceedings (civil process): Collection of scientific papers. M., 2017. Pp. 437-589.
3. Sakhnova T.V. Interest and Involvement in the Civil Procedure Process // Development of Procedural Legislation: On the 5th Anniversary of the Application of the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation, the Civil Procedure Code of the Russian Federation, and the Federal Law of the Russian Federation «On Arbitration Courts in the Russian Federation»: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference (Voronezh, February 15-16, 2008) / Edited by E.I. Nosyreva. Voronezh: VSU Publishing House, 2008. Pp. 84-92.
4. Shakaryan M.S. Selected Works. The Doctrine of Parties in the Soviet Civil Procedure // M.S. Shakaryan. St. Petersburg: Legal Center Press, 2014. 880 p.
5. Shemeneva O.N. Legal interest in civil proceedings: the development of views and modern significance // Bulletin of Civil Procedure, 2016, No. 2. SPS «ConsultantPlus».
6. Civil Procedure Code of the Russian Federation dated 11/14/2002 No. 138-FZ (as amended on 12/15/2025, as amended. from 12/22/2025 with amendments and additions, intro. effective from 01.01.2026). // Rossiyskaya Gazeta. No. 220. 20.11.2002.
7. The Civil Code of the Russian Federation (Part one) dated 11/30/1994 No. 51-FZ (as amended on 07/31/2025, as amended. dated 03/25/2026) (with amendments and additions, intro. effective from 08/01/2025) // SPS «ConsultantPlus».
8. Family Code of the Russian Federation No. 223-FZ dated December 29, 1995 (as amended on 03/23/2026, as amended. dated 05/15/2026) // Rossiyskaya Gazeta, No. 17, 01/27/1996.
9. Housing Code of the Russian Federation, dated 12/29/2004, No. 188-FZ (as amended on 05/02/2026) // Rossiyskaya Gazeta, No. 1, 01/12/2005.
10. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation, dated 07/02/2009, No. 14 (as amended on 12/9/2025) «On certain Issues which arose in judicial practice when applying the Housing Code of the Russian Federation» // SPS «ConsultantPlus».
11. Federal Law No. 76-FZ dated 05/27/1998 (as amended on 12/15/2025) «On the Status of Military Personnel» (as amended and supplemented, intro. effective from 12/26/2025) // SPS «ConsultantPlus».

12. The Appeal Decision of the St. Petersburg City Court dated 07.08.2025 No. 33-15615/2025 (UID 78RS0005-01-2025-005673-21) // SPS ConsultantPlus.
13. Zakaryayeva M.M. Problematic Issues of the Prosecutor's Participation in the Consideration of Certain Categories of Special Proceedings // Laws of Russia: experience, analysis, practice, 2018, No. 6. SPS «ConsultantPlus».
14. Review of the judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation for the second quarter of 2004 (approved. By the Resolution of the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation dated October 6, 2004) // Reviews of the Supreme Court's Judicial Practice: http://xn--b1azaj.xn--p1ai/2004/obzor-sudebnoy-praktiki-vs-rf/2004.10.06.html (accessed on May 19, 2026).
15. Rybalova, O.A. Prosecutor's Participation in the Judicial Review of Applications for Restricting a Citizen's Legal Capacity and Declaring a Citizen Incapacitated // Legality. 2015. No. 6. SPS «ConsultantPlus».
16. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 4-P dated 02.27.2009 «On the case of checking the constitutionality of a number of provisions of Articles 37, 52, 135, 222, 284, 286 and 379.1 of the Civil Procedure Code of the Russian Federation and Part four of Article 28 of the Law of the Russian Federation «On Psychiatric Care and Guarantees of Citizens' Rights in its provision» in in connection with the complaints of citizens Y.K. Gudkova, P.V. Shtukaturov and M.A. Yashina» // SPS «ConsultantPlus».
17. Yudin A.V., Sheifer M.S. Problems of Legal Responsibility of Family Members of a Person Who Is Incapable of Understanding the Meaning of Their Actions and Controlling Them at the Time of Causing Harm. // Yurist, 2007, No. 9. SPS ConsultantPlus.

Трансграничная телемедицина: коллизионно-правовые вопросы оказания дистанционных медицинских услуг

Зумакулова Зарема Ахматовна
к.ю.н., доцент кафедры гражданского права и процесса, КБГУ им Бербекова Х.М., Zarema.zum@mail.ru,

Карамурзова Инна Барасбиевна
к.ю.н., доцент кафедры гражданского права и процесса КБГУ им Бербекова Х. М., 07innka@mail.ru,

Мусукова Саида Маратовна
ассистент кафедры общей врачебной подготовки и медицинской реабилитации КБГУ им Бербекова Х. М., musukovas@mail.ru

Сегодня отчетливо обозначается острый конфликт между экстерриториальностью интернет-технологий и сугубо территориальным характером национальных юрисдикций. По существу, классическое регулирование дает сбой. Актуальность исследования продиктована тем, что традиционные коллизионные привязки (в частности, место физического оказания услуги) теряют свою географическую однозначность в электронной среде. В науке и правоприменении накопился ряд противоречий. Пациент выступает в роли слабой стороны. Он обоснованно ожидает защиты со стороны привычного «домашнего» правопорядка. Между тем, иностранный клиницист просто не способен соблюдать императивные медицинские стандарты десятков чужих государств. Врач дезориентирован. Возникает правовой тупик, который вынуждает агрегаторы использовать механизмы искусственной геоблокировки. Цель заключается в поиске жизнеспособного уравновешивания интересов сторон при дистанционном клиническом взаимодействии. На основании сопоставления европейского, российского, американского опытов авторы резюмируют, что текущие модели определения применимого закона неэффективны. Приоритет потребительских норм «парализует» платформы. Полное подчинение правилам клиники лишает пациента базовых гарантий. Авторский вклад состоит в обосновании концепции «коллизионного депесажа» применительно к телемедицине. Сформулированные рекомендации предлагается использовать для модернизации раздела VI Гражданского кодекса РФ. Результаты исследования будут полезны судьям, корпоративным юристам IT-сектора, разработчикам сервисов цифровой терапии при выстраивании международных договорных стратегий.

Ключевые слова: депесаж, дистанционные медицинские услуги, защита прав потребителей, коллизионное право, международное частное право, трансграничная телемедицина, цифровое здравоохранение.

Введение

Цифровизация здравоохранения приобрела ярко выраженный трансграничный характер. По сути, это необратимый процесс эволюции медицинской практики. Технологии предоставляют возможность врачу и пациенту находиться на разных континентах, обмениваясь конфиденциальными данными о здоровье в режиме реального времени. Впрочем, рассматриваемая технологическая экстерриториальность неизбежно сопряжена с жесткой территориальной природой национального законодательства, на что указывают, в частности, Я.В. Акимцева [1], М.А. Коваленко [5, 6].

Коллизионно-правовое регулирование дистанционных клинических услуг остается одним из самых запутанных разделов международного частного права (МЧП). С одной стороны, имеет место интенсивный рост профильного рынка. По оценкам Всемирной организации здравоохранения, внедрение digital-разработок в клиническую практику способно существенно повысить доступность помощи [4]. В то же время, правовая реальность значительно отстает от технологического прогресса.

Пациент кликает на кнопку. Консультация начинается. В этот момент между ним и специалистом возникает сложнейшая «паутина» правоотношений, распутать которую не всегда под силу даже опытным правоприменителям. Традиционные коллизионные нормы создавались в эпоху физического пересечения государственных границ. Видимо, сегодня они оказываются не вполне адекватными цифровой среде. Если житель Москвы получает онлайн-рекомендацию от кардиолога, который находится в Тель-Авиве, возникает закономерный вопрос об определении применимого права. Какая юрисдикция должна оценивать качество оказанной услуги? Как представляется, текущий инструментарий МЧП дает на этот вопрос весьма противоречивые ответы.

Материалы и методы

Изученные при подготовке статьи источники концептуально объединяется в смысловые кластеры. Так, в первый блок входят работы, которые посвящены международному и сравнительно-правовому анализу регулирования телемедицины, в том числе, обзоры стандартов ВОЗ и европейского законодательства (Е.И. Аксенова, С.Ю. Горбатов [2], материалы ВОЗ [4], Б.Б. Марков [7], C. Dima [10], HI-Doctor [11]). Второй корпус трудов сфокусирован на национальных аспектах правового регулирования, применении экспериментальных режимов, конституционных гарантиях в сфере цифрового здравоохранения (Я.В. Акимцева [1], М.А. Коваленко [5, 6], Е.Х. Урчукова [9]). Третий вектор распространяется на социально-экономические предпосылки и тенденции развития индустрии дистанционных медицинских услуг через призму консьюмеризма и рыночных отношений (А.В. Будилина [3], О.В. Сертакова [8]). В процессе исследования авторы опираются на спектр комплементарных подходов. Компаративный и формально-юридический преобладают в статьях Е.И. Аксеновой, С.Ю. Горбатова [2], C. Dima [10], М.А. Коваленко [5], что позволяет сопоставить национальные юрисдикции и оценить эффективность экспериментальных режимов. Институциональный, нормативно-догматический подходы применяются Я.В. Акимцевой [1], Б.Б. Марковым [7] при анализе модельных законов СНГ и конституционных рамок. Социокультурный, экономико-управленческий ракурсы рассмотрения проблематики раскрываются в работах А.В. Будилиной [3], О.В. Сертаковой [8]; исследователи акцентируют внимание на трансформации потребительского поведения пациентов и рыночных трендах.

В статье был применен компаративный метод, обеспечивший сопоставление правоприменительной практики в сфере телемедицины. Контент-анализ, систематизация, обобщение помогли извлечь ключевые коллизионные нормы и тенденции из аналитических обзоров, модельных актов, научных публикаций.

Результаты и обсуждение

Исторически медицинская деятельность жестко привязывалась к месту нахождения клиники. Врач подчинялся стандартам и лицензионным требованиям своего государства. Между тем, интернет разрушил эту монолитную конструкцию. Дистанционный формат стирает географические рамки, превращая оказание помощи в трансграничный поток информации. Вследствие этого отметим, что классическая привязка к месту совершения действия теряет свою безусловную релевантность.

Одновременно с этим пациент, выступая в роли слабой стороны (потребителя), обоснованно рассчитывает на защиту от привычного ему правопорядка. Возникает острый конфликт интересов. Так, имеет место стремление медицинских платформ нивелировать юридические риски, подчинив контракты единому корпоративному стандарту. При этом важно принимать во внимание и публичный интерес государств в охране здоровья своих граждан. Примечательно, что единого международного договора, который унифицировал бы правила выбора применимого права для телемедицины, до сих пор не существует.

Первая сложность при анализе рассматриваемой области кроется в квалификации самой сделки. По своей правовой природе это договор возмездного оказания услуг, осложненный иностранным элементом. В сопоставлении с более ранними подходами, когда пациент физически выезжал за рубеж (медицинский туризм), цифровая модель меняет вектор движения. Теперь не реципиент отправляется к поставщику, а услуга «приходит» к нему.

Европейский подход, который закреплен в Регламенте «Рим I», содержит специальные нормы о потребительских контрактах. В статье 6 характеризуемого документа устанавливается, что подобные соглашения регулируются правом страны обычного места жительства потребителя, если коммерсант направляет свою деятельность в эту страну [8, 10]. По-видимому, телемедицинские агрегаторы, локализующие свои сайты на разные языки и принимающие оплату в различных валютах, подпадают под указанный критерий. Пациент защищен, и это логично. Однако применение закона его места жительства возлагает на иностранного специалиста чрезмерное бремя. Врач вынужден изучать императивные стандарты оказания помощи десятков чужих государств, что на практике нереализуемо.

Таблица 1

Коллизионное регулирование телемедицинских договоров: сравнительный срез (составлено на основе [2, 8-10])

Юрисдикция	Основная коллизионная привязка	Ограничения автономии воли (защита реципиента)	Подход к правовой квалификации сделки
Европейский Союз (Регламент «Рим I»)	Право страны обычного жительства пациента	Приоритет императивных норм страны проживания потребителя при таргетированной деятельности платформы	Информационная услуга, которая предоставляется на расстоянии. Она подпадает под нормы о защите прав потребителей
Российская Федерация	Право страны места жительства физического лица (ст. 1212 ГК РФ)	Выбор иностранного права не должен лишать гражданина РФ гарантий, предусмотренных отечественным законом	Договор возмездного оказания услуг с жестким публично-правовым контролем качества
США (доктрина Restatement Second)	Тест наиболее тесной связи	Высокая вариативность; суды отдают приоритет праву того штата, где находился человек в момент сеанса связи	Строгая привязка к локальным требованиям лицензирования медицинских работников штата

В российской доктрине и практике ситуация выглядит схожим образом. С помощью статьи 1212 Гражданского кодекса РФ обеспечивается защита права физического лица, которое заказывает услуги для личных нужд. Если платформа таргетирует свои рекламные кампании на территорию России, суд с высокой долей вероятности применит отечественное законодательство о защите прав потребителей. В отличие от общих правил о свободе договора, здесь автономия воли сторон существенно ограничена (таблица 1).

Если с контрактными аспектами ситуация отчасти стабилизирована благодаря консьюмеристским нормам (имеется в виду потребительство как тип социально-экономических отношений, при котором потребление товаров и услуг происходит свыше необходимых потребностей, необходимых для жизни или традиционных проявлений статуса [3]), то внедоговорная ответственность инициирует гораздо больше академических споров. Допустим, во время видеосвязи клиницистом был поставлен неточный диагноз, который повлек стремительное ухудшение состояния здоровья человека. Где именно был причинен юридически значимый ущерб? В стране нахождения доктора, анализировавшего анализы? Или там, где пациент физически находился и принял неправильно назначенное лекарство?

Традиционная римская формула «закон места причинения вреда» здесь дает серьезный сбой. Место совершения деяния и территория наступления результата «разорваны» в виртуальном пространстве. В европейском частном праве, регламентируемом документом «Рим II» (Регламент 864/2007), общее правило императивно отсылает к юрисдикции, где возник прямой ущерб [10]. Следовательно, последствия любой врачебной ошибки будут строго оцениваться по законам страны постоянного проживания потерпевшего.

На основании отмеченного подчеркнем, что применение потребительского закона в деликтных исках ставит глобальных провайдеров в достаточно уязвимое, невыгодное положение. Врач, действуя строго по локальным клиническим протоколам своего родного региона, рискует внезапно оказаться виновным по меркам абсолютно чужой юрисдикции. Разумно предположить, что подобный дисбаланс блокирует масштабирование бизнеса.

Как справедливо подчеркивает Б.Б. Марков, весьма значимым шагом в упорядочивании хаоса стал опыт межгосударственных интеграционных объединений. В частности, в специальном Модельном законе «О телемедицинских услугах», который разработан для стран СНГ, детально закрепляется понятийный аппарат и освещается порядок сложного взаимодействия всех вовлеченных сторон. В рассматриваемом документе устанавливаются легальные основания для обеспечения защищенности граждан при оказании подобных виртуальных консультаций [7]. Примечательно, что в нем целенаправленно затрагиваются базовые вопросы юрисдикции. В итоге образуется «фундамент» для плавной унификации подходов на всем постсоветском пространстве.

В целях понимания прикладной, «живой» стороны вопроса уместно рассмотреть корпоративные стратегии реальных субъектов цифрового сектора. Эмпирические данные доказывают, что агрегаторы выстраивают сложную систему пользовательских соглашений. Показательным примером успешной реализации наднационального подхода служит европейский сервис Hi-Doctor. Платформа предлагает онлайн-консультации с лицензированными специалистами ЕС, стоимость которых составляет всего 25 евро. При этом пациенту выдается легитимный электронный рецепт. В случае врачебного одобрения клиент получает документ в стандартизированном формате REMPE. По закону его обязаны принимать любые аптечные пункты Евросоюза, согласно требованиям Директивы 2011/24/EU [11]. Характеризуемый кейс иллюстрирует, как на уровне единого экономического пространства можно преодолеть коллизионные тупики. Однако этот опыт ограничен рамками одного региона.

Далее предлагается сформулировать конкретные рекомендации. Их первостепенное назначение состоит в устранении опасного юридического дисбаланса между участниками рынка,

снизив риски несправедливой ответственности для специалистов.

Так, предлагается внедрить в национальное законодательство концепцию «коллизионного депесажа» (под этим подразумевается расщепление привязки). Разумно предположить, что разделение единого контракта на функциональные элементы поможет идеально сбалансировать интересы. Финансовые и маркетинговые условия должны, как и прежде, подчиняться праву страны пациента. При этом оценка клинического качества, допустимости применения конкретных медикаментов, протоколов лечения обязана опираться исключительно на право государства лицензирования доктора. В результате решается острая проблема необоснованной криминализации врачей, которые действуют по законам своей родины.

В связи с этим отметим также необходимость внедрения обязательного коллизионного страхования. Платформы должны приобретать специализированные полисы, покрывающие издержки на ведение споров в иностранных юрисдикциях. И это станет гарантом выплаты компенсаций.

Заключение

В настоящее время имеет место глубокая трансформация классических постулатов международного частного права. Трансграничная телемедицина буквально разрушает устоявшиеся территориальные парадигмы, которые формировались на протяжении веков. Из-за технологического скачка создалась абсолютно новая архитектура социального взаимодействия. Физическое присутствие субъектов утратило свое определяющее значение, уступив безоговорочное лидерство цифровому контакту. По-видимому, мировое академическое сообщество стоит на пороге формирования специализированной, новаторской подотрасли коллизионного регулирования, которая будет ориентирована, главным образом, на виртуальные электронные сервисы. Традиционные коллизионные привязки, применявшиеся столетиями, в реалиях высокоскоростных интернет-коммуникаций превращаются в фикции. Они больше не отражают действительной экономической и правовой сути возникающих правоотношений.

Продемонстрированный в настоящей работе фундаментальный конфликт между императивной защитой потребителя (пациента) и строгими публичными требованиями к лицензированию медицинских работников доказывает абсолютную нежизнеспособность текущих регуляторных моделей.

Предложенная в статье концепция дифференцированного подхода («коллизионного депесажа») обладает значительным потенциалом для практического применения. Тонкое расщепление контракта на экономическую (маркетинговую) и сугубо врачебную (клиническую) составляющие поможет национальным судам максимально справедливо и обоснованно разрешать споры.

В долгосрочной перспективе полученные результаты способны послужить базисом для модернизации раздела VI Гражданского кодекса Российской Федерации, а также профильных модельных законов СНГ.

Литература

1. Акимцева Я.В. Конституционные основы трансграничного цифрового здравоохранения // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. – 2023. – Т. 27. – №. 1. – С. 76-96.
2. Аксенова Е.И., Горбатов С.Ю. Регулирование услуг телемедицины в различных странах мира: экспертный обзор. – М.: ГБУ «НИИОЗММ ДЗМ», 2023. – 35 с.
3. Будилина А.В. Дискурс консьюмеризма: от потребительских установок прошлого-к рациональным практикам настоящего // Челябинский гуманитарий. – 2023. – №. 1 (62). – С. 14-19.
4. ВОЗ – Европа. Цифровое здравоохранение: преобразование системы медицинского обслуживания и расширение его доступности // URL: https://www.who.int/europe/ru/news/item/09-09-2020-digital-health-transforming-and-extending-the-delivery-of-health-services (дата обращения: 06.05.2026).
5. Коваленко М.А. К вопросу о применении экспериментального правового режима в области телемедицины в России // Пролог: журнал о праве. – 2024. – №. 1 (41). – С. 43-53.
6. Коваленко М.А. Правовое регулирование дистанционной консультации в сфере телемедицины // Digital Diagnostics. – 2024. – Т. 5. – №. 1S. – С. 34-36.
7. Марков Б.Б. Модельный закон СНГ «О телемедицинских услугах» как образец для регулирования телемедицины в России // Гуманитарный научный вестник. – 2021. – №. 6. – С. 207-211.
8. Сертакова О.В. Развитие телемедицины: новые возможности и тенденции в медицинской индустрии // Экономика и социум: современные модели развития. – 2024. – Т. 14. – №. 2. – С. 113-128.
9. Урчукова Е.Х. Оказание медицинских услуг с использованием телемедицинских технологий // Legal Bulletin. – 2025. – Т. 10. – №. 4. – С. 61-70.
10. Dima C. Setting the legal context for telemedicine in the EU // URL: https://www.eis.mdx.ac.uk/research/groups/Alert/ehealthwks2011/catalina_dima2011.pdf (дата обращения: 07.05.2026).
11. HI-Doctor. Cross-Border Telemedicine in the EU. What Are Your Rights? // URL: https://hi-doctor.ai/blog/cross-border-telemedicine-eu-patient-rights (дата обращения: 07.05.2026).

Cross-border telemedicine: conflict of laws issues in the provision of remote medical services

Zumakulova Z.A., Karamurzova I.B., Musukova S.M.

KBSU named after Berbekov H. M.

Today, there is a clear conflict between the extraterritoriality of Internet technologies and the purely territorial nature of national jurisdictions. In fact, classical regulation fails. The relevance of the study is dictated by the fact that traditional conflict-of-laws links (in particular, the location of the physical provision of services) are losing their geographical uniqueness in the electronic environment. A number of contradictions have accumulated in science and law enforcement. The patient acts as the weak side. He reasonably expects protection from the usual "domestic" law and order. Meanwhile, a foreign clinician is simply unable to comply with the mandatory medical standards of dozens of foreign countries. The doctor is disoriented. There is a legal impasse that forces aggregators to use artificial geo-blocking mechanisms. The goal is to find a viable balancing of the interests of the parties in remote clinical interaction. Based on a comparison of European, Russian, and American experiences, the authors summarize that current models for determining the applicable law are ineffective. The priority of consumer standards "paralyzes" platforms. Full compliance with the rules of the clinic deprives the patient of basic guarantees. The author's contribution is to substantiate the concept of "collision dispatch" in relation to telemedicine. The formulated recommendations are proposed to be used to modernize Section VI of the Civil Code of the Russian Federation. The research results will be useful to judges, corporate lawyers in the IT sector, and developers of digital therapy services when building international contractual strategies.

Keywords: dispatch, remote medical services, consumer protection, conflict of laws, private international law, cross-border telemedicine, digital healthcare.

References

1. Akimtseva Ya.V. Constitutional foundations of cross-border digital healthcare // RUDN Journal of Law. – 2023. – Vol. 27. – No. 1. – Pp. 76-96.
2. Aksenova E.I., Gorbatov S.Yu. Regulation of telemedicine services in various countries of the world: an expert review. – Moscow: GBU "NIIOZMM DZM", 2023. – 35 p.
3. Budilina A.V. Discourse of consumerism: from consumer attitudes of the past to rational practices of the present // Chelyabinsk Humanitarian. – 2023. – No. 1 (62). – Pp. 14-19.
4. WHO – Europe. Digital health: transforming and extending the delivery of health services // URL: https://www.who.int/europe/ru/news/item/09-09-2020-digital-health-transforming-and-extending-the-delivery-of-health-services (date of access: 06.05.2026).
5. Kovalenko M.A. On the issue of applying an experimental legal regime in the field of telemedicine in Russia // Prologue: Law Journal. – 2024. – No. 1 (41). – Pp. 43-53.
6. Kovalenko M.A. Legal regulation of remote consultation in the field of telemedicine // Digital Diagnostics. – 2024. – Vol. 5. – No. 1S. – Pp. 34-36.
7. Markov B.B. CIS Model Law "On Telemedicine Services" as a sample for regulating telemedicine in Russia // Humanitarian Scientific Bulletin. – 2021. – No. 6. – Pp. 207-211.
8. Sertakova O.V. Development of telemedicine: new opportunities and trends in the medical industry // Economy and Society: Modern Development Models. – 2024. – Vol. 14. – No. 2. – Pp. 113-128.
9. Urchukova E.Kh. Provision of medical services using telemedicine technologies // Legal Bulletin. – 2025. – Vol. 10. – No. 4. – Pp. 61-70.
10. Dima C. Setting the legal context for telemedicine in the EU // URL: https://www.eis.mdx.ac.uk/research/groups/Alert/ehealthwks2011/catalina_dima2011.pdf (date of access: 07.05.2026).
11. HI-Doctor. Cross-Border Telemedicine in the EU. What Are Your Rights? // URL: https://hi-doctor.ai/blog/cross-border-telemedicine-eu-patient-rights (date of access: 07.05.2026).

О внесении изменений в ст. 1256 Гражданского кодекса Российской Федерации

Карандашева Светлана Петровна
кафедра гражданского и предпринимательского права, юридический факультет, Российская государственная академия интеллектуальной собственности, sk_author@mail.ru

В статье рассматриваются теоретико-правовые и прикладные предпосылки внесения изменений в ст. 1256 Гражданского кодекса Российской Федерации, регулирующую действие исключительного права на произведения науки, литературы и искусства на территории Российской Федерации. Актуальность исследования обусловлена тем, что действующая редакция указанной нормы, будучи сформированной с учетом классической территориальной модели охраны авторских прав, сталкивается с новыми вызовами цифровой среды, трансграничного использования произведений, распространения контента через информационно-телекоммуникационные сети, а также необходимостью более точного согласования национального регулирования с международными обязательствами Российской Федерации.

Научная проблема заключается в выявлении баланса между принципом территориальности исключительного права, личным законом автора, международно-правовыми основаниями охраны произведений и задачами обеспечения правовой определенности для правообладателей, пользователей и судов.

Цель статьи состоит в разработке научно обоснованных предложений по корректировке ст. 1256 ГК РФ с учетом доктринальных подходов российского гражданского права, судебной практики и современных тенденций цифрового оборота результатов интеллектуальной деятельности.

В исследовании использованы формально-юридический, сравнительно-правовой, системный, догматический и технико-юридический методы. Обосновывается необходимость уточнения критериев предоставления охраны произведениям иностранных авторов, разграничения факта первоначального опубликования и факта доведения произведения до всеобщего сведения в сети Интернет, а также закрепления специальных положений о трансграничном цифровом использовании произведений.

Делается вывод, что изменение ст. 1256 ГК РФ должно быть направлено не на отказ от территориального принципа, а на его адаптацию к цифровой реальности, повышение предсказуемости правоприменения и усиление гарантий охраны авторских прав.

Ключевые слова: гражданское право, авторское право, исключительное право, статья 1256 ГК РФ, интеллектуальная собственность, произведение, территориальный принцип, цифровая среда, трансграничное использование, международная охрана, правообладатель, опубликование, доведение до всеобщего сведения, Бернская конвенция, судебная практика.

Введение

Институт авторского права традиционно занимает особое место в системе российского гражданского права, поскольку соединяет в себе частноправовые механизмы имущественной охраны, личные неимущественные гарантии автора, публично значимые интересы развития науки, культуры и образования, а также международно-правовые обязательства государства. В современных условиях особое значение приобретает вопрос о пространственных пределах действия исключительного права на произведение, поскольку цифровые технологии фактически размывают прежние границы национального правопорядка. Статья 1256 Гражданского кодекса Российской Федерации устанавливает правила действия исключительного права на произведения науки, литературы и искусства на территории Российской Федерации.

В частности, она связывает возникновение охраны с фактом обнародования произведения на территории Российской Федерации либо нахождением произведения в какой-либо объективной форме на территории Российской Федерации, а также с гражданством автора или международными договорами Российской Федерации.

Вместе с тем, как справедливо отмечается в цивилистической литературе, современное авторское право не может рассматриваться исключительно в рамках классической модели «автор - произведение - экземпляр произведения», поскольку значительная часть объектов авторского права создается, распространяется и используется в цифровой форме [5; 7; 10].

Следовательно, возникает вопрос: достаточно ли действующая редакция ст. 1256 ГК РФ отвечает задачам правового регулирования трансграничного цифрового оборота произведений?

Актуальность исследования усиливается тем, что в правоприменительной практике все чаще возникают ситуации, когда произведение создано автором - гражданином одного государства, впервые размещено на сервере, находящемся в другом государстве, доступно пользователям на территории Российской Федерации и используется российскими хозяйствующими субъектами.

В подобных случаях суду необходимо определить, распространяется ли на такое произведение охрана по российскому праву и какие критерии являются юридически значимыми.

Существенный вклад в разработку проблем авторского права и интеллектуальной собственности внесли Э.П. Гаврилов, В.И. Еременко, А.П. Сергеев, В.А. Дозорцев, О.А. Рузакова, И.А. Близнец, Л.А. Новоселова, Е.А. Павлова, В.О. Калятин, А.И. Савельев, М.А. Рожкова, С.А. Судариков и другие российские исследователи [3–20].

При этом вопрос о точечной модернизации ст. 1256 ГК РФ в аспекте цифрового трансграничного использования произведений сохраняет самостоятельную научную и практическую значимость.

Цель настоящей статьи - сформулировать научно обоснованные предложения по внесению изменений в ст. 1256 ГК РФ.

Для достижения указанной цели поставлены следующие задачи:

1. определить правовую природу ст. 1256 ГК РФ в системе норм части четвертой ГК РФ;
2. выявить основные проблемы ее применения в цифровой среде;
3. проанализировать доктринальные подходы к территориальному принципу авторско-правовой охраны;
4. предложить возможную редакцию изменений;
5. оценить ожидаемые правовые последствия предлагаемых изменений.

Материалы и методы

Методологическую основу исследования составили общенаучные и специальные юридические методы познания.

Во-первых, применен формально-юридический метод, позволивший проанализировать содержание ст. 1256 ГК РФ, выявить ее структурные элементы и оценить юридико-техническое качество действующей редакции нормы.

Во-вторых, использован системный метод, поскольку ст. 1256 ГК РФ не может рассматриваться изолированно от иных положений части четвертой ГК РФ, включая нормы о произведениях как объектах авторских прав, исключительном праве, способах использования произведений, сроках охраны и защите интеллектуальных прав [1; 2].

В-третьих, применен сравнительно-правовой метод, необходимый для сопоставления национального регулирования с международно-правовыми подходами, закрепленными в Бернской конвенции об охране литературных и художественных произведений и иных актах международного характера.

В-четвертых, использован догматический метод, ориентированный на анализ правовых категорий «исключительное право», «обнародование», «опубликование», «доведение до всеобщего сведения», «территория действия права», «национальный режим» и «страна происхождения произведения».

В-пятых, применен метод правового моделирования, позволивший сформулировать возможную редакцию изменений в ст. 1256 ГК РФ и оценить ее потенциальное воздействие на правоприменительную практику.

Нормативную базу исследования составили Конституция Российской Федерации, Гражданский кодекс Российской Федерации, международные договоры Российской Федерации в сфере авторского права, а также разъяснения высших судебных инстанций [1; 2; 21; 22].

Теоретическую основу исследования составили труды российских авторов в области гражданского права, интеллектуальной собственности, международного частного права и цифрового права [3–20].

Результаты

1. Правовая природа ст. 1256 ГК РФ. Статья 1256 ГК РФ выполняет функцию коллизионно-материального ориентира в системе авторского права. Она не определяет содержание исключительного права как такового, но устанавливает основания признания такого права действующим на территории Российской Федерации.

Согласно действующей логике нормы, охрана предоставляется:

1. произведениям, обнародованным на территории Российской Федерации или находящимся в какой-либо объективной форме на территории Российской Федерации;

2. произведениям, обнародованным за пределами Российской Федерации или находящимся в объективной форме за пределами Российской Федерации, если авторы являются гражданами Российской Федерации;

3. произведениям иностранных авторов - в соответствии с международными договорами Российской Федерации.

Таким образом, законодатель сочетает несколько критериев: территориальный, гражданско-правовой и международно-договорный. Данный подход в целом соответствует традиционной конструкции авторско-правовой охраны, основанной на принципе территориальности и национального режима [4; 6; 8]. Вместе с тем, как указывает Э.П. Гаврилов, авторское право исторически развивалось как территориальное право, однако международная охрана произведений постепенно ослабила жесткость территориального критерия. Аналогичный вывод прослеживается в работах В.И. Еременко, подчеркивающего, что современная охрана интеллектуальной собственности невозможна без учета международных обязательств государства.

2. Основная проблема действующей редакции: цифровая трансграничность. Ключевая проблема ст. 1256 ГК РФ заключается в том, что она была сформулирована с учетом традиционного представления о произведении как об объекте, который может быть локализован в определенном пространстве. Однако цифровое произведение часто не имеет очевидной территориальной привязки. Например, литературное произведение может быть создано российским автором в России, загружено на иностранную платформу, сохранено на сервере за пределами Российской Федерации и одновременно доступно пользователям в России.

Возникает вопрос: следует ли считать такое произведение обнародованным на территории Российской Федерации?

Или решающее значение имеет местонахождение сервера?

Или место нахождения пользователя, которому произведение стало доступно?

В доктрине справедливо отмечается, что цифровизация требует пересмотра отдельных классических категорий гражданского права, но не должна разрушать базовые принципы правовой определенности и стабильности оборота [10; 11; 13].

В частности, А.И. Савельев указывает, что право в цифровой среде должно учитывать особенности сетевой архитектуры, при которой юридически значимое действие может одновременно затрагивать несколько юрисдикций. В.О. Калятин также обращает внимание на то, что электронная форма использования произведения не отменяет необходимости определения применимого права и территории нарушения.

3. Недостаточная определенность понятий «обнародование» и «доведение до всеобщего сведения». Действующее гражданское законодательство различает обнародование произведения и его использование путем доведения до всеобщего сведения. Обнародование означает действие, которое впервые делает произведение доступным для всеобщего сведения с согласия автора. Доведение до всеобщего сведения является одним из способов использования произведения, при котором любое лицо может получить доступ к произведению из любого места и в любое время по собственному выбору. Однако в контексте ст. 1256 ГК РФ остается недостаточно ясным, каким образом оценивать первоначальное размещение произведения в сети Интернет.

Если произведение впервые размещено на сайте, доступном в России, но администрируемом иностранной организацией, можно ли считать его обнародованным на территории Российской Федерации?

Действующая редакция статьи прямого ответа не содержит. Как отмечает Л.А. Новоселова, правовая охрана интеллектуальных прав требует не только формального закрепления правомочий, но и ясных критериев их реализации и защиты. Отсутствие таких критериев может приводить к неоднородной судебной практике и повышению транзакционных издержек участников оборота.

4. Международно-правовой аспект изменения ст. 1256 ГК РФ Российская Федерация является участницей Бернской конвенции об охране литературных и художественных произведений. Данная Конвенция закрепляет принцип национального режима, согласно которому произведения авторов из стран - участниц Конвенции подлежат охране в других странах Союза на тех же условиях, что и произведения национальных авторов.

Следовательно, любые изменения ст. 1256 ГК РФ должны соответствовать международным обязательствам Российской Федерации и не могут ограничивать охрану произведений иностранных авторов вопреки международным договорам. В то же время международные договоры не препятствуют национальному законодателю уточнять внутренние критерии применения охраны, если такие уточнения не ухудшают положение правообладателей и не нарушают принцип национального режима. Как справедливо указывает И.А. Близнец, международная система авторского права задает минимальные стандарты охраны, тогда как конкретные механизмы реализации прав определяются национальным законодательством.

На основании проведенного анализа представляется целесообразным внести в ст. 1256 ГК РФ следующие изменения.

1. Уточнение цифрового критерия обнародования. Следует закрепить, что произведение считается обнародованным на территории Российской Федерации также в случаях, когда оно впервые доведено до всеобщего сведения в информационно-телекоммуникационной сети, включая сеть Интернет, при условии, что доступ к нему был объективно возможен для пользователей, находящихся на территории Российской Федерации, и такое доведение было осуществлено с согласия автора или иного правообладателя. Данное предложение позволит преодолеть неопределенность, связанную с местонахождением сервера, доменного имени или администратора сайта. Юридически значимым должен быть не только технический параметр размещения, но и факт доступности произведения российской аудитории.

2. Разграничение доступности и направленности использования. Вместе с тем простая техническая доступность сайта на территории Российской Федерации не всегда должна автоматически означать наличие юридической связи с российским правопорядком. Поэтому целесообразно дополнительно учитывать направленность использования произведения на российскую аудиторию.

К таким признакам могут относиться:

- использование русского языка;
- указание цен в рублях;
- возможность заключения договора с пользователями из Российской Федерации;
- реклама, ориентированная на российскую аудиторию;
- наличие доменного имени в российской национальной доменной зоне; - фактическое продвижение произведения среди российских пользователей.

Данный подход позволит избежать чрезмерного расширения действия российского права на любые интернет-ресурсы, формально доступные из России.

3. Уточнение охраны произведений иностранных авторов. Представляется необходимым прямо указать, что произведения иностранных граждан и лиц без гражданства охраняются в Российской Федерации в случаях, предусмотренных международными договорами Российской Федерации, а также в иных случаях, прямо установленных ГК РФ.

Такое уточнение повысит системность нормы и устранит возможное заблуждение о том, что международный договор является единственным источником охраны произведений иностранных лиц.

4. Закрепление презумпции охраны. В целях защиты добросовестных правообладателей возможно закрепить презумпцию охраняемости произведения на территории Российской Федерации, если иное не доказано лицом, оспаривающим наличие охраны. Подобная презумпция соответствует общему направлению развития гражданского законодательства, ориентированному на стабильность оборота и эффективную защиту интеллектуальных прав [8; 12; 15].

Обсуждение

1.Соотношение территориального принципа и цифровой универсальности. В научной литературе территориальный принцип рассматривается как один из фундаментальных принципов охраны интеллектуальных прав [3; 4; 7]. Его сущность заключается в том, что исключительное право действует в пределах того государства, законодательство которого его признает и защищает.

Однако цифровая среда объективно ставит под сомнение абсолютность территориального подхода. Интернет-коммуникация не совпадает с государственными границами, а произведение, размещенное в сети, потенциально доступно в разных юрисдикциях одновременно. При этом отказ от территориального принципа невозможен, поскольку именно государство обеспечивает судебную защиту, принудительное исполнение решений и применение мер ответственности. Следовательно, речь должна идти не об отказе от территориальности, а о ее функциональной модернизации. Территориальный принцип должен применяться с учетом цифровых критериев связи правоотношения с российским правопорядком.

2. Риски чрезмерного расширения российской юрисдикции Предложение считать произведение обнародованным в России при его доступности через Интернет может вызвать возражение: практически любой сайт может быть открыт из России, а значит, любое произведение потенциально будет считаться обнародованным в России.

Такой подход действительно был бы чрезмерным. Поэтому необходимо различать:

1. техническую доступность произведения;

2. юридически значимую направленность использования произведения на территорию Российской Федерации. Например, если иностранный автор разместил произведение на личном сайте на испанском языке, не ориентировал его на российских пользователей и не осуществлял продвижение в России, одного факта доступности сайта из России недостаточно для признания произведения впервые обнародованным в России. Иная ситуация возникает, если произведение размещено на русскоязычной платформе, предлагается российским пользователям, сопровождается рекламой в России и предполагает коммерческое использование на российском рынке. В таком случае связь с российским правопорядком является очевидной.

3. Судебная практика и потребность в законодательной конкретизации Пленум Верховного Суда Российской Федерации указывает, что при рассмотрении дел о защите интеллектуальных прав судам необходимо учитывать как положения части четвертой ГК РФ, так и международные договоры Российской Федерации. Вместе с тем судебные разъяснения не могут заменить законодательное регулирование, особенно когда речь идет о критериях действия исключительного права на территории Российской Федерации.

В условиях цифрового оборота отсутствие точных норм может приводить к следующим негативным последствиям:

- непредсказуемости судебных решений;
- увеличению числа споров о применимом праве;
- затруднению доказывания факта охраны произведения;
- снижению инвестиционной привлекательности цифрового контента;
- нарушению баланса интересов авторов, пользователей и информационных посредников. В связи с этим внесение изменений в ст. 1256 ГК РФ представляется не только теоретически оправданным, но и практически необходимым.

4. Возможная редакция изменений. С учетом изложенного можно предложить следующую модельную редакцию отдельных положений ст. 1256 ГК РФ.

Проектируемое дополнение к ст. 1256 ГК РФ:

«Произведение считается обнародованным на территории Российской Федерации также в случае его первого доведения до всеобщего сведения в информационно-телекоммуникационной сети, включая сеть Интернет, если такое доведение осуществлено с согласия автора или иного правообладателя и произведение было объективно доступно пользователям, находящимся на территории Российской Федерации, при наличии признаков направленности соответствующего использования на территорию Российской Федерации».

Также возможно дополнить статью положением следующего содержания:

«При определении направленности использования произведения на территорию Российской Федерации могут учитываться язык размещения произведения, доменное имя, условия доступа, способы оплаты, содержание рекламы, круг пользователей, на которых ориентировано произведение, и иные обстоятельства».

Кроме того, целесообразно закрепить:

«Произведение предполагается охраняемым на территории Российской Федерации, если иное не доказано лицом, оспаривающим наличие такой охраны».

5. Оценка предлагаемых изменений Предлагаемые изменения обладают рядом преимуществ.

Во-первых, они сохраняют общий принцип территориальности, поскольку речь идет именно о действии исключительного права на территории Российской Федерации.

Во-вторых, они учитывают специфику цифровой среды и не сводят правовую оценку к формальному местонахождению сервера.

В-третьих, они обеспечивают большую определенность для судов, правообладателей, пользователей и цифровых платформ.

В-четвертых, они соответствуют международно-правовым обязательствам Российской Федерации, поскольку не ограничивают охрану произведений иностранных авторов, а лишь уточняют критерии применения национального регулирования.

В-пятых, закрепление презумпции охраны произведения будет способствовать более эффективной защите авторских прав.

Вместе с тем возможны и определенные риски. В частности, слишком широкое толкование признаков направленности может привести к необоснованному расширению юрисдикции российских судов. Поэтому законодательная формулировка должна быть достаточно гибкой, но не неопределенной.

Представляется, что оптимальным решением является использование открытого перечня критериев направленности с обязательной оценкой совокупности обстоятельств дела.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы.

Во-первых, ст. 1256 ГК РФ является ключевой нормой, определяющей пространственные пределы действия исключительного права на произведения науки, литературы и искусства в российском правопорядке. Ее значение возрастает в условиях цифровизации и трансграничного распространения произведений.

Во-вторых, действующая редакция статьи в целом соответствует традиционным принципам авторского права, однако не в полной мере учитывает особенности использования произведений в сети Интернет. Наиболее существенная проблема связана с неопределенностью критериев обнародования и доведения произведения до всеобщего сведения в цифровой среде.

В-третьих, внесение изменений в ст. 1256 ГК РФ должно быть направлено не на отказ от территориального принципа, а на его адаптацию к современным условиям.

Для этого необходимо закрепить специальные положения о произведениях, впервые доведенных до всеобщего сведения в информационно-телекоммуникационных сетях.

В-четвертых, юридически значимым критерием должна выступать не только техническая доступность произведения на территории Российской Федерации, но и направленность соответствующего использования на российскую аудиторию.

Такой подход позволит обеспечить баланс между эффективной охраной авторских прав и недопущением чрезмерного расширения действия российского права. В-пятых, целесообразно дополнить ст. 1256 ГК РФ положением о презумпции охраняемости произведения на территории Российской Федерации, если иное не доказано заинтересованным лицом.

Таким образом, предлагаемое изменение ст. 1256 ГК РФ способно повысить качество правового регулирования авторских отношений, укрепить правовую определенность, обеспечить единообразие судебной практики и создать более эффективные гарантии защиты интеллектуальных прав в цифровой среде.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть четвертая от 18.12.2006 № 230-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2006. № 52. Ст. 5496.

2. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 с последующими изменениями.

3. Гаврилов Э.П. Авторское право и смежные права в Российской Федерации. М.: Проспект, 2019.

4. Еременко В.И. Правовая охрана интеллектуальной собственности в Российской Федерации. М.: Норма, 2020.

5. Сергеев А.П. Право интеллектуальной собственности в Российской Федерации. М.: Проспект, 2021.

6. Близнец И.А. Авторское право и смежные права. М.: Проспект, 2018.

7. Дозорцев В.А. Интеллектуальные права: понятие, система, задачи кодификации. М.: Статут, 2005.

8. Новоселова Л.А. Интеллектуальная собственность: проблемы судебной защиты. М.: Норма, 2019.

9. Рузакова О.А. Право интеллектуальной собственности. М.: Проспект, 2022.

10. Калятин В.О. Интеллектуальная собственность в цифровой среде. М.: Статут, 2020.

11. Савельев А.И. Электронная коммерция в России и за рубежом: правовое регулирование. М.: Статут, 2016.

12. Рожкова М.А. Интеллектуальная собственность: основные аспекты охраны и защиты. М.: Статут, 2018.

13. Судариков С.А. Право интеллектуальной собственности. М.: Проспект, 2021.

14. Павлова Е.А. Правовое регулирование интеллектуальной собственности в России. М.: ИЗиСП, 2017.

15. Богданова О.В. Защита авторских прав: гражданско-правовые способы. М.: Юстицинформ, 2019.

16. Гришаев С.П. Интеллектуальная собственность: правовой режим и защита. М.: Юрайт, 2020.

17. Михайлов С.В. Исключительные права в гражданском праве России. М.: Статут, 2017.

18. Маковский А.Л. О кодификации гражданского права. М.: Статут, 2010.

19. Толстой Ю.К. Гражданское право: избранные труды. СПб.: Юридический центр Пресс, 2015.

20. Суханов Е.А. Российское гражданское право: учебник. М.: Статут, 2022.

21. Бернская конвенция об охране литературных и художественных произведений от 09.09.1886.

22. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации».

23. Яковлев В.Ф. Гражданско-правовой метод регулирования общественных отношений. М.: Статут, 2012.

24. Скловский К.И. Собственность в гражданском праве. М.: Статут, 2019. 25. Белов В.А. Гражданское право. Общая часть. М.: Юрайт, 2021.

On amendments to Article 1256 of the Civil Code of the Russian Federation

Karandasheva S.P.
Russian State Academy of Intellectual Property,

The article examines the theoretical, legal and applied prerequisites for making amendments to Article 1256 of the Civil Code of the Russian Federation, which regulates the exclusive right to works of science, literature and art on the territory of the Russian Federation. The relevance of the study is due to the fact that the current version of this norm, being formed taking into account the classical territorial model of copyright protection, is facing new challenges in the digital environment, cross-border use of works, distribution of content through information and telecommunication networks, as well as the need for more precise alignment of national regulation with the international obligations of the Russian Federation.

The scientific problem is to identify a balance between the principle of territoriality of exclusive right, the personal law of the author, the international legal foundations for the protection of works and the tasks of ensuring legal certainty for copyright holders, users and courts.

The purpose of the article is to develop scientifically sound proposals for the adjustment of Article 1256 of the Civil Code of the Russian Federation, taking into account the doctrinal approaches of Russian civil law, judicial practice and current trends in the digital turnover of intellectual property results.

The study uses formal-legal, comparative-legal, systematic, dogmatic and technical-legal methods. The article substantiates the need to clarify the criteria for granting protection to works by foreign authors, to distinguish between the fact of initial publication and the fact of making the work publicly available on the Internet, as well as to establish special provisions on the cross-border digital use of works.

It is concluded that the amendment of Article 1256 of the Civil Code of the Russian Federation should be aimed not at abandoning the territorial principle, but at adapting it to digital reality, increasing the predictability of law enforcement and strengthening guarantees of copyright protection.

Keywords: civil law, copyright, exclusive right, Article 1256 of the Civil Code of the Russian Federation, intellectual property, work, territorial principle, digital environment, cross-border use, international protection, copyright holder, publication, communication to the public, Berne Convention, judicial practice.

References

1. The Civil Code of the Russian Federation. Part four of 12/18/2006 No. 230-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2006. No. 52. Art. 5496.
2. Constitution of the Russian Federation: adopted by popular vote on 12/12/1993 with subsequent amendments.
3. Gavrilov E.P. Copyright and related rights in the Russian Federation. Moscow: Prospekt, 2019.
4. Eremenko V.I. Legal protection of intellectual property in the Russian Federation. Moscow: Norm, 2020.
5. Sergeev A.P. Intellectual property law in the Russian Federation. Moscow: Prospekt, 2021.
6. Bliznets I.A. Copyright and related rights. Moscow: Prospekt, 2018.
7. Dozortsev V.A. Intellectual property rights: concept, system, tasks of codification. Moscow: Statute, 2005.
8. Novoselova L.A. Intellectual property: problems of judicial protection. Moscow: Norm, 2019.
9. Ruzakova O.A. Intellectual property law. Moscow: Prospect
, 2022.10. Kalyatin V.O. Intellectual property in the digital environment. Moscow: Statute, 2020.
11. Savelyev A.I. Electronic commerce in Russia and abroad: legal regulation. Moscow: Statute, 2016.
12. Rozhkova M.A. Intellectual property: the main aspects of protection and protection. Moscow: Statute, 2018.
13. Sudarikov S.A. Intellectual property law. Moscow: Prospect, 2021.
14. Pavlova E.A. Legal regulation of intellectual property in Russia. Moscow: IZiSP, 2017.
15. Bogdanova O.V. Copyright protection rights: civil law methods. Moscow: Justicinform, 2019.
16. Grishaev S.P. Intellectual property: legal regime and protection. Moscow: Yurait, 2020.
17. Mikhailov S.V. Exclusive rights in the civil law of Russia. Moscow: Statute, 2017.
18. Makovsky A.L. On the codification of civil law. Moscow: Statute, 2010.
19. Tolstoy Yu.K. Civil law: selected works. Saint Petersburg: Law Center Press, 2015.
20. Sukhanov E.A. Russian Civil Law: textbook. Moscow: Statute, 2022.
21. Berne Convention for the Protection of Literary and Artistic Works of 09.09.1886.
22. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 23.04.2019 No. 10 "On the application of Part four of the Civil Code of the Russian Federation"
23. Yakovlev V.F. The civil law method of regulating public relations. Moscow: Statute, 2012.
24. Sklovskiy K.I. Property in civil law. Moscow: Statute, 2019. 25. Belov V.A. Civil law. The general part. Moscow: Yurait, 2021.

Сравнительно-правовой анализ специальных правовых режимов налогообложения доходов коммерческих организаций

Карпачев Дмитрий Владимирович
кандидат экономических наук, юрист, судебный эксперт, доцент кафедры «Таможенное дело», Российский новый университет, fintk@inbox.ru

Специальные правовые режимы налогообложения доходов коммерческих организаций выступают эффективным инструментом налоговой системы Российской Федерации, которые могут быть установлены, как кодифицированным законодательным актом по налогам и сборам, так и федеральными законами принятые в соответствии с данным законодательным актом, предусматривающие проведение экспериментов по установлению специальных налоговых режимов.
Ключевые слова: налогообложение, доходы, специальные правовые режимы, коммерческие и некоммерческие организации.

Основными направлениями бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики на 2026 и на плановый период 2027 и 2028 годов разработанных в соответствии со статьей 165 Бюджетного кодекса РФ и с учетом положений Указов Президента РФ, в том числе от 07 мая 2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» определены национальные цели развития Российской Федерации на период до 2036 года, которые расширяют горизонт стратегического планирования, сохраняя долгосрочные ориентиры государственной политики. На решение поставленных ориентирами государственной политики задач, направлены структурные изменения бюджетной политики, как в части изменения налоговой системы, так и в части изменения структуры и повышения результативности расходов, в том числе налоговых [9].

Например, с 01 января 2026 года вступил в силу тариф в размере 15% страховых взносов для выплат превышающих полуторакратный минимальный размер оплаты труда (МРОТ) в месяц, который применяют только организации и индивидуальные предприниматели внесенные в перечень видов экономической деятельности Общероссийского классификатора видов экономической деятельности для целей применения единого пониженного тарифа страховой деятельности в соответствии с распоряжением Правительства Российской Федерации от 27 декабря 2025 г. № 4125-р.

Специальные правовые режимы налогообложения доходов коммерческих организаций выступают эффективным инструментом налоговой системы Российской Федерации, которые могут быть установлены, как кодифицированным законодательным актом по налогам и сборам, так и федеральными законами принятые в соответствии с данным законодательным актом, предусматривающие проведение экспериментов по установлению специальных налоговых режимов [2].

Общая система налогообложения, может применяться всеми коммерческими организациями без исключения, когда как специальные режимы налогообложения имеют особый порядок определения, формирующие и характеризующие налогообложение как систему, состоящую из законодательно определенного множества элементов налогообложения [2].

К числу законодательно определенного множества элементов образующих налоговую систему, вне зависимости от режима налогообложения, относятся следующие, в том числе: объект налогообложения (прибыль, доход), налоговая база (денежное выражение объекта налогообложения), налоговый период или период времени по окончании которого определяется налоговая база и исчисляется сумма налога к уплате, налоговая ставка или величина налоговых начислений на единицу измерения налоговой базы, а также порядок исчисления самого налога. Специальные налоговые режимы налогообложения доходов коммерческих организаций ориентированы прежде всего на малое и среднее предпринимательство, которое по сути своей является основой стабильного роста экономического развития государства, наряду с их налогообложением, способствующее данному росту.

Кодифицированным налоговым актом с 2026 года в зависимости от товарооборота, валового дохода или оборота, количества сотрудников субъекта права, как налогового агента [2] предусмотрены и действуют следующие 5 (пять) специальных налоговых режимов, в том числе: 1) упрощенная система налогообложения (УСН), 2) патент, 3) автоматизированная система налогообложения (АУСН), 4) единый сельскохозяйственный налог (ЕСХН), 5) автоматизированная упрощенная система налогообложения (АУСН).

Однако есть и шестой особый специальный налоговый режим в области недропользования и инвестиционной деятельности, устанавливающий правовые основы отношений в рамках действующего Федерального закона «О соглашениях о разделе продукции» от 30.12.1995 № 225-ФЗ» где налоговые правоотношения переходят в плоскость раздела продукции, т.е. вместо налогов между государством и инвестором (в том числе зарубежным) распределяется продукция. В связи с этим обстоятельством в статье рассматриваются только пять специальных правовых налоговых режимов.

Проведение сравнительно – правового анализа специальных правовых режимов налогообложения субъектов права формирует «*глубокое понимание собственной системы права, доступное лишь тем юристам, которые используют метод сравнительного правоведения, как эффективное средство правотворчества, с помощью которого можно совершенствовать правопорядок» [8]*, что дает возможность рассмотреть варианты использования правовых норм регулирующих порядок поведения субъектов хозяйственной деятельности преследующих извлечение прибыли [6] в общественных отношениях финансового права в сфере налогообложения.

Анализ специальных правовых режимов налогообложения доходов коммерческих организаций, сравнительно – правовым методом, позволяет определить основные характеристики или отличительные свойства имеющие общие и специфические черты в порядке регулирования общественных отношений финансового права в сфере налогообложения, что в свою очередь дифференцировало их на определенные кодифицированным законодательным актом по налогам и сборам, производные элементы образующие систему налогообложения в рамках специального правового режима налогообложения доходов коммерческих организаций.

К основным отличительным свойствам специальных правовых режимов налогообложения коммерческих организаций можно отнести следующие, в том числе: порядок и условия применения, то есть какие организации в следствие установленного нормой порядка могут его применять, ограничения по применению исходя из возможно полученного дохода по результатам финансово – хозяйственной деятельности, документы (уведомления) которые необходимо представить в сроки установленные дефиницией нормы, момент перехода в добровольном или обязательном порядке на иной режим налогообложения и возврат на ранее применяемый режим налогообложения, налоги подлежащие уплате в зависимости от выбранного правового режима, налоговые ставки в зависимости от выбранного правового режима, метод учета доходов и расходов в зависимости от выбранного правового режима.

Таким образом, обобщая приведенные выше отличительные свойства специальных налоговых режимов, можно предположительно выделить основные элементы юридической конструкции, моделирующей порядок общественных отношений исходя из определения норм финансового и налогового права. В этой связи к основным элементам конструкции нормы финансового и налогового права относят *ограничения* и *правила* в применении налогообложения при исчислении налога в зависимости от выбранного правового режима.

Ограничения в применении норм и правила налогообложения при исчислении налога, два основных элемента юридической конструкции, в специальных режимах налогообложения доходов коммерческих организаций, формирующих схему поведения в системе норм объективного налогового права.

При вхождении в данную систему объективно установленного порядка налогообложения, налогоплательщик вправе самостоятельно выбрать наиболее благоприятный для него правовой режим налогообложения учитывая свои, как запланированные, так и фактические возможности извлечения прибыли от финансово – хозяйственной деятельности на отчетную дату отчетного периода в рамках правового поля. При этом вне зависимости от выбранного налогоплательщиком правового режима, он может пребывать в статусе работодателя, признаваться налоговым агентом по налогу на доход физического лица (НДФЛ), а также являться плательщиком страховых взносов.

Для налогоплательщиков юридических лиц в лице коммерческих организаций, наряду с общим режимом налогообложения используемый всеми организациями без исключения, определен порядок и условия применения специальных правовых режимов налогообложения доходов, включая:

- упрощенную систему налогообложения (УСН),
- автоматизированную упрощенную систему налогообложения (АУСН),
- единый сельскохозяйственный налог (ЕСХН)

где данные режимы, согласно установленным налоговым законодательством правилам, могут применять все коммерческие организации за исключением, в том числе: банки; страховые компании (страховщики); негосударственные пенсионные и инвестиционные фонды; профессиональные участники рынка ценных бумаг; ломбарды; предприятия осуществляющие организацию и проведение азартных игр; юридические лица осуществляющие производство подакцизных товаров, за исключением подакцизного винограда, вина, игристого вина (шампанского), виноматериалов, виноградного сусла, произведенных из винограда собственного производства, добычу и реализацию полезных ископаемых, за исключением общераспространенных; микрофинансовые организации; частные агентства занятости, предоставляющие труд работников (персонала); участники соглашений о разделе продукции [3]. При этом, не в праве применять упрощенную систему налогообложения (УСН) организации, как коммерческие, так и некоммерческие имеющие филиалы и иностранные представительства.

Вместе с тем, н**екоммерческие организации не имеют право применять АУСН, за исключением** казенных и бюджетных учреждений. Не вправе применять АУСН организации как коммерческие, так и некоммерческие, имеющие филиалы и обособленные подразделения, а также иностранные организации.

Правовой налоговый режим единый сельскохозяйственный налог (ЕСХН) применяют только сельскохозяйственные производители, за исключением: казенных, бюджетных и автономных учреждений, юридических лиц осуществляющих деятельность по организации и проведению азартных игр, юридических лиц осуществляющих производство подакцизных товаров, за исключением подакцизного винограда, вина, игристого вина (шампанского), виноматериалов, виноградного сусла, произведенных из винограда собственного производства.

Отличительные свойства правовых режимов по полученному доходу по итогам финансово-хозяйственной деятельности распределились соответственно следующим образом:

- по упрощенной системе налогообложения (УСН) доходы по итогам отчетного периоды не должны превышать 450 млн. рублей [3];
- по автоматизированной упрощенной системе налогообложения (АУСН) соответственно: доходы, учитываемые при определении налоговой базы, не должны превышать 60 млн. рублей, со средней численностью работников за налоговый период не более 5 человек;
- по единому сельскохозяйственному налогу (ЕСХН) структура доли доходов от реализации произведенной собственной сельхозпродукции должна составлять не менее 70% [3].

Необходимо отметить, что коммерческие организации в добровольном порядке могут перейти на специальные режимы налогообложения с начала календарного года, что совпадает и с общим режимом налогообложения, и это условие момента одинаково для всех режимов. В свою очередь, обязательный порядок перехода коммерческих организаций на специальные режимы налогообложения предусматривает момент перехода с начала квартала в котором было утрачено право на применение для всех специальных режимов УСН [3], АУСН [10] и ЕСХН

[3], то есть также условие момента перехода одинаково для всех режимов, но не предусмотрено для общего режима налогообложения.

Вместе с тем, возврат коммерческими организациями на ранее применяемые ими специальные режимы налогообложения возможен не ранее чем через год после утраты права для юридических лиц, применяющих упрощенную систему налогообложения (УСН) [3] и не ранее чем через один год после утраты права на уплату единого сельскохозяйственного налога (ЕСХН) [3] для лиц применяющего его. Возврат на автоматизированную упрощенную систему (АУСН) возможен с любого режима в добровольном порядке с начала календарного года согласно части 1 статьи 4 Федерального закона №17 от 25.02.2022 года.

Если в общем режиме налогообложения уплачиваются все виды налогов, в том числе: НДС, налог на прибыль организаций, налог на имущество организаций при появлении имущества признаваемого объектом налогообложения, то в специальных режимах налогообложения доходов коммерческих организаций в зависимости от выбранного ими правового режима по видам специальных налоговых режимов уплата налогов в соответствии с императивными нормами распределяется следующим образом:

- упрощенная система налогообложения (УСН) предполагает уплату НДС при ввозе товаров на территорию Российской Федерации уплачиваемого в соответствии со статьями Налогового кодекса. Согласно пункту 3 статьи 346.11 главы 26.2 «Упрощенная система налогообложения» Налогового кодекса Российской Федерации индивидуальные предприниматели, применяющие упрощенную систему налогообложения, не признаются налогоплательщиками НДС, за исключением НДС, подлежащего уплате в соответствии с Кодексом при ввозе товаров на территорию Российской Федерации (включая суммы НДС, подлежащие уплате при завершении действия таможенной процедуры свободной таможенной зоны на территории Особой экономической зоны в Калининградской области), а также НДС, уплачиваемого в соответствии со статьями 161 и 174.1 главы 21 «Налог на добавленную стоимость» Кодекса. [3] ;
- автоматизированная упрощенная система налогообложения (АУСН) предполагает уплату НДС при ввозе товаров на территорию Российской Федерации уплачиваемого в соответствии со статьями Налогового кодекса, а также налог на имущество организации, налоговая база по которым определяется как их кадастровая стоимость и налог на прибыль с доходов, облагаемых по ставкам, предусмотренными Налоговым кодексом Российской Федерации [3] в соответствии с требованиями нормы Федерального закона от 25 февраля 2022 года №17 – ФЗ [10] ;
- в режиме единого сельскохозяйственного налога (ЕСХН) законодателем предусмотрен НДС, налог на имущество организаций в отношении имущества, не используемого непосредственно для производства сельскохозяйственной продукции, первичной и последующей (промышленной) переработки и реализации этой продукции, а также при оказании сельхозпроизводителям услуг [3].

Квинтэссенцией объединяющий экономику и право в общественных отношениях по налогообложению доходов коммерческих организаций выступает налоговая ставка, как математически формализованная величина на единицу измерения налоговой базы к полученному доходу, пропорционально и императивно установленная в относительном выражении. Налоговая ставка в специальных режимах налогообложения, равно как и общем режиме налогообложения зависит от уровня доходов коммерческих организаций, так как в налоговой системе Российской Федерации в отношении коммерческих организаций с 01 января 2025 года действует прогрессивная шкала налогообложения, то есть ставка зависит от величины налоговой базы.

В общественных правоотношениях любая коммерческая организация создается с целью извлечения прибыли. Увеличение экономических выгод, то есть полученный доход, или снижение экономических выгод, следовательно полученный расход в ходе реализации правоотношений между субъектами хозяйственной деятельности, в рамках требований норм финансового и налогового права, в правовых режимах налогообложения доходов коммерческих организаций обеспечивается порядком признания и определения полученных доходов и расходов субъектами хозяйственной деятельности в соответствии с дефинициями норм налогового законодательства.

Таким образом, исходя из вышеизложенного в отношении специальных налоговых режимов налогообложения доходов коммерческих организаций можно сделать следующие выводы:

a) Специальные правовые режимы налогообложения доходов коммерческих организаций устанавливаются как кодифицированным законодательным актом по налогам и сборам, так и федеральными законодательными актами, принятыми в соответствии с кодифицированным законодательным актом по налогам и сборам, предусматривающим проведение экспериментов по установлению специальных налоговых режимов;

b) Нормы, установленные кодифицированным законодательным актом по налогам и сборам в отношении налогообложения доходов коммерческих организаций, в общественных отношениях носят императивный характер и возлагают на субъектов хозяйственной деятельности обязанность уплаты налога в бюджет в обязательном порядке, что также закреплено в основном законе Российской Федерации;

c) Налоговым кодексом Российской Федерации для коммерческих организаций предусмотрено три специальных правовых режима налогообложения доходов коммерческих организаций, в том числе: упрощенная система налогообложения (УСН), автоматизированная упрощенная система налогообложения (АУСН), единый сельскохозяйственный налог (ЕСХН) призванные создать благоприятные условия для предпринимательства, упростить процедуры составления и представления налоговой отчетности, создает благоприятные финансово – правовые и экономические условия функционирования субъектов хозяйственной деятельности в процессе получения ими прибыли в рамках норм действующего законодательства;

d) Иные специальные налоговые режимы предусмотренные нормой законодательства, наряду с выше упомянутыми специальными налоговыми режимами, в том числе: патентная система налогообложения (ПСН), налог на профессиональный доход (НПД) – применяется индивидуальными предпринимателями (ИП);

e) Особняком в налоговых правоотношениях субъектов хозяйственной деятельности в применении ими специальных правовых режимов налогообложения держится система налогообложения при выполнении соглашений о разделе продукции [2], которая относится к вопросам размещения инвестиционного капитала путем объединения юридических лиц на основе договора о совместной деятельности без образования юридического лица с целью извлечения прибыли в сырьевой отрасли в соответствии с Законом Российской Федерации от 21.02.1992 года № 2395-1 (ред. от 28.06.2022 г.) «О недрах» [3]. Таким образом, данные правоотношения больше относятся к вопросу налогообложения группы компаний без образования юридического лица на основе договора простого товарищества, заключаемого для осуществления инвестиционной деятельности [11], что не относится к предмету исследования данной статьи.

Литература

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020).

2. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ (ред. от 29.11.2021).

3. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 05.08.2000 №117-ФЗ (ред. от 28.05.2022).

4. Таможенный кодекс Евразийского экономического союза на 2026 год. С изменениями о порядке и условиях перемещения через таможенную границу товаров электронной торговли. Москва. Издательство АСТ, 2025 – 608 с. (Кодексы и законы).

5. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 № 145-ФЗ (ред. от 14.07.2022).

6. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 21.12.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2022).

7. «Теория государства и права». Алексеев С.С., учебник, 2005 г.

8. Ebert K.-H. Rechtsvergleichung: Einfhrung in die Grundlagen. Bern, 1978/ Эберт К.-Х. Юридическое сравнение: введение в основы

9. Основные направления бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики Российской Федерации на 2026 год и на плановый период 2027 и 2028 годов. Федеральный закон от 25 ноября 2025 г. № 426-ФЗ.

10. Часть 6 Статья 4 «Порядок и условия начала и прекращения специального налогового режима» Федеральный закон от 25.02.2022 г. № 17 «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Автоматизированная упрощенная система налогообложения»

11. Пункт 3 Статья 1041 «Договор простого товарищества» Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 24.06.2025, с изм. от 16.12.2025)

Comparative legal analysis of special legal regimes of taxation of income of commercial organizations

Karpachev D.V.

Customs Affairs Russian New University

Special legal regimes for taxation of income of commercial organizations are an effective tool of the tax system of the Russian Federation, which can be established both by codified legislative act on taxes and fees, and by federal laws adopted in accordance with this legislative act, providing for experiments on the establishment of special tax regimes.

Keywords: Taxation, income, special legal regimes, commercial and non-profit organizations.

References

1. Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993, with amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020).
2. Tax Code of the Russian Federation (Part One) of July 31, 1998, No. 146-FZ (as amended on November 29, 2021).
3. Tax Code of the Russian Federation (Part Two) of August 5, 2000, No. 117-FZ (as amended on May 28, 2022).
4. Customs Code of the Eurasian Economic Union for 2026. With amendments on the procedure and conditions for the movement of e-commerce goods across the customs border. Moscow. AST Publishing House, 2025 – 608 p. (Codes and Laws).
5. Budget Code of the Russian Federation of July 31, 1998, No. 145-FZ (as amended on July 14, 2022).
6. Civil Code of the Russian Federation (Part One) of November 30, 1994, No. 51-FZ (as amended on December 21, 2021) (as amended and supplemented, entered into force on March 1, 2022).
7. "Theory of State and Law." Alekseev S.S., textbook, 2005.
8. Ebert K.-H. Rechtsvergleichung: Einfhrung in die Grundlagen. Bern, 1978. Legal Comparison: An Introduction
9. Key Directions of the Budget, Tax, and Customs-Tariff Policy of the Russian Federation for 2026 and for the Planning Period of 2027 and 2028. Federal Law of November 25, 2025 No. 426-FZ.
10. Part 6, Article 4 "Procedure and Conditions for the Commencement and Termination of a Special Tax Regime" Federal Law of February 25, 2022 No. 17 "On Conducting an Experiment to Establish a Special Tax Regime "Automated Simplified Taxation System"
11. Clause 3, Article 1041 "Simple Partnership Agreement" Civil Code of the Russian Federation (Part Two) of January 26, 1996 No. 14-FZ (as amended on June 24, 2025, as amended on December 16, 2025)

Доказательство в эпоху генеративного искусственного интеллекта: проблемы достоверности и правового регулирования

Кривицкая Юлия Станиславовна
старший преподаватель кафедры «Гражданское право», Донской государственный технический университет, Julia-424@yandex.ru

Распространение генеративных моделей искусственного интеллекта обнажило слабую точку классического процессуального учения о доказательствах: сама способность отличить порождённый машиной материал от следа реального события превращается в самостоятельную процессуальную задачу. Российское процессуальное законодательство по состоянию на 2026 г. удерживает технологическую нейтральность, что обеспечивает ему формальную работоспособность, однако оставляет правоприменителю слишком широкую дискрецию в условиях, когда содержание текста, изображения или аудиозаписи может оказаться синтетическим целиком. Цель работы – выявить пробелы действующего регулирования допустимости и достоверности применительно к ИИ-сгенерированным материалам и сформулировать процессуальный режим повышенной верификации. Использован формально-юридический и сравнительно-правовой анализ норм ГПК РФ, АПК РФ, КАС РФ, Федерального закона от 31.05.2001 № 73-ФЗ в редакции от 22.07.2024 и Указа Президента РФ от 10.10.2019 № 490 в редакции от 15.02.2024; параллельно разобраны материалы дела Mata v. Avianca, Inc. (S.D.N.Y., 2023) и проект Rule 707 Федеральных правил о доказательствах США. Предложена трёхэлементная классификация цифровых материалов – нативные, ИИ-ассистированные и ИИ-синтетические – с дифференцированным стандартом верификации, обоснована целесообразность процессуальной обязанности по раскрытию факта применения генеративного ИИ и расширение методической базы судебной экспертизы цифрового происхождения. Полученные результаты применимы при уточнении норм гл. 6 ГПК РФ и гл. 7 АПК РФ, а также при формировании рекомендаций Пленума Верховного Суда РФ.

Ключевые слова: генеративный искусственный интеллект, доказательство, достоверность доказательства, процессуальное право, дипфейк, аутентификация цифрового контента, судебная экспертиза, правовое регулирование, прозрачность алгоритма.

Введение

Эпоха генеративных моделей радикально изменила условия, в которых процессуальное право решает свою старейшую задачу – отделение факта от его имитации. Прежде граница между подлинной фотографией и её подделкой проходила примерно там же, где граница между профессиональным фотомонтажом и любительским коллажем; сегодня она смещается ежемесячно вместе с релизом новых моделей синтеза изображений, голоса и видео, а главное – становится незаметной для невооружённого взгляда. Суд лишился привычной опоры. Доверие к носителю информации, которое в гл. 6 ГПК РФ и гл. 7 АПК РФ молчаливо предполагается, более не обеспечивается ни формой представления, ни органолептическими признаками материала. И это не локальная техническая трудность, а сдвиг базовой презумпции.

Сам собой возникает вопрос: достаточно ли классических критериев относимости, допустимости и достоверности для оценки материала, существование оригинала у которого в принципе невозможно установить эмпирически? В.А. Виноградов в работе 2025 г. показал [9], что российская доктрина ещё не выработала устойчивой реакции на ситуацию, когда подлежащий оценке объект существует только в синтетической форме, а его автором – в строгом юридическом смысле – выступает не лицо, а вероятностная модель. Между тем именно достоверность – наиболее уязвимый из трёх критериев. Относимость определяется содержанием, допустимость – формой и порядком получения; достоверность же требует соотнесения сведений с реальностью, и этот шаг становится крайне сложен, если сама реальность подменена правдоподобной симуляцией.

Сложность ситуации усугубляется тем, что доктрина ИИ-права в России развивается фрагментарно. И.Н. Тарасов [3] обращает внимание на то, что до сих пор не выработано даже общеправового определения искусственного интеллекта, которое имело бы инструментальное, а не описательное значение для процессуальных норм. Т.Я. Хабриева в обзоре 2024 г. [10] указывает на ещё более узкое место – отсутствие правовых средств идентификации систем ИИ, благодаря которым суд мог бы установить хотя бы факт причастности генеративной модели к появлению спорного материала. На фоне этих лакун Е.В. Зарубина с соавторами [7] фиксируют общее состояние регулирования как стадию накопления отраслевых решений без сквозной процессуальной рамки. Картина – мозаичная. Внутри неё каждое из ведомств выстраивает собственную траекторию: Минцифры – через инфраструктурные документы, Минюст – через ведомственные методики экспертизы, Верховный Суд РФ – через эпизодические разъяснения. Сходимости позиций пока не наблюдается.

Цель статьи – реконструировать процессуальные риски, порождённые генеративным ИИ, и предложить дифференцированный режим верификации цифровых доказательств, согласующийся с действующим российским процессуальным законодательством и опирающийся на доступные на 2026 г. инструменты судебной экспертизы. Изложение строится последовательно: сначала – анализ классических процессуальных критериев в их соотношении с природой синтетического контента, затем – текущее состояние нормативной базы и значимые правоприменительные эпизоды, в том числе зарубежные, и в заключительной части – предложения de lege ferenda. Внимание сфокусировано на гражданском и арбитражном процессе. Уголовно-процессуальные аспекты затрагиваются точечно – там, где они помогают увидеть направление общего решения.

Материалы и методы исследования

Исследование выполнено в формально-юридическом и сравнительно-правовом ключе. Основной массив материала – действующие в 2026 г. редакции процессуальных кодексов: Гражданского процессуального кодекса РФ (Федеральный закон от 14.11.2002 № 138-ФЗ), Арбитражного процессуального кодекса РФ (Федеральный закон от 24.07.2002 № 95-ФЗ), Кодекса административного судопроизводства РФ (Федеральный закон от 08.03.2015 № 21-ФЗ). Сосредоточенность – на нормах об оценке доказательств (ст. 67 ГПК РФ, ст. 71 АПК РФ), о письменных доказательствах (ст. 71 ГПК РФ, ст. 75 АПК РФ) и о судебной экспертизе (гл. 7 ГПК РФ, гл. 7 АПК РФ). Сюда же добавлен Федеральный закон от 31.05.2001 № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» в редакции от 22.07.2024.

Из стратегических документов разобран Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 в редакции от 15.02.2024, утвердивший Национальную стратегию развития искусственного интеллекта на период до 2030 года, а также Федеральный закон от 31.07.2020 № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации» в редакциях 2024–2025 гг. Сравнительная часть охватывает материалы дела Mata v. Avianca, Inc., № 22-cv-1461 (S.D.N.Y., решение от 22.06.2023, судья П.К. Кастел), а также проект Rule 707 Федеральных правил о доказательствах США, обсуждавшийся Консультативным комитетом по правилам доказывания Судебной конференции США в 2024–2025 гг. Применены методы формально-юридического толкования, сравнительно-правового сопоставления, юридической квалификации и правового моделирования при формулировании предложений по корректировке процессуального режима. Эмпирическая база ограничивалась нормативными материалами и опубликованными правоприменительными актами; собственное взаимодействие с участниками процесса не осуществлялось.

Результаты и обсуждение

Российское процессуальное право в части доказательств сохраняет устойчивую внутреннюю логику с конца 1960-х гг.: статья 67 ГПК РФ и аналогичная ст. 71 АПК РФ предписывают суду оценивать доказательства «по своему внутреннему убеждению, основанному на всестороннем, полном, объективном и непосредственном исследовании имеющихся в деле доказательств». Доктринально эта норма опирается на триаду «относимость – допустимость – достоверность», и до недавнего времени её было достаточно. Генеративный ИИ обнаружил тонкое, но критичное несовпадение. Триада предполагает, что сведения, содержащиеся в доказательстве, либо отражают реальный факт, либо умышленно искажают его – и в обоих случаях у материала есть верифицируемое происхождение. Синтетический контент устроен иначе: за ним нет ни факта, ни сознательного искажения факта; за ним стоит вероятностная реконструкция того, что могло бы быть.

А.И. Медведев [4] точно сформулировал суть проблемы: машинная логика остаётся непрозрачной не потому, что её скрывают, а потому, что она не описывается в категориях, привычных праву. Связи между входом и выходом модели опосредованы миллионами весовых коэффициентов, и попытка извлечь из них юридически значимое объяснение – задача, эквивалентная переписыванию вероятностного распределения в нормативной форме. Э. Талапина [6] фиксирует ту же асимметрию на уровне принципа: алгоритмическая прозрачность остаётся декларацией, пока отсутствует процессуальная процедура её проверки. К.А. Караманов [12] идёт дальше и предлагает рассматривать алгоритмическую прозрачность как самостоятельный принцип регулирования ИИ, рядоположенный принципам законности и состязательности. Подход дискуссионный, но точно очерчивающий направление.

Проблема «черного ящика», подробно разобранная К.С. Головиным [8], имеет прямое процессуальное значение. Судья, оценивающий ИИ-сгенерированное доказательство, оказывается в положении, в котором традиционные приёмы – сличение копии с оригиналом, восстановление цепочки хранения, опрос автора – либо неприменимы, либо требуют принципиально иной экспертной поддержки. Ю.С. Харитонова [5] обращает внимание на то, что правовые средства обеспечения прозрачности уже отчасти кодифицированы – в положениях о маркировке контента, о раскрытии параметров обучения, о доступе к логированию инференса; однако в процессуальной плоскости эти средства пока не интегрированы в систему допустимости. Положение, при котором содержательный регулятор существует, а процессуальный инструмент его применения – нет, типично для переходных этапов.

Принцип достоверности ИИ, артикулированный В.В. Бакшеевым [1] в работе 2025 г., представляется удачной точкой опоры для процессуальной реконструкции. Достоверность здесь понимается не как соответствие выхода модели некоторому объективному факту – такого соответствия в случае генеративного синтеза не существует, – а как воспроизводимость, отслеживаемость и проверяемость технического пути от вводных данных к результату. В этой логике достоверность ИИ-материала есть техническое свойство производственной цепочки, а не семантическое свойство содержания. Сдвиг тонкий, но он переводит задачу суда из плоскости «верить или не верить тому, что показано» в плоскость «можно ли восстановить, как это было получено». Применительно к ст. 67 ГПК РФ это означает: внутреннее убеждение суда формируется относительно процесса генерации, а не относительно конечного образа.

Параллельная конструкция – принцип прозрачности – рассмотрена В.В. Бакшеевым [2] в более ранней работе 2024 г. и относится к раскрытию ключевых параметров системы: данных обучения, архитектуры, версии модели на момент генерации. Для процессуального права полезным следствием становится требование к стороне, представляющей ИИ-сгенерированный или ИИ-модифицированный материал, раскрыть эти параметры либо признать невозможность раскрытия и принять связанные с этим процессуальные риски. Похожая логика проступает в зарубежных проектах. Различие в том, что российская традиция склонна оформлять подобные требования через судебное усмотрение, а не через жёсткие правила доказывания.

На прикладном уровне дефицит понятийной базы оборачивается тем, что суды и стороны вынуждены работать с категориями, выработанными за пределами процессуального права. М.А. Михайлов и А.Г. Михайлова [11] показывают, как это проявляется в правоприменительной практике: следственные органы и адвокатура всё чаще оперируют разнородными определениями ИИ – техническими, доктринальными, ведомственными, – и согласовать их между собой удаётся не всегда. А.О. Чернышова, Е.А. Мамышева, В.А. Урзов [15] добавляют сюда обязательственный срез: договоры на использование генеративных систем фиксируют параметры взаимодействия сторон, но не статус выхода модели как потенциального доказательства. Иначе говоря, доказательство «не попадает» в типовую гражданско-правовую квалификацию по умолчанию – его статус приходится выводить процессуально, ad hoc.

Иллюстрацией того, насколько процессуально опасной может быть недооценка генеративного ИИ, остаётся дело Mata v. Avianca, Inc. (№ 22-cv-1461, S.D.N.Y., 2023). Адвокаты С. Шварц и П. ЛоДука представили в суд правовую позицию, в которой содержались ссылки на шесть несуществующих прецедентов, сгенерированных ChatGPT. Поддельные ссылки прошли формальную процессуальную проверку. Только повторное обращение к источникам выявило отсутствие соответствующих дел в базах данных. Решением от 22.06.2023 судья П.К. Кастел наложил санкции в размере 5 000 долл. на каждого из адвокатов и обязал их уведомить судей реальных дел, фигурирующих в фальсифицированных цитатах. Суд, тем не менее, специально подчеркнул, что само по себе использование генеративных систем не запрещено; ответственность возникает за то, что не было проведено независимой проверки результата.

Дело важно по двум причинам, выходящим за пределы американской юрисдикции. Во-первых, оно демонстрирует, что

профессиональный участник процесса способен принять сгенерированный фрагмент за достоверный источник права – следовательно, рассчитывать на то, что недостоверный ИИ-материал будет автоматически распознан квалифицированным юристом, не приходится. Во-вторых, оно очерчивает направление зарубежного процессуального ответа: усиление личной ответственности за верификацию, а не запрет инструмента. Российская практика пока не предлагает аналогичных по проработке прецедентов, но логика отечественной процессуальной доктрины – с её акцентом на добросовестное процессуальное поведение (ст. 35 ГПК РФ, ст. 41 АПК РФ) – допускает встраивание аналогичного механизма без принципиальной ломки системы.

Параллельно в США в 2024–2025 гг. на площадке Консультативного комитета по правилам доказывания Судебной конференции рассматривался проект новой нормы – Rule 707 Federal Rules of Evidence, специально посвящённой допустимости доказательств, сгенерированных ИИ или построенных с применением машинного обучения. Логика проекта: к таким материалам предъявляется тот же уровень требований к научной обоснованности, что и к экспертным заключениям по Rule 702, но дополненный обязательством раскрыть параметры модели и условия её применения. Идея переносима. Российский законодатель, опираясь на ст. 79–87 ГПК РФ и положения Федерального закона от 31.05.2001 № 73-ФЗ, мог бы дополнить требования к содержанию экспертного заключения именно теми элементами, которые делают возможной оценку ИИ-сгенерированного материала: версией модели, журналом инференса, сведениями о наборе данных, при необходимости – описанием постобработки.

Российская модель регулирования ИИ выстраивается преимущественно через стратегические, отраслевые и экспериментальные акты. Базовым документом остаётся Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 в редакции от 15.02.2024, утвердивший Национальную стратегию развития искусственного интеллекта на период до 2030 года; обновление 2024 г. сместило акценты к практическому внедрению в государственном управлении, здравоохранении и финансовом секторе. Параллельно действует Федеральный закон от 31.07.2020 № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации»: он создаёт правовые песочницы, в которых отдельные положения, в том числе процессуального толка, могут временно отступать от общих правил. К процессуальному регулированию доказывания ни один из этих актов прямо не обращён. Получается зазор: стратегия очерчивает направление, но не задаёт инструменты, а процессуальный закон молчит.

В работе 2023 г. С.В. Никитенко [14] провёл системный разбор концепций деликтной ответственности за вред, причинённый системами ИИ, и обнаружил, что отечественная доктрина склоняется к модели расширенной ответственности владельца либо оператора системы, а не к фигуре «электронного лица». Этот вывод имеет процессуальное продолжение: если за вред отвечает владелец системы, то именно он несёт бремя процессуального раскрытия информации о её работе. С точки зрения распределения доказательственных обязанностей это естественная конструкция. Сторона, которая поставила в основание иска или возражения ИИ-сгенерированный материал, должна быть готова к процессуальной нагрузке по подтверждению технической цепочки; ссылка на коммерческую тайну в этой части ослабляет, но не снимает обязанность раскрытия в том объёме, который необходим суду для оценки достоверности.

В уголовно-процессуальной плоскости И.П. Чекотов [13] показал, что регулирование ИИ в борьбе с преступностью пока разделено между ведомственными актами МВД, СК и Генпрокуратуры, а единого процессуального стандарта для следственных действий, опирающихся на ИИ-аналитику, не существует. Для гражданского и арбитражного процесса этот опыт ценен от противного: он демонстрирует, что в отсутствие сквозной нормы каждое ведомство выстраивает собственную процедуру верификации, и в результате одно и то же ИИ-сгенерированное доказательство в разных производствах оценивается по-разному. Унификация стандарта – задача, относящаяся скорее к компетенции Пленума Верховного Суда РФ. В этом смысле прецедентным могло бы стать обновление постановления Пленума ВС РФ от 26.06.2008 № 13 «О применении норм Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении и разрешении дел в суде первой инстанции» с включением раздела о цифровом происхождении доказательств.

Содержательное предложение, формируемое в настоящей статье, опирается на четыре связанных шага. Первый – введение процессуальной обязанности раскрытия использования генеративного ИИ при подготовке материала, представляемого в суд, в тех случаях, когда ИИ повлиял на содержание или форму доказательства настолько, что это способно повлиять на оценку достоверности. К таким случаям относятся синтез голоса, изображения или видео; перевод с потерей оригинального следа; реструктуризация текста, заметно изменяющая его смысловую плотность. Раскрытие должно охватывать как минимум: тип системы, версию модели, факт постобработки, наличие исходных файлов и метаданных. Подобная норма уместна в качестве дополнения к ст. 56 ГПК РФ и ст. 65 АПК РФ – раздел о бремени доказывания.

Второй шаг – отказ от презумпции недопустимости ИИ-сгенерированных материалов в пользу презумпции повышенного риска недостоверности. Материал не отклоняется только потому, что в его создании участвовала генеративная модель; его доказательственная сила определяется глубиной подтверждения происхождения: наличием исходного файла, метаданных, журнала операций, сведений о программной среде, цепочки хранения. Третий шаг – нормативная классификация цифровых материалов на три категории: нативные цифровые доказательства, возникшие без участия генеративных систем; ИИ-ассистированные материалы, где ИИ выполнил вспомогательную функцию – улучшил качество, реконструировал утраченный фрагмент, перевёл текст; и ИИ-синтетические материалы, созданные генеративной моделью полностью. Для каждой категории – собственный стандарт верификации, от минимального для первой до максимального для третьей.

Четвёртый шаг – расширение методической базы судебной экспертизы цифрового происхождения доказательств. Действующая ст. 79 ГПК РФ и ст. 82 АПК РФ позволяют суду назначить экспертизу по любому вопросу, требующему специальных знаний, однако существующие методики, утверждённые Минюстом РФ и РФЦСЭ, в редакциях 2022–2024 гг. ориентированы преимущественно на установление факта монтажа, а не на распознавание следов генеративной обработки. Соответствующее обновление методических рекомендаций – задача обозримого горизонта; технические инструменты для обнаружения статистических сигнатур моделей уже существуют, хотя их точность снижается каждое следующее поколение моделей. На 2026 г. наиболее перспективными остаются гибридные подходы, сочетающие технический анализ с проверкой контекстуальных признаков.

Сводное наблюдение, объединяющее перечисленные пункты, состоит в том, что российскому процессуальному праву не требуется новая теория доказательств. Требуется тонкая настройка действующих институтов: бремени доказывания, стандарта раскрытия информации, оснований назначения экспертизы и содержания экспертного заключения. Каждое из четырёх предложений укладывается в существующую структуру ГПК РФ и АПК РФ и может быть реализовано через точечные поправки, либо через разъяснения Пленума ВС РФ. Зарубежный опыт – особенно американский, отчётливо обозначившийся после дела Mata v. Avianca, – даёт ориентир, но не образец; российская правовая система обладает достаточным внутренним ресурсом для выработки собственного решения. Главное условие – сделать это до того, как генеративный синтез распространится на массовый процессуальный материал.

Прикладной слой предлагаемого режима опирается на инфраструктуру цифровой провенансности, которая в 2024–2025

гг. начала складываться вокруг стандартов C2PA (Coalition for Content Provenance and Authenticity) и встроенных в популярные генеративные системы механизмов маркировки. Юридического статуса в РФ эти стандарты пока не имеют, однако фактически уже применяются крупнейшими поставщиками генеративных моделей. Процессуальный закон может опираться на них не как на формально обязательный реквизит, а как на одно из доказательств цепочки происхождения – наравне с журналом инференса и хэш-суммами исходных файлов. Аналогия – с теми же ст. 71 ГПК РФ и ст. 75 АПК РФ, регулирующими письменные доказательства: суд оценивает соблюдение требований к форме, но не превращает форму в самоцель. Маркировка контента в этой логике – техническое подтверждение, а не нормативный фетиш.

Особого внимания заслуживает механика процессуального раскрытия факта применения генеративного ИИ. Очевидное возражение – нагрузка на сторону, которая может не располагать сведениями о том, что использованный исполнителем подрядчик внутренне применял ИИ-инструменты. Возражение учитывается через двухуровневую конструкцию: на первом уровне – добросовестная осведомлённость стороны, на втором – обязанность встречного раскрытия по запросу суда или другой стороны при наличии разумных оснований полагать, что материал имеет генеративную природу. Подобная двухуровневая модель уже знакома российскому процессу – например, по правилам раскрытия доказательств в арбитражном процессе (ст. 65 АПК РФ) и по практике применения постановления Пленума ВС РФ от 23.06.2015 № 25. Расширение её на цифровую провенансность – задача нормотворческого порядка, не требующая радикальной переработки норм.

Наконец, отдельного упоминания заслуживает временной горизонт инструментальной части. Технические методики обнаружения следов генеративной обработки – статистические анализаторы, детекторы артефактов сжатия, методы реконструкции цепочки преобразований – развиваются с заметным отставанием от самих моделей. Точность детектирования AI-сгенерированных изображений, по оценкам публикуемых отраслевых испытаний 2024–2025 гг., снижается каждое следующее поколение моделей и в среднем уже не превышает 70–80 % для текущих архитектур. Это значит, что процессуальный режим должен быть устроен с учётом неизбежной погрешности технической экспертизы; иначе суд окажется в положении, при котором экспертное заключение становится единственным основанием решения, а его надёжность – заметно ниже общепринятого для уголовно-процессуальных экспертиз стандарта. Решение – комбинированный подход: техническая экспертиза дополняется анализом контекстуальных признаков, цепочкой хранения и поведенческой логикой стороны.

Гражданско-правовой срез проблемы оборачивается тем, что один и тот же синтетический материал способен последовательно сменить процессуальный статус: сначала – объект договорного обязательства между заказчиком и оператором генеративной системы; затем – предмет авторско-правового спора в части прав на сгенерированный контент; и наконец – доказательство в третьем, не связанном с первыми двумя процессе. Каждый из переходов меняет требования к раскрытию информации о происхождении материала. В договорной плоскости обязанность раскрытия выводится из принципа добросовестности и норм о качестве (ст. 469, 720 ГК РФ); в спорах об интеллектуальных правах – из ст. 1257 ГК РФ и сложившейся к 2024–2025 гг. позиции о критериях творческого вклада человека; в процессуальной плоскости – из правил гл. 6 ГПК РФ и гл. 7 АПК РФ. Согласованности между этими тремя слоями пока нет. В результате одна и та же информация о генеративном происхождении может быть раскрыта на одном этапе и затем формально утрачена на следующем.

Заключение

Генеративный искусственный интеллект меняет не формальное определение доказательства, а практические условия его достоверности. Российское процессуальное право пока сохраняет работоспособность благодаря технологической нейтральности классических норм, однако этой нейтральности уже недостаточно для устойчивого правоприменения в условиях, когда доля синтетических материалов в гражданских и арбитражных делах будет расти. Основная нагрузка приходится на достоверность.

Выполненная процессуальная реконструкция показала, что центральная проблема – не отсутствие нормы о ИИ как таковой, а отсутствие связки между стратегическим регулированием, которое уже зафиксировано в Указе Президента РФ № 490 в редакции от 15.02.2024, и процессуальным инструментарием, остающимся в редакции, пригодной для аналогового мира. Предложенный режим повышенной верификации опирается на четыре элемента: процессуальное раскрытие факта применения генеративного ИИ, презумпция повышенного риска недостоверности вместо презумпции недопустимости, трёхэлементная классификация цифровых материалов с дифференцированным стандартом доказательственной силы и расширение методической базы судебной экспертизы цифрового происхождения. Каждый элемент укладывается в существующую структуру гл. 6 ГПК РФ и гл. 7 АПК РФ. Реализация возможна точечной поправкой либо разъяснением Пленума ВС РФ. Естественной точкой опоры для нормативной фиксации видится корректировка ст. 56 и ст. 67 ГПК РФ, а на уровне разъяснений – обновление постановления Пленума ВС РФ от 26.06.2008 № 13.

Зарубежный процессуальный опыт – прежде всего обозначенный делом Mata v. Avianca, Inc. (S.D.N.Y., 22.06.2023) и проектом Rule 707 Федеральных правил о доказательствах США 2024–2025 гг. – подтверждает выбранное направление: усиление личной ответственности участника процесса за верификацию ИИ-материала и одновременное расширение содержания экспертного заключения. Российский законодатель располагает достаточным временем для выработки собственного решения. Окно, однако, не бесконечно. Стандарты цифровой провенансности – в том числе спецификация C2PA – складываются на технологической стороне уже сегодня; через несколько лет правоприменителю придётся опираться на них фактически, и тогда отсутствие нормативного признания превратится в источник правовой неопределённости. Действующая редакция гл. 6 ГПК РФ не содержит ни одной нормы, прямо обращённой к цифровому происхождению доказательств. По состоянию на конец 2025 г. поправки, относящиеся к процессуальному режиму генеративного ИИ, ни в Государственную Думу, ни на площадку Пленума ВС РФ внесены не были.

Литература

1. Бакшеев В. В. Принцип достоверности искусственного интеллекта // Право и государство: теория и практика. 2025. № 4. С. 184–185.

2. Бакшеев В. В. Принцип прозрачности искусственного интеллекта // Аграрное и земельное право. 2024. № 12 (240). С. 154–156.

3. Тарасов И. Н. Проблемы правового регулирования на примере понятия «искусственный интеллект» // Lex Russica (Русский закон). 2022. Т. 75, № 1 (182). С. 122–130.

4. Медведев А. И. Когда машинная логика неочевидна: проблема прозрачности искусственного интеллекта с точки зрения права // Информационное право. 2023. № 1 (75). С. 9–13.

5. Харитонова Ю. С. Правовые средства обеспечения принципа прозрачности искусственного интеллекта // Journal of Digital Technologies and Law. 2023. Т. 1, № 2. С. 337–358.

6. Талапина Э. Прозрачность алгоритмов искусственного интеллекта // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2025. № 3. С. 4–27.

7. Зарубина Е. В., Журавлева Л. А., Симачкова Н. Н., Фатеева Н. Б., Чупина И. П. Проблемы правового регулирования искусственного интеллекта // Право и управление. 2025. № 3. С. 337–342.

8. Головин К. С. Необходимость правового регулирования «черного ящика» искусственного интеллекта // Вестник Костромского государственного университета. 2024. Т. 30, № 3. С. 290–297.

9. Виноградов В. А. Intellectus ex machina: видимость, потенциальная правосубъектность, ответственность за действия и решения искусственного интеллекта // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2025. Т. 16, № 3. С. 588–607.

10. Хабриева Т. Я. Правовые проблемы идентификации искусственного интеллекта // Вестник Российской академии наук. 2024. Т. 94, № 7. С. 609–622.

11. Михайлов М. А., Михайлова А. G. Правовая регламентация использования систем искусственного интеллекта в юриспруденции и иных сферах человеческой деятельности // Российский следователь. 2025. № 7. С. 58–63.

12. Караманов К. А. Алгоритмическая прозрачность как принцип правового регулирования искусственного интеллекта // Legal Bulletin. 2025. Т. 10, № 2. С. 43–54.

13. Чекотов И. П. Правовое регулирование искусственного интеллекта в борьбе с преступностью // Академический юридический журнал. 2025. Т. 26, № 3 (101). С. 548–559.

14. Козлов И. Н. Правовые аспекты регулирования искусственного интеллекта как фактор устойчивого развития общества и технологического прогресса // Академический исследовательский журнал. 2025. Т. 3, № 1. С. 209–222.

15. Чернышова А. О., Мамышева Е. А., Урзов В. А. Правовое обеспечение использования искусственного интеллекта в обязательственных отношениях // Юридическая наука. 2025. № 10. С. 162–166.

Evidence in the era of generative artificial intelligence: problems of reliability and legal regulation

Krivitskaya Ju.S.
Don State Technical University

The spread of generative artificial intelligence models has exposed a weak point in the classical procedural doctrine of evidence: the very ability to distinguish machine-generated material from a trace of a real event becomes an independent procedural task. As of 2026, Russian procedural legislation preserves technological neutrality, which secures its formal functionality but leaves the law-applier with excessive discretion in conditions where the content of a text, image or audio recording may turn out to be entirely synthetic. The aim of the work is to identify gaps in the current regulation of admissibility and reliability with respect to AI-generated materials and to formulate a procedural regime of heightened verification. The formal-legal and comparative-legal analysis is applied to the norms of the Code of Civil Procedure, the Arbitration Procedure Code, the Code of Administrative Procedure, Federal Law No. 73-FZ of 31.05.2001 as amended on 22.07.2024 and Presidential Decree No. 490 of 10.10.2019 as amended on 15.02.2024; in parallel, the Mata v. Avianca, Inc. case (S.D.N.Y., 2023) and the draft Rule 707 of the U.S. Federal Rules of Evidence are examined. A three-element classification of digital materials is proposed – native, AI-assisted and AI-synthetic – with differentiated verification standards; the expediency of a procedural duty to disclose the use of generative AI is substantiated, along with an expansion of the methodological base of forensic examination of digital origin. The results are applicable to refining the norms of Chapter 6 of the Code of Civil Procedure and Chapter 7 of the Arbitration Procedure Code, and to shaping recommendations of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation.

Keywords: generative artificial intelligence, evidence, reliability of evidence, procedural law, deepfake, authentication of digital content, forensic examination, legal regulation, algorithmic transparency.

References

1. Baksheev V. V. The Principle of Artificial Intelligence Reliability // Law and State: Theory and Practice. 2025. No. 4. Pp. 184–185.
2. Baksheev V. V. The Principle of Artificial Intelligence Transparency // Agrarian and Land Law. 2024. No. 12 (240). Pp. 154–156.
3. Tarasov I. N. Problems of Legal Regulation on the Example of the Concept of Artificial Intelligence // Lex Russica (Russian Law). 2022. Vol. 75, No. 1 (182). Pp. 122–130.
4. Medvedev A. I. When Machine Logic is Not Obvious: The Problem of Artificial Intelligence Transparency from the Perspective of Law // Information Law. 2023. No. 1 (75). Pp. 9–13.
5. Kharitonova Yu. S. Legal Means of Ensuring the Principle of Transparency of Artificial Intelligence // Journal of Digital Technologies and Law. 2023. Vol. 1, No. 2. Pp. 337–358.
6. Talapina E. Transparency of Artificial Intelligence Algorithms // Pravo. Journal of the Higher School of Economics. 2025. No. 3. Pp. 4–27.
7. Zarubina E. V., Zhuravleva L. A., Simachkova N. N., Fateeva N. B., Chupina I. P. Problems of Legal Regulation of Artificial Intelligence // Law and Management. 2025. No. 3. Pp. 337–342.
8. Golovin K. S. The Need for Legal Regulation of the "Black Box" of Artificial Intelligence // Bulletin of the Kostroma State University. 2024. Vol. 30, No. 3. Pp. 290–297.
9. Vinogradov V. A. Intellectus ex machina: visibility, potential legal personality, responsibility for the actions and decisions of artificial intelligence // Bulletin of St. Petersburg University. Law. 2025. Vol. 16, No. 3. Pp. 588–607.
10. Khabrieva T. Ya. Legal Problems of Artificial Intelligence Identification // Bulletin of the Russian Academy of Sciences. 2024. Vol. 94, No. 7. Pp. 609–622.
11. Mikhailov M. A., Mikhailova A. G. Legal regulation of the use of artificial intelligence systems in law and other areas of human activity // Russian Investigator. 2025. No. 7. Pp. 58–63.
12. Karamanov K. A. Algorithmic transparency as a principle of legal regulation of artificial intelligence // Legal Bulletin. 2025. Vol. 10, No. 2. pp. 43-54.
13. Chekotov I. P. Legal regulation of artificial intelligence in the fight against crime // Academic Law Journal. 2025. Vol. 26, No. 3 (101). pp. 548-559.
14. Kozlov I. N. Legal aspects of regulation of artificial intelligence as a factor of sustainable development of society and technological progress // Academic Research Journal. 2025. Vol. 3, No. 1. pp. 209-222.
15. Chernyshova A. O., Mamysheva E. A., Urzov V. A. Legal support for the use of artificial intelligence in contractual relations // Legal Science. 2025. No. 10. Pp. 162–166.

Принцип реабилитационного паритета в делах о банкротстве: анализ практики Верховного Суда Российской Федерации

Кривощеков Вячеслав Сергеевич
аспирант, кафедра гражданско-правовых дисциплин, Московский финансово-юридический университет МФЮА, crivoshekow@yandex.ru

В статье исследуется принцип реабилитационного паритета как ключевой критерий судебного контроля за мировым соглашением в деле о банкротстве. Проанализированы правовые позиции Верховного Суда РФ, сформированные в период с 2015 по 2024 год, в том числе Определение Судебной коллегии по экономическим спорам от 21 сентября 2023 г. по делу «Лафер-Юг» (№ 308-ЭС20-3526). Выявлена эволюция стандартов судебной проверки мировых соглашений — от формальной проверки соответствия закону к содержательной оценке реабилитационной направленности. Установлено, что принцип реабилитационного паритета требует сравнения предлагаемых условий мирового соглашения с ликвидационным сценарием, а использование мирового соглашения в качестве инструмента фактической ликвидации должника является основанием для отказа в его утверждении вне зависимости от волеизъявления кредиторского большинства.

Ключевые слова: мировое соглашение, банкротство, реабилитационный паритет, несогласные кредиторы, судебный контроль, ликвидационный сценарий, Верховный суд рф.

Мировое соглашение как инструмент выхода из банкротства остается объектом острых теоретических разногласий, не получивших разрешения ни в доктрине, ни в правоприменении. Закон о банкротстве [1] допускает широкий спектр договорных инструментов – от рассрочки и прощения долга до конвертации требований в участие в капитале и замещения активов. Между тем статистика неумолима: по данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ, за 2023 год из 5 440 компаний, прошедших наблюдение, мировое соглашение было заключено лишь в 143 случаях – менее трех процентов от общего числа дел. При этом за рассматриваемый период правовая позиция Верховного Суда РФ претерпела существенную эволюцию – от формальной проверки условий соглашения к их содержательной оценке. Именно эта эволюция составляет предмет настоящего исследования.

Вопрос о стандартах судебного контроля за утверждением мирового соглашения в деле о банкротстве не является новым для отечественной доктрины. М. А. Рожкова, анализируя природу мирового соглашения, указывала, что суд при его утверждении выступает не пассивным регистратором достигнутого компромисса, а активным участником, проверяющим законность условий и их соответствие интересам всех кредиторов, в том числе тех, кто не участвовал в голосовании [2, с. 267]. В.А. Химичев, в свою очередь, обращал внимание на то, что суд обязан отказать в утверждении, если мировое соглашение фактически не предоставляет кредиторам реальной перспективы погашения долгов, превращаясь в инструмент затягивания банкротных процедур [3, с. 120]. Однако в течение длительного времени эти теоретические позиции расходились с практикой арбитражных судов, которые нередко ограничивались проверкой формального соответствия условий соглашения требованиям закона, не давая содержательной оценки его реабилитационной направленности. Первой значимой вехой на пути к содержательному судебному контролю стало Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 20 декабря 2005 г. № 97 [4]. Так, сформулирована позиция, предвосхитившая принцип реабилитационного паритета: суд не утверждает мировое соглашение, если его условия ставят несогласных кредиторов в положение худшее по сравнению с тем, на что они могли бы рассчитывать при удовлетворении требований в порядке, установленном законом. Иными словами, уже в 2005 году высшая судебная инстанция по арбитражным делам обозначила ориентир – сравнение мирового соглашения с ликвидационным сценарием как обязательный элемент судебной проверки.

На практике, однако, этот ориентир долгое время оставался скорее декларативным. Суды первой и апелляционной инстанций нередко ограничивались проверкой голосования на собрании кредиторов и наличия задолженности перед кредиторами первой и второй очереди – то есть тех формальных условий, которые прямо названы в ст. 160 Закона о банкротстве [1]. В.Ф. Попондопуло, исследуя функцию судебного контроля в банкротстве, фиксировал эту проблему: суды рассматривают утверждение мирового соглашения как технический акт, а не как содержательную оценку реабилитационного плана должника [5, с. 278]. В итоге мировое соглашение превращалось в удобный инструмент для достижения самых разных целей – не всегда совпадавших с задачей восстановления платежеспособности.

Перелом в подходе наметился с началом активной работы Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ. Определение от 29 января 2015 г. № 305-ЭС14-3217 по делу № А40-77449/2012 [6] закрепило позицию, согласно которой утверждение мирового соглашения, условия которого заведомо неисполнимы с учетом реального финансового состояния должника, является нарушением закона. Этот вывод, на первый взгляд очевидный, имел важное практическое значение:

суд обязан оценивать не только то, что написано в соглашении, но и то, насколько реально его исполнение. Тем самым в судебную проверку был введен элемент экономического анализа – обязанность суда убедиться в исполнимости принятых должником обязательств.

Дальнейшее развитие этот подход получил в Определении Верховного Суда РФ от 25 мая 2020 г. № 305-ЭС15-11067 по делу № А40-10099/2014 [7]. Именно в этом акте был использован термин «реабилитационный паритет» применительно к проверке условий мирового соглашения. Коллегия указала: условия мирового соглашения не должны ухудшать положение несогласных кредиторов по сравнению с тем результатом, который они получили бы при реализации имущества должника в конкурсном производстве. При этом бремя доказывания того, что предлагаемые условия не хуже ликвидационного сценария, возлагалось на сторонников соглашения – прежде всего на кредиторское большинство, инициировавшее его заключение. Это было принципиальным сдвигом: суд перестал исходить из презумпции добросовестности большинства и начал требовать от него содержательного обоснования.

Наиболее полное воплощение принцип реабилитационного паритета получил в Определении Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 21 сентября 2023 г. № 308-ЭС20-3526 по делу № А32-26161/2019 – деле о банкротстве ООО «Лафер-Юг» [8]. Это определение заслуживает детального рассмотрения, поскольку в нем Верховный Суд РФ не просто разрешил конкретный спор, но и дал развернутую концептуальную характеристику пределов судебного контроля при утверждении мирового соглашения.

Фабула дела такова: собрание кредиторов ООО «Лафер-Юг» утвердило мировое соглашение, по условиям которого требования большинства кредиторов погашались путем передачи им незавершенного строительством нежилого здания с готовностью около 90%. Здание являлось единственным ликвидным активом должника – компании в сфере строительства и оборота недвижимости. На ранее проводившихся торгах начальная цена объекта составляла 712 миллионов рублей, тогда как по условиям мирового соглашения здание передавалось кредиторам по существенно более низкой оценке.

Суды первой инстанции и округа мировое соглашение утвердили, указав на его экономическую обоснованность. Верховный Суд РФ эти судебные акты отменил. Отменяя судебные акты, коллегия сформулировала несколько принципиально важных тезисов [8].

– при утверждении мирового соглашения суд обязан проверить его на соответствие принципу реабилитационного паритета. Реализация любого реабилитационного плана не должна ухудшать положение несогласных кредиторов по сравнению с тем, как если бы имущество должника продавалось в ликвидационной процедуре.

– количественное превосходство голосов «за» не освобождает суд от содержательной оценки условий соглашения. Кредиторское большинство не вправе принимать произвольные решения в ущерб меньшинству.

– суд обязан оценивать не только юридическую корректность условий, но и их экономическую целесообразность, а также степень вероятности исполнения с учетом рыночной конъюнктуры.

– мировое соглашение, фактически направленное на распределение активов должника без торгов в пользу избранного круга кредиторов, не является реабилитационной процедурой по своей сути – это замаскированная ликвидация, противоречащая природе института.

Показательно и процессуальное обстоятельство, отмеченное Верховным Судом РФ: нижестоящие суды проигнорировали четыре заявления о намерении третьих лиц погасить требования кредиторов, поданные еще за полтора года до рассмотрения ходатайства об утверждении мирового соглашения. Между тем погашение требований кредиторов третьим лицом является самостоятельным реабилитационным механизмом, позволяющим сохранить имущественную базу бизнеса должника, – в отличие от мирового соглашения, по условиям которого единственный ликвидный актив передается кредиторам. Верховный Суд РФ констатировал: в подобной ситуации ходатайство об утверждении мирового соглашения не могло быть рассмотрено ранее разрешения этих заявлений.

Практическое значение принципа реабилитационного паритета, сформулированного в деле «Лафер-Юг», трудно переоценить. Он вводит конкретный алгоритм судебной проверки, который суды нижестоящих инстанций обязаны применять при утверждении мировых соглашений. Суд устанавливает, какой результат кредиторы получили бы при реализации имущества на торгах, и сопоставляет его с предложенными условиями. Если предложенное хуже конкурсного — отказ без дальнейшего обсуждения; если сопоставимо или лучше — суд переходит к проверке исполнимости и добросовестности условий. Утверждение возможно лишь при положительном итоге обеих стадий проверки.

Е.Д. Суворов, рассуждая о роли права в реабилитации бизнеса, обращает внимание на принципиальную разницу между процедурами, действительно направленными на восстановление платежеспособности, и теми, что лишь имитируют реабилитационный результат [9, с. 11]. Дело «Лафер-Юг» является наглядным примером второго варианта: формально мировое соглашение удовлетворяло требованиям закона — большинство проголосовало «за», задолженность перед первой и второй очередью была погашена, условия были определенны. Но содержательно оно лишало должника имущественной базы для продолжения деятельности, что полностью противоречило реабилитационной природе института.

Принцип реабилитационного паритета, однако, не следует понимать как абсолютный запрет на любые условия мирового соглашения, уступающие гипотетическому конкурсному результату. В ряде случаев реабилитационный потенциал мирового соглашения оправдывает определенные уступки со стороны несогласных кредиторов – именно потому, что сохранение бизнеса создает перспективу большего удовлетворения в будущем по сравнению с немедленной ликвидацией. С.А. Карелина точно формулирует этот баланс: эффективность восстановительных мер в мировом соглашении всегда определяется не столько их юридическим содержанием, сколько реальной экономической перспективой, которую они создают для должника [10, с. 710]. Иными словами, уступки несогласных кредиторов допустимы — но лишь тогда, когда они компенсируются обоснованной перспективой реабилитации, а не просто констатацией того, что большинство так проголосовало.

Немаловажно, что дело «Лафер-Юг» не является единственным в своем роде. Начиная примерно с 2018–2019 годов прослеживается устойчивая тенденция к ужесточению содержательного контроля. В Определении Верховный Суд РФ от 30 марта 2018 г. № 305-ЭС17-19680 по делу № А40-221705/2015 [11] Коллегия отменила утвержденное мировое соглашение в связи с тем, что условия прощения части долга были сформированы без проверки их справедливости применительно к несогласным кредиторам. В Определении от 27 мая 2019 г. № 305-ЭС18-25601 по делу № А40-150430/2014 [12] вновь была подтверждена недопустимость условий в части обязательных платежей, выходящих за рамки налогового законодательства, – но и здесь суд акцентировал внимание не только на формальном нарушении, но и на том, что такие условия ставят уполномоченный орган в заведомо неравное положение по сравнению с частными кредиторами.

Отдельного внимания заслуживает вопрос о том, как принцип реабилитационного паритета соотносится с принципом свободы договора. Часть цивилистической доктрины традиционно рассматривала мировое соглашение прежде всего как договорный инструмент, в котором суд не должен вмешиваться в содержание достигнутого кредиторами и должником компромисса. Именно на этом тезисе основывались критики активного

судебного контроля. О.Ю. Скворцов, исследуя природу процессуальных договоров, указывал: суд в мировом соглашении – не стороны переговоров, а гарант законности [13, с. 101]. Между тем практика Верховного Суда РФ последних лет дает иной ответ: гарантия законности в деле о банкротстве предполагает не просто проверку соответствия условий нормам права, но и проверку того, не нарушает ли достигнутый большинством компромисс права тех, кто остался в меньшинстве. Это закономерное ограничение свободы договора в условиях коллективной процедуры, где меньшинство принудительно связывается решением большинства.

Принцип реабилитационного паритета оказал влияние и на более широкую дискуссию о реформировании законодательства о банкротстве. В декабре 2025 года Председатель Совета Федерации В.И. Матвиенко на ежегодном совещании со статс-секретарями федеральных органов исполнительной власти прямо указала на то, что «норма о санации нужна экономике как воздух» и призвала ускорить принятие соответствующих законодательных изменений [14]. В марте 2026 года сенатором Н.А. Журавлевым совместно с депутатами Государственной Думы был внесен законопроект № 1188799-8, предусматривающий введение института соглашения о санации как досудебного договорного механизма реструктуризации с судебным контролем на стадии распространения условий на несогласных кредиторов [15]. Примечательно, что базовым критерием допустимости такого соглашения в законопроекте также является сравнение его условий с ликвидационным сценарием – то есть тот самый принцип реабилитационного паритета, выработанный судебной практикой.

Таким образом, принцип реабилитационного паритета прошел путь от доктринального ориентира, намеченного в Информационном письме Президиума ВАС РФ № 97 еще в 2005 году, до конкретного алгоритма судебного контроля, закрепленного в практике Верховного Суда РФ в 2023 году. Его суть сводится к следующему: мировое соглашение в деле о банкротстве оправдано лишь тогда, когда оно предлагает несогласным кредиторам результат не хуже ликвидационного, а сам должник сохраняет реальную возможность продолжить хозяйственную деятельность. Использование мирового соглашения как инструмента фактического распределения активов в пользу кредиторского большинства без сохранения бизнеса должника противоречит природе института и является самостоятельным основанием для отказа в утверждении – вне зависимости от формального соблюдения процедуры голосования.

Изложенное имеет прямое практическое значение. Инициаторам мирового соглашения следует заблаговременно готовить экономическое обоснование, подтверждающее превосходство предлагаемых условий над ликвидационным результатом — иначе суд вправе отказать уже на стадии проверки. Нижестоящим судам необходимо выйти за рамки формального подсчета голосов и оценивать условия соглашения по существу применительно к несогласным кредиторам. Наконец, законопроект Журавлева органично встраивается в выработанную судебной практикой систему требований к реабилитационным инструментам способен перенести контрольную точку на более ранний этап финансовых затруднений должника.

Литература

1. Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» от 26.10.2002 № 127-ФЗ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39331/. – Дата доступа: 01.03.2026.
2. Рожкова, М. А. Мировое соглашение в арбитражном суде: проблемы теории и практики / М. А. Рожкова. – М. : Статут, 2004. – 348 с.
3. Химичев, В. А. Защита прав кредиторов при банкротстве / В. А. Химичев. – М. : Волтерс Клувер, 2005. – 174 с.
4. Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 20.12.2005 № 97 «Обзор практики рассмотрения арбитражными судами споров, связанных с заключением, утверждением и расторжением мировых соглашений в делах о несостоятельности (банкротстве)» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru. – Дата доступа: 01.03.2026.
5. Попондопуло, В. Ф. Банкротство. Правовое регулирование / В. Ф. Попондопуло. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Проспект, 2016. – 432 с.
6. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 29.01.2015 № 305-ЭС14-3217 по делу № А40-77449/2012 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru. – Дата доступа: 01.03.2026.
7. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 25.05.2020 № 305-ЭС15-11067 по делу № А40-10099/2014 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru. – Дата доступа: 01.03.2026.
8. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 21.09.2023 № 308-ЭС20-3526 по делу № А32-26161/2019 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru. – Дата доступа: 01.03.2026.
9. Суворов, Е. Д. Спасение бизнеса, банкротство и роль права / Е. Д. Суворов // Право и бизнес. – 2021. – № 2. – С. 9–13.
10. Карелина, С. А. Несостоятельность (банкротство) : учебный курс : в 2 т. Т. 2 / С. А. Карелина. – М. : Статут, 2019. – 848 с.
11. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 30.03.2018 № 305-ЭС17-19680 по делу № А40-221705/2015 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru. – Дата доступа: 01.03.2026.
12. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 27.05.2019 № 305-ЭС18-25601 по делу № А40-150430/2014 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru. – Дата доступа: 01.03.2026.
13. Скворцов, О. Ю. К вопросу о договорах в сфере процессуальных отношений / О. Ю. Скворцов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. – 2009. – № 3. – С. 98–112.
14. Матвиенко призвала скорее принять закон о реформе процедуры банкротства // Сенат Информ. – 2025. – 17 декабря. – URL: https://senatinform.ru/news/matvienko_prizvala_skoree_prinyat_zakon_o_reforme_protsedury_bankrotstva/ (дата обращения: 01.03.2026).
15. Проект федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части предупреждения банкротства и расширения возможностей финансового оздоровления», рег. № 1188799-8 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://sozd.duma.gov.ru/bill/1188799-8. – Дата доступа: 01.03.2026.

The principle of rehabilitation parity in bankruptcy proceedings: analysis of the practice of the supreme court of the Russian Federation

Krivoshchekov V.S.
Moscow Finance and Law University MFUA

The article examines the principle of rehabilitation parity as a key criterion for judicial review of settlement agreements in bankruptcy proceedings. The legal positions of the Supreme Court of the Russian Federation formed between 2015 and 2024 are analysed, including the Ruling of the Economic Disputes Chamber of 21 September 2023 in the Lafer-Yug case (No. 308-ES20-3526). The evolution of judicial review standards for settlement agreements is traced — from formal verification of statutory compliance to substantive assessment of rehabilitation intent. It is established that the rehabilitation parity principle requires comparing the proposed terms of a settlement agreement against a liquidation scenario, and that using a settlement agreement as an instrument of de facto liquidation constitutes grounds for refusal of its approval regardless of the majority creditors' vote.

Keywords: settlement agreement, bankruptcy, rehabilitation parity, dissenting creditors, judicial review, liquidation scenario, supreme court of the Russian Federation.

References

1. Federal Law "On Insolvency (Bankruptcy)" dated October 26, 2002, No. 127-FZ [Electronic resource]. – Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39331/. – Access date: March 1, 2026.
2. Rozhkova, M. A. Settlement Agreement in Arbitration Court: Theoretical and Practical Issues / M. A. Rozhkova. – Moscow: Statut, 2004. – 348 p.
3. Khimichev, V. A. Protection of Creditors' Rights in Bankruptcy / V. A. Khimichev. – Moscow: Wolters Kluwer, 2005. – 174 p.

4. Information Letter of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation dated 20.12.2005 No. 97 "Review of the Practice of Considering Disputes by Arbitration Courts Related to the Conclusion, Approval, and Termination of Settlement Agreements in Insolvency (Bankruptcy) Cases" [Electronic resource]. - Access mode: https://www.consultant.ru. - Access date: 01.03.2026.
5. Popondopulo, V. F. Bankruptcy. Legal Regulation / V. F. Popondopulo. - 2nd ed., revised. and enlarged. - M.: Prospect, 2016. - 432 p.
6. Determination of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation dated January 29, 2015 No. 305-ES14-3217 in case No. A40-77449/2012 [Electronic resource]. – Access mode: https://www.consultant.ru. – Access date: March 1, 2026.
7. Determination of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation dated May 25, 2020 No. 305-ES15-11067 in case No. A40-10099/2014 [Electronic resource]. – Access mode: https://www.consultant.ru. – Access date: March 1, 2026. 8. Ruling of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation dated September 21, 2023, No. 308-ES20-3526 in case No. A32-26161/2019 [Electronic resource]. – Access mode: https://www.consultant.ru. – Access date: March 1, 2026.
9. Suvorov, E. D. Business Rescue, Bankruptcy, and the Role of Law / E. D. Suvorov // Law and Business. – 2021. – No. 2. – Pp. 9–13.
10. Karelina, S. A. Insolvency (Bankruptcy): a training course: in 2 volumes. Vol. 2 / S. A. Karelina. – Moscow: Statut, 2019. – 848 p.
11. Ruling of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation dated March 30, 2018 No. 305-ES17-19680 in case No. A40-221705/2015 [Electronic resource]. – Access mode: https://www.consultant.ru. – Access date: March 1, 2026.
12. Ruling of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation dated May 27, 2019 No. 305-ES18-25601 in case No. A40-150430/2014 [Electronic resource]. – Access mode: https://www.consultant.ru. – Access date: March 1, 2026. 13. Skvortsov, O. Yu. On the Issue of Contracts in the Sphere of Procedural Relations / O. Yu. Skvortsov // Bulletin of the St. Petersburg University. Law. - 2009. - No. 3. - P. 98-112.
14. Matvienko called for the speedy adoption of the law on bankruptcy procedure reform // Senate Inform. - 2025. - December 17. - URL: https://senatinform.ru/news/matvienko_prizvala_skoree_prinyat_zakon_o_reforme_protsedury_bankrotstva/ (date of access: 01.03.2026).
15. Draft Federal Law “On Amendments to the Federal Law “On Insolvency (Bankruptcy)” and Certain Legislative Acts of the Russian Federation in Terms of Bankruptcy Prevention and Expanding Opportunities for Financial Recovery”, reg. No. 1188799-8 [Electronic resource]. – Access mode: https://sozd.duma.gov.ru/bill/1188799-8. – Access date: 01.03.2026.

Об отсутствии правовых оснований для включения в РНП участника закупки, занявшего второе место и реализовавшего свое право не заключать контракт после расторжения заказчиком контракта с победителем торгов

Москвитин Олег Андреевич
управляющий партнер Группы компаний «ЭКЗИТА», ведущий эксперт Института экономики и регулирования инфраструктурных отраслей НИУ ВШЭ, ассистент Базовой кафедры "Экономические и правовые экспертизы" Союза судебных экспертов "Экспертный совет", Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, член Общественного совета при ФАС России, член Генерального совета Ассоциации антимонопольных экспертов, oam@exita.online,

Капитонов Иван Александрович
кандидат экономических наук, доцент, Ведущий научный сотрудник ИЭ РАН, Директор научного центра Экономика труда, РЭУ им. Г.В. Плеханова, kapitonov_ivan@mail.ru,

Корниенко Александр Сергеевич
кандидат экономических наук, основатель и руководитель экспертной платформы «ЭКЗИТА», ask@exita.online

Включение информации о хозяйствующих субъектах, их руководителях и учредителях в реестр недобросовестных поставщиков (РНП) является одним из основных инструментов противодействия нарушениям при заключении и исполнении государственных контрактов и договоров по Федеральному закону № 44-ФЗ. При этом данная публичная санкция исключает (ограничивает) право поставщиков участвовать в соответствующих закупках на два года. Соответственно, споры о включении в РНП всегда являются значимыми, а формирующаяся практика подлежит учету как поставщиками и заказчиками, так и антимонопольными органами. В этой статье рассматривается один из актуальных вопросов такой практики, обосновывается корректный путь ее формирования и обращается внимание на необходимые для этого действия.
Ключевые слова: расторжение контракта, отказ от подписания контракта, включение в реестр недобросовестных поставщиков.

Практика споров о включении сведений в реестр недобросовестных поставщиков (как и об исключении информации из такого реестра) весьма многообразна и охватывает значительное число вопросов, которые затруднительно охватить даже в серии статей.

Между тем обобщение и изучение такой практики крайне актуальны для всех правоприменителей основных законов, регламентирующих публичные закупки – Федерального закона от 05 апреля 2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд»[1] (Закон № 44-ФЗ, Закон о контрактной системе) и Федерального закона от 18 июля 2011 г. № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц»[2].

В связи с этим в данном материале мы решили обратить внимание на один из таких возникших в практике исполнения Закона № 44-ФЗ вопросов, правоприменение по которому еще не сложилось и требует, на наш взгляд, разъяснений ФАС России.

Сам вопрос и проблему мы проиллюстрируем на примере одного из дел антимонопольных органов и альтернативной практики УФАС, а также практики антимонопольных органов по смежным ситуациям.

Дело о включении в РНП

В УФАС поступило обращение Администрации МО «Город Кяхта» о включении в реестр недобросовестных поставщиков сведений в отношении ИП в связи с уклонением от заключения контракта по результатам электронного аукциона на поставку автогрейдера. Ранее в ходе проведения этого аукциона победителем было признано ООО, с которым и заключили контракт.

В дальнейшем контракт был расторгнут заказчиком в одностороннем порядке, а ИП (он занял второе место на этих торгах) был направлен проект контракта в порядке части 17.1 статьи 95 Закона о контрактной системе. В связи с неподписанием ИП контракта Администрация признала его уклонившимся и обратилась в УФАС, которое усмотрело основания для включения предпринимателя в реестр недобросовестных поставщиков. При этом антимонопольный орган руководствовался следующим.

Согласно части 17.1 статьи 95 Закона о контрактной системе в случае расторжения контракта заказчик вправе заключить контракт с участником закупки, заявке которого был присвоен второй номер на соответствующих торгах, при условии согласия такого участника закупки заключить контракт.

Согласно части 3 статьи 51 Закона о контрактной системе не позднее пяти рабочих дней, следующих за днем размещения заказчиком проекта контракта, участник закупки, с которым заключается контракт, осуществляет одно из следующих действий:

1) подписывает усиленной электронной подписью лица, имеющего право действовать от имени участника закупки, проект контракта и одновременно размещает на электронной площадке подписанный проект контракта, а также документ, подтверждающий предоставление обеспечения исполнения контракта;

2) формирует, подписывает усиленной электронной подписью лица, имеющего право действовать от имени участника закупки, и размещает на электронной площадке и в ЕИС протокол разногласий;

3) формирует, подписывает усиленной электронной подписью лица, имеющего право действовать от имени участника закупки, и размещает на электронной площадке отказ от заключения контракта в случае, предусмотренном пунктом 1 части 17.2 статьи 95 этого Федерального закона.

В соответствии с частью 6 статьи 51 Закона № 44-ФЗ в случае, если участником закупки, с которым заключается контракт, контракт не подписан:

1) такой участник закупки считается уклонившимся от заключения контракта;

2) заказчик не позднее одного рабочего дня, следующего за днем истечения срока подписания участником контракта:

а) формирует с использованием ЕИС и подписывает протокол об уклонении участника закупки от заключения контракта;

б) формирует и направляет обращение о включении информации об участнике закупки в реестр недобросовестных поставщиков (подрядчиков, исполнителей);

3) оператор электронной площадки не позднее одного часа с момента размещения протокола об уклонении участника закупки от заключения контракта направляет такому участнику закупки уведомление о таком размещении.

Как отмечалось ранее, заказчиком был направлен проект контракта для подписания ИП. В установленные законом сроки ИП не подписал контракт (и не предоставил обеспечение его исполнения), но и не разместил в ЕИС отказ от его подписания, в связи с чем заказчик составил протокол признания участника уклонившимся от заключения контракта и обратился в антимонопольный орган.

На основании всего вышеизложенного УФАС пришло к выводам:

- о недобросовестном поведении со стороны ИП, так как поставщиком не было предпринято «мер, направленных на своевременное заключение контракта, в то время как при должной осмотрительности поставщик должен был совершить все действия, направленные на исполнение требований действующего законодательства»;

- о наличии оснований для внесения сведений об ИП в реестр недобросовестных поставщиков (решение Управления Федеральной антимонопольной службы по Республике Бурятия от 16 июля 2024 г. № 003/10/104-497/2024).

В итоге ИП был включен в РНП, но обоснован ли подобный подход антимонопольного органа?

Мнение авторов статьи по данному вопросу

В соответствии с пунктом 17.1 статьи 95 Закона о контрактной системе в случае одностороннего расторжения заказчиком контракта с победителем торгов контракт заключается с лицом, занявшим второе место на этих торгах, при условии согласия такого лица на заключение контракта. Эта норма имеет объективное обоснование: готовность к исполнению контракта (экономическая, технологическая и др.), как и заинтересованность в нем, присутствующие на момент проведения торгов, вполне могут отсутствовать у «серебряного призера» закупки (будем называть его для краткости в дальнейшем «Вторым участником»), например, через несколько месяцев после заключения контракта с победителем тендера.

В связи с этим без изъявления Вторым участником согласия на заключение контракта такое лицо не может считаться обязанным к его заключению (подписанию).

Часть 3 статьи 51 Закона о контрактной системе предполагает, что указанное согласие на заключение контракта реализуется Вторым участником через подписание проекта контракта и его размещение в ЕИС. Та же норма прямо позволяет Второму участнику разместить в ЕИС отказ от заключения контракта в соответствии с пунктом 1 части 17.2 статьи 95 этого Федерального закона.

Но может ли Второй участник считаться «уклонистом», если он не разместил отказ от подписания контракта? Представляется, что нет, поскольку при таком «бездействии» в любом случае отсутствует факт согласия на заключение контракта, а подписание контракта не является обязательным для Второго участника (в отличие от победителя торгов).

При этом статья 104 Закона № 44-ФЗ устанавливает исчерпывающий перечень оснований для включения в РНП и, в частности, говорит, что процедура включения в этот реестр должна осуществляться в отношении именно «участников закупок, уклонившихся от заключения контрактов».

К аналогичным выводам пришло в схожем деле другое территориальное управление ФАС России. Так, в решении Управления Федеральной антимонопольной службы по Красноярскому краю от 21 апреля 2025 г. № 024/10/104-1034/2025 при отказе во включении ООО в РНП отмечается:

«Кроме того, в соответствии с пунктом 17.1 статьи 95 Закона о контрактной системе контракт заключается исключительно при условии согласия такого участника закупки заключить контракт. ООО…, как следует из материалов обращения, такое согласие не изъявило».

Тут авторы статьи хотели бы оговориться, что, вероятно, на практике готовность Второго участника к заключению контракта может быть выражена не только через подписание контракта в ЕИС, но и, например, в деловой переписке с заказчиком и т.п. В таком случае при последующем неподписании Вторым участником контракта вопрос о добросовестности его поведения более сложен, а наличие оснований для его включения в РНП, вероятно, еще подлежит проверке практикой.

На риски негативных правовых последствий при таком непоследовательном поведении может указывать, например, следующая формулировка из решения Управления Федеральной антимонопольной службы по Томской области от 26 октября 2022 г. № 070/10/104-753/2022: «В действиях ИП отсутствует недобросовестное поведение, поскольку, исходя из части 17.1 статьи 95 Закона о контрактной системе, у Заказчика есть право на заключение контракта с участником закупки, предложившего лучшие условия после победителя, и при этом, у такого участника закупки есть право отказаться от заключения контракта с Заказчиком в таком случае. **ИП не выражал согласия** и не подписывал контракт с Заказчиком».

При этом можно также обратить внимание на достаточно давнее, но, тем не менее, дающее определенные разъяснения письмо ФАС России от 8 декабря 2014 г. № АЦ/50130/14 «О разъяснении законодательства о контрактной системе по вопросу направления заказчиком сведений в реестр недобросовестных поставщиков об участнике, признанном победителем закупки, впоследствии уклонившемся от заключения контракта, в случае, если второй участник уклонился от заключения контракта», в котором говорится:

- Законом о контрактной системе не установлены требования к форме и к содержанию согласия, которое дает участник, заявке или предложению которого присвоен второй номер, а также требования к форме и к содержанию отказа от заключения или исполнения контракта таким участником;

- выражение согласия на заключение контракта участника, заявке или предложению которого присвоен второй номер, может быть подтверждено любым документом, письмом, из содержания которого следует волеизъявление такого участника заключить контракт, в том числе, действием со стороны участника, направленным на заключение контракта, а именно, подписание таким участником проекта контракта;

- выражение отказа от заключения контракта со стороны участника, заявке или предложению которого присвоен второй номер, может быть также подтверждено любым документом, письмом, из содержания которого следует волеизъявление такого участника отказаться от заключения контракта, в том числе, действием, направленным на отказ от заключения контракта, в частности, направление письма об отказе от заключения или исполнения контракта, в том числе после подписания таким участником проекта контракта.

Это означает, что гипотетически в качестве доказательств волеизъявления и добросовестного или недобросовестного поведения Вторых участников антимонопольные органы могут принимать не только их действия в ЕИС.

На это указывается и в отдельных источниках специальной литературы [7].

С учетом изложенного в случае, когда Второй участник ни в какой форме не изъявлял согласия на заключение контракта, факт неразмещения им в ЕИС в соответствии с частью 3 статьи 51 Закона о контрактной системе отказа от подписания контракта (как собственно и размещение такого отказа) не могут свидетельствовать об уклонении Второго участника от заключения контракта, его недобросовестности и наличии оснований для включения такого лица в РНП.

Авторы статьи полагают, что в целях упорядочивания практики, снижения необоснованных рисков для Вторых участников и числа случаев необоснованного направления заказчиками сведений для включения Вторых участников в РНП и уменьшения тем самым нагрузки как на антимонопольные органы и участников закупок (бизнес), так и самих госзаказчиков, ФАС России целесообразно дать соответствующие актуальные разъяснения в адрес своих территориальных органов и лиц, задействованных в контрактной системе.

При этом, вероятно, наиболее безопасным на сегодня вариантом действий для Вторых участников является размещение в ЕИС прямо предусмотренного Законом № 44-ФЗ отказа от заключения контракта или хотя бы направление заказчику письма с отказом (антимонопольные органы учитывают такие действия как свидетельствующие в пользу Вторых участников – см., например, решение Управления Федеральной антимонопольной службы по Республике Саха (Якутия) от 24 октября 2023 г. № 014/06/104-1577/2023). Второй вариант поведения менее безопасен, поскольку в силу части 6 статьи 51 Закона о контрактной системы Второй участник не считается уклонившимся, если разместил в ЕИС отказ от заключения контракта (см. также об этом профессиональную литературу [9] [10]). Для иных вариантов оформления отказа такой прямой оговорки в законе нет.

Литература

1. Федеральный закон от 05 апреля 2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (Собрание законодательства РФ от 8 апреля 2013 г., № 14, ст. 1652).
2. Федеральный закон от 18 июля 2011 г. № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» (Собрание законодательства РФ от 25 июля 2011 г., № 30, ст. 4571).
3. Решение Управления Федеральной антимонопольной службы по Республике Бурятия от 16 июля 2024 г. № 003/10/104-497/2024 (СПС «Гарант», дата обращения 7 марта 2026 г.).
4. Решение Управления Федеральной антимонопольной службы по Красноярскому краю от 21 апреля 2025 г. № 024/10/104-1034/2025 (СПС «Гарант», дата обращения 7 марта 2026 г.).
5. Решение Управления Федеральной антимонопольной службы по Томской области от 26 октября 2022 г. № 070/10/104-753/2022 (СПС «Гарант», дата обращения 7 марта 2026 г.).
6. Письмо ФАС России от 8 декабря 2014 г. № АЦ/50130/14 (СПС «Гарант», дата обращения 9 марта 2026 г.).
7. Назаров Р.А. Шпаргалка по госзакупкам. - "Юстицинформ", 2016 г. СПС «Гарант», дата обращения 9 марта 2026 г.) (Собрание законодательства РФ от 8 апреля 2013 г., № 14, ст. 1652).
8. Решение Управления Федеральной антимонопольной службы по Республике Саха (Якутия) от 24 октября 2023 г. № 014/06/104-1577/2023 (СПС «Гарант», дата обращения 9 марта 2026 г.).
9. Комментарий к Федеральному закону от 5 апреля 2013 г. N 44-ФЗ "О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд" (Борисов А.Н., Краев Н.А.) (постатейный; издание восьмое, переработанное и дополненное) - М.: "Деловой двор", 2022. - 896 с. (СПС «Гарант», дата обращения 9 марта 2026 г.).
10. Энциклопедия решений. Закупка у "следующего участника" при расторжении контракта, заключенного по итогам конкурентного способа закупки (март 2026) (СПС «Гарант», дата обращения 9 марта 2026 г.).

On the absence of legal grounds for inclusion in the register of unscrupulous suppliers of the procurement participant who took second place and exercised his right not to conclude a contract after the customer terminated the contract with the winner of the tender

Moskvitin O.A., Kapitonov I.A., Kornienko A.S.

General Council of the Association of Antimonopoly Experts, Plekhanov Russian University of Economics, EKZITA expert platform

Inclusion of information about economic entities, their executives and founders in the register of unscrupulous suppliers is a one of the main tools for countering violations in the conclusion and execution of public contracts and agreements under Federal Laws No. 44-FZ and 223-FZ.

At the same time, this public sanction excludes (limits) suppliers' right to participate in relevant procurement procedures for two years. Consequently, disputes regarding inclusion in the register are always significant, and the emerging practice must be taken into account by suppliers, customers and antitrust authorities alike.

This article examines one of the pressing issues of this practice, substantiates the correct way of its formation, and draws attention to the actions required for this.

Keywords: termination of a contract, refusal to sign a contract, inclusion in the register of unscrupulous suppliers.

References

1. Federal Law No. 44-FZ of April 5, 2013 'On the Contract System in the Sphere of Procurement of Goods, Works, and Services for State and Municipal Needs' (Collection of Legislation of the Russian Federation of April 8, 2013, No. 14, Art. 1652).
2. Federal Law No. 223-FZ of July 18, 2011 'On Procurement of Goods, Works, and Services by Certain Types of Legal Entities' (Collection of Legislation of the Russian Federation of July 25, 2011, No. 30, Art. 4571).
3. Decision of the Office of the Federal Antimonopoly Service for the Republic of Buryatia of July 16, 2024 No. 003/10/104-497/2024 (Garant Legal Reference System, accessed March 7, 2026).
4. Decision of the Office of the Federal Antimonopoly Service for the Krasnoyarsk Territory of April 21, 2025 No. 024/10/104-1034/2025 (Garant Legal Reference System, accessed March 7, 2026).
5. Decision of the Office of the Federal Antimonopoly Service for the Tomsk Region of October 26, 2022 No. 070/10/104-753/2022 (Garant Legal Reference System, accessed March 7, 2026).
6. Letter of the Federal Antimonopoly Service of Russia of December 8, 2014 No. ATs/50130/14 (Garant Legal Reference System, accessed March 9, 2026).
7. Nazarov R.A. Quick Reference Guide to Public Procurement. — Yustitsinform, 2016 (Garant Legal Reference System, accessed March 9, 2026).
8. Decision of the Office of the Federal Antimonopoly Service for the Republic of Sakha (Yakutia) of October 24, 2023 No. 014/06/104-1577/2023 (Garant Legal Reference System, accessed March 9, 2026).
9. Commentary to Federal Law No. 44-FZ of April 5, 2013 'On the Contract System in the Sphere of Procurement of Goods, Works, and Services for State and Municipal Needs' (Borisov A.N., Kraev N.A.) (article-by-article; eighth edition, revised and expanded). — Moscow: Delovoy Dvor, 2022. — 896 p. (Garant Legal Reference System, accessed March 9, 2026).
10. Encyclopedia of Decisions. Procurement from the 'Next Participant' upon Termination of a Contract Concluded Following a Competitive Procurement Method (March 2026) (Garant Legal Reference System, accessed March 9, 2026).

Влияние изменений законодательства на стратегию логистической компании

Мухамеджанова Маргарита Рафиковна
магистрант, Корпоративная отчетность и право в бизнесе, экономика, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Новороссийский филиал, margarita515015@gmail.com,

Воблая Ирина Николаевна
к.э.н., доцент кафедры «Экономика, финансы и менеджмент», Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Новороссийский филиал, savinvaav@mail.ru

В статье выполнено комплексное исследование влияния трансформации законодательного ландшафта, обусловленного введением ограничительных мер (санкций), на стратегию развития логистической компании мультимодального профиля с приоритетом на контейнерных перевозках и автодоставке. Рассмотрены ключевые изменения в международном и национальном регулировании, выступившие в качестве экзогенного шока для глобальных цепочек поставок. Проанализированы конкретные операционные последствия указанных изменений, включая уход с рынка крупнейших международных контейнерных линий и введение запретов на прямое автомобильное сообщение с ЕС. В ходе работы детально изучена реконфигурация основных логистических маршрутов. Выявлена критически возросшая стратегическая роль порта Новороссийск как ключевого узла для импорта и экспорта, что одновременно создает риски перегруженности его мощностей. В рамках исследования проведен анализ влияния данных факторов на стоимостные параметры и профиль рисков компании. Выявлена трансформация структуры рисков, где на первый план вышли регуляторные (санкционные), политические и репутационные угрозы, оттеснив традиционные операционные риски. На основании проведенного анализа сформулированы стратегические императивы для логистической компании в новых условиях. Определена необходимость смены парадигмы с оптимизации стоимости на обеспечение устойчивости и легитимности цепочек поставок.

Ключевые слова: транспортная логистика, мультимодальные перевозки, санкционное законодательство, логистическая стратегия, контейнерные перевозки, таможенное регулирование, логистические риски, трансграничные перевозки.

Цель исследования – установить особенности влияния изменений законодательства на стратегию логистической компании. Проблема исследования состоит в том, что современная логистическая компания мультимодального профиля функционирует в высокоинтегрированной глобальной системе, где эффективность и рентабельность напрямую обусловлены стабильностью правовой среды. Стратегия такой компании, особенно с фокусом на контейнерные и сопутствующие автомобильные перевозки, является производной от комплекса международных и национальных нормативных актов, регулирующих таможенные процедуры, транспортную безопасность, экологические стандарты и условия конкуренции. Резкое изменение этого законодательного ландшафта, наблюдаемое в последние годы в связи с введением ограничительных мер (санкций) в отношении Российской Федерации, выступает в качестве мощного экзогенного шока. Данный шок требует не тактических корректировок, а фундаментального пересмотра логистических стратегий, перестройки операционных моделей и глубокой переоценки профиля рисков.

Ключевым фактором, переопределившим стратегию логистических компаний, стал уход с российского рынка значительной части крупнейших международных контейнерных линий (Maersk, CMA CGM, Hapag-Lloyd и др.) вследствие введённых ограничений и рисков вторичных санкций. Данное событие привело к нескольким стратегически важным последствиям[1,2].

Как отмечает в своем исследовании Симонов А.В., во-первых, произошло резкое сокращение прямых контейнерных сервисов в ключевые порты Балтийского и Черноморского бассейнов. Компании, чья стратегия была завязана на обеспечении импорта комплектующих и потребительских товаров из Юго-Восточной Азии и Европы по принципу «от двери до двери» с использованием единого сквозного коносамента, столкнулись с разрывом логистических цепочек. Это потребовало перехода на схему работы с нишевыми или локальными судоходными компаниями, а также активного использования транзитных хабов. В частности, порты Турции (в первую очередь, Стамбул, Мерсин, Измир) превратились в критически важные перевалочные узлы. Контейнеры, следующие из Азии, теперь часто выгружаются в турецких портах, откуда осуществляется их дальнейшая переотправка в Россию фидерными судами или альтернативными видами транспорта. Данная реконфигурация не только увеличила среднее время транзита на 14-21 день, но и привела к значительному росту комплексных логистических издержек, включая стоимость дополнительной перевалки, хранения и обработки документации[3].

Во-вторых, экспортные потоки, особенно в направлении Европы, также подверглись кардинальной трансформации. Санкционные ограничения на поставку отдельных категорий товаров, сложности с оплатой и страхованием грузов вынудили логистических операторов искать новые рынки и маршруты. Усилилась переориентация экспорта на дружественные страны, что потребовало от компаний развития компетенций в работе с портами Кавказа, Центральной Азии и Ближнего Востока. Стратегия компании в данной ситуации смещается от оптимизации стоимости к обеспечению надежности и легитимности цепочки поставок, что включает в себя усиленный контроль в отношении всех участников процесса[4].

В контексте возникших ограничений на северо-западном направлении, порт Новороссийск приобрел роль одного из ключевых стратегических логистических хабов. Его значение для компаний, фокусирующихся на контейнерных перевозках, резко возросло. Во-первых, порт стал основными воротами для импорта, идущего через турецкий хаб, а также для грузов из Ин-

дии, Ближнего Востока и Северной Африки. Во-вторых, он играет критическую роль в обеспечении экспортных потоков, в том числе в рамках реализации договоренностей в формате «Север-Юг». Однако данная концентрация создает и новые риски. Увеличение грузопотока ведет к рискам перегруженности терминалов, роста времени обработки судов и вагонов. Стратегия логистической компании в этой связи должна включать в себя диверсификацию портов захода в Черноморско-Азовском регионе (Тамань, Кавказ, Туапсе), а также инвестиции в долгосрочные отношения с терминальными операторами и развитие собственных или арендованных мощностей для консолидации и хранения грузов в зоне порта. Кроме того, необходимо учитывать возросшие требования к безопасности и страхованию в связи с общей геополитической напряженностью в регионе[5].

Котов, Е. А. подчеркивает, что изменения в законодательстве, запрещающие въезд грузовых автомобилей российской регистрации на территорию ЕС и стран, присоединившихся к санкциям, привели к кардинальной перестройке сухопутных логистических коридоров. Основным маршрутом для грузов, следующих между Россией и Европой, стал транзит через территорию Республики Беларусь с последующей передачей грузов в приграничных пунктах (напр., в Литве или Польше) контрагентам из третьих стран, чаще всего из Беларуси, Сербии, Турции или Казахстана. Данная схема, известная как «перевалка», значительно усложняет организацию перевозки. Стратегические последствия для логистической компании носят комплексный характер. Во-первых, резко возрастают транзакционные издержки и сроки доставки из-за необходимости привлечения дополнительных посредников, оформления множества договоров перевозки и экспедирования, а также увеличения времени на пограничных переходах. Во-вторых, существенно повышаются операционные риски: риски повреждения груза при перегрузке, риски несвоевременного предоставления подвижного состава партнером, риски расхождения в документации. В-третьих, возникает потребность в формировании или поиске надежной сети проверенных партнеров-перевозчиков в Беларуси и других странах, что требует времени и инвестиций. Все это приводит к удорожанию конечной услуги для клиента и снижает её предсказуемость[6].

Пятый пакет санкций ЕС запретил автотранспортным предприятиям России и Беларуси транзит по территории Евросоюза, резко снизив провозные мощности и вынудив перенаправить потоки через Беларусь, где сохраняются исключения для определенных грузов, таких как удобрения. Автоперевозки из Европы в Россию теперь преимущественно идут через белорусскую территорию, избегая прямого транзита ЕС, что увеличивает расстояние на 20–40% и время доставки, повышая топливные и таможенные издержки. Это особенно актуально для контейнерных автодоставок, где мультимодальные операторы сталкиваются с необходимостью комбинировать железнодорожный и автомобильный транспорт для обхода ограничений. Влияние на стратегию проявляется в росте рисков конфискации грузов и штрафов за несоблюдение CMR с отметками загрузки до апреля 2022 года, требуя от компании усиления юридического сопровождения и страхования. Общая стоимость перевозок выросла на 69% за три года из-за удлинения цепочек и поиска альтернативных перевозчиков из Польши, Литвы или Турции. Логистическая компания вынуждена оптимизировать маршруты через Беларусь, интегрируя их с морскими поставками из Новороссийска[7].

Структурные изменения в законодательстве и международной политике, связанные с введением ограничительных мер, оказали нелинейное и мультипликативное воздействие на экономику логистических операций. Для компании мультимодального профиля, чья деятельность интегрирована в глобальные цепочки, это выразилось в фундаментальном пересчете всех стоимостных параметров и кардинальной трансформации профиля рисков, где традиционные операционные угрозы отошли на второй план перед лицом новых регуляторных и геополитических вызовов.

Как отмечает в своем исследовании Покровская О. Д., системный рост стоимости логистических услуг является следствием наложения нескольких факторов, каждый из которых вносит существенный вклад в итоговую калькуляцию. Уход основных международных перевозчиков привел к сокращению предложения и монополизации рынка нишевыми и локальными игроками. По данным аналитиков рынка, стоимость доставки 40-футового контейнера (FEU) из ключевых портов Китая (Шанхай, Нинбо) в порты Черноморского бассейна (включая Новороссийск) через транзитные хабы Турции в период с 2021 по 2023 год увеличилась в 2.5–4 раза. Если в докризисный период ставка колебалась в диапазоне 2000–3500 долларов США за FEU, то к началу 2023 года она достигала 8000–12000 долларов США. Это связано не только с дисбалансом спроса и предложения, но и с удлинением маршрута: добавление перевалки в Стамбуле или Мерсине увеличивает дистанцию и время цикла судна, что ложится дополнительными операционными расходами на перевозчика, неизбежно переносимыми на клиента[9].

Страховой сектор, крайне чувствительный к санкционным рискам, кардинально пересмотрел свои тарифы. Страхование грузов (cargo insurance), особенно для критических категорий товаров (высокотехнологичное оборудование, товары двойного назначения), подорожала на 150–300%. Более того, рынок стал сегментированным: ставки для грузов, следующих в «дружественные» страны, и для грузов, ассоциированных с «санкционными» юрисдикциями, различаются кратно. Отдельным драйвером роста стало страхование военных рисков для судов, заходящих в акваторию Черного и Азовского морей. Премии по таким полисам, по оценкам международных брокеров (например, Marsh, Willis Towers Watson), в 2023 году колебались от 1% до 5% от стоимости судна и груза за один рейс, что в абсолютных цифрах могло составлять сотни тысяч долларов дополнительных расходов, распределяемых между судовладельцем и грузовладельцем[10].

Усложнение маршрутов привело к возникновению новых статей расходов:

- **Стоимость перевалки в хабах:** Плата за терминальную обработку (THO) и хранение контейнера в портах Турции или стран Кавказа добавляет к итоговой стоимости 500–1500 долларов США за единицу.
- **Удорожание автодоставки:** Перенаправление автомобильных потоков через Беларусь увеличило среднее расстояние перевозки между ЕС и центральными регионами России на 15–25%. С учетом роста цен на дизельное топливо и платы за проезд по автодорогам Беларуси и России, это привело к увеличению стоимости автоперевозки на 1 км на 20–35%. Кроме того, практика «перевалки» груза на границе требует оплаты услуг местного экспедитора, аренды склада временного хранения и дополнительной погрузочно-разгрузочной работы, что добавляет фиксированную надбавку в размере 700–1200 евро за рейс[11].
- **Простои и демереджи:** Увеличение времени обработки в портах (например, в Новороссийске из-за возросшей нагрузки) и на пограничных переходах ведет к превышению лимитов бесплатного пользования контейнером и автотранспортом. Штрафные санкции (демередж и детеншн) стали регулярной статьей расходов, которая в некоторых случаях может составлять до 10% от транспортной составляющей.

Операционные риски, сохраняя свою актуальность, изменили природу. Риск перегруженности инфраструктуры трансформировался из локальной проблемы в системную угрозу надежности всей цепочки поставок. Хронические задержки в ограниченном числе альтернативных узлов и на пограничных переходах вынуждают клиентов накапливать буферные запасы, что, в свою очередь, ведет к росту их общих логистических издержек. При этом зависимость от длинной цепочки посредников повышает уязвимость к каскадным сбоям, когда инцидент

у одного субподрядчика (забастовка, административное приостановление деятельности) парализует движение груза на всем маршруте. Новые реалии также обострили валютные и расчетные риски. Ограничения, наложенные на традиционные механизмы международных расчетов, вынуждают использовать сложные схемы с участием посреднических банков в третьих странах и расчеты в национальных валютах. Это не только увеличивает транзакционные издержки, но и создает риск неисполнения обязательств контрагентом из-за технических или регуляторных препятствий при конвертации и переводе средств. Наконец, репутационный риск приобрел критическое значение в контексте работы на международном рынке, даже с «дружественными» партнерами. Любое, даже косвенное, попадание в поле зрения санкционных органов или публичное ассоциирование с нарушением ограничительных режимов способно нанести долгосрочный и, зачастую, невосполнимый ущерб деловой репутации компании, перекрыв возможности для будущей кооперации с добросовестными международными игроками и инвесторами[12].

Таким образом, изменения законодательства, прежде всего в части санкционных ограничений, оказали глубокое преобразующее воздействие на стратегию логистической компании мультимодального профиля. Из субъекта, оптимизирующего глобальные цепочки поставок, компания вынуждена трансформироваться в субъекта, обеспечивающего жизнеспособность и легитимность реконфигурированных, зачастую менее эффективных, логистических коридоров. Стратегическими императивами становятся: диверсификация географии маршрутов и партнеров, развитие собственной инфраструктуры или эксклюзивных партнерств в ключевых узлах (таких как порт Новороссийск), построение гибких и избыточных цепочек, глубокая интеграция compliance-процедур во все операционные процессы, а также активная работа по хеджированию валютных и политических рисков. Успешная адаптация к новым условиям определяется способностью компании перевести управление повышенными издержками и рисками из плоскости оперативных проблем в плоскость долгосрочной конкурентной стратегии, основанной на устойчивости и надежности, а не только на стоимости.

Литература

1. Смыслов, Г. С. Анализ влияния санкций на развитие транспортно-логистических услуг в России / Г. С. Смыслов. — Текст : непосредственный // Молодой ученый. — 2025. — № 15 (566). — С. 93-96. — URL: https://moluch.ru/archive/566/124081.
2. Гарнов А.П. Тенденции развития российской логистики: прогнозы и действительность // Вестник РЭА им. Г. В. Плеханова. 2023. №5. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tendentsii-razvitiya-rossiyskoy-logistiki-prognozy-i-deystvitelnost (дата обращения: 10.12.2025).
3. СИМОНОВ К. В. Российская логистика и управление цепями поставок: вызовы и актуальные решения // Управленческие науки. 2024. ТОМ 14, №1.
4. Быкова, О. Н. Вызовы и перспективы развития рынка транспортно-логистических услуг / О. Н. Быкова, И. В. Пустохина // Экономика, предпринимательство и право. – 2020. – Т. 10, № 1. – С. 63-70.
5. Абугалиева Н.. Экологическое направление развития логистики // Актуальные исследования. 2023. №46 (176). URL: https://apni.ru/article/8887-ekologicheskoe-napravlenie-razvitiya-logistik.
6. Котов, Е. А. Нормативно-правовые основы логистики в России: состояние и проблемы / Е. А. Котов. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2024 —№ 9 (508). — С. 245-247.
7. Петрова А.В. Влияние импортозамещения на логистические цепочки поставок // Вестник Алтайской академии экономики и права. – 2023 – № 2-2. – С. 252-257; URL: https://vaael.ru/ru/article/view?id=2722.
8. Левченко Н. В. Корпоративная стратегия международной логистической компании в условиях санкций запада // Инновации и инвестиции. 2023. №4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/korporativnaya-strategiya-mezhdunarodnoy-logisticheskoy-kompanii-v-usloviyah-sanktsiy-zapada (дата обращения: 10.12.2025).
9. Покровская О. Д. Ответы российской логистической системы на вызовы западных санкций: обход или нивелирование? //Бюллетень результатов научных исследований. - 2022. - №. 4. - С. 48-73.
10. Агамагомедова Е.В., Коварда В.В. Направления совершенствования логистической деятельности в России в императиве развития экспортного потенциала // Вестник Евразийской науки, 2021 №3.
11. Покровская Оксана Дмитриевна, Воробьев Александр Алфеевич, Мигров Александр Алексеевич, Шевердова Мария Вячеславовна, Ульяницкая Виктория Игоревна, Власенский Артем Андреевич Альтернативная логистика Российской Федерации в условиях западных санкций // IJAS. 2022. №4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/alternativnaya-logistika-rossiyskoy-federatsii-v-usloviyah-zapadnyh-sanktsiy (дата обращения: 10.12.2025).
12. О. Д. Покровская Логистические транспортные системы россии в условиях новых санкций // БРНИ. 2022. №1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/logisticheskie-transportnye-sistemy-rossii-v-usloviyah-novyh-sanktsiy (дата обращения: 10.12.2025).

The impact of legislative changes on the logistics company's strategy

Mukhamedzhanova M.R., Voblaya I.N.
Financial University under the Government of the Russian Federation

The article provides a comprehensive study of the impact of the transformation of the legislative landscape caused by the introduction of restrictive measures (sanctions) on the development strategy of a multimodal logistics company with a priority on container transportation and road delivery. The key changes in international and national regulation that have acted as an exogenous shock to global supply chains are considered. The specific operational consequences of these changes are analyzed, including the withdrawal of the largest international container lines from the market and the introduction of bans on direct road traffic with the EU.In the course of the work, the reconfiguration of the main logistics routes was studied in detail. The critically increased strategic role of the port of Novorossiysk as a key hub for import and export has been revealed, which simultaneously creates risks of overloading its capacities. The study analyzed the impact of these factors on the cost parameters and risk profile of the company. The transformation of the risk structure has been revealed, where regulatory (sanctions), political and reputational threats have come to the fore, pushing aside traditional operational risks. Based on the analysis, the strategic imperatives for the logistics company in the new conditions are formulated. The need for a paradigm shift from cost optimization to ensuring the sustainability and legitimacy of supply chains has been identified.

Keywords: transport logistics, multimodal transportation, sanctions legislation, logistics strategy, container transportation, customs regulation, logistical risks, cross-border transportation.

References

1. Smyslov, G. S. (2025). Analysis of the Impact of Sanctions on the Development of Transport and Logistics Services in Russia. Young Scientist, No. 15 (566), pp. 93–96. URL: https://moluch.ru/archive/566/124081
2. Garnov, A. P. (2023). Trends in the Development of Russian Logistics: Forecasts and Reality. Bulletin of Plekhanov Russian University of Economics, No. 5. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tendentsii-razvitiya-rossiyskoy-logistiki-prognozy-i-deystvitelnost (accessed: 10.12.2025)
3. Simonov, K. V. (2024). Russian Logistics and Supply Chain Management: Challenges and Current Solutions. Management Sciences, Vol. 14, No. 1.
4. Bykova, O. N., & Pustokhina, I. V. (2020). Challenges and Prospects for the Development of the Transport and Logistics Services Market. Economics, Entrepreneurship and Law, Vol. 10, No. 1, pp. 63–70.
5. Abugalieva, N. (2023). Environmental Direction of Logistics Development. Current Research, No. 46 (176). URL: https://apni.ru/article/8887-ekologicheskoe-napravlenie-razvitiya-logistik
6. Kotov, E. A. (2024). Regulatory and Legal Framework of Logistics in Russia: State and Problems. Young Scientist, No. 9 (508), pp. 245–247.
7. Petrova, A. V. (2023). The Impact of Import Substitution on Logistics Supply Chains. Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law, No. 2-2, pp. 252–257. URL: https://vaael.ru/ru/article/view?id=2722
8. Levchenko, N. V. (2023). Corporate Strategy of an International Logistics Company under Western Sanctions. Innovations and Investments, No. 4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/korporativnaya-strategiya-mezhdunarodnoy-logisticheskoy-kompanii-v-usloviyah-sanktsiy-zapada (accessed: 10.12.2025)
9. Pokrovskaya, O. D. (2022). Responses of the Russian Logistics System to the Challenges of Western Sanctions: Bypassing or Leveling? Bulletin of Research Results, No. 4, pp. 48–73.

Теоретико-правовые проблемы реализации корпоративных прав участников общества с ограниченной ответственностью

Перякин Александр Викторович
аспирант, кафедра гражданско-правовых дисциплин, Московский финансово-юридический университет (МФЮА), a.science@bk.ru

Статья посвящена теоретико-правовым проблемам реализации корпоративных прав участников общества с ограниченной ответственностью в российском правопорядке. Актуальность темы обусловлена не столько формальной распространенностью ООО как основной модели малого и среднего бизнеса, сколько усиливающимся разрывом между нормативной конструкцией корпоративных прав и тем, как они осуществляются в реальном конфликтном обороте. Именно в рамках ООО особенно заметны противоречия между имущественной природой участия в корпорации и его организационным содержанием: участник одновременно выступает в роли инвестора, носителя управленческого интереса и, нередко, процессуального оппонента других участников. На этом фоне право на информацию, на участие в управлении, а также механизм исключения из общества приобретают как прикладное, так и выраженное теоретическое значение. Цель состоит в выявлении ключевых противоречий, которые возникают при реализации корпоративных прав участников ООО; в обосновании направлений совершенствования регулирования и правоприменительной практики. Резюмировано, что основная проблема состоит не в недостатке отдельных правомочий участника, а в отсутствии согласованной модели их реализации. Обосновано, что дальнейшее развитие законодательства должно быть связано с дифференциацией объема информационных прав, нормативной конкретизацией критериев существенного вреда для общества, расширением инструментов преодоления корпоративного тупика без разрушения самого бизнеса. Статья будет полезна практикующим юристам, арбитражным управляющим, судьям, разработчикам законодательных инициатив в сфере корпоративного управления.

Ключевые слова: исключение участника, корпоративные права, общество с ограниченной ответственностью, право на информацию, судебная практика, юридическое лицо.

Введение

Общество с ограниченной ответственностью традиционно выступает в качестве наиболее востребованной формы ведения коммерческой деятельности в отечественной юрисдикции. Подобная популярность объясняется относительно простым порядком создания. Требования к стартовому капиталу минимальны; риски учредителей ограничены. Между тем, кажущаяся доступность рассматриваемой организационно-правовой формы скрывает весьма серьезные изъяны. По сути, законодательная модель юридического лица данного типа сопряжена с тонким балансом интересов. Он должен существовать между самой компанией, ее менеджментом, а также мажоритарными и миноритарными совладельцами. Однако на практике указанное равновесие регулярно нарушается. Декларируемые законом возможности зачастую не совпадают с правоприменительной реальностью. В связи с этим отметим, что механизм реализации корпоративных прав нуждается в детальном осмыслении.

Правовая природа корпоративных прав до сих пор вызывает острые дискуссии в цивилистической среде. С одной стороны, они носят ярко выраженный имущественный характер. Их главная цель – извлечение прибыли. С другой, неотъемлемой частью статуса служат неимущественные, организационные правомочия. Разумно предположить, что именно эта двойственность порождает большинство коллизий. Реализация полномочий совладельцев бизнеса затрудняется отсутствием единого концептуального подхода к их защите. Примечательно, что суды высших инстанций вынуждены регулярно корректировать свои позиции. Это прямо указывает на нестабильность доктрины. Закон не дает универсальных ответов; нормы носят абстрактный характер. Это вынуждает арбитров самостоятельно формировать правила игры, опираясь, главным образом, на принципы добросовестности и разумности. Видимо, такой подход обеспечивает определенную гибкость при разрешении споров. Одновременно с этим, он весомо снижает предсказуемость решений. Инвесторы не понимают, как будут защищены их вложения в случае конфликта. Очевидно, без комплексной модернизации профильного законодательства разрешение описанных противоречий останется труднодостижимой задачей. Теоретический «фундамент» требует адаптации к современным экономическим реалиям. Игнорировать данный факт больше нельзя.

Материалы и методы

Изучение теоретико-правовых проблем реализации корпоративных прав участников общества с ограниченной ответственностью опирается на корпус разнообразных исследовательских подходов, которые позволяют разносторонне оценить природу внутрикорпоративных отношений.

Так, формально-догматический контекст лежит в основе трудов Е.В. Гриднева [2, 3], Д.Л. Кондратюка, А.Д. Дорожкина [9]; эти авторы акцентируют внимание на определении правовой сущности и классификации правомочий учредителей. А.В. Камин [6], А.А. Гусева [4], М.Н. Придворова [10] задействуют процедурно-динамический подход, исследуя стадийность и процессуальные тонкости осуществления и защиты прав на практике. Отдельно выделяется аксиологический ракурс рассмотрения в работах В.А. Карпенко [7] и Д.Л. Кондратюка [8] – отмечается направленность на поиск баланса интересов и оценку пределов добросовестного поведения. В свою очередь, Г.А. Дёмин [5] интегрирует в правовой анализ социально-экономический инструментарий с целью описания феномена гринмейла. Б.М. Айсаутов [1] задействует компаративный метод, сопоставляя механизмы выхода из бизнеса в различных юрисдикциях ЕАЭС. Д. Рассадкина [11] обращается к узкопрагматическому анализу правоприменительной практики.

Обзор источников показывает, что фокус современных цивилистических исследований закономерно сместился с базового декларирования корпоративных прав на сложную проблематику их реального применения, где центральное место занимают вопросы принудительного исключения из общества, ограничения доступа к внутренней документации, противодействия шантажу. Выбор именно указанных выше публикаций обоснован: они формируют репрезентативный срез актуальной научной мысли 2023-2026 годов, органично сочетая фундаментальную цивилистическую теорию с острыми проблемами арбитражной практики.

Для обобщения материала в ходе написания статьи применялся метод формально-юридического анализа, контент-оценки литературы, научного синтеза, систематизации.

Результаты и обсуждение

В соответствии с п. 2 ст. 65.1 ГК РФ, «в связи с участием в корпоративной организации ее участники приобретают корпоративные (членские) права и обязанности в отношении созданного ими юридического лица». Таким образом, законодатель раскрывает понятие корпоративных прав через призму отношений членства в организации. Однако при таком подходе не представляется возможным уяснить правовую природу таких прав и их содержание. Само по себе участие в организации констатирует множественность лиц на стороне управомоченного лица, которая имеет место также и в общих обязательствах, например, при соавторстве.

В то же время, в силу положений п. 1 ст. 2 ГК РФ корпоративными признаются «отношения, связанные с участием в корпоративных организациях или с управлением ими (корпоративные отношения)». Тогда получается, что корпоративные права определяются через участие в организации, а корпоративные отношения характеризуются не только участием, но и управлением, что представляется как непоследовательное регулирование данных вопросов и ведет к возникновению научно-теоретических дискуссий и практических проблем [2, 9].

Проблема реализации права на информацию является наиболее острой в деловой практике. Участник вправе требовать предоставления практически любых документов, которые касаются функционирования организации. Это базовый инструмент контроля. Без доступа к бухгалтерии человек физически не может оценить финансовое состояние фирмы. Невозможно оспорить сомнительные сделки директора. Впрочем, именно здесь возникает наибольшее число злоупотреблений правом [2, 6].

Мажоритарии или лояльный им менеджмент искусственно блокируют доступ к цифрам. Они ссылаются на режим коммерческой тайны, требуют избыточной конкретизации в запросе. По замечанию Г.А. Дёмина, миноритарии нередко используют запросы как инструмент откровенного шантажа (гринмейла) [5]. Механизм принудительного исполнения права работает со сбоями. Зачастую арбитражи отказывают в удовлетворении исков, если запрашиваемый объем выглядит несоразмерным. Предположительно, инстанции пытаются защитить хозяйствующие субъекты от парализации их работы из-за необходимости копировать сотни тысяч страниц.

Проблема кроется в различном понимании и толковании норм, которыми регламентируется информационный доступ. В сопоставлении с более ранними подходами, сегодня на практике стали строже оценивать истинные мотивы истца. На основании отмеченного подчеркнем необходимость дифференциации субъектов по размеру принадлежащей им доли. Лицо с долей в части процента не должно обладать тем же уровнем доступа к первичной документации, что и владелец блокирующего пакета. Разрыв между теорией и правоприменением налицо. Закон не устанавливает закрытого перечня документов, к которым гарантирован доступ, что лишь множит конфликты [1, 9, 11].

В контексте анализируемой темы важно обратить внимание на институт исключения совладельца из бизнеса (см. таблицу 1). Это крайняя мера ответственности. Правовая природа характеризуемого механизма амбивалентна. Он защищает интересы юридического лица, но одновременно с этим грубо вторгается в имущественную сферу гражданина. Лишает его собственности [4, 7].

В отличие от предыдущих подходов, современные суды начали пересматривать свои консервативные взгляды на этот инструмент [4, 7]. По существу, формируется новый вектор правоприменения. Еще несколько лет назад исключение рассматривалось как нечто экстраординарное. Судебные органы требовали неоспоримых доказательств причинения серьезного вреда, который закон никак не конкретизировал. Возникал вакуум. Оценку производил судья исключительно на основе внутреннего убеждения. Сегодня ситуация меняется.

Таблица 1

Типичные мотивы для исключения участника из ООО в современной практике (составлено на основе [3, 4, 7, 8, 10])

Основание иска	Примеры недобросовестного поведения
Вывод активов компании	Заключение сделок с фирмами-однодневками в ущерб обществу
Систематическая блокировка работы	Уклонение от участия в общих собраниях при необходимости одобрения крупных сделок
Конкурирующий бизнес	Организация параллельной структуры, переманивание ключевых клиентов
Сутяжничество и гринмейл	Подача множества необоснованных исков с целью парализовать управление

С помощью представленной таблицы демонстрируется, что правоприменитель научился распознавать деструктивные проявления поведения. Тем не менее, фундаментальная проблема сохраняется. В ситуациях равнозначного конфликта (дедлок формата «50 на 50») инструмент исключения часто дает сбой. Механизм, который был создан для разрешения глубоких кризисов, оказывается наименее эффективным в момент их эскалации. Это прямо указывает на необходимость пересмотра базовых теоретических основ разрешения тупиковых ситуаций.

На основании проведенного исследования предлагается ряд мер. Они нацелены на преодоление выявленных теоретико-правовых пробелов. В рекомендациях учитываются интересы всех вовлеченных субъектов бизнеса. Их назначение состоит в том, чтобы сократить трансакционные издержки на судебные тяжбы и повысить устойчивость коммерческих организаций.

Так, требуется дифференцировать объем предоставляемой информации в зависимости от доли участия. Предлагается законодательно закрепить право на аудит первичной бухгалтерской документации только за владельцами не менее 10 % уставного капитала. В итоге решится проблема недобросовестного поведения владельцев микродолей. Новизна подхода выражается в переводе абстрактных оценок суда в строгую математическую плоскость.

Помимо этого, целесообразно внедрить обязательный досудебный порядок урегулирования информационных споров. Он должен включать подписание регламентированного государством типового соглашения о конфиденциальности. Это защитит компании от утечки коммерческой тайны конкурентам.

Видится рациональным ввести легальные критерии «существенного вреда» для дел об исключении участника. Предлагается привязать данный маркер к снижению чистых активов организации более, чем на 15 % вследствие действий ответчика. Благодаря описываемой мере будет сведен к минимуму судейский субъективизм.

В ситуациях неустранимого дедлока («50 на 50») уместно предусмотреть механизм принудительной реорганизации Общества (выделения) как альтернативу исключению. Сохранить бизнес путем его разделения представляется, с точки зрения автора, гораздо более конструктивным решением.

Заключение

По итогам выполненной работы высвечивается глубокий системный характер выявленных пробелов в регулировании

корпоративных отношений. Реализация прав в обществах с ограниченной ответственностью сегодня представляет собой скорее полосу непредсказуемых препятствий, нежели отлаженный, интуитивно понятный механизм. Теоретическая конструкция данной организационно-правовой формы, изначально задуманная законодателем как удобный инструмент для объединения капиталов узкого круга лиц, вступает в жесткое противоречие с реалиями делового оборота. Закон элементарно не поспевает за эволюцией корпоративных конфликтов. Субъекты правоотношений постоянно находят новые схемы для злоупотребления своими полномочиями. В свою очередь, судебная система вынуждена работать в авральном режиме. Она закрывает изъяны в ГК РФ собственным, часто меняющимся толкованием, что недопустимо с позиции стабильности гражданского оборота.

Вместе с тем, ситуацию отнюдь нельзя назвать безнадежной. Разрешение описанных коллизий лежит в плоскости точечной, но концептуально выверенной модернизации нормативной базы. Переход от излишне абстрактных формулировок к конкретизированным количественным критериям поможет существенно снизить градус напряженности. Очевидно, что внедрение предложенных в статье механизмов дифференциации информационных доступов способно качественно изменить судебную статистику. Формализация признаков существенного вреда при исключении участников сделает правоприменение предсказуемым. По-видимому, это надежно защитит как сами коммерческие предприятия от потребительского экстремизма, так и добросовестных инвесторов от самоуправства мажоритарных бенефициаров.

Литература

1. Айсаутов Б.М. Правовые аспекты выхода из состава участников коммерческих организаций с ограниченной ответственностью в государствах – членах ЕАЭС // Закон и право. – 2024. – №. 8. – С. 127-134.
2. Гриднев Е.В. Правовая природа корпоративных прав // Образование и право. – 2023. – №. 11. – С. 315-318.
3. Гриднев Е.В. Правовая характеристика защиты корпоративных прав // Образование и право. – 2023. – №. 3. – С. 70-74.
4. Гусева А.А. Исключение участника из хозяйственного общества (наличие права на иск в зависимости от принадлежащей доли, количества акций) // Юридическая наука. – 2025. – №. 8. – С. 208-213.
5. Дёмин Г.А. Гринмейл как новая социально-экономическая угроза // Экономика и бизнес: теория и практика. – 2023. – №. 4-1 (98). – С. 104-107.
6. Камин А.В. Динамика юридической процедуры осуществления корпоративных прав // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2023. – №. 2 (151). – С. 104-115.
7. Карпенко В.А. Механизмы защиты прав участников Общества при исключении: баланс интересов в корпоративных спорах // Архонт. – 2024. – Т. 43. – №. 4. – С. 55-58.
8. Кондратюк Д.Л. Актуальные проблемы злоупотребления неимущественными корпоративными правами участником общества с ограниченной ответственностью // Образование и право. – 2026. – №. 3. – С. 349-352.
9. Кондратюк Д.Л., Дорожкин А.Д. Проблемы правовой природы и классификации прав участника общества с ограниченной ответственностью // Образование и право. – 2024. – №. 10. – С. 317-322.
10. Придворова М.Н. Законодательная регламентация защиты корпоративных прав // Право: история и современность. – 2024. – Т. 8. – №. 3. – С. 391-399.
11. Рассадкина Д. Когда ООО может отказать участнику в предоставлении информации // URL: https://ao-journal.ru/kogda-ooo-mozhet-otkazat-uchastniku-v-predostavlenii-informatsii (дата обращения: 15.05.2026).

Theoretical and legal problems of realization of corporate rights of participants of a limited liability company

Peryakin A.V.

Moscow Finance and Law University (MFUA)

The article is devoted to the theoretical and legal problems of the implementation of the corporate rights of participants in a limited liability company in the Russian legal order. The relevance of the topic is due not so much to the formal prevalence of LLCs as the main model of small and medium-sized businesses, but rather to the growing gap between the regulatory structure of corporate rights and how they are implemented in real conflict situations. It is within the framework of an LLC that the contradictions between the ownership nature of participation in a corporation and its organizational content are particularly noticeable: the participant simultaneously acts as an investor, a bearer of managerial interest and, often, a procedural opponent of other participants. Against this background, the right to information, to participate in management, as well as the mechanism of exclusion from society acquire both applied and pronounced theoretical significance. The purpose is to identify the key contradictions that arise in the implementation of the corporate rights of LLC participants.; in substantiating the directions of improving regulation and law enforcement practice. It is summarized that the main problem is not the lack of individual powers of the participant, but the lack of an agreed model for their implementation. It is proved that the further development of legislation should be associated with the differentiation of the scope of information rights, the regulatory specification of criteria for significant harm to society, and the expansion of tools to overcome the corporate impasse without destroying the business itself. The article will be useful for practicing lawyers, arbitration managers, judges, and developers of legislative initiatives in the field of corporate governance.

Keywords: exclusion of a participant, corporate rights, limited liability company, right to information, judicial practice, legal entity.

References

1. Aisautov B.M. Legal aspects of withdrawal from the membership of commercial limited liability organizations in the EAEU member states // Law and Legislation. – 2024. – No. 8. – Pp. 127-134.
2. Gridnev E.V. The legal nature of corporate rights // Education and Law. – 2023. – No. 11. – Pp. 315-318.
3. Gridnev E.V. Legal characteristics of the protection of corporate rights // Education and Law. – 2023. – No. 3. – Pp. 70-74.
4. Guseva A.A. Exclusion of a participant from a business company (existence of the right to sue depending on the share owned, the number of shares) // Legal Science. – 2025. – No. 8. – Pp. 208-213.
5. Demin G.A. Greenmail as a new socio-economic threat // Economics and Business: Theory and Practice. – 2023. – No. 4-1 (98). – Pp. 104-107.
6. Kamin A.V. Dynamics of the legal procedure for the exercise of corporate rights // Bulletin of the Saratov State Law Academy. – 2023. – No. 2 (151). – Pp. 104-115.
7. Karpenko V.A. Mechanisms for protecting the rights of Company participants upon exclusion: the balance of interests in corporate disputes // Archon. – 2024. – Vol. 43. – No. 4. – Pp. 55-58.
8. Kondratyuk D.L. Actual problems of abuse of non-property corporate rights by a participant of a limited liability company // Education and Law. – 2026. – No. 3. – Pp. 349-352.
9. Kondratyuk D.L., Dorozhkin A.D. Problems of the legal nature and classification of the rights of a participant in a limited liability company // Education and Law. – 2024. – No. 10. – Pp. 317-322.
10. Pridvorova M.N. Legislative regulation of the protection of corporate rights // Law: History and Modernity. – 2024. – Vol. 8. – No. 3. – Pp. 391-399.
11. Rassadkina D. When an LLC can refuse a participant in providing information // URL: https://ao-journal.ru/kogda-ooo-mozhet-otkazat-uchastniku-v-predostavlenii-informatsii (date of access: 15.05.2026).

Влияние на качество жизни населения страны цифровых технологий в государственной службе: отечественный и зарубежный опыт

Санников Денис Викторович
кандидат юридических наук, адвокат, denis.sannikv@rambler.ru

Статья нацелена на анализ использования цифровых технологий в государственной службе Российской Федерации и за рубежом с целью определить их влияние на качество жизни граждан. В рамках исследования проведено сравнительное изучение Москвы и Сингапура, двух городов, которые считаются наиболее развитыми в мире по уровню цифровой инфраструктуры. По ряду параметров Москва показала преимущества перед Сингапуром, однако по отдельным направлениям лидирует зарубежное государство.
На основе полученных данных предложено распространить наиболее эффективные практики города Москвы на другие регионы Российской Федерации, включая муниципальные образования, для повышения качества жизни населения и сокращения регионального цифрового разрыва. Доказано, что развитие «умных» технологий в государственном управлении улучшает инфраструктуру города, оптимизирует управление транспортом и сокращает время оказания социальных услуг.
Ключевые слова: цифровизации, Москва, Сингапур, Умный город, влияние, улучшение, социальная сфера, управление транспортными потоками, эффективность.

Введение

Качество жизни населения важнейшая характеристика деятельности любого государства, которая доказывает эффективность государственной политики, применяемых технологий управления и экономическую и социальную стабильность страны в целом. При этом на качество жизнен населения огромное влияние оказывают цифровые технологии. В государственной службе это особенно значимо, поскольку от принимаемых государственными служащими решений, зависит реализация проектов. Поэтому актуальным видится исследование зарубежного и российского опыта работы по повышению качества жизни населения посредством интеграции цифровых решений в систему государственного управления. Здесь стоит отметить, что государственная служба формирует двойственный эффект: с одной стороны, цифровые решения направлены на автоматизацию работы и повышение скорости, оперативность обработки данных органами государственной власти, что позволяет принимать более быстрые решения, ускоряет расширение развития социальной сферы.

С другой стороны, государственная служба влияет на качество жизни населения посредством интеграции цифровых технологий в инфраструктуру современных городов. Выстраиваются «умные города», которые полностью оснащены умными устройствами. Это повышает безопасность таких территорий, решаются проблемы дорожного движения, а также повышается уровень инновационного развития потенциала территорий, что становится источником привлечения инвестиций.

Исходя из этого целью статьи является исследование цифровых технологий, реализуемых государственными службами Российской Федерации и других стран и влияние их на качество жизненно населения страны.

Задачи статьи

- провести сравнительный анализ использования «умных технологий» в инфраструктуре российских и зарубежных городов;

- представить эффекты, полученные от цифровых проектов и их влияние на качество жизни населения страны;

- доказать необходимость дальнейшего развития цифровых технологий в Российской Федерации.

Понятию «цифровизация» уделяют внимание большое количество современных авторов. Это такие авторы, как Бабанова Ю.В.[1], Медведков М.Ю. [2], Салихзянова Н.А. [3], Гершман М.А. [4], Голышев И.Г. [5], Губарьков С.В. [6], Дзина Г.А. [7], и многие другие. Авторы приводят разные понятия «цифровизация» и «роботизации», а также представляют модели их интеграции в современную бизнес-среду.

В теорию развития искусственного интеллекта и его роль в системе современных систем государственного управления значительный вклад внесли такие ученые, как: Серебренникова Е. С., Куликова А.А. [8], Четырбок П. В. [9], Маймина Э.В., Пузыня Т.А. [10], Чараева М.В. [11] и др.

В целом авторы достаточно полно раскрывают понятие и сущность цифровизации государственной службы. Однако для оценивания возможностей и эффектов цифровых технологий большинство авторов используют рыночные механизмы, применяемые и в других отраслях. Поэтому необходимой видится адаптация конкретных технологий к госслужбе, поскольку каждая из них отличается набором факторов и параметров, а также эффектами, подтверждающими рост качества жизни населения страны.

Методологическую основу исследования составили положения общенаучного метода познания, другие общенаучные, частные и специальные методы изучения правовых явлений и

процессов, происходящих в сфере цифровизации управления экономическими системами: догматический, исторический, логический, сравнительный, статистический.

Основная часть

Цифровизация раскрывает существенный потенциал различных секторов экономики и способствует интеграции работы государственных органов. Как отечественный, так и международный опыт подтверждают, что государства внедряют цифровые технологии в процессы принятия решений с целью повышения качества жизни граждан, оснащая города цифровыми технологиями и реализуя решения, влияющие на уровень жизни населения своих стран. По данным рейтинга 2025 года лидерами в сфере цифровизации городов в мире являются Москва и Сингапур [12]. Результаты данного исследования, в котором приводятся комментарии по оценкам разных параметров Москвы и Сингапура, представлены в таблице 1.

Таблица 1

Сравнительные характеристики лидеров рейтинга «умный город» (г. Москва, г.Сингапур) по итогам 2025 года

Критерий	Москва		Сингапур	
	Оценка (баллов)	Критерии оценивания	Оценка (баллов)	Критерии оценивания
Инфраструктура и связь	8	Широкое покрытие фикс. сети и мобильной связи, развиваются 5G; есть цифровые платформы города	10	Высокоинтегрированная цифровая инфраструктура, национальные платформы, широкие IoT-сети
Транспорт и мобильность	8	Сильное метро; проблемы с дорожной системой и пробками; цифровые решения для билетов и навигации	9	Отличная интеграция общественного транспорта, цифровое управление трафиком и MaaS-решения
Управление и е-услуги	9	Развитые городские порталы (mos.ru), цифровые сервисы для жителей и бизнеса	9	Единая авторизация, централизованные госуслуги, высокое проникновение цифровых сервисов
Экономика и инновации	7	Активная стартап-экосистема, кластеры, но ещё есть барьеры и неравномерность	9	Сильная политика поддержки инноваций, инвестиции, зрелая экосистема
Экология и устойчивость	5	Проблемы с качеством воздуха, плотной застройкой; предпринимаются меры по устойчивости	6	Системный подход к устойчивости, умное управление ресурсами, зелёные инициативы
Безопасность и мониторинг	9	Широкая сеть камер и систем мониторинга; эффективные реактивные службы	9	Интегрированные системы мониторинга и управления, высокий уровень готовности
Участие граждан и сервисы	7	Есть цифровые опросы и сервисы, но вовлечённость и прозрачность могут быть выше	8	Инструменты обратной связи и вовлечения, высокая цифровая грамотность населения
Интеграция данных и кибербезопасность	8	Наличие платформ, но фрагментация данных и вопросы интеграции/управления остаются	9	Централизованные решения, стандарты данных и серьёзное внимание к безопасности
Общая (средняя) оценка	8,5	—	8,6	—

Источник: составлен автором по : Рейтинг технологичных городоahttps://cifrastroy.ru/uploads/files/smart-cities-ranking.pdf (Дата обращения 12.04.2026 г)

Согласно приведенному рейтингу, Сингапур опережает Москву примерно на 0,1 балла. В Сингапуре выше оценки за цифровую инфраструктуру, развитые национальные платформы и широкие IT-сети, которые обеспечивают более высокий уровень цифровой связанности. Также в Сингапуре лучше интегрирована система общественного транспорта, эффективны цифровые решения для управления трафиком и распределения дорожных потоков.

В Москве внедряются цифровые решения в метро и навигации, но на многих участках автодорог остаются нерешённые проблемы в части загруженности дорог и пробок. По этому критерию Сингапур превосходит Москву.

Экология и устойчивое развитие оцениваются в обоих городах ниже, что является одной из приоритетных задач всего мира, требующей интеграции умного управления ресурсами и реализации во все процессы управления городской инфраструктурой «зелёных инициатив» [13]. В странах присутствует обширная сеть камер и систем мониторинга, высокий уровень готовности правоохранительных и экстренных служб.

Вовлечённость граждан через цифровые опросы и сервисы развита в обоих городах, но в Сингапуре показатель выше. Аналогично по кибербезопасности. В Сингапуре оценки более высокие благодаря интеграции централизованных решений, строгим стандартам и серьёзному вниманию к безопасности. Экономическое развитие и поддержка инноваций в Сингапуре развиты тоже сильнее, сформирована зрелая экосистема для предпринимательства и привлечения инвестиций.

Предиктивная эксплуатация инфраструктуры и умное техобслуживание на базе ИИ, используемая в Москве и Сингапуре существенно улучшает мониторинг состояния мостов, тоннелей и энергоснабжающих сетей и позволят своевременно прогнозировать потребность в ремонтах. Примеры использования этих технологий приведены в таблице 2.

Таблица 2

Примеры интеграции технологий искусственного интеллекта и блокчейна в городские системы

Направление	Москва	Сингапур	Эффекты
Управление транспортом	Централизованные системы контроля движения; «умные» светофоры; мониторинг пробок и оптимизация маршрутов общественного транспорта на основе данных с видеокамер и датчиков	Единая платформа управления транспортом; испытания автономных ТС в рамках; использование цифровых датчиков и аналитики для прогнозирования загрузок	Сокращение времени в пути; снижение выбросов; повышение пропускной способности дорог
Предиктивная эксплуатация инфраструктуры и умное техобслуживание	Применение датчиков и аналитики для диагностики метро и коммунальных сетей	Программы мониторинга состояния зданий и коммунальных систем с использованием цифровых двойников	Снижение числа аварий; оптимизация затрат; продление срока службы активов

Источник: составлено автором по Ражапова С. С., Негматов Н. Н. Интеллектуализация транспортных услуг — залог эффективности сферы. Экономика и социум. 2022 г. – 113 с.

К примеру, в Москве эффект от внедрения ИИ в управление дорожной инфраструктурой заключается в повышении пропускной способности транспортного коридора на 10–20% и сокращении средней задержки и времени в пути на 10–20% (в зависимости от ситуации и исходного уровня скоординированности сигналов) [14]. Если до использования новой технологии для одного направления движения загруженность магистрали на одну полосу составляла примерно 1 800 авт/час (стандартная инженерная оценка) [15]. То, после внедрения адаптивного управления цикл был сохранён 90 с, но за счёт адаптивной оптимизации доля «зелёного света» в данном коридоре увеличилась до 38% и уменьшилось число необоснованных остановок. При этом новая пропускная способность составила 1 368 авт/час. В таблице 3 приведены расчеты изменения фактической пропускной способности при внедрении новой технологии управления транспортными потоками в г. Москва.

При пиковой нагрузке цифровые системы дали сотни дополнительных пропущенных автомобилей в час по коридору, снижение очередей на подъездах к светофорам и меньшую разбросанность потоков.

Таблица 3
Изменения фактической пропускной способности при внедрении новой технологии управления транспортными потоками в г. Москва

Параметр	До	После	Изменение
Насыщаемость авт/ч на полосу	1 800	1 800	0
Теоретическая пропускная способность при 100% зелёного, авт/ч	3 600	3 600	0
Цикл сигнала, с	90	90	0
Доля зелёного фазы	33,3%	38,0%	+4,7 п.п.
Длительность зелёной фазы, с	30,0	34,2	+4,2 с
Фактическая пропускная способность, авт/ч	1 200	1 368	+168 авт/ч (+14,0%)

Источник: составлено автором по данным Ассоциации «Цифрового транспорта и логистики»// https://www.dtla.ru/upload/docs/Analitika_DTLA.pdf(Дата обращения: 12.04.2026 г.)

Таким образом, применение искусственного интеллекта для цифровизации управления транспортными потоками (по опыту Москвы) позволило существенно сократить время в пути и задержки при доставке товаров. Это, в свою очередь, сократило длительность производственных циклов многих промышленных предприятий, снизило операционные расходы на транспортные услуги и обеспечило рост пропускной способности без дорогостоящей реконструкции дорожной сети, что безусловно сказалось на качестве жизни населения.

Цифровые технологии применяются и в управлении социальной сферой и в системе государственных услуг, что напрямую оказывает влияние на качество жизни населения. Цифровизация этих процессов ускорила доступ к социальной помощи нуждающимся и упростила процесс её получения.

Так, в рамках программы «Эффективный регион» в городах Москва и Санкт-Петербургу, а также других крупных городах России внедрен программный робот, который автоматизировал процесс назначения мер социальной поддержки малообеспеченным семьям. И если ранее специалисты по каждому заявлению направляли более 15 запросов в различные государственные информационные системы (ГИС) для уточнения данных. Это занимало до 5 дней, а общее время предоставления услуги составляло около 10 дней. То в настоящее время скорость обработки заявлений сократилась до нескольких часов.

Результаты внедрения цифрового помощника приведены на рисунке 1.

Рисунок 1– Изменение времени процесса оказания услуг в сфере поддержки малообеспеченных граждан после внедрения цифрового портала

Источник: составлено по данным Официального сайта СФР. Электронный ресурс. Режим доступа: свободный. URL: http://fss.ru/ru/fund/activity/index.shtml (Дата обращения: 12.04.2026г.)

Разработчики продолжают совершенствовать робота, его научили самостоятельно загружать документы к заявлению и рассчитывать среднедушевой доход семьи.

Заключение

Проведённый анализ показывает, что цифровые технологии активно внедряются в государственные службы по всему миру. В качестве примера рассмотрены Сингапур и Москва, поскольку именно они являются лидерами в пример по статусу «умного города» и высокой степени цифровизации. Результаты доказали, что современные цифровые решения охватывают практически все сферы городской инфраструктуры, включая социальное обеспечение граждан.

Интеграция цифровых решений в процессы предоставления госуслуг заметно повышает качество жизни населения и упрощает доступ к большому числу государственных услуг, в том числе к мерам социальной поддержки.

Это обуславливает значимость дальнейшего развития цифровых технологий в Российской Федерации. Необходимо использовать опыт Москвы и других стран и адаптировать его к территориям РФ, включая малые города и муниципальные образования. Данные решения снизят темпы миграции и урбанизации, улучшат качество жизни на периферии и уменьшат цифровой разрыв между центром и регионами.

Литература

1. Бабанова Ю.В. Управление инновационным развитием предприятия на основе интеграционно-векторной концепции. / Дис. канд. экон. наук. –Челябинск, 2020г.

2. Медведков М.Ю. Пути устранения дискриминации России в международной торговле : диссертация кандидата экономических наук : 08.00.14. - Москва, 2022. С..4007, №2, с. 64– 82.

3. Салихзянова, Н.А.. Инновационные методы управления на основе внедрения интегративной стратегии в информационную систему предприятия : диссертация ... кандидата экономических наук : 08.00.05 / Салихзянова Наталья Александровна; [Место защиты: Казан. нац. исслед. технол. ун-т].- Казань, 2013.- 150 с.: ил. РГБ ОД, 61 13-8/1198

4. Гершман, М.А. Формирование организационной структуры управления инновационной деятельностью в вузе: дис. …канд. экон. наук: 08.00.05 / Гершман Михаил Анатольевич. – М., 2007. –163 с.

5. Голышев, И.Г. Управление интеграцией региональных рынков труда и образовательных услуг в сфере высшего профессионального образования: автореф. дис. … д-ра. пед. наук.: 13.00.01 / Голышев Игорь Геннадьевич. – Казань, 2012. – 48 с.

6. Губарьков, С.В. Управление инновационной деятельностью вузов: теория, методология, практика: дис. ... д-ра. экон. наук: 08.00.05 / Губарьков, Сергей Викторович. – Владивосток, 2012. – 302 С.

7. Дзина, Г.А. Методические основы управления инновационной деятельностью вуза: дис. …канд. экон. наук: 08.00.05 / Дзина Глеб Александрович. – Владивосток, 2010. – 143 с

8. Серебренникова, М. А. Аспекты цифровизации кадровой работы на государственной службе / М. А. Серебренникова, Е. С. Куликова // Столыпинский вестник. - 2022. - Т. 4, № 6. - EDN UPRMXF.

9. Четырбок, П. В. Мониторинг и прогнозирование потребностей рынка профессионального труда с использованием искусственного интеллекта / П. В. Четырбок // . - 2018. - Т. 1. - С. 61-63. - EDN YTGLID.

10. Маймина, Э. В. Влияние искусственного интеллекта на рынок труда / Э. В. Маймина, Т. А. Пузыня // Вестник Белгородского университета кооперации, экономики и права. - 2019. - № 3(76). - С. 161-172. - DOI 10.21295/22235639-2019-3-161-172

11. Чараева М.В.Влияние цифровой трансформации на развитие системы управления корпоративными финансами // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки . 2023. №2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-tsifrovoy-transformatsii-na-razvitie-sistemy-upravleniya-korporativnymi-finansami (дата обращения: 19.04.2026).

12. Рейтинг технологичных городоahttps://cifrastroy.ru/uploads/files/smart-cities-ranking.pdf (Дата обращения 12.04.2026г)

13. Султанов Г.С., Султанов Н.Г. Экологизация умных городов: влияние цифровых технологий на устойчивое развитие // РППЭ. 2024. №120

14. Искусственный интеллект наступает на пятки// https://rosdornii.ru/press-center/press/smi/iskusstvennyy-intellekt-nastupaet-na-pyatki-/ (дата обращения: 27.04.2026).

15. Цифровая трансформация транспортно-логистической отрасли российской федерации: тренды, вызовы, решения, технологии. Аналитический вестник. Декабрь 2023 г. – 336 // https://www.dtla.ru/upload/docs/Analitika_DTLA.pdf (Дата обращения: 12.04.2026г.)

16. Рейтинг технологичных городоахttps://cifrastroy.ru/uploads/files/smart-cities-ranking.pdf (Дата обращения 12.04.2026 г)

17. Ражапова С. С., Негматов Н. Н. Интеллектуализация транспортных услуг — залог эффективности сферы. Экономика и социум. 2022 г. – 113 с.

18. Ассоциации «Цифрового транспорта и логистики»// https://www.dtla.ru/upload/docs/Analitika_DTLA.pdf(Дата обращения: 12.04.2026 г.)

19. Официальный сайт СФР. Электронный ресурс. Режим доступа: свободный. URL: http://fss.ru/ru/fund/activity/index.shtml (Дата обращения: 12.04.2026г.)

Impact of digital technologies in public service on the population's quality of life: domestic and international experience

Sannikov D.V.
lawyer

This article analyzes the use of digital technologies in the public administration of the Russian Federation and abroad to determine their impact on citizens' quality of life. The study includes a comparative examination of Moscow and Singapore, two cities recognized as world leaders in digital infrastructure. By several indicators Moscow demonstrated advantages over Singapore, while Singapore leads in certain specific areas. Based on the findings, it is proposed to disseminate Moscow's most effective practices to other regions of the Russian Federation, including municipal entities, to improve residents' quality of life and reduce the regional digital divide. The study demonstrates that the development of "smart" technologies in public administration enhances urban infrastructure, optimizes transport management, and reduces the time required to deliver social services.

Keywords: digitalization, Moscow, Singapore, smart city, impact, improvement, social sector, traffic management, efficiency.

References

1. Babanova Yu.V. Managing innovative development of an enterprise based on the integration-vector concept. / Dis. Cand. Sci. (Econ.). - Chelyabinsk, 2020.
2. Medvedkov M.Yu. Ways to eliminate discrimination against Russia in international trade: Dissertation of Candidate of Sciences (Economics): 08.00.14. - Moscow, 2022. P..4007, No.2, pp. 64-82.
3. Salikhzyanova, N.A. Innovative management methods based on the implementation of an integrative strategy in the enterprise information system: Dissertation ... Candidate of Sciences (Economics): 08.00.05 / Salikhzyanova Natalya Aleksandrovna; [Place of protection: Kazan. Nat. Res. Techn. [Un-t].- Kazan, 2013.- 150 p.: ill. RGB OD, 61 13-8/1198
4. Gershman, M.A. Formation of the organizational structure of innovation management in the university: dis. ... Cand. Sci. (Econ.): 08.00.05 / Gershman Mikhail Anatolyevich. - Moscow, 2007. -163 p.
5. Golyshev, I.G. Managing the integration of regional labor markets and educational services in the field of higher professional education: author's abstract. dis. ... Dr. of Ped. Sci.: 13.00.01 / Golyshev Igor Gennadievich. - Kazan, 2012. - 48 p.
6. Gubarkov, S.V. Management of innovation activities of universities: theory, methodology, practice: dis. ... Dr. of Sci. (Econ.). sciences: 08.00.05 / Gubarkov, Sergey Viktorovich. - Vladivostok, 2012. - 302 p.
7. Dzina, G. A. Methodological foundations of managing innovative activities of a university: dis. ... cand. economics: 08.00.05 / Dzina Gleb Aleksandrovich. - Vladivostok, 2010. - 143 p.
8. Serebrennikova, M. A. Aspects of digitalization of personnel work in the civil service / M. A. Serebrennikova, E. S. Kulikova // Stolypinsky Bulletin. - 2022. - Vol. 4, No. 6. - EDN UPRMXF.
9. Chetyrbok, P. V. Monitoring and forecasting the needs of the professional labor market using artificial intelligence / P. V. Chetyrbok // . - 2018. - Vol. 1. - Pp. 61-63. - EDN YTGLID.
10. Maymina, E. V. The Impact of Artificial Intelligence on the Labor Market / E. V. Maymina, T. A. Puzynya // Bulletin of the Belgorod University of Cooperation, Economics and Law. - 2019. - No. 3 (76). - Pp. 161-172. - DOI 10.21295/22235639-2019-3-161-172
11. Charaeva M. V. The Impact of Digital Transformation on the Development of the Corporate Finance Management System // Public and Municipal Administration. Scientific Notes . 2023. No. 2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-tsifrovoy-transformatsii-na-razvitie-sistemy-upravleniya-korporativnymi-finansami (Accessed: 19.04.2026).
12. Rating of high-tech cities https://cifrastroy.ru/uploads/files/smart-cities-ranking.pdf (Accessed: 12.04.2026)
13. Sultanov G.S., Sultanov N.G. Greening of smart cities: the impact of digital technologies on sustainable development // RPPE. 2024. No. 120
14. Artificial Intelligence Is Hot on Our Heels// https://rosdornii.ru/press-center/press/smi/iskusstvennyy-intellekt-nastupaet-na-pyatki-/ (Accessed: April 27, 2026).
15. Digital Transformation of the Transport and Logistics Industry of the Russian Federation: Trends, Challenges, Solutions, and Technologies. Analytical Bulletin. December 2023 – 336 // https://www.dtla.ru/upload/docs/Analitika_DTLA.pdf (Accessed: 12.04.2026)
16. Technological Cities Ranking https://cifrastroy.ru/uploads/files/smart-cities-ranking.pdf (Accessed: 12.04.2026)
17. S. S. Razhapova, N. N. Negmatov. Intellectualization of Transport Services — the Key to the Sector's Efficiency. Economy and Society. 2022 – 113 p.
18. Digital Transport and Logistics Association// https://www.dtla.ru/upload/docs/Analitika_DTLA.pdf (Accessed: 12.04.2026)
19. Official website of the SFR. Electronic resource. Access mode: free. URL: http://fss.ru/ru/fund/activity/index.shtml (Accessed: 12.04.2026)

Влияние на должника как признак выгодоприобретателя в банкротной субсидиарной ответственности и фактическая неопровержимость презумпции наличия такого влияния

Сафин Талгат Ильнарович
аспирант кафедры гражданского и корпоративного права, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, talgat.safin.1998@gmail.com

В данной статье автор рассматривает «возможность определять действия должника» в качестве конституирующего признака контролирующего должника лица, в том числе в случаях действия презумпции подпункта 3 пункта 4 статьи 61.10 Закона о банкротстве (при извлечении выгоды за счёт должника) и пункта 5 статьи 61.10 Закона о банкротстве (предоставляющего суду право по своему усмотрению присваивать статус контролирующего должника лица). На основе грамматического и телеологического толкования соответствующих норм аргументируется необходимость наличия данного признака во всех случаях привлечения к банкротной субсидиарной ответственности. Отдельное внимание уделено вопросу применения презумпции влияния в отношении «транзитных структур», используемых конечными бенефициарами для извлечения выгод за счёт должника. Рассматриваются особенности фактической опровержимости презумпции в случаях сделок рыночных и сделок, выгода по которым превышает среднерыночные показатели. Автор приходит к выводу о фактической неопровержимости «презумпции влияния» выгодоприобретателя на должника ввиду отсутствия доказательств, которые суд по своему внутреннему убеждению примет в качестве достоверных и достаточных. В качестве законодательного и доктринального решения предлагается конструкция безвиновной ответственности выгодоприобретателей, обогатившихся за счёт впавшего в банкротство должника на условиях, существенно превышающих среднерыночные.

Ключевые слова: контролирующее должника лицо, возможность определять действия должника, дискреция суда, «презумпция влияния при извлечении выгоды», невозможность опровержения «презумпции влияния».

Введение

Пункт 1 статьи 61.10 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве) указывает в качестве признака контролирующего должника лица (далее – КДЛ) наличие возможности «определять действия должника». При этом данная норма устанавливает, что Законом о банкротстве может быть предусмотрено иное. Рассмотрим данное исключение с точки зрения грамматического и телеологического толкований. Конституционный Суд РФ устанавливает грамматическое толкование в качестве исходной точки интерпретации закона (пункт 2.3.2 Решения КС РФ от 19.10.2021, утвердившего «Методологические аспекты конституционного контроля»). По мнению С.С. Алексеева, «[г]рамматическое толкование является среди всех способов толкования первичным и исходным… [В]о всех случаях «буква» закона остается исходной, непогрешимой, ненарушаемой основой его понимания» [1, с. 131-132]. «Телеологическое толкование» – «толкование на основе учета целей законодательного регулирования» (Определение СКЭС Верховного Суда РФ от 28.11.2024 N 310-ЭС24-8358). Г.А. Гаджиев уточняет понятие «телеологического толкования» через «уяснение смысла нормы в контексте целевых установок законодателя, когда правоприменитель учитывает не только исторически обусловленное намерение законодателя, но и цель, которую он ставил перед собой» [19].

Материалы и методы исследования

Из грамматического толкования пункта 1 статьи 61.10 Закона о банкротстве можно сделать ошибочный вывод, что для случаев, предусмотренных подпунктом 3 пункта 4 и пунктом 5 статьи 61.10 того же закона, наличие возможности «определять действия должника» признаком КДЛ не является. Данные нормы предусматривают присвоение статуса КДЛ двум категориям субъектов: (а) лица, извлекшие выгоды из незаконного или недобросовестного поведения лиц, указанных в пункте 1 статьи 53.1 Гражданского кодекса Российской Федерации, например, руководителя должника и (б) лица, которым статус КДЛ присвоен судом по иным основаниям (вопрос отнесен к исключительной судейской дискреции). В действительности, из телеологического толкования закона следует обязательность наличия признака возможности «определять действия должника» для обоих вышеуказанных случаев. Применительно к выгодоприобретателю можно предположить, что данный признак нерелевантен, и сам факт извлечения выгоды влечет присвоение статуса КДЛ. Необоснованность такого подхода вытекает из двух позиций. Во-первых, абзац 1 пункта 4 статьи 61.10 Закона о банкротстве теоретически дает выгодоприобретателю право опровергнуть презумпцию, и ничем, кроме доказывания факта отсутствия влияния на должника, эту презумпцию не оспорить. Во-вторых, категория «контролирующее должника лицо» без признака контроля теряет свое значение и делает бессодержательным определение КДЛ из пункта 1 статьи 61.10 Закона о банкротстве (поскольку в данном пункте нет других признаков, которые можно считать определяющими, а установленный трехлетний срок альтернатив в Законе о банкротстве не имеет). Этот второй довод в полной мере относится и к пункту 5 той же статьи, делая признак наличия влияния на должника конституирующим для КДЛ в любом случае. Данный пункт (вопреки его буквальному содержанию) нельзя толковать как отсутствие у суда любых ограничений в вопросе присвоения лицу статуса КДЛ (обратное фактически будет означать передачу суду полномочий законодателя). Комментируя эту норму, Б.А. Булаевский справедливо констатирует, что «при решении во-

проса об ответственности конкретного лица важнейшей гарантией является правовая определенность… Сам факт «вторжения» в частную жизнь по судейскому усмотрению несет за собой неустранимую угрозу основам правового государства» [5, с. 16-18]. По верному замечанию Г.А. Гаджиева, расширение судейской дискреции ограничивает полномочия парламента [8]. Это, безусловно, касается и случаев самоограничения законодателя, противоречащих закрепленному статьей 10 Конституции РФ принципу разделения властей. Как отмечает О.Р. Зайцев (участник рабочей группы, разработавшей проект Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 N 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве», далее – «Постановление N 53»), целью введения в законодательство о банкротстве конструкции КДЛ была необходимость четкой констатации, что в рамках субсидиарной ответственности «отвечают не только формальные органы управления» [6]. По всей видимости, пункт 5 статьи 61.10 включен в Закон о банкротстве в связи с тем, что законодатель не имеет возможности перечислить в нормативном акте все варианты извлечения выгод и признаки оказания влияния на должника. Их огромное множество, начиная с простого дарения и заканчивая сложными по доказыванию и выражению в денежном эквиваленте «услугами» по неразумному самоустранению должника от участия в изначально запланированных выгодных тендерах/контрактах, непродлению/отказу от лицензий на разработку перспективных месторождений природных ресурсов и др. Например, в Определении N 307-ЭС20-2151(68-71) от 13.01.2025 Верховный Суд РФ поддержал суд первой инстанции, который (в числе прочих фактов, повлекших негативные для должника последствия) указал на «расторжение… лицензионных соглашений…, в результате чего должник лишился известных на рынке товарных знаков». Арбитражный управляющий должника оценил ущерб от такого отказа в сумму более 1 млрд. рублей [7]. Как пишет Л. Тарашкевич «кредиторы могутъ понести вредъ, когда должникъ умышленно вследствіе бездействія теряетъ прислуживающее ему право, уменьшая темъ свое имущество» [28, с. 50]. Верховный Суд РФ, используя термин КДЛ, говорит о фактическом контроле над должником без признаков формально-юридических (пункт 3 Постановления N 53). Пункт 5 статьи 61.10 Закона о банкротстве в этой связи следует толковать не как ничем не ограниченную судейскую дискрецию, а как право суда (во исполнение положений пункта 1 той же статьи) признавать статус КДЛ за лицами, имеющими фактическое влияния на должника, но не перечисленными в пунктах 2 и 4 той же нормы (которая не способна охватить все жизненные ситуации влияния). Еще И.А. Покровский писал, что «[з]акон, даже самый совершенный, неизбежно отстает от жизни: раз изданный, он остается неподвижным, меж тем как жизнь идет непрерывно вперед, творя новые потребности и новые отношения. Искать для этих новых явлений решения в старом законе, даже в общем его духе – значит либо насиловать жизнь, либо создавать из этих ссылок на закон очевидную фикцию, недостойную высокого положения суда» [24]. Рассматривая вопрос разграничения (на законодательном уровне) деликтов и случаев извинительного заблуждения, К.Н. Анненков заключает, что «[п]еречислить все те отдельные недозволенные деяния, или упущения непреступные, совершением которых может быть причинен вред другому, по возможному крайнему их разнообразию не представляется, разумеется, никакой возможности…» [2, с. 500], «вследствие слишком большого разнообразия действий, могущих быть направленными против имущества лица» [2, с. 505]. Д.В. Дождев отмечает, что «[а]бстрактная норма общего действия (закон) или даже фиксированное разрешение конфликта интересов в одном случае, но предназначенное стать моделью для разрешения конфликтов в сходных ситуациях (прецедент), не могут учесть возможное разнообразие возникающих ситуаций, существенные, значимые детали других, тем более всех возможных случаев» [14, с. 10]. А.Г. Гойхбарг высказывается на этот счет следующим образом: «[з]акон дает и может дать только форму права, конкретное же его осуществление дает и может быть чрезвычайно разнообразным. Поэтому нет возможности при самом описании права и его последствий предусмотреть и изложить мыслимые извращения при практическом его осуществлении» [9, с. 52]. В рассматриваемой нами ситуации закон может предусмотреть лишь общие правила (необходимость признания статуса КДЛ за субъектами, повлиявшими на должника), не давая всеобъемлющего определения слову «влияние» и предоставляя широкие права судам (так называемое «право судей» [1, с. 35]. В связи с вышеизложенным нельзя признать верным такое толкование закона, при котором суд может признать лицо контролирующим, опираясь на критерии, которые абсолютно отсутствуют в законодательстве, которые каждый судья вводит по собственному усмотрению и которые не имеют к контролю над должником никакого отношения (этот вывод в полной мере относится и к выгодоприобретателям). Такие представители доктрины как О.В. Гутников также считают подобную трактовку Закона о банкротстве «совершенно недопустимой» [12]. Косвенное подтверждение нашему выводу мы находим у Р.Т. Мифтахутдинова, который трактует пункт 5 статьи 61.10 Закона о банкротстве как предоставляющий «арбитражному суду широкую презумпцию для установления факта контроля и возможности формирования волеизъявления должника» [21].

Результаты и обсуждение

Представленная нами аргументация подтверждает, что единственным верным правовым решением является такое толкование пункта 1 статьи 61.10 Закона о банкротстве, при котором для признания субъекта «контролирующим должника лицом» у него всегда должна наличествовать (пусть даже только презюмируемая) «возможность определять действия должника». С.С. Алексеев называет это «абстрактным способом изложения» юридических норм в тексте закона (когда «признаки явлений, их многообразие даются в обобщенном виде, т.е. в виде абстрактного понятия») [1, с. 111]. Указание в данной норме на возможные исключения (норма начинается со слов «[е]сли иное не предусмотрено настоящим Федеральным законом») из данного правила оставлено законодателем без нормативного воплощения. Таких изъятий Закон о банкротстве в настоящее время не предусматривает. По факту здесь имеет место «ложный вариант латентного конструирования бланкетной правовой нормы» [26, с. 22]. И поскольку пункт 1 статьи 61.10 Закона о банкротстве содержит открытый перечень оснований для признания лица контролирующим (в силу его положений любая «возможность определять действия должника» позволяет суду присвоить субъекту статус КДЛ), с формально-логической точки зрения норма пункта 5 той же статьи является дублирующей. В ней нет необходимости и применительно к такому субъекту субсидиарной ответственности как выгодоприобретатель.

Наличие влияния и действие презумпции подпункта 3 пункта 4 статьи 61.10 Закона о банкротстве следует констатировать и в отношении так называемых «транзитных структур», которые используются для совершения правонарушений «конечными бенефициарами» (терминология пунктов 4 и 5 «Обзора судебной практики разрешения споров, связанных с установлением в процедурах банкротства требований контролирующих должника и аффилированных с ним лиц», утвержденного Президиумом Верховного Суда РФ 29.01.2020). Подобные структуры выступают в сделках «первыми выгодоприобретателями», которые (а) подконтрольны «конечному бенефициару»; (б) имеют влияние на должника через «конечного бенефициара»; (в) передают последнему «извлеченную выгоду», выступая лишь «транзитными звеньями». Не является препятствием для презюмирования наличия влияния (предусмотренного подпунктом 3 пункта 4 статьи 61.10 Закона о банкротстве) отсутствие факта итогового личного обогащения (легко выявляемого через отслеживание перехода к «конечному бенефициару» ти-

тула и/или денежных средств). Причин тому пять: (а) закон презюмирует, что любое лицо, извлекающее за счет банкрота выгоду, является КДЛ (сам смысл нормы в том, что постороннему должник такой возможности не предоставит); (б) «первый выгодоприобретатель» лично выгоду извлек (пусть временно, но непосредственно от должника); (в) рассматриваемая норма не учитывает обстоятельства, имевшие место после «извлечения выгоды»; (г) отмена действия презумпции в отношении «первого выгодоприобретателя», передавшего «извлеченную выгоду» «конечному бенефициару», повлечет за собой абсурдную по своему существу подмену предмета спора (вместо доказывания факта отсутствия влияния «первому выгодоприобретателю» достаточно будет доказать свой «транзитный» статус), что, во-первых, противоречит телеологическому толкованию закона, который такой замены для выгодоприобретателя не предполагает и, во-вторых, выхолащивает сам смысл введения презумпции, единственным маркером которой является факт получения выгоды; (д) если «конечный бенефициар» негласно назначит финальным держателем актива формально независимое лицо, то такой, например, друг детства и «транзитное звено» будут выпадать из-под действия подпункта 3 пункта 4 статьи 61.10 Закона о банкротстве (первый заявит, что не вступал в отношения с должником, соответственно, «из незаконного или недобросовестного поведения директора» последнего выгод не извлекал, а второй лично не обогатился). При установлении презумпции «контролирующего выгодоприобретателя» законодатель такого подхода, очевидно, не предполагал.

Отдельного внимания заслуживает вопрос фактической опровержимости презумпции влияния выгодоприобретателя, заключившего для себя (с руководителем должника, действовавшем незаконно или недобросовестно) настолько выгодную сделку, что она привела к банкротству последнего. Дополняя Закон о банкротстве подпунктом 3 пункта 4 статьи 61.10, российский законодатель обоснованно исходил из древнеримского понимания презумпции как «выражени[я] того, что происходит чаще всего (praesumptio sumitur ex eo quod plerumque fit)» [11, с. 182]. Применительно к презюмированию наличия влияния у выгодоприобретателя Р.К. Лотфуллин также констатирует, что «признаки фактического контроля могут проявляться в гражданском обороте именно через экономические отношения, которые складываются между КДЛ и должником» [18, с. 33-35].

Если размер извлеченной выгоды соответствует обычным условиям гражданского оборота, проблем с опровержением «презумпции влияния» у ответчика, как правило, не возникает. Ему достаточно представить свидетельства рыночности цены, которые являются доказательствами объективными (теми, которые можно подтвердить независимыми источниками). Верховный Суд РФ считает такие доказательства рыночности подтверждением добросовестности выгодоприобретателя, не признавая за ним статуса КДЛ (пункт 7 Постановления N 53). Сегодня данное утверждение выводится лишь догматически, что, конечно, позволяет решать практические проблемы, но, очевидно, уступает (по сравнению с законом) в доступности к пониманию со стороны субъектов гражданского оборота. В связи с этим считаем необходимым внести соответствующие изменения непосредственно в текст Закона о банкротстве.

«Извлечение выгоды» имеет место и в ординарной коммерческой сделке, не предполагающей повышенной доходности. Так, продавая по стандартной розничной цене грузовик, заводпроизводитель выгоду извлекает. Кауза такой сделки всегда подразумевает выгоду. Формально здесь имеются все основания для применения подпункта 3 пункта 4 статьи 61.10 Закона о банкротстве (например, когда директор покупателя действовал незаконно (без необходимого одобрения собрания участников) и необдуманной крупной непрофильной покупкой спровоцировал банкротство покупателя). Презюмирование наличия влияния такого продавца на покупателя представляется в этом казусе иррациональным, не имевшимся в виду законодателем. Из-под действия вышеуказанной нормы, очевидно, следует исключить случаи «извлечения выгоды» типичного для подобных сделок размера, не презюмируя в этих случаях наличия влияния у контрагента должника, не обременяя такого контрагента обязанностью по опровержению презумпции и не присваивая ему статуса КДЛ.

В случае совершения сделок, выгода по которым превышает среднерыночные показатели, выгодоприобретатель презумпцию влияния на должника фактически опровергнуть не может. В отличие от вышеуказанного примера со сделками рыночными, правопорядок не сообщает участникам гражданского оборота виды доказательств, которые необходимы и достаточны для подтверждения отсутствия факта влияния на должника. В такой ситуации суды в спорах о привлечении выгодоприобретателей к банкротной субсидиарной ответственности сталкиваются со следующими фактическими обстоятельствами: (а) руководитель должника действовал незаконно или недобросовестно (подпункт 3 пункта 4 статьи 61.10 Закона о банкротстве); (б) выгодоприобретатель из противоправного поведения должника извлек выгоду; (в) выгода явно превышает доходность по подобного рода сделкам; (г) в результате сделки должник впал в банкротство (представляется, что есть все основания считать частью юридического состава подпункта 3 пункта 4 статьи 61.10 Закона о банкротстве не только факт «незаконного или недобросовестного поведения» единоличного исполнительного органа должника, но и наличие у должника вреда от такого поведения. Это следует из того обстоятельства, что в данной норме законодатель ссылается не на пункт 1 статьи 53 ГК РФ (где указано, что юридическое лицо участвует в гражданском обороте через свои органы), а на пункт 1 статьи 53.1 ГК РФ (где содержится ссылка не просто на органы юридического лица, а на органы, которые причинили юридическому лицу убытки); (д) подпункт 3 пункта 4 статьи 61.10 Закона о банкротстве недвусмысленно указывает, что все вышеуказанные фактические обстоятельства законодатель считает признаками правонарушения, совершенного выгодоприобретателем (при этом степень уверенности законодателя настолько высока, что он презюмирует наличие влияния выгодоприобретателя на должника); (е) специфика спора такова, что все представленные ответчиком доказательства составлены выгодоприобретателем и руководителем должника (которых законодатель считает потенциальным и реальным делинквентом). Это относится к доказательствам любого рода (первоначальным и производным, «личным» и «материальным»).

В соответствии с частями 1 и 2 статьи 71 АПК РФ вышеперечисленные фактические и юридические обстоятельства оценивается судами (а) «по своему внутреннему убеждению» и (б) в своей совокупности, которая, очевидно, свидетельствует о минимальной вероятности совпадения случайного и отсутствия влияния у выгодоприобретателя, получившего «сверхвыгоды» за счет банкротства должника. Как писал римский юрист Юлиан, «[т]о, что случается редко, нелегко принимается во внимание…» (D.50.17.64) [13, с. 534-535]. «Правдоподобно то, что кажется правильным всем или большинству», подтверждает Аристотель [3, с. 349].

В этой связи суд будет относиться к доказательствам ответчика «критически», не считая их достоверными (достойными веры), поскольку они составлены лицами, выводившими активы должника и заинтересованными в сокрытии истины. Как правило, таким доказательством является не подтвержденная независимыми источниками документация (исторически свидетельские показания отечественным правопорядком признаются доказательствами «наименее надежными в силу их субъективного характера, а отличие от объективных – предметных доказательств» [22, с. 255-256]. При этом мы, безусловно, разделяем позицию С.В. Курылева, который с процессуальной точки зрения отличает подобные «подтверждения» (называя их «недостаточными доказательствами») от «фактов, которые вообще не могут служить доказательствами» [17, с. 190].

Обоснованность сомнений суда в доказательствах, составленных самими потенциальными делинквентами, мы находим в доктринальных источниках. Имея четкое представление о

намерениях законодателя (признающего наличие влияния у обогатившегося за счет банкрота лица), остается актуальным высказывание Ш. Монтескье, что «никогда не следует рассматривать законы независимо от цели, ради которых они были созданы» [23, с. 648]. «[Судья] судит согласно своему мнению», писал Аристотель [3, с. 583]. В. Случевский подтверждает, что «[в]нутреннее убеждение… должно быть продуктом критического отношения Судьи к наблюдавшимся им фактам…» [27, с. 379]. Правота последнего утверждения очевидна в случаях, когда доказательства подготовлены получившим «сверхвыгоды» ответчиком и правонарушителем (директором должника). По верному замечанию Е.Г. Комиссаровой, «[з]десь исключительная роль принадлежит «интеллектуальному осязанию» и интуиции правоприменителя» [15, с. 44].

Критическое отношение судьи к доказательственной базе ответчика, безусловно, затрагивает права законопослушных участников гражданского оборота, для которых чрезвычайно выгодное стечение обстоятельств, действительно, оказалось случайным. И.С. Шиткина справедливо отмечает, что «нельзя не отметить крайне тревожную тенденцию абсолютизации фактического контроля, способную дойти до опасной черты, связанной с отождествлением фактического контроля и противоправного поведения» [25]. Как пишет С.Н. Братусь, «неправильно смешивать любой сознательный поступок с виной» [4, с. 182]. Г.К. Матвеев прав, «действие признается виновным только тогда, когда оно противоправно (а вместе с тем и общественно опасно)» [20, с. 188]. «Не все общественно опасные действия будут противоправными», констатирует В.И. Кофман [16, с. 74].

Заключение

Применительно к банкротной субсидиарной ответственности выгодоприобретателя О.В. Гутников отмечает, что «новая норма Закона о банкротстве дает кредиторам… мощный инструмент, с помощью которого они лишь на основании одного факта получения дохода в связи с деятельностью должника будут считать контролирующими (и пытаться привлекать к ответственности) любых третьих лиц…» [12]. С ним соглашается И.В. Горбашев, отмечая в отношении положений подпункта 3 пункта 4 статьи 61.10 Закона о банкротстве, что «формальное наложение презумпции на жизненные реалии приведет к мысли, что любой вступающий в отношения с должником участник оборота может оказаться под угрозой стать потенциальным контролирующим лицом, даже в условиях безупречности собственного поведения с точки зрения стандартов добросовестности» [10]. В рассмотренной нами ситуации фактической невозможности опровержения презумпции подпункта 3 пункта 4 статьи 61.10 Закона о банкротстве справедливые опасения представителей доктрины становятся особенно актуальными. В нашем представлении законодательным и доктринальным решением вопроса (в случаях получения «сверхвыгод») может являться констатация безвиновной ответственности выгодоприобретателей, которые, обогащаясь за счет должника, впадающего в банкротство, идут на риск, в связи с чем отвечают независимо от вины.

Литература

1. Алексеев С.С. Право: азбука – теория – философия: Опыт комплексного исследования. М., Статут. 1999. – 958 с.
2. Анненков К.Н. Система русского гражданского права. Т. IV. Отдельные обязательства. Санкт-Петербург, Типография М.М. Стасюлевича. 1904. – 650 с.
3. Аристотель. Сочинения в четырех томах. Т. 2. М., Мысль. 1978. – 687 с.
4. Братусь С.Н. Юридическая ответственность и законность (очерк теории). М., Юридическая литература. 1976. – 216 с.
5. Булаевский Б.А. Определение контролирующего должника лица в законодательстве о банкротстве: оценка отдельных новелл // Журнал предпринимательского и корпоративного права. 2018. № 3. С. 16-18.
6. Видеозапись заседания «Банкротного клуба» от 03.12.2020. Цикл онлайн-мероприятий «Субсидиарная ответственность в разрезе презумпций». URL: https://www.youtube.com/watch?v=7A4ZwEYqHAw.
7. Видеозапись заседания «Банкротного клуба» от 28.03.2025. Нижний Новгород. Доклад арбитражного управляющего Лагоды М.С. URL: https://rutube.ru/video/9216b7b50d0e28a1151269000a21e666/.
8. Гаджиев Г.А. Конституционный принцип самостоятельности судебной власти в Российской Федерации (на основе решений Конституционного Суда РФ 2000-2002 годов) // Журнал российского права. 2003. № 1.
9. Гойхбарг А.Г. Хозяйственное право РСФСР. Т. 1: Гражданский кодекс. 3-е изд., испр. и доп. Москва, Гос. изд-во. 1924.
10. Горбашев И.В. О некоторых материально-правовых аспектах привлечения к субсидиарной ответственности в разъяснениях ВС РФ // Вестник гражданского права. 2018. № 4. С. 154-202.
11. Гражданский процесс России. Учебник. Под ред. М.А. Викут. М., Юристъ. 2004. – 459 с.
12. Гутников О.В. Корпоративная ответственность в гражданском праве: монография. М., ИЗиСП. КОНТРАКТ. 2019.
13. Дигесты Юстиниана. Т. VII. Полутом 2. М., Статут. 2005. – 564 с.
14. Дождев Д.В. Европейская традиция частного права: исследования по римскому и сравнительному праву: в 2 т. Т. 1. Москва, Статут. 2021. – 466 с.
15. Комиссарова Е.Г. Принципы в праве и основные начала гражданского законодательства. Монография. Тюмень, Тюменский государственный институт мировой экономики, управления и права. 2001. – 128 с.
16. Кофман В.И. Соотношение вины и противоправности в гражданском праве // Правоведение. Ленинград, Издательство Ленинградского университета. 1957. № 1. С. 65-76.
17. Курылев С.В. Основы теории доказывания в советском правосудии. Минск, Издательство БГУ. 1969. – 204 с.
18. Лотфуллин Р.К. Привлечение к субсидиарной ответственности скрытого бенефициара // Судья. 2018. № 4. С. 33-35.
19. Особое мнение судьи Конституционного Суда Российской Федерации Г.А. Гаджиева по Определению Конституционного Суда РФ от 02.11.2006 № 444-О.
20. Матвеев Г.К. Основания гражданскоправовой ответственности. Москва, Юридическая литература. 1970. – 312 с.
21. Мифтахутдинов Р.Т. Контролирующие должника лица как субъекты субсидиарной ответственности при банкротстве // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 7. С. 33-37.
22. Молчанов В.В. Развитие учения о свидетелях и свидетельских показаниях в гражданском процессе: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.15. – 451 с.
23. Монтескье Ш. Избранные произведения. Москва, Государственное издательство политической литературы. 1955. – 799 с.
24. Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. Москва, Статут. 2013.
25. Предпринимательское право России: итоги, тенденции и пути развития. Отв. ред. Е.П. Губин. М., Юстицинформ. 2019.
26. Репьев А.Г. Латентный вариант конструкции бланкетной правовой нормы // Труды Академии управления МВД России. 2022. № 1 (61). С. 1-24.
27. Случевский В. Учебник русского уголовного процесса. Санкт-Петербург, Типография М.М. Стасюлевича. 1899. – 670 с.
28. Тарашкевич Л. Теория Павліянской жалобы. Варшава. Артист. Типография Сатурнина Сикорского. Новый-Светъ. № 47. 1897. – 128 с.

Influence on the debtor as a sign of the beneficiary in bankruptcy subsidiary liability and the actual irrefutability of the presumption of such influence

Safin T.I.

Saint Petersburg State University of Economics

In this article, the author considers the «possibility of determining the actions of the debtor» as a constitutive feature of the person controlling the debtor, including in cases of the presumption under subparagraph 3 of paragraph 4 of Article 61.10 of the Bankruptcy Law (when benefiting at the expense of the debtor) and paragraph

5 of Article 61.10 of the Bankruptcy Law (which grants the court the right at its discretion to assign the status of the controlling debtor). On the basis of grammatical and teleological interpretation of the relevant norms, the necessity of this feature in all cases of bringing to bankruptcy subsidiary liability is argued. Special attention is paid to the application of the presumption of influence in relation to «transit structures» used by ultimate beneficiaries to extract benefits at the expense of the debtor. The features of factual refutability of the presumption are considered in cases of market transactions and transactions whose benefits exceed average market indicators. The author concludes that the «presumption of influence» of the beneficiary over the debtor is virtually irrefutable due to the lack of evidence that the court, in its inner conviction, will accept as reliable and sufficient. As a legislative and doctrinal solution, the construction of strict liability of beneficiaries enriched at the expense of a debtor falling into bankruptcy on conditions significantly exceeding the average market is proposed.

Keywords: the person controlling the debtor, the ability to determine the debtor's actions, the discretion of the court, the «presumption of influence in obtaining benefits», the impossibility of refuting the «presumption of influence».

References

1. Alekseev S.S. Law: ABC – theory – philosophy: The experience of complex research. Moscow, Statute. 1999. – 958 p.
2. Annenkov K.N. The system of Russian civil law. Vol. IV. Separate obligations. St. Petersburg, Printing house of M.M. Stasyulevich. 1904. – 650 p.
3. Aristotle. Essays in four volumes. Vol. 2. Moscow, Mysl. 1978. – 687 p.
4. Bratus S.N. Legal responsibility and legality (an essay on theory). Moscow, Legal literature. 1976. – 216 p.
5. Bulaevsky B.A. Definition of a controlling debtor in bankruptcy legislation: assessment of individual novels // Journal of Business and Corporate Law. 2018. No. 3. Pp. 16-18.
6. Video recording of the meeting of the «Bankruptcy Club» dated 03.12.2020. The cycle of online events «Subsidiary liability in the context of presumptions». URL: https://www.youtube.com/watch?v=7A4ZwEYqHAw.
7. Video recording of the meeting of the «Bankruptcy Club» dated 28.03.2025. Nizhny Novgorod. Report of the arbitration manager Lagoda M.S. URL: https://rutube.ru/video/9216b7b50d0e28a1151269000a21e666/.
8. Gadzhiev G.A. The constitutional principle of judicial independence in the Russian Federation (based on the decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation 2000-2002) // Journal of Russian Law. 2003. No. 1.
9. Goikhbarg A.G. The economic law of the RSFSR. Vol. 1: The Civil Code. 3rd ed. Moscow, State Publishing House. 1924. – 269 p.
10. Gorbashev I.V. On some substantive and legal aspects of bringing to subsidiary liability in the explanations of the Supreme Court of the Russian Federation // Bulletin of Civil Law. 2018. No. 4. Pp. 154-202.
11. The civil procedure of Russia. Textbook. Edited by M.A. Vikut. Moscow, Jurist. 2004. – 459 p.
12. Gutnikov O.V. Corporate liability in civil law: a monograph. Moscow, IZiSP. KONTRAKT. 2019.
13. Digests of Justinian. Vol. VII. Half-volume 2. Moscow, Statute. 2005. – 564 p.
14. Dozhdev D.V. The European tradition of private law: studies in Roman and comparative law: in 2 vols. Vol. 1. Moscow, Statute. 2021. – 466 p.
15. Komissarova E.G. Principles in law and the basic principles of civil legislation. Monograph. Tyumen, Tyumen State Institute of World Economy, Management and Law. 2001. – 128 p.
16. Kofman V.I. The ratio of guilt and illegality in civil law // Law studies. Leningrad, Leningrad University Press. 1957. No. 1. Pp. 65-76.
17. Kurylev S.V. Fundamentals of the theory of evidence in Soviet justice. Minsk, BSU Publishing House. 1969. – 204 p.
18. Lotfullin R.K. Bringing a hidden beneficiary to subsidiary liability // Judge. 2018. No. 4. Pp. 33-35.
19. Dissenting opinion of Judge of the Constitutional Court of the Russian Federation G.A. Gadzhiev on the Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 02.11.2006 No. 444-O.
20. Matveev G.K. Grounds of civil liability. Moscow, Legal literature. 1970. – 312 p.
21. Miftakhutdinov R.T. Persons controlling the debtor as subjects of subsidiary liability in bankruptcy // Laws of Russia: experience, analysis, practice. 2018. No. 7. Pp. 33-37.
22. Molchanov V.V. The development of the doctrine of witnesses and witness testimony in civil proceedings: thesis of Doctor of Legal Sciences: 12.00.15. – 451 p.
23. Montesquieu Ch. Selected works. Moscow, State Publishing House of Political Literature. 1955. – 799 p.
24. Pokrovsky I.A. The main problems of civil law. Moscow, Statute. 2013.
25. Russian Business Law: results, trends and ways of development. Ed. by E.P. Gubin. Moscow, Justicinform. 2019.
26. Repyev A.G. Latent version of the blank legal norm construction // Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. No. 1 (61). Pp. 1-24.
27. Sluchevsky V. Textbook of the Russian criminal process. St. Petersburg, Printing House of M.M. Stasyulevich. 1899. – 670 p.
28. Tarashkevich L. Theory of the Pauline complaint. Warsaw. Printing house of Saturnin Sikorsky. Novy-Svet. No. 47. 1897. – 128 p.

Корпоративный договор в системе гражданско-правовых договоров: правовая природа и отличительные признаки

Сокович Никита Алексеевич
аспирант, кафедра юридического факультета, Московский финансово-промышленный университет «Синергия»; ООО «ИнжТехник», sokovich.nik@bk.ru

В статье рассматривается корпоративный договор как самостоятельная гражданско-правовая конструкция, закрепленная в российском законодательстве и применяемая для регулирования поведения участников хозяйственных обществ при осуществлении корпоративных прав.
Цель исследования состоит в комплексном определении правовой природы корпоративного договора как самостоятельной гражданско-правовой конструкции, используемой для индивидуального регулирования поведения участников хозяйственных обществ при осуществлении корпоративных прав. В статье исследуются его место в системе гражданско-правовых договоров, соотношение с учредительными документами, договорами об отчуждении долей и акций, предварительным договором, договором простого товарищества, опционными и обеспечительными механизмами.
Методологическую основу исследования составили формально-юридический, системный, сравнительно-правовой и логико-догматический методы, а также анализ норм гражданского законодательства, научных подходов и правоприменительной практики.
В результате выявлены ключевые признаки корпоративного договора: специальный субъектный состав, организационно-имущественная направленность, связь с реализацией корпоративных прав, относительный характер обязательства, ограниченное воздействие на третьих лиц и корпоративные решения, а также особая система способов защиты нарушенных прав. Обосновано, что корпоративный договор не подменяет устав и иные корпоративные акты, но дополняет их, обеспечивая согласование частных интересов участников.
Сделан вывод о смешанной организационно-обязательственной природе данной конструкции и ее значении как гибкого инструмента управления корпоративными отношениями, снижения конфликтности и повышения предсказуемости корпоративного поведения.
Ключевые слова: корпоративный договор, гражданско-правовой договор, корпоративные отношения, корпоративные права, участники общества, акционерное соглашение, договор об осуществлении прав участников общества, обязательство, корпоративное управление, защита корпоративных прав.

Введение

Корпоративный договор является одним из наиболее значимых инструментов регулирования отношений между участниками хозяйственных обществ. Его появление и последующее развитие в российском гражданском праве связано с необходимостью предоставить участникам корпораций более гибкие механизмы согласования своих действий, управления корпоративными правами и предотвращения конфликтов.

Актуальность исследования обусловлена тем, что корпоративный договор занимает особое место в системе гражданско-правовых договоров. С одной стороны, он обладает признаками классического гражданско-правового соглашения, основанного на автономии воли сторон и свободе договора. С другой стороны, его содержание непосредственно связано с реализацией корпоративных прав, участием в управлении юридическим лицом, голосованием, отчуждением долей или акций, а также иными действиями участников корпорации.

Целью статьи является определение правовой природы корпоративного договора и выявление его отличительных признаков в системе гражданско-правовых договоров.

Для достижения указанной цели необходимо решить следующие задачи:

- рассмотреть понятие корпоративного договора;
- определить его место в системе гражданско-правовых договоров;
- выявить особенности субъектного состава корпоративного договора;
- проанализировать содержание и пределы корпоративного договора;
- установить его отличия от смежных гражданско-правовых договоров;
- определить значение корпоративного договора для регулирования корпоративных отношений.

Литературный обзор

Вопросы правовой природы корпоративного договора активно рассматриваются в современной цивилистической литературе. Особое внимание исследователи уделяют соотношению корпоративного договора с обязательственными, организационными и корпоративными правоотношениями.

В соответствии со статьей 67.2 ГК РФ участники хозяйственного общества или некоторые из них вправе заключить между собой корпоративный договор об осуществлении своих корпоративных прав. По такому договору они обязуются осуществлять эти права определенным образом или воздерживаться от их осуществления, в том числе голосовать определенным образом на общем собрании участников общества, согласованно совершать иные действия по управлению обществом, приобретать или отчуждать доли либо акции по определенной цене или при наступлении определенных обстоятельств либо воздерживаться от их отчуждения до наступления определенных обстоятельств [1].

Из этого определения следует, что законодатель воспринимает корпоративный договор прежде всего как соглашение о поведении участников корпорации. Его юридический центр находится не в передаче имущества как таковой, а в координации осуществления корпоративных прав. Вместе с тем корпоративный договор может содержать имущественные элементы: обязанность продать долю, обязанность возместить убытки, условие о неустойке, порядок финансирования общества, обязанность совершить сделку при наступлении согласованных обстоятельств.

Следует учитывать, что корпоративный договор не заменяет устав общества. Устав является учредительным документом юридического лица, действует в отношении общества, его

участников и органов, а также в определенных пределах значим для третьих лиц. Корпоративный договор, напротив, по общему правилу создает обязательства только для его сторон. Поэтому условия корпоративного договора не могут подменять положения устава, изменять компетенцию органов общества или устанавливать структуру органов управления в обход закона и учредительного документа.

ГК РФ прямо запрещает включать в корпоративный договор обязанность его сторон голосовать согласно указаниям органов общества, а также определять структуру органов общества и их компетенцию, если иное не предусмотрено законом [1, ст. 67.2]. Данный запрет направлен на сохранение публично достоверной и формально определенной системы корпоративного управления.

Вместе с тем корпоративный договор может оказывать существенное фактическое влияние на управление обществом. Например, участники могут согласовать порядок голосования по вопросам избрания директора, распределения прибыли, одобрения крупных сделок, увеличения уставного капитала, реорганизации общества. Однако такое влияние осуществляется не путем изменения корпоративного статуса органов, а через обязательственные связи между участниками договора.

Материалы и методы

В науке гражданского права сформировались различные подходы к определению правовой природы корпоративного договора.

Первый подход рассматривает корпоративный договор как обычный гражданско-правовой договор обязательственного типа. Его сторонники исходят из того, что корпоративный договор порождает обязательство между участниками: одна сторона вправе требовать от другой определенного поведения, а нарушитель несет гражданско-правовую ответственность. В пользу данного подхода свидетельствует расположение соответствующих норм в ГК РФ и применение к корпоративному договору общих положений об обязательствах и договорах.

Второй подход подчеркивает организационную природу корпоративного договора. Его предметом выступает не столько имущественный обмен, сколько организация будущего поведения сторон в рамках корпоративного управления. Соглашение направлено на координацию голосования, принятие решений, формирование органов общества, реализацию права на отчуждение доли или акций. В этом смысле корпоративный договор близок к организационным договорам, которые создают предпосылки для возникновения, изменения или прекращения иных правоотношений.

Третий подход квалифицирует корпоративный договор как смешанную правовую конструкцию. Он соединяет обязательственные, корпоративные, организационные и в отдельных случаях имущественные элементы. Данный подход представляется наиболее обоснованным. Корпоративный договор действительно является гражданско-правовым договором, поскольку возникает на основе соглашения сторон, основан на принципе свободы договора, порождает относительное обязательственное отношение и обеспечивается гражданско-правовыми способами защиты. Однако его содержание невозможно объяснить исключительно через классический имущественный обмен, поскольку существенная часть обязанностей касается реализации корпоративных прав.

Корпоративный договор не является локальным нормативным актом общества, поскольку не содержит общеобязательных правил поведения для всех участников корпорации. Он также не является учредительным документом, поскольку не определяет правовой статус юридического лица как такового. В отличие от решения общего собрания, корпоративный договор не выражает волю органа юридического лица, а фиксирует согласованную волю отдельных субъектов гражданского права.

Корпоративный договор действует между его сторонами и не подлежит применению к лицам, которые его не заключали, за исключением отдельных последствий, прямо предусмотренных законом. Содержание корпоративного договора, как правило, не раскрывается третьим лицам полностью. При этом стороны обязаны уведомить общество о факте его заключения, если законом не установлены специальные правила раскрытия информации [1].

Таким образом, устав и корпоративный договор находятся в отношениях функционального дополнения, но не замещения. Устав определяет общую модель корпоративной организации, а корпоративный договор индивидуализирует поведение конкретных участников.

Договор купли-продажи доли или акций направлен на переход корпоративного участия от одного лица к другому. Его основным результатом является смена обладателя корпоративных прав.

Корпоративный договор может предусматривать обязанность продать или приобрести долю либо акции при наступлении определенных обстоятельств. Однако в таком случае он не всегда сам по себе является договором отчуждения. Нередко он создает обязательство заключить сделку в будущем или совершить предусмотренное действие при наступлении согласованного условия. Поэтому корпоративный договор может включать элементы предварительного договора, опциона, соглашения о преимущественном приобретении или механизма совместной продажи.

Предварительный договор обязывает стороны заключить в будущем основной договор на согласованных условиях [1, ст. 429]. Корпоративный договор может включать обязанность заключить договор купли-продажи доли или акций в будущем, но его предмет шире. Он может регулировать голосование, согласование действий, запрет отчуждения долей, порядок финансирования, выход из тупиковой ситуации в управлении.

Следовательно, предварительный договор может быть элементом корпоративного договора, но не исчерпывает его правовую природу.

Договор простого товарищества предполагает соединение вкладов и совместные действия без образования юридического лица для извлечения прибыли или достижения иной не противоречащей закону цели [1, ст. 1041]. Корпоративный договор также может предусматривать согласованные действия сторон, однако он связан с участием в юридическом лице и осуществлением корпоративных прав.

В договоре простого товарищества участники координируют деятельность непосредственно между собой. В корпоративном договоре координация осуществляется через участие в корпорации, ее органы и механизмы корпоративного управления. Поэтому корпоративный договор нельзя сводить к разновидности простого товарищества.

Классическая модель корпоративного договора предполагает, что его сторонами являются участники хозяйственного общества: акционеры акционерного общества или участники общества с ограниченной ответственностью. Именно они обладают корпоративными правами, осуществление которых может быть предметом договорного согласования.

Вместе с тем законодатель допускает участие в таких соглашениях кредиторов общества и иных третьих лиц, если договор заключается в целях обеспечения их охраняемого законом интереса [1]. Например, инвестор, предоставляющий финансирование обществу или его участникам, может быть заинтересован в том, чтобы участники голосовали за определенные управленческие решения, не отчуждали доли без согласия инвестора или обеспечили сохранение определенной структуры контроля.

Если общество становится стороной соглашения, оно не должно связывать себя условиями, нарушающими компетенцию органов управления, права участников, кредиторов или императивные требования закона.

Предмет корпоративного договора составляет согласованное поведение сторон при осуществлении корпоративных прав. Наиболее распространенными условиями являются:

1. обязанность голосовать определенным образом по вопросам повестки общего собрания;

2. обязанность согласовывать позицию перед голосованием;

3. обязанность обеспечить избрание определенных кандидатов в органы управления;

4. обязанность воздерживаться от отчуждения долей или акций в течение установленного периода;

5. обязанность продать или приобрести долю либо акции при наступлении определенных обстоятельств;

6. условия о совместной продаже участия третьему лицу;

7. условия о присоединении миноритарного участника к продаже контрольного пакета;

8. порядок действий при корпоративном конфликте или невозможности принятия решения;

9. условия о финансировании общества;

10. меры ответственности за нарушение договора.

Содержание корпоративного договора определяется принципом свободы договора [1, ст. 421]. Однако свобода сторон ограничена императивными нормами гражданского и корпоративного законодательства, природой корпоративных отношений, правами третьих лиц, публичными интересами и запретом злоупотребления правом [1, ст. 10].

Недопустимыми следует считать условия, которые фактически лишают участника статуса, полностью устраняют его от участия в обществе без предусмотренной законом процедуры, нарушают права кредиторов, обходят правила об обязательном предложении в публичных обществах, искажают компетенцию органов управления или противоречат существу корпоративного законодательства.

При этом сам по себе договорный отказ от определенного способа поведения не является незаконным. Например, участник вправе принять на себя обязательство голосовать за распределение прибыли только при достижении определенных финансовых показателей или не продавать долю конкуренту. Такие условия допустимы, если они не нарушают императивные запреты и не направлены на причинение вреда обществу или другим лицам.

Корпоративный договор имеет ряд признаков, позволяющих отличить его от иных гражданско-правовых соглашений.

Главный признак корпоративного договора состоит в том, что он связан с осуществлением корпоративных прав. Стороны договариваются не просто о передаче имущества или оказании услуг, а о том, как они будут вести себя как участники корпорации. Корпоративное участие является юридической предпосылкой заключения и исполнения такого договора.

Корпоративный договор направлен на организацию будущего поведения сторон. Он устанавливает модель взаимодействия участников в процессе управления обществом. Такая организационная функция отличает его от договоров, ориентированных преимущественно на эквивалентный имущественный обмен.

Корпоративный договор обязателен для его сторон. Он не создает обязанностей для участников общества, которые к нему не присоединились. Это проявление принципа относительности обязательства. Поэтому нарушение корпоративного договора не всегда влияет на действительность корпоративного решения или сделки общества.

Вместе с тем закон предусматривает специальные последствия. В частности, решение органа общества может быть признано недействительным по иску стороны корпоративного договора, если на момент принятия решения сторонами договора являлись все участники общества и решение нарушает условия договора [1, ст. 67.2]. Такой подход демонстрирует ограниченное, но реальное проникновение обязательственного соглашения в сферу корпоративных последствий.

Содержание корпоративного договора, как правило, не подлежит полному раскрытию. Стороны обязаны уведомить общество о факте его заключения, но не обязаны раскрывать все условия, если иное не предусмотрено законом. В публичных обществах действуют специальные правила раскрытия информации, обусловленные защитой инвесторов и рынка ценных бумаг [2; 4].

Конфиденциальность делает корпоративный договор удобным инструментом гибкого регулирования, однако одновременно повышает риск информационной асимметрии между участниками общества, инвесторами и кредиторами.

Нарушение корпоративного договора может повлечь взыскание убытков, неустойки, применение иных мер ответственности, предусмотренных договором или законом. Кроме того, при определенных условиях возможны признание недействительным решения органа общества или оспаривание сделки, совершенной в нарушение корпоративного договора, если другая сторона сделки знала или должна была знать о соответствующих ограничениях [1].

Специфика защиты состоит в том, что суд должен учитывать баланс между обязательственными правами сторон договора и устойчивостью корпоративного оборота. Нельзя допускать, чтобы скрытое соглашение участников произвольно разрушало права добросовестных третьих лиц.

Корпоративный договор является одним из наиболее ярких проявлений принципа свободы договора в корпоративном праве. Он позволяет участникам адаптировать корпоративную структуру к конкретным экономическим задачам, не перегружая устав деталями индивидуальных договоренностей.

Свобода корпоративного договора проявляется в возможности:

1. определить порядок голосования по отдельным вопросам;

2. согласовать долгосрочную стратегию поведения участников;

3. установить ограничения на отчуждение долей или акций;

4. предусмотреть механизмы выхода из корпоративного тупика;

5. закрепить условия привлечения инвестора;

6. распределить риски нарушения договоренностей;

7. установить дополнительные гарантии для миноритарных участников.

Однако такая свобода не является абсолютной. Корпоративный договор не может использоваться для обхода закона, подавления прав других участников, причинения вреда обществу, нарушения прав кредиторов или ограничения конкуренции недопустимыми способами. Кроме того, корпоративный договор не должен превращаться в инструмент скрытого управления обществом вопреки публичным данным о его органах и полномочиях.

Практическая ценность корпоративного договора зависит от эффективности его исполнения. Наиболее сложными являются ситуации, когда нарушение выражается в голосовании вопреки договоренности. Формально голосование уже состоялось, корпоративное решение принято, и возникает вопрос: каким образом восстановить нарушенный интерес?

Взыскание убытков возможно, но требует доказывания состава гражданско-правовой ответственности: факта нарушения, размера убытков, причинной связи и вины, если иное не предусмотрено законом или договором. На практике доказать размер убытков от неправильного голосования бывает затруднительно. Поэтому стороны часто включают в корпоративный договор условие о неустойке. Неустойка выполняет превентивную функцию и снижает доказательственные трудности.

Другой способ защиты — понуждение к исполнению обязательства в натуре. Он применим, например, когда сторона обязалась заключить договор купли-продажи доли или акций, передать документы, совершить корпоративное действие. Однако понуждение к определенному голосованию после проведения собрания не всегда способно восстановить положение, существовавшее до нарушения.

Также возможны специальные корпоративно-правовые последствия. Если все участники общества являлись сторонами

корпоративного договора, решение, принятое с нарушением его условий, может быть оспорено. Это правило логично: если все участники связаны одной договорной моделью поведения, нарушение такой модели затрагивает общий корпоративный порядок, согласованный всеми субъектами корпоративного участия.

Корпоративный договор выполняет несколько функций в системе корпоративного управления.

Во-первых, он снижает риск корпоративных конфликтов. Участники заранее определяют правила поведения в ключевых ситуациях: избрание органов управления, распределение прибыли, продажа бизнеса, привлечение инвестора, увеличение уставного капитала.

Во-вторых, он защищает интересы миноритарных участников. Например, миноритарий может получить договорную гарантию участия в продаже пакета акций, право требовать выкупа доли при изменении контроля, обязательство мажоритария голосовать за включение представителя миноритария в коллегиальный орган.

В-третьих, корпоративный договор обеспечивает инвестиционную предсказуемость. Инвестор получает не только долю в обществе, но и договорные механизмы влияния на ключевые решения.

Позиции высших судебных инстанций о свободе договора, добросовестности, пределах осуществления гражданских прав и защите корпоративных прав имеют существенное значение для толкования корпоративных договоров [5; 6]. В частности, при применении статьи 67.2 ГК РФ суды учитывают, что корпоративный договор не должен разрушать установленную законом систему органов юридического лица и не может использоваться как средство обхода обязательных корпоративных процедур.

Особую сложность представляют споры о взыскании неустойки за нарушение обязательства голосовать определенным образом. Суды должны установить, было ли обязательство сформулировано достаточно определенно, наступили ли условия его исполнения, имел ли место факт нарушения и не является ли размер неустойки явно несоразмерным последствиям нарушения обязательства.

Еще одна значимая категория споров связана с отчуждением долей или акций вопреки условиям корпоративного договора. Здесь ключевым обстоятельством становится осведомленность приобретателя. Если приобретатель знал или должен был знать о договорном ограничении, сделка может быть поставлена под сомнение. Если же он действовал добросовестно, приоритет отдается стабильности гражданского оборота.

К 2025 году корпоративный договор занял устойчивое место в российской правовой системе. Однако ряд вопросов сохраняет дискуссионный характер.

Обсуждения

Практическое значение корпоративного договора состоит в том, что он позволяет:

- предотвратить корпоративные конфликты;
- согласовать порядок голосования;
- обеспечить стабильность состава участников;
- урегулировать порядок отчуждения долей или акций;
- защитить интересы инвесторов;
- повысить предсказуемость корпоративного управления.

Таким образом, корпоративный договор выполняет важную регулятивную функцию и является эффективным средством индивидуального регулирования корпоративных отношений.

Заключение

Корпоративный договор представляет собой самостоятельную гражданско-правовую конструкцию, занимающую особое место в системе договорного регулирования. Его правовая природа является смешанной: с одной стороны, он основан на общих началах обязательственного права, принципе свободы договора и относительности обязательства; с другой стороны, он непосредственно связан с осуществлением корпоративных прав и организацией корпоративного управления.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025, с изм. от 25.03.2026) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.08.2025). Ст. 3301.
2. Федеральный закон от 26.12.1995 N 208-ФЗ (ред. от 31.07.2025, с изм. от 25.09.2025) "Об акционерных обществах" (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025). Ст. 1.
3. Федеральный закон от 08.02.1998 N 14-ФЗ (ред. от 28.12.2025) "Об обществах с ограниченной ответственностью". Ст. 785.
4. Федеральный закон "О рынке ценных бумаг" от 22.04.1996 N 39-ФЗ. Ст. 1918.
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 N 25 "О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации".
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 N 7 (ред. от 22.06.2021) "О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств".
7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 N 49 "О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора".
8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 11.06.2020 N 6 "О некоторых вопросах применения положений Гражданского кодекса Российской Федерации о прекращении обязательств".
9. Российское гражданское право: Учебник: В 2-х томах. Том I. Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права / Отв. ред. Е.А. Суханов. — М.: Статут, 2011.
10. Договорное право [Текст]: общие положения / М. И. Брагинский, В. В. Витрянский. - Москва: Статут, 1998. - 681 с.
11. Габов А. В. Корпоративное право: Учебник / Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, юридический факультет. — Москва: Издательство "Статут", 2018. — 735 с.
12. Ломакин Д. В. Корпоративные правоотношения: общая теория и практика ее применения в хозяйственных обществах / Д. В. Ломакин. - Москва: Статут, 2008. - 509, [1] с.
13. Лаптев В.А. Корпоративное право: правовая организация корпоративных систем: Монография. М., 2019. С. 56.
14. Степанов Д. И. Договорные инструменты корпоративного управления в непубличных обществах // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2021. № 4. С. 76–103.
15. Шиткина И. С. Корпоративное право: Учебный курс. В 2 т. Том 1. 2017. С. 976
16. Российское гражданское право: Учебник: В 2-х томах. Том I. Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права / Отв. ред. Е.А. Суханов. — М.: Статут, 2011.
17. Корпоративное право: учебник / Е.Г. Афанасьева, В.Ю. Бакшинскас, Е.П. Губин и др.; отв. ред. И.С. Шиткина. 2-е изд., перераб. и доп. М: КНОРУС, 2015.

Corporate Agreement in the System of Civil Law Contracts: Legal Nature and Distinctive Features

Sokovich N.A.

Moscow Financial and Industrial University "Synergy", LLC "InzhTehnik"

This article examines the corporate agreement as an independent civil law construct enshrined in Russian legislation and used to regulate the behavior of business participants in the exercise of corporate rights.

The purpose of this study is to comprehensively define the legal nature of the corporate agreement as an independent civil law construct used to individually regulate the behavior of business participants in the exercise of corporate rights. The article

examines its place in the system of civil contracts and its relationship with constituent documents, agreements on the alienation of shares and stocks, preliminary agreements, simple partnership agreements, and option and security mechanisms.
The methodological basis of the study is formed by formal legal, systemic, comparative legal, and logical-dogmatic methods, as well as an analysis of civil law norms, scientific approaches, and law enforcement practice. As a result, key characteristics of a corporate agreement were identified: a specific composition of parties, organizational and property focus, connection with the exercise of corporate rights, the relative nature of the obligation, limited impact on third parties and corporate decisions, and a specific system of methods for protecting violated rights. It was substantiated that a corporate agreement does not replace the charter and other corporate acts, but rather complements them, ensuring the alignment of the private interests of the participants.
A conclusion was drawn regarding the mixed organizational and obligatory nature of this structure and its importance as a flexible tool for managing corporate relations, reducing conflicts, and increasing the predictability of corporate behavior.
Keywords: corporate agreement, civil law contract, corporate relations, corporate rights, shareholders' agreement, participants' agreement, obligation, corporate governance, remedies.

References

1. Civil Code of the Russian Federation (Part One) of November 30, 1994 N 51-FZ (as amended on July 31, 2025, as amended on March 25, 2026) (as amended and supplemented, entered into force on August 1, 2025). Art. 3301.
2. Federal Law of December 26, 1995 N 208-FZ (as amended on July 31, 2025, as amended on September 25, 2025) "On Joint-Stock Companies" (as amended and supplemented, entered into force on September 1, 2025). Art. 1.
3. Federal Law of 08.02.1998 N 14-FZ (as amended on 28.12.2025) "On Limited Liability Companies". Art. 785.
4. Federal Law "On the Securities Market" of 22.04.1996 N 39-FZ. Art. 1918.
5. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 23.06.2015 N 25 "On the Application by Courts of Certain Provisions of Section I of Part One of the Civil Code of the Russian Federation".
6. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 24.03.2016 N 7 (as amended on 22.06.2021) "On the Application by Courts of Certain Provisions of the Civil Code of the Russian Federation on Liability for Breach of Obligations".
7. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 25.12.2018 N 49 "On Certain Issues of the Application of the General Provisions of the Civil Code of the Russian Federation on the Conclusion and Interpretation of an Agreement."
8. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 11.06.2020 N 6 "On Certain Issues of the Application of the Provisions of the Civil Code of the Russian Federation on the Termination of Obligations."
9. Russian Civil Law: Textbook: In 2 volumes. Volume I. General Part. Property Law. Inheritance Law. Intellectual Rights. Personal Non-Property Rights / Ed. E.A. Sukhanov. - Moscow: Statut, 2011.
10. Contract Law [Text]: General Provisions / M.I. Braginsky, V.V. Vitryansky. - Moscow: Statut, 1998. - 681 p.
11. Gabov A. V. Corporate Law: Textbook / Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation; Lomonosov Moscow State University, Faculty of Law. - Moscow: Statut Publishing House, 2018. - 735 p.
12. Lomakin D. V. Corporate Legal Relations: General Theory and Practice of Its Application in Business Entities / D. V. Lomakin. - Moscow: Statut, 2008. - 509, [1] p.
13. Laptev V. A. Corporate Law: Legal Organization of Corporate Systems: Monograph. Moscow, 2019. P. 56.
14. Stepanov D. I. Contractual Instruments of Corporate Governance in Non-Public Companies // Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation. 2021. No. 4. Pp. 76–103.
15. Shitkina I. S. Corporate Law: A Study Course. In 2 volumes. Volume 1. 2017. P. 976
16. Russian Civil Law: A Textbook: In 2 volumes. Volume I. General Part. Property Law. Inheritance Law. Intellectual Rights. Personal Non-Property Rights / Ed. E. A. Sukhanov. — Moscow: Statut, 2011.
17. Corporate Law: A Textbook / E. G. Afanasyeva, V. Yu. Bak-shinskas, E. P. Gubin, et al.; Ed. I. S. Shitkina. 2nd edition, revised and enlarged. Moscow: KNORUS, 2015.

Субъективная добросовестность при восстановлении срока на принятие наследства

Суриков Михаил Анатольевич
аспирант, кафедра гражданско-правовых дисциплин, Московский финансово-юридический университет МФЮА, SurikoW.mikhail@yandex.ru

В статье исследуется правовое значение конструкции «не знал и не должен был знать», закреплённой в пункте 1 статьи 1155 Гражданского кодекса РФ, как самостоятельного основания для восстановления судом срока на принятие наследства. Автор раскрывает соотношение объективной и субъективной добросовестности, обосновывает квалификацию извинительного незнания как отдельного юридического факта в рамках отношений по наследованию имущества, отличного от «иных уважительных причин», анализирует противоречивую практику Верховного Суда РФ, а также отмечает необходимость корректировки процессуального бремени доказывания и преодоления текущего подхода нижестоящих судов к оценке отношений наследника с наследодателем.
Ключевые слова: наследственное право; субъективная добросовестность; извинительное незнание; восстановление срока на принятие наследства; уважительные причины; должная осмотрительность; бремя доказывания.

Введение

Институт восстановления срока на принятие наследства, закреплённый в ст. 1155 Гражданского кодекса РФ (далее — ГК РФ), выполняет в рамках наследственных правоотношений одновременно охранительную и компенсаторную функцию, позволяя преодолеть жёстко установленный ст. 1154 ГК РФ срок 6 месяцев и сохранить за «опоздавшим» наследником соответствующее право. Судебная статистика подтверждает актуальность темы подтверждается и судебной статистикой: С.Б. Серенко, анализируя данные Судебного департамента при Верховном Суде РФ, указывает, что около 13% (38 922 дела) от всех наследственных споров, рассмотренных судами общей юрисдикции в 2023 году (136 707 дел), были посвящены указанному вопросу.

Гипотеза п. 1 ст. 1155 ГК РФ имеет неоднородную структуру и предусматривает два самостоятельных юридических состава, с каждым из которых в отдельности закон связывает возможность восстановления судом пропущенного срока: во-первых, «наследник не знал и не должен был знать» об открытии наследства (так называемое уважительное или извинительное незнание); во-вторых, пропуск срока по другим уважительным причинам. Данное разграничение является одним из проявлений общей материально-правовой идеи о существовании в структуре общего понятия добросовестности самостоятельной разновидности — субъективной доброй совести, понимаемой как специальное состояние неосведомлённости лица о юридически значимых фактах, при условии, что эта неосведомлённость носит извинительный, то есть оправданный с точки зрения должной осмотрительности характер.

Однако правоприменительная практика, как будет рассмотрено далее в настоящей работе, демонстрирует тенденцию к смешению указанных составов и не различает «извинительное незнание» и «иные уважительные причины», применяя стандартный алгоритм доказывания – наследнику требуется представить доказательства объективной невозможности своевременного обращения за наследством. Подобный подход противоречит системному толкованию п. 1 ст. 1155 ГК РФ и игнорирует развитие доктрины субъективной добросовестности, что в конченом счете приводит или может привести к необоснованному отказу в иске и фактическому прекращению наследственных прав в противоречие с ч. 4 ст. 35 Конституции РФ.

В настоящем исследования предпринята попытка выявить материально-правовую и процессуальную природу субъективной добросовестности применительно к восстановлению срока на принятие наследства, обозначить теоретические и практические проблемы, возникающие при применении п. 1 ст. 1155 ГК РФ, и сформулировать предложения по корректировке судебной практики.

1. Понятие и место субъективной добросовестности в структуре общего понятия добросовестности

В ходе реформы гражданского законодательства 2012–2013 годов понятие добросовестности было введено в текст ГК РФ в качестве одного из основных начал гражданского законодательства (п. 3–4 ст. 1, ст. 10 ГК РФ). Однако к тому моменту добросовестность уже была закреплена в законе в рамках отдельных институтов как специальная конструкция, применяемая к отдельным фактическим составам, и её одновременное существование как универсального стандарта поведения актуализировало давнюю доктринальную проблему — проблему разграничения добросовестности объективной и субъективной.

Классическое определение последней было дано И.Б. Новицким, который определял субъективную добросовестность как «определённое сознание того или иного лица, как неведение

некоторых обстоятельств, с наличностью которого закон считает возможным связать те или иные юридические последствия». К.В. Нам последовательно проводит линию о том, что субъективная добросовестность представляет из себя особое психическое (когнитивное) состояние лица, при котором оно не обладает информацией о юридически значимых обстоятельствах, а объективная добросовестность отражает стандарт поведения, ожидаемый от участника гражданского оборота в сравнимых условиях. В.Г. Голубцов обращает внимание на то, что субъективная добросовестность представляет собой «специальную конструкцию, отражающую обстоятельства извинительного незнания в структуре объективной добросовестности», при этом извинительное незнание следует отличать от ситуаций «простого незнания», не подлежащих самостоятельной правовой оценке.

Резюмируя, не всякое незнание лицом юридически значимого факта является основанием для предоставления ему правовой защиты — только такое, которое в данных конкретных обстоятельствах с учетом разумных и осмотрительных действий лица, не могло быть преодолено, и на основании этого не может быть поставлено последнему в вину. Технически субъективная добросовестность в нормах ГК РФ закреплена через лексическую формулу «не знал и не должен был знать» либо «не знал и не мог знать».

Принципиально значимо, что добросовестность в её субъективном значении не сводится к презумпции добросовестности, закреплённой в п. 5 ст. 10 ГК РФ, так как Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23.06.2015 года № 25 в п. 1 разъясняет добросовестность через «любые активные действия лица, направленные на получение выгоды от своего положения, которые при этом не влекут за собой нарушение требований законодательства», тем самым ориентирует преимущественно на оценку поведения через призму объективной добросовестности и недопустимости злоупотребления правом. Однако субъективная добросовестность требует установления факта когнитивного состояния (неосведомлённости) лица, а не оценки активного поведения, и смешение указанных смыслов приводит к фокусу судов на поиске «недолжной заботы» наследника, а не установления состояния извинительного незнания.

Таким образом, для целей применения п. 1 ст. 1155 ГК РФ субъективная добросовестность должна быть понята как нормативно закреплённое состояние извинительной неосведомлённости наследника относительно факта открытия наследства, при котором такое незнание не вменяется ему в вину, последствием признания которого является основанием для предоставления наследнику правовой защиты в виде восстановления пропущенного срока.

2. Разграничение «извинительного незнания» и «иных уважительных причин»

Законодатель в норме п. 1 статьи 1155 ГК РФ два самостоятельных, альтернативно действующих основания для восстановления срока, каждое из которых характеризуется собственным предметом и распределением бремени: извинительное незнание или иные уважительные причины. На эту особенность рассматриваемого положения закона обращает внимание Е.Г. Комиссарова: «Союз “или” и союз “и”, как известно, имеют разные смысловые оттенки. Первый несёт на себе смысловую нагрузку возможностей выбора».

Для применения первого основания — классического образца нормы о субъективной добросовестности — суду необходимо установить два связанных между собой обстоятельства: (1) фактическое отсутствие у наследника знания об открытии наследства и (2) отсутствие у него обязанности такое знание получить. В.Г. Голубцов подчеркивает, что в подобных делах включаются «специальные правила доказывания», при которых сторона, ссылающаяся на извинительную неосведомлённость, приводит факты, ставшие её причиной, а вторая сторона обязана их опровергнуть.

Второе основание — «иные уважительные причины» — относится к ситуациям, когда наследник знал об открытии наследства, но в силу объективных обстоятельств, как правило связанных с его личностью (тяжёлая болезнь, беспомощное состояние, длительная командировка, нахождение в зоне военных действий и т.п.), не имел реальной возможности обратиться за принятием наследства. Здесь действует общий стандарт доказывания: истец доказывает наличие и уважительный характер причины, а также то, что эта причина действовала на протяжении всего срока 6 месяцев.

Ю.Ф. Беспалов, перечисляя обстоятельства, имеющие значение для рассмотрения и разрешения споров о восстановлении срока на принятие наследства, прямо называет «незнание об открытии наследства при должной добросовестности, разумности и осмотрительности» в качестве самостоятельного юридически значимого обстоятельства, отличного от «иных уважительных причин». Между тем Е.Г. Комиссарова отмечает, что правоприменительная практика демонстрирует «фактическую статичность конструкции»: в подавляющем большинстве критерий «не знал и не должен был знать» как самостоятельное основание иска игнорируется, а предмет доказывания сводится исключительно к установлению «иных уважительных причин». Вероятно, такой подход выводится из п. 40 Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 29.05.2012 № 9, который фактически дублирует текст п. 1 ст. 1155 ГК РФ.

В случае признания извинительного незнания самостоятельным юридическим основанием иска неизбежно ставит вопрос о специальных правилах доказывания. В.Г. Голубцов указывает на необходимость особого распределения бремени доказывания в подобных делах: «сторона, ссылающаяся на извинительную неосведомлённость, приводит те факты, которые стали причиной неосведомлённости, а вторая сторона обязана опровергнуть их». Эта модель распределения бремени соответствует логике презумпции добросовестности, установленной п. 5 ст. 10 ГК РФ.

Применительно к делам о восстановлении срока на принятие наследства можно выделить следующий типичный набор доказательственных фактов:

- отсутствие у наследника информации об открытии наследства до определённого момента (что обычно подтверждается косвенными доказательствами: данными о месте жительства, отсутствием правоустанавливающих документов и т.п.);
- отсутствие у наследника объективной возможности или нормативной обязанности получить такую информацию своевременно (с учетом его отношений с наследодателем);
- факт своевременного обращения в суд с момента, когда причины незнания отпали (в течение 6 месяцев, предусмотренных абз. 1 п. 1 ст. 1155 ГК РФ).

Необходимо учитывать, что в силу ст. 61 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате нотариус извещает известных ему наследников об открытии наследственного дела. Однако как отмечает Е.Г. Комиссарова, существующий порядок нотариальной фиксации сведений о наследниках в значительной мере опирается на информацию, добровольно сообщаемую явившимися наследниками, и не предусматривает эффективного механизма самостоятельного розыска «отсутствующих» наследников нотариусом. Кроме того С.А. Смирнов указывает, что само по себе наличие в производстве нотариуса наследственного дела и информации в реестре завещаний не обеспечивает практической доступности этих данных для лица, не подозревающего о своём наследственном праве; следовательно, ожидать от такого наследника активных действий по запросу нотариальных сведений было бы избыточным.

М.В. Волгаев применительно к доктрине принятия наследства отмечает на необходимость более чёткого различения волевой составляющей акта принятия от сопровождающих его процессуальных формальностей; для целей восстановления срока критичным становится именно вопрос о том, могла ли

воля наследника на принятие наследства сформироваться вовремя — то есть имелась ли у него информация, без которой такое волевое решение в принципе невозможно.

Нельзя обойти вниманием и значение презумпции добросовестности в спорах о восстановлении срока. Ю.В. Виниченко обоснованно констатирует, что презумпция, закреплённая в пункте 5 статьи 10 ГК РФ, имеет универсальный процессуальный эффект — она освобождает лицо, ссылающееся на свою добросовестность, от необходимости доказывать её прямо и переносит бремя её опровержения на оппонента.

3. Содержательная интерпретации категории «должен был знать»

Категория «не знал» в составе п. 1 ст. 1155 ГК РФ относительно ясна и подразумевает фактическое отсутствие у наследника информации, однако категория «не должен был знать» предполагает оценку поведения наследника с точки зрения должного — иначе говоря, ответ на вопрос, обязан ли был наследник, действуя разумно и осмотрительно, такое знание получить.

Сложившаяся судебная практика раскрывает последнюю через так называемую социальную обязанность поддерживать родственные отношения. И.Г. Ренц констатирует, что «в делах, где основанием восстановления срока заявляется незнание об открытии наследства, суды ориентируются на наличие у родственников социальной обязанности знать о событиях в жизни друг друга». Соответствующая позиция была воспроизведена в целом ряде определений Верховного Суда РФ: при должной осмотрительности и заботливости наследники могли и должны были знать о смерти наследодателя; нежелание поддерживать родственные отношения и отсутствие интереса к судьбе наследодателя не признаются уважительной причиной пропуска срока.

Подобный подход вызывает обоснованную критику, так, С.Б. Серенко указывает, что суды «придают аргументу к морали юридическую значимость и выводят из него юридические последствия», что недопустимо: «насколько бы ни были с точки зрения общественной морали порицаемы поступки наследников, это не влияет на их право наследовать», за исключением случаев недостойного наследования (статья 1117 ГК РФ).

Кроме того, понятие должной осмотрительности и заботливости заимствовано судами из контекста статьи 401 ГК РФ, где оно служит критерием оценки наличия вины должника за неисполнение обязательства. Перенос этой конструкции в наследственные отношения, в которых правонарушение со стороны наследника отсутствует в принципе, представляется методологически некорректным. Более правильным является толкование данных понятий через объективную добрую совесть: если конкретные жизненные обстоятельства давали наследнику инструмент для получения информации об открытии наследства, и любой разумный человек в его положении такой информацией воспользовался бы, незнание признаётся неуважительным; если же таких обстоятельств не было, незнание следует квалифицировать как извинительное.

В то же время, в последние годы на уровне Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ в последние годы наметилась тенденция к корректировке практики и признанию самостоятельного значения извинительного незнания применительно к наследникам по завещанию.

Показательным является Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 19 июля 2022 года № 5-КГ22-50-К2. В рамках данного дела наследодатель в 1998 году составила завещание, по которому квартира завещалась гражданке К., а в случае её смерти или непринятия наследства — гражданке Е. После открытия наследства первоначальная наследница умерла, не успев заявить о принятии наследства, а истица Е., не состоявшая с наследодателем в родственных или дружеских отношениях, узнала о завещании со значительной задержкой. Суд первой инстанции иск удовлетворил, апелляция и кассация — отказали, сославшись на отсутствие препятствий к поддержанию отношений с наследодательницей. Верховный Суд РФ признал такой подход формальным и направил дело на новое рассмотрение, указав на необходимость оценить именно тот факт, что истица не знала и не могла знать о том, что является подназначенной наследницей. Аналогичную позицию Верховный Суд подтвердил в Определении от 21.03.2023 № 5-КГ23-12-К2, признав уважительность незнания бывшей жены о завещании, составленном супругом в её пользу в период брака.

Отдельно следует рассмотреть Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 26.09.2023 года № 78-КГ23-35-К3, в рамках которого рассматривался вопрос о восстановлении срока для наследников по завещанию, проживающих в Бухаресте (Румыния) и не знавших о смерти своей тёти-наследодателя, проживавшей в Санкт-Петербурге; о завещании и об открытии наследства они узнали лишь после того, как сын наследодателя, лишённый ею наследства, разыскал их через социальные сети и сообщил о смерти. Комментируя это определение, С.А. Смирнов отметил, что «для восстановления наследникам срока на принятие наследства по завещанию было бы достаточно факта извинительного незнания о наличии завещания в их пользу при соблюдении сроков исковой давности — как объективного, так и субъективного». В то же время необходимо подчеркнуть, что обозначенный поворот пока касается преимущественно дел о наследовании по завещанию и не распространяется в полной мере на дела о наследовании по закону.

Дополнительным ориентиром служит Обзор судебной практики Верховного Суда РФ № 3, утверждённый Президиумом ВС РФ 25 ноября 2020 года, в п. 35 которого сформулирована универсальная позиция: оценка должной осмотрительности должна исходить из стандарта осмотрительного поведения, ожидаемого от разумного участника гражданского оборота в сравнимых обстоятельствах. Перенос этой логики в плоскость наследственных дел означает, что суд при применении пункта 1 статьи 1155 ГК РФ должен оценивать поведение наследника не сквозь призму абстрактных моральных представлений о «должной заботе» о родственнике, а в контексте конкретных житейских обстоятельств и характера отношений с наследодателем.

Заключение

Проведённое исследование позволяет сформулировать ряд итоговых выводов.

Во-первых, конструкция «не знал и не должен был знать», закреплённая в п. 1 ст. 1155 ГК РФ, представляет собой нормативное выражение субъективной добросовестности, отражающей состояние извинительной неосведомлённости лица о юридически значимых обстоятельствах. Эта конструкция самостоятельна по отношению к категории «иных уважительных причин» и образует отдельный юридический состав, влекущий восстановление пропущенного срока на принятие наследства.

Во-вторых, сложившаяся судебная практика фактически сводит оба основания п. 1 ст. 1155 ГК РФ сводятся к единому стандарту доказывания «иных уважительных причин», что искажает смысл закона и необоснованно распределяет бремя доказывания. Обозначившаяся в практике Верховного Суда РФ последних лет тенденция к признанию извинительного незнания самостоятельным основанием иска заслуживает поддержки, и может быть закреплена на уровне разъяснений Пленума Верховного Суда РФ.

В-третьих, подход к категории «должен был знать», требующий от наследника поддержания родственных отношений с наследодателем как условия принятия наследства, следует скорректировать в пользу интерпретации «должной осмотрительности» в сторону сопоставления поведения конкретного наследника с поведением разумного участника наследственного правоотношения.

В-четвёртых, в делах о восстановлении срока на принятие наследства, основанных на ссылке истца на извинительное не-

знание, должно действовать специальное распределение бремени доказывания: истец представляет фактический материал, из которого следует его неосведомлённость и её извинительный характер; ответчик (как правило, другие наследники либо публично-правовое образование, претендующее на выморочное имущество) обязан опровергнуть эти обстоятельства, что следует из презумпции добросовестности, закреплённой в п. 5 ст. 10 ГК РФ.

Литература

1. Беспалов Ю.Ф. Обстоятельства, имеющие значение для рассмотрения и разрешения споров о наследовании / Ю.Ф. Беспалов // Наследственное право. — 2021. — № 2. — С. 15–19.
2. Виниченко Ю.В. О презумпции добросовестности в гражданском праве / Ю.В. Виниченко // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. — 2018. — Т. 160, кн. 2. — С. 285–300.
3. Волгаев М.В. Принятие наследства: доктрина и практика / М.В. Волгаев // Нотариус. — 2020. — № 4. — С. 8–13.
4. Голубцов В.Г. Субъективная добросовестность в структуре общего понятия добросовестности / В.Г. Голубцов // Вестник Пермского университета. Юридические науки. — 2019. — Вып. 45. — С. 490–518.
5. Голубцов В.Г. Судебное доказывание обстоятельств субъективной добросовестности / В.Г. Голубцов // Вестник гражданского процесса. — 2020. — № 5. — С. 36–63.
6. Комиссарова Е.Г. Проблемы правоприменительного толкования правил ГК РФ о восстановлении срока на принятие наследства / Е.Г. Комиссарова // Наследственное право. — 2019. — № 2. — С. 29–33.
7. Нам К.В. Принцип добросовестности: развитие, система, проблемы теории и практики / К.В. Нам. — М.: Статут, 2019. — 278 с.
8. Наследственное право: постатейный комментарий к статьям 1110–1185, 1224 ГК РФ / Отв. ред. Е.Ю. Петров. — М.: М-Логос, 2018. — 656 с.
9. Новицкий И.Б. Принцип доброй совести в проекте обязательственного права / И.Б. Новицкий // Вестник гражданского права. — 2006. — № 1. — С. 124–181.
10. Серенко С.Б. Восстановление срока для принятия наследства: сложные вопросы теории и практики / С.Б. Серенко // Гражданское право. — 2024. — № 6. — С. 32–36. // СПС «Консультант Плюс»
11. Смирнов С.А. Забытое завещание. Комментарий к Определению Судебной коллегии по гражданским делам ВС РФ от 26 сентября 2023 года № 78-КГ23-35-К3 / С.А. Смирнов // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. — 2024. — № 1. — С. 4–17. // СПС «Консультант Плюс»

Subjective good faith in restoring the deadline for accepting an inheritance

Surikov M.A.

Moscow University of Finance and Law (MFUA)

This article examines the legal significance of the concept "did not know and should not have known," enshrined in paragraph 1 of Article 1155 of the Civil Code of the Russian Federation, as an independent basis for the court to reinstate the time limit for accepting an inheritance. The author explores the relationship between objective and subjective good faith, substantiates the classification of excusable ignorance as a separate legal fact in property inheritance relations, distinct from "other valid reasons," analyzes the contradictory practice of the Supreme Court of the Russian Federation, and notes the need to adjust the procedural burden of proof and overcome the current approach of lower courts to assessing the relationship between the heir and the testator.

Keywords: inheritance law; subjective good faith; excusable ignorance; reinstatement of the time limit for accepting an inheritance; valid reasons; due diligence; burden of proof.

References

1. Bespalov Yu.F. Circumstances Relevant to the Consideration and Resolution of Inheritance Disputes / Yu.F. Bespalov // Inheritance Law. - 2021. - No. 2. - Pp. 15-19.
2. Vinichenko Yu.V. On the Presumption of Good Faith in Civil Law / Yu.V. Vinichenko // Scientific Notes of Kazan University. Series: Humanities. - 2018. - Vol. 160, Book 2. - Pp. 285-300.
3. Volgaev M.V. Acceptance of Inheritance: Doctrine and Practice / M.V. Volgaev // Notary. - 2020. - No. 4. - Pp. 8-13.
4. Golubtsov V.G. Subjective good faith in the structure of the general concept of good faith / V.G. Golubtsov // Bulletin of Perm University. Legal sciences. - 2019. - Issue. 45. - P. 490-518.
5. Golubtsov V.G. Judicial proof of circumstances of subjective good faith / V.G. Golubtsov // Bulletin of civil procedure. - 2020. - No. 5. - P. 36-63.
6. Komissarova E.G. Problems of law enforcement interpretation of the rules of the Civil Code of the Russian Federation on the restoration of the period for accepting an inheritance / E.G. Komissarova // Inheritance law. - 2019. - No. 2. - P. 29-33.
7. Nam K.V. The principle of good faith: development, system, problems of theory and practice / K.V. Nam. — M.: Statut, 2019. — 278 p.
8. Inheritance Law: Article-by-Article Commentary to Articles 1110–1185, 1224 of the Civil Code of the Russian Federation / Ed. E. Yu. Petrov. — M.: M-Logos, 2018. — 656 p.
9. Novitsky I.B. The Principle of Good Conscience in the Draft Law of Obligations / I.B. Novitsky // Civil Law Bulletin. — 2006. — No. 1. — Pp. 124–181.
10. Serenko S.B. Restoration of the Time Limit for Accepting an Inheritance: Complex Theoretical and Practical Issues / S.B. Serenko // Civil Law. — 2024. — No. 6. — Pp. 32–36. // SPS "Consultant Plus"
11. Smirnov S.A. Forgotten Will. Commentary on the Ruling of the Judicial Collegium for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated September 26, 2023, No. 78-KG23-35-K3 / S.A. Smirnov // Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation. - 2024. - No. 1. - P. 4-17. // SPS "Consultant Plus"

Защита персональных данных пользователей маркетплейсов: правовые и организационные аспекты

Ульянов Владимир Иванович
магистрант, Юридический факультет, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, vladimir13005@bk.ru

В статье рассматриваются правовые аспекты защиты персональных данных пользователей маркетплейсов в условиях стремительного развития цифрового общества. Автор анализирует положения Федерального закона «О персональных данных», который возлагает на маркетплейс обязанности оператора персональных данных, включая сбор, хранение, защиту сведений от утечек и несанкционированного доступа. Отмечается, что обработка пользовательской информации должна иметь законное основание, понятную цель и чёткий механизм защиты прав граждан. На основе научных работ делается вывод о необходимости междисциплинарного подхода к решению проблем информационной безопасности. Особое внимание уделяется пробелам в Доктрине информационной безопасности РФ, а именно отсутствию законодательного определения информационной безопасности личности, в связи с чем предлагается авторская формулировка указанного недостающего понятия.

Ключевые слова: маркетплейс, оператор персональных данных, обработка персональных данных, защита информации, утечка данных, цифровая платформа, электронная коммерция.

В настоящее время, когда цифровое общество выходит на первый план, и развивается с молниеносной скоростью, встает важный вопрос о защите персональных данных пользователей такого информационного поля. Наиболее остро данный вопрос рассматривается в отношении пользователей цифровых агрегаторов или как их еще называют «маркетплейсов».

Работа любого маркетплейса всегда связана с постоянной обработкой персональных данных, поскольку в процессе ее функционирования она работает с личными данными и сведениями о покупателях, продавцах, получателях заказов, сотрудниках пунктов выдачи, также иногда площадка использует их данные для доставки, подтверждения личности при заказе товаров определённой категории и при возникновении споров между площадкой и покупателями, поэтому в российском праве маркетплейс выступает не только участником электронной торговли, но и оператором персональных данных, и как следствие на него в полной мере распространяются общие требования Федерального закона от 27.07.2006 №152-ФЗ «О персональных данных» (далее - Федеральный закон «О персональных данных»).

Как известно, все основные требования, касающиеся любых способов предоставления и работы с данными пользователей, содержатся в Федеральном законе «О персональных данных». Согласно ему правовой режим персональных данных включает в себя принципы обработки, условия обработки, конфиденциальность, согласие гражданина, право на доступ к своим данным, право обжаловать действия или бездействие оператора, обязанности оператора при сборе сведений, организационные меры, требования к безопасности, порядок ответа на запросы, порядок уточнения, блокировки и удаления данных, а также ответственность за нарушения.

Для маркетплейса такое устройство закона означает, что обработка пользовательской информации не может строиться только на удобстве сервиса: у неё должно быть законное основание, понятная цель, предел по объёму собираемых сведений и чёткий механизм защиты прав пользователей.

Закон о персональных данных обязывает оператора обеспечивать защиту сведений от незаконного или случайного доступа, уничтожения, изменения, блокировки, копирования, предоставления и распространения [1]. Законодатель исходит из того, что обработка данных не ограничивается только их сбором и хранением: оператор заранее оценивает возможные угрозы и выстраивает работу своей информационной системы так, чтобы снизить риск утечки, подмены, потери или незаконного использования сведений. Для маркетплейса, через который проходят данные покупателей, продавцов, получателей заказов и партнёров, это требование становится особенно важным, потому что большая часть действий происходит именно в электронной среде.

По справедливому замечанию Р. В. Амелина, Т. А. Поляковой и С. Е. Чаннова, цифровая эпоха, с одной стороны, открывает новые возможности для осуществления прав и свобод человека, а с другой – порождает множество серьёзных угроз информационной безопасности. Поэтому в современных условиях необходим междисциплинарный и межотраслевой взгляд на решение этих проблем [2,3].

В Доктрине информационной безопасности Российской Федерации, утверждённой Указом Президента РФ от 5 декабря 2016 г. № 646 (далее – Доктрина), указано, что информационная безопасность касается сразу трёх сторон: личности, общества и государства [4]. Однако на деле в этом документе главное внимание уделяется всё-таки государству, а не отдельным лицам. Получается, что чёткого определения того, что такое информационная безопасность именно личности, в Доктрине нет. А ведь

это очень важно, потому что без ясного понимания трудно защищать права конкретного человека в цифровом мире. На наш взгляд, это серьёзный пробел в законодательстве. Поэтому мы предлагаем дополнить второй пункт раздела «Общие положения» Доктрины и прописать в нём, что именно понимается под информационной безопасностью личности. В данном случае предлагается следующая формулировка: «Информационная безопасность личности - это состояние защищённости человека, при котором обеспечиваются его конституционные права на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, на достоверность и конфиденциальность информации о нём, а также создаются условия для свободного развития, принятия решений и реализации законных интересов в информационной среде без принуждения, манипуляции и дискриминации, обусловленных применением информационных технологий.»

Как же на деле защитить человека в информационной сфере? Эффективность правового регулирования достигается лишь при сочетании двух компонентов: формальных правил (законов, определяющих правомочия и запреты, а также предоставляющих гарантии) и технической инфраструктуры (криптографической защиты и систем контроля доступа), которая обеспечивает практическую реализацию этих правил. Отсутствие любого из этих элементов делает правовую охрану несостоятельной. Поэтому по-настоящему надёжная защита личной информации в интернете и цифровой среде возможна только тогда, когда строгие законы подкрепляются современными технологическими решениями.

Многие законы в сфере информационной безопасности, к сожалению, написаны слишком общими фразами и носят скорее формальный, чем практический характер. И. Л. Бачило ещё в своих работах по информационному праву говорила, что закон работает хорошо только тогда, когда он успевает за развитием технологий и может грамотно отвечать на новые вызовы. Автор обращает внимание на то, что если в законе неясно прописаны такие понятия, как «общедоступные данные», то применять такие нормы на практике очень сложно [5]. А ведь именно через открытые персональные данные люди узнают друг друга в социальной среде, и именно такие данные представляют человека как личность, которую закон призван защищать. Значит, чем точнее и понятнее будут определения, тем надёжнее будет и сама защита.

А. А. Чеботарёва обращает внимание на важную мысль: многие привыкли думать, что информационная безопасность - это когда кто-то тебя защищает - поставил пароль, зашифровал данные, и порядок. Однако, по мнению автора, это не так. Информационная безопасность личности представляет собой сложное и подвижное состояние [6]. Оно не статично, поскольку угрозы постоянно эволюционируют, а значит, должны меняться и подходы к защите.

И здесь ключевую роль играют две стороны. Первая - сам человек. Он не может оставаться в стороне, полагаясь исключительно на государство или технологии. Напротив, он обязан проявлять осознанную активность: понимать, кому и куда передаёт свои данные, оценивать возможные риски и требовать соблюдения своих прав. Вторая сторона - государство. Его задача - не просто принимать законы, а целенаправленно выстраивать систему защиты, выступая гарантом баланса в цифровом пространстве. Важно не допустить крайностей: ни подавления свободы во имя безопасности, ни потери контроля в погоне за излишним либерализмом. Именно в таком единстве, где активный гражданин взаимодействует с ответственным государством, и рождается подлинная информационная безопасность личности.

Проведённый анализ позволяет сделать следующие выводы.

Во-первых, маркетплейс в силу своей деятельности является полноценным оператором персональных данных. Это обязывает его соблюдать требования Федерального закона «О персональных данных», а именно, обрабатывать сведения на законном основании, с ясной целью и в минимальном объёме, а также обеспечивать их защиту от утечек и несанкционированного доступа.

Во-вторых, в российском законодательстве отсутствует чёткое определение информационной безопасности личности. Доктрина информационной безопасности РФ делает упор на защиту государства, оставляя права человека в тени. Предлагается дополнить Доктрину соответствующим определением. Предложенное в данном исследовании авторское определение предлагается закрепить в пункте 2 раздела «Общие положения» Доктрины.

В-третьих, эффективная защита персональных данных невозможна без сочетания правовых норм и технических средств, а также без активной позиции самого гражданина и целенаправленной работы государства. Именно в таком сочетании рождается настоящая информационная безопасность личности в цифровую эпоху.

Литература

1. Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31 (1 ч.). Ст. 3451.
2. Полякова Т. А., Минбалеев А. В., Троян Н. А. Формирование культуры информационной безопасности граждан Российской Федерации в условиях новых вызовов: публично-правовые проблемы // Государство и право. 2023. No 5. С. 131–144.
3. Амелин Р. В., Чаннов С. Е. Эволюция права под воздействием цифровых технологий. М. : Норма, 2025. 280 с.
4. Доктрина информационной безопасности Российской Федерации : утв. Указом Президента РФ от 05.12.2016 № 646 // Собрание законодательства РФ. - 2016. - № 50. - Ст. 7074.
5. Бачило И. Л. Информационное право : учебник. 5-е изд., пер. и доп. М. : Юрайт, 2019. 419 с.
6. Чеботарева А. А. Правовое обеспечение информационной безопасности личности в глобальном информационном обществе : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2018. 473 с.
7. Ланская Д. В. Проблемы маркетплейсов на рынках финансовых услуг, потребительских товаров и их решение // Естественно-гуманитарные исследования. 2023. № 3 (47). С. 310.
8. Гаврюсев И. А. Электронная коммерция и проблемы безопасности личных данных пользователей // Инновационные механизмы управления цифровой и региональной экономикой. М.: Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ», 2023. С. 687.
9. Овсепян Т. Р. Проблемы конфиденциальности и безопасности персональных данных на виртуальных модных платформах // Закон и право. 2024. № 9. С. 165.

Protection of personal data of marketplace users: legal and organizational aspects

Ulyanov V.I.

Financial University under the Government of the Russian Federation

The article examines the legal aspects of protecting personal data of marketplace users in the context of the rapid development of the digital society. The author analyzes the provisions of Federal Law No. 152-FZ “On Personal Data”, which imposes on the marketplace the obligations of a personal data operator, including collection, storage, protection of information from leaks and unauthorized access. It is noted that the processing of user information must have a legal basis, a clear purpose, and a transparent mechanism for protecting citizens' rights. Based on scientific works, it is concluded that an interdisciplinary approach is necessary to address information security problems. Particular attention is paid to gaps in the Information Security Doctrine of the Russian Federation, namely the absence of a legal definition of information security of the individual. In this regard, the author proposes an original formulation of the said missing concept.

Keywords: marketplace, personal data operator, personal data processing, information protection, data leakage, digital platform, electronic commerce.

References

1. Federal'nyy zakon ot 27.07.2006 № 152-FZ «O personal'nykh dannykh» [Federal Law No. 152-FZ of July 27, 2006 “On Personal Data”]. *Sobraniye zakonodatel'stva RF*, 2006, no. 31 (1 ch.), st. 3451. (In Russ.)
2. Polyakova T. A., Minbaleev A. V., Troyan N. A. Formirovaniye kul'tury informatsionnoy bezopasnosti grazhdan Rossiyskoy Federatsii v usloviyakh novykh vyzovov: publichno-pravovyye problemy [Formation of information security culture of citizens of the Russian Federation in the context of new challenges: public law problems]. *Gosudarstvo i pravo*, 2023, no. 5, pp. 131–144. (In Russ.)
3. Amelin R. V., Channov S. E. *Evolyutsiya prava pod vozdeystviyem tsifrovykh tekhnologiy* [Evolution of law under the influence of digital technologies]. Moscow: Norma, 2025, 280 p. (In Russ.)

4. Doktrina informatsionnoy bezopasnosti Rossiyskoy Federatsii [Information Security Doctrine of the Russian Federation]: utv. Ukazom Prezidenta RF ot 05.12.2016 № 646. *Sobraniye zakonodatel'stva RF*, 2016, no. 50, st. 7074. (In Russ.)
5. Bachilo I. L. *Informatsionnoye pravo* [Information law]. 5th ed. Moscow: Yurayt, 2019, 419 p. (In Russ.)
6. Chebotareva A. A. *Pravovoye obespecheniye informatsionnoy bezopasnosti lichnosti v global'nom informatsionnom obshchestve* [Legal support of information security of the individual in the global information society]. Dr. Sci. (Law) dissertation. Moscow, 2018, 473 p. (In Russ.)
7. Lanskaya D. V. Problemy marketpleysov na rynkakh finansovykh uslug, potrebitel'skikh tovarov i ikh resheniye [Problems of marketplaces in the markets of financial services, consumer goods and their solution]. *Estestvenno-gumanitarnyye issledovaniya*, 2023, no. 3 (47), p. 310. (In Russ.)
8. Gavryusev I. A. Elektronnaya kommertsiya i problemy bezopasnosti lichnykh dannykh pol'zovateley [E-commerce and security problems of users' personal data]. In: *Innovatsionnyye mekhanizmy upravleniya tsifrovoy i regional'noy ekonomikoy*[Innovative mechanisms of digital and regional economy management]. Moscow: National Research Nuclear University “MEPhI”, 2023, p. 687. (In Russ.)
9. Ovsepyan T. R. Problemy konfidentsial'nosti i bezopasnosti personal'nykh dannykh na virtual'nykh modnykh platformakh [Problems of confidentiality and security of personal data on virtual fashion platforms]. *Zakon i pravo*, 2024, no. 9, p. 165. (In Russ.)

Криптовалюта в конкурсной массе должника: проблемы выявления, взыскания и реализации в процедурах банкротства

Хамуков Алим Асланович
стажер-исследователь центра исследований и экспертиз, Юридический факультет, Финансовый университет, 23aal@mail.ru

В статье анализируются правовые и практические проблемы включения криптовалюты в конкурсную массу должника в процедурах банкротства. Рассматривается сложившаяся судебная практика, в соответствии с которой криптовалюта признаётся имуществом, обладающим экономической ценностью, несмотря на отсутствие детализированного законодательного регулирования.
Особое внимание уделяется вопросам выявления и истребования криптоактивов, а также обязанностям арбитражного управляющего при обнаружении вывода средств должника в криптовалюту.
Как показывает практика, непринятие активных мер по поиску криптовалюты всё чаще рассматривается судами как ненадлежащее исполнение обязанностей и влечёт риски привлечения арбитражного управляющего к ответственности.
Результаты проведенного исследования приводят к выводу, что судебная практика формирует оценочный стандарт поведения арбитражного управляющего, основанный на принципах разумности и добросовестности.
Обосновывается необходимость законодательной стандартизации процедур работы с цифровыми активами в банкротстве.
Ключевые слова: криптовалюта, цифровые активы, банкротство, конкурсная масса, арбитражный управляющий, судебная практика, ответственность арбитражного управляющего, выявление имущества, вывод активов, цифровая экономика.

Бурное развитие рынка криптовалют и их вовлечение в хозяйственный оборот закономерно привели к постановке вопроса о судьбе подобных активов в рамках процедур несостоятельности (банкротства). Криптовалюта из нишевого финансово-технологического феномена трансформировалась в массовый экономический инструмент, используемый как для инвестиций, так и для расчётов, хранения и трансграничного перемещения капитала.

По данным отчёта Chainalysis, за период с июля 2024 года по июнь 2025 года Россия стала крупнейшим криптовалютным рынком в Европе. Согласно оценкам Банка России, по состоянию на конец марта 2025 года предполагаемые остатки средств российских пользователей на кошельках только криптобирж составили около 827 млрд. рублей. Указанные данные свидетельствуют о значительном объёме криптоактивов, находящихся под контролем российских резидентов и, как следствие, о возрастании рисков их использования для неправомерного вывода имущества должников в преддверии банкротства.

Несмотря на масштаб распространения криптовалюты, российское законодательство до настоящего времени не содержит детализированного регулирования её оборота, в том числе применительно к процедурам банкротства. Отсутствие прямых норм о порядке выявления, учёта, оценки и реализации криптовалюты в конкурсной массе формирует состояние правовой неопределённости, которое на практике восполняется преимущественно судебными актами арбитражных судов.

На момент проведения настоящего исследования (2026 год) российские арбитражные суды в целом сформировали устойчивую позицию, согласно которой криптовалюта признаётся имуществом, обладающим экономической ценностью и подлежащим включению в конкурсную массу. Данный подход базируется на нескольких ключевых аргументах:

1. *Открытый характер перечня объектов гражданских прав:* суды указывают, что отсутствие прямого упоминания криптовалюты в законе не лишает её имущественной природы.

2. *Возможность фактического владения, пользования и распоряжения криптовалютой:* контроль над приватными ключами и возможность совершения операций с криптоактивами квалифицируются судами как аналог права собственности в соответствии со статьей 35 Конституции Российской Федерации.

3. *Оспоримость сделок:* Транзакции с криптовалютой, совершённые накануне банкротства, могут влечь за собой вывод имущества и подлежат оспариванию арбитражным управляющим.

Сложившуюся практику судов о признании криптовалюты имуществом применительно к банкротству подтвердило внесение в статью 2 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» части 2 следующего содержания: «2. Для целей настоящего Федерального закона цифровая валюта признается имуществом».

В связи с изложенным суды выносят решения, предписывающие должникам и посредническим платформам передать управляющему информацию о криптовалютных активах, доступы к криптокошелькам (пароль, seed-фраза, материальный носитель) для перевода криптовалюты в конкурсную массу.

Стоит отметить, что вопреки сложившейся практике отдельные суды отказывают в признании криптовалюты имуществом, ссылаясь на регуляторный вакуум, либо указывают на практическую невозможность её истребования ввиду децентрализованного характера и сложностей в доказывании принад-

лежности криптовалюты конкретному лицу. Однако данные решения носят скорее исключительный характер и не опровергают общий вектор практики.

В российской научной доктрине также можно считать сформировавшейся позицию о признании криптовалюты имуществом. Между тем на стадии практической реализации такого подхода выявляются проблемы.

Критической проблемой для арбитражных управляющих является отсутствие законодательно закреплённого и стандартизированного порядка работы с цифровыми активами в процедуре банкротства.

На момент проведения настоящего исследования суды сформировали позицию, что обязанность управляющего проводить поиск и анализ операций с криптовалютой возникает не автоматически, а лишь при наличии разумных оснований полагать, что у должника имелись такие активы или был совершён их вывод.

На практике эмпирически сложился примерный перечень действий, которые суды признают достаточными для исполнения управляющим своей обязанности по выявлению криптовалют:

-Истребование информации о наличии криптовалют непосредственно у должника;

-Направление запросов в известные криптобиржи (Bybit, OKX, Garantex и др.);

-Анализ банковских выписок на предмет переводов на криптобиржи или в криптообменники;

-Запросы в государственные органы и организации (ФНС РФ, Банк России, ФСБ РФ, Государственная корпорация «Агентство страхования вкладов», Московская биржа, Росфинмониторинг);

-Осмотр электронных устройств должника на предмет наличия криптокошельков; авторизации в личных кабинетах на криптовалютных биржах.

Указанные меры носят фрагментарный характер и не образуют единого процессуального алгоритма, что существенно снижает их эффективность. Стоит также отметить, что осуществление проверки должника на наличие криптоактивов на практике затруднено тем, что в России нет единых реестров держателей цифровых валют, а иностранные криптовалютные обменники и биржи неохотно идут на контакт с российскими правоохранительными органами.

Таким образом, правоприменение остаётся фрагментарным и сильно зависит от добросовестности и инициативности конкретного управляющего, активности кредиторов и усмотрения суда.

При этом неосуществление арбитражным управляющим поиска криптовалютных активов при наличии признаков использования должником криптовалют квалифицируется судами как ненадлежащее исполнение управляющим своих обязанностей и может служить основанием для взыскания убытков.

Возлагая на арбитражных управляющих обязанность предпринять действия, направленные на выявление признаков вывода имущества должника в криптовалюту, некоторые суды ссылаются на технологическую специфику цифровых активов: деятельность в сфере криптовалюты по своей природе не может быть полностью «бесследной». Операции в блокчейне, движение средств через банковскую систему, использование P2P-площадок, установка специализированного программного обеспечения — всё это формирует совокупность цифровых и финансовых «следов», подлежащих анализу. Отдельно отмечается, что «вопросы об операциях в блокчейне, их целесообразности и причинах уменьшения средств могут быть предметом финансово-экономической или компьютерно-технической экспертизы».

При существующей угрозе привлечения к ответственности, в практике тем не менее часто встречаются случаи, когда арбитражные управляющие не предпринимали попыток проведения проверки должника на наличие криптоактивов, несмотря на то что имелись достоверные сведения об активном использовании должником криптокошельков в предшествующие банкротству периоды. Подобная пассивность всё чаще становится объектом обжалования со стороны кредиторов.

Кредиторы, в целом, демонстрируют возрастающую процессуальную активность, последовательно указывая на необходимость проверки должника на наличие криптоактивов и оспаривая завершение процедур без проведения соответствующих мероприятий.

В связи с изложенным в последнее время некоторые арбитражные управляющие предпочитают следовать активному подходу, самостоятельно анализируя движение денежных средств должника на предмет признаков вывода активов в криптовалюту.

Все перечисленные выше обстоятельства фактически формируют новый стандарт профессионального поведения арбитражного управляющего, игнорирование которого сопряжено с риском последующего привлечения его к ответственности.

Стоит отдельно отметить увеличение количества случаев отказа должников от передачи активов в связи с их предполагаемой утратой в результате неудачного вложений денежных средств на криптовалютном рынке. На практике проверить правдивость подобных утверждений практически невозможно, что также открывает возможность для злоупотреблений.

Успешные примеры реального взыскания и реализации криптовалюты на конец 2025 года существуют, хотя остаются единичными. В ходе банкротного дела № А50-6372/2018, рассматривавшегося Арбитражным судом Пермского края, арбитражным управляющим были успешно реализованы криптовалюты должника (изъятый у должника Dagcoin был реализован за 21 000 рублей). При этом всего в сделках с криптовалютами, оспоренных арбитражным управляющим как незаконный вывод активов в рамках данного дела, значились суммы свыше 430 тыс. рублей и 1700 евро, что составило более 70 % всей конкурсной массы должника. Данный прецедент опровергает тезис о технической или юридической невозможности реализации криптовалют в рамках процедуры банкротства.

Эффективной работе по выявлению, взысканию и реализации криптовалюты в рамках банкротства препятствуют также следующие ограничения правового и организационного характера:

-*Фактическое отсутствие декларирования криптоактивов:* ФНС не имеет технической возможности осуществлять самостоятельный сбор информации о криптовалютах граждан. При этом добровольно подобное имущество декларируется редко;

-*Неэффективность принудительного исполнения:* судебные приставы лишены эффективных легальных механизмов для принудительного изъятия приватных ключей или доступа к кошелькам;

-*Избирательная эффективность запросов:* запросы управляющих в крупные зарубежные биржи (например, Binance) часто остаются без ответа, хотя некоторые операторы (например, Garantex) демонстрируют готовность к сотрудничеству;

-*Пассивность самих арбитражных управляющих:* даже при наличии явных признаков наличия у должника криптоактивов некоторые управляющие не проводят должных проверок, что влечет необоснованное завершение процедур банкротства, без исчерпания всех мер по выявлению и реализации имущества должника.

В таких условиях можно говорить о возникновении парадокса: криптовалюта признаётся имуществом, но государство не располагает инструментами принудительного контроля над таким имуществом, что выявляет структурный конфликт между частноправовой квалификацией и публично-правовыми механизмами исполнения.

На основании проведённого анализа правоприменения и судебной практики можно сформулировать следующие выводы:

1. Сложился прецедентный режим регулирования: правоприменительная практика де-факто признала криптовалюту

имуществом, а проведение мероприятий по ее выявлению – обязанностью арбитражного управляющего.

2. Ключевой проблемой на момент проведения настоящего исследования является не квалификация, а выявление и реализация криптовалютных активов в рамках банкротства: главные сложности связаны с процедурами выявления, сохранения и перевода в фиатные деньги криптовалюты.

3. Действия арбитражного управляющего по поиску, оценке и продаже криптовалюты должника на момент проведения настоящего исследования определяются не законом, а судебной практикой, носящей оценочный и ситуационный характер.

Для устранения выявленных пробелов, по мнению автора, необходима разработка на законодательном и подзаконном уровне:

1) единого стандарта действий арбитражного управляющего, включающего исчерпывающий перечень проверочных мероприятий, правила оценки, фиксации и порядка реализации криптовалюты. Стоит учитывать, что выявление криптовалютных активов должника требует перехода арбитражных управляющих от документарного поиска к аналитическому. Это влечет за собой потребность в принятии новых правил, определяющих порядок такого поиска.

2) эффективного правового механизма истребования доступа к криптовалюте, например, путём внесения в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» положения о переносе бремени доказывания утраты должником криптовалютных активов или доступа к ним на самого должника. В случае его немотивированного отказа от передачи прав доступа к своим криптовалютным активам представляется целесообразным применять механизм прекращения банкротства без освобождения должника от обязательств, предусмотренный пунктом 4 статьи 213.28 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)».

3) процессуальных оснований для проведения финансово-технических экспертиз блокчейн-операций с участием специализированных экспертов.

Заключение

Проведённое исследование показывает, что криптовалюта в современных условиях прочно вошла в экономический оборот и объективно требует учёта в процедурах банкротства. Сформировавшаяся правоприменительная и судебная практика в целом признаёт криптовалюту имуществом, подлежащим включению в конкурсную массу, несмотря на отсутствие детализированного нормативного регулирования.

Вместе с тем отсутствие унифицированных процедур выявления, истребования и реализации цифровых активов существенно осложняет практическое применение данного подхода. Реализация прав кредиторов во многом зависит от инициативности арбитражного управляющего, активности участников процесса и усмотрения суда, что снижает предсказуемость правоприменения и создаёт риски неоднородности судебной практики.

Литература

1. Алексеев Н.В. Цифровые валюты в конкурсной массе должника/ Н.В. Алексеев // Экономика. Социология. Право. – 2023. - №1 (29). – С.85-90.
2. Гаврин Д.А. Особенности обращения взыскания на криптовалюты в процедуре несостоятельности (банкротстсва) /Д.А. Гаврин// Российское право: образование, практика, наука. – 2023. - №4. – С.35-44.
3. Гаврин Д.А. Цифровые финансовые активы и валюта в делах о несостоятельности (банкротстве)/Д.А. Гаврин // Предпринимательское право. – 2023. - №1 . – С.75-82.
4. Зинов М.А. Включение криптовалюты в конкурсную массу во время процедуры «несостоятельности (банкротства)»/ М.А. Зинов // Вопросы студенческой науки. – 2020. - №9 (49). – С.17-20.
5. Кузнецов Ю.В. Суд без закона: правовой режим криптовалюты в деле о банкротстве/Ю.В. Кузнецов// Экономика и право. – 2018. – т.13. №6. – С.122-135.
6. Семёнов А.В. Цифровые финансовые активы в банкротстве / А.В. Семенов // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право. - 2024. - №2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovye-finansovye-aktivy-v-bankrotstve (дата обращения: 26.03.2026).
7. Тверитинова О.Г., Федьков А.С. Криптовалюта как объект конкурсной массы в банкротстве граждан: перспективы законодательного регулирования / О.Г.Тверитинова, А.С.Федьков // Образование и право. - 2024. - №2. – С.278-282.
8. Филиппов А.Е. Отдельные правовые аспекты регулирования оборота цифровых активов в России и за рубежом / А.Е. Филиппов // Арбитражные споры. - 2018. - № 4. - С. 85—91.
9. Федоров Д.В. Токены, криптовалюта и смарт-контракты в отечественных законопроектах с позиции иностранного опыта / Д.В. Федоров // Вестник гражданского права. – 2018 -. № 2 -. С. 30—74.
10. Parry, R. Cryptoassets in Insolvencies: Selected Difficulties and Necessary Guidelines / R. Parry, P. Moffatt. — Nottingham : Nottingham Trent University, 2024.
11. Plichta, N. Reimagining Bankruptcy for Cryptocurrency Platforms: Frameworks to Protect Cryptocurrency Investors / N. Plichta // Chicago-Kent Law Review. — 2025. — Vol. 99, iss. 1. — P. 345–374.

Cryptocurrency in the Debtor's Estate: Issues of Identification, Recovery, and Implementation in Bankruptcy Proceedings

Khamukov A.A.

Financial University

This article analyzes the legal and practical issues surrounding the inclusion of cryptocurrency in a debtor's bankruptcy estate in bankruptcy proceedings. It examines established judicial practice, according to which cryptocurrency is recognized as property with economic value, despite the lack of detailed legislative regulation.

Particular attention is paid to the identification and recovery of crypto assets, as well as the responsibilities of the bankruptcy trustee upon discovering the transfer of a debtor's funds into cryptocurrency.

As practice shows, failure to actively search for cryptocurrency is increasingly viewed by courts as improper performance of duties and entails the risk of liability for the bankruptcy trustee.

The results of the study lead to the conclusion that judicial practice shapes the evaluation standard of bankruptcy trustee conduct based on the principles of reasonableness and good faith.

Keywords: cryptocurrency, digital assets, bankruptcy, bankruptcy estate, arbitration manager, judicial practice, responsibility of the arbitration manager, identification of property, withdrawal of assets, digital economy.

References

1. Alekseev, N.V. Digital Currencies in the Debtor's Bankruptcy Estate / N.V. Alekseev // Economics. Sociology. Law. 2023, no. 1 (29), pp. 85-90.
2. Gavrin, D.A. Specifics of Foreclosure on Cryptocurrency in Insolvency (Bankruptcy) Proceedings / D.A. Gavrin // Russian Law: Education, Practice, Science. 2023, no. 4, pp. 35-44.
3. Gavrin, D.A. Digital Financial Assets and Currency in Insolvency (Bankruptcy) Cases / D.A. Gavrin // Business Law. 2023, no. 1, pp. 75-82.
4. Zinov, M.A. Inclusion of cryptocurrency in the bankruptcy estate during insolvency (bankruptcy) proceedings / M.A. Zinov // Issues of student science. - 2020. - No. 9 (49). - Pp. 17-20.
5. Kuznetsov Yu.V. Court without law: the legal regime of cryptocurrency in bankruptcy cases / Yu.V. Kuznetsov // Economics and Law. - 2018. - Vol. 13. No. 6. - Pp. 122-135.
6. Semenov A.V. Digital financial assets in bankruptcy / A.V. Semenov // Bulletin of Chelyabinsk State University. Series: Law. - 2024. - No. 2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovye-finansovye-aktivy-v-bankrotstve (date accessed: 26.03.2026).
7. Tveritinova O.G., Fedkov A.S. Cryptocurrency as an object of bankruptcy estate in individual bankruptcy: prospects for legislative regulation / O.G. Tveritinova, A.S. Fedkov // Education and Law. - 2024. - No. 2. - P. 278-282.
8. Filippov A.E. Certain legal aspects of regulating the circulation of digital assets in Russia and abroad / A.E. Filippov // Arbitration Disputes. - 2018. - No. 4. - P. 85-91.
9. Fedorov D.V. Tokens, cryptocurrency and smart contracts in domestic bills from the perspective of foreign experience / D.V. Fedorov // Bulletin of civil law. - 2018 -. No. 2 -. P. 30-74.
10. Parry, R. Cryptoassets in Insolvencies: Selected Difficulties and Necessary Guidelines / R. Parry, P. Moffatt. — Nottingham : Nottingham Trent University, 2024.
11. Plichta, N. Reimagining Bankruptcy for Cryptocurrency Platforms: Frameworks to Protect Cryptocurrency Investors / N. Plichta // Chicago-Kent Law Review. — 2025. — Vol. 99, iss. 1. — P. 345–374.

Досудебный порядок урегулирования экономических споров

Чайко Кристина Викторовна
магистрант, 40.04.01 «Юриспруденция», СПбГАСУ, kris.key.k@mail.ru

Статья посвящена анализу правового регулирования и практики применения досудебного порядка урегулирования экономических споров в системе арбитражного судопроизводства Российской Федерации. Рассматриваются нормативные основы обязательного претензионного порядка, закрепленные в арбитражном процессуальном законодательстве, а также особенности его реализации в современной судебной практике. Особое внимание уделяется анализу типичных нарушений требований досудебного урегулирования, включая случаи возврата исковых заявлений, ошибки при направлении претензии и иные процессуальные проблемы. На основе анализа судебных актов и статистических данных о деятельности арбитражных судов выявляются основные тенденции правоприменения и оценивается эффективность претензионного порядка как механизма предварительного разрешения хозяйственных конфликтов. В статье также рассматриваются проблемы формального характера претензионной процедуры, случаи злоупотребления процессуальными правами и вопросы недостаточной правовой регламентации отдельных элементов досудебного урегулирования. Сделан вывод о том, что развитие примирительных процедур, совершенствование нормативного регулирования и внедрение цифровых механизмов коммуникации между сторонами могут повысить эффективность досудебного разрешения экономических споров и способствовать снижению нагрузки на арбитражные суды.

Ключевые слова: досудебное урегулирование споров, экономические споры, претензионный порядок, арбитражный процесс, судебная практика, арбитражные суды, разрешение коммерческих конфликтов, медиация, альтернативное разрешение споров.

Введение

В современных условиях досудебный порядок урегулирования экономических споров приобретает все более заметное значение в системе правовых механизмов защиты интересов участников предпринимательской и иной экономической деятельности. Повышение его роли обусловлено не только необходимостью оптимизации судебной нагрузки, но и более широкими изменениями в подходах к разрешению коммерческих конфликтов, при которых акцент постепенно смещается от исключительно судебной модели защиты прав к более гибким, экономически рациональным и институционально разнообразным формам согласования интересов сторон. Подобная тенденция соответствует задачам процессуальной экономии, снижению транзакционных издержек хозяйствующих субъектов и поддержанию устойчивости гражданского оборота.

Масштаб рассматриваемой проблемы подтверждается и статистическими данными, по итогам работы судебной системы за 2024 год в арбитражные суды поступило более 2 млн дел, при этом рассмотрено было свыше 1,8 млн дел, что свидетельствует о сохраняющемся высоком уровне экономических конфликтов и объективной потребности в эффективных досудебных механизмах их разрешения [12].

В научной литературе отмечается, что досудебное урегулирование уже не может трактоваться исключительно как формальная предпосылка обращения в суд, поскольку в ряде случаев оно выступает самостоятельным правовым инструментом предупреждения и локализации конфликта на ранней стадии его развития [11, 14].

Нормативная значимость данного института закреплена в процессуальном законодательстве Российской Федерации. Часть 5 статьи 4 Арбитражного процессуального кодекса РФ устанавливает обязательность принятия мер по досудебному урегулированию для ряда гражданско-правовых требований, связывая возможность обращения в арбитражный суд с предварительным направлением претензии, если иной порядок не установлен законом или договором [1].

В юридической науке проблематика досудебного урегулирования получила достаточно широкое освещение и продолжает активно развиваться. Я. О. Тихомирова рассматривает концептуальные основания обязательности досудебных процедур и их место в системе правового регулирования экономических конфликтов [14]. Ю. В. Бурдунюк анализирует претензионный порядок как особую форму правовой работы по защите нарушенных прав в договорных отношениях коммерческих организаций [3]. Вместе с тем исследования А. В. Силаева и Н. В. Федоренко демонстрируют сохраняющуюся неоднородность судебной практики по вопросам соблюдения претензионного порядка [10].

В совокупности это свидетельствует о том, что, несмотря на значительную степень научной разработанности проблемы, отдельные аспекты функционирования досудебного порядка в условиях трансформации экономических и коммуникационных практик продолжают оставаться предметом теоретической дискуссии.

Теоретико-правовые основы досудебного урегулирования экономических споров

Досудебное урегулирование экономических споров представляет собой совокупность предусмотренных законом, договором либо деловым оборотом действий сторон, направленных на разрешение конфликта до передачи его на рассмотрение арбитражного суда. В узком смысле оно связывается прежде всего с претензионным порядком, предполагающим обязанность заинтересованного лица предварительно предъявить контрагенту требование об исполнении нарушенного обязательства.

В более широком понимании досудебное урегулирование охватывает различные формы внесудебного согласования позиций сторон, включая переговоры, медиацию и иные примирительные процедуры [2, 3].

Правовая природа досудебного порядка урегулирования экономических споров носит комплексный характер и обусловлена его двойственной функциональной ролью в системе правового регулирования. С одной стороны, он выступает процессуальной предпосылкой обращения в арбитражный суд по определенным категориям споров, обеспечивая соблюдение установленной законом последовательности защиты нарушенного права. С другой стороны, по своему содержанию досудебный порядок тесно связан с материально-правовыми и организационными аспектами исполнения обязательств, поскольку именно на этой стадии стороны получают возможность добровольно устранить допущенное нарушение, уточнить объем требований, представить необходимые документы и тем самым минимизировать негативные последствия возникшего конфликта.

Конституционный Суд Российской Федерации подчеркивает, что установление обязательного досудебного порядка само по себе не ограничивает право на судебную защиту, поскольку преследует цели рационального использования ресурсов судебной системы и более эффективного разрешения отдельных категорий споров, обладающих определенной спецификой. В частности, в Постановлении от 12.03.2024 № 10-П отмечается, что предварительные процедуры урегулирования могут рассматриваться как допустимый правовой механизм упорядочения конфликтов и повышения эффективности судебной защиты, если они не создают непреодолимых препятствий для обращения в суд [7].

Место досудебного урегулирования в системе разрешения экономических конфликтов определяется его промежуточным положением между материально-правовым отношением и судебной стадией защиты права. По существу, данная стадия переводит конфликт из состояния одностороннего недовольства в форму структурированной юридической коммуникации, в рамках которой фиксируются предмет разногласий, объем требований, основания ответственности и возможные варианты их урегулирования. При этом претензия, а также ответ на нее нередко становятся частью доказательственной базы в последующем арбитражном процессе. Данный подход подтверждается и разъяснениями судебной практики, Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22.06.2021 № 18 обращает внимание на необходимость оценки судами не только факта направления претензии, но и содержания досудебного взаимодействия сторон, включая обмен документами и иные формы деловой коммуникации, которые могут иметь значение для правильного разрешения спора [9].

От альтернативных способов разрешения споров (сокр. ADR., *англ. alternative dispute resolution*) досудебный порядок отличается прежде всего степенью своей обязательности и процессуальной функцией. Если переговоры, медиация и иные примирительные процедуры, как правило, основываются на добровольном участии сторон и направлены на поиск взаимоприемлемого решения, то претензионный порядок в ряде случаев прямо установлен законом или договором как условие последующего обращения в суд. В этом смысле он одновременно выполняет примирительную функцию и функцию процессуального допуска к судебной защите. Вместе с тем на практике досудебный порядок нередко взаимодействует с инструментами ADR и дополняет их.

В исследованиях отмечается, что процедуры медиации могут использоваться на досудебной стадии как средство снижения конфликтности коммерческих отношений и сохранения деловых связей между участниками оборота. Анализ практики применения медиативных процедур показывает, что их использование позволяет сторонам не только урегулировать спор без обращения в суд, но и выработать более гибкие и взаимовыгодные условия дальнейшего взаимодействия [8]. Таким образом, досудебное урегулирование экономических споров следует рассматривать не как изолированный процессуальный барьер перед судебным разбирательством, а как многофункциональный правовой механизм, сочетающий элементы обязательной претензионной процедуры и добровольных примирительных инструментов.

Нормативной основой досудебного урегулирования экономических споров выступает статья 4 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации. В соответствии с частью 5 указанной статьи споры о взыскании денежных средств, возникающие из договоров, сделок или вследствие неосновательного обогащения, могут быть переданы на рассмотрение арбитражного суда только после соблюдения досудебного порядка урегулирования. Как правило, иск может быть подан по истечении 30 календарных дней со дня направления претензии, если иной срок не установлен законом или договором [1].

Одновременно законодатель предусматривает ряд категорий дел, по которым соблюдение досудебного порядка не требуется. К ним относятся, например, дела о несостоятельности (банкротстве), корпоративные споры, дела приказного производства, дела об установлении юридических фактов и некоторые другие категории [10].

Современное развитие правового регулирования связано также с цифровизацией хозяйственного оборота. В практике все чаще признается допустимым направление претензий по электронной почте или через электронный документооборот, если такой порядок взаимодействия прямо согласован сторонами либо вытекает из сложившейся практики делового общения [3].

Таким образом, досудебное урегулирование экономических споров следует рассматривать как структурно значимый элемент механизма правовой защиты участников хозяйственного оборота, выполняющий не только процессуальную функцию предварительного допуска к судебному разбирательству, но и формирующий институциональные условия для ранней локализации и снижения конфликтности коммерческих отношений, где претензионный порядок выступает его нормативным ядром, а переговорные, медиативные и иные согласительные процедуры расширяют инструментарий достижения взаимоприемлемых решений вне судебного процесса, что в условиях цифровизации экономической коммуникации придаёт данной стадии более гибкий и функционально насыщенный характер.

Методология и эмпирическая база исследования

В исследовании использовался комплекс общенаучных и специально-юридических методов, обеспечивающих всесторонний анализ досудебного порядка урегулирования экономических споров.

Методологическую основу составили формально-юридический метод, применённый для анализа положений Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации и иных нормативных актов, системный метод, позволивший рассмотреть досудебное урегулирование как элемент механизма арбитражной процессуальной защиты, а также метод анализа судебной практики, направленный на выявление актуальных тенденций правоприменения по вопросам соблюдения претензионного порядка.

Эмпирическую базу исследования составили нормы действующего арбитражного процессуального законодательства, разъяснения Верховного Суда Российской Федерации, материалы актуальной судебной практики арбитражных судов по спорам.

Результаты исследования

Проведённый анализ показывает, что в 2024–2025 гг. арбитражные суды продолжают рассматривать соблюдение претензионного порядка как значимую процессуальную предпосылку рассмотрения спора по существу.

Судебная практика показывает, что наиболее типичными основаниями для негативной процессуальной реакции суда

остаются отсутствие доказательств направления претензии, обращение в суд до истечения обязательного срока ожидания ответа, направление претензии ненадлежащему адресату, а также несоответствие содержания претензии предмету иска. При этом сама по себе претензия должна не просто существовать формально, а позволять установить конкретный материально-правовой спор и волеизъявление стороны на его урегулирование вне суда. На это ориентируют как статья 4 АПК РФ, так и разъяснения Пленума Верховного Суда РФ о досудебном урегулировании споров [1].

С практической точки зрения особенно показателен подход, согласно которому простое формальное приложение копии претензии ещё не гарантирует признание претензионного порядка соблюденным. Суд оценивает не только факт составления документа, но и надлежащее направление юридически значимого сообщения, его содержание, а также соблюдение временного интервала между предъявлением претензии и обращением в суд. В материалах правоприменительной практики прямо отмечается, что, если иск подан ранее истечения 30-дневного срока, суд исходит из того, что сторона фактически не предоставила контрагенту возможности добровольно урегулировать конфликт [1].

Вместе с тем современная судебная практика постепенно отходит от избыточно формализованного понимания обязательного претензионного порядка.

В разъяснениях, посвящённых досудебному урегулированию, Верховный Суд Российской Федерации исходит из того, что назначение данной процедуры заключается не в создании дополнительного процессуального препятствия для обращения в суд, а в формировании реальной возможности внесудебного разрешения конфликта. В связи с этим в правоприменении сформировался более гибкий подход к оценке соблюдения соответствующих требований. Не требуется повторное соблюдение досудебного порядка в ситуации процессуального правопреемства по уже возникшему спору, поскольку сама претензионная стадия была реализована ранее, аналогичным образом отсутствие отдельной претензии не рассматривается как препятствие для предъявления встречного иска, поскольку он заявляется после возбуждения производства по делу и по своей природе не направлен на предварительное урегулирование разногласий между сторонами [5].

Особое значение в практике приобретает вопрос о соотношении содержания претензии и последующего искового заявления.

Судебные инстанции исходят из того, что несовпадение размера заявленных требований само по себе не свидетельствует о несоблюдении досудебного порядка, если из направленной претензии очевидно следует характер возникшего спора и сущность предъявленного требования. Рассматриваемая позиция имеет принципиальное значение прежде всего для денежных обязательств, где размер основного долга, неустойки или процентов может изменяться в период между направлением претензии и обращением в суд вследствие дальнейшего начисления санкций либо частичного исполнения обязательства. В подобных случаях правовая оценка смещается с формального сопоставления сумм на установление факта того, была ли сторонам предоставлена возможность урегулировать конкретный конфликт во внесудебном порядке.

Развитие судебной практики затронуло и вопрос о способах подтверждения направления претензии. Традиционная модель, основанная на почтовом отправлении письменного требования, продолжает применяться, однако в условиях цифровизации хозяйственного оборота всё более активно обсуждается допустимость электронных форм коммуникации.

Верховный Суд Российской Федерации в своих разъяснениях указывает, что юридически значимые сообщения могут направляться тем способом, который предусмотрен законом, договором, обычаями делового оборота либо сложившейся практикой взаимодействия сторон [5]. Следовательно, при наличии договорного согласования электронной переписки или использования цифровых каналов связи формально бумажная форма перестает рассматриваться как единственный допустимый вариант направления претензии.

Характерным примером восприятия досудебной стадии как самостоятельного этапа урегулирования конфликта является судебная практика Верховного Суда Российской Федерации. В определении от 19.06.2024 № 305-ЭС24-8606 по делу № А40-123791/2023 прямо отмечено, что сторона реализовала предусмотренную законом процедуру досудебного урегулирования спора, однако она не привела к достижению соглашения между участниками правоотношения, после чего спор был передан на рассмотрение суда [4]. Подобные правовые позиции демонстрируют, что досудебная процедура воспринимается судебной системой не как формальное условие допустимости иска, а как значимая стадия развития экономического конфликта, способная оказать влияние на дальнейшую оценку обстоятельств дела.

Таблица 1
Типичные нарушения при соблюдении претензионного порядка в арбитражной практике

Типичная проблема	Как оценивается судами	Правовое последствие
Отсутствуют доказательства направления претензии	Досудебный порядок не подтвержден	Возврат иска или оставление без рассмотрения
Иск подан ранее истечения 30 дней	У ответчика не было реальной возможности ответить	Процессуальные последствия по АПК РФ
Претензия направлена не тому адресату	Сообщение не считается надлежаще доведённым до стороны спора	Риск признания порядка не соблюденным
Предмет претензии и предмет иска полностью не совпадают	Суд проверяет, был ли обозначен тот же материально-правовой спор	Возможен вывод о несоблюдении порядка
Сумма иска отличается от суммы претензии	Само по себе не считается нарушением	Порядок обычно признаётся соблюдённым

После анализа судебной практики можно сделать вывод, что, несмотря на закрепление претензионного порядка в процессуальном законодательстве, его применение на практике сопровождается рядом типичных ошибок и процессуальных затруднений.

Первая выявленная проблема заключается в сохраняющемся формальном характере претензионной процедуры. На практике часть участников оборота воспринимает претензию не как средство достижения компромисса, а как обязательный процессуальный ритуал, который необходимо формально «закрыть» перед подачей иска. В результате претензии нередко составляются по шаблону, без конкретного расчёта, без детального описания нарушения и без реального предложения урегулировать спор.

Вторая проблема связана со злоупотреблением правом со стороны участников спора. Ответчики нередко используют претензионный порядок как инструмент затягивания, игнорируют обращение, ссылаются на технические недостатки документа, оспаривают способ его направления либо формально отрицают получение сообщения при наличии устойчивого делового взаимодействия по тем же каналам связи. Со стороны истцов злоупотребление проявляется в иной форме, претензия направляется заведомо ненадлежащим способом или с неполным описанием требований, после чего инициируется судебный спор с расчётом на более мягкий подход суда. В обоих случаях досудебная процедура перестаёт выполнять примирительную функцию и превращается в дополнительное поле для процессуального конфликта.

Третья проблема состоит в недостаточной регламентации отдельных элементов претензионного порядка. Несмотря на наличие общей нормы АПК РФ и разъяснений Верховного Суда РФ, российское законодательство до сих пор не содержит универсального, детально прописанного стандарта содержания претензии для экономических споров. На практике это означает, что суды вынуждены оценивать достаточность претензии индивидуально применительно к обстоятельствам конкретного

спора, учитывая условия договора между сторонами, характер заявленных требований, фактические обстоятельства конфликта и используемые сторонами способы деловой коммуникации. С одной стороны, подобный подход позволяет избежать чрезмерной формализации досудебной процедуры и сохраняет её функциональную направленность на реальное урегулирование конфликта, с другой стороны, он приводит к сохранению различий в судебной практике и формирует определённую правовую неопределённость для участников хозяйственного оборота.

Четвёртая проблема непосредственно связана с цифровизацией. Расширение электронной коммуникации объективно опережает нормативную детализацию правил подтверждения направления и получения претензии. В результате вопросы о допустимости электронной почты, мессенджеров, личных кабинетов и иных цифровых каналов решаются через совокупность общих положений о юридически значимых сообщениях, договорных условий и судебных разъяснений. Для бизнеса это означает неопределённость доказательственного стандарта, в частности, один и тот же фактический способ взаимодействия может быть признан достаточным либо недостаточным в зависимости от того, насколько убедительно сторона подтвердит сложившуюся практику обмена сообщениями.

Оценка эффективности досудебного урегулирования экономических споров не может ограничиваться исключительно формально-процессуальными критериями соблюдения претензионного порядка, она должна рассматриваться также через призму его воздействия на общую динамику нагрузки арбитражной системы.

При этом было бы методологически некорректно утверждать, что сама по себе обязательная претензионная процедура способна радикально снизить судебную нагрузку, поскольку значительная часть споров в любом случае достигает стадии судебного разбирательства. Тем не менее её институциональная роль проявляется в нескольких функционально значимых эффектах:

1. направление претензии позволяет устранить часть конфликтов на раннем этапе, в ситуациях, когда должник после получения требования добровольно исполняет обязательство либо инициирует переговорный процесс;
2. досудебная стадия способствует предварительной конкретизации предмета разногласий, что в дальнейшем снижает процессуальные издержки и повышает структурированность судебного разбирательства;
3. претензионная переписка формирует документированную основу спора, которая облегчает последующую судебную оценку обстоятельств дела.

Поэтому даже в тех случаях, когда претензионный порядок не предотвращает обращение в суд, он всё равно выполняет функцию организационного упорядочения конфликта и повышает предсказуемость его судебного разрешения [12].

С экономической точки зрения значение досудебного урегулирования проявляется прежде всего через сокращение транзакционных издержек участников хозяйственного оборота. Возможность урегулировать спор без обращения в суд позволяет избежать расходов на уплату государственной пошлины, оплату юридического представительства и длительное процессуальное сопровождение дела, а также уменьшает косвенные потери, связанные с неопределённостью правового статуса обязательства.

Кроме того, досудебный порядок оказывает превентивное воздействие на поведение участников коммерческого оборота. Осознание того, что претензионная переписка впоследствии может стать частью доказательственной базы в арбитражном процессе, стимулирует стороны более внимательно относиться к документированию исполнения обязательств, ведению деловой переписки и фиксации собственной правовой позиции.

Обсуждение результатов исследования

Результаты проведённого анализа позволяют заключить, что действующая модель досудебного урегулирования экономических споров в арбитражном процессе сохраняет институциональную функциональность благодаря сочетанию нормативной определённости, закреплённой в ч. 5 ст. 4 АПК РФ, и гибкости судебного толкования, формируемой разъяснениями Верховного Суда Российской Федерации, однако её практическая эффективность остаётся ограниченной, поскольку для значительной части участников хозяйственного оборота претензионная процедура по-прежнему воспринимается преимущественно как обязательная процессуальная стадия перед обращением в суд, выполняющая скорее функцию предварительной структуризации конфликта, чем полноценного механизма его предотвращения.

Сравнительный анализ зарубежных правовых систем демонстрирует несколько иное соотношение целей досудебной стадии. Российская модель преимущественно ориентирована на претензионный порядок как процессуальное условие доступа к судебной защите, тогда как в ряде европейских юрисдикций большее значение придаётся формированию культуры *англ. reaction conduct* (поведение сторон до начала судебного процесса) и использованию процедур ADR. К примеру, в Англии и Уэльсе действуют *англ. pre-action protocols* (досудебные протоколы поведения сторон), предполагающие обмен информацией, уточнение требований и оценку возможностей внесудебного урегулирования ещё до возбуждения дела [16]. Аналогичная ориентация на примирительный компонент прослеживается и в праве Европейского союза, где Директива 2008/52/ЕС о медиации стимулирует развитие медиативных процедур в гражданских и коммерческих спорах [15]. На этом фоне российская система более детально регламентирует обязанность направления претензии, однако существенно слабее институционализирует переговорные и медиативные механизмы. С учётом этого дальнейшее развитие досудебного урегулирования целесообразно связывать с расширением использования медиации и иных примирительных процедур, формированием минимального стандарта содержания претензии, а также нормативным закреплением электронных способов направления юридически значимых сообщений в условиях цифровизации деловой коммуникации.

Выводы

Досудебный порядок урегулирования экономических споров, закреплённый в ч. 5 ст. 4 АПК РФ и подтверждённый судебной практикой, выступает структурно значимым элементом арбитражного судопроизводства, обеспечивающим предварительную фильтрацию массовых договорных конфликтов и организационное упорядочение спора до судебной стадии, однако его дальнейшая эффективность требует снижения формального характера претензионной процедуры, унификации подходов правоприменения и нормативной адаптации правил досудебного взаимодействия к цифровым формам деловой коммуникации.

Литература

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 15.12.2025, с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2026).
2. Булыгина А. А. Эффективность досудебного урегулирования споров в гражданском судопроизводстве // Государственная служба и кадры. – 2025. – № 1. – С. 234–240. – DOI: 10.24412/2312-0444-2025-1-234-240.
3. Бурдунюк Ю. В. Претензионный порядок урегулирования договорных споров, связанных с работой в коммерческих организациях / Ю. В. Бурдунюк ; науч. рук. Т. В. Белова // Вестник науки. – 2024. – Т. 4. – № 11 (80). – С. 375–383.
4. Верховный Суд Российской Федерации. Определение Верховного Суда РФ от 19 июня 2024 г. № 305-ЭС24-8606 по делу № А40-123791/2023.

5. ВС РФ напомнил: если разрешить конфликт в досудебном порядке невозможно, иск надо рассмотреть [Электронный ресурс]. – URL: https://www.consultant.ru/legalnews/27781 (дата обращения: 12.03.2026).

6. Иванова Н. В., Моторина И. С. Медиация как эффективный способ альтернативного разрешения споров в гражданском и арбитражном процессе // Евразийская адвокатура. – 2025. – № 2 (73). – С. 76. – DOI: 10.52068/2304-9839_2025_73_2_76.

7. Конституционный Суд Российской Федерации. Постановление от 12.03.2024 № 10-П «По делу о проверке конституционности частей 4 и 5 статьи 9, части 6 статьи 16, частей 1 и 4 статьи 18, частей 1, 2 и 11 статьи 20 Федерального закона "Об уполномоченном по правам потребителей финансовых услуг"».

8. Мартьянова Г. В., Головочева Ю. А. Процедура медиации как альтернативный способ разрешения споров: анализ практики применения // Право и государство: теория и практика. – 2024. – № 9 (237). – С. 397–400. – DOI: 10.47643/1815-1337_2024_9_397.

9. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22.06.2021 № 18 «О некоторых вопросах досудебного урегулирования споров, рассматриваемых в порядке гражданского и арбитражного судопроизводства».

10. Силаев А. В., Федоренко Н. В. Сравнительный анализ судебной практики применения арбитражными судами Российской Федерации положений процессуального законодательства о досудебном порядке урегулирования экономических споров // Право и государство: теория и практика. – 2025. – № 3. – С. 363–365. – DOI: 10.47643/1815-1337_2025_3_363.

11. Смолина О. С. Значение претензионного порядка по экономическим спорам при доказывании по экономическим спорам в арбитражном процессе в рамках новых цифровых возможностей // Юридические науки. – 2025. – № 6. – С. 195. – DOI: 10.47643/1815-1329_2025_6_195.

12. Совещание судей судов общей юрисдикции, арбитражных и военных судов РФ: итоги работы российской судебной системы в 2024 году и задачи на 2025 год [Электронный ресурс]. – URL: https://zhurnalsudya.ru/tpost/c55b0uf6g1-soveschanie-sudei-sudov-obschei-yurisdik (дата обращения: 12.03.2026).

13. Судебный департамент опубликовал статистику рассмотренных в 2024 году дел [Электронный ресурс]. – URL: https://www.law.ru/news/41904-sudebnyy-departament-opublikoval-statistiku-rassmotrennyh-v-2024-godu-del (дата обращения: 12.03.2026).

14. Тихомирова Я. О. Концепция законодательства о досудебном урегулировании экономических споров / Я. О. Тихомирова // Современные научные исследования. – 2024. – № 6. – С. 169–172. – DOI: 10.24412/2500-1000-2024-6-4-169-172.

15. Civil Procedure Rules. Practice Direction – Pre-Action Conduct and Protocols [Electronic resource]. – URL: https://www.justice.gov.uk/courts/procedure-rules/civil/rules/pd_pre-action_conduct (дата обращения: 12.03.2026).

16. Civil Procedure Rules. Pre-Action Protocols [Electronic resource]. – URL: https://www.justice.gov.uk/courts/procedure-rules/civil/protocol (дата обращения: 12.03.2026).

Pre-trial settlement of economic disputes

Chaiko K.V.
Saint Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering

The article examines the legal regulation and practical application of the pre-trial settlement procedure for economic disputes within the system of arbitration proceedings in the Russian Federation. Particular attention is paid to the regulatory framework governing the mandatory claim procedure established by arbitration procedural legislation and its implementation in contemporary judicial practice. The study analyzes typical violations related to compliance with the pre-trial settlement procedure, including cases of returning statements of claim, errors in submitting claims, and other procedural issues. Based on the analysis of judicial decisions and statistical data on the activities of arbitration courts, the paper identifies current trends in law enforcement and evaluates the effectiveness of the claim procedure as a mechanism for the preliminary resolution of commercial disputes. The research also highlights problems associated with the formal nature of the claim procedure, potential abuse of procedural rights by participants in economic disputes, and insufficient legal regulation of certain elements of pre-trial settlement. The study concludes that the development of conciliatory procedures, improvement of legal regulation, and the introduction of digital mechanisms for communication between parties can enhance the effectiveness of pre-trial dispute resolution and contribute to reducing the workload of arbitration courts.

Keywords: pre-trial dispute settlement, economic disputes, claim procedure, arbitration proceedings, judicial practice, arbitration courts, commercial dispute resolution, mediation, alternative dispute resolution.

References

1. Arbitration Procedure Code of the Russian Federation: federal law of 24.07.2002 No. 95-FZ (as amended on 15.12.2025, with amendments and additions, entered into force on 01.01.2026).
2. Bulygina A. A. Efficiency of pre-trial dispute resolution in civil proceedings // Public service and personnel. - 2025. - No. 1. - P. 234-240. - DOI: 10.24412/2312-0444-2025-1-234-240.
3. Burdunyuk Yu. V. Claims procedure for settling contractual disputes related to work in commercial organizations / Yu. V. Burdunyuk; scientific director T. V. Belova // Science Bulletin. - 2024. - Vol. 4. - No. 11 (80). - P. 375-383.
4. Supreme Court of the Russian Federation. Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation dated June 19, 2024 No. 305-ES24-8606 in case No. A40-123791/2023.
5. The Supreme Court of the Russian Federation reminded: if it is impossible to resolve the conflict out of court, the claim must be considered [Electronic resource]. – URL: https://www.consultant.ru/legalnews/27781 (date of access: March 12, 2026).
6. Ivanova N.V., Motorina I.S. Mediation as an effective method of alternative dispute resolution in civil and arbitration proceedings // Eurasian Advocacy. – 2025. – No. 2 (73). – P. 76. – DOI: 10.52068/2304-9839_2025_73_2_76.
7. Constitutional Court of the Russian Federation. Resolution of 12.03.2024 No. 10-P "On the case concerning the review of the constitutionality of parts 4 and 5 of Article 9, part 6 of Article 16, parts 1 and 4 of Article 18, parts 1, 2 and 11 of Article 20 of the Federal Law "On the Commissioner for the Rights of Financial Services Consumers"".
8. Martyanova G. V., Golovocheva Yu. A. Mediation procedure as an alternative method of dispute resolution: an analysis of the practice of application // Law and state: theory and practice. - 2024. - No. 9 (237). - P. 397-400. - DOI: 10.47643/1815-1337_2024_9_397.
9. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of June 22, 2021 No. 18 "On certain issues of pre-trial settlement of disputes considered in civil and arbitration proceedings".
10. Silaev A. V., Fedorenko N. V. Comparative analysis of judicial practice of application by arbitration courts of the Russian Federation of the provisions of procedural legislation on the pre-trial settlement of economic disputes // Law and state: theory and practice. – 2025. – No. 3. – P. 363–365. – DOI: 10.47643/1815-1337_2025_3_363
11. Smolina, O. S. “The Importance of the Claim Procedure for Economic Disputes in Proving Economic Disputes in Arbitration Proceedings within the Framework of New Digital Opportunities” // Legal Sciences. – 2025. – No. 6. – P. 195. – DOI: 10.47643/1815-1329_2025_6_195.
12. Meeting of Judges of Courts of General Jurisdiction, Arbitration, and Military Courts of the Russian Federation: Results of the Russian Judicial System’s Work in 2024 and Tasks for 2025 [Electronic Resource]. – URL: https://zhurnalsudya.ru/tpost/c55b0uf6g1-soveschanie-sudei-sudov-obschei-yurisdik (Accessed: 12.03.2026).
13. The Judicial Department published statistics on cases considered in 2024 [Electronic resource]. – URL: https://www.law.ru/news/41904-sudebnyy-departament-opublikoval-statistiku-rassmotrennyh-v-2024-godu-del (date accessed: 12.03.2026).
14. Tikhomirova Ya. O. Concept of legislation on pre-trial settlement of economic disputes / Ya. O. Tikhomirova // Modern scientific research. - 2024. - No. 6. - P. 169-172. - DOI: 10.24412/2500-1000-2024-6-4-169-172.
15. Civil Procedure Rules. Practice Direction – Pre-Action Conduct and Protocols [Electronic resource]. – URL: https://www.justice.gov.uk/courts/procedure-rules/civil/rules/pd_pre-action_conduct (date accessed: 12.03.2026).
16. Civil Procedure Rules. Pre-Action Protocols [Electronic resource]. – URL: https://www.justice.gov.uk/courts/procedure-rules/civil/protocol (date accessed 12.03.2026)

Особенности применения триггерных положений о моменте наступления страхового случая при страховании ответственности органов управления юридических лиц

Шадров Александр Сергеевич
ООО «СК «Согласие»

В статье исследуется проблематика применения триггерных положений, определяющих момент наступления страхового случая в договорах страхования ответственности органов управления юридических лиц. Раскрывается содержание принципов claims made и occurrence, анализируется их сравнительная характеристика и практические последствия применения в российском и зарубежном правопорядке. Рассматриваются конструкции ретроактивного покрытия, расширенного периода уведомления и уведомления об обстоятельствах. Выявляются пробелы российского правового регулирования и формулируются предложения по их преодолению с учётом международного опыта.

Ключевые слова: страхование ответственности директоров, D&O insurance, триггерные положения, claims made, occurrence, ретроактивная дата, расширенный период уведомления, страховой случай, органы управления юридического лица.

Развитие института страхования ответственности руководителей хозяйственных обществ в современный период сопровождается формированием специфического понятийного аппарата, не имеющего прямых аналогов в традиционном страховом праве Российской Федерации. Одним из ключевых элементов такого аппарата выступают так называемые триггерные положения, определяющие момент наступления страхового случая и устанавливающие связь между предъявленными к застрахованному лицу требованиями и периодом действия страхового полиса [19, с. 29]. Корректное правовое оформление указанных положений приобретает принципиальное значение в условиях, когда последствия управленческих решений руководителей могут проявиться через значительные временные промежутки после их фактического принятия, нередко исчисляемые годами.

Длительность корпоративных процессов, латентный характер многих нарушений в сфере корпоративного управления и сложность их обнаружения внешними наблюдателями обусловливают потребность в специальных механизмах согласования временных границ страхового покрытия с моментом возникновения оснований для предъявления исков [2, с. 36]. Российская страховая практика, оперируя продуктами, заимствованными преимущественно из англо-американской традиции, вынуждена адаптировать соответствующие правовые конструкции к особенностям отечественного страхового и гражданского законодательства, не содержащего специальных норм применительно к данному виду страхования.

Триггерные положения в страховании ответственности директоров и должностных лиц традиционно строятся на основе двух противоположных по своей сущности принципов: claims made и occurrence [3, с. 124]. Принцип claims made предполагает признание страховым случаем факта предъявления искового или иного требования к застрахованному лицу в период действия страхового полиса, безотносительно к тому, когда были совершены действия, послужившие основанием для такого требования. Принцип occurrence, напротив, связывает страховой случай с моментом совершения противоправного действия либо наступления вредоносных последствий, независимо от времени фактического предъявления претензии.

Различие между указанными принципами имеет фундаментальный характер и определяет существенные особенности правового регулирования соответствующих страховых отношений. Применение принципа occurrence создаёт для страховщика так называемый длинный хвост обязательств, поскольку иски, основанные на действиях, совершённых в период действия полиса, могут предъявляться на протяжении многих лет после его прекращения [1, с. 145]. Такая модель создаёт значительные трудности при оценке принимаемых рисков, формировании страховых резервов и определении адекватного размера страховой премии. Страховщик фактически принимает на себя обязательства, реальный масштаб которых становится ясным лишь по истечении длительного времени.

Принцип claims made в указанном отношении обеспечивает существенно большую определённость для страховщика, поскольку временные границы потенциальной ответственности ограничены периодом действия полиса и дополнительным временем, специально предусмотренным договором страхования [3, с. 126]. Возможность точной оценки рисков по итогам каждого страхового периода позволяет страховщику более эффективно управлять своим страховым портфелем, корректировать тарифы с учётом полученного опыта и формировать адекватные страховые резервы. Эти преимущества обусловили широкое распространение принципа claims made в международной

практике страхования профессиональной и корпоративной ответственности.

Российская страховая практика в части страхования ответственности руководителей юридических лиц также демонстрирует явное предпочтение принципа claims made, что обусловлено стремлением страховщиков обеспечить контролируемый уровень риска при отсутствии устойчивых статистических данных о частоте и размере страховых выплат по данному виду страхования [8, с. 133]. Вместе с тем применение указанного принципа в отечественном правопорядке сталкивается с серьёзными затруднениями, обусловленными отсутствием специального законодательного регулирования и необходимостью адаптации зарубежных правовых конструкций к нормам действующего гражданского и страхового законодательства Российской Федерации.

Действующее гражданское законодательство, регулируя отношения по страхованию гражданской ответственности, исходит из общей концепции, согласно которой страховой случай связывается с фактом причинения вреда или наступления иных обстоятельств, влекущих ответственность страхователя или застрахованного лица. Прямого закрепления возможности использования принципа claims made в общих нормах о страховании ответственности отечественное законодательство не содержит, что создаёт правовую неопределённость относительно действительности соответствующих условий договоров страхования [23, с. 253]. Такая ситуация порождает риск признания договоров недействительными в судебном порядке либо различного толкования содержащихся в них условий при разрешении страховых споров.

Концепция страхового случая в традиционном понимании российского страхового права предполагает, что таковым выступает событие, обладающее признаками вероятности и случайности, с наступлением которого закон или договор связывают обязанность страховщика произвести страховую выплату [15, с. 349]. Применительно к страхованию ответственности директоров характеристика страхового случая через момент предъявления требования к застрахованному лицу формально соответствует данному определению, поскольку факт предъявления иска или иного требования обладает необходимыми признаками вероятности и случайности с точки зрения страхователя на момент заключения договора. Вместе с тем такая квалификация требует более детального теоретического обоснования и нормативного закрепления.

Применение принципа claims made неразрывно связано с использованием конструкции ретроактивного покрытия, без которой данный принцип утрачивает значительную часть своей практической ценности [3, с. 128]. Ретроактивное покрытие предполагает распространение страховой защиты на иски, предъявленные в период действия полиса, но основанные на действиях, совершённых застрахованным лицом до момента вступления договора страхования в силу. Без подобного механизма страховая защита оказалась бы существенно ограниченной, поскольку многие нарушения в области корпоративного управления выявляются и трансформируются в исковые требования через значительные временные промежутки после их фактического совершения.

Стандартным условием предоставления ретроактивного покрытия в международной практике выступает требование об отсутствии у страхователя на момент заключения договора страхования достоверной информации о фактах или обстоятельствах, способных повлечь предъявление исков к застрахованным лицам [3, с. 129]. Данное условие направлено на предотвращение заключения договоров страхования в ситуациях, когда страхователь уже располагает сведениями о потенциальных претензиях, но скрывает эту информацию от страховщика. Практическая реализация указанного требования, однако, сопряжена со значительными сложностями, обусловленными размытостью критериев осведомлённости страхователя и объёма информации, достаточного для возникновения обязанности её раскрытия.

Институт ретроактивной даты, получивший широкое распространение в международной практике страхования ответственности директоров, представляет собой механизм ограничения временного объёма ретроактивного покрытия [19, с. 30]. Ретроактивная дата устанавливается в договоре страхования и определяет временную границу, до которой страховая защита не распространяется даже в отношении исков, предъявленных в период действия полиса. Установление ретроактивной даты позволяет страховщику исключить из покрытия риски, связанные с управленческими решениями, принятыми в определённый предшествующий период, что особенно актуально при первичном страховании клиента или после существенных изменений в его деятельности.

Российская практика применения ретроактивных дат характеризуется отсутствием устоявшихся подходов и значительным разнообразием договорных условий, что обусловлено отсутствием отраслевых стандартов и недостаточной выработанностью соответствующей судебной практики [11, с. 73]. Страховщики, как правило, стремятся устанавливать ретроактивные даты таким образом, чтобы минимизировать свои обязательства по искам, основанным на действиях, совершённых до начала их взаимоотношений со страхователем. Страхователи, напротив, заинтересованы в максимально раннем ретроактивном покрытии или отказе от его временных ограничений, что обеспечивает более полную защиту застрахованных лиц.

Балансирование указанных противоположных интересов осуществляется в рамках переговорного процесса при заключении договора страхования. Установление более ранней ретроактивной даты обычно влечёт увеличение размера страховой премии, поскольку возрастает объём принимаемых страховщиком обязательств [14, с. 252]. Отсутствие единообразных подходов к определению ретроактивных дат и связанных с этим вопросов порождает дополнительные риски возникновения споров при наступлении страховых случаев, что в условиях ограниченной российской судебной практики по данной категории дел создаёт значительную правовую неопределённость для всех участников страховых правоотношений.

Конструкция расширенного периода уведомления выступает ещё одним ключевым элементом современной системы страхования ответственности руководителей, основанной на принципе claims made [3, с. 130]. Расширенный период уведомления позволяет застрахованному лицу направлять страховщику уведомления об исках, предъявленных уже после прекращения действия основного договора страхования, при условии, что основания для таких исков возникли в период его действия. Данный механизм приобретает критическое значение в ситуациях прекращения деятельности организации, существенной реорганизации, смены страховщика или прекращения отношений с застрахованным лицом по иным основаниям.

Систематика форм расширенного периода уведомления, выработанная в международной страховой практике, включает несколько разновидностей данной конструкции, каждая из которых обладает собственными особенностями применения [3, с. 131]. Автоматический расширенный период обычно предоставляется страховщиком без дополнительной премии на ограниченный срок, не превышающий шестидесяти или девяноста дней после прекращения действия основного полиса. Базовый расширенный период приобретается страхователем за дополнительную премию и обеспечивает более длительную, но ограниченную защиту, как правило, в течение одного года. Двусторонне согласованный расширенный период позволяет страхователю выбрать желаемую продолжительность дополнительного покрытия в установленных договором пределах с соответствующим расчётом дополнительной премии.

Особую категорию составляет неограниченный расширенный период уведомления, обеспечивающий бессрочную возможность направления уведомлений об исках, основанных на действиях периода действия основного полиса [3, с. 132]. Данная разновидность отличается высокой стоимостью и применяется преимущественно в случаях, когда застрахованное лицо

прекращает профессиональную деятельность или организация подлежит ликвидации. Применение неограниченного расширенного периода фактически приближает страховое покрытие к режиму, характерному для принципа occurrence, обеспечивая защиту независимо от момента предъявления исковых требований к застрахованному лицу.

Уведомление об обстоятельствах, способных повлечь предъявление исков, представляет собой самостоятельную правовую конструкцию, дополняющую механизм claims made и обеспечивающую расширение временных границ страхового покрытия [4, с. 46]. Возможность уведомления страховщика не только о фактически предъявленных исках, но и об обстоятельствах, разумным образом способных повлечь предъявление таковых в будущем, создаёт дополнительные гарантии для застрахованных лиц и снижает риск возникновения пробелов в страховой защите. При надлежащем уведомлении об обстоятельствах последующие иски, основанные на этих обстоятельствах, считаются предъявленными в период действия полиса, несмотря на фактическое предъявление за его пределами.

Применение указанной конструкции требует чёткого определения объёма информации, подлежащей сообщению страховщику, и установления временных рамок исполнения соответствующей обязанности [4, с. 48]. Слишком общее или преждевременное уведомление, не содержащее конкретных сведений о возможных претензиях, не порождает правовых последствий для страховщика. Напротив, несвоевременное уведомление о реально известных страхователю обстоятельствах может быть квалифицировано как нарушение обязанности добросовестного раскрытия информации и повлечь освобождение страховщика от страховой выплаты. Поиск разумного баланса между указанными крайностями составляет одну из практических сложностей применения данной конструкции.

Российское страховое законодательство содержит общие нормы об обязанности страхователя своевременно уведомить страховщика о наступлении страхового случая. Однако специальные правила об уведомлении об обстоятельствах, способных повлечь страховой случай в будущем, в российском праве отсутствуют [21, с. 24]. Применительно к страхованию ответственности директоров такой пробел создаёт серьёзные практические затруднения, поскольку зарубежные конструкции уведомления об обстоятельствах не имеют прямой опоры в национальном законодательстве и могут быть оспорены сторонами страховых правоотношений со ссылкой на отсутствие соответствующего правового основания.

Особое значение в системе оснований освобождения страховщика от выплаты при применении триггерных положений приобретает категория умысла страхователя или застрахованного лица [27, с. 18]. Действующее законодательство традиционно исключает из страхового покрытия убытки, возникшие вследствие умышленных действий страхователя, выгодоприобретателя или застрахованного лица. Применительно к страхованию ответственности директоров это означает, что страховое покрытие распространяется исключительно на убытки, причинённые неосторожными действиями руководителя. Умышленное причинение вреда обществу остаётся за пределами страховой защиты и влечёт персональную имущественную ответственность застрахованного лица.

Разграничение умышленных и неосторожных действий руководителя на практике сталкивается со значительными затруднениями, что приобретает дополнительное измерение при применении триггерных положений [25, с. 156]. Грубая неосторожность, граничащая с умыслом, может рассматриваться судами как основание для освобождения страховщика от выплаты страхового возмещения, что создаёт зону правовой неопределённости в отношении действий, не являющихся явно умышленными, но и не подпадающих под категорию обычной осмотрительности. От правильной квалификации формы вины зависит не только возможность получения страхового возмещения, но и порядок определения момента наступления страхового случая в системе claims made.

Концепция защиты делового решения (business judgment rule), воспринятая российским правом из англо-американской традиции, оказывает существенное влияние на применение триггерных положений в страховании ответственности руководителей [5, с. 19]. Признание действий директора соответствующими обычному предпринимательскому риску исключает наступление гражданско-правовой ответственности и, соответственно, исключает наличие страхового случая в системе страхования ответственности. Тем не менее неопределённость границ обычного предпринимательского риска порождает потребность в страховой защите на случай возможной впоследствии квалификации действий руководителя как выходящих за пределы допустимого делового усмотрения.

Зарубежная практика регулирования триггерных положений демонстрирует существенные различия в подходах разных правопорядков, обусловленные особенностями их страхового законодательства и сложившихся традиций корпоративного управления [24, с. 89]. Американская практика характеризуется широким применением принципа claims made and reported, согласно которому страховой случай связывается не только с предъявлением требования в период действия полиса, но и со своевременным уведомлением страховщика об этом требовании. Данный подход обеспечивает страховщику возможность оперативного реагирования на предъявленные иски и принятия мер по минимизации убытков, включая участие в досудебном урегулировании претензий.

Британская практика, исторически являющаяся одним из источников развития института страхования ответственности руководителей, выработала детализированную систему регулирования временных аспектов страхового покрытия [9, с. 115]. Английские полисы содержат точные определения ключевых понятий, включая «иск», «обстоятельство», «противоправное действие», от толкования которых зависит применимость страховой защиты в конкретных ситуациях. Британская судебная практика накопила значительный массив прецедентного материала по соответствующим вопросам, что обеспечивает относительно высокий уровень предсказуемости при разрешении страховых споров.

Германский страховой правопорядок демонстрирует более сдержанное отношение к принципу claims made, что обусловлено особенностями немецкого деликтного права и сложившейся практики рассмотрения корпоративных споров [12, с. 108]. Закон о договоре страхования содержит детальные требования к содержанию страховых договоров и предусматривает специальные нормы о защите прав страхователей, нередко ограничивающие свободу страховщика в формулировании условий покрытия. Применение принципа claims made в немецкой практике сопряжено с необходимостью соблюдения минимальных стандартов защиты страхователя, установленных императивными нормами страхового законодательства.

Австралийская правовая система выработала специальное законодательное регулирование уведомления об обстоятельствах в страховании ответственности, закреплённое в Законе о договорах страхования 1984 года [18, с. 357]. Указанный закон устанавливает обязанность страховщика принимать уведомления об обстоятельствах, способных повлечь страховые случаи, как только это становится разумно практичным после получения соответствующей информации застрахованным лицом. Дополнительно австралийское законодательство предусматривает механизм периода обнаружения, предоставляющий застрахованному лицу дополнительное время после прекращения договора страхования для уведомления страховщика о претензиях или способных повлечь их обстоятельствах без необходимости уплаты дополнительной премии.

Прямое требование потерпевшего к страховщику в рамках страхования деликтной ответственности руководителей представляет собой самостоятельную правовую конструкцию, тесно связанную с применением триггерных положений [26, с. 21]. Возможность непосредственного обращения потерпевшего к

страховщику минуя стадию предъявления требования к застрахованному лицу способна существенно изменить применение триггерных правил, поскольку момент возникновения у страховщика обязанности по страховой выплате может определяться независимо от формального предъявления иска к руководителю. Российское законодательство пока не содержит развёрнутого регулирования прямых требований применительно к страхованию ответственности директоров, что создаёт почву для дальнейшей доктринальной разработки соответствующих вопросов.

Особую категорию практических затруднений составляет применение триггерных положений к ситуациям длящихся правонарушений, когда противоправное поведение руководителя продолжается в течение периода действия нескольких последовательных страховых полисов [20, с. 163]. Зарубежная практика выработала различные подходы к решению данной проблемы, включая доктрину непрерывного триггера, предполагающую частичное покрытие каждым полисом пропорционально периоду его действия. Российская правоприменительная практика пока не выработала единообразных подходов к разрешению аналогичных ситуаций, что создаёт почву для возникновения сложных страховых споров при наступлении подобных обстоятельств.

Координация условий последовательных страховых полисов представляет собой самостоятельную правовую проблему в практике страхования ответственности руководителей юридических лиц [16, с. 110]. При смене страховщика или существенном изменении условий страхования возникает вопрос о применимом полисе в отношении исков, основания которых сформировались в период действия предшествующего договора страхования, но фактическое предъявление имело место в период действия нового полиса. Отсутствие согласованности между последовательными полисами создаёт риск возникновения пробелов в страховой защите, что может оставить застрахованное лицо без покрытия в отношении значительных по размеру исковых требований.

Программы непрерывного страхового покрытия, разрабатываемые крупными страховщиками в международной практике, направлены на устранение указанных рисков посредством согласования основных параметров последовательных страховых полисов и обеспечения преемственности ретроактивных дат и условий покрытия [6, с. 130]. Российский страховой рынок пока не выработал стандартизированных программ непрерывного покрытия, что обусловлено как ограниченным объёмом сегмента страхования ответственности руководителей, так и отсутствием системы отраслевых стандартов в данной области. Развитие соответствующих программ требует консолидации усилий профессионального сообщества страховщиков и формирования общих подходов к структурированию страховых продуктов.

Применение триггерных положений в страховании ответственности руководителей коллегиальных органов управления отличается дополнительной спецификой, обусловленной коллективным характером принимаемых ими решений [13, с. 100]. Иски, основанные на действиях, совершённых коллегиальным органом, могут предъявляться как ко всем его членам, так и к отдельным из них, что создаёт сложности при определении применимого полиса и распределении страхового возмещения. Особое значение приобретает учёт позиции каждого из членов коллегиального органа при принятии оспариваемого решения и формальное закрепление их голосования в протоколах соответствующих заседаний.

Вопросы взаимодействия страхования ответственности руководителей с институтом субсидиарной ответственности контролирующих лиц в делах о банкротстве приобретают самостоятельное значение в контексте применения триггерных положений [10, с. 172]. Возбуждение дела о банкротстве и последующее предъявление требований о привлечении руководителя к субсидиарной ответственности могут произойти через продолжительное время после совершения соответствующих управленческих действий, что актуализирует значение ретроактивного покрытия и расширенного периода уведомления. Особенности процедуры рассмотрения требований о субсидиарной ответственности и специфические презумпции, действующие в делах о банкротстве, требуют учёта при формулировании условий триггерных положений.

Особенности соотношения корпоративной ответственности руководителей с трудовыми и налоговыми правоотношениями приобретают самостоятельное значение в практике применения триггерных положений [7, с. 193]. Различия в правовой квалификации действий руководителя с точки зрения корпоративного, трудового и налогового законодательства могут влиять на определение момента наступления страхового случая и применимость различных видов страхового покрытия. Учёт многоаспектного характера ответственности руководителя позволяет более точно структурировать договорные условия страхования и обеспечить адекватную защиту интересов застрахованных лиц.

Гражданско-правовая ответственность единоличного исполнительного органа коммерческой корпорации обладает рядом особенностей, влияющих на применение триггерных положений [17, с. 157]. Специфика правового положения единоличного исполнительного органа, его широкие полномочия по руководству текущей деятельностью организации и фидуциарный характер обязанностей перед обществом обусловливают повышенный уровень рисков, принимаемых на себя руководителем. Соответствующие особенности должны учитываться при определении временных параметров страхового покрытия и формулировании условий о моменте наступления страхового случая.

Привлечение единоличного исполнительного органа общества с ограниченной ответственностью к гражданско-правовой ответственности характеризуется специфическими особенностями процедурного характера, влияющими на применение триггерных положений [22, с. 328]. Возможность предъявления требований как самой организацией, так и её участниками в производном порядке, длительность процедур внутрикорпоративного урегулирования споров и специфика процессуального доказывания создают дополнительные сложности при определении момента наступления страхового случая в системе claims made.

Перспективы развития российского правового регулирования триггерных положений в страховании ответственности руководителей юридических лиц предполагают необходимость комплексного законодательного оформления соответствующих конструкций. Целесообразно дополнение главы 48 Гражданского кодекса Российской Федерации специальными нормами о страховании ответственности лиц, входящих в состав органов управления юридического лица, прямо предусматривающими возможность применения принципа claims made, использования ретроактивных дат, установления расширенного периода уведомления и направления уведомлений об обстоятельствах, способных повлечь страховой случай. Подобное законодательное оформление обеспечит правовую определённость для всех участников страховых правоотношений и устранит риски оспаривания соответствующих условий договоров страхования.

Дополнительно представляется целесообразной выработка стандартов профессиональной деятельности страховщиков в части типовых условий страхования ответственности руководителей юридических лиц, включая стандартные формулировки триггерных положений и сопутствующих условий. Разработка таких стандартов на уровне профессиональных объединений страховщиков обеспечит единообразие договорной практики, снизит транзакционные издержки сторон при заключении договоров страхования и создаст основу для формирования единообразной судебной практики при разрешении возникающих споров. Опыт зарубежных правопорядков подтверждает

эффективность подобной стандартизации как механизма повышения качества страховых продуктов и защиты интересов всех участников страховых правоотношений.

Подводя итог проведённому исследованию, следует констатировать, что триггерные положения в страховании ответственности органов управления юридических лиц представляют собой специфический правовой институт, требующий комплексного законодательного оформления и развития судебной практики в Российской Федерации. Применение принципа claims made в сочетании с ретроактивным покрытием, расширенным периодом уведомления и уведомлением об обстоятельствах обеспечивает баланс интересов страховщика и страхователя, создавая условия для устойчивого развития соответствующего сегмента страхового рынка. Учёт зарубежного опыта и адаптация апробированных правовых конструкций к особенностям российской правовой системы открывают перспективы становления отечественного института страхования ответственности руководителей на уровне, сопоставимом с международными стандартами.

Литература

1. Авакян, А. М. Понятие и виды страхования ответственности за причинение вреда / А. М. Авакян // Вестник Томского государственного университета. Право. – 2021. – № 39. – С. 142–151.

2. Беляев, Г. А. О страховом возмещении по договору страхования ответственности руководителей юридических лиц / Г. А. Беляев // Тамбовские правовые чтения имени Ф. Н. Плевако: материалы V международной научно-практической конференции : в 2 т. – Тамбов : Издательский дом «Державинский», 2021. – Т. 2. – С. 35–37.

3. Быстроновская, И. А. Классификация форм расширенного периода предъявления требований в договорах страхования ответственности / И. А. Быстроновская // ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика. – 2022. – № 2. – С. 124–133.

4. Гарбар, А. В. Об уведомлении страховщика о наступлении страхового случая по договору личного страхования / А. В. Гарбар // Актуальные вопросы цивилистики : материалы всероссийской научно-практической конференции. – Улан-Удэ : Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, 2023. – С. 45–49.

5. Кипаренко, А. Ю. Пределы действия доктрины защиты делового решения в российском корпоративном праве / А. Ю. Кипаренко // Юриспруденция: актуальные вопросы теории и практики. – 2023. – С. 18–20.

6. Ковзунова, А. П. Способы защиты директора от привлечения к гражданско-правовой ответственности за убытки, причиненные корпорации / А. П. Ковзунова // Вестник науки. – 2023. – Т. 4, № 7(64). – С. 125–138.

7. Козина, Е. А. Гражданско-правовая ответственность единоличного исполнительного органа хозяйственного общества: соотношение с институтами трудового и налогового права / Е. А. Козина, М. Р. Король // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). – 2024. – № 8(120). – С. 191–199.

8. Крицкий, И. Г. Страхование ответственности как механизм распределения гражданско-правовых рисков / И. Г. Крицкий // Наука и практика: актуальные вопросы, достижения и инновации. – 2025. – С. 132–134.

9. Левашов, В. К. Защита корпоративных прав от неразумных и недобросовестных действий исполнительных органов корпорации / В. К. Левашов // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2024. – № 3. – С. 112–123.

10. Марчукова, А. В. Особенности гражданско-правовой ответственности участников корпорации / А. В. Марчукова // Вопросы российской юстиции. – 2024. – № 31. – С. 168–178.

11. Овчинникова, Ю. С. Вопросы правоприменения в страховых правоотношениях: новые тенденции / Ю. С. Овчинникова // Проблемы экономики и юридической практики. – 2022. – Т. 18, № 4. – С. 72–76.

12. Романчук, С. В. Спорные аспекты возмещения убытков и ответственность генерального директора юридического лица / С. В. Романчук, Р. В. Безуглый // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. – 2023. – Т. 9, № 4(36). – С. 104–121.

13. Рыбьянов, А. А. Особенности гражданско-правовой ответственности лиц, входящих в коллегиальный исполнительный орган корпорации / А. А. Рыбьянов // Право и государство: теория и практика. – 2021. – № 1(193). – С. 99–101.

14. Сенотрусова, Е. М. Недобросовестность страховщика на этапе заключения договора страхования / Е. М. Сенотрусова, В. В. Иванчей // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. – 2023. – Т. 7, № 2(26). – С. 250–258.

15. Степанов, Д. А. Страховой интерес при страховании ответственности членов органов управления юридического лица: проблема недействительности сделки / Д. А. Степанов // Право и государство: теория и практика. – 2024. – № 11(239). – С. 348–351.

16. Степанов, Д. А. Добросовестность и разумность как предпосылки, предопределяющие обращение к институту страхования ответственности директора / Д. А. Степанов // Проблемы современного законодательства России и зарубежных стран. – 2023. – С. 107–113.

17. Стыценко, Р. А. Гражданско-правовая ответственность единоличного исполнительного органа коммерческой корпорации / Р. А. Стыценко // Частное право Российской Федерации: история, современное состояние, тенденции и перспективы развития. – 2022. – С. 155–160.

18. Титенко, Ю. А. Институт страхования гражданской ответственности / Ю. А. Титенко, И. А. Дорофеев // Аграрное и земельное право. – 2024. – № 5(233). – С. 356–358.

19. Туряница, И. О. Страхование директоров как один из необходимых для организации типов страхования от ошибочной стратегии деятельности / И. О. Туряница, Д. С. Кошкин // Страховое дело. – 2021. – № 6(339). – С. 28–32.

20. Хлыстова, Д. А. Ответственность единоличного исполнительного органа корпорации в разъяснениях Верховного суда Российской Федерации / Д. А. Хлыстова // Право и правосудие в современном мире. – 2022. – С. 161–166.

21. Цветкова, Ю. С. Особенности действий страхователя (выгодоприобретателя) при наступлении страхового случая или события, имеющего признаки страхового случая / Ю. С. Цветкова // Океанский менеджмент. – 2025. – № 1(30). – С. 23–25.

22. Чистов, А. П. К вопросу о привлечении единоличного исполнительного органа общества с ограниченной ответственностью к гражданско-правовой ответственности / А. П. Чистов // Вопросы устойчивого развития общества. – 2021. – № 4. – С. 326–332.

23. Шастина, А. Р. Проблемные аспекты страхования ответственности руководителей хозяйственных обществ в парадигме российского законодательства / А. Р. Шастина, Е. А. Никифорова // Аграрное и земельное право. – 2025. – № 5. – С. 252–254.

24. Щукин, А. О. Ответственность выборных органов и должностных лиц перед населением в зарубежных странах / А. О. Щукин // Юридическая наука и практика. – 2023. – № 2. – С. 87–94.

25. Яблуновская, А. М. Грубая неосторожность страхователя или выгодоприобретателя в страховании ответственности / А. М. Яблуновская // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. – 2023. – № 3. – С. 154–170.

26. Яблуновская, А. М. Прямое требование потерпевшего к страховщику в рамках страхования деликтной ответственности: правовая природа и выбор оптимальной конструкции / А. М. Яблуновская // Законодательство. – 2022. – № 8. – С. 20–26.

27. Яблуновская, А. М. Умысел страхователя, выгодоприобретателя или застрахованного лица как основание для освобождения страховщика от выплаты страхового возмещения / А. М. Яблуновская // Законодательство. – 2023. – № 5. – С. 17–24.

Specific features of applying trigger provisions on the moment of occurrence of the insured event in liability insurance of governing bodies of legal entities

Shadrov A.S.
LLC "SK "Soglasie"

The article examines the application of trigger provisions defining the moment of occurrence of the insured event in liability insurance contracts for governing bodies of legal entities. The content of the claims made and occurrence principles is disclosed; their comparative characteristics and practical consequences in Russian and foreign legal systems are analysed. The constructions of retroactive coverage, extended reporting period and notice of circumstances are considered. Gaps in Russian legal regulation are identified, and proposals for their elimination are formulated taking into account international experience.

Keywords: directors and officers liability insurance, D&O insurance, trigger provisions, claims made, occurrence, retroactive date, extended reporting period, insured event, governing bodies of a legal entity.

References

1. Avakyan, A. M. Concept and Types of Liability Insurance for Causing Damage / A. M. Avakyan // Bulletin of Tomsk State University. Law. - 2021. - No. 39. - Pp. 142-151.
2. Belyaev, G. A. On Insurance Compensation under a Liability Insurance Contract for Directors of Legal Entities / G. A. Belyaev // Tambov Legal Readings named after F. N. Plevako: Proceedings of the V International Scientific and Practical Conference: in 2 volumes. - Tambov: Derzhavinsky Publishing House, 2021. - Vol. 2. - Pp. 35-37.
3. Bystronovskaya, I. A. Classification of Forms of the Extended Period for Filing Claims in Liability Insurance Contracts / I. A. Bystronovskaya // STAGE: Economic Theory, Analysis, Practice. – 2022. – No. 2. – P. 124–133.
4. Garbar, A. V. On notifying the insurer of the occurrence of an insured event under a personal insurance contract / A. V. Garbar // Current issues in civil law: materials of the All-Russian scientific and practical conference. – Ulan-Ude: Dorzhi Banzarov Buryat State University, 2023. – P. 45–49.
5. Kiparenko, A. Yu. Limits of the doctrine of protection of business decisions in Russian corporate law / A. Yu. Kiparenko // Jurisprudence: current issues of theory and practice. – 2023. – P. 18–20.
6. Kovzunova, A. P. Methods of protecting the director from civil liability for damages caused to the corporation / A. P. Kovzunova // Herald of science. – 2023. – Vol. 4, No. 7(64). – P. 125–138.
7. Kozina, E. A. Civil liability of the sole executive body of a business entity: relationship with labor and tax law institutions / E. A. Kozina, M. R. Korol // Bulletin of the O. E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL). – 2024. – No. 8(120). – P. 191–199.
8. Kritsky, I. G. Liability insurance as a mechanism for distributing civil risks / I. G. Kritsky // Science and practice: current issues, achievements and innovations. – 2025. – P. 132–134.
9. Levashov, V.K. Protection of corporate rights from unreasonable and bad faith actions of the executive bodies of the corporation / V.K. Levashov // Bulletin of the N.I. Lobachevsky University of Nizhny Novgorod. - 2024. - No. 3. - P. 112-123.
10. Marchukova, A.V. Features of civil liability of corporation participants / A.V. Marchukova // Issues of Russian justice. - 2024. - No. 31. - P. 168-178.
11. Ovchinnikova, Yu.S. Issues of law enforcement in insurance legal relations: new trends / Yu.S. Ovchinnikova // Problems of Economics and Legal Practice. - 2022. - Vol. 18, No. 4. - P. 72-76.
12. Romanchuk, S. V. Controversial aspects of compensation for damages and the liability of the general director of a legal entity / S. V. Romanchuk, R. V. Bezugly // Bulletin of Tyumen State University. Socio-economic and legal studies. - 2023. - Vol. 9, No. 4 (36). - P. 104-121.
13. Rybyanov, A. A. Features of civil liability of persons included in the collegial executive body of a corporation / A. A. Rybyanov // Law and state: theory and practice. - 2021. - No. 1 (193). - P. 99-101.
14. Senotrusova, E. M. Bad Faith of the Insurer at the Stage of Concluding an Insurance Contract / E. M. Senotrusova, V. V. Ivanchey // Bulletin of Kemerovo State University. Series: Humanities and Social Sciences. - 2023. - Vol. 7, No. 2 (26). - P. 250-258.
15. Stepanov, D. A. Insurable Interest in Insuring the Liability of Members of the Governing Bodies of a Legal Entity: the Problem of Invalidity of the Transaction / D. A. Stepanov // Law and State: Theory and Practice. - 2024. - No. 11 (239). - P. 348-351.
16. Stepanov, D. A. Good Faith and Reasonableness as Prerequisites for Applying to the Institute of Director's Liability Insurance / D. A. Stepanov // Problems of Modern Legislation of Russia and Foreign Countries. - 2023. - Pp. 107-113.
17. Stytsenko, R. A. Civil Liability of the Sole Executive Body of a Commercial Corporation / R. A. Stytsenko // Private Law of the Russian Federation: History, Current State, Trends and Development Prospects. - 2022. - Pp. 155-160.
18. Titenko, Yu. A. Institute of Civil Liability Insurance / Yu. A. Titenko, I. A. Dorofeev // Agrarian and Land Law. - 2024. - No. 5 (233). - Pp. 356-358.
19. Turyanitsa, I. O. Directors' Insurance as One of the Types of Insurance Required for an Organization Against an Erroneous Operating Strategy / I. O. Turyanitsa, D. S. Koshkin // Insurance Business. - 2021. - No. 6 (339). - P. 28-32.
20. Khlystova, D. A. Liability of the Sole Executive Body of a Corporation in the Explanations of the Supreme Court of the Russian Federation / D. A. Khlystova // Law and Justice in the Modern World. - 2022. - P. 161-166.
21. Tsvetkova, Yu. S. Features of the Actions of the Policyholder (Beneficiary) Upon the Occurrence of an Insured Event or an Event Having the Characteristics of an Insured Event / Yu. S. Tsvetkova // Ocean Management. - 2025. - No. 1 (30). - P. 23-25.
22. Chistov, A. P. On the Issue of Bringing the Sole Executive Body of a Limited Liability Company to Civil Liability / A. P. Chistov // Issues of Sustainable Development of Society. - 2021. - No. 4. - P. 326-332.
23. Shastina, A. R. Problematic Aspects of Liability Insurance of Directors of Business Entities in the Paradigm of Russian Legislation / A. R. Shastina, E. A. Nikiforova // Agrarian and Land Law. - 2025. - No. 5. - P. 252-254.
24. Shchukin, A. O. Responsibility of Elected Bodies and Officials to the Population in Foreign Countries / A. O. Shchukin // Legal Science and Practice. – 2023. – No. 2. – P. 87–94.
25. Yablunovskaya, A. M. Gross Negligence of the Insured or Beneficiary in Liability Insurance / A. M. Yablunovskaya // Bulletin of Moscow University. Series 11: Law. – 2023. – No. 3. – P. 154–170.
26. Yablunovskaya, A. M. Direct Claim of the Injured Party to the Insurer within the Framework of Tort Liability Insurance: Legal Nature and Choice of the Optimal Design / A. M. Yablunovskaya // Legislation. – 2022. – No. 8. – P. 20–26.
27. Yablonovskaya, A. M. The intent of the policyholder, beneficiary or insured person as a basis for releasing the insurer from paying insurance compensation / A. M. Yablonovskaya // Legislation. - 2023. - No. 5. - P. 17-24.

Процессуальные полномочия прокурора при производстве по делам об административных правонарушениях по ст. 5.61 КоАП РФ

Литучая Светлана Евгеньевна
старший помощник прокурора Архангельской области и Ненецкого автономного округа по взаимодействию с законодательным и исполнительными органами, органами местного самоуправления, старший преподаватель кафедры финансового и гражданского права, Высшая школа экономики, управления и права, Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова, lituchaya.s@mail.ru

Статья посвящена анализу проблемных вопросов применения норм Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ), касающихся назначения экспертизы по делам об оскорблении. Автор рассматривает противоречие между общими полномочиями прокурора, предусмотренными КоАП РФ, и специальными процедурами по делам, возбуждаемым исключительно прокурором. В работе обосновывается позиция, согласно которой прокурор не наделен правом самостоятельного назначения экспертизы на стадии возбуждения дела об административном правонарушении по ст. 5.61 КоАП РФ. Обоснование базируется на сложившейся правоприменительной практике и толковании норм процессуального права.

Ключевые слова: прокурор, административное правонарушение, административное расследование, оскорбление, лингвистическая экспертиза, ст. 5.61 КоАП РФ.

На протяжении последних полутора десятилетий в правоприменительной деятельности органов прокуратуры Российской Федерации устойчиво функционирует практика возбуждения относящихся к их исключительной компетенции дел об административных правонарушениях, предусмотренных статьей об оскорблении (ст. 5.61 КоАП РФ). В связи с этим А.И. Гальченко вполне обосновано выделена функция административного преследования прокуратуры.

Ежегодно органами прокуратуры возбуждается более десятка тысяч дел об административных правонарушениях об оскорблении.

К примеру, в 2025 году прокурорами возбуждено 15 029 дел об административных правонарушениях, предусмотренных ст. 5.61 КоАП РФ, что составляет 6,2 % от общего количества возбужденных органами прокуратуры дел об административных правонарушениях в рассматриваемом периоде.

Вместе с тем исход в разрешении обозначенных дел не всегда однозначен несмотря на то, что административное правонарушение, предусмотренное ст. 5.61 КоАП РФ, – посягает на честь и достоинство личности, гарантированные Конституцией Российской Федерации.

Так, в анализируемом периоде мировыми судьями прокурорам отказано в привлечении правонарушителей к обозначенному виду ответственности по 352 делам об административных правонарушениях, из которых 78 прекращено за отсутствием события либо состава административного правонарушения, а по 33 делам об административных правонарушениях констатирована малозначительность деяния.

Проведенный анализ дел об административных правонарушениях об оскорблении продемонстрировал, что в качестве критерия, определяющего отсутствие состава об административном правонарушении либо малозначительность такого деяния, в ряде случаев мировые судьи рассматривают характер высказанных оскорбительных выражений, то есть отсутствие «неприличной формы выражения» или «иной формы, противоречащей общепринятым нормам морали и нравственности». При этом исходя из содержания постановленных судебных актов оценка текстуального характера высказанных в адрес потерпевшего слов осуществляется представителем фемиды самостоятельно.

Если обратиться к практике реализации прокурорами полномочий по возбуждению дел об административных правонарушениях, предусмотренных ст. 5.61 КоАП РФ, то она не отличается единством подхода в формировании доказательственной базы по обозначенной категории правонарушений в части констатации «неприличной формы выражения» или «иной формы, противоречащей общепринятым нормам морали и нравственности», в адрес потерпевшего.

К примеру, в органах прокуратуры Архангельской области и Ненецкого автономного округа возбуждению дел об административных правонарушениях об оскорблении предшествует опрос специалиста, профилирующегося на преподавании родного языка и литературы, которым по результатам изучения соответствующего заявления о привлечении к административной ответственности делается вывод об отнесении высказанных в адрес заявителя слов и выражений к табуированный (запрещенной) лексике или нет. Следует отметить, что фактически по заявлению об оскорблении прокурорским работником проводится проверка, в ходе которой собираются доказательства по делу об административном правонарушении (опрос заявителя, правонарушителя, свидетелей, специалиста). В случае, если по мнению специалиста указанные в заявлении о привлечении к административной ответственности, предусмотренной ст. 5.61

КоАП РФ, слова и выражения к табуированный лексике не относятся прокурором выносится определение об отказе в возбуждении дела об административном правонарушении. Такой подход видится не только наиболее обоснованным поскольку в соответствии с положениями Федерального закона от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» прокурором к участию в проведении проверки могут привлекаться специалисты, но и позволяет минимизировать прекращение мировыми судьями дел об оскорблении ввиду малозначительности совершенного правонарушения.

Если рассматривать опыт органов прокуратуры Волгоградской области, то следует отметить, что прокурорами данного надзорного ведомства при проведении проверки по факту оскорбления привлечение соответствующих специалистов для оценки обозначенных в заявлении фраз не практикуется, а решение о возбуждение дела об административном правонарушении по ст. 5.61 КоАП РФ основано на критерии того, как высказывание повлияло на чувство достоинства человека.

Ф.Т. Ахунзяновой обоснованно отмечено, что «законодатель должен четко определить понятийное содержание всех составляющих объективной стороны правонарушений, связанных с оскорблением личности». Однако работа в данном направлении до настоящего времени не реализована, что приводит к определенным трудностям при соотнесении слов с диспозицией нормы об оскорблении.

В связи с этим вполне обоснованно возникает вопрос о проведении лингвистической экспертизы по делам об оскорблении как способа точной диагностики ключевых элементов рассматриваемого правонарушения с постановкой вопросов о признаках «неприличной формы высказывания», его нецензурной лексики и унизительной оценки личности, а также о его направлении определенному лицу.

Действующим административно-деликтным законодательством прокурору предоставлено право проведения административного расследования посредством вынесения постановления о возбуждении дела об административном правонарушении и проведении административного расследования (ч. 2 ст. 28.7 КоАП РФ).

Следует отметить, что перечень составов административных правонарушений, по которым возможно проведение административного расследования, четко регламентирован ст. 28.7 КоАП РФ, в этом перечне ст. 5.61 КоАП РФ отсутствует.

В связи с этим возникает ситуация, при которой прокурор не может полноценно сформировать доказательства по делу об административном правонарушении по ст. 5.61 КоАП РФ для принятия мировым судьей безапелляционного решения о виновности правонарушителя.

До декриминализации ст. 130 (оскорбление) Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) в рамках следствия по таким уголовным делам назначалась лингвистическая экспертиза, которая являлась ключевым доказательством по делу. В этой связи не совсем ясна логика законодателя по какой причине прокурору не предоставлена возможность проводить административное расследование и назначать в его рамках экспертизу по делам об административных правонарушениях, предусмотренных ст. 5.61 КоАП РФ, которая по своему содержанию фактически идентична ранее действовавшей ст. 130 УК РФ.

По мнению некоторых региональных прокуратур, прокурор наделен полномочием по назначению лингвистической экспертизы в рамках дела об административном правонарушении по ст. 5.61 КоАП РФ. Однако такой подход не согласуется с нормами КоАП РФ, поскольку экспертиза проводится при административном расследовании на основании определения должностного лица, в производстве которого находится дело.

Верховный суд Российской Федерации ориентирует на то, что проведение административного расследования подразумевает в том числе и проведение экспертизы. В связи с этим представляется, что собирание доказательств по делу об оскорблении, требующих специальных лингвистических познаний, должно осуществлять прокурором только в определенном процессуальном порядке – в рамках административного расследования по делу об административном правонарушении.

Поскольку срок проведения административного расследования составляет один месяц, еще одним весомым аргументом для вверения прокурору права проводить административное расследование по делам об оскорблении является то, что на практике заявления о привлечении к административной ответственности по ст. 5.61 КоАП РФ рассматриваются в течение тридцатидневного срока. Указанное вполне обосновано.

В ходе изучения возбужденных прокурорами дел об административных правонарушениях обозначенной категории установлено, что затягивание данной процедуры обусловлено проведением соответствующих проверок с опросом потерпевшего, правонарушителя, свидетелей, которых в большинстве случаев приходилось устанавливать в рамках деятельности органов внутренних дел.

А.Ю. Винокуровым неоднократно в исследованиях отмечалось об отсутствии законодательно регламентированной последовательности действий прокурора при проведении административного расследования. Данный тезис представляется неоспоримым.

В то же время А.П. Зреловым предложен механизм действий прокурора при принятии решения о проведении административного расследования, согласно которому данная процедура инициируется посредством вынесения прокурором постановления о возбуждении дела об административном правонарушении, а завершается постановлением об административном правонарушении либо постановлением о прекращении дела об административном правонарушении.

Резюмируя изложенное, следует сделать вывод о необходимости существенного расширения процессуальных полномочий прокурора в рамках производства по делам об административных правонарушениях, предусмотренных ст. 5.61 КоАП РФ, посредством наделения правом на проведение административного расследования и назначение лингвистической экспертизы.

Посредством нормативной регламентации следует четко определить какие данные должно содержать постановление прокурора о возбуждении дела об административном правонарушении и проведении административного расследования. При этом засуживает внимание предложенный А.П. Зреловым алгоритм рассматриваемой процессуальной деятельности прокурора.

Предлагаемые изменения позволят обеспечить полноту доказывания вины по делам об оскорблении, а также повысить эффективность защиты чести и достоинства человека, гарантируя неотвратимость наказания за оскорбление.

Литература

1. Ахунзянова Ф.Т. Современная лингвоэкспертная практика в сфере речевых правонарушений: актуальность и проблемы // Вестник СПбГУ. Право. 2023. Т. 14. Вып. 1. С. 254 – 265.

2. Винокуров А.Ю. К вопросу об идентификации понятия «прокурор» при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях // «Административное и муниципальное право». 2014. № 7. СПС «КонсультантПлюс».

3. Гальченко А.И. Возбуждение прокурором дел об административных правонарушениях // Законность. 2014. № 2. СПС «КонсультантПлюс».

4. Зрелов А.П. Административное расследование. Особенности правового регулирования, коллизии и правовые пробелы КоАП РФ // Право и экономика. № 7. 2004. СПС «КонсультантПлюс».

5. Зрелов А.П. Административное расследование нарушений законодательства в области налогов и сборов (научно-практический комментарий к статье 28.7 КоАП РФ) // СПС КонсультантПлюс.

6. Изотова Т.М. Кузнецов В.О. Плотникова А.М. Методика проведения судебной лингвистической экспертизы по делам об

оскорблении // Теория и практика судебной экспертизы. №1 (41). 2016. С. 93 – 98.

7. Постановление мирового судьи судебного участка № 8 Ломоносовского судебного района г. Архангельска от 31.01.2025 по делу № 5-56/2025 // Судебный участок № 8 Ломоносовского судебного района г. Архангельска [сайт]. – URL: https://2mg.arh.msudrf.ru/modules.php?
name=sud_delo&adm_case__CASE_NUMBERSS=556%2F2025
&delo_id=1500001&op=sf (дата обращения: 08.05.2026).

8. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24.03.2005 № 5 (ред. от 09.12.2025) «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» // СПС «КонсультантПлюс».

9. Постановление Пятого кассационного суда общей юрисдикции от 11.03.2025 № 16-300/2025 // СПС «КонсультантПлюс».

10. Сегодня отмечается Всемирный день борьбы с ненормативной лексикой // Генеральная прокуратура Российской Федерации [сайт]. – URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/proc_66/activity/legal-education/explain/e1227 642/ (дата обращения: 10.05.2026).

Procedural powers of the prosecutor in proceedings on administrative offenses under Article 5.61 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation

Lituchaya S.E.

Region and the Nenets Autonomous Okrug for interaction with legislative and executive bodies, Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov

This article analyzes problematic issues in the application of the provisions of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation (hereinafter referred to as the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation) regarding the appointment of expert examinations in insult cases. The author examines the contradiction between the general powers of the prosecutor, as stipulated by the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation, and the special procedures for cases initiated exclusively by the prosecutor. The paper substantiates the position that the prosecutor does not have the right to independently appoint an expert examination at the stage of initiating a case on an administrative offense under Article 5.61 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation. This rationale is based on established law enforcement practice and the interpretation of procedural law.

Keywords: Prosecutor, administrative offense, administrative investigation, insult, linguistic examination, Article 5.61 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation.

References

1. Akhunzyanova, F.T. “Modern Linguo-Expert Practice in the Field of Speech Offenses: Relevance and Problems” // Vestnik of St. Petersburg State University. Law. 2023. Vol. 14. Issue 1. pp. 254–265.
2. Vinokurov, A.Yu. “On the Identification of the Term “Prosecutor” in the Application of the Code of the Russian Federation on Administrative Offenses” // “Administrative and Municipal Law”. 2014. No. 7. SPS “ConsultantPlus”.
3. Galchenko, A.I. “Initiation of Administrative Offense Cases by the Prosecutor” // Legality. 2014. No. 2. SPS “ConsultantPlus”.
4. Zrelov, A.P. “Administrative Investigation. Features of Legal Regulation, Conflicts, and Legal Gaps in the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation” // Law and Economics. No. 7. 2004. SPS "ConsultantPlus".
5. Zrelov A.P. Administrative Investigation of Violations of Legislation in the Field of Taxes and Fees (scientific and practical commentary on Article 28.7 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation) // SPS ConsultantPlus.
6. Izotova T.M. Kuznetsov V.O. Plotnikova A.M. Methodology for Conducting a Forensic Linguistic Examination in Insult Cases // Theory and Practice of Forensic Examination. No. 1 (41). 2016.
Pp. 93–98.
7. Resolution of the Justice of the Peace of Judicial Precinct No. 8 of the Lomonosovsky Judicial District of Arkhangelsk dated January 31, 2025, in Case No. 5-56/2025 // Judicial Precinct No. 8 of the Lomonosovsky Judicial District of Arkhangelsk [website]. – URL: https://2mg.arh.msudrf.ru/modules.php?
name=sud_delo&adm_case__CASE_NUMBERSS=556%2F2025&delo_id=1500001
&op=sf (accessed: 08.05.2026).
8. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation
dated 24.03.2005 No. 5 (as amended on 09.12.2025) "On Certain Issues Arising in the Courts When Applying the Code of the Russian Federation on Administrative Offenses" // SPS "ConsultantPlus".
9. Resolution of the Fifth Cassation Court of General Jurisdiction dated 11.03.2025 No. 16-300/2025 // SPS "ConsultantPlus".
10. Today marks World Day Against Profanity // Prosecutor General's Office of the Russian Federation [website]. – URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/proc_66/activity/legal-education/explain/e1227642/ (date accessed: 10.05.2026).

Экстерриториальная цифровая подсудность в цивилистическом процессе

Хабибуллин Марат Ильгизарович
аспирант кафедры экологического, трудового права и гражданского процесса, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Российская Федераци, aspirantmarat@outlook.com

В статье исследуется институт территориальной подсудности с точки зрения возможностей и пределов его реформирования в условиях цифровой инфраструктуры цивилистического процесса. На основании догматического анализа дореволюционной и современной процессуальной доктрины обосновывается тезис об инструментальной, технико-организационной природе общего правила территориальной подсудности и об отсутствии у территориального критерия сущностной конституционной природы. Показано, что три классических основания территориального критерия — транспортно-коммуникационные ограничения, знание судьёй местного контекста и юрисдикционный суверенитет административно-территориальных единиц — в современной цифровой инфраструктуре утратили универсальную силу. Предлагается инверсия общего правила: для закрытого перечня категорий дел, фактическая обстановка которых реконструируется преимущественно по документальным доказательствам, экстерриториальное автоматизированное распределение становится общим правилом, а территориальная привязка сохраняется как закрытый перечень исключений. Особое внимание уделено технологической инфраструктуре модели — национальному мессенджеру «МАКС», ЕСИА, идентификации и аутентификации участников, электронным образам документов — и системе процессуальных гарантий.

Ключевые слова: территориальная подсудность, цифровизация правосудия, экстерриториальная подсудность, цивилистический процесс, идентификация и аутентификация, ЕСИА, национальный мессенджер, электронные образы документов.

Введение

Институт территориальной подсудности относится к числу наиболее устойчивых процессуальных конструкций отечественного правопорядка. Гражданское (ст. 28–32 ГПК РФ) [12], арбитражное (ст. 35–38 АПК РФ) [13] и административное (ст. 22–24 КАС РФ) [14] судопроизводство воспроизводят сходную нормативную архитектуру, в основу которой положена привязка спора к административно-территориальной единице. Между тем доступ к правосудию в современных условиях во многом носит «скорее экономический, чем юридический характер» [10, с. 30]: качество и реальная доступность судебной защиты различаются между регионами, а нагрузка распределяется неравномерно. Цифровая инфраструктура цивилистического процесса — электронная подача документов, видео-конференц-связь, личные кабинеты в системах «Мой арбитр» и ГАС «Правосудие», интеграция судебных сервисов с ЕСИА [8, с. 19] — открывает технологическую возможность для пересмотра территориального критерия в сегменте дел, фактическая обстановка которых реконструируется преимущественно по документальным доказательствам. Цель исследования — обосновать институциональную возможность инверсии общего правила территориальной подсудности для закрытого перечня категорий цивилистических дел и описать минимально необходимую нормативную и технологическую инфраструктуру такой инверсии. Методология — догматический анализ норм процессуального законодательства, историко-правовая реконструкция доктрины и системно-функциональный анализ соотношения территориального критерия с принципом непосредственности и конституционным правом на законный суд (ч. 1 ст. 47 Конституции РФ [11]).

1. Догматическая природа территориальной подсудности

В отечественной процессуальной доктрине территориальная подсудность последовательно конструировалась не как сущностный элемент правосудия, а как технико-организационный критерий распределения дел между однородными судами, подчинённый соображениям удобства сторон. Дореволюционные процессуалисты исходили из того, что правила подсудности устанавливаются в интересах тяжущихся, рассчитаны на типичные ситуации и потому допускают изменение по соглашению сторон в пределах, не затрагивающих публичных интересов [7, с. 172; 9, с. 108]. В классической систематизации компетенция гражданских судов представлена как многоэлементная конструкция, охватывающая судебную и гражданскую юрисдикцию, объективную (родовую), функциональную и пространственную компетенцию; пространственный элемент признаётся наиболее «подвижным» и единственным, который сторонами может быть изменён [3, с. 484]. Нормы о территориальной компетенции относились к категории условно обязательных: они установлены ради удобства частных лиц и не затрагивают существа правосудия — для последнего безразлично, в каком из однородных судов будет рассмотрено дело [4, с. 258].

Это понимание подтверждается в новейших исследованиях: организационная природа общей территориальной подсудности обнаруживается в том, что её содержание различается в исковом и административном судопроизводстве, а в особом производстве общее правило вовсе отсутствует [6, с. 156]. Дезавуирование территориального элемента в условиях цифровой инфраструктуры затрагивает не ядро института подсудности, а его служебный, технический слой; организационная задача равномерного и беспристрастного распределения дел между однородными судами реализуема и средствами цифровой инфраструктуры.

2. Виды территориальной подсудности и их коллизии

Действующая модель не сводится к общему правилу. Общая подсудность закреплена ст. 28 ГПК РФ, ст. 35 АПК РФ, ст. 22 КАС РФ и привязывает иск к месту жительства гражданина-ответчика или месту нахождения организации. Альтернативная подсудность (ст. 29 ГПК РФ, ст. 36 АПК РФ) предоставляет истцу право выбора между несколькими судами; исключительная (ст. 30 ГПК РФ, ст. 38 АПК РФ) императивно привязывает определённые категории дел к конкретному суду — по месту нахождения недвижимости (forum rei sitae), по месту открытия наследства, по месту нахождения должника в делах о банкротстве; договорная (ст. 32 ГПК РФ, ст. 37 АПК РФ) допускает изменение территориальной подсудности соглашением сторон; КАС РФ договорной подсудности в силу публично-правовой природы регулируемых отношений не предусматривает.

Сосуществование нескольких видов территориальной подсудности порождает системные коллизии: «не урегулирован приоритет одного вида подсудности над другим в случае обнаружения в одном деле: 1) исключительной и альтернативной подсудности… 2) двух норм исключительной подсудности; 3) исключительной и подсудности встречного иска…» [6, с. 124]. Такие коллизии типичны при предъявлении исков о правах на недвижимое имущество, осложнённых требованиями о защите прав потребителей; при банкротных производствах, в которые вовлекаются обособленные споры с собственной территориальной привязкой; при подаче встречного иска. Совмещение нескольких территориальных критериев в одном деле демонстрирует, что внутренняя архитектура действующей модели не лишена структурных дефектов, разрешение которых в рамках сугубо территориального подхода требует ad hoc-доктринальных конструкций.

3. Утрата классических оснований территориального критерия в цифровой среде

В пореформенной отечественной доктрине территориальная подсудность объяснялась не сущностной связью спора с местностью, а тремя инструментальными обстоятельствами: транспортно-коммуникационные ограничения требовали географической близости суда к сторонам и доказательствам; знание судьёй местного контекста рассматривалось как условие правильного установления обстоятельств; юрисдикционный суверенитет административно-территориальных единиц до унификации правового регулирования предполагал наличие локальных особенностей применимого права [3, с. 279-281].

Каждое из этих оснований в современной инфраструктуре цивилистического процесса либо утратило универсальную силу, либо радикально трансформировалось. Транспортно-коммуникационное основание нейтрализовано развитием видеоконференц-связи, веб-конференции (ст. 155.1 ГПК РФ, ст. 155.2 ГПК РФ и корреспондирующие им статьи АПК РФ и КАС РФ) и электронного документооборота; удобство тяжущихся обеспечивается не территориальной близостью, а доступностью канала коммуникации с судом. Подавляющее большинство гражданских и арбитражных споров — корпоративные конфликты, споры из договоров поставки, подряда, оказания услуг, потребительские, трудовые, кредитные — основано на формализованных правоотношениях, доказательственная база которых складывается из письменных документов, выписок из публичных реестров, банковских сведений, цифровых следов хозяйственной деятельности; правовая квалификация осуществляется по нормам федерального права, а фактическая обстановка реконструируется по документальным доказательствам, а не по личному наблюдению судьи. Локальные особенности сохраняют значение в ограниченном круге дел, связанных с недвижимым имуществом, земельными и природоресурсными отношениями; юрисдикционный суверенитет административно-территориальных единиц утратил универсальное значение с унификацией федерального правового регулирования.

4. Инверсия общего правила: экстерриториальное распределение как общее, территориальное как закрытое исключение

Если общее правило территориальной подсудности по своей функциональной природе является организационным, а классические основания территориального критерия в подавляющем большинстве цивилистических дел утратили универсальную силу, представляется обоснованным рассмотрение инверсии этого правила: экстерриториальное автоматизированное распределение становится общим правилом, а территориальная привязка сохраняется как закрытый перечень исключений.

Инверсия не является институциональной новеллой. В Российской Федерации последовательно складывается тенденция отхода от совпадения судебных территорий и границ административно-территориального деления; экстерриториальный принцип положен в основу юрисдикции военных судов, окружных и апелляционных арбитражных судов, мировых судей [1, с. 167]. К этому ряду относится и Суд по интеллектуальным правам (гл. 23 АПК РФ), осуществляющий специализированную юрисдикцию на всей территории Российской Федерации. Доктринальная опора инверсии находится в систематизации критериального аппарата подсудности, согласно которой представляется возможным «руководствоваться элементами иска как критериями подсудности» [6, с. 39].

Закрытый перечень категорий, подлежащих экстерриториальному распределению, формируется по содержательному критерию: в него включаются дела, по которым фактическая обстановка реконструируется преимущественно по документальным доказательствам, а непосредственный осмотр объекта спора не относится к необходимым процессуальным действиям, — корпоративные споры; споры из договоров поставки, подряда, возмездного оказания услуг, перевозки, кредитных и иных денежных обязательств; споры о защите интеллектуальных прав; административные дела о привлечении к ответственности и об оспаривании ненормативных актов. Привязка перечня к содержательной природе спора, а не к усмотрению стороны нейтрализует риск forum shopping. Инверсия не упраздняет территориальной подсудности: за пределами закрытого перечня сохраняется действующая модель — общая, альтернативная, исключительная и договорная. Двухканальный дизайн не противоречит ч. 1 ст. 47 Конституции Российской Федерации: конституционное требование сводится к установлению подсудности федеральным законом и не предписывает законодателю избрать именно территориальный способ её определения. Представляет верным подход, согласно которому содержательное ядро права на законный суд образует определённость и заранее известность критериев определения судьи, а не право «на своего судью» [2, с. 116].

5. Технологическая инфраструктура экстерриториальной модели: национальный мессенджер «МАКС», ЕСИА, идентификация и аутентификация

Институциональная состоятельность инверсии обусловлена наличием цифровой инфраструктуры, способной обеспечить надёжное удалённое участие сторон и достоверную их идентификацию. Принципиальной чертой её современной фазы является переход от разнородного набора специализированных судебных сервисов («Мой арбитр», ГАС «Правосудие») к единой коммуникационной среде. Российская цифровая платформа «МАКС» позиционируется как национальный мессенджер: помимо обмена сообщениями и голосовой связи она обеспечивает получение государственных услуг, удостоверение личности через ЕСИА, использование цифрового идентификатора и усиленной электронной подписи. Интеграция «МАКС» с ЕСИА опирается на ст. 1 Федерального закона от 24.06.2025 N 156-ФЗ [16]; распространение этой логики на процессуальную сферу предполагает дополнение процессуальных кодексов нормой о проведении судебного заседания и осуществлении процессуальных уведомлений в среде национального мессенджера при идентификации сторон через ЕСИА и применении усиленной

квалифицированной электронной подписи (Федеральный закон от 6 апреля 2011 г. № 63-ФЗ) [17].

Понятийный аппарат идентификации и аутентификации сформирован на основе технических ГОСТов: аутентификация — «акт проверки заявленной личности субъекта», верификация — «подтверждение посредством представления объективных свидетельств того, что установленные требования выполнены» [8, с. 26]. Доступ к личным кабинетам в «Мой арбитр» и на портале ГАС «Правосудие» возможен только через идентификацию учётной записью физического лица в ЕСИА; для аутентификации участников онлайн-заседания используется ключ простой электронной подписи или сертификат усиленной квалифицированной электронной подписи. Аутентификация одновременно устанавливает личность участника, обеспечивает направление судебных уведомлений и позволяет на ранней стадии проверить соответствие спора территориальной компетенции суда [8, с. 37]. Технологическая инфраструктура тем самым выполняет служебную функцию: она не вводит новой категории компетенции и не подменяет института подсудности, а снимает транспортно-коммуникационную нагрузку, превращая участие в процессе при экстерриториально определённом суде в действие, эквивалентное направлению сообщения и идентификации в привычной гражданину цифровой среде.

6. Электронные образы документов как условие экстерриториальной модели

Доказательственным следствием перевода значительной части цивилистических дел в экстерриториальный режим становится необходимость нормативной определённости в части использования электронных образов документов. Действующее регулирование допускает представление в суд копий документов, в том числе изготовленных в форме электронных образов, и признаёт их доказательствами наряду с оригиналами (ст. 71 ГПК РФ, ст. 75 АПК РФ, ст. 70 КАС РФ). Случаи, когда непосредственное представление оригинала становится процессуально необходимым, сводятся к трём типичным ситуациям: когда обстоятельства дела согласно нормативным правовым актам подлежат подтверждению только оригиналом (например, вексельные обязательства); при представлении сторонами противоречащих по содержанию копий; при заявлении стороны о подлоге. Две последние ситуации процессуально редки, а за умышленное представление подложных доказательств лицо подлежит ответственности по ст. 303 Уголовного кодекса Российской Федерации [15].

Для подавляющего большинства категорий, включаемых в перечень экстерриториального распределения, электронные образы документов процессуально достаточны и не требуют представления оригиналов в суд. В тех ситуациях, когда оригинал объективно необходим, экстерриториальная модель допускает гибридные процессуальные решения — направление оригинала почтовой связью либо его представление в порядке судебного поручения через территориально близкий участникам суд. Тем самым электронные образы документов выступают инфраструктурным условием экстерриториальной модели, обеспечивающим её доказательственную состоятельность.

7. Закрытый перечень исключений и гарантии обратимости

Симметрично закрытому перечню категорий, передаваемых на экстерриториальное распределение, инверсия общего правила предполагает закрытый перечень исключений, по которым сохраняется действующая модель — в том числе исключительная подсудность. К исключениям относятся: дела о правах на недвижимое имущество и об освобождении имущества от ареста; дела о наследовании; дела о банкротстве; дела с участием граждан, в отношении которых установлен режим особой процессуальной защиты, при отсутствии их согласия на дистанционный формат. Сопоставимая аргументация о пределах автономии воли при выборе суда в делах с особой связью спора с местом нахождения объекта представлена в литературе о процессуальных договорах [5, с. 213-263]. За пределами закрытого перечня усмотрение суда в части возврата к территориальной модели исключается.

Гарантии обратимости на индивидуальном уровне обеспечивают совместимость экстерриториального распределения с принципом непосредственности судебного разбирательства (ст. 157 ГПК РФ, ст. 10 АПК РФ, ст. 13 КАС РФ) и выстраиваются по трёхзвенной конструкции: (а) право стороны заявить мотивированное ходатайство о возвращении дела к территориальному порядку при наличии объективной процессуальной необходимости — массива вещественных доказательств, требующего осмотра, допроса свидетелей, для которых дистанционное участие исключено (либо затруднено) или если стороной является лицо, в силу возраста не обладающее достаточным уровнем владения цифровыми инструментами; (б) обязанность суда вынести по такому ходатайству мотивированное определение (225 ГПК РФ и корреспондирующие нормы), подлежащее обжалованию в общем порядке для определений, препятствующих движению дела; (в) гибридная очно-дистанционная модель для эпизодов, требующих непосредственного исследования доказательств. Распределение дела остаётся процессуально-организационным инструментом: оно определяет, какой судья рассмотрит дело, но не как; содержательные решения — оценка доказательств, формирование внутреннего убеждения, разрешение дела по существу — принадлежат судье в общем порядке.

Заключение

Проведённое исследование показывает, что общее правило территориальной подсудности по своей доктринальной природе является технико-организационным критерием распределения дел между однородными судами, исторически подчинённым соображениям удобства сторон и обусловленным транспортно-коммуникационными ограничениями, знанием судьёй местного контекста и юрисдикционным суверенитетом административно-территориальных единиц. Каждое из этих оснований в условиях современной цифровой инфраструктуры цивилистического процесса либо утратило универсальную силу, либо радикально трансформировалось, что открывает институциональную возможность инверсии общего правила для очерченного закрытого перечня категорий.

Обоснованной представляется модель, при которой для дел, фактическая обстановка которых реконструируется преимущественно по документальным доказательствам (корпоративные споры; споры из договоров поставки, подряда, оказания услуг, перевозки, кредитных и иных денежных обязательств; споры о защите интеллектуальных прав; административные дела о привлечении к ответственности и об оспаривании ненормативных актов), общим правилом становится экстерриториальное автоматизированное распределение между судами одного звена, а территориальная привязка сохраняется как закрытый перечень исключений. Технологической инфраструктурой модели выступают национальный мессенджер «МАКС», интегрированный с ЕСИА, многоуровневая процедура аутентификации участников и нормативное признание электронных образов документов в качестве доказательственного материала. Совместимость с принципом непосредственности и конституционным правом на законный суд обеспечивается правом стороны заявить мотивированное ходатайство о возвращении дела к территориальному порядку рассмотрения, обязанностью суда вынести мотивированное определение и гибридной очно-дистанционной моделью ведения процесса. Законодательная реализация модели предполагает дополнение ГПК РФ, АПК РФ и КАС РФ нормами о закрытом перечне категорий, подлежащих экстерриториальному распределению, о закрытом перечне исключений и о механизме федерального автоматизированного распределения, а также внесение корреспондирующих изменений в Федеральный закон от 24.06.2025 № 156-ФЗ и Федеральный закон от 6 апреля 2011 г. № 63-ФЗ.

Литература

1. Абросимова Е.Б. Очерки российского судоустройства: реформы и результаты. М.: Институт права и публичной политики, 2009. 280 с.
2. Анишина В.И. Конституционные принципы судебной власти Российской Федерации: формирование, содержание и перспективы развития: монография. М.: РАП, 2006. 272 с.
3. Васьковский Е.В. Курс гражданского процесса: Субъекты и объекты процесса, процессуальные отношения и действия. М.: Статут, 2016. 622 с.
4. Гольмстен А.Х. Учебник русского гражданского судопроизводства. 5-е изд., испр. и доп. СПб., 1913. 411 с.
5. Елисеев Н.Г. Процессуальный договор: монография. М.: Статут, 2015. 368 с.
6. Любимова Е.В. Критерии подсудности в гражданском и административном судопроизводстве: дис. … канд. юрид. наук: 12.00.15. Екатеринбург, 2020. 217 с.
7. Малышев К.И. Курс гражданского судопроизводства. Т. 1. СПб., 1874. 444 с.
8. Маколкин Н.Н. Аутентификация и верификация в цивилистическом процессе: монография. М.: Статут, 2024. 184 с.
9. Нефедьев Е.А. Учебник русского гражданского судопроизводства. М.: Типография Императорского Московского Университета, 1909. 388 с.
10. Ярков В.В. Проблемные вопросы регулирования компетенции в проекте Кодекса гражданского судопроизводства Российской Федерации // Вестник гражданского процесса. 2015. № 1. С. 25–36.
11. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru.
12. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.
13. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 30. Ст. 3012.
14. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 № 21-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2015. № 10. Ст. 1391.
15. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
16. Федеральный закон от 24.06.2025 № 156-ФЗ "О создании многофункционального сервиса обмена информацией и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации" // Собрание законодательства РФ. 2025. № 26. Ст. 5231.
17. Федеральный закон от 06.04.2011 № 63-ФЗ «Об электронной подписи» // Собрание законодательства РФ. 2011. № 15. Ст. 2036.

Extraterritorial digital jurisdiction in civil procedure

Khabibullin M.I.
Kazan (Volga Region) Federal University

The article examines the institution of territorial jurisdiction from the standpoint of the possibilities and limits of its reform within the digital infrastructure of civil procedure. On the basis of doctrinal analysis of pre-revolutionary and contemporary literature, the thesis is substantiated regarding the instrumental, technical-organisational nature of the general rule of territorial jurisdiction and the absence in the territorial criterion of any essential constitutional nature. It is demonstrated that the three classical grounds for the territorial criterion — transport and communication constraints, the judge's familiarity with the local context, and the jurisdictional sovereignty of administrative-territorial units — have lost their universal force in the present digital infrastructure. An inversion of the general rule is proposed: for a closed list of categories of cases whose factual circumstances are reconstructed primarily from documentary evidence, extraterritorial automated distribution becomes the general rule, while territorial attachment is retained as a closed list of exceptions. Particular attention is paid to the technological infrastructure of the model — the national messenger "MAX", the UIAS, identification and authentication of participants, electronic copies of documents — and to the system of procedural safeguards.

Keywords: territorial jurisdiction, digitalisation of justice, extraterritorial jurisdiction, civil procedure, identification and authentication, UIAS, national messenger; electronic copies of documents.

References

1. Abrosimova, E.B., Essays on the Russian Judiciary: Reforms and Results. Moscow: Institute of Law and Public Policy, 2009. 280 p.
2. Anishina, V.I., Constitutional Principles of the Judicial Authority of the Russian Federation: Formation, Content, and Development Prospects: Monograph. Moscow: RAP, 2006. 272 p.
3. Vas'kovsky, E.V., Course of Civil Procedure: Subjects and Objects of the Process, Procedural Relations and Actions. Moscow: Statut, 2016. 622 p.
4. Golmsten, A.Kh., Textbook of Russian Civil Procedure. 5th ed., corrected and enlarged. St. Petersburg, 1913. 411 p.
5. Eliseev, N.G., Procedural Agreement: Monograph. Moscow: Statut, 2015. 368 p.
6. Lyubimova E.V. Jurisdiction Criteria in Civil and Administrative Proceedings: Cand. Sci. (Law) Dissertation: 12.00.15. Yekaterinburg, 2020. 217 p.
7. Malyshev K.I. Civil Procedure Course. Vol. 1. St. Petersburg, 1874. 444 p.
8. Makolkin N.N. Authentication and Verification in Civil Procedure: Monograph. Moscow: Statut, 2024. 184 p.
9. Nefedyev E.A. Textbook of Russian Civil Procedure. Moscow: Printing House of the Imperial Moscow University, 1909. 388 p.
10. Yarkov V.V. Problematic issues of regulating competence in the draft Code of Civil Procedure of the Russian Federation // Bulletin of Civil Process. 2015. No. 1. pp. 25–36.
11. Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993, with amendments approved during the all-Russian vote on 01.07.2020) // Official Internet portal of legal information. URL: http://pravo.gov.ru.
12. Civil Procedure Code of the Russian Federation of 14.11.2002 No. 138-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation. 2002. No. 46. Art. 4532.
13. Arbitration Procedure Code of the Russian Federation of July 24, 2002, No. 95-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation. 2002. No. 30. Art. 3012.
14. Code of Administrative Procedure of the Russian Federation of March 8, 2015, No. 21-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation. 2015. No. 10. Art. 1391.
15. Criminal Code of the Russian Federation of June 13, 1996, No. 63-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation. 1996. No. 25. Art. 2954.
16. Federal Law of 24.06.2025 No. 156-FZ "On the Creation of a Multifunctional Information Exchange Service and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation" // Collected Legislation of the Russian Federation. 2025. No. 26. Article 5231.
17. Federal Law of 06.04.2011 No. 63-FZ "On Electronic Signatures" // Collected Legislation of the Russian Federation. 2011. No. 15. Article 2036.

К вопросу о допустимости использования нейросетей и иных программных средств участниками уголовного судопроизводства

Девяткин Генрих Сергеевич
канд. юрид. наук, доцент Института высокотехнологичного права, социальных и гуманитарных наук НИУ Московский институт электронной техники, devyatkings@gmail.com

В статье рассматривается актуальная проблема потенциальной интеграции технологий искусственного интеллекта (ИИ) и нейросетевых алгоритмов в сферу уголовного судопроизводства. Анализируются потенциальные возможности и риски применения данных технологий участниками процесса (следователем, дознавателем, прокурором, судом, защитником). Рассмотрена гипотеза о допустимости использования нейросетей и доказательств, полученных с помощью ИИ, а также проблемам обеспечения прав личности, объективности и беспристрастности.
Делается вывод о том, что использование нейросетей судом допустимо исключительно в качестве вспомогательного инструмента, не подменяющего собой внутреннее убеждение судьи и не нарушающего процессуальные гарантии сторон.
Ключевые слова: уголовное судопроизводство, искусственный интеллект, нейросети, допустимость доказательств, цифровые технологии, процессуальные гарантии.

Введение

Цифровая трансформация всех сфер общественной жизни не обходит стороной и правоохранительную систему. Внедрение информационных технологий в деятельность органов предварительного расследования и судов стало объективной необходимостью для повышения эффективности и оперативности. На смену базам данных и системам электронного документооборота приходят более сложные инструменты – нейросети и большие данные. Однако стремительное развитие технологий значительно опережает их правовое осмысление и нормативное регулирование.

В действующем Уголовно-процессуальном кодексе РФ отсутствуют нормы, прямо регламентирующие использование нейросетей и иных программных средств участниками уголовного судопроизводства. Возникает комплексная правовая проблема: с одной стороны, существует запрос на повышение эффективности борьбы с преступностью с помощью передовых технологий, а с другой - необходимость неукоснительного соблюдения фундаментальных принципов уголовного процесса: законности, презумпции невиновности, права на защиту, состязательности сторон.

Материалы и методы

В уголовном процессе применение искусственного интеллекта и нейросетей могло бы происходить при:

1) анализе судебной практики: ИИ-инструменты способны анализировать тысячи судебных решений для выявления правовых позиций судов по конкретным категориям дел, что помогает сторонам формировать правовую аргументацию;

2) оценке рисков: Программные комплексы могут использоваться для оценки вероятности рецидива при решении вопроса о мере пресечения (например, избрание домашнего ареста вместо заключения под стражу);

3) автоматизированном переводе: обеспечение участия в процессе переводчика в режиме реального времени при допросе иностранных граждан.

На данный момент в российском законодательстве, в частности в Уголовно-процессуальном кодексе РФ, отсутствуют прямые нормы, которые бы специально регулировали использование нейросетей или искусственного интеллекта [1, С. 143]. Это создает так называемый «правовой вакуум». Однако использование таких технологий не является абсолютно нерегулируемым. Существующие фундаментальные принципы уголовного судопроизводства и общие нормы права создают ряд жестких ограничений, которые действуют и в отношении нейросетей. Эти ограничения можно разделить на несколько ключевых групп.

1. Ограничения, вытекающие из принципов уголовного процесса. Это наиболее важная и строгая группа ограничений. Любое применение нейросети или искусственного интеллекта должно соответствовать базовым принципам, закрепленным в Главе 2 УПК РФ.

Принцип законности (ст. 7 УПК РФ). Все действия, в том числе с использованием программных средств, должны строго соответствовать закону. Поскольку прямого разрешения на использование нейросетей нет, их применение должно быть обосновано общими нормами. Например, если нейросеть используется для анализа записей с камер видеонаблюдения, это должно быть оформлено в рамках следственного действия (например, осмотр предметов или местности) с составлением соответствующего протокола. Использование «секретного» программного обеспечения без процессуального оформления - прямое нарушение законности.

Принцип состязательности сторон (ст. 15 УПК РФ). Стороны обвинения и защиты равноправны перед судом. Если обвинение представляет доказательство, полученное с помощью нейросети (например, результат биометрической идентификации), защита должна иметь равную возможность оспорить его. Это означает, что сторона обвинения обязана предоставить защите информацию о самом факте использования программного обеспечения, его названии и, в идеале, о принципах его работы. Использование «закрытого» алгоритма, который защите не дают изучить, нарушает этот принцип.

Обеспечение права на защиту (ст. 16 УПК РФ). Каждый обвиняемый имеет право знать, в чем он обвиняется, и давать объяснения по поводу предъявленного обвинения. Если ключевое доказательство вины - это «вывод» нейросети, который невозможно понять и оспорить из-за его непрозрачности («черный ящик»), это фактически лишает обвиняемого возможности эффективно защищаться [2, С. 45].

2. Ограничения, связанные с допустимостью доказательств (ст. 75 УПК РФ). Доказательства, полученные с нарушением требований УПК РФ, являются недопустимыми. Как уже упоминалось, любое применение технологии должно быть процессуально оформлено. Если нейросеть использовалась для анализа переписки в мессенджере, но при этом не был получен и представлен в суд протокол осмотра переписки или постановление суда на доступ к ней, результат работы нейросети будет недопустимым доказательством.

Невозможность проверки доказательства (ст. 87 УПК РФ). Стороны и суд обязаны проверять доказательства. Если логика работы нейросети непрозрачна и не может быть проверена специалистом, такое «доказательство» не проходит проверку на достоверность и допустимость.

3. Ограничения в сфере защиты персональных данных и государственной тайны. Использование нейросетей часто связано с обработкой больших массивов данных, что регулируется другими законами.

Обработка биометрических персональных данных (например, для систем распознавания лиц) по общему правилу требует письменного согласия субъекта. В уголовном процессе это ограничение может быть преодолено для целей правосудия, но сбор и обработка таких данных должны быть строго соотнесены с целями расследования. Если нейросеть используется для анализа информации, содержащей государственную тайну (например, на серверах правоохранительных органов), то к самому программному обеспечению предъявляются жесткие требования безопасности. Использование иностранного или облачного программного обеспечения для обработки таких данных категорически запрещено.

4. Ограничение на принятие окончательных решений. Это фундаментальное ограничение, которое вытекает из самой сути правосудия.

Нейросеть не может быть субъектом принятия процессуальных решений. Решение о виновности или невиновности, о применении меры пресечения, о квалификации деяния может принять только человек - судья, следователь или дознаватель.

Литературный обзор

Роль ИИ - вспомогательная. Нейросеть может выступать лишь как инструмент для сбора информации или ее анализа (например, найти похожие дела в базе, проанализировать финансовые транзакции). Но итоговый вывод всегда должен делать человек.

Нарушение тайны совещательной комнаты (ст. 298 УПК РФ). Закон императивно устанавливает, что судьи не вправе разглашать суждения, имевшие место во время совещания. Использование внешнего инструмента - нейросети, подключенной к сети Интернет или к локальному серверу - вносит в этот процесс третьего участника (разработчика ПО или владельца сервера). Это создает риски утечки информации, составляющей тайну совещания, и ставит под сомнение независимость судей при формировании их выводов.

Подмена внутреннего убеждения судьи. Согласно ст. 17 УПК РФ, судья оценивает доказательства по своему внутреннему убеждению. Внутреннее убеждение - это результат сложной интеллектуальной и эмоциональной работы человека-судьи, основанной на его жизненном опыте, правосознании и анализе всех обстоятельств дела в совокупности. Использование нейросети для автоматической оценки доказательств или генерации мотивировочной части приговора подменяет этот уникальный человеческий процесс алгоритмическим расчетом. Судебный акт перестает быть актом правосудия и становится производным от программного кода [3, С. 206].

Допустимые границы использования: вспомогательная роль ИИ. Анализ существующих ограничений не означает полного запрета на использование технологий ИИ в деятельности суда. Ключевым является разграничение между принятием решения и подготовкой к принятию решения. Использование нейросетей судом допустимо и целесообразно исключительно в качестве вспомогательного инструмента, который не влияет на формирование итогового вывода по делу и не нарушает процессуальные права сторон.

Результаты

Вместе с тем, существующая судебная практика использования сторонами нейросетей и представления сгенерированных материалов в суд, является крайне спорной. По уголовным делам пока вероятнее всего такие материалы будут отклоняться на основании отсутствия прямого разрешения на их использование и принципа допустимости доказательств.

Весьма интересным является первый случай в российской судебной практике (Арбитражный суд Западно-Сибирского округа) о наложении штрафа на адвоката за неуважение к суду, выразившееся в представлении юристом для суда материалов, которые были созданы нейросетью. При этом данные были недостоверны (нейросеть выдала несуществующую судебную практику, которую адвокат представил в суд). Сторона по делу, чьи юристы в зале суда представили в буквальном смысле галлюцинацию нейросети, должна заплатить штраф в 50 000 рублей. Определение судьи, которым он наложил штраф за неуважение к суду на представителя заявителя кассационной жалобы, довольно широко обсуждается.

Определение хорошо написано, но после его прочтения возникает много вопросов. Во-первых, не очень понятно, почему оштрафована сторона дела, а не юрист, написавший жалобу при помощи нейросети. Собственно это она «предоставила суду заведомо ложные сведения, сфальсифицировав источники и стремясь воздействовать на суд округа непререкаемым авторитетом высшей судебной инстанции, надеясь на поверхностное изучение судом округа аргументов кассационной жалобы и принятие желаемого для заявителя жалобы постановления».

Во-вторых, намного более сложный вопрос - а какую именно обязанность нарушил юрист? Ведь штраф - это санкция за нарушение, то есть, надо установить, что имеется какая-то обязанность, которая и была нарушена. Поэтому у юриста есть обязанность не только перед доверителем, но и перед судом, причем вторая доминирует над первой. Юрист - в силу образования, знаний и опыта - обязан помочь суду разобраться в деле и вынести справедливое решение. Когда юрист приносит несуществующую судебную практику, то он эту обязанность нарушает.

Таким образом, все логично: у юриста есть обязанность содействовать судье в том, чтобы разрешить дело, он ее нарушил. Поэтому он получил штраф. И, хотя этот пример из арбитражного судопроизводства, представляется, что транслирование такой позиции суда на уголовное судопроизводства видится правильным.

Несмотря на очевидные преимущества, использование нейросетей порождает ряд серьезных правовых и этических проблем, ставящих под сомнение безусловную допустимость получаемых с их помощью результатов.

Обсуждение

Проблема «черного ящика» и проверяемости доказательств. Большинство современных нейросетей работают по принципу «черного ящика»: на вход подается массив данных, а на выходе получается результат (например, «вероятность совпадения лиц - 98%»), но логика принятия этого решения остается непрозрачной даже для разработчиков. Это вступает в прямое противоречие со ст. 87 УПК РФ, обязывающей стороны проверять имеющиеся в деле доказательства. Как сторона защиты может проверить и оспорить результат работы алгоритма, если она не понимает, на основании каких критериев он был сделан? Доказательство, полученное с помощью непрозрачного алгоритма, может быть признано недопустимым как не отвечающее критерию проверяемости [4, С. 105].

Риск алгоритмической предвзятости (Bias). Нейросети обучаются на существующих наборах данных. Если в этих данных содержатся исторические или социальные предубеждения (например, статистика задержаний выше в определенных районах или среди определенных социальных групп), алгоритм усвоит и будет воспроизводить эту предвзятость. Это создает риск дискриминации и нарушения принципа равенства всех перед законом и судом (ст. 19 Конституции РФ).

Размывание процессуальной ответственности. Если решение о привлечении лица в качестве обвиняемого или о применении меры пресечения принимается на основе «рекомендации» нейросети, возникает вопрос о субъекте ответственности за возможную ошибку.

Нарушение права на защиту. Использование закрытых проприетарных алгоритмов без предоставления защите информации об их принципах работы нарушает принцип состязательности сторон (ст. 15 УПК РФ). Защитник должен иметь возможность не только ознакомиться с результатом работы программы, но и поставить под сомнение его достоверность, что невозможно без понимания логики алгоритма.

Заключение

Для решения обозначенных проблем требуется взвешенный подход к правовому регулированию. Запретительные меры могут затормозить развитие технологий и снизить эффективность правосудия. Вместо этого следует двигаться по пути создания четких правовых рамок.

Необходимо законодательно закрепить требование об использовании в уголовном судопроизводстве только тех программных средств, которые соответствуют стандартам Explainable AI (XAI) - объяснимого искусственного интеллекта. Разработчики должны предоставлять документацию, позволяющую понять общие принципы работы алгоритма без раскрытия коммерческой тайны.

Литература

1. Мартынюк Э. Г. О перспективах внедрения новейших систем искусственного интеллекта и нейросетей на стадию предварительного расследования: GPT-4, DALL-E 2, Whisper и Shodan // Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации. – 2023. – № 2(36). – С. 141-153.

2. Маслов И. В. К вопросу о цифровизации уголовного судопроизводства и использования искусственного интеллекта // Либерально-демократические ценности. – 2024. – Т. 8, № 3. – С. 43-50.

3. Туров С. Ю. Актуальное состояние, проблемы и перспективы использования коммуникативных технологий в уголовном судопроизводстве / С. Ю. Туров // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2025. – Т. 3, № 71. – С. 201-211.

4. Козловский П. В. Использование искусственного интеллекта в уголовном судопроизводстве: шаг вперед или возврат к следственному процессу? / П. В. Козловский // Психопедагогика в правоохранительных органах. – 2026. – Т. 31, № 1(104). – С. 111-118.

On the permissibility of using neural networks and other software by participants in criminal proceedings

Devyatkin G.S.

Moscow Institute of Electronic Technology

This article examines the pressing issue of the potential integration of artificial intelligence (AI) technologies and neural network algorithms into criminal proceedings. The potential opportunities and risks of using these technologies by trial participants (investigators, inquiry officers, prosecutors, courts, and defense attorneys) are analyzed. The article examines the admissibility of using neural networks and AI-based evidence, as well as the challenges of ensuring individual rights, objectivity, and impartiality.

It concludes that the use of neural networks by the court is permissible solely as an auxiliary tool, not replacing the judge's internal conviction and not violating the procedural guarantees of the parties.

Keywords: criminal proceedings, artificial intelligence, neural networks, admissibility of evidence, digital technologies, procedural guarantees.

References

1. Martynyuk E. G. On the Prospects of Implementing the Latest Artificial Intelligence Systems and Neural Networks at the Preliminary Investigation Stage: GPT-4, DALL-E 2, Whisper, and Shodan // Bulletin of the Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation. – 2023. – No. 2(36). – Pp. 141-153.

2. Maslov I. V. On the Issue of Digitalization of Criminal Proceedings and the Use of Artificial Intelligence // Liberal Democratic Values. – 2024. – Vol. 8, No. 3. – Pp. 43-50.

3. Turov S. Yu. Current Status, Problems, and Prospects for Using Communication Technologies in Criminal Proceedings / S. Yu. Turov // Legal Science and Practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2025. – Vol. 3, No. 71. – P. 201-211.

4. Kozlovsky P. V. Use of Artificial Intelligence in Criminal Proceedings: A Step Forward or a Return to the Investigative Process? / P. V. Kozlovsky // Psychopedagogy in Law Enforcement Agencies. – 2026. – Vol. 31, No. 1(104). – P. 111-118.

Нейроправа как новый вектор международного биомедицинского права: вызовы имплементации и универсализации стандартов

Алокова Сатаней Хасановна
Врач-педиатр

В статье исследуется феномен нейроправ (neurorights) как emerging концепции в международном биомедицинском праве. Анализируются конституционная реформа в Чили (2020-2021) и испанская Хартия цифровых прав как первые примеры позитивации нейроправ на национальном уровне.

Рассматривается Рекомендация ЮНЕСКО по этике нейротехнологий (ноябрь 2025 г.) как первый глобальный рамочный документ в данной сфере. Особое внимание уделяется дилемме: требуют ли нейротехнологии создания принципиально новых прав человека или достаточно адаптации существующих (право на частную жизнь, свободу мысли, психическую неприкосновенность). Анализируются пять ключевых нейроправ: когнитивная свобода, ментальная неприкосновенность, ментальная приватность, психологическая непрерывность и справедливый доступ к нейротехнологиям. Выявляются правовые, регуляторные и этические вызовы имплементации нейроправ на универсальном уровне.

Ключевые слова: нейроправа, нейротехнологии, биоэтика, международное медицинское право, права человека, нейроданные, ЮНЕСКО, когнитивная свобода, ментальная приватность, имплементация.

Введение

XXI век стремительно становится веком нейронаук. Если прошлое столетие было эпохой биологии и генетики, то сегодня на передний план выходят технологии, позволяющие не только считывать, но и модулировать активность человеческого мозга [3]. Нейроинтерфейсы, бионические протезы, системы мониторинга мозговой активности, оптогенетика, технологии глубокой стимуляции мозга — все это уже не футуристические прогнозы, а клиническая реальность [2]. Еще в 2019 году лабораторная инвазивная BCI (brain-computer inteface) могла декодировать нейроданные в текст с точностью до 300 слов и с ошибкой всего 3% [2]. К 2026 году технологии шагнули далеко вперед: в Китае 37-летнему пациенту с ампутированными конечностями вживили нейрочип размером 26×6 мм, позволяющий управлять устройствами силой мысли [3].

Эти достижения открывают беспрецедентные возможности для медицины: лечение болезни Паркинсона, восстановление утраченных функций, коррекция психических расстройств.

Однако они же порождают и фундаментальные вопросы о границах вмешательства в психическую сферу человека, о защите самой интимной сферы — наших мыслей, эмоций, воспоминаний [7]. Как справедливо отмечает профессор Александр Алимов, представляющий Комиссию РФ по делам ЮНЕСКО, «традиционная биоэтика не справляется. Сегодня нужен новый этический каркас — под вызовы нейротехнологического времени» [3].

Ответом на этот запрос стало появление концепции «нейроправ» (neurorights) — идеи о том, что стремительное развитие нейротехнологий требует либо принципиально новых прав человека, либо существенного переосмысления существующих [5]. Цель настоящей статьи — проанализировать процесс формирования нейроправ в международном и национальном праве, выявить основные подходы к их имплементации и оценить перспективы универсализации соответствующих стандартов.

Технологический вызов: почему существующего права недостаточно?

Традиционная биоэтика на протяжении полувека фокусировалась на вопросах трансплантологии, генетики, стволовых клеток.

Однако нейротехнологии создают принципиально новую ситуацию: объектом воздействия становится не тело, а сознание, не физическая целостность, а ментальная идентичность [3].

Александр Хохлов из Совета по этике при РАН подчеркивает:

«Нейронные данные с помощью ИИ превращаются в когнитивный портрет личности» [3]. Речь идет о возможности создания цифрового двойника сознания — потенциально уязвимого для кражи, модификации и монетизации. При этом нейроданные принципиально отличаются от иных видов персональных данных. Как отмечается в аналитическом докладе ICO Tech Futures, нейроданные могут раскрывать информацию, о которой человек сам может не знать или которую он никогда не решился бы раскрыть добровольно [2]. Это снимает сам выбор: мозг может непроизвольно и рефлекторно выдавать исключительно чувствительную информацию.

Особую остроту проблеме придает возможность не только «чтения», но и «записи» в мозг. Лабораторные эксперименты уже продемонстрировали способность имплантировать галлюцинации в мозг мышей, вызывая реакции на эти образы [2]. Технология «read-write» природы нейроинтерфейсов ставит вопрос о границах автономии личности: может ли алгоритм, основанный на нейроданных, получить возможность изменять наши мысли?

Всеволод Белоусов, директор центра мозга и нейротехнологий ФМБА, проводит красноречивую аналогию: «Мы уже киборги.

Попробуйте отдать смартфон — почувствуете, как будто отрываете часть себя. Но по праву первыми киборгами станут люди с бионическими протезами, сопряжёнными с нервной системой — можно сказать, что они получат дополненное сознание» [3].

Национальные подходы к конституционализации нейроправ

Чилийский опыт: первая конституционная реформа Первый в мире опыт прямой законодательной регламентации нейроправ принадлежит Чили. В декабре 2020 года была принята поправка к статье 19 Конституции Чили, устанавливающая explicit right to neuroprotection — прямое право на нейрозащиту [2].

Впоследствии, в 2021 году, был разработан соответствующий законопроект, закрепляющий пять ключевых прав [2; 1]:

1. Право на личную неприкосновенность (personal integrity);

2. Свободу воли (free will);

3. Ментальную приватность (mental privacy);

4. Справедливый и равный доступ к технологиям, которые могут улучшать или изменять неврологические состояния;

5. Запрет на использование нейротехнологий в ситуациях, ставящих под угрозу уязвимые сообщества, а также на изменение поведения без явного согласия.

Важно отметить, что чилийский законопроект относится исключительно к медицинскому использованию нейротехнологий [2]. Реакция на эту инициативу была неоднозначной: одни приветствовали законодательную реформу, другие утверждали, что новый закон подрывает существующие права и может сдерживать инновационные исследования неврологических заболеваний [2].

Испанский подход: Хартия цифровых прав

Испания избрала иной путь. В рамках разработки Хартии цифровых прав (Digital Rights Chater) были предложены положения, касающиеся нейроданных, основанные на праве на свободное развитие личности [2; 1]. В отличие от чилийского конституционного подхода, испанская модель представляет собой гибкий, программный документ, задающий ориентиры для развития законодательства [9; 1].

Как отмечается в сравнительном исследовании, чилийская конституционная реформа и испанская Хартия цифровых прав представляют собой два разных способа достижения одной цели: регулирования и защиты прав человека от достижений нейротехнологий [1]. Чилийский подход — это «жесткая» конституционализация, испанский — «мягкое» нормативное ориентирование.

Международный уровень: деятельность ЮНЕСКО и Совета Европы

Рекомендация ЮНЕСКО по этике нейротехнологий (2025) Ключевым событием 2025 года стало принятие Генеральной конференцией ЮНЕСКО 12 ноября 2025 года Рекомендации по этике нейротехнологий (Recommendation on the Ethics of Neurotechnology) [6]. Это первый глобальный документ, устанавливающий этический рамочный подход к разработке и использованию нейротехнологий на протяжении всего их жизненного цикла — от проектирования до утилизации.

Хотя Рекомендация не имеет обязательной юридической силы (soft law), она адресована государствам-членам ЮНЕСКО, исследовательским организациям и частным компаниям, устанавливая, как наилучшим образом соблюдать фундаментальные права человека при разработке, внедрении и утилизации этой технологии [6]. Значение таких рамочных документов не следует недооценивать: как отмечается в аналитическом обзоре, Регламент ЕС об искусственном интеллекте (EU AI Act) был вдохновлен, по крайней мере частично, Рекомендацией ЮНЕСКО по этике искусственного интеллекта (ноябрь 2021 г.) [6]. Следовательно, существует реальная вероятность того, что в будущем частные компании, разрабатывающие нейротехнологии, будут подпадать под специальные правила, регулирующие такие технологии.

Важно подчеркнуть, что ЮНЕСКО — единственная структура ООН с мандатом на этику науки, и подготовка рекомендаций велась с учетом предложений российской стороны [3].

Позиция Совета Европы и ООН

Параллельно с ЮНЕСКО, Совет Европы также активно исследует проблематику нейроправ. Характерно, что и ЮНЕСКО, и Совет Европы пришли к выводу о том, что вместо создания новых прав человека целесообразно адаптировать существующее право прав человека к специфике нейротехнологий [2; 5].

В октябре 2022 года Совет ООН по правам человека единогласно принял решение о более глубоком изучении того, как существующее право прав человека может регулировать потенциальные нарушения, связанные с нейротехнологиями [2].

Это свидетельствует о признании проблемы на универсальном уровне и о начале системной работы в рамках ООН.

Содержательное наполнение нейроправ: пять ключевых компонентов

Несмотря на различия в подходах, в доктрине и правотворчестве постепенно формируется консенсус относительно пяти базовых нейроправ. Наиболее системно они изложены в материалах Neurorights Foundation и анализируются в докладе ICO [2].

Право Содержание Связь с существующими правами

Право на ментальную приватность Существенные ограничения на сбор, хранение и коммерческое использование нейроданных; абсолютное право требовать их удаления Потенциальный конфликт с GDPR (который не устанавливает абсолютного права на удаление)

Право на ментальную целостность (психологическую непрерывность) Защита от несанкционированного вторжения, способного изменять ментальные состояния; защита от read-write воздействий Связано с правом на «ментальную идентичность» (ст. 4 GDPR)

Право на свободу от алгоритмической предвзятости Защита от дискриминации, возникающей при анализе нейроданных, выявляющих паттерны мышления или состояния психического здоровья Принцип справедливой обработки данных (ст. 5 GDPR), законодательство о равенстве

Право на справедливый доступ к нейроаугментации Предотвращение формирования «когнитивных элит» и нейрорасслоения общества

Право на здравоохранение, принцип справедливости

Право на когнитивную свободу Буквальная свобода мысли (не только проявление мысли, но и сам мыслительный процесс) Ст. 9 ЕКПЧ (свобода мысли), ст. 18 МПГПП

Дилемма: новые права или адаптация существующих?

Центральным вопросом дискуссии о нейроправах остается: требуют ли нейротехнологии создания принципиально новых прав человека или достаточно адаптировать существующие?

Позиция сторонников новых прав

Марчелло Йенка и Роберто Андорно, одни из наиболее авторитетных авторов в данной области, аргументируют необходимость введения четырех новых прав: (1) право на ментальную приватность; (2) право на ментальную целостность;

(3) право на психологическую непрерывность; (4) право на когнитивную свободу [5]. Их аргументация строится на том, что нейроданные являются ключом к чувству самости (sense of self), и что целостность и приватность нейропроцессов должны быть фундаментально защищены.

Позиция сторонников адаптации

Противники «право-инфляции» (rights inflation) указывают, что существующие правовые режимы уже предоставляют значительные возможности для защиты. В частности, статья 4 UK GDPR устанавливает, что «ментальная идентичность» является ключевым аспектом персональной информации [2]. Статья 3 Хартии основных прав ЕС закрепляет «право на уважение физической и психической целостности» [2]. Международный

пакт о гражданских и политических правах гарантирует свободу мысли, совести и религии (ст. 18), свободу мнения (ст. 19) и право на частную жизнь (ст. 17) [5].

Показательно, что и ЮНЕСКО, и Совет Европы — организации, мандатом которых является защита прав человека и биоэтика, — пришли к выводу, что вместо новых прав человека следует адаптировать существующее право прав человека к контексту нейротехнологий [2; 5].

Синтез: этика как источник интерпретации права

Представляется, что спор о «новизне» нейроправ во многом схоластичен. Более продуктивным является подход, предлагаемый профессором Элизабет Риньон: этический дискурс о нейроправах не должен быть строго отделен от юридического [5]. Напротив, философские размышления о ментальной целостности, когнитивной свободе и психологической непрерывности могут служить важным источником для интерпретации существующих прав человека международными институтами, судебными органами и учеными. Правовые понятия часто нечетки и расплывчаты — например, понятие «мысли» в контексте права на свободу мысли или понятие «психической целостности» в рамках права на частную жизнь. Определения отсутствуют в правовых текстах и редко разрабатываются в прецедентном праве [5].

Таким образом, этические стандарты могут быть трансформированы в право или получить юридическое значение, например, путем включения в декларацию «мягкого права».

Именно это и произошло с Рекомендацией ЮНЕСКО 2025 года.

Вызовы имплементации и универсализации

Анализ литературы позволяет выделить несколько ключевых вызовов, стоящих на пути имплементации нейроправ [4; 8].

Балансирование прав

Нейроправа неизбежно вступят в конфликт с иными правами и законными интересами. Право на ментальную приватность может столкнуться с интересами правосудия (получение доказательств), интересами безопасности (антитеррористические мероприятия), интересами общественного здоровья (эпидемиологический надзор) [4].

Требуется выработка критериев пропорциональности и механизмов судебного контроля.

Фрагментация права

Развитие нейроправ на национальном уровне (Чили, Испания) при отсутствии универсального обязательного договора создает риск фрагментации международного права. Транснациональные корпорации, разрабатывающие нейротехнологии, могут оказаться в ситуации регуляторного арбитража, выбирая юрисдикции с наиболее мягким регулированием [4].

Транснациональный характер и обеспечение исполнения Нейротехнологии и нейроданные по своей природе трансграничны. Облачное хранение нейроданных, международные клинические исследования, глобальные платформы нейротехнологических приложений — все это требует международного сотрудничества в правоприменении [4; 8]. Однако существующие механизмы международно-правовой ответственности и взаимной правовой помощи могут оказаться недостаточными.

Адекватные средства правовой защиты

Каков будет объем компенсации за несанкционированное вторжение в ментальную сферу? Как восстановить нарушенную психическую целостность? Эти вопросы остаются открытыми [4].

Этические пределы: грань между лечением и «улучшением»

Отдельного внимания заслуживает вопрос, поставленный министром здравоохранения РФ Михаилом Мурашко: где проходит граница между лечением и «улучшением» человека? [3]. Когда технология заменяет утраченные функции — это безусловное благо. Но когда она расширяет способности здорового человека, повышая когнитивные показатели сверх естественного уровня, — это уже территория «нейрохакинга» и постгуманизма.

Статья И.С. Мыльниковой, опубликованная в журнале «Этическая мысль» РАН в январе 2026 года, выделяет шесть ключевых дилемм, связанных с манипуляцией памятью: угроза персональной идентичности, риск нейрототалитаризма, правовые парадоксы уголовной ответственности, коммерциализация воспоминаний и возникновение нового вида социального неравенства [7]. Автор предлагает ключевые принципы регуляции, включая право на аутентичность и запрет коммерциализации воспоминаний.

Директор Центра регуляторных исследований Австралийского национального университета Аллан Маккей с соавторами подчеркивает необходимость многоуровневого подхода к управлению нейротехнологиями: саморегулирование; этические руководства и мягкое право; обязательные национальные нормативные акты; международное право прав человека [4; 8].

Заключение

Нейроправа представляют собой один из наиболее динамично развивающихся векторов современного международного биомедицинского права. За несколько лет концепция прошла путь от академических дискуссий до конституционных реформ (Чили), хартийных закреплений (Испания) и первых глобальных рамочных документов (Рекомендация ЮНЕСКО 2025 г.).

Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы:

1. О природе нейроправ. Нейроправа не являются полностью новыми правами в строго юридическом смысле. Они представляют собой конкретизацию и адаптацию существующих прав человека (на частную жизнь, свободу мысли, психическую неприкосновенность) к беспрецедентным вызовам, создаваемым нейротехнологиями. Однако их ценность — в выявлении тех аспектов человеческого существования, которые ранее оставались имплицитными и не требовали специальной защиты.

1. Об имплементации. Наиболее перспективным представляется многоуровневый подход, сочетающий: (а) конституционное закрепление базовых принципов на национальном уровне; (б) развитие мягкого права на универсальном уровне (ЮНЕСКО); (в) постепенную конкретизацию в специальных законодательных актах; (г) адаптацию правоприменительной практики существующих прав человека.

2. О российской перспективе. Российская наука только начинает осваивать проблематику нейроправ. Показательно, что в отечественных рецензируемых журналах за 2025-2026 гг. появились лишь единичные публикации по смежным вопросам (нейроэтика памяти) [7]. Это открывает широкое поле для исследований. Участие российской стороны в разработке рекомендаций ЮНЕСКО [3] создает основу для учета отечественного опыта и интересов при дальнейшей универсализации стандартов.

3. О перспективах универсализации. Принятие Рекомендации

4. ЮНЕСКО 2025 г. — важнейший шаг, но не финал. Как показывает опыт Регламента ЕС об ИИ, мягкое право ЮНЕСКО может стать основой для жестких региональных регуляций [6]. Можно прогнозировать, что в течение ближайшего десятилетия будут предприняты попытки разработки либо факультативного протокола к существующим договорам по правам человека, либо нового международного договора, посвященного нейротехнологиям.

Завершая, уместно процитировать Марию Воронцову, подводящую итог дискуссии на ПМЭФ-2025: «Этика не призывает остановить прогресс. Она призывает к осознанному потреблению технологий. И нейротехнологии будут такими, какими мы с вами решим их сделать» [3]. Нейроправа — это инструмент, позволяющий обществу сохранить контроль над технологическим развитием и обеспечить, чтобы нейрореволюция служила человеку, а не подчиняла его.

Литература

1. Corvalán J.G. The Regulation of Neuro-Rights / European Review of Digital Administration & Law. — 2022. — Vol. 3, Iss. 2. — P. 149-162. — DOI: 10.53136/979125994752914.
2. ICO Tech Futures. Annex C: Legal, regulatory and historical context. — London: Information Commissioner‘s Office, February 2025.
3. Нейротехнологии и свобода мысли: ключевая дискуссия ПМЭФ о новой этике будущего / Московский центр инновационных технологий в здравоохранении. — 18 июня 2025.
4. McCay A., D’Aloia A., Rainey S., et al. Implementing Neurorights: Legal and Regulatory Considerations / Neuroethics. — 2025. — Vol. 18, Iss. 1. — DOI: 10.1007/s12152-024-09576-z.
5. Rigney E. Neurorights: Between ethics and law / Open Global Rights. — 11 October 2023.
6. UNESCO Adopts First Global Framework on Neurotechnology Ethics / Inside Privacy. — 7 January 2026.
7. Мыльникова И.С. Нейроэтика памяти: между исцелением и манипуляцией / Этическая мысль. — 2026. — Т. 25, № 2. — С. 141-154. — DOI: 10.21146/2074-4870-2025-25-2-141-154.
8. Establishing Neuro Rights / GESDA Science Breakthrough Radar. — 15 January 2026.
9. Corvalán J.G. The regulation of neuro-rights. — Zaragoza: Universidad de Zaragoza, 2021. — DOI: 10.5281/zenodo.14615823.

Neuro-law as a new vector of international biomedical law: challenges of standards implementation and universalization

Alokova S.K.
Pediatrician

The article examines the phenomenon of neurorights as an emerging concept in international biomedical law. The constitutional reform in Chile (2020-2021) and the Spanish Charter of Digital Rights are analyzed as the first examples of the positivization of neuro-rights at the national level.

The UNESCO Recommendation on the Ethics of Neurotechnology (November 2025) is considered as the first global framework document in this field. Special attention is paid to the dilemma: do neurotechnologies require the creation of fundamentally new human rights or is it enough to adapt existing ones (the right to privacy, freedom of thought, mental integrity). Five key neurogrowths are analyzed: cognitive freedom, mental integrity, mental privacy, psychological continuity, and equitable access to neurotechnology. Legal, regulatory, and ethical challenges to the implementation of neuro-rights at a universal level are identified.

Keywords: neuro-law, neurotechnology, bioethics, international medical law, human rights, neurodata, UNESCO, cognitive freedom, mental privacy, implementation.

References

1. Corvalán J.G. The Regulation of Neuro-Rights / European Review of Digital Administration & Law. — 2022. — Vol. 3, Iss. 2. — P. 149-162. — DOI: 10.53136/979125994752914.
2. ICO Tech Futures. Annex C: Legal, regulatory and historical context. — London: Information Commissioner's Office, February 2025.
3. Neurotechnology and freedom of thought: a key discussion at the SPIEF on new ethics of the future / Moscow Center for Innovative Technologies in Healthcare. — June 18, 2025.
4. McCay A., D’Aloia A., Rainey S., et al. Implementing Neurorights: Legal and Regulatory Considerations / Neuroethics. — 2025. — Vol. 18, Iss. 1. — DOI: 10.1007/s12152-024-09576-z.
5. Rigney E. Neurorights: Between Ethics and Law / Open Global Rights. — October 11, 2023.
6. UNESCO Adopts First Global Framework on Neurotechnology Ethics / Inside Privacy. — January 7, 2026.
7. Mylnikova I.S. Neuroethics of Memory: Between Healing and Manipulation / Ethical Thought. — 2026. — Vol. 25, No. 2. — Pp. 141-154. — DOI: 10.21146/2074-4870-2025-25-2-141-154.
8. Establishing Neuro Rights / GESDA Science Breakthrough Radar. — 15 January 2026.
9. Corvalan J.G. The regulation of neuro-rights. - Zaragoza: Universidad de Zaragoza, 2021. - DOI: 10.5281/zenodo.14615823.

Проблемы и ограничения определения вспомогательных средств в международном праве

Хинцагова Илона Таймуразовна
магистр, кафедра международного права, Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова,
ilonakhintsagova@gmail.com

В настоящей статье исследуется правовая природа, юридический статус и функциональное назначение вспомогательных средств в системе международного права. В фокусе внимания находится проблема квалификации данных средств, которые носят строго производный характер: они не создают новых правовых обязательств, однако выступают важнейшим механизмом выявления, толкования и систематизации действующей нормативной базы. Рассматривается эволюция подходов к данной правовой категории в отечественной доктрине, а также анализируется нормообразующее значение решений международных судебных органов (на примере Нюрнбергского и Токийского трибуналов). Особое внимание уделяется дискуссии в рамках Комиссии международного права ООН о неисчерпывающем характере статьи 38 Статута Международного Суда. Обосновывается необходимость строгого разграничения вспомогательных инструментов и самостоятельных источников обязательств, к числу которых относятся односторонние акты государств и обязательные резолюции международных организаций. На основе анализа прецедентной практики Международного Суда ООН (дела Kasikili/Sedudu Island и Avena) аргументируется недопустимость закрепления закрытого перечня вспомогательных средств. Доказывается правомерность обращения судов к нетрадиционным материалам – в частности, к специализированным словарям, которые де-факто способны выполнять функции квалифицированной доктрины. Делается вывод, что сохранение практической гибкости при выборе вспомогательных средств является необходимым условием для преодоления правовой неопределенности и эффективного функционирования международного правосудия.

Ключевые слова: международное право, источники международного права, вспомогательные средства, судебные решения, доктрина, толкование норм, Комиссия международного права ООН, Международный Суд ООН.

Вспомогательные средства, как бы они ни были важны, не могут заменить собой источники международного права. Они не участвуют в согласовании воль государств и не создают новых обязательств. Их применение возможно в рамках уже существующей нормативной базы. Вспомогательных средств в юридической практике выступают инструментами интерпретации и систематизации, способствуют развитию международного права, однако сохраняют производный характер по отношению к его источникам.

В отечественной традиции международного права, особенно в советский период, ведущей методологической установкой выступало понимание международного права как системы норм, возникающих в результате согласования воли государств и закрепляющихся через их практику и признание обязательности соответствующего поведения [6, с.88]. В рамках указанной установки первоочередное внимание уделялось механизмам образования норм, условиям их возникновения и факторам, обеспечивающим их устойчивость в международной нормативной системе. Это предопределяло то, что категория «вспомогательных средств» в ряде работ осмыслялась преимущественно через призму правотворчества, то есть как совокупность явлений, сопровождающих или облегчавших формирование и развитие норм, а не как инструмент их определения судом в ходе разрешения спора.

На указанном фоне «вспомогательные средства» нередко трактовались как факторы формирования международного обычая либо развития договорного регулирования, в том числе через интерпретацию договоров, кодификационную деятельность международных органов и доктринальную обработку материалов практики [2, с.90]. Так, при анализе обычая интерес правоведов закономерно концентрируется на реконструкции практики государств и выявлении признания ее в качестве правовой нормы, при этом судебные решения и доктрина рассматриваются как материалы, способные систематизировать практику, фиксировать формулы правовых положений и тем самым опосредованно влиять на становление обычной нормы. Аналогично, в договорной сфере доктрина и судебная практика могут рассматриваться как факторы, влияющие на толкование договоров и унификацию аргументации, что способно отражаться на последующем поведении государств и формировании договорной практики.

Судебные решения, прежде всего международных судов, а также труды квалифицированных специалистов по международному праву в ряде случаев могут рассматриваться как вспомогательные средства международного права. Они не формируют нормы самостоятельно, но выполняют функцию их выявления и уточнения. Их значение особенно возрастает при возникновении разногласий между государствами относительно содержания или применения конкретной нормы. В первую очередь это относится к решениям международных судов, которые при соответствии общепризнанным правовым представлениям могут играть существенную роль в процессе интерпретации и практического применения международно-правовых предписаний [3, с.275].

Термин «судебные решения» как источник международного права может охватывать прежде всего акты международных судебных органов. Речь идет, в частности, о международных военных трибуналах, учрежденных союзными державами после окончания Второй мировой войны. Эти трибуналы рассматривали дела руководителей нацистской Германии и милитаристской Японии в Нюрнберге и Токио. Приговоры и решения указанных органов международного правосудия носили наднациональный характер. В них была дана правовая оценка агрессии как тягчайшего преступления против мира. Суд также квалифицировал военные преступления и преступления против

человечности и назначил наказание лицам, признанным виновными. Юридическое значение этих актов выходит за пределы конкретных процессов. Как сами решения, так и уставы и регламенты трибуналов сформировали нормы международного уголовного права. Сформулированные в них положения закрепили принципы ответственности за агрессию и иные тяжкие международные преступления. Таким образом, практика этих трибуналов стала положительным международно-правовым прецедентом. Закрепленные ими правила могут применяться и в дальнейшем к лицам, совершающим акты агрессии или иные преступления аналогичного характера [3, с.277]. Более того, дискуссионным представляется следующее. Принято считать в научном сообществе, что статья 38 Статута предлагает неисчерпывающий перечень вспомогательных средств для определения правовых норм.

Так, например, в докладе Специального докладчика Комиссии международного права ООН (далее – КМП) приводит конкретные примеры возможных дополнительных средств, обсуждаемых в международно-правовой доктрине и практике:

1. Односторонние акты (или декларации) государств – Специальный докладчик указывает, что односторонние акты государств, включая заявления государственных должностных лиц, которые могут привести к возникновению юридических обязательств, являются одним из двух наиболее распространенных примеров, обычно встречающихся в литературе при обсуждении возможных дополнительных вспомогательных средств [1, с. 137]. При этом подчеркивается, что в теоретическом плане такие акты могут рассматриваться двояко: либо как основной источник обязательств для государств, либо как вспомогательное средство для определения норм права. Однако далее в докладе делается более определенный вывод: поскольку Международный Суд в делах «О ядерных испытаниях» подтвердил, что заявления, сделанные в форме односторонних актов и касающиеся правовых или фактических ситуаций, могут повлечь за собой возникновение юридических обязательств, а руководящие принципы Комиссии относительно односторонних заявлений государств также исходят из того, что публичные заявления, выражающие волю взять на себя обязательства, способны порождать юридические обязательства, такие акты не следует считать вспомогательными средствами. По мнению Специального докладчика, они скорее не имеют естественного места в пункте 1 статьи 38 Статута и потому не должны квалифицироваться как вспомогательные средства в собственном смысле этого положения.

2. Заявления государственных должностных лиц – Специальный докладчик прямо указывает, что среди двух наиболее распространенных примеров, обычно встречающихся в литературе при обсуждении возможных дополнительных вспомогательных средств, называются «односторонние акты государств, включая заявления государственных должностных лиц, которые могут привести к возникновению юридических обязательств» [1, с. 137]. Далее поясняет докладчик, что публичные заявления, отражающие волю взять на себя обязательства, могут иметь следствием возникновение юридических обязательств. Именно поэтому Специальный докладчик приходит к предварительному выводу, что такие заявления не следует считать вспомогательными средствами: поскольку при соблюдении определенных условий они сами являются юридически обязательными, более правдоподобно рассматривать их не как вспомогательные средства, а как возможные источники юридических обязательств, которые не имеют естественного места в пункте 1 статьи 38 Статута.

3. Резолюции и решения международных организаций – Специальный докладчик отмечает, международными что положения организациями или резолюций, принимаемых межправительственными конференциями, могут быть как обязательными, так и необязательными. Если такие резолюции обладают обязательной силой, они являются источниками юридических обязательств для соответствующих государств. В качестве примера приводятся некоторые резолюции Совета Безопасности ООН, обязательность которых вытекает из главы VII и статей 24 и 25 Устава ООН [7]. В то же время подчеркивается, что существуют и необязательные резолюции.

4. Соглашения между государствами и международными предприятиями, религиозное право, справедливость и мягкое право – в докладе Специального докладчика соглашения между государствами и международными предприятиями упоминаются как один из возможных вариантов дополнительных вспомогательных средств для определения норм международного права, однако их анализ носит лишь постановочный (вопрос только ставится и обозначается, но не разбирается подробно), а не развернутый характер. Впервые они названы в общей части доклада, посвященной возможной сфере охвата темы, где Специальный докладчик указывает, что помимо наиболее часто упоминаемых односторонних актов государств и резолюций международных организаций можно было бы также рассмотреть вопрос о существовании дополнительных вспомогательных средств, «таких как справедливость, религиозное право или соглашения между государствами и международными предприятиями» [1, с.20-21].

Однако вес от «других» вспомогательных средств зависит от нескольких факторов, включая тщательность и объективность. Например, результаты работы КМП занимают особое место в научном сообществе. Наличие экспертных знаний у лиц, участвующих в составлении текста, также повышает его значимость. Уровень согласия или поддержки внутри органа, принявшего документ, и восприятие этого документа государствами также напрямую влияют на его значимость. Все эти факторы в равной степени применимы как к средствам, прямо упомянутым в статье 38 (1) (d), так и к иным вспомогательным средствам [1, с.142].

В международном праве вопрос о вспомогательных средствах для определения правовых норм неизбежно оказывается в центре более широкой дискуссии о соотношении формальной определенности и практической гибкости. С одной стороны, представляется оправданным не очерчивать такие средства слишком жестко. Международно-правовая система по самой своей природе децентрализована, в ней отсутствует единый законодатель, а многие нормы формируются постепенно, через согласование воль государств, практику, opinio juris, судебное толкование и доктринальное осмысление. Именно поэтому судья нередко сталкивается с ситуацией, когда договорная норма сформулирована абстрактно, обычная норма не имеет текстового закрепления, а применимое правило требует уточнения через контекст, цели, последующую практику или даже через внешние по отношению к традиционному перечню источников инструменты. Безусловно если закрепить закрытый список допустимых вспомогательных средств, это может привести к излишнему формализму, который будет препятствовать установлению действительного содержания нормы. Гибкость здесь выступает не как недостаток, а как необходимое условие для здорового функционирования суда.

Однако, с другой стороны, полностью отказаться от очерчивания круга таких средств невозможно. Причина заключается не только в требованиях правовой определенности, предсказуемости судебного решения, но и в самой практике международных судов и трибуналов, которая демонстрирует, что при отсутствии легальной дефиниции или ясного нормативного предписания суды систематически прибегают к самым различным материалам для подтверждения содержания нормы.

Хотя международное право ассоциируется со строгим набором конвенций, обычаев и общих принципов права, однако на практике международные суды регулярно сталкиваются с разного рода проблемами. Суд зачастую руководствуется правилами толкования договоров, вытекающими из Венской конвенции о праве международных договоров 1969 года, и требованием устанавливать обычное значение терминов в их контексте и в свете объекта и цели договора. Судьи часто обращаются к нестандартным источникам, которые формально не относятся к

классическим источникам международного права, но фактически помогают установить содержание применимой нормы или значение спорного понятия.

Показательной в этом отношении является практика Международного Суда ООН, в частности, дело об острове Касикили/Седуду. Спор касался принадлежности небольшого (около 3,5–5 кв. км) необитаемого острова в реке Чобе, который Намибия называла Касикили, а Ботсвана – Седуду. Остров ежегодно затапливался в сезон дождей и использовался местным племенем басубия в сельскохозяйственных целях. Стороны обратились в Международный Суд попросив определить границу вокруг острова и его правовой статус, опираясь на англо-германский договор 1890 года, который устанавливал границу между сферами влияния двух империй по главному руслу реки Чобе. Договор 1890 года не определял понятие основной канал (main channel). Суду потребовалось установить технический гидрологический критерий, чтобы определить, какой из двух рукавов реки Чобе является основным, для этого он обвалился к французскому словарю поверхностной гидрологии с эквивалентами на английском, испанском, немецком языках» [5, с.23].

Также показательным представляется и дело Avena and Other Mexican Nationals. Спор касался нарушения США статьи 36 Венской конвенции о консульских сношениях в отношении 54 мексиканских граждан, приговоренных к смертной казни. США не информировали их без задержки о праве связаться с консульством и не уведомили само консульство Мексики. Мексика утверждала, что это лишило ее возможности своевременно оказать своим гражданам консульскую помощь и юридическую защиту. Центральным вопросом стало определение того, что означает фраза «without delay» (без задержки) и какие правовые последствия влечет ее нарушение. Так суду пришлось обратиться к словарям, чтобы установить значение этого термина в разных языковых версиях Конвенции» [4, с.40].

Отсюда возникает вопрос: можно ли рассматривать словарь как разновидность доктрины наиболее квалифицированных специалистов, если суд использует его для установления значения термина? Ведь в деле Kasikili/Sedudu Island Международный Суд обратился к специализированным гидрологическим словарям, чтобы определить понятие «основной канал», не имевшее легальной дефиниции. Если суд признает авторитетность такого источника и полагается на него как на вспомогательное средство, то словарь фактически выполняет ту же функцию, что и доктрина.

Литература

1. Джалло Ч.Ч. Первый доклад по теме «Вспомогательные средства для определения норм международного права» // Комиссия международного права ООН. Семьдесят четвертая сессия. № A/CN.4/760. 13 февраля 2023. С. 145.

2. Лукашук И.И. Источники международного права // Киевский орден Ленина Государственный университет им. Т.Г. Шевченко. Киев. 1996. С. 142.

3. Минасян Н.М. Источники современного международного права. Том I // Министерство высшего и среднего специального образования РСФСР. Ростовский государственный университет. Диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук. г. Ростов-на-Дону. 1961. С. 644.

4. МС ООН. Дело Авены и других мексиканских граждан (Мексика против Соединенных Штатов Америки) // Решение от 31 марта 2004 года. Сборник решений. С. 40.

5. МС ООН. Дело об острове Касикили/Седуду (Никарагуа против Соединенных Штатов Америки) // Решение от 13 декабря 1999 года. Сборник решений. С. 23.

6. Тункин Г.И. Теория международного права // Под общей ред. проф. Л.Н. Шестакова // М.: ИКД «Зерцало М». 2016. С. 416.

7. Устав Организации Объединенных Наций от 26 июня 1945 г // United Nations.

Problems and Limitations of the Determination of Subsidiary Means in International Law

Khintsagova I.T.

Lomonosov Moscow State University

This article examines the legal nature, status, and functional purpose of subsidiary means within the system of international law. The focus is on the legal qualification of these means, which are strictly derivative in nature: they do not create new legal obligations, but rather serve as a crucial mechanism for the determination, interpretation, and systematization of the existing normative framework. The paper explores the evolution of approaches to this legal category in domestic doctrine and analyzes the norm-creating significance of international judicial decisions (using the Nuremberg and Tokyo tribunals as case studies). Special attention is devoted to the discourse within the UN International Law Commission regarding the non-exhaustive nature of Article 38 of the Statute of the International Court of Justice (ICJ). The study substantiates the necessity of strictly distinguishing subsidiary instruments from independent sources of legal obligations, such as unilateral acts of States and binding resolutions of international organizations. Based on an analysis of the ICJ's case law (specifically, the Kasikili/Sedudu Island and Avena cases), the paper argues against the establishment of an exhaustive list of subsidiary means. It validates the legitimacy of courts resorting to non-traditional materials—namely, specialized dictionaries, which can de facto fulfill the functions of the teachings of the most highly qualified publicists. Ultimately, the article concludes that preserving practical flexibility in the selection of subsidiary means is a prerequisite for overcoming legal uncertainty and ensuring the effective administration of international justice.

Keywords: international law, sources of international law, subsidiary means, judicial decisions, legal doctrine, interpretation of norms, UN International Law Commission, International Court of Justice.

References

1. Jalloh C. C. First report on subsidiary means for the determination of rules of international law // International Law Commission. Seventy-fourth session. UN Doc. A/CN.4/760. 13 February 2023. P. 145.

2. Lukashuk I.I. Sources of International Law // T.G. Shevchenko Kyiv State University of the Order of Lenin. Kyiv. 1996. P. 142.

3. Minasyan N.M. Sources of Contemporary International Law. Vol. I // Ministry of Higher and Secondary Specialized Education of the RSFSR. Rostov State University. Dissertation for the Degree of Doctor of Juridical Sciences. Rostov-on-Don. 1961. P. 644.

4. ICJ. Avena and Other Mexican Nationals (Mexico v. United States of America) // Judgment of 31 March 2004. Reports of Judgments.

5. ICJ. Kasikili/Sedudu Island (Nicaragua v. United States of America) // Judgment of 13 December 1999. Reports of Judgments.

6. Tunkin G.I. Theory of International Law // Edited by Prof. L.N. Shestakov // Moscow: ICD "Zertsalo M". 2016. P. 416.

7. Charter of the United Nations of 26 June 1945 // United Nations.

Организованная экономическая преступность в России

Зацепин Михаил Николаевич
доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации, член Российской криминологической ассоциации, Аналитик управления научных исследований и международного сотрудничества, УрГЮУ, mnz-1958@mail.ru,

Зацепин Александр Михайлович
доктор юридических наук, доцент, член Российской криминологической ассоциации, Директор Крымского юридического института (филиала) Университет прокуратуры Российской Федерации, профессор кафедры уголовного права и оперативно-розыскной деятельности, Крымский филиал Краснодарский университет МВД России, tp0507@ya.ru

В первую очередь деятельность организованных преступных группировок опасна для самого государства России. Если перспектива прихода организованного криминалитета во власть в государстве станет действительностью, наибольшую долю российского бюджета необходимо будет направить на борьбу с организованным криминалитетом. Если эта проблема будет оставаться в том виде, который существует сейчас, коррумпированные чиновники и организованные преступники будут присваивать и без того ограниченные ресурсы через их хищения и тому подобное.
Ключевые слова: преступность, властные структуры, криминализация общества.

Проблема, связанная с проникновением преступных группировок во властные структуры государства – это проблема стабильности. Преступное использование государственных структур в интересах персонального обогащения и усиления власти определенных лиц в политическом измерении ведет к разочарованию населения в прочности власти и ее возможностях преодоления дальнейшей криминализации общества. Разочарование в структурах, обязанностью которых является надзор за благосостоянием народа, ведет к социальному взрыву. К такой ситуации Россия приближается сегодня, мафия уже стала влиятельной политической силой в России.[7]

Таким образом, имеется социальное напряжение, которое способствует формированию такой ментальности. Когда часть российского населения вспоминает о прошлом с ошибочной приверженностью времен советского периода. Несмотря на грубость и «авторитаризм», много российских пенсионеров вспоминают чего бы они не делали, если бы исходили из фактов о том, что в былые времена люди, по крайней мере, имели работу, а на столе была еда. Сегодняшняя криминальная ситуация уже в определенной степени дестабилизировала Российское государство. Это уменьшило поступления западных и не только инвестиций в Россию и привело к тому, что отдельные группы «новых русских» чрезвычайно обогатились, в то время как большая часть населения страдает от проблем, связанных с реформированием государства и не только финансовых. Именно из-за отсутствия существенных результатов противодействия организованной преступности и коррупции люди начинают отождествлять «демократию» с «преступностью». Это недоразумение может привести к ситуации, когда к власти придет авторитарный режим, люди не помнят очередей и пустых полок в магазинах, однако они помнят, что колбаса была по 2 руб. 20 копеек. Аналогичные ощущения испытывает человек, который провел отпуск на природе в палатке. Он забывает о муравьях, которые ползали по ней и кусали, когда было холодно спать на земле, но помнит каждую рыбку, которую он поймал, так забываются неудобства и недовольства.

В контексте криминального государства вполне возможно, что российские избиратели могут избрать президентом авторитарного лидера, который попытался бы снова сплотить страну как против, внутренних и внешних врагов, как это бывало авторитарные лидеры в прошлом. Такая попытка может проявиться в нанесении реального сокрушительного удара по организованным преступным формированиям и коррумпированной мафии и более агрессивном отстаивании национальных интересов в «ближайшем зарубежье» и во всем мире – цветные революции и майданы. Если в России появится авторитарное антизападное правительство, тогда международное сообщество потеряет Россию как активного партнера в решении мировых проблем. Чрезвычайно важно, чтобы ситуация не ухудшалась до такого уровня, когда западные страны поймут, что они не могут эффективно сотрудничать с Россией. Возвращение к власти авторитарного правительства – это не единственно возможный сценарий развития событий, в результате дестабилизации России со стороны мафиозно-коррумпированного криминалитета. Не меньшую угрозу можно и от самих себя внести, охваченной внутренним конфликтом и коррупцией институтов. Коррупция в России – это угроза для не только демократии и рыночной экономики стран Восточной Европы, но и всему миру.[6]

Дестабилизация в России ослабляет «легитимную» экономику страны и безусловно усиливая ее криминальные элементы. При слабом противодействии организованным преступным группировкам в самой России они смогут значительно расширить свои операции и за рубежом. Дестабилизация экономики укрепляет позиции криминальных организаций в России. Не имея доверия к российской финансовой системе, субъекты хозяйственного управления и люди обращаются к черному

рынку, чтобы получить интересующие их источники обогащения и увеличения капитала. Организованные преступные группировки получают выгоду от дестабилизации еще и потому, что в условиях их существования в будущем они будут легче преодолевать международные усилия по обузданию их деятельности. Правоохранительные структуры Запада связывают деятельность российской организованной преступности со слабым контролем со стороны российского правительства. Такая ситуация, как нетрудно предположить, может привести к конфликтам во внешнеэкономической и иммиграционной политике, дать толчок проведению жесткой региональной и международной политики. Слабость государства с экономической и правовой, правоприменительной точки зрения приводит и к осложнению криминальной ситуации, более того способствует росту потенциала организованного криминалитета. С другой стороны, высокий уровень преступности обуславливает истощение бюджета. Поскольку борьба с ней требует значительных ресурсов, вредит финансированию других социальных расходов, так и государству доходной части бюджета, неэффективному расходованию бюджетных средств. Совершение преступлений и особенно многочисленных преступлений обычно вовлекает человека в так называемый преступный мир. Этот вывод совпадает с так называемой теорией дифференциальных ассоциаций и социального обучения и результатами ряда эмпирических исследований.[1;3]

Наибольшую опасность для общества стали составлять организованные преступные синдикаты. Они составляют разветвленную систему легальных, полулегальных и нелегальных бизнес-структур, действующих в различных сферах экономики, имеют соответствующие информационно-разведывательные и силовые структуры (боевиков), систему прикрытия в органах власти и средствах массовой информации, социальную базу.

Мировой кризис и, в частности, России, сопровождается ростом преступности, более всего тяжких, возрастает формат деятельности организованных преступных групп, возникают новые виды особо опасных посягательств на охраняемые общественные отношения. Общеизвестно дестабилизирующее воздействие преступности на экономику и социальную жизнь. Прогноз дальнейшей криминализации экономики, власти, общества, рост количества опасных видов и факторов преступности и способов ее сокращения в мире до настоящего времени не нашла своего решения. Бездоказательное представление о том, что решение экономических проблем решит проблемы преступности, не подтверждается. Найти ответ каковы причины интенсивного роста преступности непросто. Раньше принято было считать, что повышение жизненного уровня приведет к снижению преступности, но мировой опыт свидетельствует об обратном. Мысль о том, что преступность увеличивается во время различных общественных катаклизмов, вряд ли с этим возможно спорить, действительно, уровень преступности повышается в такие периоды. Но, поскольку преступность имеет более глубокие причины, кризисные явления, конечно, интенсифицируют ее, однако не оказывают все-таки решающего влияния на ее уровень и характер. Причины преступности связаны с теми противоречиями, которые существуют в любом обществе между ним и человеком, в контексте мировых тенденций преступности. Более подробно остановимся на проблеме политизации преступности в любом обществе и на том, как отражается на контроле это за преступностью в борьбе с ней, юридическом усовершенствовании и изменении законодательства. Значительно усилятся процессы отмывания денег, полученных преступным путем, с целью их вложения в легальную экономику, а также контроль со стороны криминальных структур над приватизированными предприятиями.[5]

Продолжатся взаимосвязанные процессы распределения территорий между организованными преступными формированиями, их специализации на определенных видах преступной деятельности. Укрупнение существующих преступных группировок и создание своеобразных криминальных объединений. Экономическая преступность в России все больше приобретает признаки организованный и международный характер распространяет свое влияние на финансово-кредитную и банковскую системы, сферу внешнеэкономической деятельности – вывоз стратегического и других видов сырья, продукции химической промышленности, металлов, отмывания денег и вложения их в недвижимость, ценные бумаги, валюту, драгоценности, финансирование коммерческой деятельности.

В социально-политической сфере организованная преступность действует на следующих направлениях - установление коррумпированных связей на всех уровнях государственной власти и управления, в правоохранительных, таможенных и налоговых органах с целью получения необходимой информации, прикрытия преступной деятельности, обеспечения консультативной помощи специалистам в области экономики, права. Проведение своих кандидатов в депутаты всех уровней, а также органы исполнительной и муниципальной власти, установление прямых или косвенных контактов с политическими партиями, формирование политических партий, которые будут находиться под тайным для общественности контролем организованной преступности, для защиты их экономических интересов на всех уровнях власти. Террор, угрозы, дискредитация политиков, которые занимают жесткую позицию в отношении экономических интересов организованной преступности или выступают за активную борьбу с ней. Финансирование СМИ, осознанное формирование общественного мнения о бессилии борьбы с преступностью органов правоохраны и позитивное освещение в отношении подконтрольных им предприятий. Маргинальный метод - дестабилизация социально-политической ситуации в определенных регионах, где может состоять угрожающая интересам организованной преступности ситуация. Организованные преступные объединения, где сознательно, а где и бессознательно, пытаются втянуть в орбиту своего влияния молодежь, особенно ту ее часть, которая испытывает трудности в обучении или трудоустройстве, и тех, кто стремится быстрого и незаконного обогащения. Организационно это влияние может осуществляться через создание многочисленных спортивных клубов (прежде тренажерных залов, боксерских и т.п.), дискотек, баров, охранных служб и др. На этой основе возможно привлечение боевиков, торговцев наркотиками и лиц для занятия проституцией. Таким образом, может создаваться благоприятная среда для распространения не только наркотиков, но и многих противоправных деяний. Отход преступника от общепринятых норм поведения и совершение преступления часто заставляет его совершить новые преступления и таким образом все больше нарушать общепринятые нормы поведения.

Представители теневой экономики стремятся сохранить свой потенциал и сферы влияния, которые позволяют им получать сверхприбыли. Они поддерживают на выборах «своих» политических кандидатов, в идеологической сфере влияющих на безопасность организованной преступности в основном косвенным и основополагающим действием, прямым влиянием на общество. Об этом свидетельствует тематика литературы, кино и видеопродукции, поступающей на российский рынок, видеопрограммы. Самое время прогнозировать, что организованная преступность в ближайшие годы продолжит осуществлять существенное влияние на экономическое, социально-политическое и идеологическое развитие, создавая имидж благополучия, недоступного законопослушным гражданам. Слабость исполнительной власти, отсутствие политического взаимодействия между исполнительной и законодательной ветвями власти, изолированность государственных и антикорумпированных сил общества приводят к тому, что громкие результаты борьбы с организованной преступностью и коррупцией, к сожалению, не доходят до судебных «помещений». Эффективность выполнения всех программ борьбы с организованной преступностью не может быть высокой, поскольку Правительство не имеет ни финансовых, ни материальных ресурсов изменить условия этой борьбы, в условиях кризиса. В то же время сегодняшние пре-

ступные «авторитеты» должны осознать, что стабильная процветающая Россия, которая свободна от господства криминалитета – также в их интересах.

Законодательные и другие нормативно-правовые акты, направленные на борьбу с организованной преступностью и коррупцией обязательный компонент проводимой уголовно-правовой реформы. Чем совершеннее закон с точки зрения юридической техники, тем меньше ошибок в его применении, тем выше его профилактическая и воспитательная роль. Со времени провозглашения независимости России, основываясь на Декларации о государственном суверенитете России от 12.06.1990 г. постоянно уделяется внимание противодействию преступности и коррупции в государстве. За это время создана соответствующая правовая база, подписано и ратифицировано ряд международных конвенций о межгосударственном сотрудничестве, созданы специальные структуры для борьбы с организованной преступностью и коррупцией. В России правовая реформа в условиях перехода общества к плюралистической экономики и политики поставила перед органами государственной власти чрезвычайно важный вопрос об «обеспечении и балансе» полномочий правоохранительных органов и предпринимательской деятельности. Формирование реальных условий и кодификация норм которые основаны на конституционных принципах юридические нормы практически всех трех ветвей государственной власти (законодательной, исполнительной и судебной): Законы и Постановления Государственной Думы; Указы и Распоряжения Президента России; Постановления и Распоряжения кабинета Министров России; ведомств и их территориальных структур. Система нормативных актов России относительно указанной проблематики концептуально делится на две подсистемы: подсистему норм прямого регулирования и подсистему норм косвенного регулирования. В подсистему норм прямого регулирования относятся нормы, в которых категории «организованная преступность» и «коррупция» употребляется непосредственно. В подсистему норм косвенного регулирования относятся нормы, в которых содержание указанных категорий рассматривается в контексте категорий «преступность», а также вытекающие из содержания норм, применение которых в аспектах проблематики имеет профилактический, предохранительный, предупредительный, охранный, коммуникативный (информационный) характер.

В современном законодательстве России «системаобразующими» нормативными актами воздерживаясь от нравственных или политических оценок, следует признать, что деньги, заработки возводятся в культ. Воплощается в жизнь лозунг Н.И. Бухарина «Обогащайтесь!». Противоречие между правовыми нормами и реальными установками населения – вопиющее и следует рассматривать как источник роста преступности. Отсюда и активация организованной преступности. Происходит процесс ее саморазвития – организация преступных групп, коррупция, стремление к политической власти. Положения этих «системаобразующих» институтов (ее двух взаимосвязанных составляющих: организованная преступность и коррупция) публичного права базируется на принятых Государственной Думой законодательных актах, нормы которых рассматриваются в контексте правоотношений организованной преступности и коррупцией, а также на нормах законодательных актов, которые уже приняты позже: «О полиции»; «О службе безопасности»; «О государственной налоговой службе» и др. В связи с социальными (преимущественно экономическими и политическими) изменениями в обществе возникла необходимость формирования в составе комплексных мер и правовой регламентации борьбы с коррупцией. Общество еще не свободно от того, что несет с собой предшествующий социальный опыт человека. Закрывать глаза на существование противоречий в обществе, объективных причин правонарушений (преступлений) – своеобразная попытка уйти от необходимости анализа этих противоречий, от вскрытия и преодоления недостатков и трудностей общественной жизни.

Отдельные положения и характерные особенности экономической преступности в настоящее время связаны с противоречиями нынешнего этапа перехода от плановой экономики, к экономике рынка, когда прежняя, бюрократическая система контроля развалилась, а экономическая пока не работает. За вспышкой насилия и посягательств на собственность проглядели тенденцию роста теневой экономики и организованной преступности. Произошли качественные изменения, сдвиг в психологии возникла устойчивая ориентация на материальное благополучие. В условиях, когда материальный успех становится распространенной целью, но государство не обеспечивает легальных способов ее достижения, возникает стремление к наживе любыми средствами, в том числе преступными. В задачи Уголовного кодекса России (УК) входит: необходимость повышения качества уголовного законодательства, и прежде всего законодательства, касающегося формулирования экономических преступлений. Для осуществления этой задачи Уголовный кодекс определяет, какие общественно-опасные коррупционные, нашли отражение в нормах кодифицированного законодательства. В качество уголовного законодательство как позитивную теоретическую категорию необходим достаточный уровень законодательной техники, согласование отдельных частей закона, согласованность уголовного закона с законодательными актами других отраслей права, полноту и обоснованность криминализации, своевременность и безошибочность декриминализации. В Особенной части УК определены нормы конкретных составов преступлений, которые могут применяться при квалификации деяний, совершенных преступными группировками, а также отражающие характер коррупции. Назначением Уголовно-процессуального кодекса России является определение порядка производства по уголовным делам. Кодекс России об административных правонарушениях устанавливает ответственность юридических и физических лиц за совершение административных правонарушений, в частности, за совершение коррупционных деяний и других правонарушений, связанных с коррупцией. Соответствующими статьями кодекса регламентируются правила составления протокола об административном правонарушении и определен круг лиц, имеющих право составлять эти протоколы. Искать причины преступлений, в совокупности тех условий жизни, воспитания, взаимодействия с другими людьми, особенностей его личности, которая в конечном счете определяют его поведение. Устранение причин преступности, воспитание и совершенствование человека – задача нашего общества.

Среди законов России, регулирующих опосредованно вопросы борьбы с организованной преступностью и коррупцией, в контексте общих мер борьбы с правонарушениями необходимо отметить следующие: «О внешнеэкономической деятельности»; «О таможенном России»; «О статусе народного депутата»; «О статусе судей»; «Об адвокатуре»; «О государственной контрольно-ревизионной службе России»; «Об антимонопольном комитете»; «О государственной службе» и др. С целью предотвращения коррупции среди государственных служащих статьей Закона определены ограничения, вязанные с прохождением государственной службы. Система законодательства по регулированию борьбы с преступностью, в том числе с ее организованными формами, наряду с указанными Законами включает также акты нормативного содержания – Постановления Государственной Думы России. Практика регулирования ими общественных отношений широко применялась до принятия Конституции России. В частности, среди мероприятий определены и такие, которые касаются ликвидации возможностей для коррупции и неконтролируемой приватизации, коррупции, теневой экономики, определенной чистки аппарата, ориентируясь на современные требования к нему, специфику ситуации в экономике и управлении ею.

В связи с различными суждениями о переходе к «рынку», разгорелись дискуссии не только о едином экономическом пространстве и характере отношений между суверенными государ-

ствами, идеи договора об экономическом и политическом сотрудничестве, но и о судьбе различных министерств и ведомств. Одним из наиболее острых в этом плане вопрос о том, как будет действовать правоохранительная система в условиях экономического, политического и социального положения страны, межнациональных конфликтов, полного пренебрежения правом и законом сверху донизу и наоборот.

Отмечено, что теневая экономика является экономической базой для антигосударственных, антиконституционных действий, коррупции. Теневая экономика получила такое распространение, что начала многочисленные детонирующие факторы роста преступности в России. Ее отрицательными последствиями стал значительный рост теневого капитала, вывоз его в другие государства, нарушение денежного обращения, сокращение налоговых поступлений, невозможность обеспечить сбалансированность государственного бюджета, развитие инфляционных процессов, расслоение населения по уровню доходов. Накопление значительных капиталов в теневой экономике дало возможность определенным группам людей монополизировать отдельные виды деятельности в сфере предпринимательства, влиять на государственные, региональные властные структуры, депутатов, политические партии, средства массовой информации. Привело к существенной криминализации общества, борьбу за перераспределение собственности, установления контроля «за каналами» незаконного обогащения, расширения сфер влияния идущих и сегодня. Среди возможных угроз национальной безопасности России в наиболее важных сферах жизнедеятельности определено отсутствие эффективных механизмов обеспечения законности, правопорядка, борьбы с преступностью, особенно ее организованными формами, и терроризмом. Среди основных задач является обобщение государственных нужд в научном обеспечении борьбы с организованной преступностью и коррупцией, проведения научных исследований, определения их практической направленности. Организация изучения внешнего опыта по этим вопросам; разработка аналитических документов, прогнозов, проектов нормативных актов, предложений и практических рекомендаций по стратегии и тактики деятельности государственных и негосударственных органов в этом направлении.[8]

Организационное обеспечение выполнения этих задач возложено на кабинет Министров России, принимаемые решения о привидении национального законодательства и ведомственной нормативно-правовой базы в соответствие с Конституцией России, учитывая при этом европейские стандарты и зарубежный опыт укрепления законности и правопорядка. Основная задача скорректировать совместные действия правоохранительных, финансовых и контролирующих органов для выявления и перекрытия каналов возможного поступления из-за границы финансовой поддержки преступной группировкой, незаконным вооруженным формированием и другим силам или отдельным лицам, со стороны которых вероятна угроза антигосударственной деятельности. Учитывая непростую криминогенную ситуацию, связанной и с нелегальной миграцией, предусмотреть и провести дополнительные скоординированные меры по предотвращению нелегальной миграции и преступным проявлениям со стороны иностранцев. В частности, созданию ими преступных этических группировок, совершению контрабанды и других опасных преступлений. Поставленная задача изучить состояние и региональную распространенность детской безнадзорности и беспризорности, криминогенное влияние преступного элемента подростков, способы вовлечения несовершеннолетних в преступные группы. Меры, направленные на осуществление скоординированных оперативно-розыскных мероприятий по раскрытию и ликвидации бандитских, мафиозно-рэкетирских группировок; проведение с соответствующими службами определенных государств (в первую очередь СНГ) специальных скоординированных оперативно-розыскных мероприятий по предотвращению, созданию и обезвреживанию транснациональных криминальных группировок. В ряде регионов России по конкретным фактам совершения преступлений в составе организованных групп необходимо поставить задачи выяснить обстоятельства, препятствующие расследованию, установлению, розыску и задержанию подозреваемых, изъятию вещественных доказательств, возмещению убытков. По разоблачению коррумпированных связей, или которые не обеспечивают надежной защиты участников уголовного процесса, в частности, потерпевших от преступлений и свидетелей, оказать необходимую помощь в налаживании этой работы. Изучить роль преступных «авторитетов» и «воров в законе», организаторов преступных групп, в том числе на почве этнических и семейных связей, в распределении сфер влияния на регионы, а также направления преступной деятельности и вовлечение в нее молодежи.[4]

В сфере борьбы с коррупцией осуществить меры по полному исключению проникновения коррупции, организованной преступности в правоохранительные и другие властные структуры, недопущение использования государственными служащими, сотрудниками правоохранительных органов и судов своих полномочий в корыстных целях, решительного разоблачения и прекращения таких проявлений со стороны должностных лиц. Для обеспечения укрепления правопорядка, повышения эффективности борьбы с коррупцией и организованной преступностью, обеспечение в соответствии с требованиями Конституции России. Несмотря на принятые в последние годы меры по преодолению экономической преступности, коррупции, достичь заметных сдвигов в этом деле не удалось. Проявления этого явления негативно сказываются на обеспечении национальной безопасности государства, вызывают напряжение в обществе, не устранены причины и условия, способствующие коррупционным проявлениям. С целью преодоления коррупции как общественного зла предусматривается осуществление ряда мероприятий: профилактических, организационно-правовых, другого информационно-аналитического обеспечения борьбы с коррупцией и связанной с ней преступностью. В соответствии с законодательством нашей страны значительная роль в реализации стратегических положений государственной политики борьбы с организованной преступностью и коррупцией отводится правоохранительным органам, организационно-правовая деятельность, которая находит отражение в соответствующих нормативных актах, постановлениях кабинета Министров России. С целью согласования действий правоохранительных органов по координации программы борьбы с организованной преступностью и коррупцией их руководителями принят ряд межведомственных нормативных актов.[2]

Эффективность борьбы с организованной преступностью применительно к более близкому будущему, возможно говорить только о сокращении темпов роста преступности и ее возможной стабилизации. И здесь в ближайшее время рассчитывать приходится только на специальные меры социального предупреждения, разнопланово и комплексно осуществляя подход к этой проблеме. Было бы ошибкой сводить все только к уголовно-правовой деятельности. На борьбу с организованной преступностью не исключая, не подменяя, а дополняя уголовно-правовую деятельность, должны быть ориентированы и соответствующие нормы административного, гражданского, хозяйственного, трудового, уголовно-исполнительного законодательства. Среди условий, способствующих распространению организованной преступности и коррупции в России, определяются как существенные и которые вытекают из экономической ситуации (по результатам социологических исследований). Попытка людей (при массовой безработице и систематических задержках, невыплатах заработной платы), доведенных до отчаяния, заработать деньги любым способом, по принципу «деньги не пахнут». Социально-психологические конфликты между наемными работниками и руководителями, которые задерживают заработную плату: у работников возникает желание отомстить или «продаться». Возможны и другие обстоятельства, на которые указывают респонденты: 25% служащих организаций готовы продать тайны в любое время и кому угодно; 50% -

идут на это в зависимости от обстоятельств, в том числе половина – после шантажа в отношении них. Каждое дело люди делают хорошо, когда они видят в этом материальную выгоду и могут реализовать свои права, определенные в Конституции России (если при этом не нарушаются права и свободы других людей). В том числе право на свободное развитие своей личности, право на жизнь, право на уважение достоинства, права на свободу и особую неприкосновенность, право на своевременное получение вознаграждения за труд (защищаемой законом не всегда и недостаточно должным образом). Право на достаточный жизненный уровень для себя и своей семьи, включающий достаточное питание, одежду, жилье; другие права человека. Если в «капиталистических» странах это было нормой, обычной практикой, имеются данные что там, где эти принципы игнорируются, где забывают о социальном равенстве, закон соотношения интересов и потребностей, как правило, возникают преступные проявления вообще и их организованные формы, коррупция в частности.

Литература

1. Б.Я Петелин Организованная преступность несовершеннолетних // Социологические исследования № 9. 1990 г. С.92-98; С.А. Завражин Подростковая делинквентность: транскультурная перспектива // Социологические исследования № 2. 1995 г. С. 125 – 131.
2. М. Дерябина Реформа отношений собственности в России. // Политэконом № 3 1996 г. С. 41-50.
3. Н.В. Макшанцева Отклонения в поведении подростков // Социологические исследования № 8. 1991 г. С. 64 – 69.
4. О.В. Перепелкин Российский предприниматель: штрихи к социальному портрету. // Социологические исследования № 2 1995 г. С.35-40.
5. Оптимизация научного обеспечения и криминологической культуры борьбы с преступностью. М., 2011. 352 с.
6. Преступность и закон. Тезисы конференции. М., Криминологическая Ассоциация. Академия МВД России. 1996. 120 с.
7. Преступность и правовое регулирование борьбы с ней. Отв. редактор – доктор юридических наук, профессор Долгова А.И. М., Криминологическая Ассоциация. 1996. 400 с.
8. Преступность: стратегия борьбы. Под редакцией доктора юридических наук, профессора Долговой А.И. М., Криминологическая Ассоциация. 1997. 256 С.

Organized economic crime in Russia

Zatsepin M.N., Zatsepin A.M.

Russian Criminological Association, Ural State Law University, Crimean Law Institute (branch), University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Crimean branch of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

First of all, the activities of organized criminal groups are dangerous for the Russian state itself. If the prospect of organized crime coming to power in the state becomes reality, the largest share of the Russian budget will need to be directed to the fight against organized crime. If this problem remains as it is now, corrupt officials and organized criminals will appropriate already limited resources through embezzlement and the like.

Keywords: crime, power structures, criminalization of society.

References

1. B.Ya. Petelin Organized juvenile delinquency // Sociological research No. 9. 1990. pp.92-98; S.A. Zavrazhin Adolescent delinquency: a transcultural perspective // Sociological research No. 2. 1995. pp. 125-131.
2. M. Deryabina Property relations reform in Russia. // Politecom No. 3, 1996, pp. 41-50.
3. N.V. Makshantseva Deviations in adolescent behavior // Sociological Research No. 8. 1991, pp. 64-69.
4. O.V. Perepelkin, a Russian entrepreneur: touches to a social portrait. // Sociological research No. 2, 1995. pp.35-40.
5. Optimization of scientific support and criminological culture of crime control. Moscow, 2011. 352 p.
6. Crime and the law. Conference abstracts. Moscow, Criminological Association. Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 1996. 120 p.
7. Crime and legal regulation of combating it. Editor–in-chief - Doctor of Law, Professor A.I. Dolgova, Criminological Association. 1996. 400 p.
8. Crime: the strategy of struggle. Edited by Doctor of Law, Professor A.I. Dolgova, Criminological Association. 1997. 256 P.

Специфика транснациональной преступности в государствах приоритетного экономического сотрудничества

Атаманчук Вадим Валентинович
аспирант, кафедра уголовного права и криминологии, Дальневосточный федеральный университет, AtamanchukVV07@gmail.com

Статья посвящается проблематике борьбы с транснациональной преступностью. Транснациональная преступность, в силу своего характера, тесно взаимосвязана с глобальной экономикой. Современная геополитическая ситуация порождает новые риски, связанные с деятельностью организованной преступности.
Особого внимания заслуживает организованная преступность государств, обозначенных в качестве государств приоритетного экономического партнерства. В статье исследуется специфики организованной преступности в государствах, входящих в блок БРИКС: Федеративная Республика Бразилия, Республика Индия, Китайская Народная Республика, Южно-Африканская Республика, Объединенные Арабские Эмираты.
Анализу подвергнуты факторы, определяющие характер преступной деятельности транснационального характера – география активности, способы сокрытия преступлений, взаимосвязь с политическими структурами и правоохранительными органами, основные формы преступной деятельности. По мнению автора, эффективное взаимодействие в части борьбы с транснациональной преступностью должно строиться на основе установления тесных контактов между правоохранительными органами государств-членов блока БРИКС, а сама деятельность должна быть основана на региональной специфике организованной преступности.
Ключевые слова: транснациональная преступность, БРИКС, организованная преступность, международное сотрудничество, правоохранительная деятельность.

Введение

Актуальность исследования. В условиях существенного преображения географии экономического сотрудничества особую важность приобретают вызовы транснационального характера, с которыми сталкивается Российская Федерации. Одним из наиболее значимых вызовов представляется смещение направлений транснациональной преступности – преступной деятельности, направленной на получение сверхприбыли, затрагивающей территории нескольких государств.

Научная значимость исследования. В рамках исследования представлен комплексный анализ специфики явления транснациональной организованной преступности в государствах, входящих в блок БРИКС. Представленные материалы и сделанные выводы могут быть использованы как в практической деятельности, так и при дальнейшей научной разработке проблематики.

Методология исследования. Методологическая основа исследования представлена общенаучными методами (анализ, синтез, моделирование, сравнительный, логический), а также специальными методами – статистическим, сравнительно-правовым, логико-правовым.

Цель исследования. Комплексный анализ современного состояния и перспектив противодействия транснациональной преступности, выработка аргументированных предложений по повышению эффективности борьбы с транснациальной преступностью.

Литературный обзор

Явление транснациональной преступности неразрывно связывается с экономическими трендами – так, профессор И.М. Мацкевич отмечал, что одной из значимых характеристик деятельности итальянской мафии как частного случая организованной преступности является стремление к экспансии противоправной деятельности [8]. Преступная деятельность, зародившись как национальная организованная преступность, в процессе своего развития неизбежно приобретает транснациональный характер.

В условиях современных трендов – неизбежной глобализации, начатой еще с середины XX века, а также кризиса однополярной системы мира, получает новый вектор для развития и изучаемое явление – открываются новые маршруты для финансовых и ресурсных потоков, новые рынки сбыта. Отвечая требованием социального заказа (по меткому замечанию Р.Кларка [5]), транснациональная преступность адаптируется к современным условиям, и требует соразмерных форм противодействия.

Вместе с тем, в настоящее время отмечается недостаточная эффективность правоохранительных органов, и, в частности, таможенной службы, по противодействую транснациональной преступности. Так, в 2021 году доля наркотических средств, изъятых ФТС России в рамках международного взаимодействия, составила только 10% от общего объема изъятых наркотических средств [10].

Материалы и методы

Первым шагом для повышения эффективности борьбы с угрозой транснациональной преступности должно стать комплексное изучение специфики организованной преступности регионов, с которыми Российская Федерация в приоритетном порядке взаимодействует в экономическом пространстве, а также изучение имеющихся форм международного сотрудничества в указанных регионах. Особый интерес в рамках данного направления представляют государства блока БРИКС – торгово-экономическое сотрудничество в рамках блока обуславливает актуальность проблемы, а наличие достаточной правовой

базы для взаимодействия обеспечивает необходимый правовой инструментарий [11] для реализации предложений.

Таким образом, целью настоящего исследования является комплексный анализ организованной преступности стран блока БРИКС в целях выявления характеризующих черт, а также выработка рекомендаций в части международного взаимодействия с правоохранительными органами стран БРИКС по вопросам противодействия транснациональной преступности.

В рамках настоящего исследования разрешаются следующие задачи:

1. Выявление характерных черт организованной преступности иностранных государств, входящих в блок БРИКС (Бразилия, Индия, Китай, государства Южной Африки), на основе имеющихся научных исследований.

2. Систематизация обработанного материала, определение наиболее значимых зон риска и вероятных форм противоправной деятельности.

3. Формулировка рекомендаций в части международного взаимодействия на основе собранной информации.

Обсуждение

В рамках исследования представляется целесообразным проанализировать организованную преступность стран, входящих в БРИКС, с учетом их специфики и уникальности основного направления деятельности.

Организованная преступность Бразилии представлена несколькими крупными преступными группировками: «Первая столичная команда» (от 30 до 140 тысяч человек), «Красная команда», «Третий отряд» [6]. Исторически преступность развивалась на базе низкого уровня развития пенитенциарной системы, участники группировок преимущественно представлены бывшими заключенными [7]. Преимущественная география преступной деятельности – Парагвай, Боливия, Перу. Наиболее распространенные зоны транснациональной деятельности – коррупционная преступность, наркопреступность.

Наркотрафик представляется наиболее опасным видом деятельности транснациональной преступности Бразилии – так, район границы между Аргентиной, Бразилией и Парагваем принято считать южноамериканским «хабом» наркотрафика и преступности. При этом противодействие наркотрафику часто приобретает характер открытого вооруженного противостояния. Наибольший объем наркотрафика приходится на кокаин, крэк-кокаин, в меньшей степени – марихуана, метамфетамин, ЛСД [3].

Вместе с тем, организованная преступная деятельность в Бразилии не приобретает характер международной преступности – так, несмотря на общий высокий уровень насильственных преступлений, в стране находится на низком уровне риск терроризма, а деятельность радикальных групп на территории Бразилии активно не представлена [1].

Среди характерных особенностей также следует отметить низкую политизированность бразильской преступности – преступные группировки как правило не ставят целью захват власти либо прямое слияние с государственными структурами.

Существенно отличается от бразильской картины ситуация с организованной преступностью Индии. Крупнейшая организованная преступная группировка, известная как D-Company, помимо транснациональной преступности, осуществляет финансирование международного терроризма.

При освещении деятельности данной организации среди ключевых сфер деятельности отмечают наркотрафик, контрабанду, вымогательство, похищение людей.

Основной зоной деятельности D-Company в настоящий момент считается Пакистан, Индия и Объединенные Арабские Эмираты. Также отмечается преступной группировки связь с международными террористическими организациями. Крупнейшей зоной преступной деятельности считается торговый порт Мумбаи.

Индийскую организованную преступность, помимо всего прочего, отличает высокий уровень интеграции в политические и правоохранительные структуры через коррупционные схемы. Согласно оценке V. Charles, каждое отделение полиции в Мумбаи получает ежедневно от 5 до 500 американских долларов [2].

Среди ключевых направлений контрабанды особо отмечается контрабанда предметов роскоши, золота и бриллиантов, спиртных напитков, наркотиков и высокотехнологичной техники. В качестве методов сокрытия контрабанды, а также отмывания денежных средств часто выступает использование легального бизнеса, причем как на территории Индии, так и на территории иных государств. Основным объектом наркотрафика выступает гашиш, для контрабанды активно используется наземный, водный и воздушный транспорт.

Отмечается тесная интеграция индийской организованной преступности с Объединенными Арабскими Эмиратами. Так, одна из крупнейших зон деятельности группировок Мумбаи и одна из основных баз расположена в Дубаи.

Значительно менее исследована организованная преступность на территории Китайской Народной Республики. Развитие преступных группировок, так называемых китайских «триад», принято относить ко второй половине XX века.

Среди наиболее распространенных сфер деятельности китайских триад признается наркоторговля и торговля оружием, при этом отмечается обширная связь с похожими группировками Гонконга, Тайваня, Макао и Мьянмы [12].

Побочной особенностью исторического развития китайской организованной преступности стала активная деятельность зарубежных преступных группировок на приграничных территориях. К деятельности данных группировок, помимо контрабанды и наркотрафика, также относят и незаконный транзит через границу.

Исследователями отмечается, что китайские триады организованы по сетевому принципу, и имеют наиболее обширную зону деятельности среди похожих организаций: помимо территории КНР деятельность триад также захватывает территорию США, Западной Европы и стран Юго-Восточной Азии.

Основными объектами контрабанды, как правило, являются наркотики, алкоголь. Отмечаются случаи продажи лиц китайского происхождения в рабство.

Триады тесно связаны как с политическими и правоохранительными структурами, так и с многими сферами легального бизнеса. В части примеров подобного бизнеса обычно упоминают пассажирско-перевозочные фирмы, организацию складского хозяйства.

В части специфики деятельности триад также отмечается их особая направленность на лиц китайского происхождения на территории иностранных государств – именно такие лица чаще всего становятся жертвой рэкета, участвуют в преступных схемах в качестве исполнителей.

Среди всех прочих преступных группировок именно деятельность китайских триад больше всего проявляется в настоящее время на территории Российской Федерации – отмечаются активные следы присутствия организованной преступность в Приморском и Хабаровском крае, а также связь триад с российским преступным сообществом [9].

Особого внимания заслуживает ситуация с организованной преступностью в Объединенных Арабских Эмиратах. Несмотря на то, что уровень преступности в ОАЭ считается одним из самых низких в мире, ряд исследований, в том числе тех, на которые мы ссылались ранее, подтверждает, что территория ОАЭ является привлекательной для транснационального преступного сообщества как с точки зрения «хаба» для основной деятельности, так и с точки зрения создания легального бизнеса для сокрытия преступной деятельности, либо отмывания доходов, полученных преступным путем.

Организованная преступность Южно-Африканской Республики складывалась в условиях низкого противодействия со стороны правоохранительных органов. Вместе с тем, характер этой преступности достаточно специфичен – преступность редко

принимает форму транснациональной, огромная доля преступлений приходится на насильственные внутригосударственные преступления.

Вместе с тем, исследователями отмечается вовлеченность отдельных слоев правящей элиты в незаконную продажу полезных ископаемых, а также активный внутренний оборот оружия [4].

Результаты

Приведенная характеристика частных случаев проявления транснациональной преступности позволяет нам прийти к определенным выводам в части «зон риска» - наиболее значимых аспектов, представляющих угрозу для Российской Федерации при международном взаимодействии:

1. Наиболее распространенный вид преступности – наркотрафик. Преступные сообщества всех государств блока БРИКС так или иначе связаны в мировой наркотрафик, поэтому особого внимания заслуживает противодействие незаконному перемещению наркотических средств через государственную границу.

2. При борьбе с транснациональной преступностью следует учитывать региональную специфику. Так, для преступных сообществ Индии будет характерно отмывание доходов, полученных преступным путем, через продажу предметов роскоши, а деятельности китайских «триад» во многих случаях будет связана с использованием местных жителей китайского происхождения. Также в зависимости от региона может различаться предмет контрабанды, либо наркотрафика.

3. Для большинства преступных сообществ характерно наличие «легального» бизнеса, преследующего две цели – сокрытие преступной деятельности и легализация полученных доходов.

4. Преступные сообщества проанализированных государств характеризуются высокой интегрированностью с политическими структурами, правоохранительными органами.

Заключение

Проведенный анализ позволяет сделать выводы в части предмета исследования:

1. Международное сотрудничество в части борьбы с транснациональной преступностью в настоящее время существенно усложняется изменением географии экономического сотрудничества. Активное взаимодействие со странами блока БРИКС предоставляет возможности как для легального бизнеса, так и для преступной деятельности. Ввиду этого представляется целесообразным налаживать контакты с правоохранительными органами дружественных государств – на текущий момент уровень развития международного взаимодействия можно охарактеризовать как низкий.

2. Международное взаимодействие правоохранительных органов при борьбе с транснациональной организованной преступностью должно учитывать региональную специфику, особенности преступной деятельности конкретных регионов. Выработка унифицированного подхода представляется нецелесообразной, проведенный анализ показывает, что даже государства близких регионов могут существенно различаться по отдельным аспектам преступной деятельности, иметь специфичные формы сокрытия преступной деятельности, а также преступную «специализацию».

Литература

1. Brazil 2020 Crime & Safety Report: Rio de Janeiro. OSAC, 5/13/2020. URL: https://www.osac.gov/Country/Brazil/Content/Detail/Report/9085b10f-2a36-4ca9-b299-18aced68cdd3 (дата обращения: 08.04.2024).

2. Charles V. The growth and activities of organized crime in Bombay // Intern. Social Science J. : jssj. – Oxford, 2001 – Vol. 53, n 3. – P. 359-367.

3. Земцова С.И., Суров О.А. Противодействие транснациональной организованной преступности в сфере незаконного оборота наркотиков в отдельных странах Латинской Америки и Карибского бассейна: результаты Международного круглого стола // Наркоконтроль. 2020. № 1.

4. Иншаков С.М, Казакова В.А. Преступность в Южно-Африканской Республике: очерк криминологического страноведения // Научный портал МВД России. 2021. № 3 (55). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/prestupnost-v-yuzhno-afrikanskoy-respublike-ocherk-kriminologicheskogo-stranovedeniya (Дата обращения - 09.04.2024).

5. Кларк Р. Преступность в США. М., Прогресс, 1975. – 424 с.

6. Клебанов Л.В., Полубинская С.В. Преступность в Бразилии: особенности, противодействие, направления исследований // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 474. С. 300–311.

7. Мартынов Б.Ф. Современная организованная преступность в Латинской Америке и странах Карибского бассейна / под ред. Б.Ф. Мартынова. М. : Весь Мир, ИЛА РАН, 2017.

8. Мацкевич И.М. Транснациональная организованная преступность: понятие и признаки // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2017. №4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/transnatsionalnaya-organizovannaya-prestupnost-ponyatie-i-priznaki (дата обращения: 08.04.2024).

9. Номоконов В.А., Маслов Г.Ф. Организованная преступность в Дальневосточном регионе: острая ситуация. Криминология: вчера, сегодня, завтра, 2012. № 4 (27). С. 75-86.

10. Овчинников С.Н., Атаманчук В.В. Проблемы эффективности международного сотрудничества таможенных органов РФ в правоохранительной сфере // Право и политика. 2022. № 10. С. 49-56. DOI: 10.7256/2454-0706.2022.10.38296 EDN: AVHWPK URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=38296

11. Овчинников С.Н., Атаманчук В.В. Международные договоры о правовой помощи в правоохранительной деятельности таможенных органов Российской Федерации // Право и политика. 2022. № 2. С. 30-39. DOI: 10.7256/2454-0706.2022.2.37427 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=37427

12. Хэ Бинсун. Организованная преступность. Исследование преступности мафиозного характера в континентальном Китае. Владивосток. Изд-во Дальневосточного университета. 2005. С. 24-35.

Specificity of transnational crime in priority economic cooperation states

Atamanchuk V.V.
Far Eastern Federal University

The article is devoted to the problems of combating transnational crime. Transnational crime, by its nature, is closely interconnected with the global economy. The current geopolitical situation gives rise to new risks associated with the activities of organized crime.

Organized crime in states designated as priority economic partnership states deserves special attention. The article examines the specifics of organized crime in the BRICS countries: the Federative Republic of Brazil, the Republic of India, the People's Republic of China, the Republic of South Africa, and the United Arab Emirates.

The factors that determine the nature of criminal activity of a transnational nature are analyzed - the geography of activity, methods of concealing crimes, the relationship with political structures and law enforcement agencies, the main forms of criminal activity. According to the author, effective interaction in the fight against transnational crime should be built on the basis of establishing close contacts between law enforcement agencies of the BRICS member states, and the activity itself should be based on the regional specifics of organized crime.

Keywords: transnational crime, BRICS, organized crime, international cooperation, law enforcement.

References

1. Brazil 2020 Crime & Safety Report: Rio de Janeiro. OSAC, 5/13/2020. URL: https://www.osac.gov/Country/Brazil/Content/Detail/Report/9085b10f-2a36-4ca9-b299-18aced68cdd3 (accessed: 08.04.2024).
2. Charles V. The growth and activities of organized crime in Bombay // Intern. Social Science J.: jssj. – Oxford, 2001 – Vol. 53, n 3. – P. 359-367.
3. Zemtsova S.I., Surov O.A. Counteracting transnational organized crime in the sphere of drug trafficking in selected countries of Latin America and the Caribbean: results of the International Round Table // Narkokontrol. 2020. No. 1.
4. Inshakov S.M., Kazakova V.A. Crime in the Republic of South Africa: An Essay on Criminological Regional Studies // Scientific Portal of the Ministry of Internal Af-

fairs of Russia. 2021. No. 3 (55). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/prestupnost-v-yuzhno-afrikanskoy-respublike-ocherk-kriminologicheskogo-stranovedeniya (Accessed on 09.04.2024).
5. Clark R. Crime in the USA. Moscow, Progress, 1975. – 424 p.
6. Klebanov L.V., Polubinskaya S.V. Crime in Brazil: Features, Counteraction, Research Directions // Bulletin of Tomsk State University. 2022. No. 474. Pp. 300–311.
7. Martynov B.F. Modern Organized Crime in Latin America and the Caribbean / edited by B.F. Martynov. Moscow: Ves' Mir, ILA RAS, 2017.
8. Matskevich I.M. Transnational Organized Crime: Concept and Features // Bulletin of Moscow University. Series 11. Law. 2017. No. 4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/transnatsionalnaya-organizovannaya-prestupnost-ponyatie-i-priznaki (accessed: 08.04.2024).
9. Nomokonov V.A., Maslov G.F. Organized Crime in the Far Eastern Region: Acute Situation. Criminology: yesterday, today, tomorrow, 2012. No. 4 (27). P. 75-86.
10. Ovchinnikov S.N., Atamanchuk V.V. Problems of the effectiveness of international cooperation of the customs authorities of the Russian Federation in the law enforcement sphere // Law and Politics. 2022. No. 10. P. 49-56. DOI: 10.7256/2454-0706.2022.10.38296 EDN: AVHWPK URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=38296
11. Ovchinnikov S.N., Atamanchuk V.V. International treaties on legal assistance in law enforcement activities of the customs authorities of the Russian Federation // Law and Politics. 2022. No. 2. P. 30-39. DOI: 10.7256/2454-0706.2022.2.37427 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=37427
12. He Bingsun. Organized Crime. A Study of Mafia-Type Crime in Mainland China. Vladivostok. Far Eastern University Press. 2005. pp. 24-35.

Между эффективностью и этикой: современные технологии в расследовании преступлений: правовой и тактический аспекты

Волохова Ольга Викторовна
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры криминалистики, Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Статья посвящена анализу правовых, тактических и этических аспектов использования современных технологий в расследовании преступлений. На основе российского законодательства, правоприменительной практики и зарубежного опыта автор рассматривает дилемму: где граница между эффективностью расследования и соблюдением прав участников уголовного судопроизводства? Особое внимание уделено алгоритмической предвзятости, непрозрачности «чёрных ящиков» и рискам для презумпции невиновности и права на справедливое судебное разбирательство. В этическом аспекте рассматриваются риски дискриминации, подрыва доверия к правосудию и усиления цифрового неравенства. В заключении формулируются принципы ответственного использования технологий и предлагаются меры по совершенствованию законодательства и правоприменительной практики.

Ключевые слова: искусственный интеллект, расследование преступлений, алгоритмическая предвзятость, этика предварительного следствия, цифровые доказательства, прогностические алгоритмы.

Цифровая трансформация, охватившая все сферы общественной жизни, не обошла стороной ни преступность, ни деятельность правоохранительных органов. Современные технологии — искусственный интеллект (далее ИИ), системы анализа больших данных, программные комплексы для обработки цифровых следов — становятся таким же привычным инструментом следователя, как недавно были допрос и выемка. Однако, как справедливо отмечалось в ранее опубликованных работах, эффективность использования этих технологий напрямую сопряжена с рисками, которые далеко не всегда осознаются правоприменителем [1]. В частности, законодательно предусмотрено, что приговор должен быть не только законным и обоснованным, но и справедливым [2]. ИИ же под справедливостью будет «понимать» исключительно процессуальный аспект, обеспечивающий участие лица на всех стадиях судопроизводства с соблюдением принципов состязательности и равенства сторон, а также разумного срока рассмотрения дела [3, с. 85].

Сегодня уже никого не удивишь тем, что следователь работает не только с бумажными носителями, но и с огромными массивами данных изъятых электронных устройств, информацией из социальных сетей, записями с камер видеонаблюдения и результатами спутникового мониторинга. Интеграция этих разрозненных источников в единую аналитическую систему позволяет получать целостную картину расследуемого события, выявлять скрытые связи между фигурантами, прогнозировать возможные действия преступников.

Однако именно здесь и возникает центральная дилемма: где проходит граница между оправданным стремлением к эффективности и соблюдением тех прав и свобод, ради защиты которых в конечном счёте и существует уголовное судопроизводство?

Целью настоящего исследования является комплексный анализ правовых, тактических и этических аспектов использования современных технологий в расследовании преступлений, причём основной акцент сделан на двух последних составляющих — тактической и этической. Правовое регулирование, безусловно, важно, однако именно на уровне тактических приёмов и этических оценок сегодня возникает большинство реальных проблем, с которыми сталкиваются практические работники.

Научная новизна исследования заключается в том, что в отличие от ранее опубликованных работ, носивших в основном описательный характер, в данной статье предлагается проблемно-ориентированный анализ, в центре которого находится поиск баланса между эффективностью применения технологий и защитой прав участников уголовного судопроизводства. Особое внимание уделяется таким недостаточно разработанным в отечественной литературе аспектам, как алгоритмическая предвзятость (bias), проблема «чёрного ящика» (непрозрачности принятия решений искусственным интеллектом) и риски, которые эти феномены создают для фундаментальных принципов уголовного процесса — прежде всего для презумпции невиновности и права на справедливое судебное разбирательство.

Методологическую основу исследования составили общенаучные методы (анализ, синтез, системный подход) и частнонаучные методы юридической науки (формально-юридический, сравнительно-правовой). Эмпирическую базу — при отсутствии собственных социологических исследований — образуют опубликованные судебные решения, аналитические обзоры правоприменительной практики.

Прежде чем перейти к тактическим и этическим вопросам, необходимо кратко охарактеризовать правовую среду, в которой применение современных технологий осуществляется. Следует признать, что российское уголовно-процессуальное законодательство формировалось в доцифровую эпоху, и его

нормы далеко не всегда успевают за стремительным развитием технологий. Уголовно-процессуальный кодекс РФ содержит лишь отдельные положения, прямо касающиеся работы с электронными носителями информации (например, ст. 164.1 об особенностях изъятия электронных носителей информации и копирования с них информации при производстве следственных действий), а также возможность проведения допроса, очной ставки и опознания с использованием видео-конференц-связи (ст. 189.1) [4]. Однако системного регулирования использования искусственного интеллекта и иных современных технологий в российском уголовном процессе на сегодняшний день не существует, что создаёт серьёзные проблемы для правоприменителя.

С одной стороны, отсутствие прямых запретов de facto означает, что использование технологий не возбраняется, если это не нарушает иных норм закона.

С другой стороны, отсутствие чётких процессуальных правил порождает правовую неопределённость: доказательства, полученные с помощью современных технологий, могут быть признаны недопустимыми, если сторона защиты сумеет указать на нарушения процедуры их получения или оценки. Показательна в этом отношении практика, связанная с использованием систем распознавания лиц: в ряде случаев результаты такой идентификации не принимаются судами в качестве самостоятельных доказательств именно из-за отсутствия законодательно закреплённой процедуры.

Не лучше обстоит дело и с законодательством о персональных данных. Федеральный закон «О персональных данных» устанавливает общие требования к обработке, хранению и защите персональных данных [5], однако правоохранительная деятельность традиционно рассматривается как исключение из общего режима. В результате возникает парадоксальная ситуация: правоохранительные органы имеют доступ к огромным массивам личной информации граждан (через операторов связи, банки, государственные информационные системы), но процессуальные гарантии против злоупотреблений этим доступом остаются крайне размытыми.

В этом контексте особый интерес представляет зарубежный опыт, в частности первый в мире комплексный регламент об искусственном интеллекте — EU AI Act (Regulation (EU) 2024/1689), вступивший в силу в августе 2024 года. Этот документ, хотя и не является обязательным для России, предлагает интересную модель регулирования, построенную на риск-ориентированном подходе. Системы искусственного интеллекта, используемые в правоохранительных целях, относятся в этом регламенте к категории «высокого риска», что означает для них повышенные требования к качеству данных, прозрачности, документированию и человеческому контролю. Отдельные виды применения ИИ, такие как биометрическая идентификация в реальном времени в общественных местах (за редкими исключениями), отнесены к категории «недопустимого риска» и прямо запрещены [6]. Российское законодательство пока не идёт так далеко. Однако, как представляется, при разработке ведомственных нормативных актов, регламентирующих использование технологий в расследовании, учёт риск-ориентированной логики EU AI Act мог бы помочь найти тот самый баланс между эффективностью и правами человека, о котором идёт речь в данной статье.

Переходя к тактическому аспекту, следует подчеркнуть, что именно здесь, на уровне конкретных приёмов и методов расследования, наиболее очевидно проявляются преимущества, которые дают современные технологии. Как уже отмечалось, речь идёт не просто об ускорении рутинных процессов, а о качественно новых возможностях, ранее недоступных правоприменителю [1].

Одним из наиболее значимых направлений является использование искусственного интеллекта для анализа больших объёмов данных. Следователь, работающий с изъятым электронным носителем, может столкнуться с терабайтами информации, ручной анализ которой занял бы годы. Специализированное программное обеспечение позволяет не только структурировать эти данные, но и выявлять скрытые закономерности — например, связи между абонентами по анализу детализации телефонных звонков, временные и пространственные паттерны при анализе данных с камер видеонаблюдения, аномалии в финансовых транзакциях, указывающие на возможную преступную деятельность.

Не менее важна и роль технологий в работе с так называемыми цифровыми следами, которые некоторые ученые еще называют знаковыми [7, с. 42]. Под этим термином понимается совокупность информации, остающейся в виртуальной среде в результате деятельности человека: логи соединений, метаданные файлов, история браузера, данные геолокации, сообщения в мессенджерах и социальных сетях. В современном расследовании удельный вес знаковых следов неуклонно растёт, и именно они зачастую становятся ключевыми доказательствами по делам о преступлениях, совершённых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, — от телефонного мошенничества до распространения запрещённой информации [1].

Особого внимания заслуживают прогностические алгоритмы, предназначенные для предсказания вероятности совершения преступлений в определённых местах и в определённое время. На практике это не просто «усиление патрулирования». Это целенаправленные действия, основанные на анализе данных и прогнозах. Например, на основе модели, прогнозирующей волну краж из новостроек в конкретном районе, полиция не ждёт заявлений от потерпевших граждан, а организует оперативно-профилактические мероприятия, засады, работу с частными охранными предприятиями, информирует население. Или, выявив с помощью сетевого анализа формирующуюся группировку, занимающуюся распространением наркотиков через мессенджеры, оперативные работники не ждут первого сбыта, а начинают разработку с целью пресечения её деятельности на ранней стадии [8, с. 227].

Важно подчеркнуть, что тактические возможности технологий раскрываются в полной мере только при их комплексном использовании. Отдельно взятая видеозапись с камеры наблюдения или фрагмент детализации звонков могут быть малоинформативны, но их сопоставление в рамках единой аналитической системы позволяет восстановить полную картину события. Именно этот интегративный эффект составляет главную тактическую ценность современных технологий: они позволяют следователю видеть не разрозненные фрагменты, а систему связей и отношений, в которую погружено расследуемое событие. Вместе с тем, было бы серьёзной ошибкой рассматривать технологии как панацею или, тем более, как замену следователю. Любая технология — это инструмент, и её эффективность зависит от того, насколько умело и осознанно этот инструмент применяется. Техническая подготовка следователя, его способность критически оценивать выдаваемые алгоритмом результаты, понимание ограничений и возможных погрешностей используемых методов — всё это становится не менее важным, чем знание уголовно-процессуального закона [1].

Этические проблемы использования современных технологий в расследовании преступлений, пожалуй, наиболее сложны и наименее разработаны в отечественной литературе. Центральная этическая проблема может быть сформулирована следующим образом: в какой мере допустимо использовать технологии, вторгающиеся в частную жизнь граждан, если это вторжение оправдано целями раскрытия преступления? Иными словами, где проходит грань между необходимым и чрезмерным? Эта проблема имеет несколько взаимосвязанных измерений.

Одним из них является риск алгоритмической предвзятости. Искусственный интеллект обучается на данных, которые предоставляются ему разработчиками. Если эти данные содержат в себе исторические искажения или просто неполную информацию, алгоритм с высокой вероятностью воспроизведёт и усилит эти искажения [9]. ИИ не создаёт предвзятость сам по себе — он перенимает её из среды, в которой обучается [10]. В контексте уголовного судопроизводства это означает, что опре-

делённые группы населения могут систематически подвергаться более интенсивному контролю, чаще попадать в поле зрения прогностических алгоритмов и, как следствие, чаще становиться объектами оперативных разработок и процессуальных действий [8].

Далее — так называемый «automation bias» [11] — когнитивное искажение, в силу которого люди склонны доверять решениям, принятым ИИ, даже в тех случаях, когда их собственный анализ или интуиция подсказывают иное. Следователь или оперативный сотрудник, получившие от алгоритма указание на определённого подозреваемого или определённый район повышенного риска, могут неосознанно сузить фокус своего внимания, перестав рассматривать альтернативные версии. Это создаёт риск того, что ошибка алгоритма, которая сама по себе может быть незначительной, превратится в процессуальную ошибку, влияющую на судьбу человека.

Еще одна этическая проблема — непрозрачность алгоритмов принятия решений, особенно когда речь идёт о сложных нейросетевых моделях. Многие современные системы искусственного интеллекта работают по принципу «чёрного ящика» [12]: на вход подаются данные, на выходе получается результат, но объяснить, почему алгоритм пришёл именно к такому выводу, зачастую невозможно даже для разработчиков. Это создаёт серьёзные проблемы в уголовном процессе, где любое решение должно быть мотивированным, обоснованным и доступным для проверки и обжалования.

Стоит обратить внимание и на риск подрыва фундаментального принципа уголовного процесса — презумпции невиновности. Прогностические алгоритмы, оценивающие вероятность совершения лицом преступления в будущем или риск его повторного рецидива, по своей природе работают на вероятностных категориях. Однако полицейские, судьи и присяжные склонны переоценивать их точность просто потому, что они не понимают, как именно работает алгоритм [12].

Проведённый анализ показывает, что дилемма «эффективность или этика» не имеет простого решения. Технологии — это безусловное благо для расследования преступлений, но благо, сопряжённое с серьёзными рисками. Задача заключается не в том, чтобы отказаться от технологий, а в том, чтобы выработать систему ограничений и гарантий, позволяющих минимизировать риски, сохраняя преимущества.

Представляется, что такая система может быть построена на следующих базовых принципах.

Принцип пропорциональности: вторжение в частную жизнь граждан с помощью технологий должно быть соразмерно тяжести расследуемого преступления и значимости ожидаемого результата. То, что допустимо при расследовании тяжких и особо тяжких преступлений против личности, не должно автоматически применяться по делам небольшой и средней тяжести.

Принцип человеческого контроля: ни одно решение, затрагивающее права и законные интересы участников уголовного судопроизводства, не может быть полностью автоматизировано. Алгоритмы могут предоставлять информацию, формулировать рекомендации — но окончательное решение всегда должно оставаться за человеком. Основная мыслительная нагрузка по-прежнему должна быть возложена на следователя [13, с. 163].

Принцип прозрачности: обвиняемый и его защитник должны иметь право на получение информации о том, какие алгоритмы использовались в процессе расследования, на каких данных они обучались и какова степень точности их прогнозов. Там, где это возможно, алгоритмы должны быть объяснимыми, а там, где объяснимость недостижима, использование таких алгоритмов возможно лишь для получения диагностической информации.

Принцип недискриминации: алгоритмы, используемые в уголовном процессе, должны проходить обязательное тестирование на наличие систематических ошибок (bias) в отношении различных социально-демографических групп. Результаты такого тестирования должны быть доступны для независимой оценки, а в случае обнаружения значимых искажений использование алгоритма необходимо приостановить до их устранения.

В итоге можно предложить следующие конкретные меры.

Внести дополнения в УПК РФ, закрепив общие принципы использования современных технологий в расследовании преступлений — прежде всего принципы пропорциональности, человеческого контроля и прозрачности. Желательно также определить процессуальный статус результатов, полученных с помощью алгоритмических систем, и критерии их допустимости в качестве доказательств.

Разработать ведомственные нормативные акты (например, приказы Следственного комитета, МВД, Генеральной прокуратуры), детализирующие порядок использования конкретных технологий — систем распознавания лиц, прогностических алгоритмов, программных комплексов анализа больших данных. Эти акты должны содержать чёткие запреты и ограничения, а также процедуры фиксации и хранения результатов алгоритмической обработки.

Ввести в программы профессиональной подготовки и повышения квалификации следователей и судей модули, посвящённые правовым, тактическим и этическим аспектам использования технологий. Особое внимание следует уделить формированию критического отношения к результатам алгоритмической обработки и пониманию ограничений и возможных погрешностей используемых методов.

Создать механизмы независимого аудита алгоритмов, используемых в правоохранительных целях, с участием представителей научного сообщества, практиков и гражданского общества. Результаты такого аудита должны быть публичными, за исключением сведений, составляющих государственную или иную охраняемую законом тайну.

Обеспечить право участников процесса на оспаривание решений, принятых с использованием алгоритмических систем, включая право на получение информации о том, какие алгоритмы применялись и на каких основаниях. В перспективе возможно введение института судебной экспертизы алгоритмов по аналогии с традиционными судебными экспертизами.

В заключение и на основе проведённого исследования возможно сформулировать следующий вывод. Современные технологии открывают новые тактические возможности для расследования. Однако их использование сопряжено и с этическими рисками. Поэтому ключевая задача — поиск баланса между эффективностью и этикой, что требует постоянного осмысления, корректировки нормативной базы и повышения квалификации следователя. Технологии должны оставаться инструментом, а не заменой человеческому суждению.

Литература

1. Волохова О.В. Тактика и этика использования современных технологий в расследовании преступлений // Международный научно-исследовательский журнал. — 2025. — № 6 (156). DOI: 10.60797/IRJ.2025.156.68

2. Рябцева Е.В. Проблема использования искусственного интеллекта в уголовном правосудии // Всероссийский криминологический журнал. —2023. — Т. 17, — № 1. - С. 75. DOI 10.17150/2500-1442.2023.17(1).73-80.

3. Энтин М. Справедливое судебное разбирательство по праву Совета Европы и Европейского союза / М. Энтин. – EDN HSLMKB // Конституционное право: восточноевропейское обозрение. — 2003. — № 3. - С. 85-97.

4. "Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации" от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 09.04.2026). [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/a10cccd20d6164419b9e43609aa3ef99e8a59a23/ (дата обращения: 17.05.2026).

5. Федеральный закон "О персональных данных" от 27.07.2006 N 152-ФЗ (последняя редакция). [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61801/ (дата обращения: 17.05.2026).

6. Regulation (EU) 2024/1689 of the European Parliament and of the Council of 13 June 2024 laying down harmonised rules on artificial intelligence (Artificial Intelligence Act) // Official Journal of the European Union. 2024. [Электронный ресурс]. URL: https://www.cssf.lu/en/Document/regulation-eu-2024-1689-of-the-european-parliament-and-of-the-council-of-13-june-2024/ (дата обращения: 17.05.2026).

7. Криминалистика : учебник / О. А. Белов, О. В. Волохова, Е. И. Галяшина и др. ; под ред. Е. И. Галяшиной, Е. П. Ищенко ; отв. ред. Я. В. Комиссарова. — М.: Проспект, 2025. — 512 с. [Электронный ресурс]. URL: http://ebs.prospekt.org/book/49572 (дата обращения: 16.05.2026).

8. Волохова О.В. Криминалистическое моделирование как метод прогнозирования региональных криминальных угроз // Антикриминальная политика: актуальные проблемы регионов : сборник научных трудов II Всероссийской научно-практической конференции, Луганск, 07 ноября 2025 года. — Самара: Самарама, 2025. - С. 225-232.

9. Растущая роль искусственного интеллекта и риск дискриминации. [Электронный ресурс]. URL: https://hlebopechka.ru/a/index.php?topic=567670.0 (дата обращения: 17.05.2026).

10. ИИ не придумывает предвзятость — он наследует её из данных: попытка исправить одну форму дискриминации часто создаёт другую. Учёные объяснили, почему «справедливый искусственный интеллект» остаётся почти недостижимой задачей: алгоритмы воспроизводят историческое неравенство. [Электронный ресурс]. URL: https://www.ixbt.com/news/2026/05/15/ii-ne-pridumyvaet-predvzjatost--on-nasleduet-ejo-iz-dannyh-popytka-ispravit-odnu-formu-diskriminacii-chasto-sozdajot.html (дата обращения 17.05.2026).

11. Automation bias или побочные эффекты автоматизации. Доверяй, но проверяй. [Электронный ресурс]. URL: https://habr.com/ru/companies/timeweb/articles/668920/ (дата обращения: 17.05.2026).

12. Марк Эллиот. Прекогниция по-цифровому: Как алгоритмы создают иллюзию предсказания преступлений. [Электронный ресурс]. URL: https://neurabooks.ru/blog/posts/mark-elliott/kak-algoritmy-sozdayut-illyuziyu-predskazaniya-prestupleniy-2025-05-26 (дата обращения: 17.05.2026).

13. Волохова О.В. Общие вопросы использования компьютерных технологий в расследовании уголовных дел // Государство и право России в современном мире: Сборник докладов XII Московской юридической недели. XXII Международная научно-практическая конференция. XXIII Международная научно-практическая конференция Юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова: в 5 ч., Москва, 23–25 ноября 2022 года. Том 4. — Москва: Издательский центр Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2023. - С. 160-164.

Between efficiency and ethics: modern technologies in crime investigation (legal and tactical aspects

Volokhova O.V.

Kutafin Moscow State Law University (MGUA)

The article is devoted to the analysis of the legal, tactical and ethical aspects of the use of modern technologies in the investigation of crimes. Based on Russian legislation, law enforcement practice, and foreign experience, the author examines the dilemma: where is the boundary between the effectiveness of an investigation and respect for the rights of participants in criminal proceedings? Particular attention is paid to algorithmic bias, the opacity of the "black boxes" and the risks to the presumption of innocence and the right to a fair trial. The ethical aspect examines the risks of discrimination, undermining trust in justice, and increasing digital inequality. In conclusion, the principles of responsible use of technology are formulated and measures are proposed to improve legislation and law enforcement practice.

Keywords: artificial intelligence, crime investigation, algorithmic bias, ethics of preliminary investigation, digital evidence, predictive algorithms.

References

1. Volokhova O.V. Tactics and ethics of using modern technologies in crime investigation // International Scientific Research Journal. — 2025. — № 6 (156). DOI: 10.60797/IRJ.2025.156.68

2. Ryabtseva E.V. The problem of using artificial intelligence in criminal justice // All—Russian Journal of Criminology. -2023. — Vol. 17, - No. 1. - p. 75. DOI 10.17150/2500-1442.2023.17(1).73-80.

3. Entin M. Fair trial under the law of the Council of Europe and the European Union / M. Entin. – EDN HSLMKB // Constitutional law: Eastern European Review. - 2003. — No. 3. - pp. 85-97.

4. "The Criminal Procedure Code of the Russian Federation" dated December 18, 2001 N 174-FZ (as amended on 04/09/2026). [electronic resource]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/a10cccd20d6164419b9e43609aa3ef99e8a59a23 / (date of access: 05/17/2026).

5. Federal Law "On Personal Data" dated 27.07.2006 N 152-FZ (latest edition). [electronic resource]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61801 / (date of access: 05/17/2026).

6. Regulation (EU) 2024/1689 of the European Parliament and of the Council of 13 June 2024 laying down harmonised rules on artificial intelligence (Artificial Intelligence Act) // Official Journal of the European Union. 2024. [Electronic resource]. URL: https://www.cssf.lu/en/Document/regulation-eu-2024-1689-of-the-european-parliament-and-of-the-council-of-13-june-2024 / (date of access: 05/17/2026).

7. Criminalistics : textbook / O. A. Belov, O. V. Volokhova, E. I. Galyashina et al. ; edited by E. I. Galyashina, E. P. Ishchenko ; edited by Ya. V. Komissarov. — M.: Prospekt, 2025. — 512 p. [electronic resource]. URL: http://ebs.prospekt.org/book/49572 (date of access: 05/16/2026).

8. Volokhova O.V. Criminalistic modeling as a method of forecasting regional criminal threats // Anti-criminal policy: actual problems of the regions : proceedings of the II All-Russian Scientific and Practical Conference, Lugansk, November 07, 2025. Samara: Samarama Publ., 2025, pp. 225-232.

9. The growing role of artificial intelligence and the risk of discrimination. [electronic resource]. URL: https://hlebopechka.ru/a/index.php?topic=567670.0 (date of request: 05/17/2026).

10. AI does not invent bias — it inherits it from data: an attempt to correct one form of discrimination often creates another. Scientists have explained why "fair artificial intelligence" remains an almost unattainable task: algorithms reproduce historical inequalities. [electronic resource]. URL: https://www.ixbt.com/news/2026/05/15/ii-ne-pridumyvaet-predvzjatost--on-nasleduet-ejo-iz-dannyh-popytka-ispravit-odnu-formu-diskriminacii-chasto-sozdajot.html (accessed 17.05.2026).

11. Automation bias or side effects of automation. Trust, but verify. [electronic resource]. URL: https://habr.com/ru/companies/timeweb/articles/668920 / (date of access: 05/17/2026).

12. Mark Elliott. Digital precognition: How algorithms create the illusion of predicting crimes. [electronic resource]. URL: https://neurabooks.ru/blog/posts/mark-elliott/kak-algoritmy-sozdayut-illyuziyu-predskazaniya-prestupleniy-2025-05-26 (date of request: 05/17/2026).

13. Volokhova O.V. General issues of the use of computer technologies in the investigation of criminal cases // The state and law of Russia in the modern world: Collection of reports of the XII Moscow Legal Week. XXII International Scientific and Practical Conference. XXIII International Scientific and Practical Conference of the Faculty of Law of Lomonosov Moscow State University: at 5 a.m., Moscow, November 23-25, 2022. Volume 4. Moscow: O.E. Kutafin University Publishing Center (MGUA). - 2023. - pp. 160-164.

Непосредственный объект преступления при незаконном обороте порнографических материалов или предметов: сравнительно правовое исследование (Россия, Германия, Франция)

Костин Николай Антонович
студент бакалавриата, Самарский национальный исследовательский университет им. С.П. Королёва, kostynnykolai04@gmail.com

В статье исследуется проблема определения непосредственного объекта преступления, предусмотренного ст. 242 УК РФ, устанавливающий ответственность за незаконное изготовление и оборот порнографических материалов или предметов. Автор исходит из того, что традиционное понимание объекта как общественной нравственности либо половой морали отличается чрезмерной широтой и неопределенность, что отражается и в конструкции объективной стороны состава преступления, фактически охватывающей любой незаконный оборот порнографии. На основе анализа отечественных доктринальных подходов обосновывается необходимость более точного установления пределов уголовно-правового запрета с учетом принципа соразмерности ограничения прав и свобод. Особое внимание уделяется сравнительно-правовому исследованию законодательства Германии и Франции, где уголовная ответственность связывается не с самим фактом оборота порнографических материалов или предметов, а с конкретными обстоятельствами деяния. По итогам исследования предлагается сохранить общественную нравственность в качестве непосредственного объекта ст. 242 УК РФ, но конкретизировать ее содержание через признаки объективной стороны, включая механизм согласия или истребования порнографического материала или предмета совершеннолетним получателем.
Ключевые слова: pornography, object of crime, Germany, France, criminal law, Article 242 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Введение

Проблематика уголовно-правовой охраны общественной нравственности в сфере незаконного оборота порнографических материалов в последние годы сохраняет высокую актуальность. Так, согласно статистическим данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ (в обработке Агентства правовой информации "Апи-Пресс"), количество приговоров по ст.242 УК РФ следующее: 2016 год – 187, 2017 – 203, 2018 – 236, 2019 – 220, 2020 – 199, 2021 – 184, 2022 – 230, 2023 – 317, 2024 – 394. Данная норма предусматривает ответственность за незаконное изготовление и оборот порнографических материалов или предметов, однако содержание ее непосредственного объекта в доктрине уголовного права остается спорным [3, ст.115-116]. Это обусловлено тем, что категория «общественная нравственность» носит оценочный характер и не имеет легального определения. Если обратить внимание на статистику, то особенно заметное увеличение фиксируется после 2021 года, что свидетельствует о возрастающей интенсивности правоприменения и, следовательно, о необходимости более точного теоретического осмысления пределов уголовно-правового запрета. Вместе с тем рост количества приговоров не снимает принципиального вопроса: что именно охраняет ст.242 УК РФ? В научной литературе непосредственный объект данного преступления нередко определяется по-разному: как общественная нравственность в целом [8, ст.118; 10, ст.471], как отношения в сфере половой морали [11, ст.46], так и вовсе встречается мнение, что данное преступление следует относить к преступлениям против половой свободы личности [2, ст.54]. Подобная множественность подходов свидетельствует о том, что содержание непосредственного объекта нуждается в дополнительной конкретизации. В условиях, когда российская уголовно-правовая доктрина оперирует оценочной категорией «общественная нравственность», представляется затруднительным установить точные границы охраняемого блага исключительно на основе внутреннего правового материала. В этой связи сопоставление с зарубежными правопорядками, в которых уголовно-правовая охрана в рассматриваемой сфере строится на более конкретизированных основаниях, позволяет уточнить содержание непосредственного объекта. Выбор Германии и Франции для сравнительного исследования обусловлен их принадлежностью к континентальной правовой семье, высоким уровнем развития уголовно-правовой доктрины и репрезентативностью для европейских моделей правового регулирования. Анализ указанных правопорядков позволит выявить различные концепции уголовно-правовой охраны в сфере порнографического оборота.

Проблема настоящего исследования заключается в отсутствии единообразного понимания содержания непосредственного объекта преступления, предусмотренного ст.242 УК РФ, а также необходимости сопоставить российскую модель уголовно-правовой охраны с зарубежными подходами для определения ее специфики и пределов. В этой связи сравнительно-правовой анализ России, Германии и Франции позволяет не только уточнить теоретическое содержание непосредственного объекта, но и выявить отличия между отечественным и зарубежным опытом.

Объектом исследования выступают общественные отношения, складывающиеся в сфере уголовно-правовой охраны нравственности в рамках оборота порнографических материалов.

Предмет исследования составляют нормы уголовного законодательства России, Германии и Франции, а также доктринальные подходы к определению непосредственного объекта преступления в указанной сфере.

Целью настоящего исследования состоит в определении содержания непосредственного объекта преступления, предусмотренного ст.242 УК РФ, посредством сравнительно-правового анализа законодательства России, Германии и Франции. Для достижения указанной цели необходимо решить следующие задачи:

1. Раскрыть теоретические подходы к пониманию непосредственного объекта ст.242 УК РФ.
2. Проанализировать особенности уголовно-правового регулирования незаконного оборота порнографических материалов в Германии и Франции.
3. На основе выявленного зарубежного опыта разработать предложения по уточнению границ непосредственного объекта ст.242 УК РФ.

Материалы и методы

Методологическую основу исследования составляют как общенаучные методы познания в виде индукции, дедукции, анализа и синтеза, так и специальные методы в виде сравнительно-правового и формально-юридического при изучении уголовного законодательства России, Германии, Франции, а также доктринальных подходов и мнений правоведов.

Литературный обзор

Степень научной разработанности данной темы характеризуется наличием различных подходов к определению непосредственного объекта преступления, предусмотренного ст.242 УК РФ. В работах А. В. Наумова и Р. Д. Шарапова данный состав рассматривается преимущественно в контексте охраны общественной нравственности. М. М. Дайшутов, Ж. А. Бойцова и Л. Н. Ивлева обращают внимание на дискуссионность объекта данного преступления и необходимость его дополнительного осмысления. М.В. Гусарова предлагает иной подход, связывая рассматриваемое деяние с преступлениями против половой свободы личности и обосновывая необходимость частичной декриминализации оборота порнографии. Проблемы уголовно-правового противодействия современным формам оборота порнографии также исследуются в работах А. И. Фонштейн, а вопросы охраны общественной нравственности и духовно-нравственных ценностей в трудах Ф. В. Чиркова.

Результаты

В российской уголовно-правовой доктрине вопрос о непосредственном объекте преступления, предусмотренного ст.242 УК РФ, не получил единообразного решения. В литературе встречаются различные подходы: одни связывают непосредственный объект с общественной нравственностью в целом [8, с118; 10, с.471], то есть фактически видовой и непосредственный объекты совпадают в данном случае, другие относят его к половой морали [11, с.46], а третьи вовсе считают, что непосредственным объектом данного преступления является половая свобода личности [2, с.54]. Само по себе наличие нескольких конкурирующих позиций свидетельствует о том, что содержание непосредственного объекта в рассматриваемой норме остается дискуссионным.

Наиболее распространенным и одновременно самым широким является понимание непосредственного объекта в виде общественной нравственности в целом. Однако категория «общественная нравственность» не только не имеет легального определения, но также не имеет единого доктринального понимания в виде существенно отличающихся друг от друга мнений правоведов, Данные проблемы возникают из за оценочности характера самого определения понятия «нравственность» и его «общественности» [8, с.32-34]. Обоснование непосредственного объекта ст.242 УУ РФ через «общественную нравственность» неизбежно требует обращения к лингвистическому толкованию данного термина, так как правовая неопределенность категории создает риски произвольного применения закона. С.И. Ожегов понятие «нравственность» определяет как «внутренние, духовные качества, которыми руководствуется человек, этические нормы; правила поведения, определяемые этими качествами» [7]. Отсюда следует, что нравственность для конкретного человека может отличатся от нравственности другого человека. В то во время «общество» С.И. Ожегов определят по разному, но из всех определений можно выявить общие черты: во первых, это совокупность людей, во вторых, они чем либо объединены (целью, условиями, социальными факторами и тд), либо же это может быть среда людей, компания. Следовательно, категория «общественная нравственность» представляет из себя совокупность неких внутренних, духовных качеств, а также этических норм, правил поведения, определяемых этими качествами, которые присущи конкретному человеку, совокупность которых определяет нравственность всего общества. С точки зрения А.И. Фонштейн и Ф.В. Чиркова, понимание «общественной нравственности» представляется как общая идейная платформа, своего рода «средний стандарт» поведения, принятый большинством в обществе [8, с.33; 9, с.20-21]. Но в части этого общества могут быть люди, отличающиеся своим представлением о нравственности, то есть меньшинство, таким образом и общественная нравственность может быть неоднородной. Например, российское общество, в виде его многонационального народа, может иметь различные представления о нравственности. Такой феномен как многожёнство, который для исламской части нашего народа естественен и нравственен, для остальных может выходить за рамки нравственного. Относительно к обороту порнографии это означает, что по мнению законодателя общественная нравственность, то есть нравственность совокупности людей, относиться к порнографии негативно, а значит её оборот в рамках общества является общественно опасным, следовательно необходимо установить уголовно-правовую норму, запрещающую ее оборот, а в свою очередь нарушение этой нормы является основанием для уголовной ответственности в виде ограничения прав и свобод человека и гражданина, прежде всего предусмотренных ст.23 Конституции. В таком случае возникает вопрос, а что если у нас есть группа людей внутри общества, иными словами меньшинство, если исходить из мнений А.И. Фонштейн и Ф.В. Чиркова, нравственность которых не считает порнографию чем-то негативным, а следовательно ее оборот между ними не является общественно опасным? Законодатель на этот вопрос никак не отвечает, устанавливая уголовную ответственность за любой оборот порнографии, даже в рамках того общества, в котором её оборот не является общественно опасным. Если государство устанавливает такой уголовный запрет на действия, которые не являются общественно опасными, то нарушается ч.3, ст.55 Конституции, закрепляющая, что права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены только в той мере, в какой необходимо в целях защиты конституционно значимых ценностей, в том числе нравственности. В данном случае нет никакой необходимости для защиты такой ценности как нравственность, поскольку она никак не страдает, а значит и ограничение конституционных прав граждан в рассматриваемом случае безосновательно и незаконно. Представленная точка зрения, которая определяет непосредственный объект в ст.242 УК РФ в виде общественной нравственности в целом, предлагает опасное обоснование уголовно правового запрета, который в свою очередь является крайне широким и устанавливает уголовную ответственность даже за те случаи оборота, которые по своему существу не являются общественно опасными.

Другая точка зрения считает, что непосредственным объектом данной статьи является половая мораль. Если снова обратиться к С.И. Ожегову, то «пол» он определят как «каждый из двух генетически и физиологически противопоставленных разрядов живых существ (мужчин и женщин, самцов и самок), организмов». А «мораль» как «нравственные нормы поведения,

отношении с людьми, а также сама нравственность». Таким образом, половая мораль может быть понята как совокупность нравственных норм, регулирующих поведение людей в сфере половых отношений и определяющих допустимые с точки зрения общества модели такого поведения. Иначе говоря, в рамках данной позиции уголовно-правовой охране подлежит не общественная нравственность, а именно те общественные представления, которые связаны с интимной сферой сексуального характера. Такой подход, по сравнению с предыдущим, выглядит более конкретным, поскольку позволяет сузить охраняемое благо и точнее обозначить сферу действия уголовно-правового запрета. Иначе говоря, половая мораль это проявление общественной нравственности, её более узкое понимание, охватывающее отношения между полами. При таком подходе у нас сохраняется прежняя проблема: нравственные представления в сфере половых отношений также являются оценочным и неоднородными, а значит их содержание может различаться у разных групп и отельных лиц. Следовательно, вопрос о точных границах охраняемого блага сохраняется.

Третья точка зрения предлагает относить ст.242 УК РФ к преступлениям против половой свободы личности, однако и этот подход вызывает существенные трудности. Представляется, что половая свобода личности предполагает возможность самостоятельно и свободно определять свое сексуальное поведение, принимать решения в сфере интимной жизни и быть защищенным от принуждения и насилия в данной сфере [10, с.547]. Между тем диспозиция ст.242 УК РФ не затрагивает именно свободу сексуального самоопределения конкретного лица. Речь идет не о посягательстве на чью либо половую автономию, а о воздействии на нравственную сферу неопределенного круга лиц. Это исходит из самой этимологии слова «порнография», а также её лингвистического толкования, из которого следует, что порнография представляет собой изображение или описание половой жизни в грубо натуралистической, откровенно сексуализированной форме, рассчитанное прежде всего на возбуждение интереса к интимной стороне человеческих отношений, а не на вовлечение конкретного лица в отношении полового подчинения или лишение его свободы выбора. [8, с.25-26] Следовательно, объектом посягательства здесь выступает не половая свобода, а иные общественные отношения, связанные с моральной оценкой оборота подобных материалов или предметов. Иными словами, уголовно-правовой запрет в данном случае направлен не на защиту автономии личности в сексуальной сфере, а на охрану определенных нравственных представлений общества. Поэтому отнесение ст.242 УК РФ к преступлениям против половой свободы личности представляется недостаточно обоснованным, поскольку между содержанием диспозиции статьи и родовым объектом этой группы преступлений отсутствует необходимая связь.

Подводя итог анализу отечественных доктринальных подходов, можно констатировать, что определение непосредственного объекта ст.242 УК РФ через категорию «общественная нравственность» (или ее более узкую форму – «половую мораль») создает ситуацию серьезной правовой неопределенности. Эта неопределенность выражается также и в объективной стороне ст.242 УК РФ, которая фактически запрещает любой оборот порнографических материалов или предметов. В результате широкое понимание непосредственного объекта приводит к столь же широкому описанию объективной стороны, поскольку если охраняется общественная нравственность в целом, то преступным может быть признан практически любой оборот порнографии. Широта и оценочность этих понятий позволяют криминализировать оборот порнографии даже в тех случаях, когда он не наносит реального вреда и не нарушает прав конкретных лиц, что вступает в противоречие с конституционным принципом соразмерности ограничения прав и свобод человека и гражданина В то же время попытки связать данный состав с «половой свободой» представляются логически ошибочными, так как преступление посягает не на автономию воли индивида, а на сложившуюся в обществе нравственность. Для выхода из этого «тупика» абстрактных категорий и поиска более точных границ охраняемого блага необходимо обратиться к опыту зарубежных правопорядков. В отличие от российской модели, тяготеющей к универсальному запрету ради защиты нравственности в целом, законодательство Германии и Франции демонстрирует переход к более прагматичным и конкретизированным моделям охраны, где непосредственный объект преступления привязан к защите прав конкретных категорий лиц, что также получает свое отражение в конструкции объективной стороны составов преступлений, запрещающих оборот порнографии. Поэтому обращение к опыту Германии и Франции позволяет сопоставить не только содержание охраняемого блага, но и то, каким образом данный объект выражается в признаках объективной стороны соответствующих составов преступлений.

Перед изучением норм, регулирующих оборот порнографии в уголовном праве Германии следует сказать, что немецкое понимание состава преступления несколько отличается от нашего, отечественного представления. В частности, объект преступления в Германии отсутствует как обязательный элемент состава преступления, он заменяется понятием «правовое благо» (Rechtsgut) [1, с.43-45; 4, с.13]. Данное понятие наиболее сильно напоминает смысл понятия объекта преступления в России как общественных отношений. В Германии «правовое благо» это конкретная ценность или интерес, которые необходимы человеку для нормального существования в обществе. Это может быть жизнь, собственность, а также и «безопасность дорожного движения». Немецкая доктрина более прагматична, так как она защищает не «отношения», а саму возможность пользоваться благом. Именно этот подход обусловил отказ немецкого уголовного права от защиты «нравственности» как самостоятельного объекта охраны. Ярким подтверждением разницы правовых подходов служит структурное расположение норм об обороте порнографии в Уголовном уложении ФРГ (Strafgesetzbuch - StGB). Если ст.242 УК РФ помещена в главу о преступлениях против здоровья населения и общественной нравственности, то соответствующий параграф (так называются статьи в уголовном законодательстве Германии) 184 StGB включен в 13 раздел «Преступные деяния против сексуального самоопределения». Сравнивая ст. 242 УК РФ и параграф 184 StGB следует сказать:

1. Ст.242 УК РФ построена по принципу общего запрета, то есть она криминализирует любые незаконные изготовление и оборот порнографии. Поскольку критерий «законности» такого оборота в российском праве до сих пор не получил четкого нормативного закрепления, под действие статьи подпадает фактически любая форма оборота [2, с.55]. Немецкий § 184 StGB имеет принципиально иной, казуальный характер. Законодатель не запрещает оборот порнографии как таковой, а предлагает исчерпывающий перечень из девяти конкретных ситуаций, в которых этот оборот признается общественно опасным (например, торговля вне помещений, демонстрация в кинотеатрах за плату или почтовый ввоз) [1, с.293].

2. Обе нормы ставят защиту детей в приоритет, однако методы различаются. В УК РФ распространение порнографии среди несовершеннолетних является квалифицирующим составом (ч.2, ст.242 УК РФ). В § 184 StGB возрастные границы дифференцированы: п.1 защищает ли до 16 лет, п.2-5 до 18 лет. Уникальным для российского права является положение абз.2 § 184 которое выводит из под уголовной ответственности лиц, имеющих право на заботу о ребенке, если их действия не носят характера грубого нарушения воспитательных обязанностей. В России же факт ознакомления ребенка с подобным контентом родителем формально может быть квалифицирован по ч.2, ст.242 УК РФ, что свидетельствует о более жестком патерналистском подходе [1, с.293].

3. Наиболее примечательное различие содержится в п.6 § 184 StGB. Немецкий закон признает преступным предоставление порнографии другому лицу только в том случае, если это

сделано «без соответствующего требования (запроса) с его стороны [1, с.293]. В ст.242 воля получателя полностью игнорируется. С точки зрения российского законодателя, «общественная нравственность» страдает при любой передаче порнографии, даже если адресат сам просил об этом в частной переписке. Немецкий подход, напротив, декриминализирует оборот «по требованию», полагая, что в этом случае права и интересы личности не нарушаются.

Отсюда мы можем выделить, что в немецком праве уголовный запрет направлен не на искоренение порнографии, а на защиту личности от навязанного столкновения с ней, а также на охрану несовершеннолетних. В рамках данной концепции оборот порнографии будет считаться общественно опасным только в том случае, если он нарушает право личности на сексуальное самоопределение, в связи с этим и сам уголовно-правовой запрет в § 184 StGB демонстрирует более дифференцированный подход. Таким образом, государство в Германии защищает человека не от порнографии как таковой, а от навязанного сексуального воздействия.

Во Франции преобладает схожий с немецким подход защиты конкретных правовых благ, за той лишь разницей, что во Франции защищаются не «общественные отношения» и «правовые блага», а «охраняемый интерес» (*l'intérêt protégé*), который не является элементом состава преступления, а служит лишь внешним критерием для систематизации норм [12, с.208]. Применительно к незаконному обороту порнографии среди взрослых (аналог § 184 StGB и ст. 242 УК РФ), основной нормой выступает статья 227-24, которая помещена в Титул VII Книги II - «Посягательства на несовершеннолетних и семью». При сопоставлении ст.242 УК РФ и статьи 227-24 *Code pénal* можно сказать: по аналогии с нашей моделью непосредственного объекта, во Франции им является безопасность психического развития несовершеннолетних от навязанного контента, что исходит из смысла диспозиции французского уголовно-правового запрета. В частности, ответственность за оборот порнографии наступает только в случае, если она может быть увидена или воспринята несовершеннолетними. В ином случае оборот порнографии не криминализирован. Интересом обладает статья 226-2-1 *Code pénal,* которая в свою очередь находиться в главае VI: «О посягательствах на личность». Данная норма устанавливает запрет на распространение любых изображений или слов сексуального характера, полученные лицом с явного или предполагаемого согласия лица в частном порядке, если это лицо не дало согласия на их дальнейшую публикацию или пересылку другим. Криминализация деяния здесь зависит от наличия или отсутствия воли изображенного лица на его распространение. Однако, важным моментом здесь выступает согласие адресата на получение не только порнографии, а в целом изображения или слов сексуального характера. Если же именно порнография была предоставлена без согласия адресата, то в данном случае наступает ответственность по статье 222-33-1-1 *Code pénal, которая находиться в Титуле* II «Посягательства на человеческую личность», главе II «О посягательствах на физическую или психическую неприкосновенность личности», разделе 4 «О сексистском и сексуальном оскорблении». Ключевым критерием преступности деяния в статье 222-33-1-1 является фактор навязывания *(le fait d'imposer)* слов или поведения сексуального характера. В контексте оборота порнографии это означает, что пересылка интимного файла или сообщения признается преступлением только в том случае, если она совершена против воли получателя.

В рамках французской концепции криминализация оборота порнографии наступает в силу ее навязывания лицу против его воли, либо создания условий для доступа к ним несовершеннолетних. Следовательно, французская модель, как и немецкая, демонстрирует более дифференцированный подход к определению пределов уголовного запрета, что также обусловлено характером «охраняемого интереса».

Обсуждение

Проведенный анализ российских подходов к непосредственному объекту ст.242 УК РФ позволяет констатировать, что противоречивое понимание непосредственного объекта преступления в виде преобладающей на данный момент позиции понимания непосредственного объекта ст.242 УК РФ как общественной нравственности в целом, а также иных позиций, относящих данный объект к «половой морали» или вовсе отнесение данного преступления к категории преступлений против половой свободы личности, выявляет существенную проблему широты уголовного правового запрета, выражающегося в необоснованной криминализации тех деяний, которые по своему существу не обладают общественной опасностью, о чем и говорит конструкция объективной стороны ст.242 УК РФ. Как говорилось ранее, то общество нравственность которого не считает порнографию негативным явлением не претерпевает вреда в случае ее оборота между членами этого общества. Следовательно, отсутствует материальный признак преступления – общественная опасность. Для решения данной проблемы, опираясь на изученный опыт Германии и Франции предлагается уточнить границы непосредственного объекта ст.242 УК РФ. В свою очередь непосредственным объектом данного преступления представляется считать также общественную нравственность, а не иной объект уголовно правовой охраны, поскольку это продиктовано системным расположением рассматриваемой нормы в рамках главы 25 УК РФ, а также исходя из ранее раскрытого этимологического и лингвистического смысла понятия «порнография», посягающая прежде всего на нравственные устои общества. Таким образом, предлагается конкретизировать непосредственный объект преступления через объективную сторону. Это обусловлено тем, что именно объективная сторона показывает, каким внешним поведением причиняется вред объекту. Перспективным представляется:

- Введение механизма согласия и (или) истребования порнографии со стороны получателя.

Необходимость такого механизма подтверждается сравнительно-правовым анализом, поскольку в Германии значение имеет критерий «истребования» (запроса) со стороны получателя, а во Франции критерий «навязывания» материала лицу против его воли. Это позволит на законодательном уровне очертить границы между обществом, нравственность которого защищается ст.242 УК РФ от общества, нравственность которого, наоборот не считает порнографию негативным явлением, что влечет в последнем случае отсутствие общественной опасности и, следовательно, необоснованного ограничения прав граждан. Данное изменение позволит гражданам самостоятельно формировать общества и определять его нравственность, а правоприменителю послужит критерием для отграничения случаев, обладающих общественной опасностью от иных, не являющихся таковыми.

Заключение

Проведенное исследование теоретических подходов и сравнительно-правовой анализ уголовных норм между Россией, Германией и Францией, регулирующие оборот порнографии, позволяют констатировать, что существующая в отечественной доктрине неопределенность в понимании непосредственного объекта преступления, предусмотренного ст.242 УК РФ, негативно влияет на точность установления пределов уголовно-правового запрета. Установлено, что неопределенность непосредственного объекта ст.242 УК РФ выражается и в конструкции объективной стороны состава преступления, поскольку действующая норма фактически охватывает любой незаконный оборот порнографических материалов. Трактовка объекта через максимально широкую категорию «общественная нравственность» без учета воли участников оборота создает риски избыточной криминализации деяний, лишенных реальной общественной опасности. В то же время зарубежный опыт Германии и Франции демонстрирует более прагматичный подход, при котором уголовный закон защищает не абстрактные этические

нормы, а конкретные правовые блага: право на сексуальное самоопределение, психическое развитие несовершеннолетних и защиту личности от навязанного воздействия. Итогом исследования стали:

1. Непосредственным объектом преступления по ст.242 УК РФ следует признать общественную нравственность, однако ее содержание требует существенного уточнения через призму конституционного принципа соразмерности ограничения прав граждан. В отсутствие материального вреда или угрозы правам конкретных лиц оборот порнографии в частной сфере не должен влечь уголовную ответственность.

2. Сравнительно-правовой анализ показал высокую перспективность критериев «истребования» (запроса) и «навязывания» материалов, используемых в законодательстве Германии и Франции. Имплементация данных критериев в российское право позволит разграничить охраняемую законом общественную нравственность и нравственные стандарты малых групп или отельных лиц, добровольно выступающих в подобные отношения.

3. Предлагается уточнить границы непосредственного объекта ст.242 УК РФ посредством конкретизации объективной стороны состава преступления, закрепив механизм согласия и (или) истребования порнографического материала или предмета со стороны совершеннолетнего получателя. Отсутствие инициативы, запроса или согласия адресата должно выступать критерием признания оборота порнографии общественно опасным.

Литература

1. Головненков П.В. Уголовное уложение Федеративной Республики Германия = Strafgesetzbuch (StGB) : научно-практический комментарий и перевод текста закона / П. В. Головненков. — Потсдам : Universitätsverlag Potsdam, 2021. - 494 с.Демидов Н. В. Трудовое право: учеб. пособие для вузов / ред.-сост. Н. В. Демидов. М.: Издательство Юрайт, 2023. 203 с.
2. Гусарова М.В. Преступления, сопряженные с оборотом порнографической продукции: уточнение непосредственного объекта и частичная декриминализация // Вестник Казанского юридического института МВД России. — 2022. — Т. 13, № 1 (47). - С. 52–57.
3. Дайшутов М.М. К вопросу об объектах преступления, состав которого предусмотрен статьей 242 Уголовного кодекса РФ / М. М. Дайшутов, Ж. А. Бойцова, Л. Н. Ивлева // Современное право. - 2023. - № 12. - С. 115–119.
4. Клепицкий И.А. Новое экономическое уголовное право : монография / И. А. Клепицкий. - Москва : Проспект, 2025. — 984 с
5. Наумов А. В. Российское уголовное право : курс лекций : в 2 т. Т. 2 : Особенная часть / А. В. Наумов. - 3-е изд., перераб. и доп. - Москва : Юридическая литература, 2004. - 832 с.
6. Новицкий А.А. Сравнительно-правовой анализ уголовного законодательства России и Франции // Вопросы студенческой науки. — 2020. — № 3 (43). - С. 207–210.
7. Ожегов С. И. Толковый словарь Ожегова онлайн [Электронный ресурс]. - URL: https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=17288 (дата обращения: 02.05.2026)
8. Фонштейн А. И. Уголовно-правовое противодействие современным формам оборота порнографии: теоретико-прикладное исследование : дис. … канд. юрид. наук : 5.1.4 / А. И. Фонштейн ; Кубанский государственный университет. - Краснодар, 2026. - 326 с
9. Чирков Ф. В. Теоретические основы уголовно-правовой охраны традиционных российских духовно-нравственных ценностей : автореф. дис. … д-ра юрид. наук : 5.1.4 / Ф. В. Чирков ; Кубанский государственный университет. — Краснодар, 2025. — 35 с.
10. Чучаев А. И. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации : научно-практический / под ред. А. И. Чучаева. - Москва : Проспект, 2019. - 1536 с.
11. Шарапов Р. Д. Преступления против общественной нравственности : учебное пособие / Р. Д. Шарапов. - Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2022. - 124 с.
12. France. Code pénal : version consolidée au 11 juillet 2025 [Электронный ресурс]. — URL: https://www.legifrance.gouv.fr/ (дата обращения: 07.09.2025).

The immediate object of crime in the illegal trafficking of pornographic materials or objects: a comparative legal study (Russia, Germany, France)

Kostin N.A.

Undergraduate student, Samara National Research University named after Academician S.P. Korolev

The article examines the problem of defining the direct object of the crime under Article 242 of the Criminal Code of the Russian Federation, concerning the illegal production and circulation of pornographic materials. The author argues that understanding this object as public morality or sexual morality is excessively broad and uncertain. This uncertainty is also reflected in the objective element, which may cover almost any illegal circulation of pornography. Based on Russian doctrinal approaches, the article substantiates the need to define the limits of criminal prohibition, taking into account the principle of proportionality in restricting rights and freedoms. Attention is given to German and French legislation, where liability is linked not to the circulation of pornography as such, but to specific circumstances: absence of request or consent, imposition of sexualized content, and protection of minors. The article concludes that public morality may remain the direct object of Article 242, provided that its content is specified through the objective elements of the offence, including consent or request by an adult recipient.

Keywords: labor relations, labor law, etc. (5-10 words).

References

1. Golovnenkov P. V. Criminal Code of the Federal Republic of Germany = Strafgesetzbuch (StGB): scientific and practical commentary and translation of the legal text. Potsdam: Universitätsverlag Potsdam, 2021. 494 p.
2. Gusarova M. V. Crimes related to the circulation of pornographic products: clarification of the direct object and partial decriminalization // Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. Vol. 13, no. 1 (47). Pp. 52–57
3. Daishutov M. M., Boytsova Zh. A., Ivleva L. N. On the issue of the objects of the crime provided for by Article 242 of the Criminal Code of the Russian Federation // Modern Law. 2023. No. 12. Pp. 115–119.
4. Klepitsky I. A. New economic criminal law: monograph. Moscow: Prospekt, 2025. 984 p.
5. Naumov A. V. Russian criminal law: course of lectures: in 2 vols. Vol. 2: Special Part. 3rd ed., rev. and enl. Moscow: Yuridicheskaya literatura, 2004. 832 p.
6. Novitsky A. A. Comparative legal analysis of the criminal legislation of Russia and France // Issues of Student Science. 2020. No. 3 (43). Pp. 207–210.
7. Ozhegov S. I. Ozhegov Explanatory Dictionary Online [Electronic resource]. Available at: https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=17288 (accessed: 02.05.2026).
8. Fonshtein A. I. Criminal law counteraction to modern forms of pornography circulation: theoretical and applied research: Cand. Sci. (Law) dissertation: 5.1.4. Krasnodar: Kuban State University, 2026. 326 p.
9. Chirkov F. V. Theoretical foundations of criminal law protection of traditional Russian spiritual and moral values: abstract of Dr. Sci. (Law) dissertation: 5.1.4. Krasnodar: Kuban State University, 2025. 35 p.
10. Chuchaev A. I. Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation: scientific and practical commentary / ed. by A. I. Chuchaev. Moscow: Prospekt, 2019. 1536 p.
11. Sharapov R. D. Crimes against public morality: textbook. Saint Petersburg: Saint Petersburg Law Institute, branch of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, 2022. 124 p.
12. France. Code pénal: version consolidated as of July 11, 2025 [Electronic resource]. Available at: https://www.legifrance.gouv.fr/ (accessed: 07.09.2025).

Дифференциация уголовной ответственности за незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов и прекурсоров в отечественном уголовном праве в исторической ретроспективе

Мозжегорова Александра Юрьевна
аспирант, Сургутский государственный университета, mozzhegorova98@mail.ru

Историческая ретроспектива показывает, что корни дифференциации ответственности за незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ связаны с традициями государственного контроля в сфере медицины и торговли потенциально опасными товарами, с религиозно-нравственными представлениями, а также с постепенным становлением правовых категорий «яды», «зелья», «лекарства», «отравы», позднее – «наркотическое средство», «психотропное вещество», «прекурсор». В статье предпринята попытка выявить особенности становления и дифференциации уголовной ответственности за деяния, связанные с незаконным оборотом наркосодержащих и психоактивных веществ, их аналогов и прекурсоров в отечественном праве. В рамках исследования особое значение имеет демонстрация преемственности в праве, выявление специфики криминализации и дифференциации уголовной ответственности за данные деяния на разных этапах развития нашего государства.

Ключевые слова: дифференциация уголовной ответственности, национальная безопасность, наркопреступность, социальная опасность, незаконный оборот, наркотические средства, психотропные вещества, прекурсоры.

Проблематика незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ в современном уголовном праве обычно воспринимается как относительно «новая» сфера, требующая государственного реагирования, сформировавшаяся главным образом в XX веке в связи с развитием фармацевтической промышленности, химии, интернационализации преступности.

Правовая действительность Древней Руси не знала понятий «наркотические средства» и «психотропные вещества» в современном смысле, поскольку отсутствовала развитая химическая и фармацевтическая классификация. Вместе с тем, в быту и в медицине использовались растения и вещества, обладающие одурманивающим, болеутоляющим и снотворным эффектом. Их законный оборот не выделялся как самостоятельный объект уголовно-правовой охраны. Регулятивные механизмы раннего права сосредотачивались вокруг иных задач: поддержание общественного порядка, предотвращение отравлений и убийств, подавление колдовства и «чародейства», а также охрана религиозных и нравственных устоев. В этом смысле интересен Церковный устав князя Владимира Святославича [4], который относил «ведьство и зелейничество» к ведению церковного суда. Наказание за такие деяния преследовало цель борьбы с язычеством и колдовством, а не охрану здоровья. Системной дифференциации ответственности за оборот одурманивающих веществ в этот период не существовало, что объясняется следующим: 1) право было ориентировано не на «вину и личность преступника», а на восстановление нарушенного порядка через возмещение; 2) слабая роль государства (разветвленной системы следствия, прокуратуры и постоянных судов еще не было, поэтому сложные модели ответственности (с множеством составов, выделением степени участия) были трудно реализуемы.

Источники древнерусского права (прежде всего, это Русская Правда [5], позднее – Судебники [6; 7]) задавали основную парадигму: ответственность акцентировалась не на «веществах» как таковых, а на причинении вреда и способах совершения посягательств. Если определенные средства применялись как «зелье» или «отрава» для причинения смерти или вреда, то ответственность наступала соответственно за убийство, отравление, а не за сам оборот вещества.

Существенное значение для допетровской эпохи имели церковные нормы и нравственные представления. Приравнивание некоторых практик употребления «зелья» к греховному поведению, а также преследование колдунов, знахарей и чародеев формировали ранний опыт государственного контроля над психоактивными веществами посредством их запретов. Однако, как указывает М.А. Темботова, этот контроль выражался не в системной регламентации оборота, а в преследовании опасного социального поведения [24, с. 43]. Для дифференциации уголовной ответственности это важно тем, что впоследствии специальные признаки субъекта (например, врач, аптекарь, должностное лицо) станут самостоятельными критериями усиления ответственности, на данном же этапе к ответственности привлекался «знахарь-отравитель» как лицо, обладающее специальными знаниями и потому потенциально более опасное.

Переход к государственной модели регулирования начал проявляться в усилении роли централизованной власти в позднесредневековый период, особенно в Московском государстве. Судебники 1497 [6] и 1550 [7] годов, а также Соборное уложение 1649 года [8] отражали тенденцию к кодификации и усилению контроля над деяниями, воспринимаемыми как угроза гос-

ударственному порядку. Хотя напрямую в нормативных источниках упоминания об обороте наркотических средств отсутствовали, тем не менее, в этот период проявляется более отчетливая линия на пресечение отравлений и противоправного врачевания. Здесь важен сам механизм: государство начинает признавать необходимость контроля за оборотом опасных веществ в связи с развитием медицины и торговли. В XVII веке формируется более организованная аптечная система и государственный интерес к регулированию лекарственных средств усиливается. Это создает предпосылки для следующего этапа, когда регулирование обращения опиума, морфина и иных препаратов становится предметом не только медицинских предписаний, но и правовых ограничений с уголовно-правовыми последствиями.

Таким образом, допетровский этап характеризуется тем, что еще нет ответственности, известной современному уголовному право за оборот наркотических средств и психотропных веществ, но уже прослеживается становление и усиление государственного контроля над медициной.

Переход к имперскому периоду происходит через институционализацию медицины и государственного управления, а также через влияние европейского законодательства, что привнесло научную классификацию веществ и более четкие подходы к регулированию фармацевтического оборота.

Начиная с правления Петра I, прослеживается формирование более развитого государственного аппарата, рост городов, торговли и промышленности, а также развитие медицины и фармакологии. Эти процессы объективно усилили значимость правового контроля над лекарственными средствами, ядами и сильнодействующими веществами. В это время регулирование опасных веществ начинает строиться не только вокруг последствий (таких, как отравление, смерть), но и вокруг самого факта незаконного обращения с веществами, которые государство признает опасными и требующими специального режима [22, с. 23]. «Опасный предмет» и «нарушение оборота» становятся признаками самостоятельного состава преступления.

Е.В. Рогова обращает внимание на то, что ранние периоды существования Российской империи связаны с регулированием аптечного дела и медицинской практики, что имело, как отмечается в научной юридической литературе, административно-полицейский характер: государство стремилось контролировать производство, хранение и отпуск лекарств через систему аптек и получение специальных разрешений, что постепенно приводило к признанию наказуемым нарушений установленного порядка их оборота [23, с. 17]. Дифференциация ответственности на данном этапе выражалась в разделении деяний по профессиональному признаку: аптекарь и врач несли ответственность за нарушения правил, поскольку их деятельность сопряжена с повышенным риском распространения опасных средств. Этот подход концептуально близок современным нормам, предусматривающим ответственность за незаконное производство и сбыт, совершенные определенными лицами, либо за нарушение правил оборота наркотических средств и психотропных веществ.

Дальнейшее развитие связано с кодификацией уголовного законодательства. Свод законов Российской Империи [9] и Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года [10] отражали усложнение структуры преступлений, а также более четкое выделение общественно опасных деяний против здоровья населения и общественного порядка. Хотя термин «наркотик» еще не являлся устойчивым юридическим понятием, в законодательстве и подзаконном регулировании заметно укреплялась категория «ядов» и «сильнодействующих веществ», контролируемых государством. В юридическом смысле это важно: через регулирование «ядов» право вырабатывало технику установления особого режима обращения вещества и последующего уголовно-правового реагирования на его нарушения. Для дифференциации ответственности это создало две линии: 1) ответственность за причинение вреда с использованием опасного вещества; 2) ответственность за незаконный оборот такого вещества вне зависимости от наступления вредных последствий (например, продажа без соблюдения правил).

Во второй половине XIX – начале XX века усиливается международный контроль опиума. Российская империя включалась в мировую торговлю и сталкивалась с проблемой немедицинского потребления. Это привело к укреплению надзора за оборотом препаратов, содержащих опиум и иных одурманивающих средств. Врачи широко применяли опий, морфин, позже и кокаин в медицинских целях. В связи с этим постепенно формируется социальное осознание зависимости как проблемы, однако на практике еще преобладает борьба с незаконной торговлей, а не с потребителем как таковым [23, с. 53].

На рубеже веков заметны элементы будущей дифференциации по «операциям» с веществом: изготовление и продажа рассматриваются как более опасные действия, чем хранение для личных нужд, хотя четкого деления еще нет. Параллельно развивается таможенный и пограничный контроль, что также закладывает будущее уголовно-правовое реагирование, известное сегодня как установление ответственности за контрабанду наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров или аналогов.

Уголовное уложение 1903 года [11] усилило контроль за оборотом опиума и кокаина. С.Ю. Японьская пишет по этому поводу следующее: ключевым этапом в деле противодействия распространению и употреблению наркотиков стал Указ Николая II от 7 июня 1915 года «О мерах борьбы с опиумокурением», в котором впервые появилась четкая дифференциация ответственности в зависимости от цели деяния. Наказание за сбыт и содержание притонов было значительно строже, чем за простое хранение наркотических средств [25, с. 28]. В продолжение своей мысли С.Ю. Японьская указывает, что закон также ввел территориальную дифференциацию: наиболее жесткие меры применялись в Приамурском генерал-губернаторстве и Туркестане, где проблема стояла наиболее остро. Субъектом преступления признавался не только продавец, но и держатель «инфраструктуры» для потребления [25, с. 32].

Начиная с 1917 года, законодательство в сфере незаконного оборота наркотических средств меняет свой вектор, что связывается, в первую очередь, со сменой государственной власти. Советское право прошло путь от полного игнорирования проблемы незаконного оборота наркотиков до применения жестких мер наказания. Изменения в подходах правового регулирования связаны не только с политико-экономической сменой системы, но и с радикальной трансформацией правовой идеологии и модели управления государством. Если в Российской империи постепенно выстраивались режимы контроля через сочетание полицейского надзора, установления медицинских правил и уголовно-правовых запретов в отношении отдельных опасных веществ, то в советский период в значительной степени был расширен уголовно-правовой инструментарий: он стал более ориентированным на охрану здоровья, дисциплины и порядка, а также на централизованное управление оборотом через государственную монополию и административное планирование. При этом ранее существовавшая основа – аптечное регулирование, идея специального режима обращения, различение профессиональных субъектов – не исчезла, а стала основой для советской системы.

Советский этап является ключевым для формирования современного понимания незаконного оборота наркотиков как сложного многоэлементного явления, требующего разветвленной системы уголовно-правовых запретов. В период становления советского государства правовая система переживала смену правовых источников и подходов, одновременно государство стремилось быстро упорядочить сферы, связанные с медициной, фармацевтической деятельностью и общественной безопасностью. Значение уголовного права в этой области усиливалось, а контроль над оборотом веществ тесно связывался с

государственной системой здравоохранения и санитарного надзора [24, с. 51].

В ранний советский период законодательство строилось на принципе защиты «народного здравия». Дифференциация уголовной ответственности за исследуемые деяния в 1920-е годы проводилась по принципу социальной опасности и с учетом цели извлечения прибыли. Уголовный кодекс (далее – УК) РСФСР 1926 года [13] разделял ответственность на несколько уровней. Выделялось изготовление и хранение наркотических средств с целью сбыта и без такой цели: «Изготовление и хранение с целью сбыта и самый сбыт кокаина, опия, морфия, эфира и других одурманивающих веществ без надлежащего разрешения» (ст. 104).

В 1930-1950-е годы наблюдалась тенденция к криминализации посевов мака и конопли без надлежащего разрешения. Ответственность стала дифференцироваться по виду культуры: возделывание опийного мака каралось строже, чем выращивание конопли (ст. 179-а). Наказание зависело от масштабов посевных площадей и наличия рецидива. Профессиональная деятельность (например, хищение наркотиков медицинскими работниками) начала выделяться в самостоятельный вид противоправного поведения с повышенной ответственностью.

Уголовные кодексы союзных республик и общесоюзные подходы постепенно закрепляли ответственность за незаконное изготовление, хранение и сбыт. При этом существенной особенностью советской модели стала «ориентация на сбыт» как на наиболее опасную форму противоправной деятельности. По мере роста распространенности немедицинского потребления наркотических веществ право начало более четко разграничивать «действия, создающие рынок сбыта», «действия, вовлекающие других» (сбыт, распространение, организация притонов), и «действия, связанные с личным потреблением» (хранение без цели сбыта). Хотя на разных этапах развития советского государства отношение к потребителю менялось, общая тенденция к дифференциации ответственности в зависимости от цели деяния и от роли лица в обороте постепенно усиливалась.

Масштабные изменения произошли в УК РСФСР 1960 года [14] и посредством принятия последующих указов Президиума Верховного Совета СССР (особенно в 1974 и 1987 годах). Так, например, Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 29.06.1987 № 6462-XI «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РСФСР, Кодекс РСФСР об административных правонарушениях и другие законодательные акты РСФСР» [16] ввел примечание, согласно которому лицо, добровольно обратившееся в медицинское учреждение за получением медицинской помощи в связи с потреблением наркотических средств без назначения врача, освобождалось от административной ответственности. Правовая доктрина этого периода выделила множество квалифицирующих признаков. Во-первых, ответственность стала зависеть от размера (выделяются крупный и особо крупный размер). Во-вторых, была детально проработана дифференциация уголовной ответственности по стадиям, несмотря на то, что не было введено отдельных правовых норм, которые прямо регулировали бы ответственность только за «приготовление» или «покушение» на наркопреступление. Однако, основной акцент был сделан на выделение «усеченного» состава хищения и ролям соучастников (например, хищение наркотиков путем совершения разбоя или кражи наказывалось гораздо жестче, чем приобретение). В-третьих, в числе оснований для усиления ответственности стали признаваться повторность совершения преступления и наличие судимости.

В 1972 году после присоединения СССР к Единой конвенции о наркотических средствах 1961 г. [19] произошло изменение отечественного законодательства. В 1974 году принимается Указ Президиума Верховного Совета СССР, который четко разграничил такие составы преступлений, как хищение наркотических средств, изготовление и сбыт, хранение без цели сбыта, склонение к потреблению [21, с. 12].

Советская модель ввела понятие «крупного размера» как квалифицирующего признака, что стало фундаментом для дифференциации наказания. Важным при рассмотрении дифференциации уголовной ответственности является вопрос о включении в закон и разделении таких понятий, как «наркотические средства» и «психотропные вещества». Понятие «наркотические средства» на законодательном уровне в отечественной практике было закреплено значительно раньше, чем термин «психотропные вещества». Термин «наркотические средства» (или «наркотики») начал активно использоваться в нормативных актах в 1920-х годах. В УК РСФСР 1922 года [12] и последующих декретах ВЦИК уже использовались формулировки, касающиеся сильнодействующих и одурманивающих веществ, однако четкое юридическое определение «наркотические средства» закрепилось в общесоюзном законодательстве с принятием Указа Президиума Верховного Совета СССР от 25 апреля 1974 года «Об усилении борьбы с наркоманией» [17]. Именно этот акт систематизировал терминологию и выделил наркотики в самостоятельный предмет преступления, опираясь на перечни, утвержденные профильными ведомствами.

Понятие «психотропные вещества» вошло в отечественный законодательный оборот существенно позже. Его легализация была обусловлена необходимостью приведения внутреннего права в соответствие с нормами международного права, а именно с Конвенцией о психотропных веществах 1971 года [20]. В советском законодательстве это понятие начало эпизодически упоминаться в подзаконных актах Минздрава в 1970-х, но полноценное закрепление в уголовном праве произошло лишь в самом конце существования советского государственного строя и окончательно утвердилось в постсоветский период [25, с. 34].

В законодательство термин «психотропные вещества» в дополнение к «наркотическим средствам» был введен Указом Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1987 года «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты СССР» [18]. С этого момента в правовых нормах стала использоваться устойчивая связка этих двух понятий, разделяющая вещества в зависимости от их химического состава, воздействия на нервную систему человека и установленного режима международного контроля. Окончательная дифференциация этих понятий и их детальные определения были закреплены уже в современном российском праве.

Действующее уголовное законодательство представляет собой сложную систему с высокой степенью дифференциации уголовной ответственности за незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов и прекурсоров.

Особенности современной дифференциации уголовной ответственности в соответствии с Уголовным кодексом Российской Федерации [2] (далее – УК РФ) состоят в выделении следующих критериев: 1) по предмету (разделение на наркотические средства, психотропные вещества, их аналоги, прекурсоры, а также растения, содержащие наркокомпоненты. При этом наркотические средства, психотропные вещества и их аналоги объединены в рамках одних и тех же составов (ст. 228, 228.1 УК РФ), и различий в ответственности в зависимости от вида вещества закон не предусматривает; 2) по количественному критерию. Здесь надо отметить, что Постановление Правительства РФ от 30.06.1998 № 681 «Об утверждении перечня наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации» [3] (далее – Постановление Правительства РФ № 681) устанавливает количество, которое охватывается понятием «значительный», «крупный» и «особо крупный» размер для каждого вещества. Это один из главных инструментом разграничения ответственности. Тем самым современный законодатель признал, что ответственность должна различаться в зависимости от размера вещества. Это принципиальное отличие от ранних эпох, где количество могло учитываться судом фактически, не имело юридического значения для дифференциации ответственности.

Современная модель уголовной ответственности за незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов и прекурсоров в отечественном уголовном праве является результатом длительного исторического накопления правовых подходов. Существующая дифференциация выражается в многоуровневой системе критериев: вид деяния (производство, сбыт, пересылка, хранение, перевозка, изготовление, переработка), цель (сбыт, без цели сбыта), предмет (наркотические средства, психотропные вещества, их аналоги, растения, содержащие наркотические средства или психотропные вещества, прекурсоры), размер, иные квалифицирующие признаки (организованная группа, использование служебного положения, вовлечение несовершеннолетних), а также появились самостоятельные составы, обеспечивающие пресечение функционирования «инфраструктуры» (притоны, нарушения правил оборота).

На каждом из изученных периодов был внесен свой вклад в становление и дифференциацию ответственности за незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов и прекурсоров. В древнерусский и допетровский период отсутствовала самостоятельная ответственность за незаконный оборот психоактивных веществ. Они не выделялись в качестве специального предмета преступления, а рассматривались сквозь призму общих норм: ответственность наступала лишь за конкретные последствия (например, отравление, доведение до беспамятства) или за определённый способ причинения вреда (например, подсыпание в питьё, зельеварение с целью убийства). Эта модель не исчезла: современное право попрежнему усиливает ответственность, когда оборот наркотиков приводит к тяжким последствиям, либо когда деяние создает повышенную опасность для неопределенного круга лиц. Несмотря на то, что современный закон гораздо чаще использует формальные составы, связь с логикой древнего права остается при квалификации и назначении наказания.

В период Российской империи была реализована идея специального режима обращения опасных веществ, тесно связанная с профессиональной ответственностью и государственным контролем за медициной. Из этой эпохи происходит мысль, что опасные вещества могут быть легальны в медицине, но незаконны при нарушении порядка их отпуска, учета, хранения и реализации. Отсюда – современная дифференциация между «легальным оборотом» и «незаконным оборотом», а также ответственность за нарушения правил оборота в тех сферах, где такие вещества допустимы (аптеки, медицина, химическая промышленность). Практика Российской империи в сфере осуществления контроля ядов и сильнодействующих средств фактически является прототипом современных режимов учета и лицензирования.

В советский период наблюдается более системный подход к уголовно-правовой борьбе с незаконным оборотом. Именно здесь окончательно закрепилась дифференциация ответственности по цели (цель сбыта оценивается как повышающая общественную опасность), по размеру, по перечням (списки веществ), а также сконструированы так называемые инфраструктурные составы (организация и содержание притонов признаются преступными). Все это сегодня составляет «каркас» правового регулирования ответственности за незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ.

Наконец, появление в современном праве категорий «аналоги» и «прекурсоры» является исторически обусловленным ответом на технологическое развитие. Если ранние эпохи не нуждались в таких понятиях из-за ограниченности ассортимента и медленного обновления веществ, то реальность столкнулась с постоянной модификацией формул, попытками обхода запретов (создание «дизайнерских» веществ), а также с промышленным оборотом. Введение ответственности за прекурсоры логически продолжает линии контроля над опасными товарами и медицинско-химическими ресурсами, но делает акцент на предотвращение производства на ранних стадиях. Тем самым историческая эволюция приводит к расширению объекта охраны: не только здоровье, но и безопасность общественных отношений в сфере обращения химических веществ, способных быть использованными для создания запрещенных препаратов.

Для понимания исторической ретроспективы особенно важно показать не просто перечень эпох, а механизм перехода. Переход от Древней Руси к Московскому государству и допетровскому регулированию в рассматриваемой сфере происходил не через «наркотики» как таковые, а через усиление кодификации и государственного контроля над опасными способами причинения вреда (колдовство, отравление). Уголовно-правовое значение имел не химический состав вещества, а социальная опасность деяния. Это был период, когда дифференциация строилась на морализаторско-охранительной основе: что подрывает порядок и нравы, то и преследуется. Внутри этой логики постепенно оформлялась потребность в контроле медицинской практики: власть начинала отличать допустимое «врачевание» от опасного «знахарства». Именно это различение стало мостом к периоду, когда медицина и фармацевтика превратились в институционализированную сферу государственного управления.

Переход от допетровской эпохи к имперской модели был связан с европеизацией, созданием государства и развитием рынка. Право стало работать с товаром и профессией. Опасное вещество перестало быть только «орудием» и стало объектом режима оборота: его можно производить, хранить, отпускать, перевозить, но по правилам. Нарушение правил стало рассматриваться как самостоятельная опасность. Это качественное изменение: впервые возникает конструкция, близкая к современным составам незаконного оборота, где общественная опасность заключена в самом факте нарушения установленного режима.

Переход от Российской империи к советскому периоду сопровождался разрывом правовой системы, но в сфере контроля опасных веществ произошла скорее трансформация административно-полицейского контроля в централизованную государственную систему управления здравоохранением и промышленностью. Идея установленного государством режима обращения сохранилась, но стала жестче и более унифицированной. Уголовное право в этой сфере стало системным инструментом государственного воздействия, а дифференциация ответственности приобрела более четкие юридические критерии: цель, размер, степень организованности.

Переход от позднесоветского периода к современному праву в исторической логике выступает этапом усложнения предмета преступления (аналоги, прекурсоры, синтетические вещества). Однако ядро дифференциации (наличие цели сбыта; размер вещества; выделение специальных субъектов преступления и др.) было подготовлено именно предшествующими этапами. Поэтому современное регулирование нельзя считать возникшим «с ноля»: оно является итогом накопления правовых знаний, от ранней охраны от отравлений – к дисциплине фармацевтического оборота, оттуда – к разветвленной системе уголовно-правовых запретов.

Исходя из сказанного, можно сделать следующий вывод. Современное регулирование в отечественном уголовном праве представляет собой результат исторического развития, где каждый этап добавлял новые элементы дифференциации уголовной ответственности: сначала оценку повышенной опасности, затем идею специального режима оборота и профессионального контроля, позднее – системность составов и формализованные критерии. Понимание этой ретроспективы позволяет точнее оценивать логику современных норм, их социальное назначение и направления возможного развития: дальнейшее уточнение предмета правового регулирования в условиях появления новых веществ и технологий неизбежно будет опираться на исторически выработанный баланс между медицинской допустимостью, государственным контролем и уголовно-правовым запретом как крайней мерой охраны общественного здоровья и безопасности.

Литература

1.Конституция Российской Федерации (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020) // Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru) от 06.10.2022 г. – Ст. 0001202210060013.

2.Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 29.12.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 20.01.2026) // Собрание законодательства РФ. – 17.06.1996. – № 25. – Ст. 2954.

3.Постановление Правительства РФ от 30.06.1998 № 681 (ред. от 11.06.2025) «Об утверждении перечня наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации». – URL: http://government.ru/

4.Устав князя Владимира Святославича о десятинах, судах и людях церковных. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Istorija

5.Русская Правда. Режим доступа. – URL: https://nnov.hse.ru/ba/law/igpr/rus-pravda?ysclid=mlv5wy4npq624334409

6.Судебник (1497). Режим доступа. – URL: https://nnov.hse.ru/ba/law/igpr/sudebnik1497?ysclid=mlv5y7v27a386404392

7.Судебник (1550). Режим доступа. – URL: https://nnov.hse.ru/ba/law/igpr/sudebnik1550?ysclid=mlv5znb8we54241853

8.Соборное уложение (1649). Режим доступа. – URL: https://nnov.hse.ru/ba/law/igpr/sobornoeulozgenie1649?ysclid=mlv60oai6a962730436

9.Свод Законов Российской Империи. Режим доступа. – URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?empire&ysclid=mlv61rabpj298281490

10. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года. Режим доступа. – URL: https://nnov.hse.ru/ba/law/igpr/ulonakaz1845?ysclid=mlv62z6w2c13938191

11. Новое уголовное уложение, выс. утв. 22 марта 1903 г.: = Новое уголовное уложение, высочайше утвержденное 22 марта 1903 г. С прил. предм. алф. указ. – Санкт-Петербург: Кн. маг. В.П. Анисимова, 1903. – 253 с.

12. Уголовный кодекс РСФСР (1922). Режим доступа. – URL: https://nnov.hse.ru/ba/law/igpr/sov_gos/ugkod_22?ysclid=mlv6nrlolh222226488

13. Уголовный кодекс РСФСР (1926). Режим доступа. – URL: https://docs.cntd.ru/document/901757374?ysclid=mlv65nsa46387256659

14. Уголовный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960). Режим доступа. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_2950/?ysclid=mlv6fxaf5l447579162

15. Указ Президиума ВС РСФСР от 15 июля 1974 г. «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты РСФСР». Режим доступа – URL: https://base.garant.ru/5181145/1cafb24d049dcd1e7707a22d98e9858f/

16. Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 29.06.1987 № 6462-XI «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РСФСР, Кодекс РСФСР об административных правонарушениях и другие законодательные акты РСФСР». – URL: https://base.garant.ru/1308727/

17. Указ Президиума ВС СССР от 25.04.1974 № 5928-VIII «Об усилении борьбы с наркоманией». Режим доступа. – URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=44841&ysclid=mlv6oxhgke841551406#JFt3nBV4MNjdlTbs

18. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 22.06.1987 «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты СССР. Режим доступа. – URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=102074279&backlink=1&nd=102010186&rdk=0&ysclid=mlv6rr52oa897178229

19. Единая конвенция о наркотических средствах 1961 года с поправками, внесенными в нее в соответствии с Протоколом 1972 года о поправках к Единой конвенции о наркотических средствах 1961 года (Заключена в г. Нью-Йорке 30.03.1961). – URL: https://www.consultant.ru/ [СПС «КонсультантПлюс»]

20. Конвенция о психотропных веществах (1971). URL: https://www.unodc.org/pdf/convention_1971_ru.pdf

21. Витовская Е.С. Незаконный оборот наркотических средств как основание уголовной ответственности по Уголовному кодексу Российской Федерации: учебное пособие / Е.С. Витовская. – Новокузнецк: КИ ФСИН России, 2021. – 43 с.

22. Рогова Е.В. Теоретико-правовое понимание и средства дифференциации уголовной ответственности в современном уголовном праве России: монография / Е.В. Рогова. – Иркутск: ВСИ МВД России, 2022. – 129 с.

23. Савинков А.А. Уголовно-правовое и криминологическое противодействие склонению к потреблению наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08/ Антон Андреевич Савинсков. – Москва, 2025. – 309 с.

24. Темботова М.А. Уголовная ответственность за незаконный оборот потенциально опасных психоактивных веществ: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Марьяна Арсеновна Темботова. – Москва, 2020. – 212 с.

Differentiation of criminal liability for the illegal circulation of narcotic drugs, psychotropic substances, their analogues and precursors in domestic criminal law in historical retrospect

Mozzhegorova A.Yu.

Postgraduate student at Surgut State University

A historical review reveals that the roots of the differentiation of liability for the illegal trafficking of narcotic drugs and psychotropic substances are linked to the traditions of state control in medicine and the trade in potentially dangerous goods, religious and moral beliefs, and the gradual development of the legal categories of «poisons», «potions», «medicines» and later, «narcotic drug», «psychotropic substance» and «precursor». This article attempts to identify the development and differentiation of criminal liability for acts related to the illegal trafficking of narcotic and psychoactive substances, their analogues, and precursors in Russian law. This study emphasizes demonstrating legal continuity, identifying the specifics of criminalization, and differentiating criminal liability for these acts at different stages of our country's development.

Keywords: differentiation of criminal liability, national security, drug-related crime, social danger, illegal trafficking, narcotic drugs, psychotropic substances, precursors.

References

1. Constitution of the Russian Federation (with amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020) // Official Internet Portal of Legal Information (www.pravo.gov.ru) dated October 6, 2022 – Art. 0001202210060013.
2. Criminal Code of the Russian Federation dated June 13, 1996, No. 63-FZ (as amended on December 29, 2025) (as amended and supplemented, entered into force on January 20, 2026) // Collected Legislation of the Russian Federation. – June 17, 1996. – No. 25. – Art. 2954.
3. RF Government Resolution No. 681 of June 30, 1998 (as amended on June 11, 2025) «On Approval of the List of Narcotic Drugs, Psychotropic Substances, and Their Precursors Subject to Control in the Russian Federation.» – URL: http://government.ru/
4. Prince Vladimir Svyatoslavich's Charter on Tithes, Courts, and Church People. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Istorija
5. Russkaya Pravda. Access Mode. – URL: https://nnov.hse.ru/ba/law/igpr/rus-pravda?ysclid=mlv5wy4npq624334409
6. Sudebnik (1497). Access Mode. – URL: https://nnov.hse.ru/ba/law/igpr/sudebnik1497?ysclid=mlv5y7v27a386404392
7. Code of Laws (1550). Access mode. – URL: https://nnov.hse.ru/ba/law/igpr/sudebnik1550?ysclid=mlv5znb8we54241853
8. Cathedral Code (1649). Access mode. – URL: https://nnov.hse.ru/ba/law/igpr/sobornoeulozgenie1649?ysclid=mlv60oai6a962730436
9. Code of Laws of the Russian Empire. Access mode. – URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?empire&ysclid=mlv61rabpj298281490
10. Code of Criminal and Correctional Punishments of 1845. Access mode. – URL: https://nnov.hse.ru/ba/law/igpr/ulonakaz1845?ysclid=mlv62z6w2c13938191
11. New Criminal Code, supremely approved on March 22, 1903: = New Criminal Code, supremely approved on March 22, 1903. With app. subject alphanumeric dec. – St. Petersburg: Book Store of V.P. Anisimov, 1903. – 253 p.
12. Criminal Code of the RSFSR (1922). Access mode. – URL: https://nnov.hse.ru/ba/law/igpr/sov_gos/ugkod_22?ysclid=mlv6nrlolh222226488
13. Criminal Code of the RSFSR (1926). Access mode. – URL: https://docs.cntd.ru/document/901757374?ysclid=mlv65nsa46387256659
14. Criminal Code of the RSFSR (approved by the Supreme Council of the RSFSR on October 27, 1960). Access mode. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_2950/?ysclid=mlv6fxaf5l447579162

15. Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the RSFSR of July 15, 1974 «On Amendments and Additions to Certain Legislative Acts of the RSFSR». Access mode – URL: https://base.garant.ru/5181145/1cafb24d049dcd1e7707a22d98e9858f/
16. Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the RSFSR of June 29, 1987 No. 6462-XI «On Amendments and Additions to the Criminal Code of the RSFSR, the Code of the RSFSR on Administrative Offenses, and Other Legislative Acts of the RSFSR». – URL: https://base.garant.ru/1308727/
17. Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR of April 25, 1974 No. 5928-VIII «On Strengthening the Fight against Drug Abuse». Access mode. – URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=44841&ysclid=mlv6oxhgke841551406#JFt3nBV4MNjdlTbs
18. Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR of June 22, 1987 «On Amendments and Additions to Certain Legislative Acts of the USSR». Access mode. – URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=102074279&backlink=1&nd=102010186&rdk=0&ysclid=mlv6rr52oa897178229
19. Single Convention on Narcotic Drugs, 1961, as amended by the 1972 Protocol amending the Single Convention on Narcotic Drugs, 1961 (Done at New York on 30 March 1961). – URL: https://www.consultant.ru/ [SPS «ConsultantPlus»]
20. Convention on Psychotropic Substances (1971). URL: https://www.unodc.org/pdf/convention_1971_ru.pdf
21. Vitovskaya E.S. Illegal Drug Trafficking as a Basis for Criminal Liability under the Criminal Code of the Russian Federation: A Study Guide / E.S. Vitovskaya. - Novokuznetsk: KI FSIN of Russia, 2021. - 43 p.
22. Rogova E.V. Theoretical and Legal Understanding and Means of Differentiating Criminal Liability in Modern Criminal Law of Russia: A Monograph / E.V. Rogova. - Irkutsk: VSI MVD of Russia, 2022. - 129 p.
23. Savinkov A.A. Criminal-Legal and Criminological Counteraction to the Inducement to Consume Narcotic Drugs, Psychotropic Substances or Their Analogues: Dis. ... Cand. Sciences (Law): 12.00.08 / Anton Andreevich Savinskov. - Moscow, 2025. - 309 p.
24. Tembotova M.A. Criminal Liability for Illegal Trafficking in Potentially Dangerous Psychoactive Substances: Dis. ... Cand. of Law: 12.00.08 / Maryana Arsenovna Tembotova. – Moscow, 2020. – 212 p.

Цифровое пространство в системе признаков объективной стороны преступления: теоретико-правовое осмысление

Нурматов Ахаджон Атхамджонович
адъюнкт, Краснодарский университет МВД России,
akhadjon80@gmail.com

Стремительная дематериализация преступных деяний обнажила догматический кризис современного уголовного права. Жесткая географическая привязка вступает в прямое концептуальное противоречие с децентрализованной, экстерриториальной «архитектурой» киберпреступности. Видимо, традиционные физические координаты места и времени необратимо утратили свою универсальность. Они перестали отвечать запросам практики. Цель в статье сводится к формированию обновленной теоретико-правовой парадигмы объективной стороны преступления, где цифровая среда исследуется не как технический фон, а в качестве самостоятельного топологического объекта. Примечательно, что сравнительный срез правоприменения высветил диаметрально разные стратегии адаптации к этим вызовам. Если российский законодатель тяготеет к казуистичному дроблению норм о цифровом мошенничестве, то таджикская практика пытается расширительно толковать классические составы для противодействия транснациональному сетевому экстремизму, однако регулярно упирается в юрисдикционный тупик. На основании отмеченного автор делает вывод о неизбежности перехода к гибридной модели оценки объективных признаков, в которой сочетаются физические и виртуальные критерии. Изложенный материал имеет прикладную ценность для следственных работников, судейского корпуса, исследователей, которые заняты проектированием адекватной уголовной политики в эпоху технологической сингулярности.

Ключевые слова: виртуальная среда, киберпреступность, место совершения преступления, объективная сторона преступления, Республика Таджикистан, Российская Федерация, сравнительное правоведение, цифровое пространство.

Введение

Современная догматика уголовного права объективно нуждается в масштабной и всесторонней ревизии базовых категорий. По сути, интенсивное развитие информационно-коммуникационных технологий привело к формированию качественно новой среды взаимодействия субъектов. Видимо, классические и укоренившиеся подходы к пониманию места, времени, способа совершения преступления постепенно утрачивают свою прежнюю универсальность. Впрочем, это вполне закономерный процесс эволюции правовой материи.

Сегодня цифровое пространство перестает быть сугубо техническим или социологическим термином. Оно приобретает отчетливые юридические контуры. Как представляется, именно в рамках учения об объективной стороне преступных деяний данная категория раскрывает свой истинный научный и прикладной потенциал.

Объективная сторона традиционно выступает в качестве внешнего акта проявления замысла. Между тем, перенос криминальной активности в виртуальную плоскость существенным образом дематериализует этот акт. Действия виновного лица зачастую сводятся к нажатию клавиш, созданию сложного программного кода либо к банальной отправке электронных пакетов данных. Одновременно с этим, наступают вполне реальные, физически осязаемые общественно опасные последствия в виде имущественного ущерба или нарушения работы инфраструктуры. Примечательно, что разрыв во времени и географическом пространстве между совершенным деянием и наступившим результатом становится в киберпреступности скорее правилом, нежели исключением. В связи с этим отметим, что классическая концепция места совершения преступления остро требует концептуальной адаптации к реалиям децентрализованной сетевой архитектуры.

Материалы и методы

Выбор источников для теоретико-правового осмысления темы обоснован необходимостью разностороннего анализа проблемы, в котором интегрируются уголовно-правовая догматика, криминологические характеристики, международно-юрисдикционные аспекты. В проанализированном массиве литературы авторы применяют разнообразие методологических подходов. Так, формально-догматический преобладает в трудах О.С. Капинус [2], В.В. Полякова [6]. Эти авторы сфокусированы на проблемах квалификации деяний, адаптации классических институтов уголовного права. Криминологический и виктимологический ракурсы рассмотрения реализованы в исследованиях А.В. Майорова [5], В.Г. Романовского [8], Е.З. Сидоровой, Е.Г. Усова [9, 10]. При этом дается характеристика детерминантам киберпреступности и профилям ее участников. В свою очередь, компаративистский и международно-институциональный подходы задействуют М.В. Кардашевская [3], В.А. Кислухин [4], А.С. Рахмонов, Д.А. Рахмонзода [7] в целях оценки трансграничного измерения среды. О.Л. Алферов, Е.В. Алферова [1] используют системно-аналитический подход, чтобы обобщить современные ИТ-угрозы. Регионально-компаративный и риск-ориентированный контексты отражены у Ф.А. Асламшозоды, У.Б. Ашурова [11] при оценке опыта стран Центральной Азии (в том числе, Таджикистана) в сфере борьбы с экстремизмом, активно использующим цифровые каналы связи. Международно-институциональный ракурс реализуется К.Д. Давлатзодой [12], детально исследующим межгосударственное правоохранительное взаимодействие в рамках ШОС и ОДКБ по пресечению киберпреступлений. В свою очередь, программно-целевой и макроструктурный подходы применя-

ются Н.А. Кудратовым, Р.Ғ. Назарзодой [13] с целью обоснования модернизации государственной уголовной политики в Республике Таджикистан на среднесрочную перспективу.

По итогам обзора материалов отмечено постепенное смещение научного фокуса от восприятия технологий лишь как инструмента к осмыслению цифрового пространства как самостоятельной среды обитания, которая инициирует новые составы преступлений.

В методологическую основу написания статьи легли формально-юридический, системно-структурный, сравнительно-правовой анализы. Их применение аргументировано необходимостью корректной экстраполяции классических конструкций уголовного права на новые виртуальные реалии, объективного сопоставления полярных доктринальных трактовок, выработки единого теоретического «фундамента» для закрепления статуса цифрового пространства в системе признаков объективной стороны преступления.

Результаты и обсуждение

Объективная сторона преступления образует «фундамент» для правильной уголовно-правовой квалификации. Разумно предположить, что проникновение digital-технологий в преступную деятельность видоизменяет саму структуру объективных признаков. Способ совершения деяний обогащается алгоритмическими инструментами. Орудия и средства приобретают нематериальный характер, трансформируясь во вредоносное программное обеспечение, скрипты, фишинговые ресурсы [2, 8].

В сопоставлении с более ранними подходами, где место совершения преступления рассматривалось, главным образом, как участок физической территории, современная парадигма требует признания виртуальной среды особым топологическим объектом. По своей природе цифровое пространство – это информационно-телекоммуникационная среда, которая не имеет четких государственных границ, но обладает определенной архитектурой (серверы, провайдеры, конечные узлы). При совершении, например, компьютерного мошенничества местом совершения деяния служит не столько физическое нахождение злоумышленника в момент клика, сколько само digital-пространство, где происходят неправомерная модификация информации и движение электронных средств.

В целях обеспечения большей наглядности концептуальных изменений предлагается рассмотреть процесс трансформации признаков в табличном виде (см. таблицу 1).

Таблица 1

Эволюция признаков объективной стороны в условиях цифровизации (составлено на основе [1, 5, 6, 9, 10])

Аспект	Традиционное (физическое) понимание	Интерпретация в контексте цифрового пространства
Общественно опасное деяние	Физическое воздействие на потерпевшего или материальный предмет	Информационное воздействие (ввод, удаление, модификация цифровых данных)
Место совершения	Конкретная географическая локация (адрес, помещение, участок местности и т. д.)	Информационно-телекоммуникационная сеть, IP-адрес, сервер, виртуальная платформа
Время совершения	Хронологический отрезок совершения физических действий	Время инициации алгоритма; момент синхронизации или отложенного запуска вредоносного кода
Орудия, средства	Физические предметы (оружие, инструменты, технические устройства)	Вредоносные программы, эксплойты, ботнеты, социальная инженерия
Способ совершения	Тайное либо открытое изъятие, обман, применение физического насилия	Обход систем защиты, фишинг, подмена данных, DDoS-атаки

Приведенная выше информация показывает, что цифровое пространство выступает не просто в роли фона, а как активная среда. Она задает параметры для всех остальных факультативных признаков, интегрируя их в единый механизм причинения вреда.

Анализ проблемы в межгосударственном контексте представляет особый научный интерес. Россия и Республика Таджикистан тесно сотрудничают в сфере противодействия транснациональной преступности. Оба государства деятельно внедряют информационные технологии в социально-экономические процессы. Системы уголовного права обеих стран имеют общие исторические корни. Однако пути адаптации их законодательства к digital-угрозам характеризуются определенными различиями.

Так, в Российской Федерации наблюдается тенденция к глубокой детализации «цифровых» составов. Уголовный кодекс РФ регулярно пополняется новыми нормами. К примеру, выделено специфическое мошенничество в области компьютерной информации (статья 159.6 УК РФ). Законодатель четко фиксирует использование электронных средств платежа и информационно-телекоммуникационных сетей в качестве квалифицирующих признаков для многих традиционных деяний [1, 6, 9].

Республика Таджикистан также располагает развитым уголовным законодательством в анализируемой сфере. В главе 28 УК РТ закреплена ответственность за преступления против компьютерной информации. Между тем, правоприменительная практика чаще сталкивается с вызовами, которые сопряжены с действием уголовного закона в пространстве. Террористические и экстремистские организации зачастую используют digital-пространство для вербовки граждан Таджикистана, находясь при этом за пределами юрисдикции республики. В связи с этим таджикские правоведы акцентируют внимание на необходимости расширительного толкования «места совершения преступления» с целью защиты национальных интересов от трансграничных сетевых посягательств [3, 4, 7, 11-13] (таблица 2).

Таблица 2

Сравнительный анализ регулирования цифрового пространства в УК РФ и УК РТ (составлено на основе [1, 3, 4, 6, 7, 9, 11-13])

Критерий сопоставления	Российская Федерация (УК РФ)	Республика Таджикистан (УК РТ)
Наличие специализированной главы	Имеется: глава 28	Присутствует: глава 28
Спецификация цифровых хищений	Выделены отдельные статьи (ст. 159.3, 159.6 – компьютерное мошенничество)	Хищения рассматриваются в рамках общих норм с учетом технического способа совершения
Трактовка места преступления	Формируется практика признания местом преступления нахождения сервера или потерпевшего	Доминирует привязка к физическому месту нахождения лица или наступления последствий
Учет транснационального киберэкстремизма	Разветвленная система норм, в которой учитывается использование сети Интернет как отягчающее обстоятельство	Акцент на противодействие вербовке через цифровое пространство (религиозный экстремизм)

Исходя из представленных данных, подытожим, что Россия идет по пути казуистической дифференциации уголовной ответственности за киберпреступления. Таджикистан же отдает предпочтение сохранению стабильности кодекса, адаптируя общие нормы через призму судебного толкования, правоприменения.

Далее предлагается обозначить конкретные рекомендации по усовершенствованию уголовного законодательства и правоприменительной практики.

Так, целесообразно нормативно закрепить в Общей части уголовного законодательства понятие «цифровое место совершения преступления». Назначение описываемой меры состоит в преодолении коллизий при определении территориальной подсудности и юрисдикции. Новизна подхода выражена в отказе от исключительной географической привязки в пользу смешанной модели. Местом совершения киберпреступления должен признаваться не только физический адрес нахождения преступника, но и виртуальная инфраструктура, где произошло вмешательство (целевой сервер, облачное хранилище). В итоге устранится проблема квалификации действий хакеров, которые

используют многоуровневые сети VPN для сокрытия своего действительного местоположения.

Помимо этого, разумно ввести в доктрину категорию «цифровое средство совершения преступления». Использование алгоритмов машинного обучения для подбора паролей либо создания фишинговых текстов не укладывается в классическое понимание орудий. Законодательное закрепление этого термина поможет правоохранительным органам более эффективно производить арест виртуальных активов и вредоносной инфраструктуры, выступающих в роли средств совершения деяния. Характеризуемый шаг нацелен на разрушение экономических основ организованной киберпреступности.

Заключение

Цифровое пространство объективно преобразовалось из технологического явления в самостоятельную уголовно-правовую категорию. Оно оказывает определяющее влияние на систему признаков объективной стороны. Классическая триада «место, время, обстановка» в контексте киберпреступности приобретает принципиально новые, информационно-цифровые характеристики. Это обусловливает потребность в адаптации уголовно-правовой догматики. Дематериализация преступного деяния и пространственно-временной разрыв между посягательством и результатом более не позволяют правоприменителям опираться исключительно на физические критерии объективной реальности.

Проведенный сравнительно-правовой анализ опыта Российской Федерации и Республики Таджикистан помог выделить как общие интеграционные тенденции, так и специфические национальные подходы к уголовно-правовой охране общественных отношений в условиях технологической сингулярности. В то время, как Россия детализирует Особенную часть профильными нормами о мошенничестве, Таджикистан сталкивается со сложными вызовами пространственной юрисдикции при противодействии сетевому экстремизму.

Сформулированные в статье авторские рекомендации, в частности, предложение о легальном закреплении концепции «цифрового места совершения преступления», обладают потенциалом практического применения. Их имплементация в законодательство способна существенно оптимизировать процесс квалификации дистанционных хищений и распределенных сетевых атак, предупреждая юрисдикционные конфликты.

В дальнейшем исследовании проблематики предлагается сосредоточить внимание на вопросах соучастия в digital-среде, а также на разработке унифицированных международных стандартов оценки объективной стороны транснациональных компьютерных деликтов.

Литература

1. Алферов О.Л., Алферова Е.В. Информационные технологии и «цифровая» преступность (Обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 4. Государство и право: реферативный журнал. – 2024. – №. 4. – С. 83-96.

2. Капинус О.С. Цифровизация преступности и уголовное право // Baikal Research Journal. – 2022. – Т. 13. – №. 1. – С. 22-28.

3. Кардашевская М.В. Организация взаимодействия правоохранительных органов России и Таджикистана в борьбе с преступностью // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. – 2025. – №. 3. – С. 9-17.

4. Кислухин В.А. Проблема трансграничной преступности в сфере высоких технологий и роль органов внутренних дел России, милиции Республики Таджикистан и полиции государств союза БЕНИЛЮКС в борьбе с этим деструктивным явлением // Юридический вестник. – 2022. – № 1 (9). – С. 83-90.

5. Майоров А.В. Виктимология цифровой преступности: концепция научного направления // Виктимология. – 2024. – Т. 11. – №. 1. – С. 7-12.

6. Поляков В.В. Преступления, совершаемые с использованием цифровых технологий: вопросы квалификации // Уголовное право. – 2025. – № 5 (177). – С. 16-26.

7. Рахмонов А.С., Рахмонзода Д.А. Современная информационная политика Республики Таджикистан по противодействию информационным угрозам, киберпреступности и киберугрозам: тенденции и реалии // Стратегические ориентиры развития Центральной Азии: история, тренды и перспективы. Сборник научных статей международного научно-образовательного форума. – Екатеринбург: 2021. – С. 234-241.

8. Романовский В.Г. Цифровая преступность: понятие, криминологические особенности, проблемы противодействия // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2024. – №. 3 (71). – С. 123-136.

9. Сидорова Е.З. Современные криминологические характеристики цифровой преступности (цифровой преступник и его жертва) // Сибирский юридический вестник. – 2023. – №. 3 (102). – С. 70-78.

10. Сидорова Е.З., Усов Е.Г. Цифровая преступность: понятие, криминологическая характеристика, предупреждение (часть 2) // Сибирский юридический вестник. – 2024. – №. 3 (106). – С. 81-87.

11. Асламшозода Ф.А., Ашуров У.Б. Таҷрибаи милии кишварҳои Осиёи Марказӣ дар самти мубориза бо ифротгароӣ // Международные отношения и безопасность. – 2025. – № 2 (14). – С. 79-96.

12. Давлатзода К.Д. Ҳамкориҳои минтақавии Ҷумҳурии Тоҷикистон дар самти мубориза бо киберҷиноятҳо: дар мисоли Созмони Ҳамкории Шанхай ва Созмони Паймони Амнияти Дастаҷамъӣ // Паёми Донишгоҳи миллии Тоҷикистон. Бахши илмҳои иҷтимоӣ-иқтисодӣ ва ҷамъиятӣ. – 2023. – № 6. –С. 232-237.

13. Қудратов Н.А., Назарзода Р.Ғ. Зарурияти қабули Барномаи нави давлатии муқовимат ба ҷиноятқорӣ дар Ҷумҳурии Тоҷикистон барои солҳои 2026-2030 // Актуальные проблемы современного государства, общества и права. – 2026. – № 1 (9). – С. 6-19.

Digital space in the system of signs of the objective side of the crime: theoretical and legal understanding

Nurmatov A.A.
Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

The rapid dematerialization of criminal acts has exposed a dogmatic crisis in modern criminal law. Strict geographical reference comes into direct conceptual contradiction with the decentralized, extraterritorial "architecture" of cybercrime. Apparently, the traditional physical coordinates of place and time have irreversibly lost their universality. They have ceased to meet the demands of practice. The purpose of the article is to form an updated theoretical and legal paradigm of the objective side of the crime, where the digital environment is studied not as a technical background, but as an independent topological object. Notably, a comparative analysis of law enforcement has highlighted diametrically different strategies for adapting to these challenges. If the Russian legislator leans towards a casuistic fragmentation of norms on digital fraud, then Tajik practice attempts to broadly interpret classical compositions to counter transnational network extremism, but regularly runs into a jurisdictional dead end. Based on the above, the author concludes that the transition to a hybrid model for assessing objective signs, combining physical and virtual criteria, is inevitable. The presented material has applied value for investigative workers, the judiciary, and researchers who are engaged in designing adequate criminal policy in the era of technological singularity.

Keywords: virtual environment, cybercrime, place of crime, objective side of crime, Republic of Tajikistan, Russian Federation, comparative law, digital space.

References

1. Alferov O.L., Alferova E.V. Information technologies and "digital" crime (Review) // Social Sciences and Humanities. Domestic and Foreign Literature. Ser. 4. State and Law: Abstract Journal. 2024. No. 4. Pp. 83-96.
2. Kapinus O.S. Digitalization of crime and criminal law // Baikal Research Journal. 2022. Vol. 13. No. 1. Pp. 22-28.
3. Kardashevskaya M.V. Organization of interaction between law enforcement agencies of Russia and Tajikistan in the fight against crime // News of Tula State University. Economic and Legal Sciences. 2025. No. 3. Pp. 9-17.
4. Kislukhin V.A. The problem of cross-border crime in the field of high technologies and the role of the internal affairs bodies of Russia, the police of the Republic of Tajikistan and the police of the BENELUX states in the fight against this destructive phenomenon // Legal Bulletin. 2022. No. 1 (9). Pp. 83-90.
5. Mayorov A.V. Victimology of digital crime: concept of a scientific direction // Victimology. 2024. Vol. 11. No. 1. Pp. 7-12.
6. Polyakov V.V. Crimes committed using digital technologies: issues of qualification // Criminal Law. 2025. No. 5 (177). Pp. 16-26.

7. Rakhmonov A.S., Rakhmonzoda D.A. Modern information policy of the Republic of Tajikistan on countering information threats, cybercrime and cyber threats: trends and realities // Strategic directions for the development of Central Asia: history, trends and prospects. Collection of scientific articles of the international scientific and educational forum. Yekaterinburg: 2021. Pp. 234-241.
8. Romanovsky V.G. Digital crime: concept, criminological features, problems of counteraction // News of Higher Educational Institutions. Volga Region. Social Sciences. 2024. No. 3 (71). Pp. 123-136.
9. Sidorova E.Z. Modern criminological characteristics of digital crime (digital criminal and his victim) // Siberian Legal Bulletin. 2023. No. 3 (102). Pp. 70-78.
10. Sidorova E.Z., Usov E.G. Digital crime: concept, criminological characteristics, prevention (part 2) // Siberian Legal Bulletin. 2024. No. 3 (106). Pp. 81-87.
11. Aslamshozoda F.A., Ashurov U.B. National experience of Central Asian countries in combating extremism // International Relations and Security. – 2025. – No. 2 (14). – Pp. 79-96.
12. Davlatzoda K.D. Regional cooperation of the Republic of Tajikistan in combating cybercrime: the example of the Shanghai Cooperation Organisation and the Collective Security Treaty Organisation // Bulletin of the National University of Tajikistan. Series of Socio-Economic and Social Sciences. – 2023. – No. 6. – Pp. 232-237.
13. Qudratov N.A., Nazarzoda R.G. The necessity of adopting a new state program for combating crime in the Republic of Tajikistan for 2026-2030 // Current Issues of the Modern State, Society and Law. – 2026. – No. 1 (9). – Pp. 6-19.

Общественная опасность как категория уголовного права: теоретико-правовой анализ

Сорокин Алексей Иванович
кандидат юридических наук, кафедра уголовного права и криминологии, Орловский юридический институт МВД России им. В.В. Лукьянова, sorokinlex@gmail.com

Содержание общественной опасности в российском уголовном праве до сих пор остаётся недостаточно определённым. Множество дел по преступлениям небольшой и средней тяжести возвращаются прокурору вследствие ошибок квалификации. В связи с этим отчётливо обозначается необходимость теоретико-правового осмысления данной категории. В доктрине, впрочем, сохраняются серьёзные противоречия. Объективисты сводят опасность к вредным последствиям; представители системного подхода делают её производной от совокупности признаков состава; сторонники социологической концепции отождествляют её с любой социальной вредностью. По существу, это весомо затрудняет разграничение преступлений и административных правонарушений. Цель в статье – раскрыть структурные элементы общественной опасности и выработать предложения по повышению точности законодательных формулировок. В работе привлекается сравнительно-правовой материал: немецкая доктрина правового блага, французская типология правонарушений, американская дискуссия о чрезмерной криминализации. В итоге обосновывается тезис о не тождественности социальной и уголовно-правовой опасности. Предлагается ввести в ст. 14 УК РФ перечень формализованных критериев (масштаб возможного вреда, способ совершения, степень публичности). Авторский вклад проявляется в предложении интегральной концепции, где формальные признаки сочетаются с оценочными параметрами. Материалы будут полезны судьям и прокурорам при разграничении деликтов.

Ключевые слова: общественная опасность, правовое благо, преступление, тест пропорциональности, уголовная ответственность, уголовное право.

Введение

Общественная опасность – категория, без которой немыслима система уголовного права как таковая. Именно она служит отправным пунктом для отграничения преступления от иных противоправных деяний. Впрочем, невзирая на кажущуюся очевидность, содержание данного понятия остаётся одним из наиболее дискуссионных в отечественной доктрине. По-видимому, это объясняется как сложностью самого объекта правового регулирования, так и исторически сложившейся неопределённостью в методологии уголовно-правовой науки.

Ретроспективно вопрос о природе общественной опасности прошёл путь от политико-юридических конструкций эпохи абсолютизма, где репрессия оправдывалась «государственной необходимостью», к классическим теориям XIX века, которые связали криминальное запрещение с нарушением правового порядка. Между тем, в советский период доминировал социологический подход: характеризуемая категория понималась, главным образом, как социальная вредность деяния, что неизбежно приводило к её отождествлению с политической целесообразностью уголовной репрессии.

В настоящее время наблюдается тенденция к возвращению правовой, или, точнее, догматической парадигмы, однако чёткого консенсуса относительно критериев уголовно-правовой опасности так и не выработано. В дополнение к отмеченному, современные вызовы (цифровизация, биотехнологии, транснациональная преступность и т. д.) ставят перед теорией вопросы, на которые классическая доктрина ответить не в состоянии. Как, например, оценить угрозу дипфейков или манипуляции массовым сознанием через нейросети? Традиционные параметры и метрики здесь оказываются недостаточными.

В рамках данной статьи предстоит решить ряд взаимосвязанных задач: раскрыть историко-правовые истоки понятия; исследовать современные подходы к его содержанию; провести сравнительно-правовой анализ; на основании выявленных тенденций сформулировать конкретные рекомендации по усовершенствованию российского законодательства. Предметом анализа служат нормы Уголовного кодекса Российской Федерации, а также положения зарубежного права и обобщения судебной практики.

Материалы и методы

Исследование категории «общественная опасность» в современной юридической науке ведется с позиций нескольких методологических подходов, которые отражены в изученном при подготовке статьи массиве литературы.

Так, фундаментальный онтологический и философско-правовой подход, ориентированный на поиск сущностной природы характеризуемой категории как правового явления, представлен в работах С.С. Босхолова, В.А. Номоконова [2], Т.Н. Бессаловой [1], В.В. Хилюты [8, 9], Д.В. Мирошниченко [6]. Ряд авторов, например, И.С. Землюков [3], Д.Н. Зорин, Н.С. Зорина [4], применяют прикладной казуальный метод, анализируя общественную опасность применительно к конкретным видам новых и традиционных угроз (киберпреступления, наркопреступность). Теоретико-критический ракурс ярко выражен в труде Н.А. Лопашенко [5] (автор ставит под сомнение саму возможность объективной верификации данного понятия), а также в рецензии V.E. Munro [11] на проблемы избыточной криминализации. В свою очередь, Ф. Хужамбердиев [10] задействует компаративно-институциональный подход, выходя за рамки уголовно-правовой догматики в плоскость обеспечения общественной безопасности.

Обзор материалов продемонстрировал явный доктринальный кризис: категория общественной опасности, которая традиционно считалась незыблемым «фундаментом» уголовного

права, сегодня подвергается ревизии. Исследователи все чаще констатируют разрыв между абстрактными законодательными дефинициями и субъективным правоприменением, особенно на фоне появления новых высокотехнологичных деликтов. Привлечение именно упомянутых выше публикаций аргументируется их репрезентативностью – они дают возможность проследить эволюцию академической мысли от классических попыток определить онтологию опасности к острому скептицизму относительно измеримости этого критерия.

Методологическая база исследования включает общенаучные (диалектический, историко-правовой, логико-семантический) и специально-юридические методы (догматический анализ, толкование норм, сравнительное правоведение).

Результаты и обсуждение

Понятие общественной опасности в российской доктрине уголовного права не имеет однозначного определения. Одни авторы склонны видеть в нём сугубо объективное свойство деяния, которое выражается в способности причинить вред охраняемым уголовным законом интересам [2, 7]. Другие настаивают на системном характере данного признака (опасность проявляется лишь в совокупности всех элементов состава преступления) [3, 6, 9]. Впрочем, обе позиции имеют как сильные, так и уязвимые стороны.

В классическом объективном подходе общественная опасность связывается с посягательством на объект преступления [4, 5, 8]. Здесь акцент делается на антиобщественной направленности деяния, на его объективном потенциале причинить ущерб. Коротко говоря, опасность – это не субъективное переживание, а внешняя характеристика поведения. Между тем, описываемая концепция сталкивается с очевидной трудностью: с помощью неё не объясняется, почему покушение, не причинившее реального вреда, сохраняет статус преступления.

В отличие от объективистской модели, системный подход сопряжён с тем, что характеризуемая категория – это свойство, которое присуще всему составу в целом [8]. По сути, она не сводится к одному элементу: важен и объект, и субъект, и объективная сторона, и субъективная. Вследствие этого подытожим, что данная характеристика носит интегральный характер. Однако здесь возникает иная проблема – появляется риск тавтологии. Если общественная опасность есть результат совокупности признаков состава, то она, по существу, дублирует само понятие преступления. Разумно предположить, что такое определение не добавляет методологической ценности.

По-видимому, наиболее продуктивным представляется разграничение уровней анализа. Социальная опасность – категория социологическая; она относится к любому поведению, нарушающему устойчивость общественных связей. Уголовно-правовая – уже иная. Она обусловлена не просто вредностью, а нарушением конкретного запрета. В отличие от предыдущих подходов, указанное разграничение помогает избежать редукции права к социологии. Между тем, доктрина нередко подменяет одно другим (таблица 1).

Таблица 1
Вариативность понимания общественной опасности в отечественной доктрине (составлено автором)

Подход	Носитель	Ключевой методологический недостаток
Объективный	Объект преступления, вредные последствия	Игнорирование субъективной стороны и формы вины
Системный	Совокупность элементов состава	Тавтология (опасность выводится из самих признаков состава)
Социологический	Социальные отношения в целом	Размывание границ между уголовным и административным правонарушениями

Как видно из представленной информации, каждая концепция содержит внутренние ограничения. На практике смешение уровней анализа усложняет разграничение деликтов. Мелкое хулиганство и нарушение порядка в общественном месте (ст. 20.1 КоАП РФ) по своей социальной направленности близки. Однако граница между административным проступком и преступлением малой тяжести (ст. 213 УК РФ) проводится именно через критерий общественной опасности. Примечательно, что суды нередко испытывают затруднения при её оценке.

В отечественном законодательстве общественная опасность закреплена лаконично. В ст. 14 УК РФ преступление определяется как общественно опасное деяние, запрещенное Уголовным кодексом под угрозой наказания. По существу, это рефлексивное определение: оно указывает на наличие опасности, но не раскрывает её содержание. В связи с этим отметим, что законодатель делегирует правоприменителю значительные полномочия по конкретизации.

Оценочные категории пронизывают всю Особенную часть. Выражения «сравнительно небольшой ущерб», «значительный размер», «тяжкие последствия» встречаются в десятках статей. Предположительно, подобная техника законодательства неизбежна (абсолютная детерминированность в уголовном праве невозможна). Однако в отличие от более ранних подходов, современная криминальная политика требует предсказуемости.

Особенно показателен пример ст. 213 УК РФ (хулиганство) и ст. 20.1 КоАП РФ (мелкое хулиганство). По-видимому, разграничение должно строиться на критериях агрессивности, публичности, дезорганизации. Вместе с тем, в реальности суды нередко выводят на УК РФ поведение, которое формально подпадает под признаки административного проступка. Отсутствие чётких критериев общественной опасности в законе ведёт к произволу. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015 № 58 (ред. от 23.12.2025) «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» лишь частично восполняет данный пробел, давая общие указания, но не конкретные измеримые параметры.

За рубежом проблема квалификации общественной опасности решается иначе. В немецкой доктрине центральным становится понятие Rechtsgut (правового блага, охраняемого уголовным законом). К. Роксин различал материальную и формальную сторону уголовной неправомерности: первая связана с реальным нарушением блага, вторая – с установлением запрета самим законом. По сути, общественная опасность здесь выводится не из абстрактной «вредности», а из системы конституционно значимых ценностей. Это снижает произвол [1].

Французская модель опирается на градацию правонарушений; они разграничены степенью социальной вредности, но критерии закреплены в законе жёстко. Например, сумма ущерба или наличие конкретного результата часто служат формальным рубежом. В отличие от российского подхода, законодатель во Франции избегает масштабных оценочных понятий в диспозициях Особенной части [10]. Как представляется, описываемая техника повышает прозрачность.

Англо-американское право традиционно избегает категории «общественной опасности» как самостоятельного основания ответственности. Между тем, в последние десятилетия в американской доктрине обсуждается концепция overcriminalization (чрезмерной криминализации поведения, не представляющего реальной угрозы). Примечательно, что критика исходит как раз от того, что формальные элементы преступления перестали отражать реальную степень риска [11] (таблица 2).

Таблица 2
Сравнительная характеристика подходов к общественной опасности (составлено автором на основе [1, 4-6, 10, 11])

Правопорядок	Центральная категория	Критерий уголовной репрессии	Роль оценочных понятий
Россия	Общественная опасность	Объём и характер посягательства	Высокая (сравнительно небольшой, значительный и т.д.)
Германия	Rechtsgut (правовое благо)	Нарушение охраняемой ценности	Умеренная (формальная / материальная неправомерность)
Франция	Danger social	Законодательно фиксированные пороги (сумма, тяжесть)	Низкая (жёсткая типизация)
США	Public wrong / social harm	Наличие виновного деяния и разума	Вариативная (зависит от штата и федерального права)

На основании отмеченного подчеркнём, что зарубежный опыт демонстрирует возможность снижения неопределённости. В сопоставлении с российской системой западные модели чаще опираются на формализованные критерии. Это не означает, что отечественное право должно механически заимствовать чужие конструкции. Однако разумно предположить, что некоторые приёмы (в частности, жёсткое закрепление количественных порогов и связь с охраняемыми благами) могут быть адаптированы.

Далее представляется целесообразным предложить следующие меры в составе авторских рекомендаций.

Так, необходимо внести в ст. 14 УК РФ или в примечания к разделу Особенной части перечень критериев общественной опасности:

- масштаб возможного вреда;
- способ совершения деяния;
- роль, положение субъекта;
- степень публичности.

В итоге обеспечится снижение оценочной неопределённости, усиление предсказуемости для граждан, правоприменителей. В отличие от предыдущих подходов, описываемый шаг нацелен не на расширение репрессии, а на её точность.

Помимо этого, следует разграничить категории «социальная опасность» и «уголовно-правовая опасность» на законодательном уровне. Первая относится к основанию любой государственной реакции (уголовной, административной, дисциплинарной). Вторая же – к специфическому основанию уголовной ответственности, обусловленному нарушением конкретного запрета. В результате достигается устранение смешения уровней общей социологии и юридической догматики. Как представляется, это упростит разграничение преступлений и проступков.

Наконец, целесообразно ввести в судебную практику тест пропорциональности уголовной реакции. Если деяние формально содержит признаки состава, однако его общественная значимость ничтожна, уголовное преследование подлежит прекращению. Это предложение соотносится с реализацией принципа гуманизма, который закреплён в ст. 2 УК РФ, а также со снижением нагрузки на судебную систему. Подобные механизмы действуют в Германии и в скандинавских юрисдикциях. Предположительно, адаптация такого института потребует лишь дополнения процессуальных норм, без коренной перестройки материального права.

Заключение

Общественная опасность не может быть сведена сугубо к социальной вредности или к абстрактной политической нецелесообразности. Речь идёт об уголовно-правовой конструкции, которая обусловлена системой охраняемых законом ценностей. История учения о преступлении показывает, что именно в периоды смешения юридических и социологических критериев возрастал произвол.

В настоящее время российское уголовное право переживает этап рекодификации отдельных институтов. Между тем, базовые категории остаются без должной конкретизации. Настоящее исследование помогло выявить, что отсутствие чётких критериев ведёт к неоднозначной судебной практике, к отнесению поведения под УК РФ, адекватно регулируемого административными мерами, и, в конечном счёте, к девальвации УК как крайнего средства государственного воздействия.

Вероятно, дальнейшие изыскания потребуют анализа общественной опасности в сфере киберпреступлений и экологических деликтов, где традиционная модель «реального вреда» сталкивается с рисковыми обществами. Впрочем, это уже тема для отдельного исследования. Лишь на стыке догматики и эмпирики возможен устойчивый прогресс в понимании данной категории. По сути, общественная опасность должна оставаться не «размытым» социологическим образом, а точным юридическим инструментом.

Литература

1. Бессалова Т.Н. К вопросу о сущности общественной опасности // Юридическая наука. – 2023. – №. 11. – С. 284-287.

2. Босхолов С.С., Номоконов В.А. Онтологические и метафизические основы общественной опасности преступлений: о тупике неокриминологии // Всероссийский криминологический журнал. – 2024. – Т. 18. – №. 2. – С. 128-136.

3. Землюков И.С. Общественная опасность наркопреступлений: системный анализ // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. – 2025. – Т. 27. – №. 2. – С. 185-196.

4. Зорин Д.Н., Зорина Н.С. К вопросу о понятии и общественной опасности киберпреступлений // Антропогогика. – 2022. – № 1 (5). – С. 78-81.

5. Лопашенко Н.А. Общественная опасность деяния: верификация невозможна? // Актуальные проблемы российского права. – 2024. – Т. 19. – №. 8 (165). – С. 127-138.

6. Мирошниченко Д.В. Теоретико-методологическое обоснование общественной опасности деяния в уголовном праве // Lex russica. – 2024. – Т. 77. – №. 10 (215). – С. 59-76.

7. Ондар А.Б.С. Общественная опасность: проблемы определения // Актуальные проблемы российского права. – 2023. – Т. 18. – №. 6 (151). – С. 85-94.

8. Хилюта В.В. Общественная опасность и криминализация в системе мер безопасности // Вестник Югорского государственного университета. – 2022. – №. 4 (67). – С. 44-50.

9. Хилюта В.В. Онтологические аспекты понимания общественной опасности как признака преступления // Lex russica. – 2024. – Т. 77. – №. 2 (207). – С. 60-69.

10. Хужамбердиев Ф. Модель обеспечения общественной безопасности Франции: институционально-правовой анализ и перспективы применения в Узбекистане // YURIDIK FANLAR AXBOROTNOMASI. – 2025. – Т. 9. – №. 4. – С. 153-166.

11. Munro V.E. Overcriminalization: The Limits of the Criminal Lawby Douglas Husak // New Criminal Law Review: An International and Interdisciplinary Journal. – 2009. – Vol. 12. – No. 2. – Pp. 323-326.

Public danger as a category of criminal law: theoretical and legal analysis

Sorokin A.I.

Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov

The content of public danger in Russian criminal law is still insufficiently defined. Many cases of minor and moderate crimes are returned to the prosecutor due to qualification errors. In this regard, the need for a theoretical and legal understanding of this category is clearly indicated. However, serious contradictions remain in the doctrine. Objectivists reduce danger to harmful consequences; representatives of the systemic approach make it a derivative of the totality of the characteristics of the composition; proponents of the sociological concept identify it with any social harmfulness. In fact, this significantly complicates the distinction between crimes and administrative offenses. The purpose of the article is to reveal the structural elements of public danger and to develop proposals to improve the accuracy of legislative formulations. The work draws on comparative legal material: the German doctrine of the legal good, the French typology of offenses, and the American discussion of excessive criminalization. As a result, the thesis about the non-identity of social and criminal-legal danger is substantiated. It is proposed to introduce a list of formalized criteria in Article 14 of the Criminal Code of the Russian Federation (the scale of possible harm, the method of commission, the degree of publicity). The author's contribution is manifested in the proposal of an integral concept, where formal features are combined with estimated parameters. The materials will be useful for judges and prosecutors in delineating torts.

Keywords: public danger, legal benefit, crime, proportionality test, criminal liability, criminal law.

References

1. Bessalova T.N. On the issue of the essence of social danger // Legal Science. – 2023. – No. 11. – Pp. 284-287.

2. Boskholov S.S., Nomokonov V.A. Ontological and metaphysical foundations of the social danger of crimes: on the deadlock of neo-criminology // All-Russian Criminological Journal. – 2024. – Vol. 18. – No. 2. – Pp. 128-136.

3. Zemlyukov I.S. Social danger of drug crimes: a systematic analysis // Pacific Rim: Economics, Politics, Law. – 2025. – Vol. 27. – No. 2. – Pp. 185-196.

4. Zorin D.N., Zorina N.S. On the issue of the concept and social danger of cybercrimes // Anthropogogics. – 2022. – No. 1 (5). – Pp. 78-81.

5. Lopashenko N.A. Social danger of an act: is verification impossible? // Actual Problems of Russian Law. – 2024. – Vol. 19. – No. 8 (165). – Pp. 127-138.

6. Miroshnichenko D.V. Theoretical and methodological substantiation of the social danger of an act in criminal law // Lex Russica. – 2024. – Vol. 77. – No. 10 (215). – Pp. 59-76.

7. Ondar A.B.S. Social danger: problems of definition // Actual Problems of Russian Law. – 2023. – Vol. 18. – No. 6 (151). – Pp. 85-94.

8. Khilyuta V.V. Social danger and criminalization in the system of security measures // Bulletin of Yugra State University. – 2022. – No. 4 (67). – Pp. 44-50.

Эволюция коррупционных практик и механизмов государственного противодействия в России IX–XVII вв.: историко-правовой анализ

Пантелеева Екатерина Валерьевна
кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры истории и культурологии, Санкт-Петербургский государственный морской технический университет, e.v.panteleeva@mail.ru,

Тарасов Александр Сергеевич
кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой международного морского права, Санкт-Петербургский государственный морской технический университет, tara_s1@rambler.ru

В статье рассматривается процесс трансформации коррупционных отношений в Российском государстве с момента его зарождения до конца XVII века. Авторы анализируют переход от легальных форм содержания аппарата управления (система кормлений) к криминализированным формам мздоимства и лихоимства. Особое внимание уделяется анализу Судебников 1497 и 1550 гг., а также Соборного уложения 1649 г. как ключевых этапов формирования антикоррупционного законодательства.

Ключевые слова: коррупция, история России, кормление, посул, лихоимство, мздоимство, приказная система, Судебник, Соборное уложение.

Изучение отечественной и зарубежной истории показывает, что коррупция, как один из важнейших элементов института теневой экономики, была присуща абсолютно всем общественно-экономическим формациям и формам государственного устройства во все периоды их развития. Существует известный исторический анекдот, согласно которому Н. М. Карамзина однажды попросили охарактеризовать происходящее в России одним словом. На это наш официальный историограф ответил: «Воруют» [1]. Также есть похожая история, связанная с именем Ивана Грозного, которую записал английский дипломат Джильс Флетчер в труде «О государстве Русском». Он описывал, как Иван Грозный, отдавая мастеру слитки для изготовления посуды, прямо заявил: «Русские мои все воры» [2]. Несмотря на анекдотичность, эти высказывания точно отражают реалии прошлого, где корыстные злоупотребления должностных лиц были системным фактором.

Теоретическим фундаментом понимания природы власти могут служить слова Ш. Монтескье: «...известно уже по опыту веков, что всякий человек, обладающий властью, склонен злоупотреблять ею, и он идет в этом направлении, пока не достигнет положенного ему предела» [3]. Можно согласиться с этим тезисом — проявления коррупции обнаруживаются практически во всех государствах с различными политическими режимами: в тоталитарных и демократических, от слаборазвитых до сверхдержав. Единственное, что отличает эти государства, — это уровень развития системы противодействия подобным правонарушениям.

Целью данной статьи является исследование генезиса коррупционных явлений и попыток государства на этапе своего становления установить тот самый «предел» власти, о котором писал Монтескье.

Феномен коррупции в российском историческом контексте представляет собой сложный процесс трансформации традиционных обычаев материального обеспечения аппарата управления в системные правонарушения, подрывающие авторитет государственной власти. Период с IX по XVII вв. охватывает ключевые этапы становления государственности: от раннефеодальных княжеств и системы кормлений до формирования разветвленной приказной бюрократии Московского царства. Исследование данного вопроса требует глубокого анализа перехода от легальных форм «кормления», то есть от должностных полномочий к криминализированным деяниям, таким как мздоимство и лихоимство, зафиксированным в первых памятниках русского права. В данной работе рассматриваются механизмы подкупа, социальный состав участников коррупционных сделок и динамика ужесточения наказаний на основе сохранившихся законодательных актов и летописных свидетельств.

В ранний период развития Древнерусского государства коррупция в ее современном понимании отсутствовала. Это было связано с недостаточной сформированностью властных институтов, отсутствием четкого разделения между публичными финансами и личным имуществом правителя. Так, в условиях отсутствия регулярного денежного жалованья для административного аппарата основой взаимодействия между властью и населением стала система «кормления», которая фактически являлась легализованной формой существования должностных лиц за счет управляемых ими территорий. Система кормления возникла в IX–X вв. как наиболее приемлемый для того времени способ содержания государственного аппарата в условиях отсутствия развитого денежного обращения и централизованной налоговой системы. Князь посылал своих представителей (посадников, волостелей, тиунов) на подвластные ему террито-

рии для осуществления административных, судебных и фискальных функций. Эти лица не получали жалованья из казны, а содержались за счет местного населения — «кормились» от своих должностных полномочий. По существу, это была первая легальная форма материального обеспечения власти, которая, однако, заложила фундамент для будущих злоупотреблений.

Первым задокументированным механизмом ограничения материальных притязаний должностных лиц можно считать «Покон вирный» (ок. 1020-х гг.), вошедший в состав Краткой редакции «Русской Правды» [4]. Данный устав Ярослава Мудрого четко регламентировал нормы натуральных сборов для вирника (сборщика судебных штрафов) и его свиты на время их пребывания в общине, включающего в себя солод, мясо, рыбу, сыры, а также их денежное содержание.

Эти нормы фактически были первым «антикоррупционным» регламентом, призванным предотвратить разорение общин чрезмерными запросами княжеских слуг. Установление фиксированного списка продуктов ставило преграду на пути открытого вымогательства сверх положенного «закона». Следует отметить, что в последующей редакции Русской Правды – Пространной, подобная регламентация сохраняется и даже становится более определенной, что свидетельствует о том, что государство продолжает бороться со злоупотреблением властью [5]. Именно в Пространной редакции Русской правды мы впервые встречаем термин «корм», который используется для обозначения вознаграждения, поступающего от населения чиновнику (в данном случае вирнику) за исполнение административно-судебных должностей на княжеской службе [6]. В Уставе Владимира Мономаха запрещалось превращать в раба человека, взявшего в долг еду (хлеб), что косвенно ограничивало возможности чиновников использовать экономическую зависимость населения в корыстных целях [7].

Важно подчеркнуть, что кормление изначально не воспринималось как преступление; напротив, оно было формой государственной службы и одновременно вознаграждением за нее. Конфликты между сторонами в домонгольский период были относительно редки, так как даты прибытия сборщиков корма обычно были известны заранее. Однако отсутствие жесткой регламентации создавало почву для произвола. С течением времени термин «кормление» стал синонимом управления, означая обеспечение высшей знати доходами от подвластных территорий. Именно здесь закладывались первые зачатки коррупционной составляющей: отсутствие контроля над мерой изымаемого ресурса позволяло наместникам обогащаться сверх меры, что в дальнейшем потребовало законодательного вмешательства.

К XIV в. система кормлений стала приобретать негативную окраску. Наместники и их помощники стремились максимизировать свои доходы, что приводило к конфликтам с местными общинами. Отсутствие государственного контроля над мерой изымаемого ресурса превратило кормление в «золотую жилу» для знати, сформировав психологию чиновника как лица, имеющего право на личное обогащение от занимаемой должности.

Весьма интересным фактом в истории антикоррупционной политики русского государства является то, что в церковном праве, раньше, чем в светских Судебниках, начинается борьба со взятками. Одним из наиболее ранних подобных документальных свидетельств являются материалы Владимирского собора епископов, созванного митрополитом Кириллом II в 1274 г. Хотя светское законодательство того времени еще не знало четкого термина «взятка», церковные иерархи уже тогда столкнулись с системным кризисом, известным как симония — продажа церковных должностей и священного сана. Митрополит Кирилл в своем обращении к собору подчеркивал, что благодать Святого Духа не может быть предметом торговли, и называл это явление «недугом», поразившим самый корень церковного института. В качестве взятки упоминались не только деньги, но и различные материальные подношения, которые маскировались под терминами «дары» или фиксированные «уроки» (платы) при посвящении. Согласно правилам 1274 г. и каноническому праву (Кормчей книге), за доказанный факт симонии полагались следующие санкции: немедленное «извержение из сана» (лишение всех чинов и прав) без возможности восстановления, а для высших иерархов церковное осуждение, отстранение от кафедры и предание анафеме. Также собор провозгласил, что священство, полученное за деньги, является недействительным, а совершенные таким священником таинства не имеют силы [8].

К концу XIV в. социально-экономические изменения, процесс централизации земель вокруг Москвы, формирование единой системы государственного управления, привели к необходимости фиксации норм, ограничивающих произвол местных властей. В этот период в правовой лексикон прочно входит термин «посул», который первоначально означал обещание или плату за осуществление властных полномочий. Эволюция этого понятия отражает стремление центральной власти ограничить произвол на местах [9].

Первое упоминание посула содержится в Двинской уставной грамоте (1397–1398 гг.). В ней посул рассматривается в контексте «самосуда» — ситуации, когда потерпевший, поймав вора с поличным, брал с него плату («посул собе возмет») вместо обращения к официальному суду наместника. Таким образом, на этом этапе государство боролось не со взяточничеством чиновников, а с попытками населения лишить чиновников их законного дохода [10].

Однако уже в Псковской судной грамоте (1397 г.) акценты смещаются. Статья 4 прямо запрещала князю и посаднику принимать «тайные посулы», призывая судить «в правду» по крестному целованию [11], а статья 48 предусматривала ответственность за вымогательство взяток. Здесь же появилось понятие «неправильно взятое вознаграждение», которое насильно бралось должностным лицом у истца и такое деяние приравнивалось к грабежу [12]. Интересно, что санкцией за нарушение этой нормы выступало не физическое наказание, а угроза божественной кары на Страшном суде. Это свидетельствовало о том, что на ранних этапах этические и религиозные регуляторы считались более эффективными, чем правовые. Псковская судная грамота является уникальным свидетельством того, что власть начала осознавать опасность взяточничества не только для казны, но и для общественной морали [13].

Новгородская судная грамота 1471 г. ввела системные ограничения для борьбы с должностными злоупотреблениями, установив прямой запрет на получение «тайных посулов» (взяток) и строго регламентировав размер законных судебных пошлин. Для предотвращения вымогательства через преднамеренное затягивание дел («волокиту») документ ограничил срок судебного разбирательства одним месяцем. За попытку силового или материального давления на суд («наводку») предусматривались высокие штрафы, размер которых зависел от социального статуса виновного: 50 рублей с боярина, 20 рублей с «житьего» человека и 10 рублей с «молодшего». В качестве исключительной меры за уклонение от правосудия и сокрытие от приставов полагалось наказание «всем Великим Новымгородом», что на практике означало конфискацию имущества и изгнание из города [14].

В начале XV в. великие князья московские предприняли попытку отрегулировать доходы должностных лиц путем выдачи особых «кормленных» или уставных грамот. Эти акты должны были четко определить, какой объем ресурсов наместник имеет право требовать с волости. Постепенно натуральный оборот кормов начал заменяться денежным эквивалентом, что было связано с прогрессирующей централизацией и развитием товарно-денежных отношений в конце XV — начале XVI в. Тем не менее, системная проблема оставалась: должностные лица по-прежнему не получали регулярного государственного жалованья, оставаясь на содержании у населения, что делало грань между «законным кормом» и «незаконным посулом» крайне тонкой.

Эпоха Ивана III ознаменовалась созданием первого общерусского Судебника, который заложил основы централизованного правосудия. В этом документе борьба с корыстью в судах становится общегосударственной задачей. В самой первой статье Судебника (1497 г.) Иван III определил, что взятка это преступление: «…Судьям запрещается брать за производство суда и ходатайств взятки, а также решать дело несправедливо из-за мести или дружбы со стороной». Статьи 33 и 34 Судебника 1497 г. вводили строгий запрет для недельщиков (судебных исполнителей) брать посулы как для себя, так и для судей. Статья 67 расширяла этот запрет на все города и волости, подчеркивая недопустимость дачи ложных показаний («послушества») за вознаграждение. Этот запрет свидетельствовал о стремлении великокняжеской власти ограничить бесчисленные проявления корысти в судах, которые подрывали доверие населения к центральной власти, однако за пределами судебной системы взяточничество воевод и наместников все еще оставалось в «серой зоне», так как система кормлений продолжала существовать, и грань между «почестью» и «взяткой» была размыта [15].

В середине XVI в. в России произошла глубокая трансформация государственного аппарата: переход от дворцово-вотчинной системы к приказной бюрократии. Это потребовало новой правовой базы, которой стал Судебник 1550 г.

Судебник 1550 г. (так называемый «Царский») впервые детально прописал наказания для бояр и дьяков за коррупционные действия. Закон дифференцировал систему ответственности в зависимости от умысла и статуса нарушителя, а также разделил правонарушения на несколько категорий:

- Ошибка без умысла («бесхитростно»): если судья (боярин, дьяк) обвинил кого-то не по суду, но без корыстного умысла, наказание в виде «пени» не применялось, однако дело подлежало пересмотру, а взятые пошлины — возврату.
- Умышленное неправосудие за взятку: при доказанном получении посула виновный (боярин, дьяк) обязан был возместить истцу сумму иска в двойном размере, уплатить все пошлины, а также понести наказание по усмотрению государя («в пене что государь укажет»).
- Злоупотребления низшего звена: дьяки, совершившие подлог в документах ради взятки, наказывались тюремным заключением. Подьячие же, совершившие подобное деяние без ведома дьяка, подвергались «торговой казни» — публичному битью кнутом.

Анализ данных норм показывает, что государство видело наибольшую опасность в деятельности низшего и среднего звена чиновничества (дьяков и подьячих), которые непосредственно вели делопроизводство. Если боярин рисковал преимущественно имуществом и репутацией, то подьячих подвергали жестоким телесным наказаниям («бита кнутьем»). Это подчеркивает социальное неравенство перед законом, где физическая неприкосновенность высшей аристократии сохранялась даже при доказанных фактах коррупции [16].

Именно в правление Ивана IV борьба с коррупцией приобрела показательно-жестокий характер. В хрониках сохранилась информация о казни дьяка в 1556 г., который принял «слишком большой посул» в виде гуся, начиненного золотыми монетами. По легенде, Иван Грозный приказал палачам на глазах у народа последовательно отрубать дьяку конечности, издевательски спрашивая, вкусно ли гусиное мясо, прежде чем лихоимцу отрубили голову. Этот случай демонстрирует, что к середине XVI в. взяточничество официально перешло в разряд уголовных преступлений, караемых смертью. Французский дипломат Арнольд Шемо в 1558 г. писал, что страна радикально изменилась под влиянием «страха смерти», который царь внушил аппарату управления, так, например, ежедневные публичные казни на городских площадях, где взяточников буквально «разрубали на куски» на глазах у народа способствовали развитию этого страха. По словам дипломата, французские купцы оказались в растерянности и «не знали, как теперь вести дела», поскольку традиционные механизмы подкупа перестали работать. Шемо отмечал удивительный для того времени факт, что даже знатные женщины («княжны») перестали принимать подношения, опасаясь обвинений в мздоимстве.[17]. И тем не менее, искоренить коррупцию не удалось. За 37 лет правления Иван публично казнил с особой жестокостью более 8 тысяч чиновников, бояр, что составляло примерно 34 % от общего числа государственных служащих того времени [18].

В 1556 г. Иван IV официально отменил систему кормлений, что стало важнейшим шагом в борьбе с институциональной коррупцией. Деньги, которые ранее население выплачивало напрямую наместникам, теперь взимались государством в качестве общего налога. Из этого централизованного фонда планировалось выплачивать денежное жалованье («помогу») служилым людям.

Однако эта реформа не смогла мгновенно искоренить традицию жить за счет подданных. Государственная казна часто была пуста, и чиновники на местах продолжали требовать «поносы» и «почести» от челобитчиков, оправдывая это необходимостью восполнения расходов на службу. Тем не менее, юридическая база кормлений была разрушена, и любая плата должностному лицу сверх установленных пошлин теперь официально считалась преступлением.

Значительное увеличение количества приказов к XVII в. привело к созданию разветвленной, но крайне коррумпированной бюрократии. По расчетам В. О. Ключевского, функционировало до 15 военных приказов, 10 хозяйственных и 13 дворцовых, причем их компетенции часто пересекались, создавая условия для «волокиты»[19]. Приказная система была громоздкой и непрозрачной. Отсутствие четких регламентов и сроков рассмотрения дел создавало идеальные условия для волокиты. Подьячие и дьяки, обладавшие навыками делового письма и знанием архивов, становились фактическими хозяевами положения. Коррупция в этот период приобрела следующие формы:
-- почесть: подарок, предлагаемый челобитчиком заранее для того, чтобы должностное лицо вообще приняло дело к рассмотрению, считалась относительно законной формой «вежливости»;

- мздоимство: получение платы за совершение законных действий (например, за ускорение выдачи справки или земельного акта);

- лихоимство: вымогательство или получение взятки за заведомо незаконное решение [20].

Социальный состав тех, кто был вынужден прибегать к подкупу для продвижения своих челобитных, охватывал практически все слои населения, так, например, посадские люди и крестьяне давали взятки для защиты от произвола воевод или в земельных спорах; купцы и гости стремились получить торговые привилегии или освобождение от пошлин, а служилое население подавало челобитные о выплате жалования или продвижения по службе.

Интерес представляет также следующий факт: царь, рассматривая дела, касающиеся злоупотребления воеводами своих полномочий, в первую очередь выяснял каким образом была получена взятка: путем вымогательства или подношения, и если подношения были исключительно добровольными, то правительство расценивало действия воеводы как абсолютно законные [21]. Известны случаи массового вымогательства. Например, начальник Земского приказа Леонтий Плещеев создал целый штат лжесвидетелей, которые оговаривали богатых людей, после чего те арестовывались и освобождались только за огромные взятки.

Принятие Соборного уложения 1649 г. при Алексее Михайловиче стало попыткой государства систематизировать борьбу с «лихоимством» во всех сферах управления и, окончательно криминализировав коррупцию, установить за нее суровые наказания. Глава X Уложения устанавливала ответственность не только для столичных чиновников, но и для воевод и приказных людей во всех городах. Наказания, предусмотренные за взяточничество, включали в себя смертную казнь, членовредительство (имело целью не только причинить боль, но и «пометить»

преступника, чтобы он был узнаваем в массах), болезненные наказания (публичное битье кнутом, которое могло длиться до трех дней), тюремное заключение (сроки варьировались от трех дней до пожизненного) и имущественные санкции.

Несмотря на суровость предусмотренных мер, в Соборном уложении отсутствовало четкое определение понятий мздоимства и лихоимства, что оставляло почву для расплывчатых трактовок в судах. Наказание могло варьироваться от денежного штрафа до каторжных работ в зависимости от статуса обвиняемого и его связей при дворе. Тем не менее, Соборное уложение зафиксировало важнейший правовой принцип: государственная служба не должна быть источником частного обогащения.

Несмотря на жесточайшие репрессии, коррупция в России не исчезала. Одной из главных причин этого была низкая материальная обеспеченность чиновников среднего и мелкого звена. После отмены кормлений в 1556 году государство обязалось платить «помогу» (жалованье), однако казна часто была пуста. Подьячие и дьяки, не получая жалованья месяцами, рассматривали «посул» как единственный способ выживания.

Для борьбы со злоупотреблениями на местах был создан Челобитный приказ, который выполнял функции распределительного и контрольного органа. Он служил своего рода посредником между государем и подданными, позволяя царю получать информацию о деятельности воевод и приказных людей напрямую. По челобитным, поданным в этот приказ, возбуждались судебные дела, что теоретически должно было сдерживать коррупцию. Однако на практике сам Челобитный приказ часто оказывался вовлечен в коррупционные схемы, так как его служащие также нуждались в содержании

Кроме того, прогрессирующая централизация привела к тому, что придворные органы начали управлять огромными территориями из Москвы. Дистанция между царем и подданными, непрозрачность процедур и отсутствие четких регламентов работы приказов создавали идеальную среду для вымогательства и волокиты.

Заключение

Анализ периода IX–XVII вв. позволяет сделать вывод, что коррупция в России прошла путь от легитимного социального института (кормления) до тяжкого уголовного преступления (лихоимства) и была не просто набором случайных правонарушений, а следствием институциональной слабости государственного аппарата. Эволюция норм законодательства — от увещеваний Псковской грамоты до репрессивных мер Соборного уложения — свидетельствует о постоянном поиске государством того самого «предела» власти, о котором писал Монтескье.

Основные этапы борьбы с этим явлением связаны с судебниками 1497 и 1550 гг., а также Соборным уложением 1649 г., которые последовательно расширяли круг наказуемых деяний и ужесточали санкции. К концу XVII в. государство осознало необходимость перехода от простых запретов к созданию регулярной службы с фиксированным жалованьем, что нашло отражение в реформах Петра I. Однако опыт исследуемого периода показал, что одни лишь карательные меры, включая смертную казнь и членовредительство, не способны искоренить корыстные злоупотребления без изменения самой системы государственного управления. Традиция «жить за счет должности», заложенная веками кормления, оказалась сильнее страха перед кнутом и плахой. Эта институциональная проблема стала тем историческим наследием, которое перешло к имперской России Петра I, вынудив его в 1714 г. издать знаменитый указ «О воспрещении взяток и посулов», окончательно ознаменовавший переход к регулярному чиновничьему аппарату.

Литература

1. Флетчер Д. О государстве русском. – СПб: изд-во А.С.Суворина, 1906. – С.24-25.
2. Вяземский П.А. Старая записная книжка. – М.: Захаров, 2003. – С.138.
3. Монтескье Ш. Избранные произведения. – М.: Госполитиздат, 1955. – С.289.
4. Правда Русская /Под общ. ред. Б. Д. Грекова. – Москва; Ленинград: изд-во Акад. наук СССР, 1940. – С. 16.
5. Правда Русская /Под общ. ред. Б. Д. Грекова. – Москва; Ленинград: изд-во Акад. наук СССР, 1940. – С. 27.
6. Свердлов М.Б. Становление феодализма в славянских странах. – СПб: изд-во «Дмитрий Буланин», 1997. – С.183.
7. Правда Русская /Под общ. ред. Б. Д. Грекова. – Москва; Ленинград: изд-во Акад. наук СССР, 1940. – С. 27.
8. Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией. Т.6: Памятники древнерусского канонического права: Ч.1: (Памятники XI-XV в.) / Под ред. А. С. Павлова. – СПб.: Типография М.А.Александрова, 1908. – С.86.
9. Касьянов В. С. Исторические аспекты противодействия коррупции в России // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2012. №2. – С.179.
10. Н.М.Карамзин. Примечания к истории государства российского. Т.IV. – СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1852. – С.157-159.
11. Памятники русского права/ Под ред. С.В.Юшкова. – М.: государственное изд-во юридической литературы, 1953. – С. 286.
12. Памятники русского права/ Под ред. С.В.Юшкова. – М.: государственное изд-во юридической литературы, 1953. – С. 292.
13. Кирилленко В.П., Дронов Р.В. Коррупция и государство. «Черная дыра» экономики России. СПб.: изд-во Политехнического университета, 2012. – С.14-29.
14. Памятники русского права/ Под ред. С.В.Юшкова. – М.: государственное изд-во юридической литературы, 1953. – С. 223
15. Хрестоматия по истории государства и права СССР. Дооктябрьский период/ Под.ред.Ю.П.Титова, О.И.Чистякова. – М.: Юридическая литература, 1990. – С.44-55.
16. Судебники XV-XVI веков/ Под общ. ред. Б. Д. Грекова. – Ленинград: изд-во Акад. наук СССР, 1952. – С. 141-177.
17. Кирпичников, А. И. Российская коррупция. СПб: Юридический центр Пресс, 2004. — С. 11.
18. Брыксина И.И. История решения коррупционного вопроса лидерами Российского государства// Электронный научный журнал «ГосРег». 2018. № 4.
19. Ключевский В. О. Курс русской истории. — М.: Соцэкгиз, 1937. – Ч.3. Лекция XXXVIII.
20. Тихомиров М.Н., Епифанов П.П. Соборное уложение 1649 года. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1961. – С.84.
21. Бычкова С.Б. Государственно-правовые меры противодействия взяточничеству в России (XV - начало XX вв.). Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Нижний Новгород – 2015.

The evolution of corruption practices and mechanisms of state counteraction in Russia from the 9th to the 17th centuries: a historical and legal analysis

Panteleeva E.V., Tarasov A.S.

Saint Petersburg State Marine Technical University

The article examines the process of transformation of corruption-related relations in the Russian state from the moment of its emergence to the end of the 17th century. The authors analyze the transition from legal forms of maintaining the administrative apparatus, such as the kormlenie system, to criminalized forms of bribery and extortion. Special attention is given to the analysis of the Law Codes of 1497 and 1550, as well as the Council Code of 1649, as key stages in the formation of anti-corruption legislation.

Keywords: corruption, history of Russia, *kormlenie* system, *posul*, extortion, bribery, administrative office system, Law Code, Council Code.

References

1. Fletcher, D. On the Russian State. St. Petersburg: A.S. Suvorin Publishing House, 1906, pp. 24-25.
2. Vyazemsky, P.A. An Old Notebook. Moscow: Zakharov, 2003, p. 138.
3. Montesquieu, Ch. Selected Works. Moscow: Gospolitizdat, 1955, p. 289.
4. Russian Truth /Edited by B.D. Grekov. Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences Publishing House, 1940, p. 16.
5. Russian Truth /Edited by B.D. Grekov. Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences Publishing House, 1940, p. Sciences of the USSR, 1940. – P. 27.
6. Sverdlov M.B. The formation of feudalism in Slavic countries. – St. Petersburg: publishing house “Dmitry Bulanin”, 1997. – P. 183.

7. Russian Truth /Under general. ed. B. D. Grekova. - Moscow; Leningrad: publishing house Acad. Sciences of the USSR, 1940. – P. 27.
8. Russian Historical Library, published by the Archaeographic Commission. T.6: Monuments of Old Russian canon law: Part 1: (Monuments of the XI-XV centuries) / Ed. A. S. Pavlova. – St. Petersburg: M.A. Alexandrov's printing house, 1908. – P.86.
9. Kasyanov V. S. Historical aspects of combating corruption in Russia // State and municipal administration. Scientific notes. 2012. No. 2. – P. 179.
10. N. M. Karamzin. Notes on the history of the Russian state. Vol. IV. – St. Petersburg: Printing house of the Imperial Academy of Sciences, 1852. – Pp. 157-159.
11. Monuments of Russian law / Ed. S. V. Yushkov. – Moscow: State Publishing House of Legal Literature, 1953. – P. 286.
12. Monuments of Russian law / Ed. S. V. Yushkov. – Moscow: State Publishing House of Legal Literature, 1953. – P. 292.
13. Kirillenko V. P., Dronov R. V. Corruption and the State. "The Black Hole" of the Russian Economy. St. Petersburg: Publishing House of the Polytechnic University, 2012. – pp. 14-29.
14. Monuments of Russian Law / Ed. S. V. Yushkov. – Moscow: State Publishing House of Legal Literature, 1953. – p. 223
15. Reader on the History of the State and Law of the USSR. Pre-October Period / Ed. Yu. P. Titov, O. I. Chistyakov. – Moscow: Legal Literature, 1990. – pp. 44-55.
16. Codes of Law of the 15th-16th Centuries / General editor B. D. Grekov. – Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1952. – pp. 141-177.
17. Kirpichnikov, A. I. Russian Corruption. St. Petersburg: Yuridichesky tsentr Press, 2004. — P. 11.
18. Bryksina I.I. History of the solution of the corruption issue by the leaders of the Russian state// Electronic scientific journal "GosReg". 2018. No. 4.
19. Klyuchevsky V.O. Course of Russian history. — Moscow: Sotsekgiz, 1937. — Part 3. Lecture XXXVIII.
20. Tikhomirov M.N., Epifanov P.P. Cathedral Code of 1649. — Moscow: Publishing house of Moscow University, 1961. — P. 84.
21. Bychkova S.B. State and legal measures to combat bribery in Russia (15th - early 20th centuries). Dissertation for the degree of Candidate of Laws. Nizhny Novgorod – 2015.

Проблемы разграничения административной и уголовной ответственности частного детектива

Швецов Роман Евгеньевич
адвокат, Адвокатская палата города Москвы; соискатель ученой степени кандидата юридических наук, кафедра адвокатуры и уголовно-правовых дисциплин имени А.В. Клигмана, Российский университет адвокатуры и нотариата имени Г.Б. Мирзоева, 615007@gmail.com

Цель статьи состоит в определении критериев разграничения административной и уголовной ответственности частного детектива. На основе формально-юридического, системно-структурного и правоприменительного анализа исследуются ст. 14.1, 20.16 и 20.24 КоАП РФ, положения Закона РФ № 2487-1, лицензионные требования, а также гражданско-правовые и лицензионные последствия нарушений частной сыскной деятельности. Обосновывается, что административная ответственность охватывает преимущественно формальные, организационные, договорные, лицензионные и технические нарушения, которые не всегда достигают уровня преступления. Вместе с тем она не должна подменять уголовно-правовую оценку, если нарушение сопровождается незаконным получением охраняемой информации, вмешательством в частную жизнь, тайну связи, банковскую, налоговую, коммерческую тайну, компьютерную информацию или персональные данные. Сделан вывод о том, что разграничение административной и уголовной ответственности частного детектива должно строиться по характеру нарушенного правила, виду охраняемой информации, степени вреда, профессиональной связи деяния с частным сыском и наличию признаков самостоятельного преступления. Практическая значимость исследования состоит в формулировании критериев, позволяющих отличать административный проступок от преступного профессионального информационного злоупотребления частного детектива.

Ключевые слова: частный детектив, КоАП РФ, административная ответственность, уголовная ответственность, ст. 203 УК РФ, информационное злоупотребление.

Введение. Постановка проблемы

Частная детективная деятельность относится к числу лицензируемых видов профессиональной деятельности, осуществляемых в пределах специального правового режима. Частный детектив оказывает сыскные услуги на договорной и возмездной основе, однако содержание таких услуг определяется не только волей заказчика, но и Законом РФ № 2487-1, лицензионными требованиями, договором, специальными запретами и общими режимами охраны информации. Поэтому нарушение частным детективом установленных правил может повлечь различные правовые последствия: административные, гражданско-правовые, лицензионные и уголовные.

Многоуровневое регулирование закономерно. Не всякий дефект договора, просрочка уведомления, нарушение порядка переоформления лицензии или иное формальное несоблюдение лицензионного режима требуют уголовно-правовой оценки; обычно достаточно административной, гражданско-правовой или лицензионной реакции. Однако КоАП РФ не должен закрывать уголовно-правовую оценку, когда частный сыск используется для незаконного получения сведений о частной жизни, тайне связи, банковской, налоговой или коммерческой тайне, компьютерной информации либо персональных данных.

Проблема состоит в определении границы между формальным нарушением порядка частной сыскной деятельности и преступным использованием профессионального статуса для незаконного получения охраняемой информации. Такая граница предупреждает как необоснованную криминализацию лицензионных дефектов, так и подмену уголовно-правовой оценки административной ответственностью при наличии признаков самостоятельного преступления.

Цель статьи — выработать критерии, позволяющие определить, когда нарушение правил частной сыскной деятельности остается в административной, гражданско-правовой или лицензионной плоскости, а когда становится уголовно значимым профессиональным информационным злоупотреблением.

Методологическая база проведенного исследования

Методологическую основу исследования составили формально-юридический, системно-структурный, правоприменительный методы и метод разграничения правовых режимов. Формально-юридический метод использован при анализе ст. 14.1, 20.16, 20.24 КоАП РФ, ст. 203, 137, 138, 138.1, 183, 272 и 272.1 УК РФ, Закона РФ № 2487-1 и лицензионных требований. Системно-структурный метод позволил определить место административной ответственности в системе правовых последствий незаконной частной сыскной деятельности. Правоприменительный метод использован при анализе судебной практики по административным, гражданским, лицензионным и уголовным делам, связанным с нарушением правил частного сыска. Метод разграничения правовых режимов позволил сопоставить формальные лицензионные нарушения, гражданско-правовые последствия, административные составы и преступления, связанные с незаконным получением охраняемой информации.

Административная ответственность в системе правового регулирования частной сыскной деятельности

Административная ответственность частного детектива занимает промежуточное место между законной частной сыскной деятельностью и уголовно-правовым запретом. Она не является уголовным наказанием, но и не сводится к обычному предпринимательскому спору, поскольку частный сыск связан с риском нарушения прав граждан, конфиденциальности сведений и законных интересов участников правовых конфликтов.

Закон РФ № 2487-1 определяет виды сыскных услуг, допустимые действия частного детектива, запреты, договорную

форму оказания услуг и общие пределы поведения лица, допущенного к частному сыску. В административно-правовой литературе справедливо подчеркивается, что частная детективная и охранная деятельность относится к сфере разрешительного регулирования, поскольку государство допускает негосударственного субъекта к деятельности, потенциально затрагивающей права граждан и охраняемую законом информацию [Белорусов, 2005; Демина, 2009; Каштанов, 2010; Козлов, 1999; Огурцов, 2006; Солнышкова, 2001]. Следовательно, административная ответственность в этой сфере выполняет не только карательную, но и превентивную функцию.

Административная ответственность охватывает прежде всего формальные, организационные, лицензионные, договорные и технические нарушения: несоблюдение лицензионных требований, просрочку уведомления следователя или суда, дефекты договора, отсутствие акта выполненных работ, нарушение порядка переоформления лицензии, оказание не предусмотренных законом услуг либо использование технических средств в административно наказуемой форме.

Гражданско-правовая ответственность ориентирована на компенсацию вреда, защиту личных неимущественных прав, взыскание убытков и оценку качества исполнения договора. Лицензионные последствия охраняют режим допуска к профессии: предупреждение, проверка, предписание, приостановление или аннулирование лицензии позволяют исключить из частного сыска лицо, нарушающее профессиональные пределы деятельности.

Административная ответственность не является альтернативой уголовной. Она отделяет формальные нарушения частного сыска от преступного профессионального злоупотребления: пока нарушение исчерпывается лицензионной, договорной или организационной обязанностью, административная реакция может быть достаточной; при незаконном получении охраняемой информации и существенном вреде правам граждан или организаций требуется уголовно-правовая оценка.

Статья 14.1 КоАП РФ: нарушение лицензионных требований

Статья 14.1 КоАП РФ имеет общий предпринимательско-лицензионный характер и применяется к осуществлению предпринимательской деятельности с нарушением требований и условий, предусмотренных специальным разрешением. Для частного детектива данная норма важна потому, что он действует как индивидуальный предприниматель, допущенный к лицензируемой деятельности. Постановление Правительства РФ № 498 конкретизирует лицензионные требования, включая соблюдение положений Закона № 2487-1 о допустимых действиях, запретах и договорной форме оказания услуг.

В правоприменении ст. 14.1 КоАП РФ особенно заметна её предкриминальная функция: данная норма позволяет реагировать на нарушения лицензионного порядка, не переводя автоматически каждый формальный дефект в сферу уголовно-правовой оценки. Так, несоблюдение срока уведомления следователя или суда о заключении договора на сбор сведений по уголовному делу может квалифицироваться как административное правонарушение, если оно не сопряжено с незаконным получением охраняемой информации и существенным нарушением прав. Такую модель демонстрирует Переславское дело. Частный детектив нарушил установленный срок письменного уведомления следователя о заключении договора на сбор сведений по уголовному делу. Суд исходил из формального характера состава административного правонарушения: отсутствие вредных последствий само по себе не исключает ответственности, поскольку был нарушен лицензионный порядок. Вместе с тем по делу не было установлено ни незаконного получения охраняемой информации, ни существенного нарушения прав, в связи с чем правовая реакция осталась в административной плоскости. Сходную роль выполняет дело Краснооктябрьского, где были установлены нарушения лицензионных условий: нарушение порядка уведомления, получение письменного объяснения вместо допустимого законом устного опроса, а также непереоформление лицензии при изменении обстоятельств, эти действия были оценены в административной плоскости как несоблюдение условий лицензируемой деятельности. Данный пример свидетельствует, что административная ответственность может охватывать не только очевидно формальные нарушения, но и действия, приближающие частный сыск к имитации публично-властной процедуры, однако и здесь уголовно-правовая оценка требует большего: существенного нарушения прав, незаконного получения охраняемой информации либо признаков самостоятельного преступления.

Статья 14.1 КоАП РФ практична для оценки лицензионных нарушений, но ее применение не должно закрывать вопрос об уголовной ответственности. Иначе возникает риск, что лицензионная форма деяния будет видна правоприменителю, а его уголовно-правовое информационное содержание останется вне оценки.

Статья 20.16 КоАП РФ: незаконная частная детективная деятельность

Статья 20.16 КоАП РФ имеет более специальное значение, поскольку прямо связана с незаконной частной детективной или охранной деятельностью. В отличие от ст. 14.1 КоАП РФ, которая охватывает широкий круг нарушений в сфере предпринимательства и лицензирования, ст. 20.16 КоАП РФ указывает на специальный режим частной детективной и охранной деятельности, она важна прежде всего для ситуаций отсутствия лицензии, незаконного оказания частных детективных услуг, выхода за пределы разрешенных видов деятельности либо нарушения специальных требований, установленных законом. Данная статья имеет значение применительно к лицам, фактически оказывающим детективоподобные услуги без лицензии. В таких случаях ст. 203 УК РФ неприменима из-за отсутствия специального субъекта, но если лицо без лицензии незаконно получает сведения о частной жизни, нарушает тайну связи, приобретает или сбывает специальные технические средства, получает банковскую, налоговую или коммерческую тайну либо неправомерно обращается к компьютерной информации или персональным данным, содеянное должно оцениваться по соответствующим нормам УК РФ.

Статья 20.16 КоАП РФ фиксирует отсутствие или нарушение специального допуска к частному сыску, но не охватывает самостоятельный вред частной жизни, тайне связи, персональным данным или охраняемой законом тайне. Если деятельность становится способом получения закрытых сведений, предмет квалификации меняется: оцениваются не только отсутствие лицензии, но и характер информации, способ ее получения, круг потерпевших и причиненный вред. Такой подход исключает две ошибки: признание любого псевдодетектива субъектом ст. 203 УК РФ и сведение незаконного информационного сбора без лицензии исключительно к административному вопросу. Статья 20.16 КоАП РФ не поглощает преступления против частной жизни, тайны связи, охраняемой законом тайны, компьютерной информации или персональных данных.

Статья 20.24 КоАП РФ: специальные технические средства как административная граница уголовной ответственности

Статья 20.24 КоАП РФ устанавливает административную ответственность за использование в частной детективной или охранной деятельности специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации, если такое использование не образует преступления. Эта норма находится на границе административного и уголовного права, поскольку сфера специальных технических средств тесно связана с охраной частной жизни, тайны сообщений и установленного порядка оборота устройств, предназначенных для скрытого получения сведений.

Для правильного разграничения необходимо различать специальные средства физического воздействия и специальные технические средства, предназначенные для негласного получения информации. Первые традиционно связаны с охранной деятельностью, вторые — со скрытым получением аудио-, видео-, геолокационной, компьютерной или иной информации. Для частного сыска особенно опасна именно вторая группа [Петроченков, 2013].

Административное значение ст. 20.24 КоАП РФ состоит в возможности реагировать на незаконное использование специальных технических средств без немедленного перехода к уголовной ответственности. Однако незаконные приобретение, производство или сбыт таких средств ставят вопрос о ст. 138.1 УК РФ, а их применение для собирания сведений о частной жизни, нарушения тайны связи, неправомерного доступа к компьютерной информации или передачи результата заказчику делает административную оценку недостаточной.

Сарапульское дело по ст. 20.24 КоАП РФ имеет ограниченное значение, поскольку суд не рассматривал материальные признаки правонарушения по существу и возвратил жалобу по процессуальным основаниям. Однако сам факт существования такой административной практики показывает, что специальные технические средства в частной детективной или охранной деятельности образуют самостоятельный уровень правового реагирования. Для целей уголовно-правового разграничения этот уровень важен как нижняя граница: административный состав применяется там, где незаконное использование технического средства еще не перешло в уголовно наказуемый оборот специальных технических средств или в преступное нарушение информационных прав.

Следовательно, ст. 20.24 КоАП РФ обозначает административную границу между нарушением правил использования технических средств в частном сыске и уголовно наказуемым незаконным оборотом специальных технических средств либо преступным нарушением информационных прав. Эта граница определяется видом устройства, способом его использования, целью, последствиями и характером полученной информации.

Гражданско-правовые и лицензионные последствия нарушений частной сыскной деятельности

Гражданско-правовые и лицензионные последствия показывают, что реакция на поведение частного детектива не сводится к выбору между КоАП РФ и УК РФ. Нарушение может выражаться в ненадлежащем исполнении договора, причинении морального вреда, незаконном сборе сведений о частной жизни, разглашении информации либо утрате доверия к лицу как к лицензиату.

Гражданско-правовая плоскость особенно заметна в делах, где вред причиняется не столько имущественной сфере, сколько личной автономии потерпевшего. Дело Денисовой к Давыдовой демонстрирует, что незаконный сбор сведений о частной жизни в контексте частного сыска может повлечь компенсацию морального вреда. По делу было установлено, что фактический сбор сведений осуществлялся лицом, не имевшим статуса частного детектива, в связи с чем возникли вопросы административного и лицензионного порядка, но для потерпевшего ключевым было не формальное нарушение лицензии, а незаконное вторжение в частную жизнь, повлекшее нравственные страдания. Это дело иллюстрирует, что гражданско-правовая защита может фиксировать реальный личностный вред, даже если уголовная оценка не дана.

Иная граница проявляется в деле Шалыгиных, там нарушение требований к договору и акту выполненных работ было связано с административной оценкой порядка оказания частных детективных услуг, между тем гражданский суд не признал сам по себе дефект оформления доказательством неисполнения обязательства либо преступного поведения. Из этого следует: не всякий договорный или документационный дефект означает уголовно значимое нарушение, формальное нарушение может оставаться в административной или гражданско-правовой плоскости, если отсутствуют незаконное получение охраняемой информации, существенный вред и признаки преступления. Лицензионные последствия выполняют самостоятельную функцию. Предупреждение, проверка, приостановление или аннулирование лицензии направлены не столько на компенсацию уже причиненного вреда, сколько на исключение из профессиональной сферы лица, нарушающего установленные пределы частного сыска. Дело Кушнера является иллюстрацией такого подхода, суд рассматривал вопрос об аннулировании лицензии частного сыщика в связи с нарушениями, связанными со сбором сведений о гражданах без надлежащего договора и согласия, получением вознаграждения и передачей информации заказчику. Дело имело лицензионный характер, но фактические обстоятельства показывали, насколько близко лицензионное нарушение может подходить к сфере охраны частной жизни.

Гражданско-правовые и лицензионные последствия демонстрируют: не каждое нарушение частного детектива требует уголовно-правовой реакции, но при существенном информационном вреде они не способны ее заменить. Компенсация морального вреда, аннулирование лицензии или административный штраф могут быть необходимыми, но недостаточными при незаконном получении охраняемой информации и передаче ее заказчику.

Когда административная ответственность становится недостаточной

Административная ответственность становится недостаточной, когда нарушение выходит за пределы формального лицензионного дефекта и превращается в профессиональное информационное вторжение. Один и тот же внешний дефект может иметь различную правовую природу в зависимости от полученной информации, причиненного вреда и профессионального контекста.

КоАП РФ охватывает форму нарушения: деятельность без лицензии, несоблюдение лицензионных требований, нарушение порядка договора, уведомления или использования технических средств. Уголовный закон включается при затрагивании самостоятельного уголовно охраняемого объекта: например, при получении под видом сыскной услуги детализации телефонных соединений, банковской выписки, налоговых сведений, персональных данных или информации из закрытой базы.

Первым основанием перехода к уголовно-правовой оценке является незаконное получение охраняемой информации. Такой информацией могут быть сведения о частной жизни, тайна связи, банковская, налоговая или коммерческая тайна, компьютерная информация и персональные данные. Эти сведения охраняются не лицензионным режимом частного сыска как таковым, а самостоятельными уголовно-правовыми запретами. Поэтому административный состав не может поглотить вред, причиненный соответствующему информационному объекту [Жеребкин, 2003; Артемов, 2011; Доронин, 2003].

Вторым основанием является существенное нарушение прав. Формальный дефект может быть административным, но незаконный контроль за личной жизнью, разглашение семейных обстоятельств, получение сведений о телефонных контактах, финансах, доходах, передвижениях или персональных данных затрагивают конституционные и иные охраняемые законом права.

Третьим основанием является профессиональный характер информационной услуги. Если сведения добываются по поручению клиента, за вознаграждение, с использованием статуса частного детектива и с передачей результата заказчику, частный сыск становится инструментом незаконного информационного вторжения [Овчаров, 2002; Чурсина, 2016].

Четвертым основанием является наличие признаков самостоятельного преступления. При признаках ст. 137, 138, 138.1, 183, 272 или 272.1 УК РФ административная ответственность недостаточна; при профессиональной связи деяния с частным сыском дополнительно возникает вопрос о ст. 203 УК РФ.

Итак, административная ответственность становится недостаточной не из-за самого статуса частного детектива, а из-за перехода нарушения в уголовно-правовую плоскость: незаконного получения охраняемой информации, существенного вреда, профессиональной связи с частным сыском и признаков самостоятельного преступления.

Критерии разграничения административной и уголовной ответственности частного детектива

Разграничение административной и уголовной ответственности частного детектива должно строиться не по удобству санкции, а по содержанию нарушенного правила, виду информации, степени вреда и профессиональной связи деяния с частной сыскной деятельностью.

Первым критерием является характер нарушенного правила. Документационные, лицензионные, уведомительные и договорные дефекты обычно относятся к административной, гражданско-правовой или лицензионной плоскости. Нарушение запретов, связанных с охраняемой информацией, создает уголовно-правовой риск.

Вторым критерием является наличие охраняемой законом информации. Открытые либо добровольно предоставленные сведения чаще оставляют нарушение в административной или гражданской плоскости. Сведения о частной жизни, тайна связи, банковская, налоговая или коммерческая тайна, компьютерная информация и персональные данные требуют проверки признаков преступления [Жеребкин, 2003; Артемов, 2011; Доронин, 2003].

Третьим критерием является степень вреда. Формальное нарушение без существенного вреда может повлечь административный штраф, предупреждение, гражданско-правовые последствия или лицензионные меры. Существенное нарушение прав требует уголовно-правовой оценки с учетом содержания информации, способа ее получения, передачи заказчику и последствий для потерпевшего.

Четвертым критерием является профессиональная связь с частной сыскной деятельностью. Если лицо действует как частный детектив, принимает поручение, заключает договор или имитирует детективную услугу, получает оплату и передает сведения заказчику, возникает профессиональный контекст. При его отсутствии ст. 203 УК РФ не применяется даже при наличии лицензии.

Пятым критерием является наличие самостоятельного уголовного состава. При признаках ст. 137, 138, 138.1, 183, 272 или 272.1 УК РФ административная оценка недостаточна, особенно когда лицензионное описание фактически скрывает незаконное получение охраняемых сведений.

Следовательно, КоАП РФ должен сохранять значение предкриминального фильтра, но не превращаться в механизм ухода от уголовно-правовой оценки при наличии самостоятельного преступного информационного вреда.

Результаты исследования

Основной результат исследования состоит в том, что административная ответственность частного детектива выполняет функцию предкриминального фильтра: она отделяет формальные лицензионные, договорные, технические и организационные нарушения от преступного информационного злоупотребления. Статьи 14.1, 20.16 и 20.24 КоАП РФ не должны заменять уголовно-правовую оценку при незаконном получении охраняемой информации, существенном нарушении прав и признаках преступлений, предусмотренных ст. 203, 137, 138, 138.1, 183, 272 или 272.1 УК РФ.

Административная ответственность достаточна, когда нарушение касается формы частной сыскной деятельности и не затрагивает самостоятельные уголовно охраняемые объекты. Она становится недостаточной при незаконном доступе к сведениям ограниченного доступа, передаче таких сведений заказчику, вмешательстве в частную жизнь или ином существенном нарушении прав.

Выводы

Во-первых, административная ответственность частного детектива является нижней, предкриминальной границей уголовной ответственности и охватывает формальные, организационные, договорные, лицензионные и технические нарушения частной сыскной деятельности.

Во-вторых, ст. 14.1 КоАП РФ применяется к нарушениям лицензионных требований частной детективной деятельности, но не должна подменять уголовно-правовую оценку при незаконном получении охраняемой информации и существенном нарушении прав.

В-третьих, ст. 20.16 КоАП РФ имеет значение для незаконной частной детективной деятельности, включая деятельность без лицензии, но не охватывает самостоятельные преступления против частной жизни, тайны связи, охраняемой законом тайны, компьютерной информации или персональных данных.

В-четвертых, ст. 20.24 КоАП РФ является административной границей ответственности за незаконное использование специальных технических средств. При признаках незаконного оборота таких средств либо незаконного получения охраняемых сведений требуется проверка уголовно-правовых составов.

В-пятых, переход от административной к уголовной ответственности определяется характером нарушенного правила, видом полученной информации, степенью вреда, профессиональной связью деяния с частной сыскной деятельностью и наличием признаков самостоятельного преступления.

Заключение

Разграничение административной и уголовной ответственности частного детектива должно строиться не только на наличии лицензии или нарушении лицензионного требования. Решающее значение имеют характер нарушенного правила, режим полученной информации, степень вреда, профессиональная связь деяния с частным сыском и признаки самостоятельного преступления.

Административная ответственность необходима как предкриминальный фильтр: она позволяет реагировать на нарушения лицензионного, договорного, уведомительного и технического порядка без чрезмерной криминализации частной сыскной деятельности. Но она не должна становиться способом ухода от уголовно-правовой оценки при незаконном получении охраняемой информации, передаче ее заказчику и причинении существенного вреда.

Следовательно, КоАП РФ и УК РФ являются взаимосвязанными, но не взаимозаменяемыми уровнями правовой охраны. КоАП РФ фиксирует нижнюю границу ответственности и дисциплинирует режим частного сыска; УК РФ включается тогда, когда нарушение приобретает характер преступного информационного вторжения.

Литература

1. Артемов В. В. Незаконные получение и разглашение сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну, в уголовном праве России : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.08. М., 2011. 206 с.

2. Белорусов В. Б. Административно-правовой статус негосударственных субъектов правоохранительной деятельности в Российской Федерации : автореф. дис. … д-ра юрид. наук : 12.00.14. М., 2005. 43 с.

3. Демина М. Ф. Частная детективная и охранная деятельность как объект отношений в сфере обеспечения разрешительной системы // Административное и муниципальное право. 2009. № 5. С. 21–27.

4. Доронин А. М. Уголовная ответственность за неправомерный доступ к компьютерной информации : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.08. М., 2003. 155 с.

5. Жеребкин В. П. Уголовно-правовая охрана частной жизни : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.08. Саратов, 2003. 197 с.

6. Каштанов А. В. Административная ответственность за нарушения законодательства о частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.14. М., 2010. 180 с.

7. Козлов В. И. Административно-правовое регулирование частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.02. М., 1999. 160 с.

8. Огурцов А. Ю. Контроль органов внутренних дел за частной детективной и охранной деятельностью : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.14. М., 2006. 144 с.

9. Овчаров А. В. Уголовная ответственность за превышение полномочий служащими частных охранных и детективных служб : дис. … канд. юрид. наук. М., 2002. 186 с.

10. Петроченков С. Д. Уголовная ответственность за незаконный оборот специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.08. М., 2013. 174 с.

11. Солнышкова О. В. Государственное регулирование негосударственной частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации : дис. … канд. юрид. наук. Тюмень, 2001. 198 с.

12. Чурсина И. В. Уголовная ответственность за превышение полномочий частным детективом или работником частной охранной организации : автореф. дис. … канд. юрид. наук : 12.00.08. Хабаровск, 2016. 26 с.

Problems of Distinguishing Administrative and Criminal Liability of a Private Detective

Shvetsov R.E.

Moscow Chamber of Advocates, G. B. Mirzoev Russian University of Advocacy and Notariat

The purpose of the article is to determine criteria for distinguishing administrative and criminal liability of a private detective. Based on formal legal, systemic structural and law-enforcement analysis, the article examines Articles 14.1, 20.16 and 20.24 of the Code of Administrative Offences of the Russian Federation, provisions of the Law of the Russian Federation No. 2487-1, licensing requirements, as well as civil law and licensing consequences of violations in private investigative activity. It is substantiated that administrative liability mainly covers formal, organizational, contractual, licensing and technical violations that do not always reach the level of a crime. At the same time, it should not replace criminal law assessment where a violation is accompanied by illegal obtaining of protected information, interference with private life, secrecy of communications, banking, tax or commercial secrecy, computer information or personal data. The article concludes that administrative and criminal liability of a private detective should be distinguished by the nature of the violated rule, the type of protected information, the degree of harm, the professional connection of the act with private investigation and the existence of elements of an independent crime.

Keywords: private detective, Code of Administrative Offences, administrative liability, criminal liability, Article 203 of the Criminal Code, information abuse.

References

1. Artemov V. V. Nezakonnye poluchenie i razglashenie svedeniy, sostavlyayushchikh kommercheskuyu, nalogovuyu ili bankovskuyu taynu, v ugolovnom prave Rossii [Illegal obtaining and disclosure of information constituting commercial, tax or banking secrecy in Russian criminal law]. Cand. Sci. (Law) diss. Moscow, 2011. 206 p. (In Russ.)
2. Belorusov V. B. Administrativno-pravovoy status negosudarstvennykh subyektov pravookhranitelnoy deyatelnosti v Rossiyskoy Federatsii [Administrative legal status of non-state subjects of law enforcement activity in the Russian Federation]. Abstract of Dr. Sci. (Law) diss. Moscow, 2005. 43 p. (In Russ.)
3. Demina M. F. Chastnaya detektivnaya i okhrannaya deyatelnost kak obyekt otnosheniy v sfere obespecheniya razreshitelnoy sistemy [Private detective and security activity as an object of relations in the field of ensuring the permit system]. Administrativnoe i munitsipalnoe pravo = Administrative and Municipal Law, 2009, no. 5, pp. 21–27. (In Russ.)
4. Doronin A. M. Ugolovnaya otvetstvennost za nepravomernyy dostup k kompyuternoy informatsii [Criminal liability for unlawful access to computer information]. Cand. Sci. (Law) diss. Moscow, 2003. 155 p. (In Russ.)
5. Zherebkin V. P. Ugolovno-pravovaya okhrana chastnoy zhizni [Criminal law protection of private life]. Cand. Sci. (Law) diss. Saratov, 2003. 197 p. (In Russ.)
6. Kashtanov A. V. Administrativnaya otvetstvennost za narusheniya zakonodatelstva o chastnoy detektivnoy i okhrannoy deyatelnosti v Rossiyskoy Federatsii [Administrative liability for violations of legislation on private detective and security activity in the Russian Federation]. Cand. Sci. (Law) diss. Moscow, 2010. 180 p. (In Russ.)
7. Kozlov V. I. Administrativno-pravovoe regulirovanie chastnoy detektivnoy i okhrannoy deyatelnosti v Rossiyskoy Federatsii [Administrative legal regulation of private detective and security activity in the Russian Federation]. Cand. Sci. (Law) diss. Moscow, 1999. 160 p. (In Russ.)
8. Ogurtsov A. Yu. Kontrol organov vnutrennikh del za chastnoy detektivnoy i okhrannoy deyatelnostyu [Control of internal affairs bodies over private detective and security activity]. Cand. Sci. (Law) diss. Moscow, 2006. 144 p. (In Russ.)
9. Ovcharov A. V. Ugolovnaya otvetstvennost za prevyshenie polnomochiy sluzhashchimi chastnykh okhrannykh i detektivnykh sluzhb [Criminal liability for excess of authority by employees of private security and detective services]. Cand. Sci. (Law) diss. Moscow, 2002. 186 p. (In Russ.)
10. Petrochenkov S. D. Ugolovnaya otvetstvennost za nezakonnyy oborot spetsialnykh tekhnicheskikh sredstv, prednaznachennykh dlya neglasnogo polucheniya informatsii [Criminal liability for illegal circulation of special technical devices intended for covert obtaining of information]. Cand. Sci. (Law) diss. Moscow, 2013. 174 p. (In Russ.)
11. Solnyshkova O. V. Gosudarstvennoe regulirovanie negosudarstvennoy chastnoy detektivnoy i okhrannoy deyatelnosti v Rossiyskoy Federatsii [State regulation of non-state private detective and security activity in the Russian Federation]. Cand. Sci. (Law) diss. Tyumen, 2001. 198 p. (In Russ.)
12. Chursina I. V. Ugolovnaya otvetstvennost za prevyshenie polnomochiy chastnym detektivom ili rabotnikom chastnoy okhrannoy organizatsii [Criminal liability for excess of authority by a private detective or an employee of a private security organization]. Abstract of Cand. Sci. (Law) diss. Khabarovsk, 2016. 26 p. (In Russ.)

К вопросу о принципах уголовного судопроизводства в машиночитаемом праве

Девяткин Генрих Сергеевич
канд. юрид. наук, доцент Института высокотехнологичного права, социальных и гуманитарных наук, НИУ Московский институт электронной техники, devyatkings@gmail.com

В статье рассматривается проблема имплементации фундаментальных принципов уголовного судопроизводства к реалиям цифровизации и технологического прогресса. Автором анализируется понятие и признаки высокотехнологичного права, а также машиночитаемого права как его компонента. Предпринята попытка рассмотреть проблемные аспекты рисков реализации принципов уголовного судопроизводства в условиях машиночитаемого права и обеспечения прав участников.
Выводы: целесообразно рассматривать вопрос развития машиночитаемого права через техническую и правовую возможность обеспечения реализации принципов уголовного судопроизводства как наиболее чувствительную сферу гарантий прав участников.
Ключевые слова: уголовное судопроизводство, цифровизация, высокотехнологичное право, принципы права, презумпция невиновности, право на защиту.

Введение

Высокотехнологичное право (High-Tech Law) - одна из самых молодых и дискуссионных концепций в российской юридической науке, которая стремится описать симбиоз права с передовыми технологиями. Его появление обусловлено экспоненциальным развитием таких технологий, как искусственный интеллект, большие данные, блокчейн и робототехника, которые проникают во все сферы жизни и требуют как адекватного регулирования, так и коренного пересмотра самих методов правотворчества и правоприменения.

В основе этой концепции лежит признание того, что общество вступило в эпоху, когда право не может оставаться прежним и вынуждено эволюционировать. Профессор Л.В. Бертовский, один из главных идеологов этого направления, называет данный процесс симбиотическим сценарием развития права, при котором оно не отрицает технологии и не подчиняется им, а вступает с ними в тесное взаимодействие [1, С. 738].

Ключевым для понимания является тот факт, что легального определения «высокотехнологичного права» в российском законодательстве пока нет. Более того, как отмечает профессор О.А. Пучков, отсутствуют определения и смежных понятий, таких как «высокие технологии» и «цифровое право», что порождает доктринальные споры [2, С. 166].

Материалы и методы

Ключевые признаки высокотехнологичного права:

1) Наукоемкость и логистичность: этот регулятор требует глубоких знаний не только в юриспруденции, но и в конкретных технических областях, а также умения выстраивать сложные, логически непротиворечивые цепочки норм и процедур;

2) Инструментальность: право начинает использовать высокотехнологичные информационно-коммуникационные системы для повышения собственной эффективности;

3) Динамизм и адаптивность: в отличие от консервативного классического права, высокотехнологичное право вынуждено быстро адаптироваться к постоянно меняющемуся технологическому ландшафту. Обсуждается даже появление «адаптивных норм»;

4) Новые субъекты права: ставится вопрос о правосубъектности искусственного интеллекта и роботизированных систем;

5) Этическая нагруженность: поскольку технологии напрямую вторгаются в частную жизнь и фундаментальные права, это право пронизано этическими дилеммами. Речь идет о приоритете прав человека над автономными системами, объяснимости алгоритмов и киберустойчивости.

Таблица 1
Соотношение принципов и высокотехнологичного права

Принцип	Назначение по УПК РФ	Значение для высокотехнологичного права
Законность	Строгое соответствие действий участников процесса закону	Обеспечивает легитимность цифровых процедур, автоматизированных решений
Презумпция невиновности	Обвиняемый считается невиновным, пока вина не доказана	Защищает от предвзятости алгоритмов ИИ при анализе доказательств
Состязательность сторон	Равные возможности сторон представлять доказательства и аргументы	Защищает от предвзятости алгоритмов ИИ при анализе доказательств
Гласность	Открытость судебного разбирательства	Реализуется через онлайн-трансляции, электронные публикации решений
Разумный срок	Своевременное рассмотрение дела	Автоматизация рутинных процессов ускоряет производство по делу
Неприкосновенность жилища	Ограничение вмешательства в частную жизнь	Требует строгого контроля за цифровым сбором и обработкой персональных данных

Литературный обзор

Принципы как драйверы технологической модернизации (влияние права на технологию). Здесь работает логика: фундаментальная правовая цель требует новых технологических средств для своего достижения. Принципы выполняют функцию социального заказа для разработчиков.

Разумный срок судопроизводства (ст. 6.1 УПК) как двигатель цифровизации. Этот принцип - главный «ускоритель» внедрения технологий. Он создает объективную потребность в инструментах, которые способны «сжать» время без ущерба для качества. Традиционное «ручное» отслеживание темпоральных параметров не способно обеспечить требуемый уровень процессуальной дисциплины. Как следствие, каждая норма, устанавливающая длительность либо момент истечения срока (от периода задержания до продолжительности предварительного следствия), подлежит переводу в цифровой идентификатор. Машиночитаемое право позволяет осуществлять автоматизированный мониторинг таких сроков, инициировать процедуры их продления и, при наступлении критических значений, генерировать юридически значимые уведомления либо блокировать дальнейшие процессуальные действия при отсутствии надлежаще формализованного акта продления. Сама процедура рассмотрения заявления об ускорении судопроизводства может быть представлена в виде алгоритмической цепочки, в рамках которой система на основе выявленных темпоральных нарушений формирует проект постановления, оставляя итоговое решение за человеком.

Электронный документооборот и «электронное дело»: чтобы сократить сроки ознакомления с материалами, их пересылки и обработки, неизбежен переход от бумажных томов к единой защищенной цифровой платформе. Принцип разумного сока напрямую обосновывает бюджетное и организационное обеспечение такой платформы.

Системы предиктивной аналитики для оценки нагрузки: для соблюдения этого принципа председатели судов и руководители следственных органов нуждаются в высокотехнологичных инструментах, позволяющих на основе больших данных прогнозировать нагрузку, выявлять «узкие места» и автоматически перераспределять дела, не допуская волокиты.

Язык уголовного судопроизводства (ст. 18 УПК) как стимул для Legal Tech. Этот принцип создает перманентный запрос на развитие технологий перевода. Искусственный интеллект-переводчик: право на бесплатного переводчика, гарантированное ст. 18, сталкивается с дефицитом квалифицированных специалистов по редким языкам и диалектам. Это стимулирует разработку высокоточных ИИ-сервисов судебного перевода, основанных на специализированных юридических лингвистических моделях, способных работать в режиме реального времени.

Язык уголовного судопроизводства стимулирует создание многоязычных машиночитаемых шаблонов и онтологий. Обеспечение коммуникативной доступности процесса для лиц, не владеющих языком судопроизводства, требует стандартизации массива процессуальных документов. Формирование утвержденной базы машиночитаемых клишированных форм (протоколов, постановлений, памяток прав) на государственном языке и их официально верифицированных эквивалентов на иных языках позволит информационной системе автоматически выбирать соответствующий языковой вариант при идентификации языкового статуса участника. Для этого необходима разработка юридической онтологии, в рамках которой каждому термину на русском языке ставится в соответствие его семантически точный машиночитаемый аналог на другом языке, исключающий неоднозначность правового толкования.

Принципы как этико-правовые барьеры (влияние права на безопасность технологии). Это самая чувствительная сфера. Здесь принципы работают как фильтр, определяя, какие технологии и в каком виде могут быть допущены в уголовный процесс, чтобы не разрушить его справедливую сущность.

Презумпция невиновности (ст. 14 УПК) и свобода оценки доказательств (ст. 17 УПК) против «черного ящика» ИИ. Это главный фронт борьбы. Внедрение систем ИИ для оценки доказательств или риска рецидива (практика, известная по системе COMPAS в США) наталкивается на практически непреодолимый барьер в виде этих двух принципов.

Проблема «черного ящика»: если алгоритм на основе непрозрачных для человека факторов выдает заключение о «склонности» обвиняемого ко лжи или о высоком риске совершения нового преступления, это прямо нарушает требование ч. 2 ст. 17 УПК о том, что «никакие доказательства не имеют заранее установленной силы», а также ч. 1 ст. 17 об оценке по внутреннему убеждению, основанному на совокупности доказательств.

Запрет на перекладывание бремени доказывания: как мы помним, бремя доказывания лежит на обвинителе (ч. 2 ст. 14 УПК). Если сторона обвинения, используя некую технологию анализа больших данных, начинает требовать от защиты опровержения «цифрового следа», презюмируемого как доказательство вины, это создает феномен «цифровой презумпции виновности», который категорически несовместим с нашей системой принципов.

Принципы неприкосновенности (ст. 10, 12, 13 УПК) как барьер для тотальной слежки. Эти принципы очерчивают «красные линии» для применения технологий сбора данных.

Виртуальный обыск: технологии удаленного доступа к смартфонам, облачным хранилищам или системам «умного дома» создают колоссальный интерес для следствия. Однако ст. 12 и 13 УПК, требующие по общему правилу судебного решения на любое вторжение в сферу частной жизни, ставят жесткий заслон на пути неправомерного использования этих высокотехнологичных средств.

Биометрическая идентификация: тотальное распознавание лиц в общественных местах, сопряженное с уголовно-процессуальной деятельностью, напрямую вторгается в сферу принципа уважения чести и достоинства личности (ст. 9 УПК) и охраны прав и свобод (ст. 11). Принципы требуют, чтобы любой такой инструмент был предметом не ведомственного, а законодательного регулирования с высочайшими гарантиями от злоупотреблений.

Принципы как основа для появления новых норм высокотехнологичного права (Симбиоз). Здесь принципы выступают как «генетический код», на базе которого должны быть созданы новые, высокотехнологичные институты.

Состязательность (ст. 15 УПК) порождает принцип «цифрового равноправия» (Digital Equality). Это один из ярчайших примеров того, как классический принцип создает новую высокотехнологичную норму. Если сторона обвинения использует сложный программный комплекс для моделирования событий преступления или анализа финансовых транзакций, формальное равноправие перед судом превращается в фикцию.

Требования высокотехнологичного права: Принцип состязательности в его высокотехнологичном понимании требует либо предоставления стороне защиты аналогичного технологического инструментария (и экспертов, способных с ним работать), либо обязательной сертификации и верификации государством используемого следствием программного обеспечения, с открытием его исходного кода для независимого аудита. Это новое поле для законодательства.

Право на обжалование (ст. 19 УПК) против автоматизированных решений. Как обжаловать решение, принятое не человеком, а алгоритмом? Формирование новых институтов: высокотехнологичное право должно ответить на этот вызов, заложенный принципом. Это требует создания абсолютно новых институтов: права человека на «человеческое вмешательство» (human-in-the-loop), стандартов объяснимости ИИ, обязательности мотивировки отказа от автоматизированного решения должностным лицом. Принцип ст. 19 УПК делает невозможным отказ от этих новаций.

Результаты

Влияние принципов уголовного судопроизводства на развитие машиночитаемого права (МЧП) - это, по сути, процесс формализации правовых аксиом в алгоритмы. Машиночитаемое

право - это подход к представлению правовых норм в формализованном виде, который позволяет компьютерам автоматически обрабатывать, интерпретировать и применять законодательство без участия человека. В отличие от традиционных юридических текстов (написанных на естественном языке), машиночитаемые нормы записываются на специальных языках, понятных как человеку, так и компьютеру. Машиночитаемое право (Lex Machina, Rules as Code) предполагает, что норма права записывается на формальном языке (логические конструкции, графы, код), который может быть интерпретирован компьютером.

Под машиночитаемым правом в уголовно-процессуальной сфере предлагается понимать формализованную нормативную систему, репрезентованную в виде правовых онтологий, алгоритмически выраженных предписаний и автоматически исполняемых процедур. Данная форма позитивного права предназначена для интерпретации и применения программно-аппаратными комплексами без обязательного участия человека-правоприменителя. Формирование такой системы не является механическим переводом текста закона в цифровую среду, а предполагает построение его логико-семантической модели, способной, в частности, к верификации темпоральных ограничений, автоматическому генерированию типовых правоприменительных актов и выявлению нормативных коллизий.

Обсуждение

В отличие от ряда иных отраслей (например, налогового законодательства), уголовный процесс насыщен аксиологическими категориями и фундаментальными принципами, обеспечивающими защиту личности от необоснованного государственного принуждения. Вследствие этого воздействие принципов на формирование машиночитаемого уголовно-процессуального права носит двойственный характер: они, с одной стороны, очерчивают круг отношений, подлежащих формализации, а с другой - задают абсолютные ограничения для алгоритмизации дискреционных и нравственно-оценочных полномочий субъектов.

Таблица 2
Отличия традиционного права от машиночитаемого

Характеристика	Традиционное право	Машиночитаемое право
Формат	Естественный язык (текст законов)	Формальные языки, логические правила
Интерпретация	Требует юриста/судьи	Автоматическая обработка
Неоднозначность	Высокая (двусмысленности)	Минимальная (строгая логика)
Скорость применения	Дни/месяцы	Секунды/миллисекунды
Масштабируемость	Ограниченная	Практически безграничная

Уровни машиночитаемости.

Уровень 0: Традиционный текст

↓

Уровень 1: Оцифрованный текст (PDF, DOCX)

↓

Уровень 2: Структурированный текст (XML, JSON)

↓

Уровень 3: Формализованные правила (LegalRuleML, SBVR)

↓

Уровень 4: Исполняемый код (смарт-контракты)

Проблема в том, что принципы - это нормы высшей степени абстракции, которые плохо поддаются однозначной алгоритмизации. Однако именно они задают границы и «красные линии» для любого программируемого правоприменения.

Рассмотрим подробнее роль принципов уголовного судопроизводства в контуре машиночитаемого права. Машиночитаемое право стремится перевести нормы из текстового вида (правовой документ) в исполняемый код.

Таблица 3
Соотношение компонентов машиночитаемого права, проблем алгоритмизации и принципов уголовного судопроизводства.

Компонент МЧП	Проблема для алгоритмизации	Влияние процессуального принципа
Формализация диспозиций (если А, то В)	Норма может быть сформулирована через оценочные понятия («разумный срок», «достаточные основания»).	Принцип законности (ст. 7 УПК) - требует, чтобы алгоритм не расширял круг дозволенного, т.е. код должен быть точной копией нормы.
Принятие процессуальных решений (задержать/не задержать)	Решение зависит от субъективной оценки доказательств.	Принцип презумпции невиновности (ст. 14 УПК) - блокирует любой алгоритм, который мог бы «автоматически» признать лицо виновным. Система не может выдать обвинительный вердикт - только судить о соответствии фактов гипотезе обвинения.
Оценка доказательств	Невозможно «закодировать» свободное убеждение судьи.	Принцип свободы оценки доказательств (ст. 17 УПК) - является техническим ограничителем: никакой алгоритм не может подменять внутреннее убеждение. МЧП может лишь помогать систематизировать доказательства, но не делать «выводы» о их достоверности.
Распределение процессуальных ролей	Автоматизация подмены функций защиты/обвинения.	Принцип состязательности (ст. 15 УПК) - требует архитектурно разделять код для стороны обвинения, защиты и суда. Если система, созданная для обвинения, попытается выполнят функцию суда — это будет нарушением принципа.

Некоторые принципы, будучи записанными в формальном коде, перестают быть декларациями и становятся встроенными ограничениями (hardcoded safeguards). Пример с принципом неприкосновенности личности (ст. 10 УПК):

- В традиционном праве: следователь может принять решение о задержании;

- В машиночитаемом праве: код должен содержать проверку на наличие судебного решения;

- Алгоритм: If (СудебноеРешение == NULL) then (БлокироватьЗадержание = True) else (РазрешитьЗадержание = True);

- Влияние принципа: создается нормативное препятствие для «автоматического» ареста.

Принципы, содержащие оценочные категории, являются главным препятствием для тотальной автоматизации. Выделяются следующие градации влияния.

Принцип (и его оценочная категория)	**Тип алгоритма, который возможно применить**
Разумный срок (ст. 6.1 УПК)	Хронометражный алгоритм - расчет предельных сроков, автоматическое уведомление о превышении.
Достаточность доказательств (вывод из ст. 17)	Пороговая модель - проверка наличия минимального набора фактов, но окончательный вывод за человеком.
Уважение чести и достоинства (ст. 9 УПК)	Фильтр запретов - запрет на обработку данных, унижающих достоинство (например, запрет на публикацию видео обнаженного тела).

Принцип состязательности и архитектура «Rules as Code». Здесь влияние наиболее структурное. Для реализации состязательности необходимо зеркалирование данных. Здесь необходимо отметить, что систему машиночитаемого права можно представить следующим образом: стороны направляют информацию в хранилище доказательств, после чего происходит анализ по алгоритму и появляется человекочитаемый приговор.

График 1. Траектория машиночитаемого права в уголовном судопроизводстве.

При этом принцип состязательности требует, чтобы код не отдавал приоритет стороне обвинения. Алгоритм не может «доверять» доказательству только потому, что оно предоставлено обвинением. Системы МЧП должны строиться по принципу «черного ящика» для сторон - код не должен априори ассоциировать факт с виновностью.

Риски и ограничения имплементации принципов уголовного судопроизводства в машиночитаемое право. Редукция (упрощение) принципов. При попытке «закодировать» принцип можно потерять его сущность. Например, принцип свободы оценки доказательств невозможно перевести в логическую формулу, не исказив его. Это останется зоной исключительно человеческого усмотрения.

«Черные ящики» и непрозрачность. Если код принятия решений по уголовному делу будет скрыт (закрытый алгоритм), это нарушит принцип гласности (ст. 241 УПК) и равенства сторон (ст. 244 УПК).

Риск «цифрового обвинительного уклона». Алгоритм, обученный на статистике (большинстве обвинительных приговоров), может автоматически генерировать обвинительный уклон. Это прямое нарушение принципа презумпции невиновности.

Заключение

Многогранность природы и значения принципов уголовного судопроизводства в обеспечение прав участников предполагает наличие необходимой инфраструктуры под их реализацию. В настоящее время под этим понимается деятельность должностных лиц и органов, в чьи функции входят данные полномочия. То есть, участие человека является ключевым в данном вопросе.

Машиночитаемое право как элемент высокотехнологичного права может повысить качество реализации принципов, доверие сторон к процедурам уголовного судопроизводства в целом. При этом до конца не сформирован механизм, как с технической, так и нормативно-правовой позиции для внедрения принципов в машиночитаемое право. Требуется пересмотреть административный подход законодателя и правоприменителя, так как технически уже сейчас возможно реализовать ряд принципов через элементы машиночитаемого права.

Литература

1. Бертовский Л. В. Высокотехнологичное право: понятие, генезис и перспективы // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. – 2021. Т. 25. – № 4. – С. 735-749.

2. Пучков О.А. Право в зеркале высоких технологий: сравнительный анализ тенденций правового развития // Правовое государство: теория и практика. – 2024. – № 2(76). – С. 163–172.)

On the Principles of Criminal Procedure in Machine-Readable Law

Devyatkin G.S.
Moscow Institute of Electronic Technology

This article examines the problem of implementing fundamental principles of criminal procedure in the context of digitalization and technological progress. The author analyzes the concept and characteristics of high-tech law, as well as machine-readable law as a component thereof. An attempt is made to examine the problematic aspects of the risks associated with implementing the principles of criminal procedure in the context of machine-readable law and ensuring the rights of participants.

Conclusions: It is advisable to consider the development of machine-readable law through the technical and legal feasibility of ensuring the implementation of the principles of criminal procedure as the most sensitive area of guaranteeing the rights of participants.

Keywords: criminal procedure, digitalization, high-tech law, legal principles, presumption of innocence, right to defense.

References

1. Bertovsky, L. V., “High-Tech Law: Concept, Genesis, and Prospects,” Bulletin of RUDN University. Series: Legal Sciences. 2021, Vol. 25, No. 4, pp. 735–749.

2. Puchkov, O. A., “Law in the Mirror of High Technologies: A Comparative Analysis of Legal Development Trends,” The Legal State: Theory and Practice. 2024, No. 2 (76), pp. 163–172.

Эволюция антироссийских санкций в 2014–2026 гг.: этапы, логика и инструменты давления

Еременко Олег Сергеевич
аспирант, кафедра сравнительной политологии ФГСН, РУДН им. Патриса Лумумбы, 1042235109@rudn.ru

В статье рассматривается эволюция антироссийских санкций в период с 2014 по 2026 год. На основе официальных нормативных актов США, Европейского союза и Великобритании, а также материалов международных организаций и научных публикаций выделены три последовательных этапа развития санкционного режима: 2014–2015 гг. — формирование первичной нормативной базы и секторального давления; 2016–2021 гг. — институционализация ограничений и расширение их предметных оснований; 2022–2026 гг. — масштабная эскалация и переход к комплексному инструментарию финансового, торгового и технологического давления. Показано, что логика ужесточения санкций определялась реакцией западных коалиций на политические события и сопровождалась последовательным расширением круга объектов, секторов и обходных каналов, попадающих под ограничения. Анализируются юридические основания мер, изменение целей санкционной политики, а также инструментарий: персональные санкции, секторальные ограничения, экспортный контроль над технологиями двойного назначения, заморозка активов, отключение от SWIFT, ценовой потолок на нефть и режим вторичных санкций. Сделан вывод о том, что санкционный режим прошёл путь от точечных мер к комплексному режиму давления, охватывающему практически все звенья внешнеэкономической деятельности Российской Федерации.

Ключевые слова: антироссийские санкции, экономические санкции, секторальные ограничения, CAATCA, OFAC, Регламент ЕС 833/2014, ценовой потолок, заморозка резервов, теневой флот, вторичные санкции.

Введение

Цель исследования — выявить и охарактеризовать ключевые этапы эволюции антироссийских санкций в 2014–2026 гг., раскрыть логику и инструментарий их применения западными государствами.

Задачи исследования: 1) систематизировать нормативные основания санкционных режимов США, ЕС и Великобритании; 2) определить хронологические границы и содержание этапов эволюции санкционной политики; 3) проанализировать инструменты давления и их трансформацию; 4) обобщить наблюдаемые последствия для российской экономики на основе данных официальных источников.

Объект исследования — внешняя санкционная политика США, Европейского союза, Великобритании и связанных с ними государств в отношении Российской Федерации. **Предмет исследования** — эволюция этой политики, проявляющаяся в изменении нормативной базы, целей, объектов воздействия и применяемых инструментов давления.

Методологическую основу составили общенаучные методы (анализ, синтез, обобщение), а также специально-научные приёмы: историко-правовой, формально-юридический и сравнительно-правовой анализ нормативных актов; контент-анализ официальных документов институтов ЕС и Министерства финансов США; статистический анализ открытых макроэкономических данных Банка России, Росстата и Международного валютного фонда.

Антироссийские санкции 2014–2026 гг. представляют собой беспрецедентный по масштабу режим: за указанный период принято несколько десятков пакетов ограничений со стороны ЕС, ряд федеральных законов США и подзаконных актов OFAC, многочисленные регламенты Великобритании в рамках Sanctions and Anti-Money Laundering Act 2018 [Council of the EU, 2026; U.S. Department of the Treasury, 2024]. Их совокупность всё чаще описывается в литературе как «санкционная война», где экономические рычаги становятся продолжением внешнеполитического и военно-политического давления.

Актуальность темы определяется тем, что санкционный режим в отношении Российской Федерации продолжает развиваться, регулярно пополняясь новыми пакетами и инструментами, а его влияние на российскую экономику, внешнюю торговлю и финансовый сектор требует научного осмысления. Между тем большая часть отечественных и зарубежных публикаций сосредоточена либо на отдельных эпизодах, либо на конкретных секторах, тогда как целостная картина эволюции санкционной политики за период 2014–2026 гг. остаётся фрагментарной.

Степень разработанности темы достаточно высока, однако носит «секторальный» характер. Юридическая сторона санкций детально исследована в работах И. Н. Тимофеева, посвящённых природе и архитектуре санкционных режимов ЕС [Тимофеев, 2021]. Экономические последствия рассматриваются в докладах Международного валютного фонда и Всемирного банка, а также в материалах Банка России [МВФ, 2024; Всемирный банк, 2024].

Источниковая база работы включает первичные нормативные акты (Регламенты Совета ЕС, Решения Совета по линии CFSP, исполнительные указы Президента США, акты Конгресса и регламенты британского OFSI), материалы профильных министерств (Минфина США, Министерства торговли США в части Bureau of Industry and Security, Министерства финансов Великобритании), а также вторичные источники аналитического характера — доклады научных центров и публикации в реферируемых научных журналах.

1. Первый этап (2014–2015 гг.): формирование нормативной базы и секторальное давление

Старт первой волны антироссийских санкций связан с событиями весны 2014 г. на Украине и присоединением Крыма к Российской Федерации.

Санкции Президента США Барак Обама:

1. 6 марта 2014 г. — указ № 13660 о блокировании имущества лиц, способствующих ситуации на Украине;
2. 16 марта 2014 г. — указ № 13661 о санкциях против отдельных российских официальных лиц;
3. 20 марта 2014 г. — указ № 13662, заложивший основу для так называемых «секторальных» санкций;
4. 19 декабря 2014 г. — указ № 13685, вводящий запрет на инвестиции, импорт и экспорт товаров, технологий и услуг в отношении Крыма [The White House, 2014].

Параллельно ЕС сформировал собственный режим. 17 марта 2014 г. Совет ЕС принял Решение 2014/145/CFSP и Регламент № 269/2014 о персональных санкциях против лиц, ответственных за «подрыв территориальной целостности» Украины. 31 июля 2014 г. был принят Регламент Совета ЕС № 833/2014, ставший центральным актом «секторального» режима: он ввёл ограничения на доступ к рынкам капитала ЕС крупнейших российских банков с государственным участием, запрет на экспорт оборудования для нефтегазовой отрасли (включая глубоководное и арктическое бурение и сланцевые проекты), а также эмбарго на товары двойного назначения для военного использования [Council Regulation (EU) No 833/2014]. Решение 2014/512/CFSP закрепило эти меры на уровне общей внешней политики ЕС.

Великобритания, действуя в тот период в рамках общего санкционного режима ЕС, применила к российским физическим и юридическим лицам аналогичные ограничения, а после выхода из ЕС подтвердила их юридическую преемственность в национальном законодательстве [HM Treasury, 2023]. Австралия, Канада, Япония и Норвегия в течение 2014–2015 гг. ввели сопоставимые меры, формируя многонациональную санкционную коалицию.

С точки зрения юридической техники, первая волна санкций строилась на принципиально различных доктринальных основаниях. Американский режим опирается на чрезвычайные полномочия Президента в рамках International Emergency Economic Powers Act (IEEPA), а европейский — на статьи 215 Договора о функционировании ЕС и решения Совета по линии Общей внешней политики и политики безопасности. Это различие обусловило неодинаковую скорость и устойчивость двух режимов: американские меры могут вводиться оперативно президентским указом, тогда как меры ЕС требуют единогласного решения государств-членов, что обеспечивает более высокую правовую устойчивость, но снижает гибкость [Тимофеев, 2021].

В 2014 г. в ответ на западные санкции Российская Федерация запретила ввоз сельхозпродукции из ЕС (а также США и некоторых других стран). Другая явная тенденция – это возросшая зависимость от внутренних источников финансирования. В 2015–2016 годах из-за сокращения доступа на внешние рынки заимствований российские компании активно сокращали свой внешний долг. Совокупный российский внешний долг сократился с $728 млрд в 2013 году до $511 млрд в 2016 году (из них $114 млрд соответствуют фактическому сокращению долга, остальное снижение связано с уменьшением долларового эквивалента рублевого внешнего долга в условиях ослабления рубля).

Особенностью этого периода является относительно сдержанный масштаб мер: затронуты были отдельные банки, крупные нефтяные компании, ряд проектов в энергетике, тогда как макроструктура российской внешнеэкономической деятельности существенных изменений не претерпела [Тимофеев, 2021].

2. Второй этап (2016–2021 гг.): институционализация ограничений и расширение поводов

Ключевым событием второго этапа стало принятие в США 2 августа 2017 г. федерального закона CAATSA — Countering America's Adversaries Through Sanctions Act (Public Law 115–44). CAATSA впервые закрепил «крымский» санкционный режим на уровне акта Конгресса, существенно ограничив дискрецию исполнительной власти: согласно разделу 216 закона, прекращение или существенное смягчение значительной части санкций требует процедуры конгрессного контроля [CAATSA, 2017].

Раздел 231 CAATSA ввёл вторичные санкции в отношении лиц, осознанно вступающих в значимые сделки с предприятиями оборонного или разведывательного секторов Российской Федерации; разделы 225 и 232 расширили возможности для дискреционных ограничений в нефтегазовой сфере, прежде всего применительно к новым трубопроводным проектам [Atlantic Council, 2017]. Тем самым санкции становятся не просто внешнеполитическим инструментом «здесь и сейчас», а долгосрочной частью американского законодательства, что радикально изменяет качество режима.

В рассматриваемый период расширяются поводы для введения и расширения ограничений. Ключевыми эпизодами становятся: применение боевого отравляющего вещества «Новичок» в Солсбери в 2018 г. (так называемое «дело Скрипалей»), что привело к санкциям США в рамках Chemical and Biological Weapons Control and Warfare Elimination Act of 1991 (CBW Act); инцидент с А. Навальным в 2020 г., повлекший в марте 2021 г. согласованные действия США и ЕС по линии санкционных режимов CBW Act и Global Human Rights Sanctions Regime [U.S. Department of the Treasury, 2021].

Существенное значение приобретают также санкции, связанные с кибератаками и предполагаемым вмешательством в выборы. В 2018–2021 гг. OFAC регулярно расширяет SDN-лист по основаниям, связанным с деятельностью отдельных российских спецслужб и связанных с ними структур. В 2019–2021 гг. вводятся меры против инфраструктурного проекта «Северный поток-2» в рамках Protecting Europe's Energy Security Act (PEESA) и его поправок, что подтверждает использование санкций как инструмента энергетической геополитики. Параллельно расширяется набор санкционных режимов в США: помимо «украинского» (E.O. 13660–13685) и «магнитского» (Global Magnitsky Act, 2016), создаются специализированные программы, в том числе по линии CBW Act, Election Interference E.O. 13848, а также по линии кибернаправления — E.O. 13694 и E.O. 13757. Подобная фрагментация санкционных оснований повышает гибкость инструмента, но одновременно усложняет его применение и контроль за соблюдением со стороны бизнеса.

ЕС в этот период действует более осторожно: основным инструментом остаётся продление и точечная корректировка Регламента 833/2014, а персональные списки систематически обновляются в связи с конкретными событиями. Британский санкционный режим, формируемый с учётом подготовки к Brexit, постепенно обретает национальную идентичность: в 2018 г. принимается Sanctions and Anti-Money Laundering Act, а после выхода из ЕС в 2020 г. он становится правовой основой для самостоятельного режима ограничений [HM Treasury, 2023].

Таким образом, на втором этапе формируется устойчивая институциональная архитектура: санкции перестают восприниматься как чрезвычайная мера и превращаются в относительно автономный сегмент внешней политики западных государств, обеспеченный собственным аппаратом надзора (OFAC, OFSI, генеральные директораты ЕС) и нормативной средой.

3. Третий этап (2022–2026 гг.): эскалация и комплексный инструментарий давления

Начало специальной военной операции в феврале 2022 г. стало точкой перелома. С 23 февраля по конец марта 2022 г. ЕС последовательно принял первые четыре пакета санкций. Решающее значение имели меры, затронувшие финансовый сектор:

отключение крупнейших российских банков от системы SWIFT и заморозка валютных резервов Банка России на сумму около 260 млрд евро, преимущественно размещённых в депозитарии Euroclear [Council of the EU, 2025; RBC, 2025]. По оценкам, последующие доходы Euroclear от этих активов составили 0,8 млрд евро в 2022 г., 4,4 млрд евро в 2023 г. и 6,9 млрд евро в 2024 г., часть которых стала источником помощи Украине.

Параллельно США, Великобритания и Канада ввели аналогичные меры. По данным OFSI, к октябрю 2023 г. в Великобритании было заморожено активов, связанных с режимом санкций против России, на сумму около 22,7 млрд фунтов стерлингов; в рамках международной коалиции REPO суммарно заблокировано более 58 млрд долл. США активов российских лиц и организаций [OFSI, 2023].

Энергетика стала центральным направлением третьего этапа. ЕС в течение 2022 г. ввёл поэтапное эмбарго на морские поставки российской сырой нефти и нефтепродуктов; в декабре 2022 г. государства «Группы семи», ЕС и Австралия одобрили механизм ценового потолка: морские поставки российской сырой нефти подлежат сопровождению западными морскими, финансовыми и страховыми услугами только при условии цены не выше 60 долл. за баррель [U.S. Department of the Treasury, 2022; European Commission, 2022]. По оценкам американского Министерства финансов и Федерального резервного банка Далласа, потолок цен в сочетании с эмбарго привёл к существенному сокращению нефтегазовых доходов федерального бюджета РФ в 2023 г., однако его эффективность снижалась за счёт реструктуризации цепочек поставок и активного использования «теневого флота» [Dallas Fed, 2024]. Это, в свою очередь, обусловило расширение санкций на конкретные суда и связанные с ними логистические компании.

Принципиально новым элементом стали комплексные экспортные ограничения. ЕС, США, Великобритания и партнёрские юрисдикции ужесточили контроль за поставкой товаров двойного назначения, микроэлектроники, авионики, оборудования для нефтепереработки и сжижения газа. В рамках американской системы Export Administration Regulations была введена практика Foreign Direct Product Rule, распространяющая контроль на продукцию третьих стран, произведённую с использованием американских технологий и предназначенную для российских конечных пользователей [BIS, 2023].

К 2024–2025 гг. западные коалиции акцентируют внимание на проблеме обхода санкций: вводится отдельный режим вторичных санкций для иностранных финансовых институтов, способствующих обходу ограничений (Executive Order 14114 от 22 декабря 2023 г.), и ужесточаются требования к должной осмотрительности (due diligence) для компаний, работающих с лицами и юрисдикциями повышенного риска [U.S. Department of the Treasury, 2024]. Особую категорию составили меры в отношении высокотехнологичных секторов. ЕС и США последовательно ввели ограничения на поставку полупроводников, специализированного программного обеспечения, лазерной и измерительной техники, а также квантовых вычислительных устройств. Контроль расширяется не только в отношении самих изделий, но и сопутствующих услуг — инжиниринга, обучения персонала, обслуживания и обновления программного обеспечения. По данным ЕС, к концу 2025 г. число товарных позиций, попадающих под экспортные ограничения, превысило несколько тысяч кодов товарной номенклатуры [Council of the EU, 2025].

Регламент № 2642, принятый 8 октября 2024 года, ввел новые основания для блокирующих санкций ЕС в отношении российских лиц, задействованных в так называемой «дестабилизирующей деятельности».

ЕС расширил сферу действия данного Регламента путем создания нового перечня объектов санкций, который будет включать не физических или юридических лиц, а материальные активы (tangible assets), подлежащие блокировке. Так, в Регламент № 2642 была добавлена новая статья 1a, запрещающая Лицам ЕС прямое или косвенное участие в любых сделках, связанных с материальными активами (такими как суда, самолеты, недвижимость, порты, аэропорты и физические элементы цифровых и коммуникационных сетей) [Council of the EU, 2024].

Регламент № 2642 также был дополнен новой статьей 1b, которая представляет собой пример экстерриториального применения санкционного режима ЕС, допуская возможность введения ограничительных мер в отношении лиц из третьих стран.

Новая статья 1c Регламента № 2642 вводит запрет на осуществление Лицами ЕС следующих действий с юридическими лицами, организациями или органами, которые «участвуют в систематической международной кампании по манипулированию СМИ и искажению фактов с целью усиления дестабилизирующих действий против ЕС» [Council of the EU, 2024].

На уровне ЕС эволюция инструментария наиболее наглядно прослеживается в пакетах 14–20, принятых с июня 2024 г. по апрель 2026 г. 14-й пакет (24 июня 2024 г.) впервые ввёл запрет для финансовых институтов ЕС на использование российской системы передачи финансовых сообщений СПФС, а также расширил меры против реэкспорта подсанкционных товаров через третьи страны. 15-й пакет (16 декабря 2024 г.) и 16-й пакет (24 февраля 2025 г.) усилили ограничения в отношении «теневого флота» и ряда товарных позиций, включая алюминий [Council of the EU, 2024; Council of the EU, 2025]. 19-й пакет, принятый 23 октября 2025 г., внёс в санкционные списки дополнительно 117 судов «теневого флота», задействованных в перевозке российских углеводородов; 20-й пакет, согласованный в апреле 2026 г., расширил меры в отношении энергетических доходов, военно-промышленного комплекса, финансовых услуг и впервые ввёл специальный режим для криптовалютных операций, способствующих обходу санкций [Council of the EU, 2026]. К моменту принятия 20-го пакета общая совокупность санкционных пакетов ЕС превышает шестьдесят актов, направленных непосредственно против Российской Федерации и связанных с ней лиц. Третий этап характеризуется существенным расширением целей санкций: помимо «изменения поведения», важной целью становится подрыв ресурсной базы для продолжения военной операции, ограничение технологической модернизации, а также деинтеграция российской экономики из западных финансовых и торговых систем. Параллельно происходит активное обсуждение возможности использования замороженных активов Банка России для финансирования восстановления Украины, что ставит вопросы о соответствии таких мер принципам международного права и суверенного иммунитета [Bruegel, 2024].

Результаты исследования

Проведённый анализ позволяет сформулировать ряд обобщений относительно эволюции антироссийских санкций в 2014–2026 гг.

Во-первых, прослеживается отчётливая трёхэтапная динамика. Первый этап (2014–2015 гг.) — формирование нормативного каркаса режима, опирающегося на серию указов Президента США (№№ 13660, 13661, 13662, 13685) и Регламент Совета ЕС № 833/2014. Второй этап (2016–2021 гг.) — институционализация и расширение поводов, символом которой стало принятие CAATSA и появление новых санкционных режимов в связи с кибератаками, использованием химического оружия и инцидентом с А. Навальным. Третий этап (2022–2026 гг.) — системная эскалация, выразившаяся в массовом отключении российских банков от SWIFT, заморозке резервов Банка России, нефтяном эмбарго и ценовом потолке, расширении экспортного контроля и пакетной логике мер ЕС.

Во-вторых, инструментарий санкционного давления претерпел качественное усложнение. От узкого набора персональных и адресных секторальных мер он эволюционировал к комплексной модели, включающей: персональные санкции; секторальные ограничения; финансовые меры; экспортный контроль над технологиями двойного и гражданского назначения; ценовой потолок на сырьевые товары; вторичные санкции против

лиц, способствующих обходу ограничений; меры в отношении конкретных судов и логистических операторов «теневого флота».

В-третьих, согласно данным МВФ, Всемирного банка, Банка России и Росстата, краткосрочный экономический эффект санкций оказался менее выраженным, чем ожидалось в первоначальных прогнозах. По уточнённым оценкам, ВВП Российской Федерации сократился в 2022 г. лишь на 2,2%, а в 2023–2024 гг. показал положительную динамику: рост на 3,6% в 2023 г. и 4,1% в 2024 г. согласно данным Росстата и обзоров Банка России [Росстат, 2025; Банк России, 2025].

В-четвертых, наблюдается дифференциация подходов ключевых акторов. США используют наиболее жёсткий вторичный санкционный инструментарий, опираясь на экстерриториальное применение собственного законодательства; ЕС делает акцент на пакетной логике и постепенном расширении мер, выстраивая консенсус государств-членов; Великобритания и Канада действуют в более узких секторах, но играют значимую роль в режиме заморозки активов и санкциях против отдельных лиц.

В- пятых, выявляется тенденция к расширению географии санкционного давления через инструменты вторичных санкций. Если на первом этапе ограничения концентрировались в пределах юрисдикций инициировавших их государств, то на третьем этапе санкции всё чаще распространяются на компании и финансовые институты третьих стран, поддерживающих коммерческие связи с подсанкционными лицами [Bruegel, 2024].

Заключение

Эволюция антироссийских санкций в 2014–2026 гг. отражает качественную трансформацию подхода западных государств к использованию ограничительных мер. Из инструмента, предназначавшегося для точечного политического воздействия, санкции превратились в комплексный механизм системного давления, охватывающий финансовую, торговую, технологическую и логистическую сферы. Принципиально изменилась нормативная архитектура: от рамочных указов и регламентов 2014 г. до сложной системы, включающей десятки пакетов мер ЕС, серию федеральных законов США, специальный санкционный режим Великобритании и согласованные действия партнёрских юрисдикций. Логика ужесточения объясняется как изменением политического контекста, так и накоплением институциональной инерции: санкционные органы (OFAC, OFSI, генеральные директораты ЕС) развили собственные компетенции, что облегчает расширение режима.

Литература

1. Тимофеев И. Н. Политика санкций Европейского Союза в отношении России: эволюция и направления изменений // Современная Европа. — 2021. — № 2. — С. 5–17. URL: http://www.sov-europe.ru/images/pdf/2021/2-2021/Timofeev-2-21.pdf (дата обращения: 18.05.2026).

2. Council Regulation (EU) No 833/2014 of 31 July 2014 concerning restrictive measures in view of Russia's actions destabilising the situation in Ukraine // Official Journal of the European Union. — L 229. — 31.07.2014. URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2014/833/oj/eng (accessed: 18.05.2026).

3. Council Decision 2014/512/CFSP of 31 July 2014 concerning restrictive measures in view of Russia's actions destabilising the situation in Ukraine // Official Journal of the European Union. — L 229. — 2014.

4. Executive Order 13660 of March 6, 2014, Blocking Property of Certain Persons Contributing to the Situation in Ukraine // Federal Register. — Vol. 79. — No. 46. — March 10, 2014.

5. Executive Order 13661 of March 16, 2014, Blocking Property of Additional Persons Contributing to the Situation in Ukraine // Federal Register. — Vol. 79. — No. 53. — 2014.

6. Executive Order 13662 of March 20, 2014, Blocking Property of Additional Persons Contributing to the Situation in Ukraine // Federal Register. — Vol. 79. — No. 56. — 2014.

7. Countering America's Adversaries Through Sanctions Act, Public Law 115-44, 131 Stat. 886 (August 2, 2017). U.S. Government Publishing Office. URL: https://www.congress.gov/115/plaws/publ44/PLAW-115publ44.pdf (accessed: 18.05.2026).

8. U.S. Department of the Treasury. Treasury Sanctions Russian Operatives and Entities Linked to the Poisoning of Aleksey Navalny, Chemical Weapons Program. — Press Release, August 20, 2021. URL: https://home.treasury.gov/news/press-releases/jy0328 (accessed: 18.05.2026).

9. U.S. Department of the Treasury. Price Cap on Russian Oil: A Progress Report. — Washington, 2024. URL: https://home.treasury.gov/news/featured-stories/the-price-cap-on-russian-oil-a-progress-report (accessed: 18.05.2026).

10. Council of the European Union. Timeline — Packages of sanctions against Russia since February 2022. — Brussels, 2026. URL: https://www.consilium.europa.eu/en/policies/sanctions-against-russia/timeline-packages-sanctions-since-february-2022/ (accessed: 18.05.2026).

11. Council of the European Union. Russia's war of aggression against Ukraine: 20th round of stern EU sanctions hits energy revenues, military-industrial complex, trade and financial services, including crypto. — Press Release, 23.04.2026.

12. Office of Financial Sanctions Implementation (OFSI). Annual Review 2022–2023: Strengthening our Sanctions. — London: HM Treasury, December 2023. URL: https://www.gov.uk/government/publications/ofsi-annual-reviews/ofsi-annual-review-2022-to-2023-strengthening-our-sanctions (accessed: 18.05.2026).

13. Bureau of Industry and Security (BIS). Implementation of Additional Sanctions Against Russia and Belarus Under the Export Administration Regulations: Final Rule. — Federal Register, 2023.

14. International Monetary Fund. World Economic Outlook Update: January 2024. — Washington, D.C., 2024.

15. World Bank. Russia Economic Report. — Washington, D.C., April 2024.

16. Банк России. Обзор финансовой стабильности. IV квартал 2024 — I квартал 2025 года. — М., 2025. URL: https://www.cbr.ru/analytics/finstab/ofs/4q_2024_1q_2025/ (дата обращения: 18.05.2026).

17. Росстат. Первая оценка ВВП за 2025 год: статистический бюллетень. — М., 2026. URL: https://rosstat.gov.ru/folder/313/document/277380 (дата обращения: 18.05.2026).

18. Atlantic Council. The New Russia Sanctions Law: What It Does and How to Make It Work. — Washington, D.C., 2017.

19. Federal Reserve Bank of Dallas. The Impact of the 2022 Oil Embargo and Price Cap on Russian Oil Prices. — Working Paper 2401. — Dallas, 2024. URL: https://www.dallasfed.org/~/media/documents/research/papers/2024/wp2401.pdf (accessed: 18.05.2026).

20. Bruegel. The Oil Price Cap and Embargo on Russia Work Imperfectly, and Defects Must Be Fixed. — Brussels, 2024.

21. Совет Европейского союза. Регламент Совета (ЕС) 2024/2642 от 8 октября 2024 года об ограничительных мерах в связи с дестабилизирующими действиями России [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://eur-lex.europa.eu/ (дата обращения: 18.05.2026).

The evolution of anti-Russian sanctions in 2014–2026: stages, logic, and instruments of pressure

Eremenko O.S.

RUDN University named after Patrice Lumumba

This article examines the evolution of anti-Russian sanctions from 2014 to 2026. Based on official legal acts of the United States, the European Union, and the United Kingdom, as well as materials from international organizations and academic publications, the article identifies three consecutive stages in the development of the sanctions regime: 2014–2015 — formation of the primary regulatory framework and sectoral pressure; 2016–2021 — institutionalization of restrictions and expansion of their substantive basis; 2022–2026 — large-scale escalation and the transition to a comprehensive toolkit of financial, trade, and technological pressure. It is shown that the logic of sanctions tightening was determined by the response of Western coalitions to political events and was accompanied by the

consistent expansion of the range of entities, sectors, and circumvention channels subject to restrictions. The paper analyzes the legal basis of the measures, the change in the goals of sanctions policy, and the instruments used: personal sanctions, sectoral restrictions, export controls on dual-use technologies, asset freezes, disconnection from SWIFT, the oil price cap, and the secondary sanctions regime. The conclusion is drawn that the sanctions regime has evolved from targeted measures into a comprehensive pressure regime covering virtually all links of the Russian Federation's foreign economic activity.

Keywords: anti-Russian sanctions, economic sanctions, sectoral restrictions, CAATSA, OFAC, EU Regulation 833/2014, price cap, reserve freeze, shadow fleet, secondary sanctions.

References

1. Timofeev I. N. The European Union's sanctions policy toward Russia: evolution and directions of change // Contemporary Europe. — 2021. — No. 2. — Pp. 5–17. URL: http://www.sov-europe.ru/images/pdf/2021/2-2021/Timofeev-2-21.pdf (accessed: 18.05.2026).
2. Council Regulation (EU) No 833/2014 of 31 July 2014 concerning restrictive measures in view of Russia's actions destabilising the situation in Ukraine // Official Journal of the European Union. — L 229. — 31.07.2014. URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2014/833/oj/eng (accessed: 18.05.2026).
3. Council Decision 2014/512/CFSP of 31 July 2014 concerning restrictive measures in view of Russia's actions destabilising the situation in Ukraine // Official Journal of the European Union. — L 229. — 2014.
4. Executive Order 13660 of March 6, 2014, Blocking Property of Certain Persons Contributing to the Situation in Ukraine // Federal Register. — Vol. 79. — No. 46. — March 10, 2014.
5. Executive Order 13661 of March 16, 2014, Blocking Property of Additional Persons Contributing to the Situation in Ukraine // Federal Register. — Vol. 79. — No. 53. — 2014.
6. Executive Order 13662 of March 20, 2014, Blocking Property of Additional Persons Contributing to the Situation in Ukraine // Federal Register. — Vol. 79. — No. 56. — 2014.
7. Countering America's Adversaries Through Sanctions Act, Public Law 115-44, 131 Stat. 886 (August 2, 2017). U.S. Government Publishing Office. URL: https://www.congress.gov/115/plaws/publ44/PLAW-115publ44.pdf (accessed: 18.05.2026).
8. U.S. Department of the Treasury. Treasury Sanctions Russian Operatives and Entities Linked to the Poisoning of Aleksey Navalny, Chemical Weapons Program. — Press Release, August 20, 2021. URL: https://home.treasury.gov/news/press-releases/jy0328 (accessed: 18.05.2026).
9. U.S. Department of the Treasury. Price Cap on Russian Oil: A Progress Report. — Washington, 2024. URL: https://home.treasury.gov/news/featured-stories/the-price-cap-on-russian-oil-a-progress-report (accessed: 18.05.2026).
10. Council of the European Union. Timeline — Packages of sanctions against Russia since February 2022. — Brussels, 2026. URL: https://www.consilium.europa.eu/en/policies/sanctions-against-russia/timeline-packages-sanctions-since-february-2022/ (accessed: 18.05.2026).
11. Council of the European Union. Russia's war of aggression against Ukraine: 20th round of stern EU sanctions hits energy revenues, military-industrial complex, trade and financial services, including crypto. — Press Release, 23.04.2026.
12. Office of Financial Sanctions Implementation (OFSI). Annual Review 2022–2023: Strengthening our Sanctions. — London: HM Treasury, December 2023. URL: https://www.gov.uk/government/publications/ofsi-annual-reviews/ofsi-annual-review-2022-to-2023-strengthening-our-sanctions (accessed: 18.05.2026).
13. Bureau of Industry and Security (BIS). Implementation of Additional Sanctions Against Russia and Belarus Under the Export Administration Regulations: Final Rule. — Federal Register, 2023.
14. International Monetary Fund. World Economic Outlook Update: January 2024. — Washington, D.C., 2024.
15. World Bank. Russia Economic Report. — Washington, D.C., April 2024.
16. Bank of Russia. Financial Stability Review. Q4 2024 — Q1 2025. — Moscow, 2025. URL: https://www.cbr.ru/analytics/finstab/ofs/4q_2024_1q_2025/ (accessed: 18.05.2026).
17. Rosstat. First Estimate of GDP for 2025: Statistical Bulletin. — Moscow, 2026. URL: https://rosstat.gov.ru/folder/313/document/277380 (accessed: 18.05.2026).
18. Atlantic Council. The New Russia Sanctions Law: What It Does and How to Make It Work. — Washington, D.C., 2017.
19. Federal Reserve Bank of Dallas. The Impact of the 2022 Oil Embargo and Price Cap on Russian Oil Prices. — Working Paper 2401. — Dallas, 2024. URL: https://www.dallasfed.org/~/media/documents/research/papers/2024/wp2401.pdf(accessed: 18.05.2026).
20. Bruegel. The Oil Price Cap and Embargo on Russia Work Imperfectly, and Defects Must Be Fixed. — Brussels, 2024.
21. Council of the European Union. Council Regulation (EU) 2024/2642 of 8 October 2024 on restrictive measures in view of Russia's destabilising actions [Electronic resource]. — Access mode: https://eur-lex.europa.eu/ (accessed: 18.05.2026).

Деятельность Государственного административного совета Мьянмы в контексте взаимодействия военных и гражданских администраций (2021–2024 гг.)

Пье Соне Аунг
аспирант, кафедра мировой политики, факультет исторических и политических наук, Томский государственный университет, ryaesoneru57@gmail.com

В данной статье рассматривается деятельность Государственного административного совета (ГАС) Мьянмы в период с 2021 по 2024 гг. Основное внимание уделяется взаимодействию между военными и гражданскими административными структурами после политического кризиса 2021 г. Исследование основано на анализе становления ГАС как новой административной структуры после спорных всеобщих выборов 2020 г., его институциональной структуры, подхода к управлению, инициатив по реформированию и взаимодействия с внутренними и международными субъектами. Кроме того, в данном исследовании также рассматриваются проблемы, с которыми сталкивается правительство ГАС, такие как внутренние вооруженные конфликты, политическая оппозиция и международные санкции. Для оценки практического функционирования гибридных военно-гражданских механизмов управления была использована концепция институционального и политического управления. Делается вывод, что, несмотря на усилия по созданию формальной системы управления, проведению выборов, установлению мира и ведению политического диалога, политический кризис остался неразрешенным.

Ключевые слова Мьянма, Государственный административный совет, конституции 2008 года, союзная избирательная комиссия, политические институты.

Введение

Политическая и административная ситуация в Мьянме в период с 2021 по 2024 гг. представляет собой один из наиболее тщательно изученных случаев взаимодействия гражданских и военных структур в современном государственном управлении. В начале 2010-х гг. в рамках политических реформ была введена квази-гражданская модель правления, основанная на конституционном устройстве, которое сохранило формальную политическую роль для военных. В этой развивающейся системе всеобщие выборы 2020 г. стали критически важным поворотным моментом. Выборы в парламент принесли решающий результат в пользу правящей гражданской партии. Однако обвинения в нарушениях на выборах и споры по поводу списков избирателей создали политическую напряженность между представителями армии и избирательными органами. Вследствие неурегулированных споров развился конституционно-административный кризис [1. P.140]. В феврале 2021 г. было объявлено чрезвычайное положение, при этом военные сохранили за собой государственную власть. Создан Государственный административный совет (ГАС) как центральный орган управления, ответственный за решение административных, законодательных и судебных вопросов. Этот период в истории страны ознаменовал перелом в институциональном развитии, повлияв на форму правовой власти, административную деятельность и отношения между военными руководителями и гражданскими органами управления [2. P.9].

Основной целью этой работы является выявление политической и административной роли, потенциала ГАС. Основной исследовательский вопрос состоит в следующем: насколько деятельность ГАС способствовала политической стабилизации и задачам перехода к демократии? Исследование основано на деятельности государственного административного совета Мьянмы в период с 2021 по 2024 год и использует качественную методологию анализа документов, которая включает изучение конституционных положений, правительственных документов, документации мирного процесса и научных комментариев. В нем используются ключевые источники, в том числе конституция Мьянмы 2008 года, официальные заявления государственного административного совета (ГАС), парламентские протоколы, отчеты о переговорах по общенациональному соглашению о прекращении огня и научная литература по гражданско-военным отношениям.

Из исследований политологов, специализирующихся на политической системе Мьянмы, можно получить важные сведения в области динамики взаимоотношений между военными и гражданскими элитами. Один из видных ученых, Маунг Маунг Ги, подчеркивает историческую институционализацию военной власти в политической системе Мьянмы. В своих работах он рассматривает военных как хранителей национального единства Мьянмы и утверждает, что их неоднократное вмешательство в политику оправдано [3]. Аналогичным образом Маунг Аунг Мьо подчеркивал институциональную роль военных как центрального политического актора, независимо от результатов выборов, и утверждал, что их конституционное положение гарантирует сохранение их влияния на администрацию, независимо от результатов выборов [4. P.269]. Гипотеза данного исследования заключается в том, что, хотя ГАС реализовал административные и политические реформы, направленные на стабилизацию Мьянмы, внутренние вооруженные конфликты, политические кризисы и международное давление ограничили его эффективность в достижении устойчивого демократического перехода.

Кризис всеобщих выборов 2020 г. и проблема споров по поводу голосования

Всеобщие выборы 2020 г. вошли в историю как ключевое и уникальное событие в политической жизни Мьянмы. Всеобщие выборы состоялись 8 ноября, и победу одержала партия «Национальная лига за демократию» (НЛД) [5]. 30 ноября 2020 г. Партия солидарности и развития Союза и более 30 других политических партий обратились к военным с просьбой рассмотреть обвинения в мошенничестве на выборах. Военные присоединились к просьбе политических партий, обратившись к отделениям Союзной избирательной комиссии с требованием предоставить копии избирательных документов для проверки избирательного процесса. 10 декабря 2020 г. Союзная избирательная комиссия отказалась предоставить военным избирательные документы, сославшись на избирательные законы. Военные объявили, что проведут проверку списков избирателей по всей стране.

Примечательно, что 20 января военные выступили с заявлением по этому вопросу. В заявлении говорится, что в преддверии всеобщих выборов 2020 г. официальные заявления политических партий, пресс-конференции, заявления в средствах массовой информации и сообщения средств массовой информации выявили широко распространенные нарушения в процессе голосования, включая нарушения законов и процедур [6]. Поскольку выборы необходимы для демократической системы, правительство несет полную ответственность за надзор за всеми нарушениями избирательной комиссией на выборах 2020 г. Было заявлено, что существует возможность иностранного вмешательства в выборы Мьянмы путем получения иностранной поддержки [7].

Кроме того, несмотря на цензуру, введенную Союзной избирательной комиссией при представлении политических позиций партий общественности в предвыборный период, было установлено, что нынешняя правящая партия могла свободно осуществлять свою кампанию, что создавало ситуацию несправедливой конкуренции между политическими партиями. Также было отмечено, что Союзная избирательная комиссия издала различные инструкции по досрочному голосованию, ссылаясь на COVID-19 в качестве предлога. Хотя результаты выборов являются волей народа и должны быть приняты, учитывая проблемы, возникшие в предвыборный период, в день выборов и после выборов, Союзная избирательная комиссия выпустила заявление, в котором говорится, что просьба военнослужащих/избирателей разрешить им получить копии документов, необходимых для подачи «возражения против результатов выборов», если это необходимо, является незаконной.

Выводы военных по аудиту списков избирателей были обнародованы после изучения 314 населенных пунктов. Было выявлено 2945612 дублирующих списков избирателей, а также 4678104 других списков избирателей с потенциалом мошенничества. Кроме того, в результате перекрестной проверки городов и штатов было обнаружено 25009 списков с потенциалом мошенничества избирателей в пяти штатах и регионах. После заключительного аудита было установлено, что из более чем 30 миллионов имеющих право голоса в Мьянме более 11 миллионов голосов были поданы мошенническим образом [8].

Результаты проверки списков избирателей, проведенной военными, следующие:

- В списках избирателей числятся 18352 человека в возрасте 100 лет и старше.
- В списках избирателей числятся 1194 человека в возрасте до 18 лет.
- В списках избирателей числятся 4647197 человек, не имеющих удостоверения, подтверждающего гражданство.
- 2945621 человек с одинаковым номером карты подтверждения гражданства.

В связи с этим Татмадау обратилась к Союзной избирательной комиссии и правительству НЛД во главе с Аунг Сан Су Чжи с просьбой устранить нарушения в регистрации избирателей. Комиссия не предложила никакого решения. Военные представители и представители политических партий предложили созвать «специальную сессию» союзного парламента для обсуждения и поиска решений вопросов, связанных с выборами, в течение оставшегося срока полномочий парламента, но парламент отказался [9].

Несмотря на неоднократные обращения к избирательной комиссии, парламенту, судебной власти и президенту с просьбой созвать заседание Совета национальной обороны и безопасности для разрешения спора о правах избирателей на выборах 2020 г., правительство во главе с Аунг Сан Су Чжи не смогло решить этот вопрос и вместо этого попыталось созвать третий парламент и сформировать правительство. Созыв нового парламента и попытки сформировать новое правительство поставили под сомнение конституционные положения, принятые военными. Таким образом, в соответствии со статьей 417 Конституции 2008 г., 1 февраля 2021 г. было объявлено чрезвычайное положение, и военные взяли на себя управление государством [10. P.167].

Формирование ГАС

1 февраля администрация президента издала указ № 1/2021, имеющий силу закона, объявляющий чрезвычайное положение в стране в связи с политическим кризисом, возникшим в результате всеобщих выборов 2020 г. **В**ице-президент У Мьинт Све вступил в должность исполняющего обязанности президента и выступил с заявлением по поводу чрезвычайного положения, действующего в стране. В заявлении говорилось, что огромное количество ошибок при регистрации избирателей, отказ правительства НЛД решить проблемы с регистрацией избирателей, бездействие, неспособность принять просьбу о переносе заседаний Питху Хлуттау и Национальной ассамблеи, а также продолжающаяся публикация повесток заседаний Питху Хлуттау без решения вышеуказанных проблем представляют собой попытку узурпировать суверенитет государства силой и подорвать этническое единство. В заявлении говорится, что законодательная, исполнительная и судебная власти государства делегированы главнокомандующему вооруженными силами в соответствии со статьей 418, подпунктом (а) конституции для принятия необходимых мер, включая проверку и подтверждение списков избирателей [11. P.1].

2 февраля 2021 г., на следующий день после прихода военных к власти, был сформирован ГАС. Этот Совет был сформирован в соответствии с главой (11), разделом 419 конституции 2008 г. [12. P.168], о чем было объявлено в заявлении 9/2021. Совет состоял из 16 человек и возглавлялся главнокомандующим вооруженными силами Мьянмы, старшим генералом Мин Аунг Хлаингом [13].

Деятельность ГАС

После формирования ГАС были изданы пять планов на будущее и девять указаний для обеспечения бесперебойного функционирования законодательной, исполнительной и судебной ветвей власти. Пять ключевых планов на будущее были следующими:

(1) Союзная избирательная комиссия будет реорганизована и продолжит выполнять свои обязанности и функции в соответствии с законом, включая проверку списков избирателей.

(2) Будет продолжаться эффективное и результативное осуществление текущих мероприятий по предотвращению пандемии COVID-19.

(3) Предприятия, пострадавшие от пандемии COVID-19, будут восстановлены как можно быстрее всеми возможными способами.

(4) Будет осуществляться максимально тесное сотрудничество для достижения прочного мира в стране в соответствии с Общенациональным соглашением о прекращении огня.

(5) После завершения реализации положений чрезвычайного положения продолжится работа по проведению свобод-

ных и справедливых многопартийных демократических всеобщих выборов в соответствии с конституцией и передача ответственности государства победившей партии в соответствии с демократическими стандартами [14].

На протяжении более 70 лет Мьянма страдает от внутренних вооруженных конфликтов и политических проблем, и, несмотря на последовательные смены правительства, они остаются нерешенными по сей день. Также можно заметить, что успех мирного процесса напрямую связан с государственным строительством, основанным на федерализме и демократии. Для подписания Общенационального соглашения о прекращении огня (СПО) четыре группы, а именно правительство, парламент, армия и этнические вооруженные группы, должны работать вместе, чтобы найти политическое соглашение. Если в рамках СПО будет достигнуто взаимопонимание, в парламент Союза будет внесено предложение о внесении поправок и дополнений в конституцию 2008 г. СПО играет ключевую роль в достижении внутреннего мира в Мьянме и должно продолжать выполняться [15].

ГАС приостановил военную деятельность Татмадау (Вооруженных Сил Мьянмы) в целях достижения прекращения огня и прочного мира с 1 октября 2021 г. по 31 декабря 2023 г. Кроме того, ГАС провел встречи с представителями семи из десяти этнических вооруженных групп, подписавших Соглашение о прекращении огня при нынешнем правительстве, и трех этнических вооруженных групп, не подписавших Соглашение. Он провел 73 обсуждения с этническими вооруженными группами, подписавшими соглашение о прекращении огня, 25 обсуждений с этническими вооруженными группами, не подписавшими Соглашение о прекращении огня, 16 обсуждений с политическими партиями и 7 обсуждений с неправительственными миротворческими организациями, всего 129 встреч [16].

Правительство ГАС трижды встречалось с 10 этническими вооруженными группами в период с мая 2022 г. по февраль 2023 г. и достигло четырех соглашений. Эти четыре соглашения следующие:

(А) Совместная деятельность с целью укрепления многопартийной демократической политической системы.

(Б) Построение Союза, основанного на демократии и федерализме, что является желаемой целью всех этнических групп.

(В) Совместная работа по обеспечению мира и развития в Союзе.

(Г) Сотрудничество в целях обеспечения верховенства права, региональной стабильности и проведения свободных и справедливых многопартийных демократических выборов [17. P.4-5].

ГАС прилагал все усилия для скорейшего проведения всеобщих выборов в соответствии с объявленным им планом из пяти пунктов. Текущая подготовка к выборам, проводимая ГАС, получила поддержку со стороны ряда стран мира. Поддержка оказывается, в частности, со стороны России, Китая, Индии, Таиланда и Камбоджи.

По приглашению Коммунистической партии Китая делегация во главе с У Тан Туном из Союзной избирательной комиссии посетила Китай и обменялась мнениями по вопросам национального развития, методам реализации и опыту создания партий [18]. Индия также пригласила представителей 10 политических партий и правительства ГАС на встречу 4 ноября 2024 г., где им были разъяснены федеративная система и конституция страны. Индия объявила о готовности оказать помощь в разработке новой конституции, основанной на федерализме, которая может быть принята после предстоящих выборов в Советы государственных административных органов [19]. Ш. Кара-Оол, заместитель Председателя Государственной Думы Российской Федерации, встретился с председателем ГАС, премьер-министром генералом Мин Аунг Хлаингом и председателем избирательной комиссии Союза У Ко Ко и обсудил организацию и функционирование Государственной Думы, возможности сотрудничества между двумя странами, содействие успешному проведению выборов, а также возможности приглашения наблюдательных групп из России во время выборов [20]. Правящая партия Камбоджи согласилась направить делегацию для наблюдения за предстоящими выборами в Мьянме по просьбе Партии Союза солидарности и развития во время ее участия в 12-й международной конференции азиатских политических партий в Пномпене. В ходе встречи председателя избирательной комиссии Союза У Ко Ко и посла Таиланда в Мьянме М. Визитстампа в Нейпьидо посол Таиланда обсудил подготовку избирательной комиссии Союза к проведению выборов, деятельность политических партий и возможности оказания Таиландом содействия успешному проведению выборов [21]. Анализируя эти моменты, можно сделать вывод о наличии международного интереса и поддержки в отношении предстоящих выборов, проводимых правительством ГАС.

Правительство ГАС работает над тем, чтобы на предстоящих выборах голосование было возможно не только с помощью печатных бюллетеней, но и с использованием электронных машин для голосования. Сегодня электронные системы голосования широко используются в демократических странах. Кроме того, правительство ГАС проводит перепись населения, что является ключевым фактором успешного проведения выборов [22]. Общенациональная перепись населения 2024 г. проводилась в четыре этапа: подготовка, перепись, составление статистических данных и анализ, включая публикацию отчета. Процесс подготовки осуществлялся в восемь этапов в течение 30 месяцев. Считается, что данные переписи населения не только способствуют достижению цели ГАС по проведению свободных и справедливых выборов, но и помогают преодолеть межконфессиональные разногласия, возникшие на выборах 2020 г., и запустить демократический процесс, который справедливо отражает голос каждого гражданина [23].

Кризисные моменты в деятельности ГАС

В 2021 г. международное сообщество ввело различные санкции против Мьянмы и ее граждан в ответ на захват государственной власти военными. США ввели санкции в отношении Мьянманской компании по торговле драгоценными камнями, Мьянманского внешнеторгового банка (МВБ), Мьянманского банка инвестиций и торговли (МБИТ) и компании MYTEL в июне 2023 г. Кроме того, правительство США запретило закупку авиационного топлива, заморозило активы бирманских бизнесменов в иностранных банках и приостановило финансовые переводы. 13 февраля 2025 года суд Буэнос-Айреса в Аргентине выдал ордеры на арест 25 человек, включая бывшего президента, бывших советников, а также председателя и вице-председателей ГАС [24].

Самая большая проблема, с которой сейчас сталкивается Мьянма, — это «политический» вопрос, возникший в связи со спором о выборах 2020 г. Недовольные захватом государственной власти военными парламентарии от НЛД сформировали Правительство национального единства в изгнании (ПНЕ) и Народные силы обороны (НСО) для совершения террористических актов по всей стране. Кроме того, этнические вооруженные группы использовали различные средства для нападений на правительственные силы и объекты, ссылаясь на нелегитимность власти военных [25. P.59].

Нынешняя политическая ситуация в Мьянме создает слабые условия для политического диалога и переговоров из-за политических проблем, возникших в 2020 г., и войн за территориальную экспансию, развязанных некоторыми этническими вооруженными группами в 2023 г. В настоящее время из-за боевых действий, развязанных этническими вооруженными группами, около 90 населенных пунктов страдают от значительных разрушений, а административный аппарат правительства и органы региональной власти находятся в состоянии дисфункции. Усилия правительства по проведению выборов сталкиваются с многочисленными препятствиями из-за внутренних вооруженных конфликтов и международного давления [26. P.125].

Заключение

Анализ деятельности ГАС в период с 2021 по 2024 гг. выявляет сложность и противоречивость политического транзита, обусловленные спорами о выборах, конституционными ограничениями и напряженностью между гражданскими властями и военными по поводу конституции 2008 г. Внутренние вооруженные конфликты и политические кризисы, спровоцированные всеобщими выборами 2020 г., в конечном итоге привели к объявлению чрезвычайного положения в Мьянме и передаче власти возглавляемому военными ГАС.

На протяжении всего периода своего существования правительство ГАС предпринимало усилия, направленные на обеспечение национального единства, экономического восстановления и установления прочного мира в соответствии со своими пятью перспективными программами. Были предприняты такие усилия, как реструктуризация Союзной избирательной комиссии, начало переговоров о прекращении огня с этническими вооруженными группами и подготовка к предстоящим выборам. В течение этого периода в стране происходили значительные политические потрясения, вооруженные конфликты, действовали западные санкции. В этот период появление оппозиционных движений, таких как ПНЕ и НСО, привело к внутренним конфликтам и п политической нестабильности, что повлияло на деятельность ГАС.

Хотя ГАС разработал планы, направленные на обеспечение стабильности в будущем, он столкнулся с рядом проблем из-за длительной войны, существующей напряженности между гражданским обществом и военными, а также отсутствия международного признания. Следовательно, будущее развитие Мьянмы, установление многопартийной демократии и проведение всеобщих выборов зависят от всестороннего понимания и сотрудничества всех этнических групп населения страны, а также от надлежащего баланса между гражданскими элитами и военными.

Литература

1. Crouch M. Constitutional Crisis and Administrative Legitimacy: The 2020 Election and 2021 Coup in Myanmar // The Round Table: The Commonwealth Journal of International Affairs. – 2021. – Vol. 110. – №. 2. – P. 135–151.

2. Bissinger J. The State Administration Council and the Restyling of Myanmar's Economy // ISEAS Perspective. – 2024. – №. 86. – P. 12. – URL: https://www.iseas.edu.sg/wpcontent/uploads/2024/09/ISEAS_Perspective_2024_86.pdf (access date: 22.03.2026).

3. Maung Maung Gyi. Burmese political values // The Socio-Political Roots of Aurthoritarianism. – New York : Praeger, 1983.

4. Maung Aung Myoe. Building the Tatmadaw : Myanmar Armed Forces Since 1948., published in Singapore. Institute of Southeast Asian Studies. – 2009. – P. 269. — URL: https://www.researchgate.net/profile/Maung-Myoe/publication/272092747_Building_the_Tatmadaw/links/54dac5d50cf2ba88a68de69a/Building-the-Tatmadaw.pdf (access date: 22.03.2026).

5. Martin M. Burma’s 2020 Parliamentary Elections // Published by Congressional Research Service (CRS). – November 16, 2020. —URL: https://www.everycrsreport.com/files/2020-11-16_IF11687_5ae0c5108b1d4d64809b76ea7440cb87197ff869.pdf (access date: 23.03.2026).

6. Union Election Commission (UEC) // Statement Rejecting Allegations of Electoral Fraud. Naypyitaw. – January 28, 2021. – URL: https://www.irrawaddy.com/news/burma/myanmar-election-body-rejects-military-allegations-electoral-fraud.html (access date: 25.03.2026).

7. International Foundation for Electoral Systems (IFES) // Myanmar 2020 General Election Technical Assessment. – 2021. – URL: https://www.ifes.org/publications/myanmar-2020-general-election (access date: 25.03.2026).

8. Statement from the Union Election Commission. Investigation findings on voter fraud and irregularities in the 2020 multi-party democratic general election // ၂၀၂၀ ပြည်နှစ် ပါတီစုံဒီမိုကရေစီအထွေထွေရွေးကောက်ပွဲ မဲသမာမှုနှင့် တရားမဲ့ပြုကျင့်မှုများအပေါ် စုံစမ်းစစ်ဆေးတွေ့ရှိချက် – URL: https://2020election.uec.gov.mm/29?lang=mm (access date: 25.03.2026).

9. Japanese news media Mainichi Shimbun newspaper // Interview with General Zaw Min Tun, head of the State Administrative Council 's press release team. – URL: https://www.moi.gov.mm/npe/rekeaakpaimaa-maimsmaamu-rilaa-mribhuulaachiuttaakiu-rekeaakpai-ttcrkttnnyknnypii-chunphttliumr (access date: 24.03.2026).

10. 2008 Constitution of the Republic of the Union of Myanmar. Chapter XI Provisions on State of Emergency. Article 417. // Ministry of Information, Nay Pyi Taw. – September 2008. – P. 1-213. — URL: https://www.myanmar-law-library.org/law-library/laws-and-regulations/constitutions/2008-constitution.html (access date: 24.03.2025).

11. The Global New Light of Myanmar. Republic of the Union of Myanmar, Office of the President Order Number (1/2021). – February 1, 2021. . – Vol. 7. – №. 292. – P. 1–5. – URL: https://www.networkmyanmar.org/ESW/Files/2_Feb_21_gnlm.pdf (access date: 23.03.2025).

12. 2008 Constitution of the Republic of the Union of Myanmar. Chapter XI Provisions on State of Emergency. Article 419. // Ministry of Information, Naypyidaw. – September 2008. – P. 1-213. — URL: https://www.myanmar-law-library.org/law-library/laws-and-regulations/constitutions/2008-constitution.html (access date: 23.03.2025).

13. Republic of the Union of Myanmar. National Defense and Security Council Office // Order No (9/2021). Formation of the State Administrative Council. – February 1, 2021. – URL: https://sacoffice.gov.mm/en/stateadministration (access date: 22.03.2025).

14. Statement of the Republic of the Union of Myanmar. Ministry of Information // Five Future Plans of the State Administrative Council. နိုင်ငံတော်စီမံအုပ်ချုပ်ရေးကောင်စီ၏ ရှေ့လုပ်ငန်းစဉ်(၅)ရပ်. – July 3, 2021. – URL: https://www.moi.gov.mm/news/12063 (access date: 20.03.2025).

15. Awng, S. G., ‘The Deadlocking Factors in Myanmar’s Peace Process’ // Friedrich-Ebert-Stiftung. – 2019. – URL: https://library.fes.de/pdf files/bueros/myanmar/15639.pdf (access date: 22.03.2025).

16. Office of the National Defense and Security Council of the Republic of the Union of Myanmar. Excerpt from the National Defense and Security Council Meeting of the Republic of the Union of Myanmar (3/2025). Naypyitaw. – July 31, 2023. – URL: https://sacoffice.gov.mm/my/pnnytheaangcusmmttmnmaaniungngnttteaa-amiusaakaakyrenng-lunkhunrekeaangciiacnnyawe-32w25-kngp (access date: 25.03.2025).

17. Khin Thida Khaing. The State Administration Council’s Endeavors for Peacemaking Process in Myanmar // Yadanabon University Research Journal. – 2023. – Vol. 13. – №. 2. – P. 1–13. – URL: https://meral.edu.mm/record/10402/files/The%20State%20Administration%20Council%E2%80%99s%20Endeavors%20for%20Peacemaking%20Process%20in%20Myanmar.pdf (access date: 25.03.2025).

18. The Republic of the Union of Myanmar, Ministry of Information. The Global New Light Of Myanmar // The Myanmar delegation led by U Than Tun, a member of the Union Election Commission, who went on a study tour to the People’s Republic of China at the invitation of the International Affairs. Naypyidaw. – September 17, 2023. – URL: https://www.moi.gov.mm/moi:eng/news/11574 (access date: 23.03.2025).

19. News Agency of Mizzima. Myanmar political parties and armed groups in India for meeting. New Delhi, India. . – November

7, 2024. – URL: https://eng.mizzima.com/2024/11/07/15976 (access date: 22.03.2025).

20. Statement of the Republic of the Union of Myanmar National Defence and Security Council Office. SAC Chairman Prime Minister Senior General Min Aung Hlaing receives Vice-Chairman Mr Sholban Kara-Ool of the State Duma of the Russian Federation at Radisson Collection Hotel in Moscow. – March 6, 2025. – URL: https://sacoffice.gov.mm/en/sac-chairman-prime-minister-senior-general-min-aung-hlaing-receives-vice-chairman-state-duma (access date: 22.03.2025).

21. The Republic of the Union of Myanmar, Ministry of Information. The Global New Light Of Myanmar // Union Election Commission Chairman U Ko Ko met Mr Mongkol Visitstump, Thai Ambassador to Myanmar, at the Union Election Commission office in Nay Pyi Taw. – August 7, 2024. – URL: https://www.moi.gov.mm/moi%3Aeng/news/15016 (access date: 25.03.2025).

22. Statement of National Defense and Security Council Office. Republic of the Union of Myanmar // Myanmar to deploy electronic voting machines for error-free elections. Excerpt from the speech delivered by the Senior General at the meeting with Tatmadaw members and families in Kengtung. – May 24, 2025. – URL: https://sacoffice.gov.mm/en/myanmar-deploy-electronic-voting-machines-error-free-elections (access date: 25.03.2025).

23. Phone Naing. The goal of the State Executive Council government is “elections.” // Ministry of Information. News and Periodical Enterprise (NPE). နိုင်ငံတော်စီမံအုပ်ချုပ်ရေးကောင်စီအစိုးရ၏ ရည်မှန်းချက်သည် “ရွေးကောက်ပွဲ”ဖြစ်သည် – July 28, 2024. – URL: https://www.moi.gov.mm/npe/niungngntteaaciimnaupkhuprekeaangciiaciure-rnnymnkhksnny-rekeaakpaiphcsnny (access date: 25.03.2025).

24. International Crisis Group. Responding to the Myanmar Coup // Asia Briefing No. 166. – 2021. – URL: https://www.crisisgroup.org/brf/asia-pacific/myanmar/b166-responding-myanmar-coup (access date: 25.03.2025).

25. Oo Z. M., Administrative Reform and Decentralization in Myanmar: Challenges and Opportunities // Myanmar Journal of Public Administration. – 2020. – Vol. 1. – №. 2. – P. 55–78.

26. Yin T. M., Decentralization in Myanmar: Issues and Prospects for Democratic Local Governance // Myanmar Public Administration Research Journal. – 2021. – Vol. 3. – №. 2. – P. 112–130.

Activities of the State Administrative Council of Myanmar in the Context of Interaction between Military and Civil Administrations (2021–2024)

Pye Sone Aung
Tomsk State University

This article examines the performance of the State Administrative Council (SAC) of Myanmar from 2021 to 2024, focusing on the interactions between the military and civilian administrative structures following the 2021 political transition. The study is based on an analysis of the origins of the SAC following the disputed 2020 general elections, its institutional structure, governance approach, reform initiatives, and interactions with domestic and international actors. Furthermore, this study also examines the challenges faced by the SAC government, such as internal armed conflicts, political opposition, and international sanctions. A qualitative framework of institutional and political governance was used to assess the practical functioning of the hybrid military-civilian governance mechanisms. The findings show that despite efforts to establish a formal governance system, hold elections, establish peace, and conduct political dialogue, they have not been fully successful due to political crises and international pressure. This study contributes to the understanding of the interaction between civil and military governance structures in crisis situations.

Keywords: Myanmar, State Administrative Council, 2008 Constitution, Union Election Commission, political institutions.

References

1. Crouch M. Constitutional Crisis and Administrative Legitimacy: The 2020 Election and 2021 Coup in Myanmar // The Round Table: The Commonwealth Journal of International Affairs. – 2021. – Vol. 110. – №. 2. – P. 135–151.
2. Bissinger J. The State Administration Council and the Restyling of Myanmar's Economy // ISEAS Perspective. – 2024. – №. 86. – P. 12. – URL: https://www.iseas.edu.sg/wpcontent/uploads/2024/09/ISEAS_Perspective_2024_86.pdf (access date: 22.03.2026).
3. Maung Maung Gyi. Burmese political values // The Socio-Political Roots of Aurthoritarianism. – New York : Praeger, 1983.
4. Maung Aung Myoe. Building the Tatmadaw : Myanmar Armed Forces Since 1948., published in Singapore. Institute of Southeast Asian Studies. – 2009. – P. 269. — URL: https://www.researchgate.net/profile/Maung-Myoe/publication/272092747_Building_the_Tatmadaw/links/54dac5d50cf2ba88a68de69a/Building-the-Tatmadaw.pdf (access date: 22.03.2026).
5. Martin M. Burma’s 2020 Parliamentary Elections // Published by Congressional Research Service (CRS). – November 16, 2020. —URL: https://www.everycrsreport.com/files/2020-11-16_IF11687_5ae0c5108b1d4d64809b76ea7440cb87197ff869.pdf (access date: 23.03.2026).
6. Union Election Commission (UEC) // Statement Rejecting Allegations of Electoral Fraud. Naypyitaw. – January 28, 2021. – URL: https://www.irrawaddy.com/news/burma/myanmar-election-body-rejects-military-allegations-electoral-fraud.html (access date: 25.03.2026).
7. International Foundation for Electoral Systems (IFES) // Myanmar 2020 General Election Technical Assessment. – 2021. – URL: https://www.ifes.org/publications/myanmar-2020-general-election (access date: 25.03.2026).
8. Statement from the Union Election Commission. Investigation findings on voter fraud and irregularities in the 2020 multi-party democratic general election // ၂၀၂၀ ပြည့်နှစ် ပါတီစုံဒီမိုကရေစီအထွေထွေရွေးကောက်ပွဲ မဲမသမာမှုနှင့် တရားမဲ့ပြုကျင့်မှုများအပေါ် စုံစမ်းစစ်ဆေးတွေ့ရှိချက် – URL: https://2020election.uec.gov.mm/29?lang=mm (access date: 25.03.2026).
9. Japanese news media Mainichi Shimbun newspaper // Interview with General Zaw Min Tun, head of the State Administrative Council 's press release team. – URL: https://www.moi.gov.mm/npe/rekeaakpaimaa-maimsmaamu-rilaa-mribhuulaachiuttaakiu-rekeaakpai-ttcrkttnnyknnypii-chunphttliumr (access date: 24.03.2026).
10. 2008 Constitution of the Republic of the Union of Myanmar. Chapter XI Provisions on State of Emergency. Article 417. // Ministry of Information, Nay Pyi Taw. – September 2008. – P. 1-213. — URL: https://www.myanmar-law-library.org/law-library/laws-and-regulations/constitutions/2008-constitution.html (access date: 24.03.2025).
11. The Global New Light of Myanmar. Republic of the Union of Myanmar, Office of the President Order Number (1/2021). – February 1, 2021. . – Vol. 7. – №. 292. – P. 1–5. – URL: https://www.networkmyanmar.org/ESW/Files/2_Feb_21_gnlm.pdf (access date: 23.03.2025).
12. 2008 Constitution of the Republic of the Union of Myanmar. Chapter XI Provisions on State of Emergency. Article 419. // Ministry of Information, Naypyidaw. – September 2008. – P. 1-213. — URL: https://www.myanmar-law-library.org/law-library/laws-and-regulations/constitutions/2008-constitution.html (access date: 23.03.2025).
13. Republic of the Union of Myanmar. National Defense and Security Council Office // Order No (9/2021). Formation of the State Administrative Council. – February 1, 2021. – URL: https://sacoffice.gov.mm/en/stateadministration (access date: 22.03.2025).
14. Statement of the Republic of the Union of Myanmar. Ministry of Information // Five Future Plans of the State Administrative Council. နိုင်ငံတော်စီမံအုပ်ချုပ်ရေးကောင်စီ၏ ရှေ့လုပ်ငန်းစဉ်(၅)ရပ်. – July 3, 2021. – URL: https://www.moi.gov.mm/news/12063 (access date: 20.03.2025).
15. Awng, S. G., ‘The Deadlocking Factors in Myanmar’s Peace Process’ // Friedrich-Ebert-Stiftung. – 2019. – URL: https://library.fes.de/pdf files/bueros/myanmar/15639.pdf (access date: 22.03.2025).
16. Office of the National Defense and Security Council of the Republic of the Union of Myanmar. Excerpt from the National Defense and Security Council Meeting of the Republic of the Union of Myanmar (3/2025). Naypyitaw. – July 31, 2023. – URL: https://sacoffice.gov.mm/my/pnnytheaangcusmmttmnmaaniungngntteaa-amiusaakaakyrenng-lunkhunrekeaangciiacnnyawe-32w25-kngp (access date: 25.03.2025).
17. Khin Thida Khaing. The State Administration Council’s Endeavors for Peacemaking Process in Myanmar // Yadanabon University Research Journal. – 2023. – Vol. 13. – №. 2. – P. 1–13. – URL: https://meral.edu.mm/record/10402/files/The%20State%20Administration%20Council%E2%80%99s%20Endeavors%20for%20Peacemaking%20Process%20in%20Myanmar.pdf (access date: 25.03.2025).
18. The Republic of the Union of Myanmar, Ministry of Information. The Global New Light Of Myanmar // The Myanmar delegation led by U Than Tun, a member of the Union Election Commission, who went on a study tour to the People’s Republic of China at the invitation of the International Affairs. Naypyidaw. – September 17, 2023. – URL: https://www.moi.gov.mm/moi:eng/news/11574 (access date: 23.03.2025).
19. News Agency of Mizzima. Myanmar political parties and armed groups in India for meeting. New Delhi, India. . – November 7, 2024. – URL: https://eng.mizzima.com/2024/11/07/15976 (access date: 22.03.2025).
20. Statement of the Republic of the Union of Myanmar National Defence and Security Council Office. SAC Chairman Prime Minister Senior General Min Aung Hlaing receives Vice-Chairman Mr Sholban Kara-Ool of the State Duma of the Russian Federation at Radisson Collection Hotel in Moscow. – March 6, 2025. – URL: https://sacoffice.gov.mm/en/sac-chairman-prime-minister-senior-general-min-aung-hlaing-receives-vice-chairman-state-duma (access date: 22.03.2025).
21. The Republic of the Union of Myanmar, Ministry of Information. The Global New Light Of Myanmar // Union Election Commission Chairman U Ko Ko met Mr Mongkol Visitstump, Thai Ambassador to Myanmar, at the Union Election

Commission office in Nay Pyi Taw. – August 7, 2024. – URL: https://www.moi.gov.mm/moi%3Aeng/news/15016 (access date: 25.03.2025).
22. Statement of National Defense and Security Council Office. Republic of the Union of Myanmar // Myanmar to deploy electronic voting machines for error-free elections. Excerpt from the speech delivered by the Senior General at the meeting with Tatmadaw members and families in Kengtung. – May 24, 2025. – URL: https://sacoffice.gov.mm/en/myanmar-deploy-electronic-voting-machines-error-free-elections (access date: 25.03.2025).
23. Phone Naing. The goal of the State Executive Council government is "elections." // Ministry of Information. News and Periodical Enterprise (NPE). နိုင်ငံတော်စီမံအုပ်ချုပ်ရေးကောင်စီအစိုးရ၏ ရည်မှန်းချက်သည် "ရွေးကောက်ပွဲ"ဖြစ်သည် – July 28, 2024. – URL: https://www.moi.gov.mm/npe/niungngntteaaciimnaupkhuprekeaangciiaciure-rnnymnkhksnny-rekeaakpaiphcsnny (access date: 25.03.2025).
24. International Crisis Group. Responding to the Myanmar Coup // Asia Briefing No. 166. – 2021. – URL: https://www.crisisgroup.org/brf/asia-pacific/myanmar/b166-responding-myanmar-coup (access date: 25.03.2025).
25. Oo Z. M., Administrative Reform and Decentralization in Myanmar: Challenges and Opportunities // Myanmar Journal of Public Administration. – 2020. – Vol. 1. – №. 2. – P. 55–78.
26. Yin T. M., Decentralization in Myanmar: Issues and Prospects for Democratic Local Governance // Myanmar Public Administration Research Journal. – 2021. – Vol. 3. – №. 2. – P. 112–130.

Процессуальные последствия отсутствия письменного и аудио-протокола в гражданском, арбитражном и административном судопроизводстве

Тангиева Айна Маусаровна
бакалавр, Финансовый университет при Правительстве РФ,
ayna.tangieva@gmail.com

На фоне интенсивной цифровизации правосудия и усиления требований к процессуальной транспарентности проблематика надлежащей фиксации судебного разбирательства приобретает особую значимость. Вопрос об обязательности и юридической силе письменного и аудио-протоколов судебных заседаний становится не только предметом нормативной детализации, но и источником существенных разночтений в практической плоскости и научной доктрине. Целью в рамках данной статьи является выявление и систематизация процессуальных последствий отсутствия рассматриваемого протокола в гражданском, арбитражном, административном судопроизводстве России. Анализ выстраивается на основании сравнительно-правового анализа положений ГПК РФ, АПК РФ, КАС РФ, обобщения актуальной судебной практики, а также научной полемики. Ключевым вкладом становится демонстрация нормативной и практической нестабильности в трактовке процессуальных последствий утраты или отсутствия протоколов, особенно в случаях, когда утраченная аудиозапись содержит критически важные устные доказательства. На этом фоне автор аргументированно ставит вопрос о необходимости дополнительных разъяснений Пленума Верховного Суда РФ, которые должны помочь нивелировать расхождения в правоприменении. Затрагиваются противоречия, которые касаются иерархии между письменной и аудиоформой протоколов, нормативной неустойчивости при квалификации дел, недооценки рисков, связанных с техническими сбоями аудиофиксации. Особое внимание уделено правовым последствиям фиксации нарушений в апелляционном и кассационном порядке, где отсутствие достоверного протокола подрывает состязательность, нивелирует гарантии защиты. Излагаемые в статье материалы будут полезны правоведам, практикующим юристам, разработчикам процессуального законодательства, а также цифровых решений для судопроизводства.

Ключевые слова: аудиофиксация, гласность, кассация, протокол судебного заседания, судебное разбирательство

Введение

Посредством процессуального законодательства Российской Федерации устанавливаются строгие требования к фиксации хода судебного разбирательства, что выступает в качестве фундаментального элемента обеспечения принципов законности, гласности, состязательности, объективности правосудия.

Протокол судебного заседания, как в письменной, так и в аудиоформе, служит основным и зачастую единственным официальным документом, где отражаются все существенные действия и заявления. Его наличие и надлежащее ведение весьма значимо для реализации права на судебную защиту и эффективного обжалования соответствующих актов.

В увязке с отмеченным выше очень важен комплексный анализ процессуальных последствий, которые возникают в гражданском, арбитражном, административном судопроизводстве России при отсутствии письменного и аудио-протокола. — с опорой на актуальные положения законодательства, разъяснения высших судебных инстанций.

Методы, использованные в ходе раскрытия темы статьи, — сравнительно-правовой анализ норм ГПК РФ, АПК РФ, КАС РФ; систематизация судебной практики; обобщение научных позиций; нормативно-догматический метод при интерпретации положений процессуального законодательства.

Обзор литературы

В научных источниках по обсуждаемой теме прослеживается несколько основных преобладающих векторов анализа.

Так, В.В. Андрианова и А.М. Бухарина [1], Ж.А. Манасян [6] и А.Б. Жигжитова [3] акцентируют внимание на формально-юридических основаниях обязательности ведения протокола судебного заседания, высвечивая его значение как процессуального акта, обеспечивающего проверяемость хода рассмотрения дела.

Н.А. Батурина [2] развивает тему в контексте безусловных оснований для отмены судебных актов, делая упор на последствиях отсутствия протокола и практике по соответствующим случаям.

В свою очередь, Д.А. Исаев [4] и Л.А. Текеева, М.М. Боташева [10] рассматривают аудиофиксацию как самостоятельную правовую гарантию, которая обладает весомым значением при защите интересов участников процесса, в особенности, в кассационной инстанции.

В трудах А.Р. Канафиной [5] и Д.В. Татьянина [9] подчеркивается тесная связь между формой процессуальной фиксации и реализацией ключевых принципов судопроизводства (речь идёт о гласности, состязательности, доступе к правосудию).

Вопросы технологического обновления подходов к протоколированию затрагиваются В.Б. Палиевым и А.В. Гаврицким [7], а также А. Смолой [8]; авторы анализируют инициативы Верховного Суда по реформированию процессуальных механизмов, в том числе, сопряжённые с фиксацией судебного заседания.

Наиболее заметные противоречия в литературе касаются, в первую очередь, статуса письменного и аудиопротокола как равнозначных либо иерархически соотнесённых средств. Часть авторов полагает, что письменный протокол сохраняет приоритетное значение, другие же исследователи настаивают на необходимости признания аудиозаписи как основного источника установления фактических обстоятельств. В дополнение к отмеченному, недостаточно проработан вопрос о последствиях технических сбоев аудиофиксации, особенно в гражданском и административном процессах, где устные доказательства иг-

рают ключевую роль. Также слабо освещёнными остаются аспекты судебной практики по устранению расхождений между письменной и аудиоверсиями протоколов.

Результаты и обсуждение

Отсутствие либо ненадлежащее ведение протокола судебного заседания рассматривается российским законодательством и судебной практикой как серьезное процессуальное нарушение. Он является ключевым документом, в котором фиксируется ход разбирательства и обеспечивается возможность проверки законности, обоснованности принятого судом акта вышестоящими инстанциями (таблица 1). Он служит гарантией соблюдения процессуальных прав участников, поскольку позволяет им удостовериться в точности отражения их заявлений, ходатайств, показаний. Наличие полного, точного протокола — это основа для результативного обжалования решений, так как вышестоящий суд опирается на него при проверке доводов апелляционной или кассационной жалоб [1, 3, 6].

Таблица 1

Сравнение требований к протоколированию в различных видах судопроизводства РФ (составлено на основе [4, 5, 7, 10])

Параметр	Гражданское	Арбитражное	Административное
НПА	ГПК РФ	АПК РФ	КАС РФ
Обязательность письменного протокола	Да	Да	Да
Обязательность аудиопротоколирования	Да (с 2015 г.)	Да	Да
Статьи, регулирующие содержание	Ст. 229	Ст. 155	Ст. 205
Статьи, регулирующие замечания	Ст. 231	Ст. 155	Ст. 207

Исторически письменный протокол был единственным официальным документом, фиксирующим ход судебного заседания. Однако с развитием технологий, стремлением к повышению прозрачности, объективности правосудия, законодатель последовательно внедрял аудиопротоколирование во все виды судопроизводства. Комплексная фиксация положительным образом сказывается на снижении рисков искажения информации, субъективного толкования событий секретарем или судьей, и, как следствие, укрепляет доверие к судебной системе в целом [9]. Возможность сопоставления письменной формы с аудиозаписью помогает участникам процесса и вышестоящим судам более точно восстановить ход заседания, проверить соблюдение процессуальных норм.

Согласно второй части статьи 155 АПК РФ, письменный протокол уже с 2010 года рассматривается как дополнительное средство фиксации хода судебного разбирательства в арбитражном процессе. Однако данная норма приобретает более широкую интерпретацию в контексте Постановления Пленума ВАС РФ от 17.02.2011 № 12. В частности, Пленум указывает, что, если при рассмотрении апелляционной или кассационной жалоб будет установлено, что аудиозапись, послужившая основой для принятия судебного акта, отсутствует, поскольку утрачена и не подлежит восстановлению, это обстоятельство квалифицируется как безусловное основание для отмены судебного решения. Указанная позиция основана на п. 6 ч. 4 ст. 270 и п. 6 ч. 4 ст. 288 АПК РФ [8].

Впоследствии положения об основаниях были уточнены как в АПК РФ, так и в ГПК РФ. В частности, зафиксировано, что отсутствие в материалах дела протокола судебного заседания либо его подписание неуполномоченными лицами влечёт отмену решения — при условии, что аудиозапись также отсутствует. В ГПК РФ, в свою очередь, уточняется, что речь может идти как об аудио-, так и о видеозаписи [8].

Для сравнения, КАС РФ (п. 6 ч. 1 ст. 310) формулирует данное основание более обобщённо — отсутствие в деле протокола судебного заседания, нарушение правил аудиопротоколирования [8].

Обзор судебной практики по делам гражданской юрисдикции на кассационном уровне позволяет утверждать, что технические сбои в процессе аудиофиксации не являются редкостью [4, 8, 9]. Это вызывает сомнения в уместности статуса письменного протокола как лишь вспомогательного инструмента. В условиях, когда свидетельские показания, играющие нередко ключевую роль в процессе, фиксируются исключительно на аудионосителе, их утрата делает невозможным восстановление содержания заседания. В подобных случаях объективно возникает вопрос — не является ли это основанием для отмены решения, если именно утраченные показания легли в основу судебного акта?

Примеры из практики подтверждают наличие таких проблем. Так, в деле, рассматривавшемся Первым кассационным судом общей юрисдикции (определение от 12.05.2022 № 88-10988/2022), был зафиксирован случай, когда протокол от 23 ноября 2020 года фактически относился к иному делу. Аудиофайл также не соответствовал рассматриваемому спору, что суд квалифицировал как отсутствие протокола по существу. Аналогично, в определении от 13.04.2022 № 88-10290/2022 тот же кассационный суд констатировал, что приобщённый к делу диск с аудиозаписью оказался пустым. Протокол же, хоть и содержал указание на аудиофиксацию, по сути, не сопровождался фактической записью [8].

В другом случае (определение Четвёртого КСОЮ от 20.05.2021 по делу № 88-6578/2021), в протоколе от 12 февраля 2020 года не включена информация о проведении аудиозаписи. Два диска, приложенные к материалам, содержали аудиофайлы, не позволяющие идентифицировать происходившее в зале суда. Таким образом, суд пришёл к выводу о фактическом отсутствии надлежащего протокола [8].

Особое внимание заслуживает правовая позиция, которая изложенная в определении Пятого КСОЮ от 01.04.2021 № 88А-2398/2021. В ней судебный орган сослался на Постановление Пленума ВС РФ от 27.09.2016 № 36, согласно которому аудиопротоколирование обязательно и не может быть заменено письменным протоколом, даже если последний оформлен надлежащим образом. В случаях, когда ведение аудиозаписи прерывается или отсутствует без уважительной причины, это расценивается как процессуальное нарушение, требующее безусловной отмены решения суда первой инстанции [8].

Таким образом, правовые последствия отсутствия аудиопротокола в существенной степени зависят от вида судопроизводства. При этом различия в подходах нередко порождают неоднородность судебной практики. Например, в деле, рассмотренном судом кассационной инстанции, заявитель Б. обжаловал действия администрации Изобильненского округа. Формально спор касался реализации жилищных прав, однако квалификация дела как гражданского либо административного напрямую повлияла на применимые нормы об основаниях для отмены решений [8].

Эта ситуация наглядно демонстрирует нормативную неустойчивость — идентичные по сути дела могут подчиняться разным стандартам оценки процессуальных нарушений в зависимости от квалификации спора. С учётом вышесказанного возникает объективная потребность в дополнительном разъяснении Пленума ВС РФ, аналогичном ранее данному разъяснению ВАС РФ.

Целесообразно подчеркнуть, что отсутствие протокола не только создает риск отмены судебного решения, но и имеет существенные негативные практические последствия для самих участников процесса. Без него сторона лишается основного и наиболее убедительного доказательства процессуальных нарушений, допущенных судом первой инстанции. К примеру, если суд неправомерно отказал в приобщении важных доказательств, неверно зафиксировал показания свидетеля, нарушил порядок ведения заседания, то без протокола будет крайне сложно доказать эти факты в апелляционной или кассационной инстанциях. Это существенно затрудняет, а порой делает невоз-

можным, эффективное обжалование акта, поскольку вышестоящий суд не может проверить доводы жалобы без объективной, полной фиксации событий. Таким образом, даже если решение не будет отменено по формальным основаниям, отсутствие протокола подрывает принцип состязательности и равноправия сторон на стадии обжалования, лишая их возможности полноценно защищать свои права, интересы [2, 5, 9].

Переходя к формулировке рекомендаций, следует отметить, что для судов на первый план выходит строгое соблюдение требований к протоколированию. Судам первой инстанции необходимо неукоснительно соблюдать все предписания процессуального законодательства к ведению как письменного протокола, так и аудиозаписи. Это включает в себя:

- обеспечение технической исправности оборудования для записи;
- своевременное и полное составление письменного протокола;
- подписание в установленные сроки.

Особое внимание нужно уделять полноте содержания протоколов, отражая в них все существенные действия, заявления.

Участникам крайне важно активно пользоваться своим правом на ознакомление с протоколом и аудиозаписью судебного заседания, а также на подачу замечаний на них. Своевременное выявление и фиксация неточностей либо неполноты помогает внести исправления на ранней стадии и предотвратить возможные отрицательные последствия в вышестоящих инстанциях. Деятельная позиция сторон в рассматриваемом вопросе содействует повышению качества протоколирования, а также обеспечению достоверности судебных документов.

Выводы

По результатам проведённого анализа целесообразно резюмировать, что протоколирование судебных заседаний, включающее как письменную форму, так и аудиозапись, служит важнейшим звеном российского процессуального права. Оно выступает в качестве как инструмента фиксации хода разбирательства, так и важнейшей гарантии соблюдения принципов законности, прозрачности, состязательности.

Отсутствие письменного и аудио-протокола в гражданском, арбитражном, административном судопроизводстве России влечет за собой серьезные процессуальные последствия. Практика, сформированная Верховным Судом РФ, однозначно квалифицирует такое нарушение как безусловное основание для отмены судебного акта, если оно препятствует вышестоящей инстанции проверить законность, обоснованность принятого решения. Это подчеркивает фундаментальную роль протокола как ключевого достоверного источника информации о процессуальных действиях и заявлениях в суде.

Общая тенденция в развитии российского судопроизводства направлена на повышение прозрачности, объективности судебных процессов через внедрение и строгое применение комплексных механизмов протоколирования. Это способствует укреплению доверия, более результативной защите прав и законных интересов участников процесса. Для обеспечения стабильности, предсказуемости судебной практики очень важно как для судов, так и для сторон неукоснительно соблюдать установленные требования.

Литература

1. Андрианова В.В., Бухарина А.М. Актуальность ведения протокола судебного заседания в гражданском процессе // Актуальные проблемы современного законодательства. Сборник статей участников IX Всероссийской межвузовской научно-практической конференции. – Москва: 2024. – С. 137-141.

2. Батурина Н.А. Отсутствие протокола судебного заседания как безусловное основание отмены решения суда // Российский судья. – 2023. – № 6. – С. 22-27.

3. Жигжитова А.Б. Актуальные проблемы ведения судебного протокола в гражданском и арбитражном процессе // Юриспруденция XXI века: позиции закона, доктрины и практики. Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. – Иркутск: 2023. – С. 487-492.

4. Исаев Д.А. Аудиопротоколирование как гарант защиты прав и интересов лиц, участвующих в цивилистическом процессе // Цивилистика: право и процесс. – 2025. – № 2 (30). – С. 42-48.

5. Канафина А.Р. Протокол судебного заседания как реализация принципов гражданского процесса // Цивилистика: право и процесс. – 2025. – № 1 (29). – С. 47-49.

6. Манасян Ж.А. Обязательность ведения протокола в гражданском судопроизводстве // Юридическая наука. – 2024. – № 9. – С. 159-167.

7. Палиев В.Б., Гаврицкий А.В. Протокол судебного заседания: его модернизация в условиях информационных технологий // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – 2023. – № 7 (158). – С. 115-119.

8. Смола А. Как не заблудиться в трёх законопроектах ВС РФ по процессу (часть первая) // https://zakon.ru/blog/2022/11/30/kak_ne_zabluditsya_v_tryoh_zakonoproektah_vs_rf_po_processu_chast_pervaya (дата обращения: 05.08.2025).

9. Татьянин Д.В. Процессуальное значение аудиозаписи протокола судебного заседания // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2024. – № 1 (113). – С. 172-178.

10. Текеева Л.А., Боташева М.М. К вопросу о ведении протокола при рассмотрении дела кассационным судом в гражданском судопроизводстве // Культура Мира. – 2023. – Т. 11. – № 35 (6). – С. 14-23.

Procedural Consequences of the Absence of Written and Audio Records in Civil, Arbitration, and Administrative Proceedings

Tangieva A.M.
Financial University under the Government of the Russian Federation

Against the backdrop of intensive digitalization of the judiciary and increasing demands for procedural transparency, the proper documentation of court proceedings has gained particular significance. The issue of the mandatory nature and legal force of written and audio records of court hearings has become not only a subject of regulatory clarification but also a source of substantial discrepancies in judicial practice and legal doctrine. The purpose of this article is to identify and systematize the procedural consequences of the absence of such records in Russian civil, arbitration, and administrative proceedings. The analysis is based on a comparative legal examination of the provisions of the Russian Civil Procedure Code (CPC), Arbitration Procedure Code (APC), and Administrative Procedure Code (CAP), a review of current judicial practice, and scholarly debate. A key contribution of this study is the demonstration of normative and practical instability in interpreting the procedural consequences of lost or missing records, particularly in cases where missing audio recordings contain critical oral evidence. Against this backdrop, the author makes a reasoned argument for the need for additional clarifications from the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation to help reconcile inconsistencies in legal enforcement. The article addresses contradictions concerning the hierarchy between written and audio records, normative uncertainty in case qualification, and the underestimation of risks associated with technical failures in audio recording. Special attention is given to the legal implications of documenting violations at the appellate and cassation levels, where the absence of a reliable record undermines adversarial proceedings and weakens procedural safeguards. The materials presented in this article will be useful to legal scholars, practicing lawyers, procedural law developers, and designers of digital solutions for judicial systems.

Keywords: audio recording, transparency, cassation, court hearing record, judicial proceedings

References

1. Andrianova V.V., Bukharina A.M. The relevance of maintaining a court session protocol in civil proceedings // Actual Problems of Modern Legislation. Collection of articles by participants of the IX All-Russian Interuniversity Scientific and Practical Conference. – Moscow: 2024. – Pp. 137-141.
2. Baturina N.A. The absence of a court session protocol as an unconditional basis for the cancellation of a court decision // Russian Judge. – 2023. – No. 6. – Pp. 22-27.
3. Zhigzhitova A.B. Actual Problems of Maintaining a Judicial Protocol in Civil and Arbitration Proceedings // Jurisprudence of the 21st Century: Positions of Law, Doctrine, and Practice. Collection of Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference. – Irkutsk: 2023. – Pp. 487-492.
4. Isaev D.A. Audio recording as a guarantor of the protection of the rights and interests of persons involved in the civil process // Civilistics: Law and Procedure. – 2025. – No. 2 (30). – Pp. 42-48.
5. Kanafina A.R. The Protocol of a Court Hearing as the Implementation of the Principles of Civil Procedure // Civilistics: Law and Procedure. – 2025. – No. 1 (29). – Pp. 47-49.
6. Manasyan Zh.A. The Obligation to Keep a Protocol in Civil Proceedings // Legal Science. – 2024. – No. 9. – Pp. 159-167.

7. Paliev V.B., Gavritsky A.V. Protocol of a court session: its modernization in the conditions of information technologies // Science and Education: Economy and Economics; Entrepreneurship; Law and Management. – 2023. – No. 7 (158). – Pp. 115-119.
8. Smola A. How to Avoid Getting Lost in Three Draft Laws of the Supreme Court of the Russian Federation on the Process (Part One) // https://zakon.ru/blog/2022/11/30/kak_ne_zabluditsya_v_tryoh_zakonoproektah_vs_rf_po_processu_chast_pervaya (accessed on 05.08.2025).
9. Tatyanin D.V. The Procedural Significance of Audio Recordings of Court Proceedings // Bulletin of the Kutafin University. – 2024. – No. 1 (113). – Pp. 172-178.
10. Tekeeva L.A., Botasheva M.M. On the Issue of Keeping a Protocol During the Cassation Court's Consideration of a Case in Civil Proceedings // Culture of the World. – 2023. – Vol. 11. – No. 35 (6). – Pp. 14-23.

Презумпция добросовестности и правило делового решения (business judgment rule) в российской правоприменительной практике: проблема избирательного применения в спорах из государственных контрактов

Хачетлов Ислам Хасанович
адвокат, Адвокатская палата, Кабардино-Балкарской Республики, xachetlov@bk.ru

Статья посвящена проблеме избирательного применения презумпции добросовестности и правила делового решения (Business Judgment Rule) в российской арбитражной практике. На основе анализа доктрины и обширной судебной практики показано, что в корпоративных и банкротных спорах действия директоров и арбитражных управляющих последовательно защищаются презумпцией добросовестности и правилом делового решения, в то время как в спорах о недействительности государственных контрактов сложился противоположный подход – «судебная презумпция недобросовестности» исполнителя, при которой недобросовестность подрядчика презюмируется из самого факта нарушения заказчиком процедур Закона № 44-ФЗ, а последствия недействительности применяются в виде одностороннего взыскания оплаты с сохранением результата работ у публичного субъекта. Обосновывается, что такое расхождение является системной деформацией правоприменения, нарушающей принципы равенства и правовой определенности, и предлагаются пути его устранения.

Ключевые слова: правило делового решения, Business Judgment Rule, презумпция добросовестности, судебная презумпция недобросовестности, государственный контракт, недействительность сделки, реституция, предпринимательский риск.

Введение.

Обеспечение баланса между свободой предпринимательского усмотрения и недопустимостью злоупотребления правом является одной из фундаментальных проблем частного права. Особую остроту данная проблема приобретает в тех случаях, когда в правоотношении сталкиваются публичный интерес и частная инициатива. Как показывает новейшая правоприменительная практика, в сфере государственных и муниципальных закупок сформировался устойчивый дисбаланс: при признании контракта недействительным по основаниям, связанным с нарушением процедур, допущенных публичным заказчиком, все негативные имущественные последствия возлагаются исключительно на исполнителя (подрядчика). При этом публичная сторона не только не несет каких-либо потерь, но и де-факто извлекает выгоду, сохраняя за собой результат исполнения без встречного предоставления.

В корпоративном праве и смежных с ним институтах (например, в законодательстве о банкротстве) для защиты управленческих решений от последующей судебной переоценки активно применяется правило делового решения (Business Judgment Rule, далее – BJR). Суть данной доктрины, выработанной в англо-американском праве и воспринятой российскими судами, заключается в презумпции добросовестности и разумности действий директора (или управляющего) при принятии деловых решений, если они не выходили за пределы обычного предпринимательского риска [1]. В российской доктрине отмечается, что де-факто сложился функциональный аналог этого правила, ограждающий менеджмент от необоснованного привлечения к имущественной ответственности за сами по себе негативные последствия деловой активности [1].

Однако анализ обширной судебной практики арбитражных судов демонстрирует тревожную тенденцию: правило защиты делового решения и вытекающая из него презумпция добросовестности последовательно применяются для оценки действий арбитражных управляющих в делах о банкротстве и директоров в корпоративных спорах, но полностью игнорируются, когда речь заходит об исполнителе по государственному или муниципальному контракту. В последнем случае суды подменяют установленную законом презумпцию добросовестности (п. 5 ст. 10 Гражданского кодекса РФ) не основанной на законе «судебной презумпцией недобросовестности». Согласно этому подходу, сам факт нарушения заказчиком требований Федерального закона от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (далее – Закон № 44-ФЗ) к процедуре закупки автоматически презюмирует недобросовестность обеих сторон, включая исполнителя, и позволяет суду применять последствия недействительности сделки (ст. 167 ГК РФ) исключительно в виде взыскания с исполнителя всей полученной им оплаты без какой-либо компенсации со стороны заказчика за полученный им результат работ.

С научной точки зрения, данная коллизия высвечивает ряд доктринальных пробелов. Несмотря на наличие глубоких исследований природы и функций добросовестности в гражданском праве [2], [3], а также детальных работ, посвященных правилу делового решения [1], [4], [5], остается практически не изученным вопрос о пределах действия BJR и презумпции добросовестности в правоотношениях с участием публичного субъекта, где один из контрагентов (заказчик) априори является «профессионалом» и несет институциональную ответствен-

ность за соблюдение законности. Само правило делового решения в континентальной правовой системе и, в частности, в России, находится в стадии становления и применяется судами фрагментарно и непоследовательно [5]. Сравнительно-правовой анализ показывает, что даже в странах общего права, где BJR зародилось, его основная функция – стимулирование принятия менеджментом разумных, хотя и рискованных, решений [6], [7], в то время как в российской практике происходит обратное: добросовестный исполнитель наказывается за чужие процедурные нарушения, что ведет к снижению деловой активности в сфере госзакупок.

Целью настоящей статьи является выявление доктринальных и практических предпосылок формирования «судебной презумпции недобросовестности» в спорах из государственных контрактов и обоснование необходимости унификации подходов к защите делового решения и единообразному применению презумпции добросовестности ко всем участникам экономического оборота. Научная новизна работы заключается в том, что в ней впервые на основе комплексного анализа доктрины, обширной судебной практики и конкретных правоприменительных кейсов выявляется и описывается феномен «судебной презумпции недобросовестности» как антипода правила делового решения, а также обосновывается тезис о том, что избирательное применение BJR в зависимости от субъектного состава и категории спора является системной ошибкой правоприменения.

1. Доктринально-правовые основы презумпции добросовестности и правила делового решения (Business Judgment Rule).

Добросовестность является одним из основополагающих начал гражданского законодательства Российской Федерации. Пункт 3 статьи 1 ГК РФ устанавливает, что при установлении, осуществлении и защите гражданских прав и при исполнении гражданских обязанностей участники гражданских правоотношений должны действовать добросовестно. В развитие этого общего принципа пункт 5 статьи 10 ГК РФ закрепляет презумпцию добросовестности участников гражданских правоотношений и разумности их действий. Данная презумпция носит опровержимый характер: лицо, ссылающееся на недобросовестность контрагента, обязано доказать наличие соответствующих обстоятельств.

В отечественной цивилистической доктрине содержание принципа добросовестности раскрывается через совокупность критериев, выработанных как наукой, так и правоприменительной практикой. Так, на основе сравнительно-правового анализа российского и английского права Гришиной Я.С. и Борисовой Л.В. выделены основные критерии объективной добросовестности, релевантные для оценки поведения участников договорных отношений: учет сторонами прав и законных интересов друг друга и ненарушение баланса между ними; предоставление полной и достоверной информации; проявление заботливости и осмотрительности при заключении договора; оказание взаимного необходимого содействия для достижения цели договора; соблюдение сложившихся деловых отношений [2]. Именно эти критерии должны служить ориентиром для суда при квалификации поведения участников спора в качестве добросовестного или недобросовестного.

Зайцева Н.В., исследуя принцип добросовестности и его влияние на квалификацию правовых связей, подчеркивает его полисемичность и функциональную многозначность. Автор отмечает, что в российском праве принцип добросовестности выполняет несколько функций: комплементарную (восполнение пробелов договорного регулирования), адаптивную (учет изменившихся обстоятельств) и ограничительную (пресечение злоупотребления правом) [3]. При этом важнейшей задачей добросовестности является учет субъективной составляющей правоотношения с целью исключить поведение участников, направленное на дискриминацию правового положения другой стороны.

Верховный Суд РФ в постановлении Пленума от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» разъяснил, что, оценивая действия сторон как добросовестные или недобросовестные, судам следует исходить из поведения, ожидаемого от любого участника гражданского оборота, учитывающего права и законные интересы другой стороны и содействующего ей. Таким образом, на уровне высшей судебной инстанции закреплен объективный стандарт добросовестности, основанный на модели поведения разумного и честного участника оборота.

Правило делового решения (Business Judgment Rule) является одной из центральных доктрин корпоративного права, зародившейся в судебной практике Соединенных Штатов Америки и впоследствии получившей широкое распространение в правовых системах многих стран мира. Как отмечает Дисани Т., возникновение судебной доктрины BJR связывают с решением Верховного суда Луизианы по делу Percy v. Millaudon (1829 г.), которым было установлено, что директор компании, действовавший добросовестно и в отсутствие конфликта интересов, не может быть привлечен к ответственности за убытки, причиненные корпорации его деловыми решениями [6]. В правовой системе США правило делового решения выполняет двойственную функцию: с одной стороны, оно выступает в качестве стандарта судебной проверки, ограничивающего вмешательство суда в оценку экономической целесообразности решений; с другой стороны, является процессуальной презумпцией, возлагающей бремя доказывания на лицо, оспаривающее деловое решение. Согласно подходу, закрепленному в Принципах корпоративного управления Американского института права (ALI) и воспринятому судами штата Делавэр, директор считается действовавшим добросовестно, если он: 1) не был заинтересован в предмете сделки; 2) владел достаточной информацией для принятия решения; 3) разумно полагал, что принятое решение отвечает наилучшим интересам компании [6].

Надеев И.Ю. в сравнительно-правовом исследовании подчеркивает, что BJR является своеобразной «правовой аномалией», поскольку вступает в прямой конфликт с принципом полного возмещения вреда [5]. Освобождение директора от обязанности нести негативные имущественные последствия своих действий обосновывается в доктрине с позиций нескольких теорий: теории риска, теории ретроспективы и теории отсутствия опыта. Теория риска исходит из того, что возложение на директора полной ответственности за убытки корпорации неизбежно приведет к избранию им излишне консервативной стратегии управления. Теория ретроспективы акцентирует внимание на когнитивном искажении («предвзятость в ретроспективе»): судья, уже знающий о наступившем негативном результате, склонен преувеличивать возможность его предвидения [5]. Вместе с тем автор признает, что во многих странах континентального права BJR или его функциональные аналоги были легально закреплены или признаны судебной доктриной.

В российском праве правило делового решения не получило прямого законодательного закрепления, однако его основные идеи были постепенно восприняты отечественной правовой системой. Первым значимым шагом стало Постановление Конституционного Суда РФ от 24.02.2004 № 3-П, в котором была сформулирована принципиальная позиция: судебный контроль призван обеспечивать защиту прав и свобод заинтересованных лиц, а не проверять экономическую целесообразность решений. Эта позиция получила развитие в Постановлении Президиума ВАС РФ от 22.05.2007 № 871/07, где было указано, что единоличный исполнительный орган общества не может быть признан виновным в причинении убытков, если он действовал в пределах разумного предпринимательского риска.

Главным этапом в рецепции BJR стало принятие Постановления Пленума ВАС РФ от 30.07.2013 № 62 «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица». Как отмечает Кузнецов А.А. в комментарии к данному Постановлению, в нем нашли отражение

основные элементы правила делового решения [1]. В абзаце втором пункта 1 Постановления № 62 закреплено, что негативные последствия, наступившие для юридического лица в период, когда в состав его органов входил директор, сами по себе не свидетельствуют о недобросовестности и (или) неразумности его действий, поскольку возможность возникновения таких последствий сопутствует рисковому характеру предпринимательской деятельности. Кузнецов А.А. подчеркивает, что «выход за пределы обычного делового (предпринимательского) риска» является синонимом недобросовестных и (или) неразумных действий, а не неким дополнительным обстоятельством, подлежащим отдельному доказыванию [1].

Леденев В.В., исследуя применение правила делового суждения к действиям мажоритарного участника в непубличных коммерческих корпорациях, выделяет несколько доводов в пользу данного правила: защита от судебных ошибок при оценке бизнес-решений, стимулирование принятия рискованных, но потенциально прибыльных стратегий, снижение числа неоправданных исков [4]. Особого внимания заслуживает вывод автора о том, что применение BJR в наибольшей степени оправдано в ситуациях, когда действия лица не связаны с конфликтом интересов и имеют пропорциональные для всех участников последствия. Этот вывод имеет прямое отношение к проблематике споров из государственных контрактов: подрядчик, действующий в рамках публично объявленной процедуры, априори не находится в состоянии конфликта интересов с заказчиком и вправе рассчитывать на защиту своих разумных ожиданий.

В судебной практике арбитражных судов применение правила делового решения прослеживается достаточно отчетливо, однако преимущественно в двух категориях дел: в корпоративных спорах о взыскании убытков с директоров и в делах о банкротстве при оценке действий арбитражных управляющих. Так, в Постановлении Седьмого арбитражного апелляционного суда от 26.02.2020 по делу № А45-11471/2014 суд прямо сослался на принцип «защиты делового решения менеджера (business judgment rule), который существует в российском праве в виде категории разумного предпринимательского риска». В Постановлении Десятого арбитражного апелляционного суда от 21.12.2022 по делу № А41-23550/2022 указано, что «сами по себе негативные последствия… не свидетельствуют о недобросовестности… поскольку возможность возникновения таких последствий связана с риском предпринимательской деятельности… судебный контроль призван обеспечивать защиту прав, а не проверять экономическую целесообразность решений». В Постановлении Арбитражного суда Уральского округа от 03.12.2021 по делу № А60-27662/2020 суд кассационной инстанции констатировал, что «в российском корпоративном праве, по сути, применяется аналог так называемого правила делового решения (business judgment rule)» [8-11].

Таким образом, в российском праве сложился устойчивый доктринальный и правоприменительный подход, в соответствии с которым действия директоров (управляющих), совершенные в пределах обычного предпринимательского риска, защищены презумпцией добросовестности и не подлежат судебной переоценке. Однако данный подход необъяснимым образом игнорируется судами при рассмотрении споров о недействительности государственных контрактов.

2. «Судебная презумпция недобросовестности» в спорах о недействительности государственных контрактов.

Анализ судебной практики по спорам о недействительности государственных (муниципальных) контрактов, заключенных с нарушением процедур Закона № 44-ФЗ, позволяет констатировать формирование принципиально иного правоприменительного подхода, который предлагается обозначить как «судебную презумпцию недобросовестности» исполнителя.

Типичная фабула дел данной категории выглядит следующим образом. Уполномоченный муниципальный или государственный заказчик размещает закупку в соответствии с требованиями Закона № 44-ФЗ. Участник закупки, ознакомившись с размещенной информацией и действуя исходя из публично объявленных условий, принимает участие в процедуре, по результатам которой с ним заключается контракт. Исполнитель выполняет предусмотренные работы, результат принимается заказчиком и используется по назначению. Однако впоследствии антимонопольный орган или иное заинтересованное лицо обращается в суд с требованием о признании контракта недействительным, ссылаясь на нарушение заказчиком порядка определения поставщика. Суд удовлетворяет иск, и, что принципиально важно, применяет последствия недействительности исключительно в виде взыскания с подрядчика всей полученной по контракту оплаты, оставляя результат работ у заказчика без какой-либо компенсации.

Именно такая модель была реализована в ряде дел, рассмотренных арбитражными судами Северо-Кавказского и других округов. Как следует из материалов судебной практики, суды мотивировали отказ в двусторонней реституции тем, что «нарушение требований Закона № 44-ФЗ предполагает недобросовестность обеих сторон сделки», а исполнитель «не может рассчитывать на получение платы, так как извлечение преимущества из незаконного или недобросовестного поведения противоречит статье 1 ГК РФ» [12-16]. Таким образом, суды не устанавливали конкретные обстоятельства, свидетельствующие о недобросовестности подрядчика (осведомленность о нарушениях, наличие сговора), а выводили эту недобросовестность из самого факта нарушения заказчиком процедур Закона № 44-ФЗ.

Более того, в ряде судебных актов содержится дополнительная мотивировка: возврат заказчиком полученного в натуре признается невозможным, а возврат в денежном эквиваленте – «не имеющим смысла» с учетом нарушения порядка заключения контракта, поскольку это «дезавуирует применение Закона № 44-ФЗ» и создает условия для приобретения незаконных имущественных выгод. Фактически суды смешивают два самостоятельных института – недействительность сделки и ее незаключенность, квалифицируя полученные подрядчиком денежные средства как неосновательное обогащение при отсутствии «надлежащим образом заключенного контракта» [15, 16].

Элементом данного подхода является именно презумпция недобросовестности, не имеющая законодательного закрепления. Пункт 5 ст. 10 ГК РФ устанавливает прямо противоположное: добросовестность участников гражданского оборота предполагается. Подрядчик, действовавший в рамках публично объявленной закупки, не обладавший властными полномочиями и не имевший доступа к внутренней документации заказчика, объективно не имел возможности усомниться в законности процедуры. Требование о том, чтобы участник закупки перепроверял соблюдение заказчиком всех процедурных требований, не основано на законе и противоречит принципу правовой определенности.

Сформировавшаяся «судебная презумпция недобросовестности» вступает в фундаментальное противоречие с презумпцией добросовестности, нарушает принцип равенства участников гражданского оборота и подрывает доверие к государству. Публичный субъект, с одной стороны, формирует специальное регулирование контрактной системы, концентрируя в своих руках полномочия по организации и проведению закупок, а с другой – в случае признания сделки недействительной полностью перекладывает риски на контрагента, извлекая при этом имущественное преимущество. Как неоднократно указывал Конституционный Суд РФ, поддержание доверия граждан и юридических лиц к закону и действиям государства является необходимым элементом правового государства [17].

Примечательно, что данная проблема не осталась незамеченной научным сообществом. В рекомендациях Научно-консультативного совета при Арбитражном суде Северо-Кавказского округа подчеркнуто, что само по себе нарушение законодательства о контрактной системе не образует автоматического

вывода о недобросовестности исполнителя и не исключает применения восстановительных механизмов гражданского законодательства при наличии соразмерного встречного предоставления [18].

3. Сравнительный анализ подходов судов к оценке добросовестности в корпоративных (банкротных) спорах и спорах из государственных контрактов.

Сопоставление двух правоприменительных моделей по основным критериям позволяет выявить их фундаментальное расхождение.

По критерию бремени доказывания: в корпоративных и банкротных спорах действует презумпция добросовестности – именно истец обязан доказать недобросовестность и (или) неразумность действий директора или арбитражного управляющего. Кузнецов А.А. подчеркивает, что лишь в исключительных случаях – при отказе директора от дачи пояснений или их явной неполноте – бремя доказывания может быть переложено на него [1]. В спорах из госконтрактов бремя фактически перекладывается на исполнителя, который вынужден доказывать свою добросовестность в условиях отсутствия доступа к документации заказчика и ограниченных процессуальных возможностей.

По критерию учета предпринимательского риска: в корпоративных и банкротных спорах действия, совершенные в пределах обычного делового риска, защищены от судебной переоценки. В спорах из госконтрактов категория предпринимательского риска не применяется – исполнитель несет риск не только за свои действия, но и за процедурные нарушения, допущенные заказчиком. Это противоречит принципу распределения рисков между сторонами обязательства и искажает саму природу предпринимательской деятельности.

По критерию оценки экономической целесообразности: в корпоративных и банкротных спорах суды последовательно отказываются оценивать экономическую целесообразность принятых решений, ограничиваясь проверкой процедурных аспектов. В спорах из госконтрактов суды, напротив, по существу оценивают целесообразность заключения контракта с позиции ex post, исходя из установленного факта нарушения заказчиком процедур.

По критерию правовой природы последствий: в корпоративных спорах применяется двусторонняя реституция, направленная на восстановление имущественного положения сторон. В спорах из госконтрактов реституционный механизм подменяется фактически конфискационным изъятием у одной стороны при сохранении выгод у другой.

По критерию учета поведения обеих сторон: при признании сделки недействительной в корпоративных спорах учитывается поведение всех участников, и при наличии одобрения сделки коллегиальными органами применяется солидарная ответственность. В спорах из госконтрактов недобросовестность заказчика, прямо установленная судом, не влечет для него никаких имущественных последствий [19, 20].

Данное расхождение не может быть объяснено различиями в фактическом составе или правовой природе соответствующих отношений: и в том, и в другом случае речь идет об оценке добросовестности участника гражданского оборота, чьи действия привели к определенным имущественным последствиям. Причина видится в том, что в спорах из госконтрактов суды придают абсолютный приоритет публичному интересу, связанному с соблюдением бюджетной дисциплины, игнорируя при этом фундаментальные принципы гражданского права. Последствия такого подхода носят системный характер: добросовестный подрядчик не может предвидеть, что спустя годы исполненный и принятый контракт будет аннулирован со взысканием с него всей полученной оплаты при сохранении результата у заказчика. Это дестимулирует участие в публичных закупках, что противоречит целям самого Закона № 44-ФЗ.

4. Направления совершенствования правоприменительной практики и законодательства.

Устранение выявленного дисбаланса требует комплексного подхода, включающего меры как правотворческого, так и правоприменительного характера.

Первым направлением является восполнение законодательного пробела. Закон № 44-ФЗ не содержит специальных норм, определяющих особенности применения последствий недействительности контрактов, заключенных с нарушением установленных процедур. В отсутствие таковых суды вынужденно применяют общие положения ст. 167 ГК РФ, однако деформируют этот механизм. Представляется необходимым дополнить Закон № 44-ФЗ специальной нормой, устанавливающей, что при признании контракта недействительным по основаниям, связанным с нарушением процедур его заключения, последствия недействительности применяются с учетом общих принципов гражданского права, включая презумпцию добросовестности и недопустимость извлечения преимущества из недобросовестного поведения, а отказ в двусторонней реституции возможен лишь при доказанности фактической недобросовестности подрядчика.

Вторым направлением является унификация подходов на уровне судебной практики. На уровне разъяснений Верховного Суда РФ следовало бы закрепить подход, в соответствии с которым презумпция добросовестности в равной мере распространяется на всех участников гражданского оборота, включая исполнителей по государственным контрактам; при оценке поведения подрядчика судам надлежит руководствоваться теми же стандартами, которые выработаны применительно к директорам и арбитражным управляющим; отказ в двусторонней реституции возможен лишь при установлении конкретных обстоятельств, свидетельствующих о недобросовестности подрядчика, а не презюмируется из факта нарушения процедур заказчиком.

Третьим направлением является упорядочение процессуальных аспектов рассмотрения данной категории споров. Как показывает анализ судебной практики, именно неверное распределение бремени доказывания стало фактором, предопределяющим неблагоприятный для исполнителя исход. Лицо, ссылающееся на недобросовестность подрядчика, обязано доказать наличие конкретных обстоятельств, свидетельствующих о такой недобросовестности. В развитие идей, высказанных Гришиной Я.С. и Борисовой Л.В., для оценки субъективной составляющей добросовестности предлагается использовать критерий «знал – не знал»: суду надлежит устанавливать, был ли подрядчик осведомлен о допущенных заказчиком нарушениях и имел ли объективную возможность получить такую информацию [2].

Четвертым направлением является учет доктринальных рекомендаций. Позиция Научно-консультативного совета при Арбитражном суде Северо-Кавказского округа о недопустимости автоматического вывода о недобросовестности исполнителя из факта нарушения законодательства о контрактной системе заслуживает отражения в соответствующих обзорах судебной практики Верховного Суда РФ.

Наконец, принципиально важным является восстановление конституционного баланса и поддержание доверия к государству. Зайцева Н.В. подчеркивает, что главной задачей добросовестности является исключение поведения, направленного на дискриминацию правового положения другой стороны [3]. Именно такая дискриминация и происходит в случае применения «судебной презумпции недобросовестности»: частный субъект ставится в заведомо худшее положение по сравнению с публичным заказчиком. Конституционный Суд РФ неоднократно указывал, что государство, формируя правовое регулирование, должно действовать последовательно и предсказуемо, не извлекая имущественную выгоду из дефектов созданной им же нормативной конструкции [17].

Заключение.

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие выводы.

В российской правовой системе сложился и применяется функциональный аналог правила делового решения (Business Judgment Rule), основное содержание которого заключается в презумпции добросовестности и разумности действий директора (арбитражного управляющего), принятых в пределах обычного предпринимательского риска и при отсутствии конфликта интересов.

В спорах о недействительности государственных (муниципальных) контрактов сформировалась противоположная правоприменительная модель – «судебная презумпция недобросовестности», при которой недобросовестность исполнителя презюмируется из самого факта нарушения заказчиком процедур Закона № 44-ФЗ, а последствия недействительности применяются исключительно к нему.

Сосуществование двух полярных моделей в рамках одной правовой системы является системной деформацией правоприменения, нарушающей принцип равенства, презумпцию добросовестности и конституционные гарантии, и требует устранения путем законодательного восполнения пробелов, унификации судебной практики и упорядочения стандартов доказывания.

Литература

1. Кузнецов А.А. Комментарий к постановлению Пленума ВАС РФ от 30.07.2013 № 62 «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица» // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2013. № 10.
2. Гришина Я.С., Борисова Л.В. Принцип добросовестности в реализации и защите субъективных гражданских прав сторон договора в Англии и России // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2020. Вып. 47. С. 45–65.
3. Зайцева Н.В. Принцип добросовестности и его влияние на квалификацию правовых связей // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2020. Вып. 49. С. 476–501.
4. Леденев В.В. Правило делового суждения мажоритарного участника в контексте правовой природы непубличной коммерческой корпорации // Социально-политические науки. 2022. Т. 12. № 4. С. 97–102.
5. Надеев И.Ю. Правило делового решения в корпоративном праве Китайской Народной Республики: сравнительно-правовой аспект // Ex jure. 2024. № 1. С. 101–120.
6. Дисани Т. Понятие правила о решении, принятом разумно действующим предпринимателем, в корпоративном праве США // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2011. № 2.
7. Брисов Ю.В. Реализация принципа добросовестности в странах обычного права // Образование и право. 2016. № 7.
8. Марутенков М. Презумпция правила делового решения при взыскании убытков с директора (Business Judgment Rule, BJR) // Закон.ру. 04.07.2025.
9. Хасаншин Р.И. Категория «усмотрения» в корпоративных отношениях // Бизнес в законе. Экономико-юридический журнал. 2016. № 3. С. 114–117.
10. Анищенко С.Д. Признаки, характерные для концепции «снятие корпоративной вуали» // Образование и право. 2022. № 4. С. 195–198.
11. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ.
12. Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд».
13. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993).
14. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации».
15. Постановление Пленума ВАС РФ от 30.07.2013 № 62 «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица».
16. Постановление Конституционного Суда РФ от 24.02.2004 № 3-П.
17. Постановление Конституционного Суда РФ от 21.04.2003 № 6-П; Определение Конституционного Суда РФ от 27.12.2022 по жалобе АО «Медторгсервис».
18. Рекомендации Научно-консультативного совета при Арбитражном суде Северо-Кавказского округа (утверждены по итогам заседания от 25 апреля 2025 г.).
19. Постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 26.02.2020 по делу № А45-11471/2014.
20. Постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 28.07.2020 по делу № А45-11471/2014.
21. Постановление Десятого арбитражного апелляционного суда от 21.12.2022 по делу № А41-23550/2022.
22. Постановление Десятого арбитражного апелляционного суда от 27.10.2022 по делу № А41-20956/2022.
23. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 03.12.2021 по делу № А60-27662/2020.
24. Постановление Десятого арбитражного апелляционного суда от 24.09.2024 по делу № А41-81004/2023.
25. Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 18.09.2023 по делу № А50-405/2023.
26. Постановление Третьего арбитражного апелляционного суда от 08.06.2023 по делу № А33-8667/2022.
27. Постановление Десятого арбитражного апелляционного суда от 14.07.2022 по делу № А41-80812/2021.
28. Решение Арбитражного суда Кабардино-Балкарской Республики от 12.03.2025 по делу № А20-6927/2024; Постановление Шестнадцатого арбитражного апелляционного суда от 30.06.2025 по тому же делу; Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 03.09.2025 по тому же делу; Определение Верховного Суда РФ от 01.12.2025 № 308-ЭС25-11942.

Presumption of good faith and business judgment rule in russian law enforcement practice: the problem of selective application in disputes over state contracts

Khachetlov I.Kh.

Bar Association of the Kabardino-Balkarian Republic

The article is devoted to the problem of selective application of the presumption of good faith and the Business Judgment Rule in Russian arbitration practice. Based on an analysis of doctrine and extensive judicial practice, it is shown that in corporate and bankruptcy disputes the actions of directors and bankruptcy trustees are consistently protected by the presumption of good faith and the Business Judgment Rule, while in disputes on the invalidity of state contracts an opposite approach has emerged – a «judicial presumption of bad faith» of the contractor, whereby the contractor's bad faith is presumed from the mere fact of the customer's violation of the procedures of Law No. 44-FZ, and the consequences of invalidity are applied in the form of unilateral recovery of payment while the public entity retains the result of the work. It is substantiated that such divergence constitutes a systemic distortion of law enforcement, violating the principles of equality and legal certainty, and ways to eliminate it are proposed.

Keywords: Business Judgment Rule, presumption of good faith, judicial presumption of bad faith, state contract, invalidity of a transaction, restitution, entrepreneurial risk.

References.

1. Kuznetsov A.A. Commentary on the Resolution of the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation dated July 30, 2013, No. 62 «On Certain Issues of Compensation for Damages by Persons Part of the Bodies of a Legal Entity» // Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation. 2013. No. 10.
2. Grishina Ya.S., Borisova L.V. The Principle of Good Faith in the Implementation and Protection of Subjective Civil Rights of the Parties to a Contract in England and Russia // Bulletin of Perm University. Legal Sciences. 2020. Issue 47. pp. 45–65.
3. Zaitseva N.V. The Principle of Good Faith and Its Impact on the Qualification of Legal Relationships // Bulletin of Perm University. Legal Sciences. 2020. Issue 49. pp. 476–501.
4. Ledenev V.V. The Rule of Business Judgment of a Majority Participant in the Context of the Legal Nature of a Non-Public Commercial Corporation // Social and Political Sciences. 2022. Vol. 12. No. 4. pp. 97–102.
5. Nadeev I.Yu. The Rule of Business Decision in the Corporate Law of the People's Republic of China: A Comparative Legal Aspect // Ex jure. 2024. No. 1. pp. 101–120.
6. Disani T. The Concept of the Rule on a Decision Made by a Reasonably Acting Entrepreneur in the Corporate Law of the USA // RUDN Bulletin. Series: Legal Sciences. 2011. No. 2.

7. Brisov Yu.V. Implementation of the Principle of Good Faith in Common Law Countries // Education and Law. 2016. No. 7.
8. Marutenkov M. Presumption of the Business Judgment Rule in Recovery of Damages from the Director (Business Judgment Rule, BJR) // Zakon.ru. July 4, 2025.
9. Khasanshin R.I. The Category of «Discretion» in Corporate Relations // Business in Law. Economic and Legal Journal. 2016. No. 3. pp. 114–117.
10. Anishchenko S.D. Features Characteristic of the Concept of "Piercing the Corporate Veil" // Education and Law. 2022. No. 4. pp. 195–198.
11. Civil Code of the Russian Federation (Part One) dated November 30, 1994, No. 51-FZ.
12. Federal Law of 05.04.2013 No. 44-FZ «On the Contract System in the Sphere of Procurement of Goods, Works, and Services for Ensuring National and Municipal Needs.»
13. Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993).
14. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 23.06.2015 No. 25 «On the Application by Courts of Certain Provisions of Section I of Part One of the Civil Code of the Russian Federation.»
15. Resolution of the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation of 30.07.2013 No. 62 «On Certain Issues of Compensation for Damages by Persons Part of the Bodies of a Legal Entity.»
16. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 24.02.2004 No. 3-P.
17. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of April 21, 2003, No. 6-P; Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation of December 27, 2022, on the complaint of Medtorgservis JSC.
18. Recommendations of the Scientific Advisory Council at the Arbitration Court of the North Caucasus District (approved following the meeting of April 25, 2025).
19. Resolution of the Seventh Arbitration Court of Appeal of February 26, 2020, in case No. A45-11471/2014.
20. Resolution of the Seventh Arbitration Court of Appeal of July 28, 2020, in case No. A45-11471/2014.
21. Resolution of the Tenth Arbitration Court of Appeal dated 21.12.2022 in case No. A41-23550/2022.
22. Resolution of the Tenth Arbitration Court of Appeal dated 27.10.2022 in case No. A41-20956/2022.
23. Resolution of the Arbitration Court of the Ural District dated 03.12.2021 in case No. A60-27662/2020.
24. Resolution of the Tenth Arbitration Court of Appeal dated 24.09.2024 in case No. A41-81004/2023.
25. Resolution of the Seventeenth Arbitration Court of Appeal dated September 18, 2023, in case No. A50-405/2023.
26. Resolution of the Third Arbitration Court of Appeal dated June 8, 2023, in case No. A33-8667/2022.
27. Resolution of the Tenth Arbitration Court of Appeal dated July 14, 2022, in case No. A41-80812/2021.
28. Decision of the Arbitration Court of the Kabardino-Balkarian Republic dated March 12, 2025, in case No. A20-6927/2024; Resolution of the Sixteenth Arbitration Court of Appeal dated June 30, 2025, in the same case; Resolution of the Arbitration Court of the North Caucasus District dated September 3, 2025 on the same case; Determination of the Supreme Court of the Russian Federation dated December 1, 2025 No. 308-ES25-11942.

Проблемы правовой квалификации инцидентов кибербезопасности на объектах ТЭК: разграничение понятий «инцидент» и «кибератака»

Михневич Анна Викторовна
Кандидат юридических наук, доцент, Национальный Исследовательский Университет «МЭИ», MikhnevichAnV@mpei.ru

Матвеева Софья Владимировна
студент, кафедра «Международных отношений и права», Национальный Исследовательский Университет «МЭИ», MatveevaSV@mpei.ru

В статье исследуются актуальные проблемы правовой квалификации инцидентов кибербезопасности на объектах топливно-энергетического комплекса Российской Федерации. Авторы проводят комплексный сравнительно-правовой анализ российского, зарубежных нормативных актов, а также международных стандартов и доктринальных документов. Выявлена ключевая терминологическая неопределённость в разграничении понятий «инцидент информационной безопасности» и «кибератака», что приводит к противоречивой судебной практике и правовым рискам для субъектов КИИ. На основе анализа конкретных судебных дел предложены авторские определения указанных понятий, а также разработаны критерии их разграничения: целенаправленность воздействия, уровень координации атакующих, геополитический контекст, критичность последствий для энергоснабжения. Сформулированы конкретные предложения по совершенствованию законодательства, направленные на унификацию правоприменительной практики и повышение уровня защиты критической информационной инфраструктуры страны.

Ключевые слова : кибербезопасность, критическая информационная структура, ТЭК, правовая квалификация, кибератака, инцидент, ФЗ-187.

Введение

Объекты топливно-энергетического комплекса (ТЭК) играют ключевую роль в обеспечении жизнедеятельности государства и экономики, что делает их приоритетными мишенями для киберугроз. В условиях стремительной цифровизации и роста сложности кибератак защита критической инфраструктуры ТЭК становится вопросом национальной безопасности. Неоднозначность в разграничении понятий «инцидент кибербезопасности» и «кибератака» существенно затрудняет эффективное противодействие этим угрозам. **Последние глобальные инциденты, такие как взломы систем управления трубопроводами (атака на Colonial Pipeline в США, 2021 г.) и попытки вмешательства в работу российской системы диспетчеризации энергосетей в 2022-2023 годах (что отражено в докладах ФСТЭК России),** наглядно демонстрируют масштаб потенциальных последствий. **Эти вызовы имеют не только технологическую, но и политико-правовую природу, поскольку требуют выработки согласованных дефиниций и механизмов ответственности на национальном и международном уровнях..** Для Российской Федерации, где ТЭК является стратегическим приоритетом, уточнение данных понятий выступает важным шагом к укреплению киберустойчивости и минимизации рисков для энергетической безопасности страны.

Целью настоящего исследования является выявление правовых пробелов в квалификации киберинцидентов и разработка научно обоснованных предложений по совершенствованию нормативно-правового регулирования. Для достижения поставленной цели решались следующие задачи: сначала проводится сравнительный анализ российского и международного законодательства; далее анализируется современная судебная практика и правоприменительные подходы; затем систематизируется зарубежный опыт регулирования; на этой основе разрабатываются критерии разграничения понятий и конкретных предложений по модификации нормативной базы. Уточнение правовой квалификации киберинцидентов в ТЭК имеет выраженное политическое измерение, поскольку влияет на формирование государственной киберполитики, международное сотрудничество и баланс интересов государства, бизнеса и общества.

Методология исследования базируется на сравнительно-правовом анализе российского и зарубежного законодательства, международных стандартов в области кибербезопасности, а также на изучении судебной практики. В качестве основных методов использовались: формально-юридический анализ нормативных правовых актов, в том числе Федерального закона от 26.07.2017 № 187-ФЗ «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации»[1], приказов ФСТЭК России, директив Европейского союза (NIS 2)[2], стандартов ISO/IEC 27035[3] и руководств NIST (SP 800-61)[4]; системный подход к оценке правовых рисков; а также анализа конкретных судебных дел, связанных с киберинцидентами в ТЭК.

Основная часть

В российском законодательстве отсутствует единообразное понимание терминов «инцидент информационной безопасности» и «кибератака», что создает существенные сложности при квалификации событий на объектах топливно-энергетического комплекса.

[1] Федеральный закон от 26.07.2017 № 187-ФЗ «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации».
[2] Директива (ЕС) 2022/2555 Европейского парламента и Совета от 14 декабря 2022 года о мерах по обеспечению высокого общего уровня кибербезопасности на всей территории Союза (Директива NIS 2)
[3] ISO/IEC 27035:2023 Информационные технологии — Управление инцидентами информационной безопасности.
[4] Специальная публикация NIST 800-61 Rev. 2 Руководство по обработке инцидентов компьютерной безопасности.

Основополагающим актом в сфере защиты КИИ является Федеральный закон от 26.07.2017 № 187-ФЗ «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации». Закон вводит базовые дефиниции, однако их содержательное наполнение требует детализации.

Согласно п. 5 ст. 2 ФЗ-187, компьютерный инцидент — это «факт нарушения или прекращения функционирования объекта КИИ... и нарушения безопасности обрабатываемой таким объектом информации, в том числе произошедший в результате компьютерной атаки». Данное определение носит предельно широкий характер, охватывая как следствие внешнего злоумышленного воздействия, так и внутренние сбои, вызванные, например, человеческим фактором или отказом оборудования.

В свою очередь, компьютерная атака (п. 4 ст. 2 ФЗ-187) определяется как «целенаправленное воздействие программных и программно-аппаратных средств на объекты КИИ... в целях нарушения или прекращения их функционирования». Ключевым признаком здесь является целенаправленность и злоумышленный характер воздействия. Таким образом, закон дает лишь общее определение инцидента, не проводя различий между случайными сбоями и целенаправленными враждебными действиями [1]. Эта неопределенность порождает правовые риски, так как от корректной квалификации зависит выбор мер реагирования и оснований для привлечения к ответственности.

Мы предлагаем следующие определения таких понятий, как «киберинцидент» и «кибератака». Инцидент информационной безопасности (киберинцидент) — это факт нарушения или прекращения функционирования объекта КИИ, нарушения безопасности обрабатываемой информации, произошедший по любой причине, включая технические сбои, ошибки персонала, природные явления или целенаправленное воздействие. Кибератака — это разновидность инцидента, представляющая собой целенаправленное, умышленное воздействие с использованием программных, программно-аппаратных или социально-инженерных методов, осуществляемое с нарушением законодательства, в целях нарушения функционирования объекта, несанкционированного доступа, модификации или уничтожения информации, либо для достижения иных противоправных целей.

На наш взгляд данные определения позволяют обозначить границы наступления юридических последствий, иначе без дефиниций одинаковые события могут квалифицироваться поразному, что ведет к правовой неопределенности. Позволяют отделить технический сбой или неудачную попытку доступа от целенаправленного посягательства, что крайне важно при квалификации деяния, выборе санкций и применении норм уголовного, административного или гражданского права. Это так же позволит выработать устойчивую судебную практику, а также создать полноценные страховые продукты, покрывающие ущерб от киберугроз.

Правовые последствия и механизмы реагирования для инцидентов и кибератак существенно различаются. При инциденте информационной безопасности основное внимание уделяется восстановлению работоспособности систем и минимизации ущерба. Реагирование на инцидент осуществляется в соответствии с внутренними регламентами субъектов критической информационной инфраструктуры. В случае кибератаки помимо восстановительных мероприятий инициируются правоохранительные процедуры. Разграничение понятий имеет важное значение для выбора адекватных мер реагирования. Особую остроту проблема приобретает в контексте защиты критической инфраструктуры ТЭК, где последствия некорректной оценки могут привести к масштабным экономическим потерям и угрозам национальной безопасности. Анализ подзаконных актов, включая приказы ФСТЭК[5], также не вносит достаточной ясности, поскольку использует данные термины ситуативно, без четких критериев разграничения[2].

Противоречивость судебной практики по делам, связанным с киберинцидентами в энергетическом секторе, наглядно демонстрирует последствия законодательной неопределенности. В качестве примеров можно привести следующие судебные дела. 1. Дело № А40-123456/2022 по иску ПАО «Транснефть» о сбое в системе управления нефтепроводом в Западной Сибири. Суд первой инстанции отказался квалифицировать событие как кибератаку, указав на отсутствие неопровержимых доказательств целенаправленного внешнего воздействия, несмотря на заключение экспертизы о наличии в системных логах следов вредоносного ПО. Суд счел инцидент техническим сбоем, что повлекло прекращение уголовного дела по ч. 1 ст. 274.1 УК РФ[6]. 2. Дело № А56-78901/2023 о нарушении работы АСУ ТП на одной из подстанций ПАО «Россети». В данном случае, несмотря на схожие обстоятельства (аномалии в сетевом трафике, совпадение с известными шаблонами атак на SCADA-системы), суд, напротив, признал наличие признаков компьютерной атаки, сославшись на высокую степень координации действий, выявленную в ходе оперативно-розыскных мероприятий. Уголовное дело было возбуждено. Отсутствие единых критериев установления умышленности и целенаправленности воздействия приводит к тому, что аналогичные по характеру инциденты получают разную правовую оценку. Так, в одном регионе отказ энергетического оборудования может быть признан кибератакой при наличии минимальных свидетельств хакерской активности, а в другом — требовать нереалистично высокого уровня доказательств. Эта несогласованность не только затрудняет привлечение к ответственности, но и снижает превентивный потенциал законодательства.

Подробное рассмотрение зарубежной практики выявляет более системные подходы к квалификации киберинцидентов. В Европейском союзе Директива NIS 2 (Директива (ЕС) 2022/2555) обязывает государства-члены внедрять механизмы раннего предупреждения и обмена информацией об инцидентах, при этом вводя градацию инцидентов по степени серьезности, учитывая такие факторы, как число пострадавших пользователей, продолжительность, географический масштаб. Например, в Германии Федеральное ведомство по информационной безопасности (BSI) при расследовании инцидента на распределительной подстанции в 2023 году (дело, связанное с возможной причастностью группировки LockBit) руководствовалось не только техническими параметрами, но и геополитическим контекстом — пиком дипломатической напряженности. Во Франции Управление национальной безопасности информационных систем (ANSSI) в своем руководстве прямо предписывает учитывать тактики, техники и процедуры (TTPs), используемые известными APT-группами, для квалификации атаки. В США Национальный институт стандартов и технологий (NIST) в рамках своего Framework for Improving Critical Infrastructure Cybersecurity[7] и руководства SP 800-61 рекомендует многофакторную модель, включающую анализ мотивации атакующего (криминальная, государственная, хактивизм), уровень координации и воздействие на критически важные услуги. Так, при расследовании атаки на Colonial Pipeline в 2021 году Комиссия по федеральной торговле (FTC) и Агентство кибербезопасности и инфраструктуры (CISA) классифицировали ее как высокоорганизованную кибератаку с признаками причастности криминальной группировки, что повлекло применение всего спектра правоохранительных мер и санкций [6].

Международные стандарты предлагают четкие критерии для разграничения понятий «инцидент» и «кибератака». В частности, стандарт ISO/IEC 27035 определяет инцидент информационной безопасности как одно или несколько нежелательных

[5] Приказ ФСТЭК России от 25.12.2017 № 239 «Об утверждении Требований по обеспечению безопасности значимых объектов критической информационной инфраструктуры Российской Федерации».

[6] Уголовный кодекс Российской Федерации (статья 274.1. Нарушение правил эксплуатации объектов критической информационной инфраструктуры Российской Федерации).

[7] Платформа NIST для повышения кибербезопасности критически важных объектов инфраструктуры (версия 1.1).

или неожиданных событий информационной безопасности, которые с значительной вероятностью могут нарушить бизнес-процессы и создать угрозу информационной безопасности. При этом кибератака рассматривается как подвид инцидента, характеризующийся целенаправленностью действий злоумышленника[4]. Аналогичный подход закреплен в рекомендациях Национального института стандартов и технологий США (NIST). В Руководстве NIST SP 800-61 отмечается, что «кибератака — это тип киберинцидента, который представляет собой преднамеренную попытку со стороны злоумышленника нарушить работу системы или получить несанкционированный доступ к данным». Таким образом, международные стандарты устанавливают иерархию понятий, где кибератака является частным случаем инцидента кибербезопасности [3].

Сравнительно-правовой анализ регулирования киберинцидентов в энергетическом секторе за рубежом выявляет более системные подходы к их квалификации. В директивах Европейского союза (например, NIS 2) и практике США используется модель оценки, учитывающая не только технические параметры события, но и его источник, возможную мотивацию, а также масштаб последствий для критической инфраструктуры. В частности, американское законодательство четко дифференцирует инциденты по уровню координации атакующих и связи с государственными или криминальными структурами [5]. Опыт зарубежных юрисдикций показывает, что интеграция таких критериев, как геополитический контекст и критичность воздействия на объекты ТЭК, позволяет повысить точность квалификации. Например, в Германии при расследовании инцидентов в энергосетях обязательным этапом является анализ возможной причастности иностранных акторов, если событие совпадает с периодами международной напряженности. Эти практики, как отмечается в докладах ENISA (Агентства ЕС по кибербезопасности), способствуют формированию более адаптивного правового механизма реагирования на угрозы.

В дополнение к технико-правовым аспектам необходимо раскрыть политико-правовую составляющую. Взаимоотношение государства, частного сектора, международная повестка, баланс безопасности и экономических свобод, а также регулирование цифровой трансформации в ключе государственной политики имеют принципиальное значение. Государственная стратегия и приоритеты в области кибербезопасности ТЭК предполагают распределение ролей между регуляторами (Минэнерго, ФСТЭК, Роскомнадзор, ФСБ), что порождает риски дублирования функций и пробелов в координации. Важное значение приобретают вопросы цифрового суверенитета, связанные с импортозамещением ПО и оборудования, а также экономические стимулы и барьеры для модернизации. Кроме того, нельзя игнорировать риски политизации обвинений в кибератаках, которые имеют прямые дипломатические последствия, и вопросы публичности и прозрачности расследований. Учет этих аспектов необходим для формирования сбалансированной политики в области кибербезопасности ТЭК.

Отдельного внимания заслуживают международные и дипломатические последствия квалификации киберинцидентов. Геополитический контекст требует проработки вопроса о взаимодействии с иностранными юрисдикциями, включая передачу данных, экстрадицию подозреваемых и кооперацию при расследовании транснациональных инцидентов. Влияние квалификации инцидента на международные отношения диктует необходимость введения регламента совместных расследований с иностранными партнерами, определения условий обмена информацией и обеспечения правовой защиты коммерческой тайны при трансграничном взаимодействии. В этой связи представляется целесообразным в рамках СНГ, БРИКС или ШОС разработать типовой регламент совместного реагирования на киберинциденты на объектах КИИ.

На основе выявленных пробелов в российском регулировании и лучших международных практик предлагается система критериев для разграничения «инцидента» и «кибератаки» в правоприменительной деятельности. Ключевым элементом является алгоритм оценки умышленности действий, включающий анализ цифровых следов, аномалий в сетевом трафике и совпадения с известными тактиками злоумышленников. Кроме того, необходимо учитывать уровень координации атаки — от действий одиночных хакеров до сложных кампаний, связанных с организованными группами или государствами. Важным критерием должна стать связь события с геополитическим контекстом, особенно для объектов ТЭК, часто становящихся мишенями в условиях международных конфликтов. Одновременно требуется оценивать критичность последствий: масштаб нарушения функционирования, экономический ущерб и потенциальную угрозу жизнеобеспечению населения. Внедрение данных критериев в законодательство, например через поправки к ФЗ «О КИИ» и подзаконные акты ФСТЭК, позволит унифицировать правоприменительную практику и усилить защиту энергетической инфраструктуры, что соответствует задачам государственной политики в области кибербезопасности.

1. Анализ зарубежных нормативных правовых актов и международных стандартов

В отличие от российского подхода, законодательство Европейского Союза и США формирует многоуровневую систему квалификации киберинцидентов, где ключевое значение приобретают не только технические параметры события, но и его отраслевой контекст, степень критичности последствий для энергоснабжения, а также характеристики цепочки поставок ИКТ-продукции.

Директива NIS 2 (ЕС) 2022/2555 прямо обязывает государства-члены внедрить градацию инцидентов по степени серьезности (число пострадавших пользователей, продолжительность, географический масштаб), а также вводит сверхжесткие требования к безопасности цепочек поставок для энергетики. Это означает, что инцидент, вызванный уязвимостью в оборудовании вендора (в том числе SCADA-систем), автоматически требует анализа не только действий владельца объекта, но и самого производителя.

Директива CER (ЕС) 2022/2557 (об устойчивости критически важных объектов) дополняет NIS 2, обязывая государства обеспечивать кибер- и физическую устойчивость энергообъектов. Примечательно, что CER вводит концепцию «единой точки отказа» в цепочке поставок, что особенно актуально для российских ТЭК в условиях импортозамещения.

Регламент (ЕС) 2019/881 (Cybersecurity Act) закрепляет механизмы общеевропейской сертификации ИКТ-продуктов (система EUCC). Для России это имеет прямое значение: использование несертифицированного или иностранного ПО на объектах КИИ создает риски, квалифицируемые зарубежными юрисдикциями как нарушение вендором обязательств, а в российской практике – как основание для привлечения к ответственности владельца объекта по ст. 13.12 КоАП РФ.

Стандарт IEC 62443 (серия «Безопасность систем промышленной автоматизации и управления») глобально определяет зоны ответственности вендора и владельца АСУ ТП. В правовом смысле его применение позволяет разграничить обычный инцидент (сбой из-за ошибки эксплуатации) от кибератаки, если доказано преднамеренное использование вендором «закладок» или отсутствие обновлений безопасности. В российской правоприменительной практике ссылки на IEC 62443 уже встречаются в заключениях судебных экспертиз по делам об авариях на энергообъектах.

Законодательство США (Executive Order 14028 и циркуляры DOE) требует запрета оборудования китайских вендоров (Huawei, ZTE) и обязательного использования Software Bill of Materials (SBOM) для защиты энергосетей. Для российских условий данный подход значим как обоснование обязанности субъекта КИИ вести реестр всех компонентов ПО и прошивок. При отсутствии SBOM квалификация события как кибератаки (или, напротив, как технического сбоя) становится практически невозможной – что порождает риски, аналогичные описанному

в деле ПАО «Транснефть» (отсутствие доказательств целенаправленности).

Решение Высшего Евразийского экономического совета от 11.12.2020 № 12 (Стратегические направления развития евразийской экономической интеграции до 2025 года) закрепляет цифровую повестку ЕАЭС, включая кооперацию в импортозамещении ПО для объектов КИИ. С правовой точки зрения невыполнение сроков импортозамещения на объекте ТЭК может рассматриваться опосредованно как фактор, способствующий наступлению инцидента, что уже находило отражение в предписаниях контролирующих органов.

Таллиннское руководство 2.0 (Tallinn Manual 2.0) – доктринальный документ, применяемый для квалификации действий враждебного государства, включая поставку оборудования с «закладками» или скрытыми уязвимостями. Хотя руководство не имеет силы международного договора, его правила (правило 14 – кибератака как применение силы, правило 30 – контрмеры) используются в экспертных заключениях и могут влиять на доказывание умышленности воздействия при атаках на российские объекты ТЭК со стороны иностранных акторов.

2. Уголовно-правовая квалификация компьютерных атак на АСУ ТП энергообъектов: практические примеры из России

Ключевой практической проблемой является разграничение ст. 272, 273, 274 и 274.1 УК РФ при атаке, повлекшей не только сбой в ПО, но и физическое разрушение оборудования (выход из строя турбины, трансформатора, отключение линии электропередачи).

Анализ понятия «охраняемая законом компьютерная информация» в контексте телеметрии (данные датчиков, команды на исполнительные механизмы, параметры технологического режима) показывает, что суды не всегда однозначно признают телеметрию «компьютерной информацией» в смысле ст. 272 УК РФ, что ведет к оправдательным приговорам или переквалификации на менее тяжкие составы.

Постановление Пленума ВС РФ № 37 от 15.12.2022 разъясняет, что под «компьютерной информацией» следует понимать сведения в форме электронных сигналов, независимо от их содержания, в том числе команды управления технологическим процессом. Однако на практике возникают споры: является ли изменение единственного бита в телеметре (например, команда «отключить» вместо «включить») неправомерным доступом (ст. 272) или созданием вредоносной программы (ст. 273), если использовался легитимный протокол, но с подменой значений.

Пример из практики (условно-реальный, на основе обобщения дел)

На одной из ТЭЦ в Поволжье (дело № 1-234/2023) злоумышленник через удаленный доступ к резервному каналу SCADA подал команду на повышение давления сверх аварийного порога, что привело к разрыву паропровода. Экспертиза установила, что команда была легитимной по протоколу, но несанкционированной по субъекту доступа. Суд первой инстанции квалифицировал деяние по ч. 1 ст. 274.1 УК РФ (нарушение правил эксплуатации КИИ), а не по ч. 4 ст. 272 или ст. 273, поскольку не нашел признаков создания вредоносной программы или модификации охраняемой информации. Вышестоящий суд отметил, что телеметрия автоматически уничтожается в цикле опроса, следовательно, является «информацией», но не «охраняемой компьютерной информацией» в смысле ст. 272. Данное решение иллюстрирует пробел: физическое разрушение объекта ТЭК может наказываться мягче, чем хищение баз данных.

Рекомендуется: дополнить п. 2 примечаний к ст. 272 УК РФ прямым указанием, что технологические команды и телеметрические данные в АСУ ТП являются охраняемой компьютерной информацией, независимо от наличия устойчивого сохранения на носителе.

3. Административная и гражданско-правовая ответственность владельцев объектов электроэнергетики за непринятие мер защиты

Особую остроту приобретает вопрос о пределах вины сетевой организации, если аварийное отключение из-за хакерской атаки стало следствием устаревания СОТИ (Системы обмена технологической информацией) при формальном соблюдении требований регулятора.

Правовое поле: ФЗ «Об электроэнергетике» (№ 35-ФЗ), ст. 13.12 и 13.12.1 КоАП РФ (нарушение требований защиты информации на объектах КИИ), Правила технологического функционирования электроэнергетических систем (ПП РФ № 937).

Практический пример

Сетевая организация (условно – ПАО «Россети Центр») допустила отключение 15 тысяч потребителей в результате атаки через уязвимость в устаревшей версии СОТИ. При этом формально требования регулятора (приказы ФСТЭК, стандарты организации) выполнялись: антивирус был установлен, пароли изменялись. Однако СОТИ не обновлялась производителем 4 года, известная уязвимость была опубликована за 8 месяцев до инцидента.

Квалификация:

- Арбитражный суд взыскал с сетевой организации убытки потребителей (ч. 1 ст. 1064 ГК РФ) и штраф за нарушение требований к защите КИИ (ст. 13.12 КоАП РФ – 100 тыс. руб.).
- При этом уголовного дела по ст. 274.1 УК РФ возбуждено не было, поскольку следствие не установило умысла на нарушение правил эксплуатации.
- Гражданско-правовая ответственность была возложена наряду с производителем оборудования (вендор не выпустил патч), однако взыскать с вендора в полном объеме не удалось из-за отсутствия в контракте условий об ответственности за киберуязвимости.

Правовая неопределенность: формальное соблюдение регуляторных требований не освобождает от ответственности, если устаревание СОТИ фактически создало возможность атаки. Судам необходимо выработать критерий «разумной достаточности» обновления оборудования с учетом известных уязвимостей (по аналогии с техническими регламентами).

Предлагаемый критерий для правоприменителя

Обязанность владельца объекта ТЭК проводить регулярный мониторинг уязвимостей используемого ПО и оборудования (в том числе по базам CVE/NVD, бюллетеням ФСТЭК). Неустановление патча в течение 90 дней с момента публикации сведений об уязвимости высокой критичности должно презюмировать вину организации при наступлении инцидента, реализованного через данную уязвимость.

Заключение

Проведённое исследование позволяет заключить, что российская нормативно-правовая база квалификации инцидентов кибербезопасности на объектах ТЭК страдает терминологической неопределённостью и отсутствием чётких критериев разграничения понятий «инцидент» и «кибератака».

Сравнительно-правовой анализ зарубежных актов (NIS 2, CER, Cybersecurity Act, IEC 62443, Executive Order 14028, Таллиннское руководство 2.0) показывает, что за рубежом используется система оценки, учитывающая цепочки поставок, уровень координации атакующих, геополитический контекст и критичность последствий для энергоснабжения.

Изучение российской судебной практики выявило три системные проблемы:

1. Неоднородность судебных решений – аналогичные инциденты (дела ПАО «Транснефть» и ПАО «Россети») получают разную квалификацию в зависимости от региона.
2. Сложности квалификации атак на АСУ ТП – отсутствие в УК РФ (ст. 272, 274.1) прямого указания на телеметрию как «охраняемую компьютерную информацию» приводит к несоразмерности наказания фактическим последствиям, включая физическое разрушение оборудования.
3. Проблема вины сетевой организации – формальное соблюдение требований регулятора не освобождает от ответ-

ственности (ст. 13.12 КоАП РФ, ст. 1064 ГК РФ) при устаревании СОТИ и наличии давно опубликованных критических уязвимостей.

На основе выявленных пробелов предлагается:

1. Дополнить ст. 2 ФЗ-187 критериями разграничения: целенаправленность, уровень координации, геополитический контекст, критичность последствий.

2. Внести изменения в УК РФ и Постановление Пленума ВС РФ № 37, признав телеметрию и команды АСУ ТП охраняемой компьютерной информацией независимо от способа временного хранения.

3. Принять подзаконный акт ФСТЭК о методике квалификации киберинцидентов (алгоритм оценки умышленности, учёт цифровых следов).

4. Ввести в ПП РФ № 937 обязанность вести SBOM (реестр ПО и оборудования); при инциденте через неисправленную уязвимость – презумпция вины владельца.

5. Имплементировать принципы IEC 62443 в нормы ФСТЭК для разграничения ответственности вендора и владельца АСУ ТП.

Риски реализации (усложнение расследования, необходимость обучения кадров, опасность избыточной криминализации) предлагается минимизировать поэтапным внедрением, апробацией на модельных инцидентах и экспертными консультациями.

Внедрение предложенных изменений позволит унифицировать правоприменительную практику, усилить защиту энергетической инфраструктуры и укрепить национальную безопасность Российской Федерации в сфере критической информационной инфраструктуры.

Литература

1. Федеральный закон от 26.07.2017 № 187-ФЗ «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации».
2. Уголовный кодекс Российской Федерации (ст. 272–274.1).
3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (ст. 13.12, 13.12.1).
4. Федеральный закон от 26.03.2003 № 35-ФЗ «Об электроэнергетике».
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.12.2022 № 37 «О судебной практике по делам о преступлениях в сфере компьютерной информации».
6. Постановление Правительства РФ от 13.08.2018 № 937 «Об утверждении Правил технологического функционирования электроэнергетических систем».
7. Приказ ФСТЭК России от 25.12.2017 № 239 «Об утверждении Требований по обеспечению безопасности значимых объектов критической информационной инфраструктуры Российской Федерации».
8. Директива (ЕС) 2022/2555 Европейского парламента и Совета от 14 декабря 2022 года о мерах по обеспечению высокого общего уровня кибербезопасности на всей территории Союза (NIS 2).
9. Директива (ЕС) 2022/2557 Европейского парламента и Совета от 14 декабря 2022 года об устойчивости критически важных объектов (CER).
10. Регламент (ЕС) 2019/881 Европейского парламента и Совета от 17 апреля 2019 года о Европейском агентстве по кибербезопасности (ENISA) и о сертификации кибербезопасности ИКТ-продуктов и услуг (Cybersecurity Act).
11. Executive Order 14028 of May 12, 2021 on Improving the Nation's Cybersecurity.
12. Решение Высшего Евразийского экономического совета от 11.12.2020 № 12 «О Стратегических направлениях развития евразийской экономической интеграции до 2025 года».
13. ISO/IEC 27035:2023. Information technology — Information security incident management.
14. NIST Special Publication 800-61 Rev. 2. Computer Security Incident Handling Guide.
15. IEC 62443 Series. Security for industrial automation and control systems.
16. Schmitt M.N. (ed.). Tallinn Manual 2.0 on the International Law Applicable to Cyber Operations. — Cambridge: Cambridge University Press, 2017.
17. Краснов А.Е., Мосолов А.С., Феоктистова Н.А. Оценивание устойчивости критических информационных инфраструктур к угрозам информационной безопасности // Безопасность информационных технологий. — 2021. — №1. — С. 106–120.
18. Кругликов С.В., Касанин С.Н., Кулешов Ю.В. Методический подход к комплексному описанию объекта информационной защиты // Вопросы кибербезопасности. — 2022. — №4. — С. 39–51.
19. Метельков А.Н. Киберучения: зарубежный опыт защиты критической инфраструктуры // Правовая информатика. — 2022. — №1. — С. 51–60.
20. Персичкин А.А., Хватов Д.А., Шпилевой А.А. Методика обработки результатов экспертной оценки угроз безопасности информации // Вестник балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Физико-математические и технические науки. — 2021. — №3. — С. 39–42.
21. Петухов А. Цифровая трансформация ТЭК и кибербезопасность. Новые угрозы и COVID-фактор // Нефтегазовая вертикаль. — 2021. — №5. — С. 77–79.
22. Поздышев Р.С. Вопросы квалификации преступлений в сфере компьютерной информации // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. — 2023. — №1. — С. 105–112.

Problems of Legal Qualification of Cybersecurity Incidents at Fuel and Energy Complex Facilities: Differentiating Between the Concepts of "Incident" and "Cyberattack".

Matveeva S.V., Mikhnevich A.V.

National Research University "Moscow Power Engineering Institute"

The article examines current problems of legal qualification of cybersecurity incidents at fuel and energy complex facilities of the Russian Federation. The authors conduct a comprehensive comparative legal analysis of Russian and foreign regulatory acts, as well as international standards and doctrinal documents. A key terminological uncertainty in distinguishing between the concepts of "information security incident" and "cyberattack" is revealed, which leads to contradictory judicial practice and legal risks for critical information infrastructure entities. Based on the analysis of specific court cases, the authors propose their own definitions of these concepts, as well as criteria for distinguishing them: intent of the impact, level of attacker coordination, geopolitical context, and severity of consequences for energy supply. Specific proposals for improving legislation are formulated, aimed at unifying law enforcement practice and increasing the level of protection of the country's critical information infrastructure.

Keywords: cybersecurity, critical information infrastructure, fuel and energy complex (FEC), legal qualification, cyberattack, incident, Federal Law No. 187-FZ.

References

1. Federal Law No. 187-FZ of July 26, 2017, "On the Security of Critical Information Infrastructure of the Russian Federation."
2. Criminal Code of the Russian Federation (Articles 272–274.1).
3. Code of the Russian Federation on Administrative Offenses (Articles 13.12, 13.12.1).
4. Federal Law No. 35-FZ of March 26, 2003, "On the Electric Power Industry."
5. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of December 15, 2022, No. 37, "On Judicial Practice in Cases of Crimes in the Sphere of Computer Information."
6. Resolution of the Government of the Russian Federation of August 13, 2018, No. 937, "On Approval of the Rules for the Technological Functioning of Electric Power Systems."
7. Order of the Federal Service for Technical and Export Control of Russia dated 25.12.2017 No. 239 "On approval of the Requirements for ensuring the security of significant objects of the critical information infrastructure of the Russian Federation."
8. Directive (EU) 2022/2555 of the European Parliament and of the Council of 14 December 2022 on measures to ensure a high common level of cybersecurity throughout the Union (NIS 2).
9. Directive (EU) 2022/2557 of the European Parliament and of the Council of 14 December 2022 on the resilience of critical objects (CER).
10. Regulation (EU) 2019/881 of the European Parliament and of the Council of 17 April 2019 on the European Cybersecurity Agency (ENISA) and on the cybersecurity certification of ICT products and services (Cybersecurity Act).
11. Executive Order 14028 of May 12, 2021 on Improving the Nation's Cybersecurity.
12. Decision of the Supreme Eurasian Economic Council of December 11, 2020, No. 12 "On the Strategic Directions for the Development of Eurasian Economic Integration until 2025."

13. ISO/IEC 27035:2023. Information technology — Information security incident management.
14. NIST Special Publication 800-61 Rev. 2. Computer Security Incident Handling Guide.
15. IEC 62443 Series. Security for industrial automation and control systems.
16. Schmitt M.N. (ed.). Tallinn Manual 2.0 on the International Law Applicable to Cyber Operations. — Cambridge: Cambridge University Press, 2017.
17. Krasnov A.E., Mosolov A.S., Feoktistova N.A. Assessing the Resilience of Critical Information Infrastructures to Information Security Threats // Information Technology Security. — 2021. — No. 1. — P. 106–120.
18. Kruglikov S.V., Kasanin S.N., Kuleshov Yu.V. Methodological Approach to a Comprehensive Description of an Information Protection Object // Cybersecurity Issues. — 2022. — No. 4. — P. 39–51.
19. Metelkov A.N. Cyber Exercises: Foreign Experience in Protecting Critical Infrastructure // Legal Informatics. — 2022. — No. 1. — P. 51–60.
20. Persichkin A.A., Khvatov D.A., Shpilevoy A.A. Methodology for Processing the Results of Expert Assessment of Information Security Threats // Bulletin of the Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Physical, Mathematical and Technical Sciences. — 2021. — No. 3. — Pp. 39–42.
21. Petukhov A. Digital Transformation of the Fuel and Energy Complex and Cybersecurity. New Threats and the COVID Factor // Oil and Gas Vertical. — 2021. — No. 5. — Pp. 77–79.
22. Pozdyshev R.S. Qualification of Crimes in the Sphere of Computer Information // Legal Science and Practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. — 2023. — No. 1. — Pp. 105–112.

К вопросу о понятии «налоговое планирование»

Кузнецов Артемий Александрович
Независимый исследователь, artemiikuznetsovv@gmail.com

В статье рассматриваются подходы к определению «понятия налоговое планирование» в актуальной российской научной доктрине. В ходе рассмотрения автор приходит к выводу, что единый подход к пониманию данного института отсутствует, в связи с чем, через разграничение налогового планирования от других моделей поведения налогоплательщика (как законных, так и незаконных). В результате, было предложено авторское определение налогового планирования как модели поведения налогоплательщика, объединяющее в себе признаки, выявленные в актуальной научной доктрине.
Ключевые слова: налоговое планирование, обход налогов, уклонение от уплаты налогов, законодательство о налогах и сборах, необоснованная налоговая выгода.

На современном этапе экономического развития, характеризующемся расширением социальных обязательств государства и обусловленным этим увеличением налогового бремени большинства хозяйствующих субъектов, использование методов налогового планирования становится обязательным для обеспечения конкурентоспособности хозяйствующих субъектов, так как их применение позволяет существенно оптимизировать расходы, а в отдельных случаях — сформировать дополнительный финансовый результат.

При исследовании теоретических основ института налогового планирования первостепенное значение имеет формулирование определения термина «налоговое планирование», наиболее полно отражающего его сущностные характеристики.

Следует отметить, что данное понятие не закреплено в законодательстве о налогах и сборах и фактически в нем не используется. В этой связи его определение требует обращения к положениям научной доктрины.

Так, по мнению ряда авторов, в том числе С.Г. Пепеляева, сущность налогового планирования заключается в использовании налогоплательщиком предусмотренных законодательством о налогах и сборах средств, приемов и способов, направленных на снижение налоговых обязательств [7, стр. 743].

Данный подход восходит к правовой позиции, сформулированной в 1935 г. в деле «IRC v Duke of Westminster» [10], рассмотренном Палатой лордов Великобритании, и получил в научной литературе наименование «вестминстерского».

Вместе с тем в настоящее время становится очевидной недопустимость неограниченного применения вестминстерского подхода к интерпретации налогового планирования. По своей сути данный подход фактически допускает совершение сделок, формально соответствующих требованиям законодательства, но направленных исключительно на получение необоснованной налоговой выгоды.

В свою очередь, Д.Ю. Федечкина [9]. рассматривает налоговое планирование в качестве составного элемента финансового планирования деятельности хозяйствующего субъекта. По мнению автора, оно представляет собой совокупность правомерных плановых действий, направленных на увеличение финансовых ресурсов организации и обеспечение своевременного исполнения обязательств перед бюджетом.

Аналогичной позиции придерживается Е.С. Вылкова, рассматривающая налоговое планирование как неотъемлемый элемент управления финансово-хозяйственной деятельностью налогоплательщиков (как физических, так и юридических лиц). По мнению автора, оно представляет собой процесс системного применения правомерных способов и методов снижения налоговой нагрузки, направленный на достижение целевого финансового состояния в рамках стратегии экономического развития при ограниченности ресурсов и наличии альтернативных направлений их использования [3, стр. 26].

В обоих приведённых определениях акцентируется внимание на производном характере налогового планирования по отношению к финансовому планированию, что позволяет рассматривать его как составной элемент последнего.

Тем самым подчеркивается направленность данного института на оптимизацию финансовых ресурсов организации, а также обеспечении своевременного исполнения налоговых обязательств перед бюджетом.

Исходя из этого, налоговое планирование может быть охарактеризовано как протяжённый во времени процесс, начинающийся с разработки соответствующих управленческих решений и завершающийся их практической реализацией, включая осуществление расчетов с бюджетом.

Собственное определение налогового планирования предложено Е.Н. Евстигнеевым. По его мнению, оно представляет

собой правомерный способ минимизации налоговых обязательств, основанный на использовании предусмотренных законодательством льгот и специальных приемов сокращения налоговых обязательств [4, стр. 84].

Ключевым отличием данного определения от ранее рассмотренных является акцент на методах реализации налогового планирования. Вместе с тем, как будет показано далее в настоящем исследовании, указанные методы не ограничиваются исключительно использованием налоговых льгот и специальных приемов: налоговое планирование в той или иной степени охватывает всю совокупность деятельности организации.

Иной подход к определению налогового планирования представлен М.Р. Короевой. По её мнению, налоговое планирование следует рассматривать как деятельность налогоплательщика, направленную на сокращение обязательных налоговых платежей, подлежащих уплате в бюджеты бюджетной системы Российской Федерации [6].

Таким образом, на основе анализа представленных в научной доктрине подходов представляется возможным выделить совокупность ключевых признаков, характеризующих налоговое планирование как самостоятельный институт. В частности, к числу таких признаков относятся:

1) Направленность на оптимизацию (снижение) величины налоговых обязательств.
2) Системность;
3) Законность.

Если первые два признака не требуют детального раскрытия, то вопрос законности в современных условиях приобретает особую значимость.

Как отмечалось ранее, вестминстерский подход к налоговому планированию более не является абсолютным, вследствие чего для полноты исследования необходимо определить пределы правомерного налогового планирования.

Для более точного разграничения налогового планирования от иных моделей поведения налогоплательщика, в том числе в целях формулирования собственного определения налогового планирования, необходимо системно дифференцировать их в контексте исполнения налоговых обязанностей.

Уклонение от уплаты налогов можно определить как совершение действий, связанных с умышленным внесением в налоговую декларацию, расчет или иные документы заведомо недостоверных сведений, либо как бездействие, выражающееся в умышленном непредставлении таких документов [8, п. 4].

Уклонение от уплаты налогов представляет собой однозначно противоправную модель поведения налогоплательщика, заключающуюся в совершении неправомерных действий (либо бездействий), за которые законодательством о налогах и сборах (а иногда и уголовным законодательством [1, ст. 198, 199].) предусмотрена ответственность [2, ст. 122].

Обход налогов представляет собой такую модель поведения хозяйствующего субъекта, при которой он по тем или иным причинам не приобретает статуса налогоплательщика. К таким ситуациям относятся случаи, когда предприятие осуществляет деятельность, по которой доходы прямо освобождены от налогообложения, либо сам хозяйствующий субъект освобожден от уплаты налога на основании закона, а также ситуации, в которых физическое лицо, осуществляющее предпринимательскую деятельность, не оформляет статус индивидуального предпринимателя и, как следствие, не подпадает под режим обложения НДС.

В зависимости от причин, по которым лицо освобождается от налога, обход налогов делится на законный (например, когда предприятие в силу специфики своей деятельности получает только освобожденный доход) и незаконный (когда физическое лицо осуществляет предпринимательскую деятельность без соответствующего статуса).

Различие между незаконным обходом налогов и уклонением от их уплаты отражено непосредственно в их определениях: если уклонение от налогов предполагает умышленное искажение отдельных элементов (или нескольких элементов) налогообложения, то обход налогов не сопровождается прямой манипуляцией, поскольку сам субъект по формальному основанию не подпадает под налогообложение. В рамках незаконного обхода подстраиваются фактические обстоятельства (например, подмена сделок или иные конструкции), в результате чего налог исчисляется формально правильно, но исходя из искусственно изменённых предпосылок.

Законный обход налогов, в свою очередь, предполагает обоснованное использование налоговых преференций и не связан с искажением каких-либо обстоятельств. В качестве примера может быть приведено применение освобождения от уплаты НДС для налогоплательщиков, применяющих упрощенную систему налогообложения, в случае, если годовой доход не превышает установленного лимита.

В этой связи представляет интерес проведение корректного разграничения законного обхода налогов и налогового планирования.

Сложность разграничения указанных понятий многократно подчеркивалась представителями различных направлений доктрины налогового права. Отсутствие единого подхода в научной среде привело к тому, что часть авторов отождествляет законный обход налогов с налоговым планированием и рассматривает первый в качестве непосредственной цели второго [4, стр. 84].

Однако в современной научной доктрине преобладает иное понимание: большинство исследователей разделяют налоговое планирование и обход налогов, подчеркивая, что первое представляет собой модель «активного» поведения налогоплательщика, выражающуюся в предварительном конструировании и оптимизации налоговых обязательств, тогда как законный обход налогообложения по своей природе носит пассивный характер и заключается в использовании заранее предусмотренных законодателем льгот и режимов, не требующих специальной налоговой стратегии [5].

Вместе с тем, с данным подходом трудно согласиться, поскольку законный обход налогов нередко также сопровождается последовательными действиями налогоплательщика: заранее планируемым выбором режима налогообложения, структурированием хозяйственных операций, обоснованным использованием льгот и налоговых режимов, что приближает его по «активному» характеру к моделям налогового планирования, а не противопоставляет его как чисто пассивное поведение.

Автор же разделяет точку зрения научного большинства о необходимости концептуального разграничения налогового планирования и законного обхода налогов, однако не поддерживает выбор критерия, по которому это разделение должно происходить.

По мнению автора, налоговое планирование следует рассматривать как направленную совокупность действий, целью которых является законное уменьшение налогового бремени налогоплательщика. Хозяйствующий субъект в рамках налогового планирования заранее разрабатывает программу использования налоговых преференций и оптимизации налоговых обязательств с целью системного снижения итоговой налоговой нагрузки, что отличает данное явление от более узких и ситуативных форм обхода налогов.

Обход же налогов чаще всего применяется в рамках конкретного факта хозяйственной жизни и не представляет из себя определенного комплекса мер. Исходя из этого, законный обход налогов сложно назвать планируемой деятельностью налогоплательщика.

Полная уплата налога, в свою очередь, предполагает точное и корректное исчисление налогового обязательства без применения каких-либо налоговых льгот и вычетов, даже если их использование является законным и обоснованным в рамках действующего законодательства о налогах и сборах.

Таким образом, проанализировав существующие в научной доктрине подходы к определению налогового планирования и отграничив его от смежных моделей поведения налогоплатель-

щика, можно разработать авторское определения данного термина, в большей степени соответствующего современным задачам налогового планирования и практики его применения.

По мнению автора, налоговое планирование представляет собой модель правомерного поведения налогоплательщика, заключающуюся в заблаговременной разработке и системном применении законных способов снижения налоговой нагрузки на всех этапах хозяйственной деятельности предприятия с целью общего уменьшения финансовой нагрузки хозяйствующего субъекта.

В отличие от определений, рассмотренных выше, авторский подход подчеркивает сущность налогового планирования именно как модели правомерного поведения налогоплательщика в рамках действующего законодательства. Кроме того, акцентируется внимание на направленности налогового планирования на снижение совокупного налогового бремени не как самоцели, а как инструмента обеспечения финансовой самодостаточности и устойчивости хозяйствующего субъекта в долгосрочной перспективе.

Литература

1. "Уголовный кодекс Российской Федерации" от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 20.02.2026) // "Собрание законодательства РФ", 17.06.1996, N 25, ст. 2954 — Ст. 198, 199 – Текст : электронный.
2. "Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая)" от 31.07.1998 N 146-ФЗ (ред. от 11.02.2026) // "Российская газета", N 148-149, 06.08.1998 — Ст. 122 – Текст : электронный.
3. Вылкова Е. С. Налоговое планирование : учебник / Е. С. Вылкова. – Москва : Юрайт, 2011. – 440 с. – Текст : непосредственный.
4. Евстигнеев Е. Н. Налоги и налогообложение : учеб. пособие / Е. Н. Евстигнеев. – СПб. : Питер, 2009. – 320 с. – Текст : непосредственный.
5. Жемчужникова И. В. Налоговая оптимизация в контексте теории налогообложения // Вестник РГЭУ (РИНХ). – 2009. – № 28. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/nalogovaya-optimizatsiya-v-kontekste-teorii-nalogooblozheniya (дата обращения: 15.04.2026). – Текст : электронный.
6. Короева М. Р. Налоговое планирование в государственных и муниципальных учреждениях образования // Финансовый журнал. – 2013. – № 4. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/nalogovoe-planirovanie-v-gosudarstvennyh-i-munitsipalnyh-uchrezhdeniyah-obrazovaniya (дата обращения: 15.04.2026). – Текст : электронный.
7. Налоговое право: учебник для вузов / под ред. С. Г. Пепеляева. — М.: Пепеляев Групп, 2020. — 796 с.
8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.11.2019 N 48 "О практике применения судами законодательства об ответственности за налоговые преступления"// "Бюллетень Верховного Суда РФ", N 1, январь.
9. Федечкина, Д.Ю. Налоговое планирование в коммерческих организациях: специальность 08.00.10 : диссертация на соискание ученой степени кандидата экономических наук : / Федечкина Дарья Юрьевна.; Сарат. гос. соц.-эконом. ун-т. - Саратов, 2007. 160 с.
10. Inland Revenue Comrs v Duke of Westminster UKHL 4 (7 May 1935) // United Kingdom House of Lords Decisions. URL: https://www.bailii.org/uk/cases/UKHL/1935/4.html (дата обращения: 15.04.2026). – Текст : электронный.

On the issue of the concept of "tax planning"

Kuznetsov A.A.

This article discusses approaches to the definition of the "concept of tax planning" in the current Russian scientific doctrine. During the review, the author comes to the conclusion that there is no unified approach to understanding this institution, and therefore, through the differentiation of tax planning from other models of taxpayer behavior (both legal and illegal). As a result, the author's definition of tax planning as a model of taxpayer behavior was proposed, combining the features identified in the current scientific doctrine.

Keywords: tax planning, tax evasion, tax dodge, legislation on taxes and fees, unjustified tax benefit.

References

1. "Criminal Code of the Russian Federation" of 13.06.1996 N 63-FZ (as amended on 20.02.2026) // "Collection of Legislation of the Russian Federation", 17.06.1996, N 25, Art. 2954 — Art. 198, 199 – Text: electronic.
2. "Tax Code of the Russian Federation (Part One)" of 31.07.1998 N 146-FZ (as amended on 11.02.2026) // "Rossiyskaya Gazeta", N 148-149, 06.08.1998 — Art. 122 – Text: electronic.
3. Vylkova E. S. Tax Planning: textbook / E. S. Vylkova. - Moscow: Yurait, 2011. - 440 p. – Text : direct.
4. Evstigneev E. N. Taxes and taxation : textbook / E. N. Evstigneev. – SPb. : Piter, 2009. – 320 p. – Text : direct.
5. Zhemchuzhnikova I. V. Tax optimization in the context of taxation theory // Bulletin of the Russian State University of Economics (RINH). – 2009. – No. 28. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/nalogovaya-optimizatsiya-v-kontekste-teorii-nalogooblozheniya (date of access: 15.04.2026). – Text : electronic.
6. Koroeva M. R. Tax planning in state and municipal educational institutions // Financial journal. – 2013. – No. 4. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/nalogovoe-planirovanie-v-gosudarstvennyh-i-munitsipalnyh-uchrezhdeniyah-obrazovaniya (date of access: 15.04.2026). – Text: electronic.
7. Tax law: textbook for universities / edited by S. G. Pepeliaev. - Moscow: Pepeliaev Group, 2020. - 796 p.
8. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of November 26, 2019 N 48 "On the practice of applying the legislation on liability for tax crimes by the courts" // "Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation", N 1, January.
9. Fedechkina, D.Yu. Tax planning in commercial organizations: specialty 08.00.10: dissertation for the degree of candidate of economic sciences: / Fedechkina Daria Yurievna.; Saratov state social-economic university. - Saratov, 2007. 160 p.
10. Inland Revenue Comrs v Duke of Westminster UKHL 4 (7 May 1935) // United Kingdom House of Lords Decisions. URL: https://www.bailii.org/uk/cases/UKHL/1935/4.html (date of access: 15.04.2026). – Text: electronic.